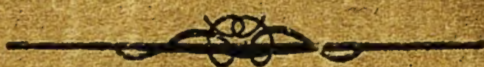
К. ЛЕОНТЬЕВЪ



СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ



Изданіе В. САБЛИНА.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. ЛЕОНТЬЕВА.

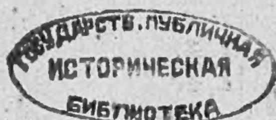
ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Изданіе Русскаго Книжнаго Т-ва „Дѣятель“.

К. Леонтьевъ.

ВОСТОКЪ, РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО.

С.-Петербургъ.—1913.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧ. ГРАФИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА, БР. ЛУКШЕВИЦЪ.
5-я Рождественская ул. № 44.

Для избѣжанія повтореній о составѣ настоящаго тома отсылаемъ читателей къ авторскому и редакторскому предисловіямъ въ 5-мъ томѣ нашего изданія. Считаемъ необходимымъ только отмѣтить, что *впервые* здѣсь печатаются съ рукописи слѣдующія статьи автора: послѣднія 4 главы (XI—XIV) Записокъ отшельника „*Владиміръ Соловьевъ противъ Данилевскаго*" (стр. 360), „*Записка о необходимости новой большой газеты въ С.-Петербургѣ*" (стр. 497), „*Московскія Вѣдомости о двоевластіи*" (стр. 518) и „*Отрывки*" (стр. 531).

Ред.

„Не всякая *реакція* враждебна прогрессу въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ замѣтилъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ критиковъ современной европейской литературы, котораго никто не заподозритъ въ равнодушіи къ прогрессу *): реакція сама по себѣ вовсе не совпадаетъ съ понятіемъ регресса,—напротивъ, *всякая реакція, которая исправляетъ современное представленіе о прогрессѣ и дополняетъ его, является новымъ элементомъ прогресса*".

(*Вл. Герье*: „Народность и прогрессъ").

Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь!
Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они пошлѣе!
Цивилизація—для нихъ фетишъ,
Но не доступна имъ ея идея **);
Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не *слуги* просвѣщенья, а *холопы!*

Ѳ. Тютчевъ.

---

*) *Брандесъ?*

**) *Разнообразіе* и *сила* личнаго національнаго развитія. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ и Дж. Ст. Милль.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГРАМОТНОСТЬ и НАРОДНОСТЬ.

(„Заря“ 1870 года).

I.

Много мы читали и слышали о безграмотности русскаго народа и о томъ, что Россія есть страна, гдѣ *„варварство вооружено всѣми средствами цивилизаціи“*. Когда это пишутъ и говорятъ англичане, французы и нѣмцы, мы остаемся равнодушными или радуемся тому внутреннему ужасу за дальнее будущее Запада, который слышится подъ этими затверженными безъ смысла строками.

Къ несчастію, подобное неосмысленное понятіе о Россіи и русскихъ существуетъ и у тѣхъ народовъ, которыхъ связываютъ съ нами племенная близость, или вѣра и политическая исторія. Случай заставилъ меня довольно долго прожить на Дунаѣ. Жизнь на берегахъ Дуная очень поучительна. Не говоря уже о близости такихъ крупныхъ національныхъ и политическихъ единицъ, какъ Австрія, Россія, Турція, Сербія, Молдавія и Валахія, — посѣщеніе одной такой области, какъ Добруджа, не можетъ пройти безслѣдно для внимательнаго человѣка.

Въ этой турецкой провинціи живутъ подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ, на одной и той же почвѣ, подъ однимъ и тѣмъ же небомъ: турки, татары, черкесы, молдаване, болгары, греки, цыгане, евреи, нѣмецкіе колонисты и *русскіе нѣскольких родовъ*: православные малороссы (удалившіеся сюда отчасти изъ Сѣчи Запорожской, отчасти позднѣе во времена крѣпостного права), великороссы-старообрядцы (липоване), великороссы-молоканы и православные великороссы. Если прибавить сюда и берега Молдавіи, которые такъ близки — Измаилъ, Галацъ, Вилково и т. д., то этнографическая картина станетъ еще богаче, и въ молдавскихъ го-

родахъ, сверхъ вышеисчисленныхъ русскихъ иновѣрцевъ, найдемъ еще и скопцовъ въ большомъ количествѣ. Между извозчиками, напримѣръ, которые въ фаэтонахъ возятъ по Галацу, очень много скопцовъ. То же самое, какъ слышно, было до послѣдняго времени въ Яссахъ и Бухарестѣ.

Систематическое, сравнительное изученіе быта племенъ, населяющихъ берега нижняго Дуная, могло бы дать, я увѣренъ, замѣчательные результаты. Обстоятельства не позволили мнѣ этого сдѣлать, но я уже доволенъ и тѣмъ, что сама жизнь дала мнѣ безъ внимательнаго и правильнаго изслѣдованія. Я дорожу особенно двумя добытыми результатами: живымъ нагляднымъ знакомствомъ съ русскимъ простолюдиномъ, *перенесеннымъ на чужую почву*, и еще знакомствомъ *со взглядами нашихъ политическихъ друзей на насъ и на нашъ народъ* *).

Одинъ аѳинскій грекъ, весьма способный, образованный и занимавшій въ теченіе своей жизни должности не совсѣмъ ничтожныя, извѣстный, сверхъ того, какъ человѣкъ русской партіи, вступилъ однажды со мной въ разговоръ о нашей родинѣ вообще.

Онъ горячо жаловался на то, что „Россія велика, да не сердита“, ставилъ въ примѣръ намъ свою маленькую Грецію, которая схватывается съ огромной Турціей. (Этотъ разговоръ происходилъ въ 1868 году еще до несчастнаго исхода Крит-

---

*) Въ 68 году я имѣлъ еще право называть грековъ „нашими политическими друзьями“. Это было, можетъ быть, лучшее время въ исторіи новѣйшихъ сношеній нашихъ съ греками (этими главными и самыми сильными представителями Православія на Востокѣ). Въ то время еще не кончилось геройское возстаніе критянъ, и бракъ Короля Георгія съ Русской Великой Княжною считался тогда наилучшимъ выраженіемъ вѣковыхъ греко-россійскихъ симпатій и залогомъ крѣпкаго союза въ будущемъ. Легкомысленная демагогія аѳинскихъ политиковъ съ одной стороны, а съ другой—простодушное потворство нашего общества болгарскому либеральному и *анти-церковному* движенію—испортили все дѣло, если не въ конецъ, то надолго. Правда—рано или поздно мы и безъ того столкнулись бы съ греками за обладаніе Босфоромъ. Но тутъ *есть изъ - за чего! Царьградъ и вольности болгарской буржуазіи*—развѣ можно это равнять?

скихъ дѣлъ). Я защищалъ умѣренную русскую политику, доказывалъ ему, что самое безсиліе Греціи есть въ извѣстномъ смыслѣ сила и что всякое несвоевременное движеніе наше ввергло бы и грековъ въ неисчислимыя бѣдствія. Онъ все стоялъ на своемъ и приписывалъ умѣренность нашей политики *необразованности нашего народа.* „Оттого,—говорилъ онъ,—Россія и не сердита, что народъ пробудить трудно на жертвы въ пользу идеи... *Подите, пробудите русскаго мужика!*"

Я не стану излагать здѣсь своихъ возраженій, скажу только, что онъ измѣнилъ потомъ свои взгляды и, уѣзжая въ Аѳины, благодарилъ меня за то, что я открылъ ему много, чего онъ и не подозрѣвалъ въ Россіи.

Немного погодя, послѣ первой моей бесѣды съ этимъ *весьма просвѣщеннымъ* грекомъ, я шелъ вечеромъ въ Галацѣ по площади, которая прилегаетъ прямо къ набережной Дуная. У самаго берега этого стоятъ постоянно, по договору, небольшія военныя суда великихъ державъ. Они всѣ стоятъ подъ-рядъ; но экипажи живутъ особнякомъ, и каждый по своему. Поютъ матросы на всѣхъ судахъ, но чаще и лучше всѣхъ поютъ хоромъ наши.

Каждый вечеръ они поютъ то церковные стихи, то народныя грустныя пѣсни, то удалыя солдатскія. На берегу около канонерской лодки „Чатыръ-Дагъ"—всегда въ это время собирается народъ послушать русскихъ. Сидѣлъ и я долго на камнѣ и слушалъ.

Совсѣмъ было уже темно, когда я удалился; передо мной шли разговаривая *два грека, простые матросы съ купеческихъ судовъ.*

— Хорошо поютъ русскіе!—сказалъ одинъ.

— Только поютъ!—отвѣчалъ другой.

— Погоди, *проснутся и они,*—возразилъ первый.

— Дожидайся, чтобы они *проснулись!*...

Съ этими словами греки вошли въ переулокъ, а я пошелъ въ другую сторону и, когда вспомнилъ слова моего аѳинскаго друга, столь сходныя со словами матросовъ, мнѣ стало больно не за русскихъ и за ихъ безграмотную простоту, а за грековъ и за ихъ грамотное незнаніе. Я грековъ люблю и мнѣ жаль,

что они, влачась во всѣхъ понятіяхъ за политически ненавистной имъ Европой, просмотрятъ и проглядятъ сами великую, назрѣвающую славяно-русскую культуру, которая одна только въ силахъ обновить исторію.

Спустя нѣсколько времени, мнѣ случилось быть въ Измаилѣ и гулять по бульвару, на которомъ *еще цѣлы* полосатые *русскіе столбы* подъ фонарями.

Въ Измаилѣ все еще пахнетъ Россіей: пролетки и телѣги съ дугами, рубашки на выпускъ (также какъ и въ Тульчѣ), бюрократически-правильные бульвары, гостиный дворъ, въ которомъ продаютъ и теперь русскіе купцы даже и *кумачъ красный*... Посреди площади стоитъ около бульвара соборъ, выстроенный по плану, сходному съ планомъ калужскаго и другихъ губернскихъ соборовъ новѣйшей казенной постройки.

Въ соборѣ половина службы идетъ по-русски, а половина по-румынски; на колокольнѣ соборной звучатъ густые русскіе колокола...

Многіе изъ румынъ и грековъ, живущихъ въ Измаилѣ, говорятъ по русски...

О русскомъ управленіи многіе сохранили здѣсь недурную память...

Итакъ, я гулялъ на бульварѣ; со мной ходило двое молодыхъ людей; одинъ былъ грекъ полу-русскаго воспитанія; другой—молдаванъ полу-французскаго воспитанія.

Не помню, который изъ нихъ началъ сравнивать Тульчу съ Измаиломъ и, вѣроятно, желая угодить моему русскому чувству, сказалъ:

— Конечно, на каждомъ шагу видно, что Измаилъ былъ въ рукахъ просвѣщенной націи, а Тульча—турецкій городъ. Здѣсь *прямыя* улицы, бульваръ *правильный*... и т. д.

Я отвѣчалъ ему на это:—Тульча нисколько не похожа на турецкій городъ и это очень жаль; турецкіе города крайне живописны; Тульча похожа на новороссійскій уѣздный городокъ, безпорядочно построенный *самимъ народомъ*; и этимъ она, пожалуй,—лучше Измаила, въ которомъ Россія являлась не столько народными, сколько полу-европейскими своими сторонами. Нѣтъ спора,—я самъ выросъ въ губернскомъ го-

родѣ, и видъ Измаила какъ нельзя болѣе близокъ душѣ моей, —но это не мѣшаетъ мнѣ желать, чтобы русское начальство, когда ему впредь придется украшать или строить города, менѣе бы увлекалось геометрическими вкусами новѣйшей Европы.

Молодые единовѣрцы наши, видимо, не поняли меня и возражали совсѣмъ не на то.

Такимъ образомъ завязался разговоръ, который кончился такъ:

— Сознайтесь,—сказалъ я молдавану,—что душѣ вашей ближе французы, чѣмъ русскіе; вы цѣните больше французскій умъ и характеръ, чѣмъ нашъ; я не говорю о политическихъ отношеніяхъ... Это совсѣмъ другое...

Молдаванъ отвѣчалъ мнѣ на это искренно:

— Я сознаюсь вамъ, что я простолюдина французскаго ставлю выше русскаго мужика; но русскаго, равнаго образованіемъ съ французомъ, я цѣню и люблю больше и француза, и англичанина, и всякаго другого европейца!..

Я тогда спросилъ у него: кто ему больше нравится,—русскій ли учитель или молодой чиновникъ новаго поколѣнія, честный, скромный, трудолюбивый, но безличный, живущій послѣдними модными мыслями запада; человѣкъ, котораго по образу жизни, по манерамъ, по разговору, одеждѣ, симпатіямъ, можно отнести къ буржуазіи всякаго народа,—*или же*...

Тутъ я указалъ молдавану на одного придунайскаго старообрядца, старца въ высшей степени замѣчательнаго по личному своеобразному характеру своему, по политическому вліянію и, наконецъ, потому, что, вращаясь во всѣхъ возможныхъ слояхъ общества, вступая въ теченіе долгой своей жизни въ сношенія съ людьми высшаго круга различныхъ націй, онъ остался вѣренъ своему русскому старообрядчеству во всемъ, начиная отъ рубашки на выпускъ и кончая отреченіемъ отъ табаку и чая.

Молдаванъ сказалъ, что онъ, конечно, предпочитаетъ перваго русскаго второму.

— Послѣ этого разговоръ между нами невозможенъ, — отвѣчалъ я. Чтобы вы могли понять меня, вамъ надо *забыть*

все, что вы знали, и слушать меня долго и часто, увлекаясь не желаніемъ переспорить, а жаждой понять...

Молодые люди молча подивились моимъ претензіямъ и мы разстались.

Я разсказалъ о грекахъ и молдаванахъ; я могъ бы разсказать тоже о болгарахъ и, вѣроятно, о сербахъ, которыхъ, впрочемъ, я знаю меньше.

Всѣ единоплеменники и единовѣрцы наши цѣнятъ насъ настолько, насколько мы европейцы: имъ и въ голову не приходитъ цѣнить въ насъ *то*, что въ насъ собственно русское.

Тѣ изъ нихъ, которые расположены политически къ намъ, цѣнятъ въ насъ: во 1-хъ, православное или славянское государство съ милліономъ штыковъ; во 2-хъ, по европейски воспитанныхъ свѣтскихъ людей, которые шириной своей образованности, по словамъ самихъ европейцевъ, превосходятъ многихъ; въ 3-хъ, наши военныя способности; въ 4-хъ, они цѣнятъ чрезвычайно высоко, въ одинъ голосъ съ европейцами, наши дипломатическія способности и дальновидную глубину нашей политики. (Правы ли они или нѣтъ, не знаю!).

Наконецъ, они признаютъ все „свободолюбіе“ и всю серьезность реформъ, предпринятыхъ нынѣшнимъ правительствомъ нашимъ.

Но что такое нашъ народъ? Что такое эта *масса*, этотъ океанъ, который они считаютъ безгласнымъ и безсмысленнымъ, потому что онъ чуждъ мелочнымъ и сухимъ демагогическимъ движеніямъ? Этого они не знаютъ и не могутъ узнать, пока *мы сами* еще немногимъ въ этомъ отношеніи стоимъ выше ихъ.

Нѣкоторые изъ славянъ и грековъ, съ которыми я говорилъ объ этихъ предметахъ, считали меня какимъ-то демократомъ; имъ это простительно, но какъ простить русскихъ, которые до сихъ поръ не понимаютъ, что здѣсь дѣло о *народномъ*, а не *просто*-народномъ.

Будь наше высшее общество своеобразнѣе нашего народа, надо было бы предпочесть его духъ, его образцы, его обычаи, его идеалы, а не простонародные.

Такіе примѣры есть въ исторіи. Парижанинъ *болѣе француз*, чѣмъ хлѣбопашецъ французскій. У хлѣбопашца французскаго серьезнаго, тяжелаго, упорнаго въ земельномъ трудѣ, больше сходства съ нѣмецкимъ хлѣбопашцемъ, чѣмъ у парижскаго франта и демагога съ нѣмецкимъ ученымъ (особенно прежнихъ временъ).

Лордъ англійскій (особенно прежній лордъ) какъ физіономія, какъ типъ, какъ характеръ, быть можетъ, болѣе олицетворялъ собою Англію, чѣмъ англійскій матросъ; или, по крайней мѣрѣ, столько же.

У насъ вышло наоборотъ. Это чувствуется всѣми.

Во время послѣдней восточной войны, въ одномъ изъ итальянскихъ городовъ, на карнавалѣ, выѣхала на площадь колесница съ комической группой, изображавшей борцовъ Восточнаго вопроса: турокъ былъ въ классической своей одеждѣ англичанинъ, кажется, изображенъ былъ въ видѣ матроса; французъ (это я помню навѣрное) въ видѣ парижскаго франта, а „русскій въ видѣ *мужика*“.

Такъ писали тогда въ газетахъ.

II.

Изъ всѣхъ расположенныхъ къ намъ политически единоплеменниковъ и единовѣрцевъ нашихъ—чехи, мнѣ кажется, скорѣй другихъ могли бы понять и оцѣнить Россію съ той точки зрѣнія, на которую я лишь намекнулъ въ первой нашей главѣ.

Они это могутъ именно вслѣдствіе большей своей образованности, вслѣдствіе большаго *пресыщенія* западничествомъ. Европейская образованность другихъ политическихъ друзей нашихъ еще слишкомъ зелена, чтобы они были въ силахъ пресытиться однообразнымъ идеаломъ западной культуры. Они еще parvenus европеизма и не въ силахъ еще даже и теоретически подняться надъ нимъ...

Повторяю, это имъ извинительно; въ этомъ виноваты много и мы сами.

Къ несчастію, и между чехами много есть людей *пропитан-*

ныхъ, но не *пресыщенныхъ* европеизмомъ. Это видно по печатнымъ мнѣніямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Къ тому же западная публицистика, упоенная вещественной силою совокупно взятаго Запада, его механическими открытіями и распространеніемъ въ немъ мелкаго знанія (въ ущербъ высшему творчеству духа), поетъ диѳирамбъ сама себѣ и своей мѣщанской почвѣ, не подозрѣвая, что *душа убываетъ* вокругъ нея, не замѣчая, что геній жизни съ грустью собирается угасить свой факелъ...

Западная мысль поетъ на старые (когда-то юные) мотивы диѳирамбы Западу и съ презрѣніемъ относится къ нашему народу.

Славяне слушаютъ это, и мысль ихъ колеблется...

Еще не такъ давно въ одной изъ столькихъ враждебныхъ намъ газетъ былъ представленъ краткій отчетъ состоянія грамотности въ русской арміи. Отчетъ этотъ былъ взятъ иностраннымъ писателемъ изъ нашихъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и заключалъ въ себѣ слѣдующее обращеніе къ чехамъ: „Самъ г. Катковъ сообщаетъ въ своей газетѣ, что грамотныхъ солдатъ въ русской арміи *5* на *сто* *)! Что можетъ быть общаго у чеховъ, столь ученыхъ, столь образованныхъ и т. д. съ русскими? Чехи говорятъ, что они въ Россіи ищутъ лишь *умственнаго вождя*... Намъ кажется, что первое необходимое качество путеводителя есть способность ясно видѣть. Dans le royaume des aveugles les borgnes sont rois и т. д“.

Иностранный порицатель нашей безграмотности указываетъ на *самого* г. Каткова, т.-е. на одного изъ самыхъ знаменитыхъ и вліятельныхъ русскихъ патріотовъ...

Не знаю, что̀ отвѣтилъ бы г. Катковъ на это, если бы онъ обратилъ вниманіе на эту замѣтку. Можетъ быть и онъ, и многіе другіе находятъ лучшимъ отвѣчать презрительнымъ молчаніемъ на всѣ подобныя нападки. Русскіе привыкли къ нимъ; но я думаю, что не всегда эта метода хороша: молчаніе можетъ быть приписано смущенію передъ горькою правдой.

---

*) Навѣрное цыфры не помню.

Я же нахожу, что эта правда не горька. Да! Въ Россіи еще много безграмотныхъ людей, въ Россіи много еще того, что зовутъ „варварствомъ“. *И это наше счастье, а не горе.* Не ужасайтесь, прошу васъ;—я хочу сказать только, что нашъ безграмотный народъ болѣе чѣмъ мы хранитель народной физіономіи, безъ которой не можетъ создаться своеобразная цивилизація.

Я не хочу сказать, что народъ нашъ совсѣмъ не надо учить грамотѣ, что его не слѣдуетъ просвѣщать;—я скажу только: наше счастье въ томъ, что мы находимся „im Werden“, а не стоимъ *на* вершинѣ, какъ Англія, у вершины, какъ нѣмцы и, тѣмъ болѣе, не начали еще спускаться внизъ, какъ французы.

Герценъ вначалѣ выражалъ какія-то надежды на будущее французскаго работника; и въ этомъ, какъ и во многомъ, онъ ошибался. Не разъ уже было замѣчено, что французскій работникъ портится и пошлѣетъ, когда онъ дѣлается зажиточнымъ буржуа.

У самого Прудона вырвались слѣдующія слова: „la fortune loin d'urbaniser l'homme du peuple, ne sert le plus souvent qu'à mettre en relief sa grossiereté“ (La Guerre et la Paix т. I глава IV).

Итакъ, вообразимъ же себѣ, что самый, столь несбыточный во Франціи революціонный и соціальный идеалъ удался бы и пустилъ въ этой странѣ прочные корни; что крупная собственность была бы запрещена закономъ, какъ запрещены теперь рабство и убійство. Что же бы вышло? Обновилась ли бы народная физіономія француза? Ничуть;—она стерлась бы еще болѣе. Вмѣсто нѣсколькихъ сотенъ тысячъ богатыхъ буржуа, мы бы получили милліоновъ сорокъ мелкихъ буржуа. По роду занятій, по имени, по положенію общественному они были бы не буржуа; по уму, по нравамъ, по всему тому, что, помимо политическаго положенія, составляетъ сумму качествъ живого лица и зовется его духовной физіономіей или характеромъ,—они были бы буржуа.

Личность у людей, сила живого своеобразія была бы еще болѣе убита, чѣмъ теперь во Франціи.

Не таково положенiе наше!

Не обращаясь вспять, не упорствуя въ неподвижности, принимая все то, что обстоятельства вынуждаютъ насъ принять разумно, безъ торопливости деревенскаго „parvenu“, принимающаго мѣдь за золото, лишь бы мѣдь была въ модѣ у европейцевъ, мы можемъ, если поймемъ вполнѣ и сами себя и другихъ, не только сохранить свою народную физiономiю, но и довести ее до той степени самобытности и блеска, въ которой стояли поочередно, въ разныя историческiя эпохи, всѣ великiя нацiи прошедшаго.

Замѣчательно, что въ послѣднее десятилѣтiе всякiй шагъ, который мы дѣлали по пути *европеизма*, болѣе и болѣе приближалъ насъ къ нашему народному сознанiю. Безцвѣтная и безвкусная, но видимо полезная (за неимѣнiемъ другого) вода всеобщаго просвѣщенiя только подняла и укрѣпила русскiе всходы, поливая наши, намъ самимъ незнакомыя поля. Чтобы это было яснѣе, я обращусь къ примѣрамъ. Ихъ множество.

Крѣпостное состоянiе и крѣпостное право въ Россiи было, конечно, явленiе весьма своеобразное. (Худо ли оно, хорошо ли было, не о томъ здѣсь рѣчь). Во всей западной Европѣ уже не было ничего подобнаго ко второй половинѣ 19-го вѣка. Казалось бы, что, уничтожая крѣпостную зависимость нашихъ крестьянъ, мы приблизились къ Европѣ... Съ одной стороны—да; съ другой, напротивъ, отдалились. О нашей земской общинѣ до окончанiя Крымской войны никто не думалъ. Помѣщики и чиновники видѣли ее безсознательно, не думая о ней. Литераторы или вовсе не знали объ ней, или смѣялись надъ горстью славянофиловъ, „которые, Богъ знаетъ, о чемъ думаютъ и заботятся“. Полемика журналовъ отъ 56 года до нашего времени, труды коммиссiй по освобожденiю крестьянъ, уяснили вопросъ „общины“. Она стала краеугольнымъ камнемъ нашего земскаго и государственнаго быта.— Порицаютъ ее только немногiе, крайнiе „европеисты“, которые не вѣрятъ въ возможность иной цивилизацiи, кромѣ германо-романской; да тѣ землевладѣльцы, которые бы желали ввергнуть крестьянина въ нищету, чтобы онъ дешевле бралъ

за работу и зависѣлъ бы отъ ихъ воли, какъ зависитъ въ Англіи фабричный работникъ отъ произвола жестокаго и грубаго фабриканта.

Европейцы, чуя въ насъ для нихъ что-то невѣдомое, приходятъ въ ужасъ, при видѣ этого грознаго, какъ они говорятъ, „соединенія самодержавія съ коммунизмомъ“, который на западѣ *есть кровавая революція, а у насъ монархія и вѣра отцовъ*.

Другой примѣръ—нашъ нигилизмъ. Нигилисты хотѣли бы, между прочимъ, чтобы Россія была „plus européenne que l'Europe“. То, что дома Добролюбовъ, Писаревъ и другіе облекали ловко въ иносказательныя, то легкія, то серьезныя формы, Герценъ изъ-за ограды англійскаго „habeas corpus“ проповѣдывалъ на весь міръ.

Людямъ этимъ недоставало истиннаго понятія о національности; имъ не претилъ европеизмъ, если онъ только проявлялся въ революціонной формѣ.

Даже Герценъ, который гораздо выше по своему философскому воспитанію, чѣмъ были его доморощенные и молодые помощники (ибо онъ развился въ 40 годахъ), и тотъ долго восхвалялъ, напримѣръ, французскаго работника, тогда какъ *хорошему* русскому—видъ французскаго блузника съ его заученными сентенціями и дерзкими ухватками долженъ быть крайне противенъ и скученъ... Наконецъ и онъ, самъ Герценъ, разочаровался въ европейскомъ простолюдинѣ; онъ понялъ, что ему, этому рабочему, хочется стать *среднимъ буржуа* и *больше ничего*. Такой пошлости Герценъ, человѣкъ изящно воспитанный и глубокій—любить конечно не могъ, но наши „домашніе“ отрицатели изъ разночинцевъ не были разборчивы.

Итакъ, что же могло быть опаснѣе подобнаго космополитическаго направленія для нашей народной физіогноміи?

И что-жъ? Въ то время, когда въ Петербургѣ издатели „Современника“ восхищали страстную, но оторванную отъ народной почвы молодежь и изумляли даже весьма умныхъ провинціаловъ, которые не могли постичь, за что они все

бранятъ и чего имъ хочется; въ то время, когда кроткій Михайловъ печаталъ свои кровавыя прокламаціи, совѣтуя въ нихъ идти дальше французовъ временъ террора, и Бога звалъ „мечтой", въ Москвѣ являлись „Парусъ", „День" и „Русская Бесѣда".—Славянофилы изъ „старинныхъ" мечтателей обратились въ людей-утѣшителей, въ людей „положительнаго идеала" посреди этой всеобщей моды отрицанія.

Славянофилы явились на защиту „народной святыни", на защиту церкви, общины, народныхъ нравовъ и преданій. И множество людей помирились съ ихъ *мечтами* за нѣкоторые практическіе ихъ выводы.

Въ то же время Кохановская печатала свои прекрасныя и пламенныя повѣсти; въ нихъ съ неслыханной дотолѣ у насъ смѣлостью и жаромъ изображались старинные русскіе нравы и не столько нравы простолюдина, сколько нравы деревенскихъ дворянъ, по многому, однако, близкихъ къ національной почвѣ. Не былъ при этомъ забытъ и простолюдинъ. Повѣсть: „Кирило Петровъ и Настасія Дмитріева" (мѣщанинъ и мѣщанка) на вѣки украсила нашу словесность.

Въ этихъ повѣстяхъ „европеизмъ" только выносился мѣстами; ненависть къ нему и дышала между строчками, и выражалась явно.

Въ самомъ Петербургѣ началъ тогда же выходить журналъ „Время", который шелъ въ упоръ „Современнику". Въ немъ, пожалуй, положительное направленіе было еще шире, чѣмъ у славянофиловъ; въ немъ участвовалъ критикъ, до сихъ поръ у насъ не оцѣненный какъ слѣдуетъ, Аполлонъ Григорьевъ. Придетъ время, конечно, когда поймутъ, что мы должны гордиться имъ болѣе, чѣмъ Бѣлинскимъ, ибо если бы перевести Григорьева на одинъ изъ западныхъ языковъ и перевести Бѣлинскаго, то, безъ сомнѣнія, Григорьевъ иностранцамъ показался бы *болѣе русскимъ*, нежели Бѣлинскій, который былъ ничто иное, какъ талантливый прилагатель европейскихъ идей къ нашей литературѣ.

Но „Время", хотя имѣло большой успѣхъ, только постепенно уясняло свою задачу и скоро погубило себя одной

умно написанной, но безтактно напечатанной статьей *). Нигилизмъ „Современника“ побудилъ въ однихъ задремавшія воспоминанія о церкви, столь родной семейнымъ радостямъ дѣтства и молодости; въ другихъ чувство государственное; въ третьихъ ужасъ за семью и т. д. *Современникъ* и *нигилизмъ*, стремясь къ крайней всегражданственности, насильно возвращали насъ къ „почвѣ“.

Наконецъ поднялась буря въ Польшѣ; полагая, что Россія потрясена Крымскимъ пораженіемъ и крестьянскимъ переворотомъ, надѣясь на нигилистовъ и раскольниковъ, поляки хотѣли посягнуть на цѣлость нашего государства.

Недовольствуясь мечтой о свободѣ собственно польской земли, они надѣялись вырвать у насъ Бѣлоруссію и Украйну... Вы знаете, что было! Вы знаете, какой гнѣвъ, какой крикъ негодованія пронесся по всей Россіи при чтеніи нотъ нашихъ непрошенныхъ наставниковъ... Какой восторгъ привѣтствовалъ отвѣты князя Горчакова и адресы Царю со всѣхъ концовъ Державы.

Съ тѣхъ поръ всѣ стали *нѣсколько* болѣе славянофилы...

---

*) Во „Времени“ же была разъ высказана мысль, что Бѣлинскій, если бы дожилъ до нашей эпохи, то бросилъ бы ту плоскую положительность, которой онъ сталъ было покланяться послѣднее время, и сдѣлался бы славянофиломъ. Мнѣ замѣчаніе это кажется вѣрнымъ. Какъ бы ни былъ уменъ и даже геніаленъ мыслитель, онъ очень часто не предвидитъ крайнихъ послѣдствій того ученія, которому онъ служитъ; я тоже думаю, что такой пламенный эстетикъ, каковымъ былъ Бѣлинскій, обратился бы къ московскому духу при первомъ появленіи Добролюбова и Писарева. Все это такъ, но этого не случилось; Бѣлинскій, такъ же какъ и Григорьевъ, скончался не въ года упадка, а въ полной силѣ развитія ума и таланта. Поэтому *послѣднее слово* ихъ особенно важно для опредѣленія ихъ исторической роли. Послѣднее слово Бѣлинскаго было: *крайній европеизмъ* и *положительность*. Таковъ онъ былъ въ статьяхъ „Современника“ и особенно въ отвратительномъ письмѣ своемъ къ Гоголю, съ которымъ знакома вся Россія. Послѣднее слово Апол. Григорьева было, напротивъ, *народность* и *своеобразіе русской жизни*. Незадолго до смерти своей, въ маленькой газеткѣ „Якорь“, не имѣвшей успѣха (какъ и слѣдовало ожидать по національной незрѣлости нашей публики), онъ хотѣлъ развивать такую мысль: „Все, что прекрасно въ книгѣ, прекрасно и въ жизни, и прекраснаго въ жизни не надо уничтожать;“ въ частности онъ приложилъ эту мысль къ защитѣ юродивыхъ, столь поэтичныхъ въ точныхъ и реальныхъ описаніяхъ нашихъ романистовъ, но имѣлъ въ виду развить ее и шире.

Ученье это „въ *раздробленномъ видѣ*" пріобрѣло себѣ больше прежняго поклонниковъ. И если въ наше время трудно найти славянофиловъ совершенно строгихъ и полныхъ, то и *грубыхъ европеистовъ* стало все-таки меньше, я думаю...

Вотъ къ чему привела у насъ общечеловѣческая демагогія...

Еще два примѣра. Земскія учрежденія наши въ частности сами по себѣ довольно своеобразны; но все-таки общая идея ихъ была къ намъ занесена съ Запада и вызвана освобожденіемъ крестьянъ. Это приложеніе западной идеи къ нашей жизни сблизило наше просвѣщенное сословіе съ простымъ народомъ: дворянство, оторванное отъ него эмансипаціей, сошлось съ нимъ опять на основаніяхъ болѣе гуманныхъ. Волей-неволей, встрѣчаясь съ крестьянами въ собраніяхъ, оно должно стать болѣе русскимъ не только по государственному патріотизму (въ чемъ не было никогда у насъ недостатка) но и вообще по духу и, Богъ дастъ, по бытовымъ формамъ... *).

---

*) *Примѣчаніе 1885 года.*

Я напоминаю еще разъ, что писалъ эту статью заграницей, въ 68-мъ году и въ Россію вернулся только въ 74-мъ. Во многомъ мнѣ на родинѣ пришлось разочароваться; я воображалъ, что „свобода" дастъ намъ больше того *своеобразія*, о которомъ я мечталъ.—Но увы! я слишкомъ скоро убѣдился, что хотя *прежнія Правительственныя системы наши со временъ Петра I-го и вносили въ нашу жизнь слишкомъ много европейскаго*, но все-таки и съ этой стороны взятое,—государственное начало въ Россіи оказалось *самобытнѣе свободно-общественнаго*.

Общество русское истекшаго 25-лѣтія вездѣ, гдѣ только ему давали волю, ничего самобытнаго и созидающаго не сумѣло выдумать.—Ни въ земствѣ, ни въ судахъ, ни даже въ печати!.. „Гнилой Западъ" (*да!—гнилой!*) такъ и брызжетъ, такъ и смердитъ отовсюду, гдѣ только „интеллигенція" наша пробовала воцаряться!—Быть можетъ „Земству" и предстоитъ будущность и даже многозначительная, но это возможно, мнѣ кажется, только при двухъ условіяхъ: во 1-хъ, чтобы распредѣленіе поземельной собственности приняло болѣе органическій (т. е. *принудительный*) видъ, чтобы съ одной стороны крестьянская (общинная) земля стала бы на вѣки *неотчуждаемою* и никогда на *личные* участки недробимою;—а съ другой, чтобы и дворянское (личное) землевладѣніе приняло бы тоже, при понуждающемъ дѣйствіи законовъ, болѣе *родовую и сословную форму*, т. е. чтобы *отчужденіе* изъ *предѣловъ рода и сословія* тоже все болѣе и болѣе затруднялось. Во 2-хъ, нужно, чтобы церковныя школы исподволь совершенно бы вытѣснили либерально-земскія.

Суды наши уже, конечно, вовсе не своеобразны; они заимствованы цѣликомъ. Но въ судахъ являются люди всѣхъ сословій и странъ нашей великой отчизны, всякаго воспитанія; въ нихъ разсматриваются и судятся всевозможныя страсти, преступленія, суевѣрія, и всякій согласится, что не всякое преступленіе низко и что многія суевѣрія трогательны и драгоцѣнны для народа.

Образованный классъ нашъ въ судахъ изучаетъ бытъ и страсти нашего народа. Онъ и здѣсь учится болѣе понимать родное, хотя бы въ грустныхъ его проявленіяхъ.

Вотъ любопытные образцы, взятые изъ газетъ:

1. Дѣло раскольника Куртина.

По словамъ Владимірскаго корреспондента газеты *Голосъ*, въ мѣстной уголовной палатѣ производилось дѣло о нѣкоемъ Куртинѣ, раскольникѣ Спасова согласія, *заклавшемъ родного сына своего въ жертву...* Спасово согласіе есть одинъ изъ толковъ безпоповщинскихъ и самыхъ крайнихъ. Онъ иначе называется *нѣтовщиною*, потому что раскольники этого толка учили и учатъ доселѣ, что нѣтъ нынѣ въ мірѣ ни православнаго священства, ни таинствъ, ни благодати и желающимъ содержать старую вѣру остается только прибѣгать къ Спасу, который самъ вѣдаетъ, какъ спасти насъ бѣдныхъ. Раскольнику Спасова согласія не остается, такимъ образомъ, ничего въ жизни; эта безнадежность приводитъ фанатиковъ часто къ самымъ ужаснымъ результатамъ. Вотъ содержаніе исторіи дѣтоубійства, совершеннаго Куртинымъ. Вязниковскаго уѣзда, деревни Слабодищъ, крестьянинъ спасовецъ Михаилъ Ѳедоровъ Куртинъ (57 лѣтъ) зарѣзалъ родного сына своего, 7-милѣтняго мальчика, Григорія, въ убѣжденіи, что это угодно Спасу. Подробности этого кроваваго процесса ужасны, но въ то же время очень естественны въ спасовцѣ. Вотъ какъ разсказывалъ самъ Куртинъ на судѣ о своемъ дѣтоубійствѣ: „Однажды ночью печаль моя о томъ, что всѣ люди должны погибнуть въ нынѣшнія времена, сдѣлалась такъ велика, что я не могъ уснуть ни на минуту и нѣсколько разъ вставалъ съ постели, затепливалъ свѣчи передъ иконами и молился со

слезами на колѣняхъ о своемъ спасенiи и спасенiи семейства своего. Тутъ мнѣ пришла на умъ мысль спасти сына своего отъ погибели вѣчной, и такъ какъ сынъ мой Григорiй, единственное дѣтище, былъ очень рѣзовъ, веселъ и смышленъ не по лѣтамъ, то я, боясь, чтобъ онъ послѣ смерти моей не развратился въ вѣрѣ и не погибъ на вѣкъ въ геенѣ вѣчной, рѣшился его зарѣзать. Съ этою мыслью я вышелъ на зарѣ въ заднiя ворота и сталъ молиться на восходъ, прося у Спаса знаменья, что если послѣ молитвы придетъ мнѣ снова мысль эта въ голову съ правой стороны, то я принесу сына въ жертву Богу, а если слѣва, то нѣтъ, потому что, по мнѣнiю нашему, помыслъ съ правой стороны есть мысль отъ ангела, а съ лѣвой—отъ дьявола. По окончанiи длинной молитвы помыселъ этотъ пришелъ съ правой стороны, и я съ веселiемъ въ душѣ возвратился въ избу, гдѣ сынъ мой спалъ вмѣстѣ съ женою моею на конникѣ (родъ широкой лавки). Опасаясь препятствiй со стороны жены, я нарочно разбудилъ ее и послалъ за овчинами въ дер. Перво, а самъ, оставшись съ сыномъ, сказалъ ему: „встань, Гришенька! Надѣнь бѣлую рубаху, я на тебя полюбуюсь“. Сынъ надѣлъ бѣлую рубаху и легъ на лавку въ переднiй уголъ. Куртинъ подложилъ ему его шубку въ головы и, заворотивъ вдругъ подолъ рубашки, нанесъ ему нѣсколько ударовъ ножемъ въ животъ. Мальчикъ затрепеталъ и началъ биться, такъ что постоянно натыкался на ножъ отца, отчего на животѣ его оказалось множество ранъ. Тогда отецъ, желая прекратить страданiя сына разомъ, распоролъ ему животъ сверху до-низу... Мальчикъ потерялъ силу сопротивляться, но не умеръ въ тотъ же моментъ. Заря, занявшаяся на востокѣ, свѣтила дѣтоубiйцѣ въ окно при совершенiи преступленiя; но когда сынъ былъ зарѣзанъ, то въ окнахъ вдругъ появились первые лучи восходящаго солнца и багровымъ свѣтомъ упали на лицо невинной жертвы. Куртинъ, по его словамъ, при этой случайности встрепенулся, руки его дрогнули, ножъ выпалъ изъ рукъ и онъ упалъ передъ образомъ на колѣни съ молитвою, прося Бога принять милостиво новую жертву. „Когда я—говорилъ Куртинъ въ судѣ—стоялъ передъ образами на колѣняхъ и сынъ мой пла-

валъ въ крови, то вошла вдругъ въ избу возвратившаяся жена моя и, съ перваго взгляда узнавъ все случившееся, упала отъ страха на землю передъ мертвымъ сыномъ. Тогда я поднявшись съ пола, на которомъ стоялъ на колѣняхъ, сказалъ женѣ: „иди и объявляй обо всемъ старостѣ. Я сдѣлалъ праздникъ святымъ".

Дѣтоубійца Куртинъ, заключенный въ острогъ, прежде рѣшенія дѣла уморилъ себя голодомъ...

2. Дѣло казака Кувайцева.

Изъ Оренбурга. (Кор. „Голоса"). Въ одной изъ казацкихъ станицъ жилъ казакъ Войковъ; у него была жена-красавица. Старъ ли былъ, некрасивъ ли Войковъ, но только полюбился ей другой казакъ, Кувайцевъ. Кувайцевъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, но жены своей онъ не любилъ, хотя она была женщина не старая и работящая, женился онъ на ней изъ *жалости—сирота была круглая*; до встрѣчи съ женою Войкова они жили душа въ душу. Разъ войсковой старшина, проѣзжая черезъ деревню, гдѣ жили Войковъ и Кувайцевъ, остановился у Войкова отдохнуть, старшинѣ стало скучно; услужливый Войковъ, ничего не подозрѣвавшій о связи Кувайцева со своею женою, предложилъ позвать Кувайцева, который былъ извѣстенъ въ деревнѣ за потѣшника. Позвали Кувайцева, выпили водочки, Кувайцевъ посмѣшилъ компанію, сказокъ насказалъ и затѣмъ разошлись. Въ эту же ночь у Войкова изъ чулана, припертаго только чуть державшимся засовомъ, было похищено разное носильное платье, *большею частью принадлежавшее къ гардеробу жены.* Кто укралъ, искали и не нашли. Вскорѣ послѣ этого жена Войкова умерла. Скученъ сталъ Кувайцевъ, не слыхать его лихихъ пѣсенъ, не рядится онъ въ шутовскій костюмъ (г. докладчикъ показывалъ его публикѣ; Богъ знаетъ что такое: тутъ и бархатъ, и золото, и кости, и все это перемѣшано самымъ затѣйливымъ образомъ) на потѣху села; на жену и смотрѣть не хочетъ; только съ дѣтьми нѣженъ, ласкаетъ ихъ.

Прошло много времени послѣ этого, какъ вдругъ Кувайцевъ, безъ всякой видимой причины, сталъ, по прежнему, ве-

селъ и пѣсни запѣлъ. Утромъ какъ-то разъ жена Кувайцева, перестилая постель, находитъ подъ тюфякомъ отрубленные человѣческіе палецъ и руку; тутъ же и клокъ волосъ длинныхъ и маленькихъ курчавыхъ. Кожа руки высохла и набита была хлопкомъ и разною дрянью. Она этотъ палецъ, руку и волосы представила въ волостное правленіе. Началось дѣло. Кувайцева арестовали; сдѣлали обыскъ въ его домѣ и нашли тѣ вещи, которыя пропали у Войкова, кромѣ того нашли печать, на которой было вырѣзано: „*Оренбургское полицейское управленіе*" и бумажку, на которой было *написано* (подлинное выраженіе докладника) тоже, что и на печати; нашли много разныхъ книгъ, большею частью духовныхъ, или же пѣсенники.

При допросѣ, Кувайцевъ, не отпираясь ни мало, показалъ: 1) что найденная рука, палецъ и волосы принадлежатъ умершей женѣ Войкова. Отыскали могилу, откопали и нашли трупъ Войковой, почти разложившійся, съ отрубленною лѣвою рукою и безъ пальца на правой; волосы съ головы и другихъ мѣстъ были обрѣзаны. На Войковой не нашли тѣхъ одеждъ, въ которыхъ она была похоронена.

— Зачѣмъ ты сдѣлалъ это? спрашиваетъ Кувайцева судебный слѣдователь.

— Зачѣмъ? Тоска меня мучила, покоя не зналъ я; свѣтъ Божій не милъ сталъ—что было дѣлать! Разъ цыгане селомъ проходили; одна цыганка, видя мою кручину, взялась вылѣчить меня: „ступай ты, говоритъ, на могилу къ ней, отрой тѣло ея, отсѣки лѣвую руку и большой палецъ съ правой и обрѣжь волосы. На утренней и на вечерней зарѣ выходи ты въ поле и отсѣченною рукою ея обчерти около себя кругъ, пальцемъ ея съ другой руки отчерти, а волосами въ это время обкуривайся". Я поблагодарилъ цыганку и сдѣлалъ, какъ она приказала. Ходилъ я три дня на заряхъ и на четвертый все какъ рукой сняло. Развѣ иногда, и то рѣдко, грусть прошибала.

— А одежду зачѣмъ снялъ съ нея?

Нужно замѣтить, что одежда была такъ плоха, что на нее не польстился бы и нищій.

— Такъ, для памяти,—ужъ больно мила была мнѣ, Войкова-то.

— Ты укралъ у Войкова изъ чулана платье?

— Я вещей Войкова не воровалъ. Ссора у насъ была разъ съ нею; она мнѣ и говоритъ: возьми ты все, что подарилъ мнѣ, не хочу я отъ тебя ничего и указала мнѣ, что все это лежитъ въ чуланѣ. Я тоже былъ въ сердцахъ на нее и выходя отъ мужа-то ея, тронулъ запоръ у чулана, — онъ подался, я и забралъ тѣ вещи, которыя я же подарилъ. Воровства, значитъ, здѣсь нѣтъ: свое взялъ.

— А какъ же у тебя очутились вещи не только жены Войкова, но и самого Войкова.

— Темно было тогда, я вещи-то бралъ, ну и торопился больно—впотьмахъ-то и захватилъ мужнины вещи.

— Что ты дѣлалъ съ печатью и какимъ образомъ она къ тебѣ попала?

— Что это за печать и что съ нею дѣлать можно было, я не знаю,—нашелъ я ее въ Оренбургѣ, вотъ и все.

Пѣсенники, найденные у Кувайцева, почти всѣ съ поправками, прибавленіями и замѣтками, сдѣланными рукою Кувайцева; нѣкоторыя пѣсни вовсе измѣнены, а другія мѣстами. Въ поправкахъ и измѣненіяхъ видно грустное настроеніе Кувайцева. Предсѣдатель, докладывавшій дѣло, прочелъ нѣкоторыя изъ этихъ поправокъ. На вопросъ, зачѣмъ онъ дѣлалъ эти поправки? Кувайцевъ отвѣчалъ, что слова пѣсенъ часто не подходятъ подъ музыку, которую онъ сочинялъ на эти пѣсни, ну онъ и измѣнялъ ихъ. Находясь въ тюрьмѣ, Кувайцевъ писалъ письма къ своимъ дѣтямъ; письма эти писаны стихами.

Мои милые орляточки,
По отцѣ своемъ стосковалися и т. д.

Во время своего заключенія Кувайцевъ собирался бѣжать, для чего и приглашалъ, какъ видно изъ письма, отобраннаго у него въ тюрьмѣ, товарищей; бѣжать хотѣлъ онъ на Кавказъ и говорилъ, что у него и оружіе заготовлено подъ поломъ. Нѣсколько ружейныхъ стволовъ и порохъ дѣйствительно найдены въ подпольѣ. При повальномъ обыскѣ о немъ ото

звались одни съ пренебреженіемъ, какъ шутѣ, другіе сказали, что онъ плохой работникъ и казакъ и что даже (?) онъ самъ бабье дѣло дѣлаетъ, т.-е. бѣлье и платье себѣ шьетъ.

Предложены на рѣшеніе слѣдующіе вопросы:

1) Какъ смотрѣть на раскрытіе могилы? Какъ на преступленіе, или какъ на суевѣрное безумство? и т. д.

Конечно, никто не станетъ оспаривать у суда права карать поступки, подобные поступкамъ Куртина и Кувайцева. Но, по высокому выраженію московскихъ славянофиловъ, обыкновенный судъ, точно такъ же, какъ и справедливая полицейская расправа, сутв проявленія лишь *„правды внѣшней“*, и ни государственный судъ, ни *судъ*, такъ называемаго, *общественнаго мнѣнія*, ни полицейская расправа, не исчерпываютъ безконечныхъ правъ личнаго духа, до глубины котораго не всегда могутъ достигать общія правила законовъ и общія повальныя мнѣнія людей.

Судья обязанъ карать поступки, нарушающіе общественный строй, но тамъ только сильна и плодоносна жизнь, гдѣ почва своеобразна и глубока даже въ незаконныхъ своихъ произведеніяхъ. Куртинъ и Кувайцевъ могутъ быть героями поэмы болѣе, чѣмъ самый честный и почетный судья, осудившій ихъ вполнѣ законно.

Въ Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи *порядка и благочинія*, быть можетъ, болѣе чѣмъ въ средѣ другихъ болѣе крупныхъ политическихъ единицъ; въ нихъ невозможны, конечно, не только Куртины, но и Кувайцевы, но за то въ Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи невозможны и великіе своеобразные поэты, и если бы Бельгію и Швейцарію завоевала Франція, а Голландію—Германія, человѣчество могло бы почувствовать лишь *механическое* потрясеніе, но не ощутило бы ни малѣйшей духовной утраты. *).

Характеръ трагическаго въ жизни народа въ высшей степени важенъ. Иной характеръ имѣетъ трагическое въ

---

*) Самыя либеральныя учрежденія этихъ странъ, въ смыслѣ поученія (если ужъ признавались въ равенствѣ и „говорильняхъ“ поучительность..) вовсе не нужны для этого, и безъ нихъ есть Англія, Соединенные Штаты и даже новая Италія.

благородныхъ ущельяхъ Черногоріи и Крита, иной въ Парижскихъ и Петербургскихъ „углахъ"!

Ужасно проявленіе вѣры въ преступленіи Куртина! Но ужасное или благотворное, все же это проявленіе *вѣры*, вѣры, противъ которой XIX вѣкъ ведетъ холодную, правильную и безпощадную осаду! Куда обратится взоръ человѣка, полнаго ненависти къ инымъ бездушнымъ и сухимъ сторонамъ современнаго европейскаго прогресса? Куда, какъ не къ Россіи, гдѣ въ средѣ православія еще возможны великіе святители, подобные Филарету, и гдѣ самый расколъ представляетъ не одни ужасныя (хотя и трогательныя въ своемъ родѣ) явленія, но и картины въ высшей степени утѣшительныя и почтенныя, подобныя слѣдующей, взятой тоже изъ газеты:

Духовный судъ у молоканъ.

Въ 51 № „Современныхъ Извѣстій" помѣщена интересная статья о наказаніяхъ, существующихъ у молоканъ за дурное обращеніе мужей съ женами; приводимъ изъ этой статьи слѣдующій разсказъ: когда мужъ оскорбитъ жену свою словомъ, или ударитъ хотя слегка вгорячахъ, то жена въ первое же воскресенье,—если мужъ до сего времени не испроситъ у ней прощенія,—заявляетъ о семъ при молитвенномъ воскресномъ богослуженіи совѣту, состоящему изъ лицъ самой глубокой древности, старше которыхъ нѣтъ на селѣ, которые *публично, судотвореніемъ* послѣ богослуженія разбираютъ обиду и на основаніи библіи рѣшаютъ этотъ вопросъ безапелляціонно. При этомъ, если мужъ и жена не заявляютъ о разводѣ, они налагаютъ на виновнаго наказаніе церковное (гражданскихъ наказаній у нихъ не существуетъ). Лѣстница этихъ церковныхъ наказаній довольно длинная. Виды наказаній, между прочимъ, слѣдующіе: 1) торжественное извиненіе обидчика предъ обиженнымъ; 2) постъ на 10, 20, 30, 40 дней и на годъ; 3) раздаяніе милостыни бѣднымъ; 4) вкладъ на обезпеченіе вдовъ и сиротъ околотка; 5) покаяніе при богослуженіи предъ собраніемъ; 6) отлученіе отъ участія при общественномъ богослуженіи въ продолженіе недѣли, мѣсяца, полугода и года (это наказаніе полагается

за тяжкія вины); 7) присутствованіе при богослуженіи общественномъ, но съ обязанностью стоять, обратясь въ уголъ къ стѣнѣ; 8) лишеніе права на братское привѣтствіе на улицѣ при встрѣчахъ; 9) лишеніе права пѣть при богослуженіи и читать библію и т. п.—Намъ удалось быть при одномъ общественномъ богослуженіи молоканъ, и слышать разбирательство жалобы молоканки на мужа, который обозвалъ ее словомъ браннымъ (бранное слово вообще у молоканъ рѣдкость); разбирательство производилъ церковный совѣтъ публично, предъ 300—400 человѣкъ, пришедшихъ на богослуженіе, состоявшій изъ убѣленныхъ сѣдинами старцевъ, изъ коихъ нѣкоторымъ было за 100 лѣтъ. По выслушаніи жалобы тотчасъ развернута была библія (огромнаго формата, извѣстная у насъ подъ именемъ параллельной) и изъ нея прочитаны тексты объ отношеніяхъ мужа къ женѣ и жены къ мужу. „Мужъ, читалъ сѣдой, какъ лунь, членъ церковнаго совѣта, отдавай женѣ должное, подобно и жена мужу; жена не властна надъ своимъ тѣломъ, а мужъ, равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, а жена. Внемлите сему, взывалъ старикъ, не свои словеса говорю вамъ, а словеса библіи вѣчныя и неизмѣнныя". Жены, дочери, парни, дѣти, бывшіе при богослуженіи, слушали внимательно слово наставленія, произносимое старцемъ, коему было за плечами 96 лѣтъ. „Худое обращеніе мужа съ женой легко можетъ повести жену къ нарушенію брачнаго союза, говорилъ другой членъ совѣта, такой же, какъ и первый, и тогда хотя жена не будетъ безъ вины предъ Господомъ Богомъ, но мужъ самъ *первый даетъ отвѣтъ* предъ Господомъ Богомъ за грѣхи жены, ибо ему было повелѣно любить жену свою, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, а Христосъ самого себя предалъ за нее, чтобы освятить ее, очистить и представить ее себѣ славною церковію, неимѣющею пятна или порока... А ты не только не исполняешь заповѣдей Бога, но и вводишь жену во искушеніе. Не помилуетъ тебя Господь! Покайся по христіански и спроси у жены твоей прощеніе! Утѣшь насъ и не посрами наше общество истинныхъ христіанъ, котораго ты сдѣлался недостойнымъ!"

Признаемся, мы были поражены этой сценой разбирательства мужа и жены, а когда мужъ обнялся съ женою, поцѣловалъ ее публично, въ виду всего собранія, и испросилъ у нея прощеніе въ своей винѣ, собраніе запѣло благодарственный Богу гимнъ, то были тронуты не шутя. При подробныхъ разспросахъ мы узнали, что ссоры мужа и жены у молоканъ до того рѣдки, что нѣкоторые, прожившіе весь вѣкъ свой, не сказали другъ другу браннаго слова.

Согласитесь, что какъ въ 1-й трагической картинѣ, такъ и во 2-й, траги-комической и грустной, и въ послѣдней утѣшительной, нѣтъ ничего избитаго и пошлаго. И въ той, и другой, и третьей слышится что-то новое и неслыханное, чувствуется присутствіе нетронутыхъ и самородныхъ силъ...

Наконецъ еще одинъ и послѣдній примѣръ.

Что можетъ быть болѣе всегражданственнаго, какъ всемірная промышленная выставка?

Однако, что мы видимъ?

Русская изба, ея кружевныя убранства, созданныя простымъ топоромъ мужика, привлекли вниманіе иностранцевъ; всѣ хвалятъ одежду русскую, которую, конечно, для выставки постарались показать лицомъ (а это то и *есть развитіе своего*; не въ томъ дѣло, чтобы быть *просто-народнымъ*, а въ томъ, чтобы быть *народнымъ*!).

Русскій трактиръ Корещенка былъ всегда полонъ, русская кухня всѣмъ понравилась. Еще небольшой примѣръ того, что я зову народнымъ творчествомъ, развитіемъ *своего*; у насъ въ трактирахъ нѣтъ обычая держать за конторками женщинъ... Это обычай европейскій. Чтобы картина русская была полнѣе, чтобы привлечь въ трактиръ еще болѣе иностранцевъ, г. Корещенко принялъ этотъ чуждый обычай; но красавица его была не въ кринолинѣ и чепчикѣ, она была въ сарафанѣ и кокошникѣ.

Національное своеобразіе не можетъ держаться однимъ охраненіемъ; обстоятельства вынуждаютъ нерѣдко принимать отчасти что-нибудь чужое для полнаго развитія своего народнаго въ высшее національное.

Послѣ всемірной выставки появилась въ Россіи, между

прочимъ, мода на разную деревянную утварь, расписанную золотомъ и красной краской. Къ сожалѣнію надо замѣтить, что мода эта принялась оттого, что *иностранцамъ* понравилась на выставкѣ эта русская утварь; самимъ бы нашимъ и въ голову не пришло полюбить эти мужицкія миски. Жалко это видѣть, но что же дѣлать? Въ широкихъ государственныхъ, промышленныхъ и вообще національныхъ вопросахъ нельзя брать въ расчетъ однѣ избранныя души; надо брать въ расчетъ большинство людей, и потому надо радоваться всякому средству, хотя бы и мелкому, но наводящему на добрый путь.

Понятна заботливость правительства и хлопоты общества о новыхъ таможенныхъ уставахъ и, вообще, понятно желаніе опредѣлить, что выгоднѣе той или другой націи: свобода ли ввоза, или покровительственная и запретительная система. Но всѣ подобные вопросы принимаютъ иной видъ, *какъ только подумаешь, что было бы, если бы вкусы и потребности самого общества измѣнились?*

Наклонности потребителя, его выборъ, его вкусъ — вотъ основа всего. Оставляя въ сторонѣ вопросы о томъ, что выгодно и невыгодно для производителей, о внѣшне-государственныхъ условіяхъ, при коихъ они своей дѣятельностью могутъ обогащать страну, любопытно и плодотворно было бы не только научно разсмотрѣть исторію развитія національныхъ вкусовъ и модъ, но и вести особую пропаганду для утвержденія самобытныхъ вкусовъ у славянъ, столь падкихъ на чужое.

Возьмемъ примѣръ изъ сосѣдней страны. Въ Турціи и христіане, и мусульмане, и евреи носятъ фески. Вслѣдствіе дурныхъ распоряженій турецкаго правительства большинство фесокъ ввозится изъ Австріи, вмѣсто того, чтобы производиться въ самой Турціи. Я слышалъ много жалобъ на это. Но положимъ, что турецкое правительство распорядилось бы иначе, и всѣ фески, потребляемыя турками и христіанами, дѣлались бы въ Турціи; фабрики фесокъ достигли бы высокой степени богатства, и деньги были бы въ рукахъ турецкихъ подданныхъ. Но если бы въ то же самое время христіане, движимые ненавистью ко всему, что имъ напоминаетъ

Востокъ и рабство, *и по слабому развитію въ нихъ чувства изящнаго сбросили бы этотъ головной уборъ* *), и если бы въ то же время молодое поколѣніе вліятельныхъ турокъ надѣло бы безобразный европейскій цилиндръ, дабы блеснуть свободолюбіемъ и европеизмомъ, — что бы сталось съ фабриками и къ чему привели бы всѣ правительственныя мѣры?.. Теперь хоть часть фесокъ дѣлается въ Турціи, а тогда бы никто не дѣлалъ ихъ и еще бы однимъ своеобразнымъ предметомъ стало меньше на свѣтѣ...

Отъ развитія *народнаго вкуса* въ высшемъ русскомъ обществѣ, которое вездѣ славится тонкостью своего *общечеловѣческаго* вкуса, зависитъ будущность не только русской, но, вѣроятно, и всей славянской промышленности.

III.

Теперь, когда мы на ясныхъ примѣрахъ показали, что съ 1856 года и до сихъ поръ все, что, казалось, должно бы насъ приблизить къ Западной Европѣ, отдаляло насъ отъ нея и служило къ большему нашему обращенію внутрь себя самихъ, мы можемъ сказать, что всѣми этими результатами мы обязаны нашему простому великорусскому народу и, до извѣстной степени, *его безграмотности.*

Удаленный отъ высшаго сословія, нисколько не сходный съ нимъ ни въ обычаяхъ, ни въ одеждѣ, ни въ интересахъ, страдавшій нерѣдко отъ самовластія помѣщиковъ и неправосудія чиновныхъ властей народъ нашъ встрѣчался съ европеизированнымъ дворяниномъ, какъ соотечественникомъ, только на полѣ битвы и въ православной церкви.

Нравы дворянства и чиновничества смягчались постепенно подъ вліяніемъ идей (конечно гуманныхъ), выработанныхъ

---

*) *Примѣчаніе 1885 года.* Систовскіе болгары такъ и сдѣлали въ 77-мъ году. Едва только наши перешли Дунай, они въ ознаменованіе „свободы" сняли *пунцовыя фески* и надѣли *черныя европейскія шляпы.* Хороша свобода! Лакейская зависимость отъ вкусовъ или отъ идеаловъ во всемъ (кромѣ всеразрушающихъ машинъ) измельчавшей и выцвѣтшей Европы! Хороши, впрочемъ, съ этой стороны и *мы,* русскіе! чего-же требовать отъ болгаръ ..

западнымъ просвѣщенiемъ; уже задолго до 1861 года обращенiе съ низшими стало лучше; но оно еще было недостаточно хорошо и зависимость была еще слишкомъ велика, чтобы народъ могъ чувствовать себя не чуждымъ этому европеизированному фрако-сюртучному мiру, прощать ему его иноземныя формы.

Жалокъ тотъ историкъ, который не умѣетъ видѣть, что въ безконечной сложности и глубинѣ всемiрной жизни извѣстное зло нерѣдко глубокими корнями связано съ извѣстнымъ добромъ!

Разъединенiе сословiй въ Россiи было велико; вражды систематической, положимъ, между ними не было; но, повторяю, разъединенiе ихъ было такъ велико, что Бѣлинскiй (въ 1847 или 1846 г., въ Петербургскомъ Сборникѣ) выражался, на сколько помню, такъ: — „если у насъ собрать въ одну комнату художника, купца, писателя, чиновника, военнаго и свѣтскаго человѣка, то они не найдутъ о чемъ между собой говорить“. . . . . . .

Если такое отчужденiе существовало не только между тѣми слоями народа, которые были опредѣлены въ нашемъ Сводѣ „Законами о Состоянiяхъ“, но и между людьми одного состоянiя (напр. чиновникомъ и художникомъ, чиновникомъ-дворяниномъ и военнымъ - дворяниномъ), то на какомъ же отдаленiи должны были стоять другъ отъ друга, напримѣръ, земледѣлецъ и знатный петербургскiй бюрократъ?

Нѣтъ спора, Церковь и Государство и, отчасти, помѣщичье право, заставлявшее многихъ дворянъ жить въ деревнѣ, поддерживали связь, но эта связь въ обыденной жизни была не такъ замѣтна, какъ отчужденiе.

Что это происходило не отъ одной разницы правъ и не отъ одного преобладанiя сильныхъ надъ слабыми, на это доказательствъ много. Купецъ первой гильдiи и миллiонеръ, конечно, имѣлъ больше, по крайней мѣрѣ, *фактическихъ* правъ сравнительно съ своимъ рабочимъ, чѣмъ какой-нибудь бѣдный чиновникъ или учитель - дворянинъ. Однако, народъ на купца, который *не носилъ фрака, содержалъ посты и строилъ церкви, смотрѣлъ болѣе какъ на своего человѣка,* чѣмъ на

такого чиновника или учителя, какіе бы добрые и честные и бѣдные люди они ни были. Здѣсь не было, какъ въ новой Франціи, антагонизма между бѣдностью и богатствомъ (и не могло быть по самой *сложности нашего* прежняго устройства); *здѣсь былъ антагонизмъ между европеизмомъ и народностью.*

Гуманность тутъ не помогала. Гоголь, Тургеневъ, и другіе вѣрно изображали, какъ холодно принималъ нашъ народъ неловкое добродушіе европеизированныхъ дворянъ-прогрессистовъ.

Солдаты и тѣ нерѣдко звали „бабой“ и не любили начальника мягкаго и предпочитали ему „молодца“ суроваго, грубаго, но въ пріемахъ, въ рѣчахъ, въ обычаяхъ котораго дышало русское начало.

Итакъ, если не брать въ расчетъ переходные оттѣнки, а однѣ рѣзкія крайности, то вообще можно было раздѣлить русское общество на двѣ половины: одну народную, которая ничего кромѣ своего русскаго не знала, и другую космополитическую, которая своего русскаго почти вовсе не знала.

Это зло, (если только неравенство правъ есть зло) при помощи нашихъ нынѣшнихъ преобразованій, принесло безцѣнные плоды, и мы теперь можемъ обратиться къ нему съ исторической благодарностью.

Законное отдѣленіе „Состояній“ и бытовое различіе слоевъ внесло въ нашу слишкомъ простую и несложную славяно-русскую жизнь ту сложность и то разнообразіе, безъ которыхъ не возможно *цивилизованное,* т. е. *развитое своеобразіе,* безъ которыхъ не мыслима полная и широкая жизнь, достойная великаго народа.

Истина этой послѣдней моей мысли доказывается исторіей какъ нельзя поразительнѣе. Какъ бы ни были въ подробностяхъ своего строя и своей жизни различны другъ отъ друга древній Египетъ, древняя Греція и Римъ, *прежняя* Франція, *прежнія* Германія и Англія, Италія среднихъ вѣковъ, мусульманскія государства, достойныя вниманія историка;—всѣ они имѣли одну общую черту: они были сложны и въ національныхъ предѣлахъ ихъ кипѣло болѣе или менѣе глубокое разнообразіе.

Сверхъ этого вообще необходимаго для истинной цивилизацiи условія, прежнее сословное отдаленіе сознательной части нашего общества отъ наивной его части принесло ту пользу, что сохранило простой народъ въ большой неприкосновенности.

Считая дворянъ и чиновниковъ почти не русскими за ихъ иноземныя формы, народъ и не думалъ подражать имъ и, упорно сохраняя *свое*, глядѣлъ на насъ нерѣдко съ презрѣніемъ.

Европеизмъ Петра Великаго, Екатерины II и Александра I-го утончилъ нервы Россiи; народъ въ удаленіи своемъ сохранилъ намъ то полносочіе, которымъ мы можемъ изумить весь міръ, если сумѣемъ имъ воспользоваться.

Сначала, въ Московскій періодъ нашей исторіи, намъ мѣшали развиваться излишняя простота и однообразіе нашей жизни и недостатокъ общей сознательности. Потомъ, въ тотъ періодъ (до 1856 года), который можно назвать чисто-петербургскимъ, намъ по своему мѣшало развиться излишнее разъединеніе, несходство людей между собою. Только теперь, когда различные слои нашего общества еще хранятъ свою физіономію, а стѣны, начавшія уже подъ конецъ безплодно тѣснить ихъ, рушились по мановенію Державной руки, мы можемъ выработать съ теченіемъ времени что-либо *міровое свое.*

Европеизированная часть нашего народа уже усвоила себѣ всѣ высшіе (философскіе) и низшіе (временно-практическіе) плоды всемірнаго сознанія, а народъ еще хранитъ въ столь многомъ свято свое родное (какъ бы грубо оно ни было, это не бѣда), и *облеченіе общихъ идей въ родныя формы можетъ принести и уже во многомъ принесло богатую жатву.*

Эти общія идеи, какого бы они ни были порядка: философскаго, художественно-творческаго или просто жизненно-практическаго, проходя сквозь народныя, мѣстныя формы, могутъ пріобрѣсти ту степень новизны и оригинальности, которая современемъ можетъ обновить несомнѣнно старѣющій міръ.

Тотъ народъ наилучше служитъ и всемірной цивилизаціи, который свое національное доводитъ до высшихъ предѣловъ раз-

витія; ибо одними и тѣми же идеями, какъ бы ни казались они современникамъ хорошими и спасительными, человѣчество постоянно жить не можетъ.

IV.

Я скажу заблаговременно мое общее заключеніе; ибо я знаю, что взглядъ мой на это такъ уклоняется отъ принимаемыхъ нынѣ болѣе или менѣе всѣми взглядовъ, и любовь къ смѣлости и своеобразію мысли такъ остыла въ наше время, что я боюсь заставлять ждать читателей до конца.

Мое общее заключеніе не безусловное противъ грамотности, а противъ *поспѣшнаго и* тѣмъ болѣе противъ *обязательнаго* обученія. И это я говорю не съ точки зрѣнія *свободы*; *развитіе* не всегда сопутствуетъ *свободѣ* *)—а съ точки зрѣнія народнаго своеобразія, безъ котораго, по-моему, великому народу не стоитъ и жить.

Надобно, чтобы образованная часть русскаго народа (такъ называемое общество) приступила бы къ просвѣщенію необразованной части его только тогда, когда она сама (т. е. образованная часть) будетъ зрѣлѣе. Обязательная грамотность у насъ тогда только принесетъ хорошіе плоды, когда помѣщики, чиновники, учителя т. е. люди *англо-французскаго* воспитанія, сдѣлаются *всѣ* еще гораздо болѣе славянофилами, нежели они сдѣлались подъ вліяніемъ нигилизма, польскаго мятежа и европейской злобы. Если такъ—то какъ же я сказалъ въ началѣ статьи, что мы всѣ стали нѣсколько болѣе славянофилы, чѣмъ прежде? Да, я сказалъ:—*нѣсколько болѣе;* но это еще очень мало, это *ничтожно* въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть.

Чистыхъ, строгихъ славянофиловъ, въ которыхъ были бы совокуплены всѣ элементы, составляющіе полную картину московскаго славянофильства, у насъ очень мало; но, нѣтъ сомнѣнія, что ученіе это, въ *раздробленномъ видѣ* сдѣлало у насъ значительные успѣхи въ послѣднія 10 лѣтъ.

---

*) Смотри „Византизмъ и Славянство“.

Но этого не достаточно. Если и въ раздробленномъ видѣ славянизмъ или руссизмъ нѣсколько болѣе прежняго разлились по нашему обществу, то это, какъ уже выше было доказано, благодаря тому, что *корни* у насъ *свои*. Если же не доросшее до полнаго руссизма общество примется *мѣнять не кстати* самые *корни* эти, то уже тогда „безцвѣтная вода“ всемірнаго сознанія будетъ поливать не національные всходы, а космополитическіе, и Россія будетъ столько же отличаться отъ другихъ европейскихъ государствъ, насколько, напр., Голландія отличается отъ Бельгіи. Но мы желали бы, чтобы Россія отъ всей Западной Европы отличалась на столько, насколько греко-римскій міръ отличался отъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ древней исторіи или наоборотъ.

Самый успѣхъ „Дня“, „Русской Бесѣды“, „Времени“, „Эпохи“ и „Якоря“ сравнительно съ другими болѣе космополитическими изданіями доказалъ, между прочимъ, что даже и *теоретически* наше общество еще не доросло до настоящаго руссизма, не говоря уже о практическихъ его пріемахъ. Надо, чтобы за народъ умѣли взяться; *надо, чтобы намъ не испортили эту роскошную почву, прикасаясь къ которой мы сами всякій разъ чувствуемъ въ себѣ новыя силы.*

У насъ уже были поразительные примѣры изъ другого разряда дѣлъ подтвержденія моего мнѣнія. Если не ошибаюсь, въ „Днѣ“ было разъ замѣчено, что крѣпостное право хотя и было великое зло, но, чтобы быть исторически справедливымъ, нужно прибавить, что оно послужило для крестьянской общины „предохранительнымъ колпакомъ отъ посягательства просвѣщенной бюрократіи“.

Дѣйствительно, значительная часть помѣщиковъ была, лѣтъ 50—60 тому назадъ, немногимъ ученѣе собственныхъ крѣпостныхъ; другая думала лишь объ увеселеніяхъ и военной службѣ; третья, болѣе солидная, о практическихъ пользахъ своихъ. На ту часть земли, которая по указу 1861 года досталась нынѣ крестьянской общинѣ, всякій изъ дворянъ смотрѣлъ, какъ на свою неотъемлемую собственность и никому, конечно, не было и нужды раздавать крестьянамъ участки въ личное владѣніе.

Случись тогда разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, народъ нашъ или былъ бы свободнымъ пролетаріемъ, или владѣлъ бы мелкой собственностью, которая быстро стала бы переходить въ руки ловкихъ людей, особенно при нѣкоторыхъ кочевыхъ наклонностяхъ русскаго селянина. (Впрочемъ, эти кочевыя наклонности ему до сихъ поръ очень полезны въ другихъ отношеніяхъ).

Въ то время государственные люди наши еще не выучились искать спасенія въ чемъ-либо *незападномъ*; высшее общество стыдилось всего своего; славянофиловъ еще не было; не писали Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскій. Нигилистовъ также еще не было; а нигилисты, помимо косвенной неоцѣненной пользы, которую они принесли, возбудивъ противъ своего крайняго космополитизма государственное и національное воздѣйствіе, принесли еще и прямую пользу, поддерживая учрежденіе земской общины; конечно, они ожидали не того, что случилось; всѣ почти они были люди очень молодые и въ практической жизни неопытные; они спѣшили только опередить коммунизмомъ Европу на пути ея же мечтаній; они не предвидѣли, что земская община будетъ у насъ въ высшей степени охранительнымъ началомъ и предупредитъ развитіе буйнаго пролетаріата; ибо въ ней нѣкотораго рода коммунизмъ существуетъ уже „de facto“, а не въ видѣ идеала, къ коему слѣдуетъ рваться, ломая преграды.

На самомъ Западѣ тогда еще толковъ о соціализмѣ, о нищетѣ рабочихъ не было такъ много; — не было еще страха *экономическихъ революцій*.

Теперь же, когда въ 1861 году былъ изданъ указъ объ освобожденіи крестьянъ, общество наше было зрѣлѣе и этотъ переворотъ совершился на мудрыхъ основаніяхъ, изученіе которыхъ только болѣе заставляетъ дивиться глубинѣ и широтѣ задуманнаго и исполненнаго плана. Итакъ, въ 1861 году общество наше было зрѣло для эмансипаціи, но для обученія народа, повторяю, мнѣ кажется, оно еще не достаточно подготовлено; — какъ-то страшно поручить ему святыню народнаго духа, страшно дать ему волю обработывать *самую почву* нашу, измѣнять самые корни наши.

Говоря „общество“, я не разумѣю только людей независимыхъ, не служащихъ, не противополагаю „общество“ „государству“: я говорю и объ учителяхъ-чиновникахъ, или, лучше сказать, о цѣлой системѣ ученія, будетъ ли это обученіе въ рукахъ вольныхъ воскресныхъ школъ, или въ рукахъ учителей, содержимыхъ казною. Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы обучить людей географіи, или ариѳметикѣ, или о томъ, чтобы поддерживать въ нихъ общія понятія моральности, честности и т. п., то, конечно, все русское общество служащее и неслужащее зрѣло для этого.

Если бы даже дѣло шло только объ обще-европейскомъ прогрессѣ, то нѣтъ наивысшихъ его проявленій, которыя намъ не были бы доступны и легки въ видѣ простого подражанія. Но тутъ дѣло идетъ о предметѣ, который для насъ, славянъ, долженъ быть если не дороже, то по крайней мѣрѣ не дешевле общей нравственности и общей науки. И зачѣмъ робкія уступки! Предметъ этотъ – національное своеобразіе, безъ котораго можно быть большимъ, огромнымъ государствомъ, но нельзя быть великой націей. Предметъ этотъ долженъ быть намъ дороже всего... Почему же? А потому, что общая нравственность и общая наука не уйдутъ отъ насъ; а національное своеобразіе легко можетъ уйти у славянъ въ XIX вѣкѣ!

Здѣсь не мѣсто доказывать, почему національное своеобразіе можетъ быть не только *средствомъ*, но и *цѣлью само себѣ;* это повлекло бы насъ далеко.

Къ тому же я увѣренъ, что многіе поймутъ меня теперь и съ полуслова.

Тѣхъ же, которые не согласятся, что *національность* можетъ быть, а у славянъ и *должна быть пока сама себѣ цѣлью*, я попрошу согласиться хотя съ тѣмъ, что *грамотность* уже сама себѣ цѣлью никакъ не можетъ быть...

Всякій согласится, что она есть лишь средство.

Всѣ сторонники грамотности смотрятъ на нее съ этой точки зрѣнія. Одни надѣются укрѣпить въ народѣ чувство религіозное и нравственное; надѣются сдѣлать народъ болѣе мягкимъ въ домашнихъ нравахъ его, болѣе благочиннымъ и

добропорядочнымъ; другіе, напротивъ, подъ разными благовидными предлогами, имѣютъ въ виду рано или поздно всучить простолюдину Бюхнера или революціонныя книги.

Но никто не довольствуется тою мыслью, что народъ будетъ умѣть читать и писать и знать четыре правила ариѳметики.

Сраженіе при Садовѣ, гдѣ грамотные прусскіе солдаты разбили менѣе грамотныхъ австрійскихъ солдатъ, дало новое орудіе въ руки защитниковъ грамотности „à tout prix.“

Конечно, поклонники реализма, которымъ особенно хотѣлось бы объевропеить нашъ народъ, радуются этому примѣру больше другихъ;—но они забываютъ одно изъ основныхъ правилъ науки весьма реальной — медицины, которая говоритъ: „post hoc“ не значитъ „propter hoc“. Битва двухъ большихъ армій есть явленіе такое громадное и сложное; — здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ рѣшаются историческія судьбы двухъ государствъ или народовъ и, если послѣдствія такихъ битвъ неисчислимы, то и причины ихъ, конечно, очень сложны. Никто не станетъ отрицать, что талантъ генерала, способъ вооруженія, усталость или свѣжесть и сытость грамотныхъ или безграмотныхъ солдатъ, позиція, наконецъ, самыя ничтожныя случайныя причины рѣшаютъ судьбу битвъ. Извѣстно, что мы въ Крыму проиграли сраженіе при Черной рѣчкѣ отъ пустыхъ недоразумѣній между начальниками; подъ Ватерлоо растолстѣвшій Наполеонъ оказался болѣе нерѣшительнымъ и медленнымъ, чѣмъ сухой Блюхеръ; и самая битва при Садовѣ имѣла бы, вѣроятно, иной исходъ, если бы вторая прусская армія не подоспѣла около полудня. Все это извѣстно и ясно; но *газетная* публицистика думаетъ о цѣляхъ, а не объ истинѣ: это ея неизбѣжный порокъ; видѣть можно по разнымъ сторонамъ въ одно время, — но идти и вести другихъ можно только въ одну сторону, — одна же сторона никогда не исчерпываетъ предмета.

Итакъ, военный вопросъ не рѣшаетъ въ пользу грамотности.

Посмотримъ, что скажетъ вопросъ о нравственности и домашнемъ благочиніи, о трудолюбіи и т. п. вещахъ. Нѣтъ

спора, нашъ великороссъ по природѣ „виверъ“.—Пламенная религіозность его сочетается, какъ у итальянца, нерѣдко съ большимъ женолюбіемъ и любовью къ кутежу. (Въ характерѣ русскаго простолюдина есть нѣчто до сихъ поръ для насъ самихъ неуловимое и необъяснимое, нѣчто крайне сложное, заставившее, напр., Тургенева сказать въ одномъ изъ своихъ романовъ: „русскій мужикъ есть тотъ таинственный незнакомецъ, о которомъ говоритъ г-жа Радклифъ“).

Какъ бы то ни было, православный и безграмотный русскій земледѣлецъ любитъ „жить“, какъ парижскій грамотный работникъ; а православный и безграмотный болгаринъ обстоятеленъ, экономенъ и аккуратенъ, какъ грамотный нѣмецкій крестьянинъ. Безграмотный русскій крестьянинъ охотно почитаетъ власти, подобно грамотному стараго духа нѣмцу и безграмотному болгарину *). А грекъ, и городской и деревенскій, и грамотный и неграмотный одинаково сдерживается съ трудомъ, подобно городскому французу.

Въ Добруджѣ недавно умерли двое стариковъ — одинъ сельскій болгаринъ; другой—тульчинскій рыбакъ старообрядецъ. Оба были въ высшей степени замѣчательны какъ представители: одинъ – узкой болгарской, другой — широкой великорусской натуры. Къ несчастью, я забылъ ихъ имена; но если бы кто-нибудь усомнился въ истинѣ моихъ словъ, то я могъ бы сейчасъ же навести справки и представить самыя имена этихъ своеобразныхъ славянъ.

Оба были для простолюдиновъ очень богаты.

Примѣчаніе 1885 года.

*) Болгары подъ вліяніемъ „свободы и цивилизаціи, надѣвшей на нихъ шляпы и панталоны“, очень скоро исправились отъ этого порока, отъ почтенія къ властямъ, которое покойный Карлейль считалъ *высшимъ качествомъ* въ народѣ. Недавно болгарское простонародье въ Филиппополѣ нагрубило даже Русскому Генеральному Консулу, когда онъ на улицѣ увѣщевалъ людей оставить въ покоѣ грековъ, вывѣсившихъ свои національные флаги въ день рожденія Короля. Кто-то изъ этой злой уже „просвѣтившейся“ толпы сказалъ даже г. Сорокину такъ:—„Приказывай *своимъ русскимъ*, а мы *свободные* Болгары“! Это называется народная признательность братьевъ славянъ за пролитую нами кровь! Вотъ что значитъ—*шляпа и панталоны!*

Болгарину было подъ 80 или даже подъ 90 лѣтъ. Онъ безвыѣздно жилъ въ своемъ селеніи. Работалъ самъ безъ устали; при немъ жила огромная семья его. У него было нѣсколько сыновей: всѣ женаты, конечно, съ дѣтьми и внуками; старшіе изъ сыновей сами уже были сѣдые старики; но и эти сѣдые старики повиновались отцу, какъ дѣти. Ни одного піастра, заработаннаго ими, не смѣли они скрыть отъ своего патріарха или израсходовать безъ спроса. Денегъ было въ семьѣ много; большая часть зарывалась въ землю, чтобы не добрались до нихъ турецкіе чиновники. Несмотря на всю зажиточность свою, огромная семья эта по буднямъ питалась только лукомъ и чернымъ хлѣбомъ, а баранину ѣла по праздникамъ.

Старообрядецъ нашъ жилъ иначе; онъ былъ бездѣтенъ, но у него былъ семейный братъ. Братъ этотъ постоянно жаловался, что старикъ даритъ и помогаетъ ему мало; но старообрядецъ *предпочиталъ товарищей роднѣ*.

У него была большая рыбачья артель. Къ зимѣ рыбная ловля кончалась и огромные заработки свои старый великороссъ распредѣлялъ по своему. Разсчитывалъ рыбаковъ, отпускалъ тѣхъ, кто не хотѣлъ съ нимъ остаться; давалъ что-нибудь брату; закупалъ провизію, водки и вина на цѣлую артель и содержалъ всю молодежь, которая оставалась при немъ на всю зиму *безъ обязательной работы:* Съ товарищами этими здоровый старикъ кутилъ и веселился до весны, проживалъ всѣ деньги и снова весной принимался съ ними за трудъ. Такъ провелъ онъ всю свою долгую жизнь, возражая на жалобы брата, что *„онъ любитъ своихъ ребятъ“!* Часто видали стараго рыбака въ хохлацкомъ кварталѣ Тульчи; онъ садился посреди улицы на землѣ, обставлялъ себя виномъ и лакомствами и восклицалъ:

— Хохлушки! идите веселить меня!

Молодые малороссіянки, которыя хотя и строже нравами своихъ сѣверныхъ соотечественницъ, но пошутить и повеселиться любятъ, сбѣгались къ сѣдому „коммунисту“, пѣли и плясали около него, и цѣловали щеки, которыя онъ имъ подставлялъ.

Все это, замѣтить кстати (и весьма кстати!), не мѣшало ему быть строгимъ исполнителемъ своего церковнаго устава.

Любопытно также прибавить, что про рыбака старообрядца мнѣ съ восторгомъ разсказывалъ старый польскій шляхтичъ, эмигрантъ 36 года; а про скупого хлѣбопашца болгарина съ уваженіемъ говорилъ грекъ-купецъ.

И греки и болгары по духу домашней жизни своей одинаково *буржуа*, одинаково расположены къ тому, что сами же нѣмцы обозвали филистерствомъ.

Тогда какъ размашистые рыцарскіе вкусы польскаго шляхтича ближе подходятъ къ казачьей ширинѣ великоросса.

Я не хочу этимъ унизить болгаръ и черезъ мѣру возвысить великороссовъ. Я скажу только, что болгары даже „коренные",—сельскіе по духу своему менѣе своеобразны, чѣмъ простые великороссы. Они болѣе послѣднихъ похожи на *всякихъ другихъ* солидныхъ селянъ.

Серьезныя и скромныя качества, отличающія болгарскій народъ, могутъ доставить ему прекрасную въ своемъ родѣ роль въ славянскомъ мірѣ, столь разнообразномъ и богатомъ формами.

Но „творческій" геній (особенно въ наше столь неблагопріятное для творчества время) можетъ сойти на главу только такого народа, который и разнохарактеренъ въ самыхъ нѣдрахъ своихъ и во всецѣлости наиболѣе на другихъ не похожъ. Таковъ именно нашъ великорусскій великій и чудный океанъ!

Быть можетъ, мнѣ бы возразилъ кто-нибудь, что русскіе (и особенно настоящіе москали) именно вслѣдствіе того, что они разгульны и слишкомъ расположены быть „питерщиками", мало расположены къ капитализаціи, а капитализація нужна.

На это я приведу два примѣра: одинъ изъ Малороссіи, другой изъ великорусской среды:

Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" разсказываютъ слѣдующее происшествіе, бывшее недавно въ Полтавѣ. Въ тамошнее казначейство явились одѣтые по простонародному крестьяне— мужъ и жена. У обоихъ полы отдулись отъ какой-то ноши.

Мужъ обратился къ чиновнику съ вопросомъ: можно ли ему обмѣнить кредитные билеты стараго образца на новые?

— „А сколько ихъ у тебя? спрашиваетъ чиновникъ.

— „Якъ вамъ сказать?... право, я и самъ не знаю.

Чиновникъ улыбнулся.

— „Три, пять, десять рублей? спрашиваетъ онъ.

— „Да, нѣтъ, больше. Мы съ женою цѣлый день считали да не сосчитали...

При этомъ изъ-подъ полы оба показали кипы ассигнацій. Естественно явилось подозрѣніе относительно пріобрѣтенія владѣльцами такой суммы. Ихъ задержали и сочли деньги: оказалось 86 тысячъ.

— „Откуда у васъ деньги?

— „Прадѣдъ складывалъ, складывалъ дѣдъ, и мы складывали;—было отвѣтомъ.

По произведенному дознанію, подозрѣнія на нихъ не оправдались и крестьянину обмѣняли деньги.

Тогда они вновь являются въ казначейство.

— „А золото мѣняете, добродію?

— „Мѣняемъ. Сколько его у васъ?

— „Коробочки двѣ...

Живутъ эти крестьяне въ простой хатѣ и неграмотны“.

Но скажутъ мнѣ: „это очень не хорошо“; надо, чтобы деньги не лежали, какъ у этого хохла или у стараго болгарскаго патріарха, надо, чтобы онѣ шли въ оборотъ. Когда бы эти люди были грамотны, они поняли бы свою ошибку.

Но въ отвѣтъ на эти слова я возьму въ руки новый фактъ и стукну имъ тѣхъ бѣдныхъ русскихъ, которые не въ силахъ мнѣ сочувствовать.

Въ Тульчѣ живетъ и теперь одинъ старообрядецъ Филиппъ Наумовъ. Онъ грамоты не знаетъ; умѣетъ писать только цифры для своихъ счетовъ. Онъ не только самъ не куритъ и не пьетъ чая и носитъ рубашку на выпускъ, но до того твердъ въ своемъ уставѣ, что, бывая часто въ трактирахъ и кофейняхъ для угощенія людей разныхъ вѣръ и націй, заключающихъ съ нимъ торговыя сдѣлки, онъ, угощая ихъ, не прикасается самъ ни къ чему. Даже вина и водки, которыя

старообрядствомъ не преслѣдуются, онъ никогда не пьетъ. Онъ не любитъ никого приглашать къ себѣ, ибо, пригласивъ надо угощать, а угостивъ, надо разбить, выбросить или продать посуду, оскверненную иновѣрцами (хотя бы и православными). Онъ имѣетъ нѣсколько сотъ тысячъ піастровъ капитала *въ постоянномъ оборотѣ*, нѣсколько домовъ; изъ нихъ одинъ большой на берегу Дуная отдается постоянно въ наемъ людямъ со средствами: консуламъ, агентамъ торговыхъ компаній и т. п. Самъ онъ съ семьей своей, съ красавицей женой и красавицей дочерью и сыномъ, живетъ въ небольшомъ домикѣ, съ воротами русскаго фасона, и украсилъ премило и преоригинально бѣлыя стѣны этого дома *широкой синей съ коричневымъ шахматной полосой, на половинѣ высоты*.

Онъ очень честенъ и, несмотря на суровость своего религіознаго удаленія отъ иновѣрцевъ, слыветъ добрымъ человѣкомъ. По многимъ сдѣлкамъ своимъ онъ росписокъ не даетъ;—постояльцы, когда платятъ ему за домъ, не требуютъ съ него росписки въ полученіи; *ему вѣрятъ и такъ*. Сверхъ всего этого онъ одинъ *изъ первыхъ* въ Тульчѣ (гдѣ столько предпріимчивыхъ разноплеменныхъ людей) задумалъ выписать изъ Англіи *паровую машину* для большой мукомольной мельницы и, вѣроятно, богатство его послѣ этого утроится, если дѣло это кончится успѣшно.

Одинъ весьма ученый, образованный и во всѣхъ отношеніяхъ достойный далматъ, чиновникъ австрійской службы, съ которымъ я былъ знакомъ, всегда съ изумленіемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ на Ф. Наумова.

— Мнѣ нравится въ этомъ человѣкѣ то (говорилъ мнѣ австріецъ), что онъ при всемъ богатствѣ своемъ ничуть не желаетъ стать буржуа; но остается казакомъ или крестьяниномъ.

Вотъ и эта черта великорусская.

Болгаринъ или грекъ, какъ завелъ бакалейную или галантерейную лавочку и выучился грамотѣ, такъ сейчасъ и снялъ восточную одежду (всегда или величавую или изящную), купилъ у жида на углу неуклюжій сюртукъ и панталоны

такого фасона, какого никогда и не носили въ Европѣ, и въ дешевомъ галстухѣ (а то и безъ галстуха) съ грязными ногтями пошелъ себѣ дѣлать съ тяжкой супругой своей визиты à l'européenne; европейскіе визиты, въ которыхъ блескъ разговора состоитъ въ слѣдующемъ: „Какъ ваше здоровье?“ —Очень хорошо!—А ваше какъ здоровье?—Очень хорошо!— „А ваше? Благодарю васъ“. Что вы подѣлываете? „Кланяюсь вамъ“. А вы что подѣлываете? „Кланяюсь вамъ“.—А супруга ваша что дѣлаетъ? „Кланяется вамъ“.

Нѣтъ! Великороссъ можетъ все, что можетъ другой славянинъ; но онъ сверхъ того способенъ на многое, на что ни другой славянинъ, ни грекъ или французъ и др. евро пейцы не способны!

Возьмемъ хоть опять того гуляку-старообрядца, о которомъ я говорилъ въ началѣ этого примѣчанія. Болгаринъ или сербъ если склоненъ къ сластолюбію и женолюбію, то изъ него скорѣе выйдетъ лицемѣръ въ родѣ „Jacque Ferrand“ въ Парижскихъ Тайнахъ, чѣмъ „Лихачъ Кудрявичъ“ Кольцова.

Я съ ужасомъ слыхалъ на востокѣ отъ 18—20 лѣтнихъ, едва обученныхъ грамотѣ мальчиковъ такія слова:

— Надо ѣсть дома постное *для слугъ* и *простого народа*; а потихоньку отъ нихъ отчего же не ѣсть скоромное. Какой же образованный человѣкъ можетъ выносить постное кушанье? Это въ пору желудку рабочаго человѣка!

На Востокѣ въ грамотномъ сословіи нѣтъ *идеализма ни личнаго, ни религіознаго, ни философскаго, ни поэтическаго.*

Развить и возобновить его на Востокѣ могутъ только русскіе, когда у нихъ самихъ пройдетъ нынѣшнее утилитарное одуреніе!

Итакъ, судя по этимъ краткимъ и спѣшно изложеннымъ примѣрамъ и по множеству другихъ, можно сказать, что грамотность сопутствуетъ всевозможнымъ нравственнымъ качествамъ какъ изъ круга семейной, такъ и государственной жизни.

Теперь обратимся къ уму.

Неужели мы смѣшаемъ грамотность съ развитіемъ ума и талантовъ?

Кто же это сдѣлаетъ? Грамотность можетъ отчасти спо-

собствовать их развитію, какъ и развитію нравственныхъ свойствъ; но этому развитію способствуютъ и тысячи другихъ обстоятельствъ помимо грамотности.

Русскій мужикъ *очень развитъ*, особенно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Онъ уменъ, тонокъ, предпріимчивъ; въ немъ много поэтическаго и музыкальнаго чувства; мѣстами онъ неопрятенъ, но мѣстами очень чистъ и всегда молодецъ. Онъ умѣетъ изворачиваться въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ растеряются грамотные, но тупые французскіе, или нѣмецкіе поселяне.

Герцену надо отдать, при этомъ случаѣ, справедливость онъ тоже говорилъ про русскаго мужика: „онъ не образованъ, но онъ развитъ".

Почему же, за немногими исключеніями, у насъ люди почти всѣхъ ученій нерѣдко и безсознательно съ любовью обращаются къ нашему простолюдину? Неужели только изъ демократической гуманности? Нѣтъ, здѣсь есть другое... Всякій членъ, оторванный быстрымъ и сначала насильственнымъ европейскимъ воспитаніемъ нашего общества, понимаетъ, что въ нащемъ простомъ народѣ отчасти скрытъ, отчасти уже ясенъ нашъ *національный характеръ*.

И дѣйствительно, въ гармоническомъ сочетаніи нашихъ сознательныхъ началъ съ нашими стихійными, простонародными началами лежитъ спасеніе нашего народнаго своеобразія. *Принимая европейское, надо употреблять всѣ усилія, чтобы переработывать его въ себѣ такъ, какъ переработываетъ пчела сокъ цвѣтовъ въ несуществующій внѣ тѣла ея воскъ.*

Для всякой живой цивилизаціи столько же необходимы начала наивныя, какъ и сознательныя. Безъ наивныхъ элементовъ жизни, развѣ возможны были бы Кольцовъ и Шевченко? Въ области чистой логики и математики нѣтъ ничего національнаго и поэтому ничего живого; живое сложно и туманно.

Сложныя обстоятельства въ жизни великихъ народовъ, неподдающіяся чистому расчету, разнообразіе страстей, степени родовъ воспитанія вліяютъ не только на развитіе живыхъ и полныхъ характеровъ въ самой жизни, но и на искус-

ство и на мышленіе и даже на науку. Въ одномъ изъ нашихъ русскихъ журналовъ (кажется во „Времени") было сказано, что всѣ произведенія искусства и мысли, которыя пріобрѣли міровое значеніе, потому именно и стали міровыми, что они были *въ высшей степени національны.*

Поэтому здѣсь слѣдуетъ такой родъ доводовъ:

Если мы допустимъ, что великому народу не стоитъ жить только въ видѣ *большого государства*, и что ему должно имѣть хотя сколько-нибудь *свою культуру*, то изъ этого будетъ ясно, *что надо самой жизни быть своеобразной.*

Если же жизнь должна быть своеобразна,—а своеобразіе сохранилось въ нашемъ народѣ лучше, чѣмъ въ нашемъ высшемъ и ученомъ обществѣ, то надо дорожить этимъ своеобразіемъ и не обращаться съ нимъ торопливо, дабы не погубить своей исторической физіономіи, не утратить историческихъ правъ на жизнь и духовный перевѣсъ надъ другими.

Итакъ, мы возвратились къ тому, откуда пошли.

Я думаю, что *даже и теперь* усердствовать съ просвѣщеніемъ народа à l'européenne вовсе нѣтъ нужды.

ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ

Варшавскаго Дневника 1880 года.

Варшава, 9 января.

Въ предыдущихъ статьяхъ нашихъ мы старались разъяснить, что мы понимаемъ подъ словами *русскій консерватизмъ, русское охраненіе* *). Сегодня мы будемъ говорить о противоположномъ принципѣ, такъ называемаго, *либерализма*.

Мы говоримъ *либерализмъ—просто*, не прибавляя эпитета *русскій*. Это преднамѣренно и понятно.

Все созидающее, все охраняющее то, что разъ создано исторіей народа, имѣетъ характеръ болѣе или менѣе обособляющій, отличительный, противополагающій одну націю другимъ... Все либеральное—безцвѣтно, обще-разрушительно, безсодержательно въ томъ смыслѣ, что оно одинаково возможно вездѣ.

Англійскій прежній, аристократическій конституціонализмъ—консервативенъ, ибо онъ возможенъ только въ Англіи и обособленъ; во всѣхъ другихъ государствахъ этотъ самый созданный Англіей видъ консерватизма принимаетъ разрушительный характеръ, *ибо онъ демократизируется* по условіямъ исторической почвы. Охраненіе въ странахъ католическихъ иное, чѣмъ въ націяхъ православныхъ; консерватизмъ турокъ не похожъ на охраненіе буддистовъ; *но либерализмъ вездѣ одинаково враждебенъ тѣмъ историческимъ началамъ, въ дисциплинѣ которыхъ выросъ тотъ или другой народъ. Либерализмъ есть отрицаніе всякой крайности*, *даже и самой высокой, всякаго стѣсненія, всякаго стиля*. Онъ вездѣ *одинъ*, вездѣ одинаково отрицателенъ, вездѣ одинаково *разлагаетъ* націю *медленно и легально*, но *вѣрно*... И чѣмъ честнѣе либерализмъ, чѣмъ онъ искреннѣе, чѣмъ неподкупнѣе,—тѣмъ вреднѣе. Съ

---

*) *Примѣчаніе 1885 года.* Эти статьи принадлежали другому автору, котораго я назвать по имени безъ его разрѣшенія не имѣю права.

такими либералами, которые ищутъ лишь въ „мутной водѣ рыбу ловить“, сладить легко. Но что дѣлать съ людьми, искренно вѣрующими въ тѣ „великіе принципы 89 года“, которые теперь распространились вездѣ и признаются аксіомой соціальной жизни?...

Свобода! Освобожденіе!... Но *отчего* и во *имя чего*? Во имя какихъ это новыхъ созидающихъ, то есть *стѣснительныхъ* принциповъ? Христіанство, напримѣръ, способствуя столь сильно расторженію стѣснительныхъ узъ древняго гебраизма, римской государственности, эллинскихъ преданій и обычаевъ, предлагало міру новую дисциплину, новыя, несравненно болѣе суровыя стѣсненія.

Гдѣ подобные организующіе (т. е. ограничивающіе) задатки въ современномъ космополитическомъ, равно всюду приложимомъ либерализмѣ? Ихъ нѣтъ, этихъ задатковъ!

Свобода для свободы, habeas corpus и т. п., свобода дѣлаетъ все, *кромѣ зла*... Но что такое *зло*—развѣ это такъ ужъ ясно?...

Законность?... Но гражданскій законъ самъ за собою не признаетъ незыблемаго характера религіознаго догмата... Онъ мѣняется... И еще вопросъ—лучше ли стали люди, выше, *полнѣе ли* прежняго съ тѣхъ поръ, какъ осторожное и „постепенное“ вывѣтриваніе и подмываніе демократическаго прогресса разрушаетъ все больше и больше великолѣпныя зданія религіозныхъ и сословныхъ государствъ?

Или, можетъ быть, люди, утративъ нѣкоторыя старыя доблести, стали при новыхъ порядкахъ гораздо счастливѣе прежняго?

Нѣтъ! Они не стали ни лучше, ни умнѣе, ни счастливѣе!... Они стали мельче, ничтожнѣе, бездарнѣе; ученѣе въ массѣ, это правда, но зато и глупѣе.

Ибо глупо, напримѣръ, такъ слѣпо вѣрить, какъ вѣритъ нынче большинство людей, по-европейски воспитанныхъ, въ нѣчто невозможное, въ конечное царство правды и блага на землѣ, въ мѣщанскій и рабочій, сѣрый и безличный земной рай, освѣщенный электрическими солнцами и разговаривающій, посредствомъ телефоновъ, отъ Камчатки до Мыса Доб-

рой Надежды... Глупо и стыдно, даже людямъ, уважающимъ *реализмъ*, вѣрить въ такую *не-реализуемую* вещь, какъ счастіе человѣчества, даже и приблизительное... Смѣшно служить такому идеалу, несообразному ни съ опытомъ исторіи, ни даже со всѣми законами и примѣрами естествознанія. Органическая природа живетъ разнообразіемъ, антагонизмомъ и борьбой; она въ этомъ антагонизмѣ обрѣтаетъ единство и гармонію, а *не въ плоскомъ униссонѣ*. Если исторія есть лишь самое высшее проявленіе органической жизни на землѣ, то и тогда разумный реалистъ не долженъ быть ни демократомъ, ни прогрессистомъ въ нынѣшнемъ смыслѣ. Нелѣпо, оставаясь реалистомъ въ геологіи, физикѣ, ботаникѣ, внезапно перерождаться, *на порогѣ соціологіи*, въ утилитарнаго мечтателя. Смѣшно, отвергая всякую положительную, ограничивающую насъ *мистическую ортодоксію,* считая всякую подобную вѣру удѣломъ наивности или отсталости, поклоняться *ортодоксіи прогресса*, кумиру поступательнаго движенія...

Нѣтъ никакихъ вѣрныхъ, *научныхъ* данныхъ на то, что это быстрое поступательное движеніе человѣчества, этотъ полетъ стремглавъ, безъ тормазовъ и парашютовъ, не есть безвозвратное паденіе въ страшную бездну отчаянія...

Можно, пожалуй (при нѣкоторой ограниченности ума и при слабости общихъ познаній), *вѣрить сердцемъ* въ спасительность эмансипаціоннаго прогресса, охватившаго человѣчество съ конца прошлаго вѣка, и можно *не вѣрить* въ пользу этого либеральнаго прогресса. Но мы спрашиваемъ: гдѣ научный, точный критеріумъ, который давалъ бы намъ вполнѣ надежныя основы для подобной утѣшительной вѣры?

Ихъ нѣтъ для темнаго и страшнаго грядущаго; ихъ нѣтъ и въ настоящемъ.

Въ настоящемъ—гражданская равноправность и всеобщая юридическая свобода хотя и чрезвычайно велики во всей Европѣ и въ Америкѣ, сравнительно съ вѣками феодализма, религіозныхъ стѣсненій и рабства, но дѣйствительнаго, ощутительнаго, *субъективнаго,* такъ сказать, благоденствія или счастія,—„равенство и свобода“ эти не дали никому.

Явилось новое зло, распространились новыя страданія, не-

предвидѣнныя, нежданныя, неизвѣстныя, страшныя. Все человѣчество тоскуетъ; оно „скучаетъ“, какъ „скучала“, по словамъ Ламартина, либеральная (и только либеральная), мирная Францiя Людовика-Филиппа и Гизо. Люди, по мѣрѣ развитiя эмансипацiоннаго прогресса, становятся вездѣ впечатлительнѣе, требовательнѣе; претензiй въ толпѣ больше, но удовлетворить всѣмъ этимъ претензiямъ еще не найдено средствъ и, вѣроятно, не найдется.

Въ газетахъ и книгахъ всѣхъ странъ мы безпрестанно видимъ слова: „благоденствiе“, „благо народа“, „le bien-être matériel et moral de l'humanité“...

Но если не считать вѣнцомъ блаженства быстроту сообщенiй, теплые вагоны, разныя удобства и право, данное почти вездѣ депутатамъ, мѣшать своимъ правительствамъ дѣлать дѣло, то этого *настоящаго* „bien-être“, выражающагося не во внѣшнихъ только удобствахъ и не въ однихъ правахъ на политическую болтовню, а во внутреннемъ болѣе или менѣе сознательномъ довольствѣ судьбой, мы не видимъ нигдѣ.

Разрушивъ все старое, подкопавшись подъ всѣ прежнiя вѣрованiя, демократическiй либерализмъ не далъ взамѣнъ ничего созидающаго и прочнаго... Ибо хотя вѣчнаго на землѣ нѣтъ ничего, но существуютъ явленiя сравнительно очень прочныя. *Прочно же у людей именно то, что по существу своему противорѣчитъ демократической свободѣ* и тому индивидуализму, который она обусловливаетъ. *Смѣсь страха и любви*— вотъ чѣмъ должны жить человѣческiя общества, если они жить хотятъ... Смѣсь любви и страха въ сердцахъ... священный ужасъ передъ извѣстными идеальными *предѣлами*; любящiй страхъ передъ нѣкоторыми *лицами;* чувство искреннее, а не притворное только *для политики*; благоговѣнiе при видѣ даже одномъ иныхъ *вещественныхъ предметовъ*, при видѣ иконы, храма, утвари церковной...

Вотъ что созидаетъ нацiи, вотъ что ихъ единитъ, ведетъ къ побѣдамъ, славѣ и могуществу, *вотъ что задерживаетъ ихъ паденiе надолго даже и тогда, когда паденiе это вслѣдствiе*

развитія демократическаго индивидуализма становится неотвратимымъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ..

Но страха этого, страха *вольнаго* и принципіальнаго не хотятъ либералы; они его считаютъ несовмѣстнымъ съ *достоинствомъ* современнаго мѣщанина, и всякій, самый плачевный въ своей демократической ограниченности, свободный швейцарскій гражданинъ имъ кажется выше, чѣмъ Императоръ Ѳеодосій Великій, который въ Миланѣ не смѣлъ взойти въ церковь, пока ему не разрѣшилъ этого Святой Амвросій..

Хорошо *достоинство*, которое поставило идеаломъ человѣчеству *современнаго европейскаго труженика средней руки... и только!...*

Жалкій идеалъ!... Жалкіе люди... И чѣмъ искреннѣе, чѣмъ честнѣе, чѣмъ убѣжденнѣе, тѣмъ они хуже и вреднѣе въ своей наивной умѣренности, въ своей тихо и кротко разрушительной „постепеновщинѣ!"—Ихъ неловко карать, преслѣдовать, казнить... Но въ „легальной безопасности" своей, они для будущаго опаснѣе отъявленныхъ злодѣевъ, противъ которыхъ у всякаго государства есть мечъ, есть каторга, изгнаніе..

Но что дѣлать съ невинными и честными разрушителями?... Какъ ихъ убѣдить?...

Варшава, 10 января.

Выстрѣлъ повивальной бабки Засуличъ былъ дѣйствительно роковымъ „выстрѣломъ", какъ выразились тогда нѣкоторые изъ органовъ петербургской печати (кажется, „Голосъ"). Онъ былъ сигналомъ поворота для многихъ; но поворотъ этотъ оказался противоположнымъ тому, котораго ожидали восхищенные поклонники преступницы, присвоившей себѣ право казнить заслуженныхъ государственныхъ дѣятелей. Борьба съ тѣхъ поръ стала открытой и безпощадной. Правительство было вынуждено, наконецъ, карать сурово отъявленныхъ враговъ государственнаго порядка. Испуганные либералы стали осторожнѣе, многіе изъ нихъ готовы даже считать себя консерваторами только потому, что они враги преступныхъ крайностей. Но (увы!) идеалъ ихъ все тотъ же,—

идеалъ „постепеннаго“ прогресса, т. е. легальнаго шествія къ невозможному *царству блага и всеобщей правды на землѣ*... Зло такъ же присуще нравственной природѣ человѣка, какъ боль и страданія его тѣлу. Но вѣра либераловъ и мирныхъ прогрессистовъ слѣпа. Иные изъ нихъ, напримѣръ, думаютъ, что все было бы хорошо, еслибъ *у насъ, какъ вездѣ, была конституція*: какъ будто бы въ другихъ странахъ конституція сдѣлала людей добрѣе, умнѣе, честнѣе, здоровѣе и сытѣе!... Другіе жалуются на биржевую игру, на взятки въ новой современной формѣ, на ошибки администраціи, на бездѣятельность того или другого земства, на „непроизводительныя“ затраты... на грубое господство денегъ... На что только не жалуются у насъ люди!... Но скажите этимъ „мирнымъ“ друзьямъ свободы и равенства, что всѣ эти явленія, возмущающія ихъ „легальныя“ и европейскія сердца, суть не что иное, какъ плоды того „общечеловѣческаго эмансипаціоннаго“ прогресса, который они чтутъ столь ребячески и слѣпо,—они засмѣются надъ вами или вознегодуютъ на васъ. Они скажутъ: „движеніе назадъ невозможно“... и успокоятся опять на томъ же, допуская, пожалуй, казни и всякія карательныя мѣры противъ явныхъ анархистовъ и убійцъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжая безсознательно приготовлять почву будущаго для ихъ преступныхъ дѣйствій. Подобнаго рода люди (а ихъ, къ несчастью, великое множество вездѣ въ наше время) похожи на дурно обученныхъ или недобросовѣстныхъ врачей, которые прижигаютъ, рѣжутъ и вообще лечатъ одними наружными средствами, не заботясь о внутреннемъ худосочіи, производящемъ ужасающія язвы...

Наставники юношества, профессора и педагоги продолжаютъ, вѣроятно, по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, и безъ *необходимыхъ оговорокъ*, колеблющихъ довѣріе *къ самимъ основамъ человѣческой науки*, толковать ученикамъ объ этихъ *вещественныхъ атомахъ*, которыхъ въ сущности *вовсе нѣтъ и быть не можетъ*, и съ раннихъ поръ парализуютъ метафизическій полетъ молодого ума этою проповѣдью ложной атомистической теоріи. Ибо стоитъ только юношѣ сказать себѣ: *„я не знаю, что такое вещество, и никогда не узнаю здѣсь*

на землѣ", чтобы шагъ за шагомъ, отъ сомнѣнія въ твердости и точности всѣхъ научныхъ основъ онъ бы скоро дошелъ до вѣры въ *духъ*, отъ вѣры въ духъ до вѣры въ личнаго Бога, отъ вѣры въ личнаго Бога до исканія *формъ* сношенія съ Нимъ, до *положительной религіи*; отъ положительной религіи до живого патріотизма, до „страха Божія", до *любви* къ предержащимъ властямъ; ибо *истинное* христіанство учитъ, что *какова бы ни была, по личнымъ немощамъ своимъ, земная іерархія, она есть отраженіе небесной.* „И ангелы не равны между собою", говоритъ Церковь... Но атомистическая теорія вещества, предлагаемая *не въ видѣ только необходимой для реальныхъ наукъ метафизической уловки, а въ видѣ чего-то яснаго и незыблемаго,* спускаетъ на долго, если не навсегда, передъ мысленными очами молодого человѣка точно какую-то завѣсу, какую-то грубую ткань изъ маленькихъ черныхъ точекъ, за которой онъ уже ничего далѣе не видитъ!

Конечно, матеріализмъ общаго міросозерцанія вовсе не долженъ бы влечь за собою неизбѣжно либеральныхъ и прогрессивныхъ воззрѣній на соціальную жизнь. Прямой и ясной логической связи нѣтъ между вѣрою въ Бюхнера и вѣрою въ исправимость и счастье человѣчества, между поклоненіемъ одной *матеріи* и желаніемъ поставить всѣхъ людей въ одинаковое положеніе умѣреннаго и равноправнаго благополучія. Были матеріалисты, которые ненавидѣли демократическій прогрессъ и презирали его прозаическія надежды. Но это были почти всегда люди высокаго, изящнаго ума и обширныхъ познаній, люди, до которыхъ очень далеко не только большинству учащихся, но и многимъ изъ ученыхъ (но вовсе не особенно умныхъ) наставниковъ ихъ...

Прямой и положительной, логической нити нѣтъ, сказали мы, между матеріализмомъ и вѣрою въ прогрессъ; но есть (именно вслѣдствіе слабости и несвязности мысли у большинства людей), между ними какое-то историческое совпаденіе. Излишнее поклоненіе реальной наукѣ влечетъ за собою чрезмѣрныя надежды на всемогущество человѣческаго разума; а если разумъ всесиленъ, то отчего же бы ему не довести людей на землѣ до возможнаго совершенства и счастія? Надо

только, если *не вдругъ* и не *насиліемъ, то постепенно*, устранить всѣ препятствія. Не надо штурма! Штурмъ не разсчетливъ, онъ *пробуждаетъ уснувшую реакцію*, а нуженъ тихій, медленный, но вѣрный подкопъ.

Эгалитарная монархія лучше сословной, конституціонное государство лучше абсолютнаго (гдѣ „живая воля, живая душа“, по прекрасной мысли Гоголя, стоитъ выше деревяннаго закона)... Къ тому же большинство вездѣ не мыслитъ, а движется лишь какимъ-то смутнымъ *подобіемъ* мысли. Всякая идея тогда только и господствуетъ, тогда только именно и правитъ событіями, когда она перешла почти въ инстинктъ.

Умѣренный либерализмъ оттого такъ и силенъ въ XIX вѣкѣ, что большинство либеральничаетъ такъ же полусознательно, какъ мужикъ полусознательно крестится и держитъ посты.

Но ни сила, ни успѣхъ — вовсе еще не искомая истина и вовсе не благо. И холера—сила, и адвокаты революціоннаго стиля имѣютъ у насъ блестящій успѣхъ!.. Но ни въ азіатской холерѣ, ни въ европейскихъ рѣчахъ какихъ-нибудь Александровыхъ, мы не обязаны видѣть ни блага, ни искомой истины.

„Такъ думаетъ большинство“... Но большинство есть не что иное, какъ „собирательная бездарность“, сказалъ прекрасно Дж. Ст. Милль, почитаемый самъ за прогрессиста.

Еще одно обычное изреченіе этихъ *умѣренныхъ* людей: „мы противъ всякихъ крайностей, противъ всякаго насилія, сверху ли оно или снизу“...

Если это вашъ личный темпераментъ, ваша кротость, ваша доброта, — мы готовы чтить эти прекрасныя личныя свойства; но не возводите, ради Бога, потребностей вашего сердца въ государственный и общественный принципъ.

Государство обязано всегда быть грознымъ, иногда жестокимъ и безжалостнымъ, потому что общество всегда и вездѣ слишкомъ подвижно, бѣдно мыслью и слишкомъ страстно...

Вы возразите: „что-жъ!.. мы не мѣшаемъ карать и казнить нарушителей закона и порядка. Дайте намъ только въ частномъ покоѣ и мирномъ трудѣ *постепенно готовить будущее царство разума и правды*“...

Готовьте! Готовьте, честные граждане, готовьте будущее!

Учите дѣтей вашихъ роптать на власти, учите ихъ тому, что прежде всего надо быть какимъ-то „честнымъ человѣкомъ“, а религію, напримѣръ, можетъ имѣть всякій свою... Учите ихъ не любить *никакихъ* крайностей, учите набожность звать ханжествомъ, возмущаться *религіознымъ фанатизмомъ*, преданность службѣ царской и почтеніе къ начальству считать низкопоклонствомъ... Пренебрегайте „en principe“ чинами, орденами... Въ земскихъ собраніяхъ играйте въ легкую, но все-таки оставляющую слѣды свои на дѣлахъ, оппозицію...

Готовьте, готовьте будущее! Разсылайте поскорѣй по народнымъ школамъ анатомическіе атласы, чтобы крестьянскіе дѣти, эти *граждане прекраснаго грядущаго*, узнали бы скорѣй, что *души у человѣка нѣтъ нигдѣ*, а все одни *нервы* и *нервы*... (а если все нервы—то зачѣмъ идти на исповѣдь и слушаться становаго?)... Безпокойтесь прежде всего о томъ, чтобы простолюдинъ не думалъ, что „земля на трехъ китахъ стоитъ“... Это вѣдь такое преступленіе, такое несчастіе, *что мужикъ на васъ еще не совсѣмъ похожъ!*.. Спѣшите, спѣшите скорѣе снять съ него его яркую и живописную рубашку и надѣньте на него траурную, мрачную блузу, или сѣрую жакетку европейскаго *„увріе“*...

Въ судахъ по прежнему старайтесь вести эту *наглядную* и иллюстрированную „пропаганду свободы“. Мировые судьи! сажайте въ тюрьмы хозяекъ, обруганныхъ горничными, какъ вы сдѣлали съ г-жею Энкенъ... Защитники юношей въ политическихъ процессахъ! продолжайте говорить, что русскимъ молодымъ людямъ можно потому простить нигилистическіе заговоры, демонстраціи и бунты, что у *нихъ нѣтъ другой героической поэзіи*... (какъ будто не было и нѣтъ героической поэзіи въ нашихъ кавказскихъ битвахъ, въ 12 году, и теперь, въ Туркестанѣ и Болгаріи, подъ царскими знаменами!?)...

Литераторы! пишите, пишите, пишите больше... и все въ томъ-же духѣ! Продолжайте, русскіе граждане, вашъ трудъ „легальнаго, постепеннаго и мирнаго разрушенія“...

И что вамъ за дѣло до будущаго?.. На вашъ вѣкъ, быть можетъ, хватитъ еще одного либерализма, чтобъ не впасть

въ тѣ рѣзкія крайности прогресса и реакціи, которыхъ вы такъ боитесь...

Après vous le déluge!..

Повторяемъ еще: если вы наивны, то вы жалкіе люди, глупые люди, презрѣнные люди!—Если же вы лукавы, то вы гораздо вреднѣе и преступнѣе *тѣхъ, которыхъ вы* сами теперь съ испуга соглашаетесь казнить...

Тонкій, медленный, неотразимый ядъ страшнѣе желѣза и огня!

Варшава, 11 января.

Религія, преобладающая въ какомъ-нибудь народѣ, *вотъ краеугольный камень охраненія прочнаго и дѣйствительнаго. Когда вѣришь, тогда знаешь во имя чего стѣсняешься* и для чего (быть можетъ и съ невольнымъ ропотомъ нерѣдко, но безъ гордаго и явнаго протеста) переносишь лишенія и страданія...

Вообразимъ себѣ, что всѣ милліоны людей бѣднѣйшаго класса, составляющаго большинство во всѣхъ государствахъ, отказались отъ религіозныхъ преданій, въ которыхъ темныя толпы ихъ предковъ прожили вѣка; вообразимъ себѣ, что всѣ безъ исключенія подданные какой-нибудь державы говорятъ о „правахъ человѣка“ о „равенствѣ и свободѣ“, о „достоинствѣ“, о томъ, что земля обращается около солнца въ 365 дней и столько то секундъ... еще о томъ, что есть, положимъ, *какой-то* Богъ (un Dieu des bonnes gens! какъ пѣлъ Беранже), а подати все-таки велики при этомъ, и т. д..

Желали бы мы знать—какіе *принципы* могутъ противопоставить грознымъ требованіямъ подобной, „цивилизованной по нынѣшнему“, толпы тѣ охранители, которыхъ обыкновенно зовутъ умѣренными либералами?..

Консерватизмъ чисто экономическій, такъ сказать, лишенный религіознаго оправданія, въ нравственной немощи своей, можетъ отвѣчать на требованія анархистовъ только *однимъ насиліемъ,* картечью и штыкомъ... Мы это и видимъ давно въ истинно-*передовой* странѣ Запада, во Франціи.

Тамъ давно уже нѣтъ никакого обще-идеальнаго принципа,

вознесеннаго надъ всею націей...; тамъ періодически, лѣтъ черезъ 15—20, возобновляется борьба между капиталомъ и трудомъ, и капиталъ еще недавно, въ образѣ Тьера и рукой Макъ-Магона, побѣдилъ возстаніе недовольнаго труда. Мы признаемся откровенно, что не можемъ даже и притвориться сочувствующими той или другой сторонѣ. Для насъ одинаково чужды и даже отвратительны обѣ стороны—и свирѣпый коммунаръ, сжигающій тюильрійскія сокровища, и невѣрующій охранитель капитала, республиканецъ лавочникъ одинаково враждебный и Церкви своей, и монарху, и народу... *Мы не понимаемъ даже вовсе того психическаго процесса*, подъ вліяніемъ котораго дѣйствуютъ эти люди прогресса,— *либеральнаго только снизу вверхъ...* Этотъ психическій процессъ намъ чуждъ и ненавистенъ до фанатизма... Изъ цѣлой французской націи, столь жестоко пострадавшей въ послѣднюю войну, въ насъ возбуждалъ нѣсколько болѣе сожалѣнія только самъ пожилой, больной и низверженный Императоръ, излюбленный избранникъ этой самой, ползавшей передъ нимъ буржуазіи, которая, во дни униженія и заслуженнаго позора своего, срывала на прежнемъ кумирѣ своемъ досаду своей собственной пустоты!.. Мы не понимаемъ ни жалкихъ слезъ, пролитыхъ въ кабинетѣ Бисмарка на-дняхъ перешедшимъ въ вѣчность, отвратительнымъ Жюль Фавромъ; насъ не трогаютъ патріотическія хлопоты стараго Тьера; мы постичь не можемъ „дурной вкусъ" либеральной Франціи, предпочитающей теперь Гамбетту и Греви родовымъ своимъ королямъ и избраннымъ цезарямъ...

Александровы, Греви или Гамбетты (это вѣдь все равно) хороши на своемъ мѣстѣ, *когда намъ нужно выиграть процессъ...* И только!.. Мало-ли кто мнѣ нуженъ,—но какъ я, русскій человѣкъ, могу понять, скажите, что *сапожнику* повиноваться легче, чѣмъ *жрецу* или *воину*, жрецомъ благословенному?..

„Но это вѣдь Франція, *безумная* Франція! Что намъ за дѣло до внутреннихъ порядковъ Франціи"!.. Неправда-ли?... „У насъ есть Верховная Власть", вы скажете, „мы чтимъ ее глубоко, мы повинуемся ея помощникамъ и слугамъ, мы

вездѣ, въ рѣчахъ, въ статьяхъ только и говоримъ *о единеніи у насъ Царя и Его народа*".

„О! да не возглаголятъ уста мои дѣлъ человѣческихъ"... Вопросъ не въ томъ, что вы говорите и даже чувствуете (особенно теперь, когда грозные генералы и энергическіе полицеймейстеры понадобились вамъ для защиты вашихъ денегъ и очаговъ семейныхъ); вопросъ гораздо глубже. *Вопросъ въ великихъ историческихъ теченіяхъ* вѣка.

Давно было сказано и признано всѣми, что Франція—*передовая* страна... *Передовая* это не значитъ—*лучшая*; въ наше время это, напротивъ, значитъ—*худшая*... Идти *скоро*, идти *впередъ* — не значитъ, непремѣнно къ высшему и лучшему... Идти все впередъ и все быстрѣе можно къ старости и смерти, къ безднѣ. Даже несомнѣнное улучшеніе нѣкоторыхъ сторонъ быта и нерѣдко самой нравственности не спасаютъ государство отъ гибели... Дисциплина *національныхъ нравовъ* для обществъ спасительнѣе самыхъ привлекательныхъ качествъ *общечеловѣческой нравственности*...

Многіе думаютъ, напримѣръ, что въ послѣдніе вѣка Рима господствовали только жестокость, сладострастная роскошь и развратъ. Но это ошибка... Рядомъ съ этими пороками распространялось христіанство, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ средѣ *тѣхъ же римскихъ гражданъ*... Христіане не выселялись никуда, не выдѣлялись изъ остальной массы римлянъ; они принимали, несмотря на временныя гоненія, участіе во всѣхъ явленіяхъ общественной, семейной и государственной жизни;... они *должны были* вносить во все свои болѣе высокіе, болѣе добрые, идеальные вкусы и понятія,... они вліяли въ семьяхъ на самихъ язычниковъ. Но увеличивая, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ римской средѣ количество добрыхъ чувствъ и высокихъ поступковъ, они все-таки болѣе, нежели кто-либо, своею *общечеловѣческою* нравственностью *ускоряли расторженіе узъ собственно римской дисциплины*... Дисциплина же христіанская укоренилась *впослѣдствіи* на берегахъ византійскаго Босфора...

Итакъ, говоримъ мы, даже и дѣйствительное улучшеніе нѣкоторыхъ сторонъ человѣческой жизни и самой человѣческой

души—не обусловливаетъ непремѣнно пользу общества и крѣпость Государства. Греви, можетъ быть, и *честнѣе* Наполеона I-го, но положеніе Франціи было бы теперь иное, если бы она, уже изнуренная демократизаціей, могла бы произвести что-либо великое, подобное Наполеону...

Но въ новѣйшихъ движеніяхъ вѣка мы не видимъ даже и нравственнаго несомнѣннаго улучшенія... Оно и понятно. Если Божественная истина Откровенія не могла (и не *претендовала,* замѣтимъ, *никогда*) уничтожить зло и безнравственность на этой землѣ, а только обѣщала этотъ рай подъ *новымъ инымъ небомъ*, то что же могутъ существеннаго сдѣлать всѣ бѣдные Жюль-Симоны, Вирховы, Шульце-Деличи, всѣ эти люди, которые, по выраженію одного западнаго писателя, носятся всюду съ какою то „marotte humanitaire de peu de conséquence“...

Самые даровитые и вліятельные изъ этихъ людей должны считать за счастіе, если они, въ мірѣ нравственныхъ страданій и экономическихъ невзгодъ, достигаютъ на короткое время того результата, котораго достигаетъ въ мірѣ болѣзней медицина. По словамъ Пирогова: „самые хорошіе врачи едва-едва колеблятъ среднюю цифру смертности“!

Итакъ, что же? Гдѣ же Франція? И зачѣмъ явилась на мигъ эта страна, такъ плачевно упавшая въ теченіе какого-нибудь полу-вѣка съ непрочныхъ, но пышныхъ и величавыхъ подмостокъ эгалитарнаго цезаризма въ смиренныя объятія почтеннаго Греви?! *).

Нѣтъ! Не на мигъ передъ мысленными очами нашими должна являться эта обреченная на гибельную передовую роль европейская нація! Россія должна глядѣть на нее пристально: оттуда скоро польются, можетъ быть, снова потоки грязи и петролея...

---

*) *Примѣчаніе 1885 года.* По поводу этой статьи и моего гоненія на г. Греви, французскій генеральный консулъ въ Варшавѣ жаловался на „Варшавскій Дневникъ“ генералъ губернатору г. Коцебу. „Президентъ *дружественной* державы! и т. п... (Ну ужъ *держава* съ адвокатомъ вмѣсто Царя! и...) Гр. Коцебу не обратилъ на эту жалобу никакого вниманія.

Францiя—это историческiй „центръ Европы"... Ея первый король (Хлодовикъ) рѣшилъ мечемъ борьбу арiанства съ православiемъ въ пользу послѣдняго. Ея Императоръ (Карлъ Великiй) создалъ окончательно папизмъ и отдѣлилъ католичество разъ навсегда отъ византизма... Французскiе рыцари впереди всѣхъ другихъ шли на защиту Гроба Господня... Побѣда монархiи надъ феодальностью дворянства была во Францiи одержана скорѣе и рѣшительнѣе. *Новый бытъ, новые моды и обычаи* нигдѣ не нашли себѣ такого изящнаго и заразительнаго выраженiя, какъ при дворахъ французскихъ королей... Въ нетерпѣливой Францiи впервые свершилась революцiя во имя тѣхъ самыхъ „правъ человѣка", о которыхъ въ другихъ странахъ тогда только немногiе думали... Въ этой же Францiи, раньше и яснѣе чѣмъ въ Англiи, Германiи, Италiи, обнаружились печальные плоды восторженныхъ порывовъ вооруженной либеральности, обнаружилась та истина, что вслѣдъ за паденiемъ сословнаго строя, должно воцариться господство денегъ и мелкой учености, грубая *плутократiя* и болѣзненная, робкая *грамато-кратiя*... И въ этой же странѣ впервые явилось, *какъ реакцiя* противу господства либеральной и оппозицiонной плутократiи, ученiе *экономическаго равенства*, ученiе вначалѣ мечтательное и кроткое, а позднѣе взявшее въ руки ружье, динамитъ и револьверъ...

То, что мы пишемъ вовсе не ново. Все это очень старо; все это гораздо и пространнѣе, и лучше нашего было сказано все въ той же *передовой* Францiи отчасти мыслителями крайней лѣвой стороны, отчасти защитниками феодальныхъ порядковъ и церкви. Жозефъ-де-Местръ и Прудонъ одинаково побѣдоносно доказывали всю несостоятельность умѣреннаго либерализма, всю его недостаточность и все ничтожество мѣщанскихъ конституцiй. Но все это забыто: въ Россiи теперь какъ бы некогда и некому мыслить серьезно и внимательно читать...

А кто мыслитъ читая и читаетъ съ размышленiемъ, тотъ молчитъ гдѣ-нибудь въ своей деревнѣ, или въ московскомъ домѣ, пожимая плечами...

Итакъ, что-жъ дѣлать?.. Неужели все погибло! Францiя „центръ Европы"!.. Парижъ столица мiра!..

Всѣ сдѣлаютъ позднѣе то же, что и Францiя... Во что же вѣрить?.. Чего ждать?.. Предаться роковому теченiю?..

Нѣтъ! Нѣтъ! Тысяча разъ *нѣтъ!*.. Если бы мы не вѣрили въ возможность *основныхъ* измѣненiй въ русскихъ понятiяхъ, и мы бы молчали...

Мы вѣримъ, мы имѣемъ смѣлость вѣрить, что Россiя еще можетъ отстраниться отъ западно-европейскаго русла...

Мы еще вѣримъ въ силу *русскаго охраненiя* и въ свѣжесть русскаго ума!..

Неужели этотъ *умъ* не постигнетъ, наконецъ, что Европѣ болѣе не въ чемъ завидовать; что ложь дальнѣйшаго демократическаго и либеральнаго прогресса уже слишкомъ груба... что *идея* этого прогресса не научна, что идеалъ его неизященъ и невысокъ, ибо всеобщее равенство и всеобщая равноправность убiйственны для разнообразнаго развитiя духа и свойствъ людскихъ...

Неужели мы не поймемъ, наконецъ, что аѳонскiй монахъ или набожный московскiй купецъ, которые говорятъ: Бога *бойтеся*, Царя *чтите*, и при слухѣ о надеждахъ прогресса, съ удивленiемъ и невѣрiемъ пожимаютъ плечами, гораздо даже болѣе—реалисты, гораздо ближе къ реальной истинѣ, чѣмъ тѣ европейцы, которые какой-то *свободой безъ страха* хотятъ *дисциплинировать* государства...

Берегитесь! Близокъ страшный часъ... Откуда можетъ начаться пожаръ въ Европѣ, мы не знаемъ, но пламя таится подъ пепломъ.

Намъ нужно заранѣе закалить наши силы терпѣнiемъ и *любовью* къ предержащимъ властямъ за то уже только, что *они Власть*, той любовью, которая дается страхомъ Божiимъ и вѣрой...

„Начало премудрости есть страхъ Божiй, *плодъ же его любы*"...

Поменьше о „достоинствѣ человѣка Европейца", ради Бога! Поменьше о благѣ всего *человѣчества*... Поменьше о *постепенности* даже.. Поменьше и о той *любви безъ страха*, того христiанства à l'eau de rose, которымъ иные простодушно морочатъ и себя, и насъ...

Нѣтъ! христiанство есть одно, настоящее... Это христiан-

ство—монаховъ и мужиковъ, просвирень и *прежнихъ* набожныхъ дворянъ.

Это великое ученіе, *для личной жизни сердца столь идеальное*, (столь нѣжное даже!) *для сдерживанія людскихъ массъ желѣзной рукавицей столь практическое и вѣрное*,—это ученіе не виновато, что *формы* его огрубѣли въ рукахъ людей простыхъ.. Не Истина виной тому, что болѣе образованные люди почти всѣ забыли эту Истину въ погонѣ за миражемъ прогресса.

Религія въ общественной жизни подобна сердцу въ организмѣ животномъ. Это primum vivens, ultimum moriens націи.

Пока религія жива, все еще можно *измѣнить* и все спасти, ибо у нея на все есть отвѣты и на все утѣшенія. А гдѣ нѣтъ утѣшеній, тамъ есть кара и принужденіе, оправданныя не притворными фразами „горькой необходимости“ и т. п., а правомъ Божественнымъ, вполнѣ согласнымъ съ законами вещественной природы, ненавидящей равенство!

Варшава, 12 января.

Во всѣхъ русскихъ газетахъ печатаются теперь извѣстія о различныхъ приготовленіяхъ къ празднованію двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора. На земскихъ собраніяхъ и всюду совѣщаются о томъ, какимъ добрымъ дѣломъ и въ какой формѣ ознаменовать годовщину вступленія на Престолъ Монарха, подъ державой Котораго совершилось въ Россіи столько знаменательныхъ событій и такъ много глубокихъ перемѣнъ.

Русское общество заранѣе готовится выразить горячую признательность свою человѣколюбивому Царю, съ такой славой правящему нами уже четверть вѣка и съ такой неуклонной энергіей идущему во главѣ народа Своего по пути его историческихъ судебъ...

Какъ истинные вѣрноподданные, и мы съ благоговѣйной радостью внимаемъ въ „преддверіи“ великаго дня, еще не возросшему до восторженныхъ и ликующихъ криковъ, смутному гулу и почтительному шепоту многомилліонныхъ русскихъ голосовъ...

Но уму нашему представляется одинъ печальный вопросъ... *Мы* радуемся, *мы* готовимъ народный тріумфъ Государю... Но *Онъ?... Онъ* радуется-ли на насъ?... Не сокрушено-ли Его сердце при мысли объ этомъ неблагодарномъ „обществѣ", сумѣвшемъ извлечь почти одно лишь зло изъ Его великодушныхъ начинаній!..

Мы рабы лукавые и неблагодарные....

Мужикъ нашъ, освобожденный Государемъ отъ вѣковыхъ условій необходимаго *въ свое время* крѣпостнаго права, мужикъ адресовъ не пишетъ, альбомовъ не заказываетъ, праздниковъ „государственныхъ" и „національныхъ" не празднуетъ...: онъ *повинуется* не только *съ виду*, но и по *идеѣ.*

Онъ *молится* въ Церкви за Царя и Его Семью. Онъ не играетъ въ мелкую оппозицію, онъ не „либеральничаетъ", не суется судить и рядить обо всемъ...

Онъ благодаренъ—и молится...

Онъ, по прекрасному выраженію нашего великаго романиста, Л. Толстого, говоритъ и вѣритъ, что „Александръ Николаевичъ всѣхъ насъ *обдумываетъ*"!

Мужикъ, монахъ, купецъ стараго духа—вотъ истинно-русскіе граждане, а не *мы*... Мы—европейцы, мы—прогрессисты, мы, можетъ быть, прекрасные люди; многіе изъ насъ, конечно, въ личномъ отношеніи, въ смыслѣ общечеловѣческой нравственности, лучше и выше грубаго простолюдина нашего; но вполнѣ-ли мы *русскіе* по *идеалу*, по *особенностямъ* міровоззрѣнія нашего?

И чѣмъ бы мы были, и что бы мы въ силахъ были свершить, еслибы эти милліоны „сѣрыхъ и возвышенно-темныхъ людей" не тормозили бы благотворно нашъ неудержимый и безсмысленный полетъ?..

Что сдѣлали мы изъ реформъ, столь великодушно намъ данныхъ?.. Какой духъ внесли мы въ тѣ новыя и болѣе прежняго просторныя формы, которыя даны теперь русской жизни?..

Что мы дѣлали въ эти двадцать пять лѣтъ въ судахъ, въ администраціи, въ училищахъ, въ печати? Что мы писали, что мы говорили, что мы думали? До чего мы довели моло-

дое поколѣніе нашимъ потворствомъ, нашей слабостью, отсутствіемъ въ насъ самихъ правилъ и ума?.. Нашими вы думками, наконецъ, что какой-то *регрессъ* невозможенъ...

А разобралъ ли кто-нибудь внимательно и съ твердостью здраваго ума, что такое *регрессъ* и *прогрессъ?* Не просто ли это— свѣтъ и тѣнь, жаръ и холодъ; только правая колея бѣгущей колесницы и лѣвая... *Почему же только лѣвая колея всегда хороша?* Почему на нее всегда должна склоняться эта колесница народной жизни?.. Почему жарѣ не смѣниться прохладой, и почему не спустить немного сторы, когда нервы начинаютъ раздражаться отъ несвоевременной и нездоровой яркости какого-нибудь (быть можетъ и ложнаго, слишкомъ искусственнаго) свѣта?..

А кто сказалъ, какой такой мыслитель разъ навсегда догматически рѣшилъ, что *настоящій* государственный прогрессъ всегда долженъ быть либеральнаго или эмансипаціоннаго свойства? Все въ свое время хорошо. Постепенное закрѣпощеніе народа нашего было въ *свое время* спасительнымъ прогрессомъ. Уничтоженіе вѣчевыхъ вольностей и удѣльной независимости было прогрессомъ; тотъ особаго рода демократическій феодализмъ выслуги, который утвердилъ у насъ Петръ I, еще болѣе дисциплинировалъ Русь, и при всѣхъ недостаткахъ этой отчасти искусственной системы, только послѣ ея утвержденія, Держава наша стала той исполинскою Державой, которой мы сыны. И далѣе: искусство и мысль стали у насъ возможны только тогда, когда Екатерина еще болѣе усилила у насъ неравенство легальнымъ возвышеніемъ дворянства надъ остальнымъ народомъ... Неужели не назвать своего рода прогрессомъ такія условія русской жизни, при которыхъ возможна стала преемственность Державина, Карамзина, Жуковскаго и Пушкина? *Мыслью своей* (не европейской) мы, правда, были очень бѣдны и тогда, весьма небогаты и теперь, несмотря на многорѣчіе печати; но, по крайней мѣрѣ, явилось *свое* искусство... а искусство у народа это именно то, что *переживаетъ въ вѣчной славѣ его самого...* Для того, кто не считаетъ блаженство и абсолютную правду назначеніемъ человѣчества на землѣ, нѣтъ ничего ужаснаго

въ мысли, что милліоны русскихъ людей должны были прожить цѣлые вѣка подъ давленіемъ трехъ атмосферъ—чиновничьей, помѣщичьей и церковной, хотя бы для того, чтобы Пушкинъ могъ написать Онѣгина и Годунова, чтобы построился Кремль и его соборы, чтобы Суворовъ и Кутузовъ могли одержать свои національныя побѣды... Ибо слава (французская gloire—не правда ли, друзья? О, какъ вы нынче боитесь иныхъ словъ и не боитесь самыхъ дурныхъ дѣлъ, интеллигентные соотчичи мои!)..., ибо военная слава..., да, военная слава царства и народа, его искусство и поэзія — *факты*; это *реальныя явленія* дѣйствительной природы; это цѣли достижимыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высокія. А то безбожно-праведное и плоско-блаженное человѣчество, къ которому вы исподволь и съ разными современными ужимками хотите стремиться, такое человѣчество было бы гадко, еслибы оно было возможно...

Всему своя пора,—сказали мы. Ударилъ и часъ освобожденія! Государю было *угодно* даровать народу иныя права. По основному закону нашей Имперіи, по существенному духу націи нашей законно и *хорошо* все то, что исходитъ отъ Верховной Власти. Законно было закрѣпощеніе; законно и *хорошо* было раздѣленіе народа на сословія (или „состоянія"); все было хорошо въ свое время—и старые, закрытые суды, и тѣлесное наказаніе. *Законно и хорошо уничтоженіе* всего этого, не столько *по существу*, *ск лько потому*, *что Верховной Власти было такъ угодно*... Мы *такъ* думаемъ, и не считаемъ того настоящимъ *русскимъ*, кто не *умѣетъ такъ думать*, хотя бы онъ былъ и самый честный, и самый полезный съ виду *въ дѣлахъ* своихъ человѣкъ...

Но если такъ, если Воля Монаршая священна *во всѣхъ случаяхъ*, даже и въ тѣхъ, когда „десница Божія отяготѣетъ на насъ", какъ при Грозномъ Иванѣ, то что же сказать объ *этой самой волѣ* теперь, когда она проявлялась лишь въ желаніяхъ облегчить во всемъ наши историческія узы... Когда къ святынѣ закона присовокупилось въ этой Волѣ столь искреннее *личное* человѣколюбіе?..

Сказать надо вотъ что: Правительство русское въ теченіе

цѣлой четверти вѣка сдѣлало все то добро, которое было въ силахъ человѣческими средствами сдѣлать. Простой народъ русскій, при всѣхъ *личныхъ* порокахъ своихъ, при всей своей грубости въ личныхъ дѣлахъ, исполненный великаго государственнаго такта, показалъ себя достойнымъ реформъ; но интеллигентное русское общество, развращенное до нельзя европейскими современными предразсудками, какимъ-то оппозиціоннымъ ухарствомъ и либеральнымъ фразерствомъ, извлекло изъ всѣхъ даровъ Правительства, почти на всѣхъ поприщахъ, больше вреда, чѣмъ блага.

Покаемся ли мы, наконецъ, хотя ко дню великаго народнаго торжества, и не рѣшимся ли мы просить могучаго Отца, чтобы впредь Онъ держалъ бы насъ грознѣе?..

Великій и необходимый, своевременный опытъ сдѣланъ... Но мы врядъ ли оказались достойными той доли свободы, которая намъ была дана!

Довольно же народной колесницѣ уклоняться все влѣво и влѣво!...

Варшава, 19 января.

Всѣ русскія газеты, безъ исключенія, въ послѣднее время были заняты полемикой по поводу оскорбленій, нанесенныхъ другъ другу печатно, двумя русскими романистами: Иваномъ Тургеневымъ и Болеславомъ Маркевичемъ. Ходъ дѣла, мы полагаемъ, извѣстенъ... Г. Маркевичъ напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* письмо, подъ псевдонимомъ *Иногородняго Обывателя*. Письмо это обличало г. Тургенева въ потворствѣ „нигилизму", за то, что онъ за границей исправилъ и опубликовалъ записки одного молодого человѣка, сидѣвшаго гдѣ-то въ тюрьмѣ за политическую неблагонадежность. Раздосадованный г. Тургеневъ на *гражданское* обвиненіе отвѣчалъ личностями; назвалъ совсѣмъ некстати своего противника „низкопоклонникомъ" и началъ дѣлать какіе-то „намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто" и не обязанъ вѣдать, когда дѣло идетъ лишь о *политическихъ тенденціяхъ* того или другого писателя.

Всѣ газеты вмѣшались въ эту распрю. Г. Катковъ вступился за своего сотрудника; онъ прекрасно различилъ въ своей

апологіи политическій вопросъ отъ личнаго и доказалъ, что Тургеневъ, нападая на Маркевича *извѣстнымъ* образомъ, поступилъ весьма неблаговидно.

Г. Маркевичъ, кромѣ того, напечаталъ старое и дружеское письмо Тургенева (60-хъ годовъ), въ которомъ этотъ послѣдній благодаритъ г. Маркевича горячо за помощь и поддержку, оказанную ему „когда черепица упала ему, Тургеневу, на голову...“ т.-е. когда его обвинили въ сочувствіяхъ Герцену. Въ этомъ письмѣ, г. Тургеневъ между прочимъ называетъ себя „монархистомъ“ и т. д.

Большая часть нашихъ газетъ на сторонѣ Тургенева; въ одной зовутъ Каткова „вѣчнымъ доносчикомъ“; въ другой говорятъ, что въ „сѣдины г. Тургенева“ бросаютъ грязью... Находятъ поведеніе г. Маркевича „безчестнымъ“.... Новая петербургская газета *Страна* (издаваемая г. Леонидомъ Полонскимъ) первая взяла на себя отвѣтственность „сорвать маску“ псевдонима съ *Иногородняго Обывателя Московскихъ Вѣдомостей* и назвала автора по имени, *курсивомъ:—Болеславъ Маркевичъ*.. Даже провинціальная газета, тифлисскій *Обзоръ*, и та защищаетъ Тургенева, и та называетъ г. Каткова все тѣмъ же *доносчикомъ...*

Хотимъ и мы сказать нѣсколько словъ объ этомъ дѣлѣ....

Желательно бы прежде всего понять, какъ это можно называть доносомъ *открытое*, *печатное* обвиненіе человѣка въ чемъ-нибудь такомъ, что намъ кажется вреднымъ для общества? Подъ словомъ „доносъ“ мы въ разговорномъ языкѣ привыкли подразумѣвать поступокъ нѣсколько тайный и низкій, и даже съ оттѣнкомъ болѣе или менѣе личнаго расчета.... Что же тутъ общаго съ тѣми открытыми и смѣлыми печатными обвиненіями въ „неблагонадежности“ того или другого лица, въ гражданской недопустимости того или другого дѣйствія? Со стороны сотрудника, присылающаго въ газету этотъ „доносъ“, расчетъ можетъ быть одинъ—*построчная плата...* Почему же не взять деньги за письма или статьи? Газетъ либеральныхъ, не „доносящихъ“, такъ сказать, у насъ гораздо вѣдь больше, чѣмъ тѣхъ, которыя стоятъ за „порядокъ“ и строгости!

Со стороны редактора у насъ теперь расчета тоже большого быть не можетъ въ избраніи крайней *правой стороны.*

Еще такая авторитетная газета, какъ *Московскія Вѣдомости*, можетъ пользоваться успѣхомъ, благодаря имени редактора. Но мы видимъ, какая судьба постигаетъ у насъ всѣ новые *органы*, такъ называемаго охранительнаго или, пожалуй, хоть сколько-нибудь реакціоннаго направленія... Какая судьба постигла *Русскій Міръ* первоначальной редакціи Черняева и Фадѣева? Какъ идутъ дѣла (интересно бы знать!) новой московской газеты *Востокъ*?.. Мы не слышимъ о ней большого шума... Статистика одной извѣстной намъ губерніи (конечно, не математически-точная) показываетъ, что и *Московскія Вѣдомости* читаются и выписываются больше купечествомъ, а дворянство вообще предпочитаетъ газеты иного, менѣе опредѣленнаго оттѣнка... Посчастливится ли *Берегу* г-на Цитовича больше другихъ—мы этого не знаемъ, хотя и желаемъ ему всей душой успѣха...

Итакъ, если мало расчета въ наше время являться въ печати „обскурантомъ", „реакціонеромъ" и даже самымъ скромнымъ консерваторомъ, то чему же приписать выборъ подобной роли, какъ не искренности убѣжденій? Человѣку „претятъ" просто нѣкоторыя явленія современной жизни и онъ, отвращаясь отъ нихъ, съ усердіемъ и радостью отыскиваетъ въ этой же современной намъ жизни явленія противоположныя, остатки прежнихъ формъ, тѣни обычаевъ, принципы, которыми руководилось прежде большинство и руководствуются, къ счастью, еще и теперь иные люди...

За что же выраженіе *убѣжденій* звать доносомъ? Почему-жъ не *обличеніемъ?* Или это слово *обличеніе* годится только противу генерала, поступившаго самоуправно, противу отца, посѣкшаго ребенка, противу монаха, который въ простотѣ сердечной напился пьянъ, какъ русскій человѣкъ?.. Если директриса института назвала дерзкую дѣвчонку „дерзкой дѣвчонкой" и если я объ этомъ напечатаю, то это будетъ правдивое *обличеніе.* А если я напечатаю, что въ такомъ-то училищѣ учитель, напримѣръ, безпрестанно показываетъ и объясняетъ дѣтямъ невинныя зоологическія таблицы, на которыхъ

инфузоріи перерождаются, съ едва замѣтной постепенностью, въ обезьяну и человѣка, то такая моя корреспонденція будетъ уже не честное обличеніе, а низкій доносъ... Почему же это такъ? За что?

Не низостью, не доносомъ надо бы называть подобныя дѣла, а ужъ скорѣе печальнымъ донъ-кихотствомъ, за *которое не всегда будутъ признательны даже и тѣ, кого вы защищаете!..*

Такъ случилось и въ исторіи Маркевича съ Тургеневымъ... Г. Маркевичу (какъ видно изъ его романовъ) многое не нравится въ современной жизни. Онъ, вѣроятно, и самъ знаетъ, что возвратиться *вполнѣ* къ прежнему и нельзя, и *ненужно*, ибо *крайности* нашего времени отчасти вызваны были *крайностями другого порядка.* Онъ знаетъ, конечно, что *противу потока* прямо плыть нельзя; но онъ, и какъ художникъ, и какъ гражданинъ, имѣетъ право указывать въ романахъ своихъ на то, что еще не совсѣмъ погибло и что желательно было бы сохранить (ибо *сохранять надолго* можно многое; на это есть примѣры); и въ статьяхъ и письмахъ своихъ, онъ не можетъ (если у него есть убѣжденіе) не „обличать" всего того, что можетъ ускорить гибель тѣхъ остатковъ старины, которые ему кажутся изящными, благородными или полезными. Очень можетъ-быть, что при *прежнихъ порядкахъ*, многое изъ этой же самой старины было тому же автору не по сердцу. Напримѣръ, нѣкоторыя страницы въ „Запискахъ Охотника" и въ особенности повѣсти „Муму" и „Постоялый Дворъ" были написаны г. Тургеневымъ противу крѣпостного права. Г. Маркевичъ (какъ видно опять таки отчасти изъ романовъ его— „Марина изъ Алаго Рога" и еще болѣе „Двадцать пять лѣтъ тому назадъ") освобожденію сочувствуетъ или сочувствовалъ когда-нибудь и потому не только „исполненіе", но и духъ такихъ повѣстей Тургенева, какъ „Муму" и „Постоялый Дворъ", могли ему очень нравиться. Но... освобожденіе это давно совершилось... Оно (вмѣстѣ съ другими измѣненіями русскихъ учрежденій) глубоко отозвалось на бытѣ дворянства и изъ привиллегированнаго и весьма досужаго сословія превратило его въ обыкновенную, вездѣ нынче существующую, европейскую трудовую „интеллигенцію", и если хотите, бур-

жуазію, съ небольшими мѣстными оттѣнками. Нѣтъ никакой нужды, прибавимъ, обманывать себя и скрывать, что экономическое положеніе этого класса русскихъ людей крайне трудно. Землевладѣльцы (какъ зовутъ теперь помѣщиковъ) почти всѣ разорены, особенно сравнительно съ прежнимъ.

Это горе неизбѣжное, и мы только можемъ сказать себѣ „слава Богу, что не было *чего-нибудь худшаго*!“ Несмотря однако же на хозяйственное разстройство столь многихъ дворянъ, несмотря на глубокое измѣненіе всего общественнаго нашего строя,—*бытъ, чувства, идеалы, вкусы* остаются все прежними у многихъ членовъ этого, когда-то *опредѣленнаго сословія*, обращеннаго теперь силой обстоятельствъ въ весьма подвижной и смѣшанный классъ.

Вотъ эти-то идеалы, нѣсколько рыцарскіе и нѣсколько бюрократическіе, эти чувства и великодушныя и властолюбивыя, этотъ бытъ полу-патріархальный, полу-утонченный, эту пріятную и на посторонній взглядъ смѣсь „французскаго съ нижегородскимъ“, или у иныхъ великобританскаго съ лезгинскимъ (напримѣръ, у какого-нибудь образованнаго и богатаго военнаго),—вотъ это все хотѣлось бы подольше сохранить. Когда все это живетъ еще въ умахъ и сердцахъ, то оно найдетъ себѣ какіе-нибудь обходные и новые пути для выраженія своего въ жизни.

Одинъ откажется отъ выгоднаго мѣста въ отъѣздъ, чтобы только жить въ своемъ старомъ недоходномъ имѣніи; власть или подобіе власти онъ найдетъ въ должности мирового судьи или въ службѣ по земству. Въ земствѣ онъ будетъ противодѣйствовать распространенію *тѣхъ лѣстницъ зоологическаго восхожденія*, о коихъ мы говорили выше. Будетъ хоть изрѣдка посѣщать храмъ Божій; будетъ читать отборныя оригинальныя книги, которыхъ (пора же хоть въ этомъ смиренно сознаться) чѣмъ далѣе—тѣмъ меньше... Другой найдетъ, что въ военной службѣ, въ боевой жизни больше привлекательности и даже гораздо больше гражданской заслуги, чѣмъ въ адвокатурѣ, или плохомъ обычномъ литераторствѣ. Третій внесетъ въ свою семью здравую дисциплину въ сочетаніи съ изящными вкусами и добрыми чувствами...

Четвертый станетъ (кто знаетъ?) монахомъ и будетъ служить церкви, благословляющей и школу, и хорошій судъ, и войско, и семью. Ставши, положимъ, профессоромъ или простымъ учителемъ, человѣкъ, желающій сохранить что-нибудь изъ хорошихъ пріобрѣтеній прежнихъ вѣковъ, не будетъ внушать юношамъ непомѣрное и близорукое благоговѣніе передъ реальной наукой и не захочетъ поддерживать въ нихъ слишкомъ пламенныя надежды на общность самой пользы научныхъ приложеній...

И мало ли въ чемъ и какъ еще могли бы люди и въ наше время осуществить въ жизни свою потребность охраненія, если бы желали этого!.. Есть же умственныя пріобрѣтенія человѣчества, которыхъ отчасти формы, отчасти основные элементы дожили до насъ въ теченіе тысячелѣтій, дожили не въ искусствѣ или книгахъ, а въ дѣйствительности... Напримѣръ, религія индусовъ, государственныя понятія Китая, начала римскаго права, иныя библейскія идеи, молитвы и уставы.

Если *нужно было* измѣнить многое,—то отчего же не сберегать и то, что еще осталось отъ стараго? Это необходимо для равновѣсія жизни.

Такъ можетъ думать г. Маркевичъ и всякій другой „консерваторъ"... А разъ онъ такъ думаетъ,—его конечно раздражаютъ тѣ люди, которые ужъ очень помѣшаны на *движеніи для движенія* и, не довольствуясь вырываніемъ плевелъ, спѣшатъ вырвать и пшеницу... И уничтожая, они не показываютъ намъ впереди *ничего лучшаго*...

Если, напримѣръ, царство тѣхъ *сѣрыхъ кулаковъ*, которымъ стращаетъ насъ Тургеневъ въ *Нови* неотвратимо, то и тогда человѣкъ имѣетъ право способствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, къ удаленію минуты подобнаго исхода, способствовать, какъ можетъ или умѣетъ, на всѣхъ поприщахъ, въ литературѣ и наукѣ, въ земствѣ и судѣ, на службѣ и въ семействѣ. Г. Маркевичъ могъ даже *прежде* быть, какъ мы предположили, и самъ либераломъ... и потомъ измѣниться, когда сама жизнь переустроилась, и когда то, что казалось спасительнымъ лѣченіемъ при застоѣ, стало убійственнымъ ядомъ при лихо-

радочномъ раздраженіи... Такая перемѣна очень умна и добросовѣстна во всякомъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ художникѣ... *Честность художника—вовсе не честность купца или чиновника.* Честность художника состоитъ въ искренности и смѣлости мысли. Надо цѣнить прекрасное *вездѣ*, гдѣ мы его *думаемъ* видѣть, и надо *изображать* его такимъ, какимъ оно намъ представляется. Никакой художникъ не можетъ сказать, не впадая въ ложь, что Мирабо не былъ могучъ и обворожителенъ, что С. Жюстъ не былъ интересенъ, что экспедиція Гарибальди въ Сицилію не была исполнена лиризма и поэзіи. Это *долженъ* сказать и папистъ, и всякій реакціонеръ, если онъ желаетъ быть *честнымъ въ искусствѣ.*

А разъ человѣкъ, и особенно художникъ, доросъ до требуемой объективности (а г. Маркевичъ доросъ, ибо онъ, не стѣсняясь тѣмъ, что его исправникъ Акулинъ даже *взяточникъ*, изобразилъ его весьма привлекательно); если, говоримъ мы, художникъ додумался давно до такой искренности, то ничто такъ не можетъ возмущать его, какъ качества противоположныя въ другомъ художникѣ, какъ такъ называемая „вѣрность прежнимъ убѣжденіямъ"... И на что *эта вѣрность* собственно художнику? Ему нужна *вѣрность вкуса и правда выраженія.* Именно *эстетику-то приличествуетъ* во времена неподвижности быть за движеніе, во времена распущенности за строгость; художнику прилично было быть либераломъ при господствѣ рабства; ему слѣдуетъ быть аристократомъ по тенденціи при демагогіи; немножко libre penseur (хоть немножко) при лицемѣрномъ ханжествѣ, набожнымъ при безбожіи... то-есть не гнуть передъ толпой:

„Ни помысловъ, ни шеи".

Подобная измѣна убѣжденіямъ не только похвальна въ художникѣ; она въ немъ *естественна.* Онъ ищетъ *гармоніи, а гармонія одностороннею быть не можетъ.*

Измѣняя подобнымъ образомъ прежнимъ убѣжденіямъ, подчиняя эти прежнія убѣжденія *вкусамъ* своимъ, еще прежде чѣмъ эти вкусы примутъ сами характеръ убѣжденій новыхъ, художникъ исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наилучшимъ образомъ долгъ гражданской совѣсти: ибо все изящное, въ

какомъ бы то ни было родѣ, являясь въ дѣйствительности, не можетъ не крѣпить національной жизни; оно краситъ и славитъ ее.

Указывая людямъ на это прекрасное, писатель служитъ родинѣ.

Такого рода должна быть честность художника и, вѣроятно, именно отсутствіе подобной-то честности у г. Тургенева раздражаетъ и г. Маркевича, и г. Каткова, и многихъ другихъ... Ибо возможно ли хоть на минуту повѣрить, чтобы г. Тургеневу въ самомъ дѣлѣ могли нравиться „Записки заключеннаго“?!

Варшава, 25 января.

Черныхъ точекъ на политическомъ горизонтѣ Европы опять, говорятъ, очень много. Повидимому, берлинскій трактатъ не для одной лишь Россіи былъ *только временнымъ роздыхомъ* на пути ея историческихъ судебъ.

Вездѣ, и на юго-востокѣ, и на западѣ, къ чему-то готовятся, *чего-то* напряженно ждутъ.

Самъ безмолвный графъ Мольтке объявилъ, что увеличить еще германскую армію на многія тысячи необходимо, въ виду того, что Германская Имперія окружена могучими сосѣдями.

На Балканскомъ полуостровѣ не прекращается тихое, но зловѣщее броженіе. Мелкія государства запада вооружаются сильнѣе противъ прежняго...

Во Франціи, столь надолго, казалось, присмирѣвшей, теперь старое патріотическое чувство начинаетъ снова возвышать все громче и громче свой голосъ, всѣмъ намъ знакомый и привычный до того, что безъ него самый *концертъ* Европы казался бы страннымъ и неполнымъ—и при затишьѣ мира, и при громахъ войны.

Вотъ что сообщаетъ, напримѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ изъ Парижа, корреспондентъ *Новаго Времени*, г. Молчановъ.

„Чѣмъ ближе время къ веснѣ, тѣмъ съ большимъ безпокойствомъ взираютъ республиканцы на миръ Европы“. Рѣчь Гаймерле въ Вѣнѣ, нѣмецкая пресса, путешествіе князя Гогенлоэ въ Бер-

линъ, отступленіе черногорцевъ отъ Гусинья, споры Сербіи противъ австро-венгерскихъ притязаній о желѣзныхъ дорогахъ и коммерческомъ трактѣ,—все теперь интересуетъ и группируется во французскомъ умѣ темной тучей, рождающей вопросъ—когда грянетъ гроза? Люди, понимающіе какъ нуженъ миръ для крѣпости отечественной республики, сердятся теперь на берлинскій конгрессъ. До сихъ поръ французы, съ обычной легкостью, строили массу разнородныхъ предположеній насчетъ той роли и того барыша, которые могутъ достаться на долю ихъ отечества отъ сосѣдней грозы. Вчера мнѣ впервые пришлось услышать изъ устъ француза, имѣющаго важный чинъ, что *Германія должна—или отдать обратно завоеванныя провинціи, или она увидитъ въ Берлинѣ новую французскую армію!* Эта фраза была сказана публично, въ министерскомъ залѣ.

Въ томъ же *Новомъ Времени,* всегда, надо замѣтить, столь богатомъ матеріаломъ, мы находимъ переводъ (или сокращеніе—не знаемъ) статьи французской газеты „Temps" о „новомъ движеніи Австро-Венгріи". Мы не можемъ воздержаться, чтобы не привести вполнѣ и этотъ отрывокъ или сокращеніе, ибо выбросить изъ него нельзя ни единаго слова.

„Еще лѣтъ 20 тому назадъ, Австрія", говоритъ Temps, „была преимущественно западною державою. Она играла преобладающую роль въ Германіи и Италіи; подъ ея вліяніемъ находился почти весь центръ Европы. Съ 1859 года картина мѣняется: сначала Австрія утрачиваетъ Ломбардію, потомъ она лишается всѣхъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ на Апеннинскомъ полуостровѣ; наконецъ, въ 1866 г., побѣда пруссаковъ подъ Садовою вытѣсняетъ ее одновременно изъ Германіи и изъ ея послѣдней позиціи въ Италіи,—Венеціанской области. Такой переворотъ объясняется историческою необходимостью: наступила эра національностей и разноименной Австріи пришлось уступить мѣсто національнымъ государствамъ—Піемонту и Пруссіи. Съ тѣхъ поръ, Австрія стала мало-по-малу обращаться на Востокъ. Нота Андраши, оккупація Босніи и Герцеговины, занятіе Новаго Базара по дорогѣ къ Салоникамъ; наконецъ, прибытіе Бисмарка въ Вѣну, въ сентябрѣ прошлаго года—вотъ главные этапные пункты на пути къ новой цѣли.

Германія поддерживаетъ это новое движеніе, въ надеждѣ, что результатомъ его будетъ окончательное объединеніе ея, что и нѣмецкія провинціи Австріи войдутъ, наконецъ, въ составъ Имперіи. Надежда основательная, потому что провинціи эти сильно тяготѣютъ къ Германіи. Доказательствомъ служатъ постоянныя заявленія сочувствія ихъ къ общему отечеству и просьбы къ нему о заступничествѣ противъ преобладанія славянскаго элемента". Авторъ статьи не думаетъ однакоже чтобы сліяніе австрійскихъ нѣмецкихъ провинцій съ Германіей произошло такъ скоро. „Бисмаркъ конечно желаетъ этого, но съ другой стороны, онъ сознаетъ, что безъ содѣйствія нѣмецкаго элемента, Австрія не въ состояніи будетъ выполнить свою задачу на Востокѣ. Только тогда, когда эта задача будетъ выполнена, когда Австрія пуститъ корни на Балканскомъ полуостровѣ, стремленія Германіи къ окончательному объединенію могутъ быть осуществлены. Но стремясь на Востокъ, Австрія играетъ въ опасную игру. Всѣ народы Балканскаго полуострова окажутъ ей самое упорное сопротивленіе. Кромѣ того, на пути къ намѣченной цѣли она встрѣтитъ непремѣнно Италію и Грецію, не говоря уже о Россіи".

Иныя газеты сообщаютъ, будто въ Австріи господствуетъ какое-то глухое безпокойство...

Новый министръ Гаймерле, въ рѣчахъ своихъ *спѣшитъ* однако *увѣрить* всѣхъ, что близкой опасности нѣтъ никакой для общаго мира, и что отношенія Австріи съ Россіей очень хороши. Мы вполнѣ вѣримъ добрымъ *намѣреніямъ* австрійскихъ министровъ, ибо мы убѣждены въ ихъ осторожности и въ ихъ хорошемъ знакомствѣ съ характеромъ и силами, *какъ сосѣднихъ странъ*, такъ и той державы, которой они служатъ.

Мы сами думаемъ, что отношенія мирныя между Россіей и Австріей выгодны обѣимъ этимъ державамъ. Но мы думаемъ это не потому, чтобы мы находили, будто всякая война и во всякое время есть *только народное бѣдствіе* и больше ничего. Предоставляемъ подобное мнѣніе г. Брайту, менонитамъ и квакерамъ. Нѣтъ, мы далеки отъ подобнаго бюргерскаго благоразумія въ нашемъ міросозерцаніи; мы от-

кровенно сознаемся въ томъ небольшомъ варварствѣ нашемъ, по которому мы смѣемъ находить войны отъ поры до времени для человѣчества весьма полезными. Но думая такъ, мы не желаемъ, во *всѣхъ случаяхъ*, увлекаться односторонностью такъ называемаго „шовинизма“, и, находя „воинственность“ въ народахъ вообще качествомъ высокимъ и доблестнымъ, напоминаемъ только и самимъ себѣ, и другимъ, что *не всякая доблесть, во всякое время* и *при всѣхъ обстоятельствахъ*, плодотворна и полезна.

Можетъ быть, напримѣръ, новое столкновеніе между Германіей и Франціей и было бы полезно хотя для одной изъ этихъ двухъ державъ; но открытая вражда между Россіей и Австріей была бы *теперь* несомнѣнно вредна и той, и другой...

Въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ увѣряютъ, будто бы г. Новиковъ (бывшій нашъ посолъ въ Вѣнѣ) называлъ Австрію „лучшимъ и самымъ естественнымъ другомъ Россіи“.

Конечно, Австрія—держава, имѣющая до сихъ поръ еще, несмотря на всѣ перемѣны послѣдняго времени, характеръ—болѣе консервативный, чѣмъ Франція, Италія, и даже новая Германія, сколоченная геніальною десницей *немного въ торопяхъ*...

Съ своей стороны, безъ сомнѣнія, и Россія еще не совсѣмъ, повидимому, отказалась отъ тѣхъ суровыхъ, но крѣпительныхъ преданій, которыя создали ее.

Этихъ однихъ охранительныхъ условій достаточно для расположенія ко взаимнымъ уступкамъ и доброжелательству.

Но есть еще и другія обстоятельства, которыя должны воздерживать отъ всякаго столкновенія другъ съ другомъ эти два сосѣднія государства.

Относительно Австріи достаточно будетъ намъ привести слова оригинальнаго французскаго „славянофила“, Cyprien Robert... Вотъ что говоритъ онъ въ сочиненіи своемъ: *Le Monde Slave*.

Il est remarquable, que l'Autriche est la seule des grandes Puissances, qui n'ait jamais fait la guerre aux Russes. Ce fait à une raison plus profonde qu'on ne le pense. En effet, qu'une

armée francaise occupe Vienne, le lendemain de son arrivée, elle négocie les conditions de son vacuation. Elle n'est retenue sur le sol autrichien par aucun rapport de consanguinité, par aucun intérêt national direct. Il n'en est pas de même d'une armée russe. Maitresse de Vienne,... La Russie organiserait d'un *seul coup, sur l'Adriatique, en Hongrie et en Bohème, trois états independants, qu'elle pourrait, en se retirant, laisser derrière elle* (Le Monde Slave, t. 1. p. 133).

Что касается до Россiи, то весь вопросъ въ томъ: выгодно ли ей или нѣтъ *торопить* осуществленiе... мы не скажемъ той мечты, а лучше скажемъ той *возможности*, которая обыкновенно зовется *панславизмомъ...*

Говоря, что федеральный панславизмъ не есть близкая *возможность*, а лишь пустая мечта мы не *другихъ обманемъ, а себя самихъ...*

Бояться надо не *названiй* и не *ясности* въ наше время, но *недомолвокъ* и печальныхъ *недоразумѣнiй.*

И вотъ желая быть ясными, мы скажемъ такъ:

Вся Европа движется теперь *племенной идеей* и тотъ, кто дѣйствовалъ подъ этимъ знаменемъ за все послѣднее время, имѣлъ постоянно успѣхъ, ибо шелъ по теченiю.

Но успѣхъ мгновенный всегда ли влечетъ за собою *прочное* благо?... Конечно—нѣтъ.

Панславизмъ по нашему есть весьма *опасная возможность*, приближенiе которой намъ нѣтъ выгоды ускорять необдуманно.

Панславизмъ если не одинаково, то въ разной мѣрѣ и въ разномъ родѣ, можетъ стать вреднымъ не только для Турцiи и Австрiи, но и для *самой Россiи...*

А почему, объ этомъ скажемъ въ другой разъ.

Варшава, 28 января.

Приготовленiя къ празднованiю двадцатипятилѣтiя царствованiя Государя Императора продолжаются... Нацiональное торжество это, конечно, будетъ имѣть великiй историческiй смыслъ.

Желательно бы, разумѣется, чтобъ искренность и сила національнаго чувства приняли хоть при этомъ *особомъ*, исключительномъ случаѣ какую-нибудь и *форму особую*, наиболѣе русскую; чтобы эти чувства выразились въ чемъ-нибудь такомъ, что было бы въ одно и то же время *и прочно, и самородно, и наглядно.*

Мы слѣдили, насколько могли, внимательно за тѣми именно газетными извѣстіями, которыя знакомили насъ съ рѣшеніями и постановленіями земствъ, думъ, дворянскихъ собраній и другихъ тому подобныхъ общественныхъ учрежденій... Большая часть этихъ постановленій и рѣшеній, принятыхъ съ цѣлью ознаменовать годовщину восшествія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора, характера или *благотворительнаго,* или *педагогическаго... Нехитро* что-то!.. Ужъ очень незатѣйливо! Особенно—эта чесотка педагогіи!

Въ Петербургѣ пришли, впрочемъ, къ мысли постановить нѣчто особое: премію за лучшую „Исторію города Петербурга".

Въ *Голосѣ* была по этому поводу довольно хорошая статья. Со взглядами этой статьи мы отчасти согласны, отчасти нѣтъ.

Согласны мы въ томъ, во-первыхъ, что не легко найти человѣка, который бы за предполагаемое вознагражденіе, посвятилъ бы нѣсколько лѣтъ жизни такому большому, основательному (и, прибавимъ мы, очень сухому) труду: 5,000 руб. преміи за сочиненіе, въ которомъ обильный матеріалъ потребуетъ листовъ сто печатныхъ,—это значитъ не болѣе 50 руб. за листъ.

Если прибавить къ этому, что премію получитъ только тотъ, чье сочиненіе будетъ признано лучшимъ, а всѣ остальные соискатели останутся безъ вознагражденія за долгіе и безплодные труды свои, то, разумѣется, покажется, что рѣшеніе это было не совсѣмъ зрѣло обдумано.

И потомъ вопросъ: какого еще рода будетъ подобное сочиненіе „Исторіи Петербурга"... Если оно будетъ очень дѣльное, богатое матеріаломъ, ученое, но сухое и скучное, безъ остроумія, безъ изящества, безъ замѣчательныхъ мыслей и блестящаго, оригинальнаго освѣщенія, то оно не пріобрѣтетъ той популярно-

сти и того литературнаго значенія, которое необходимо для сочиненія, издаваемаго въ видѣ *памятника*...

Намъ кажется лучшимъ или вовсе отказаться отъ этого проекта, или, назначивъ преміи *не въ пять, а въ пятьдесятъ тысячъ*, раздѣлить трудъ такимъ образомъ:

1) Устроить въ Петербургѣ нѣчто въ родѣ кратковременнаго съѣзда лучшихъ русскихъ литераторовъ-*художниковъ* (*имена ихъ всѣхъ извѣстны*), безъ всякаго вопроса о политическихъ и тому подобныхъ оттѣнкахъ, и пусть они выберутъ изъ среды своей двухъ или трехъ соискателей, разумѣется, съ ихъ согласія.

2) Назначить срокъ, къ которому сочиненіе должно быть готово.

3) Дать избраннымъ соискателямъ собственно ученыхъ помощниковъ для собиранія матеріала; подчинить хоть на этотъ разъ безличное знаніе личному таланту и уму.

4) Давать этимъ ученымъ помощникамъ за все время ихъ работы особую, не очень большую, но удовлетворительную плату; настоящимъ же соискателямъ преміи не платить все время ничего.

5) Не отвергать, при окончательномъ конкурсѣ, и постороннихъ лицъ, пожелающихъ къ сроку представить тоже свою *Исторію города Петербурга*...

6) Издать избранную книгу разомъ *тремя изданіями*, дешевымъ—съ дешевыми политипажами, роскошнымъ—съ раскрашенными гравюрами, и совсѣмъ безъ иллюстрацій.

Вотъ при такихъ условіяхъ, намъ кажется, книга могла бы имѣть современный успѣхъ и прочную цѣнность.

Становясь безпрестанно на точку зрѣнія петербуржцевъ, мы желали высказать лишь мнѣніе о томъ, какъ можно сдѣлать дѣло лучше, разъ уже оно предпринято.

Это объ изданіи „Исторіи Петербурга".

Теперь о „стипендіяхъ", объ открытіи новыхъ училищъ и о пожертвованіяхъ на цѣли благотворительныя.

Мы никакъ не можемъ, во-первыхъ, не отличать рѣзко больницъ, богадѣленъ и простыхъ, безхитростныхъ пріютовъ отъ „стипендій", отъ новыхъ школъ и т. п. Богадѣльни, боль-

ницы, пріюты для сиротъ и подкидышей безспорно всегда и вездѣ заслуживаютъ названія истинно *благо*творительныхъ учрежденій; но о „стипендіяхъ“ и другихъ педагогическихъ мѣропріятіяхъ и жертвахъ нельзя сказать того же безъ оговорки.

Обезпечить убогаго солдата, прокормить бѣдную старуху, пріютить ребенка, успокоить больного, если даже нельзя вылѣчить его, все это дѣла святыя и полезныя... Но „педагогія“ другое дѣло, *совсѣмъ другое дѣло*... Это дѣло обоюдо-острое. Если мы въ годовщину празднества *монархическаго*, т.-е. по существу своему въ высшей степени охранительнаго, будемъ (какъ мы выразились надняхъ же) *цѣловать учителя и въ то же время шептаться съ синедріономъ*, если мы, съ одной стороны, будемъ говорить: „пріидите поклонимся и припадемъ!“, а въ головѣ у насъ будутъ все только *атомы* да всеспасительныя машины, бездушіе матеріализма въ основахъ и безсмысліе *космополитическаго блага въ прикладной какой-то мечтѣ*.... если съ такими задатками будутъ жертвователи и наставники приступать къ училищамъ, то слова *благо* мы къ такимъ *твореніямъ* не прибавимъ.

Въ заключеніе скажемъ, что всѣ эти постановленія земствъ, думъ и т. д. имѣютъ всѣ мало значенія; все это такъ незамѣтно, безгласно, ненаглядно, *неизобрѣтательно*.

Цѣль такая высокая, поводъ такой многозначительный, такой *русскій*, а всѣ эти добрыя наши чувства не получаютъ у насъ до сихъ поръ ни малѣйшаго *русскаго оттѣнка*...

Все истинно-высокое въ дѣлахъ національныхъ было и должно быть *своеобразно*; и только при условіи подобнаго, въ высшей степени *національнаго характера*, явленіе пріобрѣтаетъ потомъ и *міровое значеніе*.

Необходимо подумать о какомъ-нибудь общемъ для всей Россіи памятникѣ, наглядномъ для всѣхъ классовъ народа нашего, оригинальномъ, прочномъ и прекрасномъ.

Онъ долженъ быть воздвигнутъ не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, ибо Москва всегда будетъ Москвою, *а Петербургъ*, несмотря на всю его *искусственно* созданную силу, *не избѣгнетъ глубо-*

каго упадка при неудержимомъ, почти невольномъ тяготѣніи нашей исторіи на Югъ и Юго-Востокъ.

Варшава, 29 января.

Въ послѣдней статьѣ нашей, говоря объ Австріи и ея отношеніяхъ къ нашему государству, мы заявляли, что вѣримъ искреннему желанію не только мира, но и согласія съ обѣихъ сторонъ. Правда, что общественное мнѣніе въ Австріи намъ не слишкомъ благопріятно; правда также, что тамъ есть сильныя партіи, мечтающія распространить и утвердить вліяніе Австро-Венгріи *на весь Балканскій полуостровъ*; несомнѣнно и то, что для Германіи очень выгодно „толкать" своего южнаго сосѣда все дальше и дальше на востокъ, и разбивъ Славянство пополамъ, держать эти двѣ половины въ постоянномъ антагонизмѣ подозрительности и вражды.

Но г. Геймерле сказалъ вѣдь *весьма кстати*, что „исторія должна учить государственныхъ людей умѣренности". Мы же прибавимъ: „*особенно австрійскихъ* государственныхъ людей"!.. Приведенныя въ предыдущей нашей статьѣ слова Cyprien Robert подтверждаютъ наше мнѣніе съ простотой и выразительностью, быть можетъ, даже немного грубой.

Это объ Австріи... А объ Россіи что сказать?..

Въ публицистикѣ до того всѣ привыкли къ извѣстнаго рода лживости, къ тонкимъ намекамъ и заученному фразерству, что необходимо говорить ясно для того, чтобы насъ поняли просто, и ничего бы лишняго, сверхъ сказаннаго нами, не искали.

Мы находимъ, что Россія должна съ своей стороны (до поры до времени впрочемъ) *оберегать Австро-Венгрію, не обращая никакого вниманія на раздражительность враждебныхъ намъ партій въ этомъ государствѣ.*

Та, слегка оборонительная политическая система, которой мы, повидимому, придерживаемся на Балканскомъ полуостровѣ, по нашему мнѣнію, и есть самая лучшая для насъ. „Развѣ большинство населенія Австріи не славянскаго племени? Не родственнаго намъ? Неужели Россія не выполнитъ

никогда своего *славянскаго призванія*? Вѣдь слово *никогда* въ политикѣ произносить не надо; по крайней мѣрѣ, искренно вѣрить въ это слово не годится: Руэръ воскликнулъ три раза—„jamais, jamais, jamais!“, а много ли протекло времени между этимъ энергическимъ „jamais!“ и выходомъ французскихъ войскъ изъ Рима?.. Развѣ вы отвергаете *органическія*, роковыя силы въ исторіи?“

Вотъ что могутъ намъ возразить. Но мы скажемъ на это: нѣтъ, органическихъ и роковыхъ силъ мы не отрицаемъ; мы, напротивъ, расположены, быть можетъ, слишкомъ часто объ *нихъ напоминать*. Но въ числѣ роковыхъ этихъ силъ есть и сила *личной воли* дѣйствующихъ на политическомъ поприщѣ людей, есть политическая *вмѣняемость*. Если отвергнуть это, то какъ же писать исторію? Какая же будетъ тогда разница между Бисмаркомъ и Эмилемъ Оливье?

Надо прежде всего *понимать условія времени*, и понявъ ихъ хорошо, сказать себѣ: „fait ce que doit — advienne ce qui pourra!“

Вотъ въ чемъ вопросъ. И въ этомъ-то смыслѣ мы находимъ прекраснымъ дѣломъ бережное, такъ сказать, обращеніе наше съ *хрупкой* Австро-Венгріей. Это нашъ долгъ не усиливать ничѣмъ разстройства этой и безъ нашей вины *другими* столько разъ потрясенной державы. Наши собственные интересы должны дѣлать насъ въ этомъ случаѣ прямыми и твердыми, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ нашей стороны, не было бы ни *вины*, ни *самообольщенія*... „Но Славяне?“ возразятъ намъ опять... „Но наше *великое призваніе*?“...

Мы же скажемъ на это сперва вотъ что:

То, что вы зовете нашимъ *призваніемъ*, мы зовемъ—*опаснымъ бременемъ*, или еще хуже—быть можетъ, печальною неизбѣжностью, насиліемъ исторіи, а если хотите—то и *полнымъ паденіемъ петровской Руси, неизвѣстно еще чѣмъ замѣнимой*... Если вы этого желаете, то что же? Спѣшите на *пути призванія;* а если нѣтъ, то старайтесь удерживать всеславянское движеніе, ибо *западное* славянство ни на *Русь Кремля*, ни даже на *Россію Адмиралтейской площади* нисколько не похоже... *Національное начало,* лишенное *особыхъ* религіозныхъ

оттѣнковъ и *формы,* въ современной, *чисто племенной наготѣ своей, есть обманъ...*

Племенная политика—есть одно изъ самыхъ странныхъ *самообольщеній* XIX вѣка.

Національнаго, въ дѣйствительномъ смыслѣ, въ племенномъ принципѣ нѣтъ ничего. Когда мы говоримъ: національная религія, національныя учрежденія, національное искусство, національная одежда,—мы всѣ понимаемъ другъ друга и самообольщенія при этихъ словахъ нѣтъ никакого. Всякій знаетъ, что мусульманство есть національная религія для турокъ, что „право первородства“ есть національное учрежденіе въ Англіи, что музыка Россини національна въ Италіи, что цвѣтная рубашка на выпускъ—національная одежда у русскихъ... Каждый понимаетъ, что все перечисленное служитъ для умственнаго, бытового, и отчасти даже для государственнаго, *обособленія* племенъ и народовъ.

И тотъ, кто держится за это обособленіе, и тотъ, кто желаетъ постепеннаго „исчезновенія границъ“—одинаковымъ именемъ называютъ одинакія вещи. Люди, несогласные въ стремленіяхъ и вкусахъ, согласны по крайней мѣрѣ въ *представленіи.*

Но совсѣмъ иное мы видимъ, когда дѣло идетъ о національной *политикѣ.* Здѣсь, вотъ уже скоро полъ-вѣка, господствуетъ какое-то странное недоразумѣніе въ словахъ, какая-то удивительная лживость въ самой идеѣ!.. Вездѣ люди говорятъ: „нація, народность, національный принципъ“; вездѣ стремятся пріобрѣсти для этой *своей,* для этой *особой* національности, больше свободы и правъ; вездѣ хотятъ „поднятія національнаго духа“, интригуютъ, борятся, возстаютъ, ведутъ войны, льютъ кровь, приносятъ всякаго рода жертвы или за полное *государственное освобожденіе* націй, или, по крайней мѣрѣ, за большій просторъ этому *національному духу.* И что жъ выходитъ? *Прежнія* государства, построенныя *сознательно,* отчасти на правѣ божественномъ, отчасти на правѣ насилія (или завоеванія), и *отчасти только* на языкѣ и племени,—эти государства были въ высшей степени національны по независимости мысли, оригинальны по роду учрежденій и обы-

чаевъ, по силѣ даже государственнаго патріотизма своего. Теперь государства, служа сознательно и преднамѣренно національному началу, служатъ въ сущности космополитизму. Побѣдители и побѣжденные служатъ ему одинаково... Пруссія и Франція до послѣдней войны по быту и духу *были менѣе сходны, чѣмъ теперь.* Освобожденные болгары были *національнѣе* т.-е. своеобразнѣе „подъ туркомъ", чѣмъ подъ своей *бельгійской палатой.*

Итакъ, служа принципу *чисто племенной національности,* мы способствуемъ, сами того не желая и не сознавая,—космополитизму. Уравнивая права и степень свободы всѣхъ націй, мы способствуемъ сліянію ихъ быта, сначала въ верхнихъ слояхъ общества, а потомъ и въ низшихъ... Національно-политическій принципъ, проведенный въ жизнь, гдѣ оружіемъ, а гдѣ переработкою учрежденій — является на дѣлѣ лишь новымъ и могучимъ средствомъ космополитической, то есть *анти-національной,* демократизаціи Европы... Всѣ равны, всѣ сходны, всѣ родственны... Одни успѣхи и одни неудобства; схожіе уставы — одинакій бытъ; сходные вкусы — сходное искусство; сходная философія жизни — одни и тѣ же требованія, одни и тѣ же качества и пороки, однородныя наслажденія и однородныя страданія... Вездѣ судъ присяжныхъ, вездѣ конституціи, вездѣ паръ и телеграфы, вездѣ аграрный вопросъ и стачки рабочихъ, вездѣ открытая борьба капитала и труда, вездѣ французская мелодрама, итальянская опера и англійскій романъ...

Не въ томъ здѣсь дѣло: находимъ ли мы полезнымъ или вреднымъ для человѣчества этотъ *особый видъ* или *пріемъ* процесса всеобщей демократизаціи, процесса, надѣвшаго на себя въ этомъ случаѣ весьма лукаво и ловко національное одѣяніе... Дѣло въ томъ, что намъ хотѣлось только назвать вещь по имени, разобрать эту хитрую загадку...

Въ 50-хъ годахъ, даже нѣсколько позднѣе, и наши русскіе славянофилы, и западные мыслители сходнаго съ ними взгляда могли еще думать, что „подъятіе славянскаго духа", желаемое „сближеніе славянъ", освобожденіе юго-славянъ отъ власти иновѣрной,—однимъ словомъ, что большая противъ

прежняго *гражданская свобода* славянъ — немедленно выразится у нихъ въ большей *независимости ума,* въ *болѣе ясномъ національномъ творчествѣ* на всѣхъ поприщахъ и на *новыхъ путяхъ,* которые это отсталое, но будто бы „свѣжее“ племя укажетъ остальному человѣчеству, уже утомленному долгой исторической борьбою... До сихъ поръ, однако, мы ничего подобнаго не замѣчаемъ ни у сербовъ, ни у болгаръ, ни у славянъ австрійскихъ... Итакъ, „культурное“ славянофильство *до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ,* оказывалось мечтой, не то чтобы совсѣмъ уже не сбыточной, но мало-обѣщающей сбыться. Ибо для того, чтобы признать это *„культурное“* славянофильство совсѣмъ невозможнымъ, или для того, напротивъ, чтобы видѣть *первые признаки его осуществленія,* надо дожить до *полнаго разрѣшенія восточнаго вопроса* и до образованія той всеславянской федераціи, безъ которой и славянофилы не считали возможнымъ созданіе единой и своеобразной славянской цивилизаціи, одинаково отличной и отъ западныхъ формъ просвѣщенія, и отъ всѣхъ азіатскихъ культуръ.

Но если даже предположить, что „культурное“ славянофильство было только мечтою, полною благородства и поэзіи, то о простомъ „политическомъ панславизмѣ“ нельзя сказать того же. Политическій панславизмъ есть сила весьма реальная, и съ ней надо считаться всѣмъ: австрійцамъ, туркамъ, нѣмцамъ,—и *намъ...*

Простой, *какой попало* панславизмъ, повторяемъ мы, не есть высокая мечта, подобно *культурному* славянофильству, онъ есть близкая и очевидная *возможность.* Но какая же намъ выгода, спрашиваемъ мы, спѣшить соединеніемъ нашей исторіи съ исторіей этихъ *западныхъ славянъ,* въ которыхъ истинно-*славянскаго такъ мало, а либеральнаго и конституціоннаго такъ много?* Съ юго-славянами Турціи у насъ есть еще иная связь, не племенная только (т.-е. ведущая къ обще-либеральному космополитизму), а вѣроисповѣдная, *обособляющая,* есть православная вѣра. И, несмотря на эту особаго рода связь, *чуждую,* по крайней мѣрѣ, если не враждебную западному индивидуализму и его предразсудкамъ, развѣ легко намъ справляться съ болгарами и сербами?.. Справляться съ ними намъ иногда

очень трудно, *именно потому, что они не враги, а братья и союзники.* Во многихъ случаяхъ, уже и теперь, несмотря на подавляющій перевѣсъ *собственно русскихъ* силъ, мы бываемъ часто вынуждены и нехотя ступать нашей исполинской стопою по слѣду, протоптанному маленькимъ, но цѣпкимъ копытцемъ юго-славянъ...

И въ самомъ дѣлѣ, если бы еще были вѣрныя данныя для вѣры въ то, что всеславянство пойдетъ по пути Хомяковыхъ и Кирѣевскихъ, то можно было бы утѣшиться, промѣнявъ московско-невскій дуализмъ нашего петровскаго періода на періодъ вовсе новый, своеобразный по идеямъ и формамъ, на періодъ *многоцвѣтнаго* Славянства „въ великомъ единствѣ православія!“...

Но ни болгарскимъ депутатамъ, ни сербской интеллигенціи, ни тѣмъ болѣе чешскимъ ученымъ бюргерамъ, всѣмъ имъ не дать намъ *этого* величія! Зачѣмъ же намъ *спѣшить*?...

Что можетъ выйти изъ сопряженія младо-чеховъ съ Каравеловыми, Бильбасовыхъ *съ отщепившимися своевольно* болгарскими епископами, Штроссмайера съ Добролюбовыми, Ристичей и Христичей съ Поляковыми и Спасовичами?

Передъ подобнымъ призракомъ, въ одно и тоже время и некрасивымъ, и опаснымъ, можно, конечно, смиренно склонить выю, если бы онъ уже сталъ въ самомъ дѣлѣ грозить намъ *матеріализаціей*...

Но *искать подобнаго* панславизма?... Но лить кровь за него? Но тревожить изъ-за этого сосѣда столь полезнаго уже тѣмъ, что онъ однимъ фактомъ существованія своего задерживаетъ хоть сколько-нибудь острый ходъ того общеевропейскаго недуга, который всѣ зовутъ демократическимъ прогрессомъ, и однимъ изъ самыхъ тяжкихъ припадковъ котораго является въ наше время странная *галлюцинація племеннаго національзма!*...

Вотъ почему мы такъ вѣримъ *искреннему* миролюбію и Россіи, и Австріи*)...

---

*) *Примѣчаніе* 1885 г. Это писано въ печальные дни *1880 года,* когда мы висѣли надъ „бездной“... Россія казалась тогда *неизлѣчимо либеральной*... Въ 82 и 83 году стало мнѣ уже не такъ страшно за родину... Возвратилась вѣра въ то, что Россія еще носитъ въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ цѣли-

Варшава, 1 февраля.

Религiозно-политическiй вопросъ (Kulturkampf) въ Пруссiи выступилъ на-дняхъ на сцену по случаю пренiй въ ландтагѣ касательно бюджета министерства исповѣданiй. Хотя рѣчи, произнесенныя какъ защитниками правительства, такъ и вождями клерикальной партiи не отличались на этотъ разъ особенными разоблаченiями, а носили скорѣе характеръ взаимнаго препирательства за прошлое, но пренiя эти имѣютъ ту важность, что министерство вновь заявило о своемъ намѣренiи не дѣлать требуемыхъ Римомъ уступокъ. Такимъ образомъ (выводятъ теперь нѣмецкiя и французскiя газеты) если соглашенiе и состоится, то существенныя уступки будутъ сдѣланы не германскимъ канцлеромъ.

Произнесенныя рѣчи, сказали мы, касательно исторiи вопроса и различные ораторы, съ одинаковымъ жаромъ, каждый слѣдуя тенденцiямъ своей партiи, поочередно нападали то на правительство, то на дѣйствiя католическаго духовенства Г. Фалькъ не упустилъ случая наговорить много въ защиту своей политики и майскихъ законовъ; г. Виндгорстъ, глава католической партiи въ Пруссiи, нападалъ и на то и на другое. Г. Путкаммеръ, воздерживаясь въ своей рѣчи отъ рѣзкихъ нападокъ, опредѣлилъ однако очень ясно, чего будетъ держаться правительство. „Вы узнаете не безъ удовольствiя, сказалъ министръ, что если намъ придется придти къ соглашенiю съ Римомъ, то таковое будетъ непремѣнно заключено не иначе, какъ сообразно съ духомъ германскаго законодательства и не безъ участiя представителей страны; это одно уже должно служить вамъ залогомъ, что если состоявшееся примиренiе и обезпечитъ интересы и нужды церкви, то оно въ то же время сохранитъ права и интересы Прусской монархiи“. Смыслъ этихъ словъ, говорятъ главнѣйшiе нѣмецкiе органы, заключается въ томъ, что, по всѣмъ вѣроятiямъ, окон-

---

тельныя силы органическаго (т.-е. *не либеральнаго*) **возрожденiя и что эти силы, при** *неслишкомъ замедленномъ* **разрѣшенiи Восточнаго вопроса должны** *удесятериться*... **Поэтому и письма мои о „Восточныхъ дѣлахъ“ (82 и 83 года) имѣютъ оттѣнокъ большей увѣренности и въ** *культурной* **(т.-е. не западной) будущности нашей отчизны.**

чательный проектъ соглашенія съ папскимъ престоломъ будетъ представленъ на предварительное обсужденіе ландтага, или, быть можетъ еще, слова эти исключаютъ возможность заключенія конкордата съ Римомъ.

Комментируя эту часть рѣчи Путкаммера, Journal de Débats находитъ, что нельзя выражаться болѣе категорически и ясно и спрашиваетъ, чѣмъ она по существу отличается отъ всего того, что говорено было прусскимъ правительствомъ въ теченіе семи лѣтъ по этому вопросу?

Такимъ образомъ, всѣ недавно распространившіяся въ газетахъ извѣстія о возможности наступленія вскорѣ момента примиренія оказываются преждевременными. Прусское правительство высказываетъ по прежнему лишь одно платоническое желаніе въ дѣлѣ столь для него важномъ, какъ возстановленіе религіознаго спокойствія. Римскія клерикальныя газеты, какъ напримѣръ, „Aurora", ни разу впрочемъ не высказались за вѣроятіе распускавшихся слуховъ о близости соглашенія и не допускали мысли, чтобы князь Бисмаркъ могъ предоставить коллегамъ своимъ и парламенту рѣшеніе этого вопроса. Ватиканъ желаетъ вести переговоры о Kulturkampf'ѣ исключительно съ канцлеромъ, а онъ предоставлялъ ихъ до сихъ поръ своимъ помощникамъ. Этого одного уже достаточно, чтобы Папа и его совѣтники поняли неискренность дѣлаемыхъ предложеній.

Французскія нѣкоторыя газеты не скрываютъ своего удовольствія видѣть отдаленность рѣшенія вопроса о Kulturkampf'ѣ. Наиболѣе враждебною партіею князю Бисмарку въ Австріи была, конечно, католическая, поэтому если бы религіозная вражда въ Германіи прекратилась, то союзъ Австро-Германскій не встрѣтилъ бы рѣшительно уже никакихъ противниковъ въ Австріи и тѣсная дружба этихъ государствъ была бы конечно неблагопріятна для Франціи, особенно въ настоящее время, въ виду увеличенія состава германской арміи и значительныхъ военныхъ силъ, содержимыхъ Австріею.

Но если министры и католическая партія въ Пруссіи остаются въ прежнемъ другъ къ другу непримиримомъ настроеніи и не находятъ еще нужнымъ сдѣлать взаимныя

уступки, то нельзя того же сказать о газетной войнѣ министерскихъ берлинскихъ органовъ съ клерикальными. Прежняя ярая полемика и нападки первыхъ на католичество совершенно уступили теперь мѣсто борьбѣ съ либерализмомъ. „Norddeutche Allgemeine Zeitung“ нѣсколько разъ уже объявляла, что Католическая Церковь должна быть уважаема, какъ великая нравственная сила, и что прусское правительство никогда не имѣло намѣренія внести въ ея устройство какихъ-либо смущеній или раздоровъ, а тѣмъ паче нанести ударъ ея духовному авторитету. Всѣ эти заявленія, конечно, очень пріятны клерикальнымъ нѣмецкимъ органамъ и могутъ служить до извѣстной степени интересамъ католической партіи въ ожиданіи дня окончательнаго соглашенія съ правительствомъ.

Изъ послѣднихъ телеграммъ относительно продолжающихся преній въ ландтагѣ по тому же вопросу мы узнаемъ, что министерство дало сильный отпоръ католической партіи, возбудившей рѣчь о положеніи „старо-католиковъ“ и покровительствѣ имъ со стороны правительства. Мы думаемъ, что эта защита ограничилась лишь исполненіемъ *долга*; ибо прусское правительство утратило прежнія симпатіи къ старо-католическому движенію съ тѣхъ поръ, какъ это движеніе обмануло возлагавшіяся на него надежды и князь Бисмаркъ увидалъ ошибочность своихъ расчетовъ на ожидаемую имъ отъ старо-католиковъ поддержку. Движеніе это, какъ извѣстно, вмѣсто того, чтобы увеличиваться и тѣмъ наводить страхъ на Римъ, начало, напротивъ, послѣ нѣсколькихъ вспышекъ, гаснуть и давно уже не тревожитъ курію, а слѣдовательно и не можетъ служить орудіемъ для ея противниковъ.

Кончая настоящую статью, мы не можемъ не сообщить, что въ то время, какъ въ Германіи замѣтно проглядываетъ стремленіе успокоить религіозно-политическую распрю, въ Богеміи возбудилось внезапно пререканіе между католическимъ епископатомъ и правительствомъ, которое имѣетъ тотъ же характеръ Kulturkampf'а, какъ и въ Германіи. Это тѣмъ болѣе удивительно, что до сихъ поръ Австрія была постоянно внѣ религіозно-политическихъ ссоръ. Четыре католическіе епископа въ Богеміи заявили министерству исповѣданій требо-

ваніе о возстановленіи конфессіональныхъ школъ, увѣдомляя, что если ихъ просьбѣ не будетъ дано надлежащее исполненіе, то они не дозволятъ священникамъ принимать участія въ обученіи юношества, и напомнятъ вѣрующимъ объ ихъ христіанскихъ обязанностяхъ по отношенію къ *дѣтямъ ихъ, посѣщающимъ неодобренныя церковью училища*. Просьба епископовъ написана въ выраженіяхъ весьма рѣзкихъ, что и придаетъ ей особенную важность. Газета „Le Nord“, обсуждая это событіе, удивляется особенно тому, что нынѣшняя австрійская система преподаванія въ школахъ и зависимость, въ которую эти заведенія поставлены всегда были отъ духовенства, могли подать поводъ богемскимъ епископамъ обратиться съ подобнымъ требованіемъ къ правительству. Вслѣдствіе этого, сказанная газета не думаетъ, чтобы епископы въ этомъ случаѣ дѣйствовали по внушенію изъ Рима. Остается вопросъ: послѣдуютъ-ли прочіе епископы по тому же пути?

Таковы *факты*; наше же мнѣніе обо всемъ этомъ таково: борьба эта, во 1-хъ, несправедливо была названа „культурною“, ибо на сторонѣ Рима есть *своя культура, а на сторонѣ либерализма, кромѣ медленнаго и пошлаго разрушенія, нѣтъ еще пока ничего*.

Во 2-хъ, становясь даже на точку зрѣнія исключительно германскихъ интересовъ (и государственныхъ и культурныхъ), мы должны замѣтить слѣдующее: „Безъ зла и неудобствъ нѣтъ жизни и не будетъ“... Неудобства и зло, вносимыя католицизмомъ въ жизнь Германіи при старыхъ порядкахъ, не помѣшали германскимъ народамъ прожить *государственно* болѣе 1,000 лѣтъ (считая, напр., отъ Карла Великаго); это зло и эти неудобства не помѣшали также нѣмцамъ подарить человѣчеству столько великихъ твореній по всѣмъ отраслямъ мысли; но при господствѣ либеральнаго духа въ націи, при уступкахъ этому духу со стороны правительства, далеко-ли уйдетъ *новая* и *единая* Германія?.. Лавры *свѣжи*, но *прочны* ли они?

А культура?—Культура съ *прежнимъ зломъ* дала міру такое обиліе великихъ умовъ что ихъ трудно исписать и на длин-

ной хартіи исторіи, не только уже въ передовой статьѣ нашей скромной (по размѣрамъ) газеты...

Культура же новая, *очищенная,* въ области мысли даетъ намъ или, безспорно, бездарныхъ Бюхнеровъ или Гартмановъ даровитыхъ, но *отрицающихъ дѣйствительную благотворность прогресса...* Въ области - же практическаго гражданства Ласкеровъ и Нобилинговъ.

Такіе величавые образы, какъ императоръ Вильгельмъ, князь Бисмаркъ и графъ Мольтке — „не отъ *нынѣшняго* міра“, они люди *старые,* которыхъ судьба лишь заставила волей-неволей *новому* служить.

Мы искренно желаемъ блага Германіи. Она слишкомъ вліятельна, чтобы ея *благія дѣла* не были *благимъ примѣромъ* и для всѣхъ другихъ.

Варшава, 7 февраля.

Считая долгомъ слѣдить внимательно за движеніемъ газетной литературы нашей, мы всегда готовы (не обращая вниманія на глубокую разницу исходныхъ точекъ и конечныхъ цѣлей) заплатить дань справедливости тѣмъ органамъ русской періодической печати, въ которыхъ мы встрѣчаемъ мысли и взгляды, заслуживающіе серьезнаго вниманія и уваженія.

Мы готовы сознаться даже въ одномъ чувствѣ, быть можетъ, и странномъ на первый взглядъ... Мы не скроемъ, что есть случаи, въ которыхъ мы гораздо больше, напримѣръ, дорожимъ мнѣніями чужихъ газетъ, чѣмъ нашими собственными взглядами...

О *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мы распространяться не будемъ; мы, конечно, считаемъ за честь, хотя *и далеко не во всемъ,* но во многомъ, сходиться съ этимъ вліятельнымъ органомъ первопрестольной столицы нашей.

Наша рѣчь теперь о петербургской печати.

Мы сознаемся, что *больше дорожимъ* иногда мнѣніемъ такихъ солидныхъ и распространенныхъ газетъ, какъ *Новое Время* или *Голосъ,* чѣмъ нашими собственными.

Какъ же это возможно?

А вотъ какъ. Газета наша мѣстная, почти провинціальная; она не имѣетъ ни того авторитета, ни той извѣстности, которыми пользуются газеты большія, столичныя, давнишнія и богатыя. Поэтому мы радуемся, когда въ этихъ послѣднихъ, болѣе нашего сильныхъ органахъ печати мы встрѣчаемъ мысли, факты и чувства, хоть сколько-нибудь подтверждающіе то, что мы думаемъ про себя и пытаемся проповѣдывать другимъ.

Эта одна причина, болѣе простая.

Другое объясненіе нѣсколько сложнѣе.

Само собою разумѣется, что мы считаемъ себя правѣе другихъ. Иначе зачѣмъ же намъ было бы печатать то, что мы печатаемъ?

Мы въ глазахъ нашихъ правѣе другихъ: это такъ; но правота наша (мы это очень хорошо понимаемъ!)—*особаго рода.* Мы дерзаемъ думать, что пища, предлагаемая нами, сама по себѣ взятая, хороша и крѣпительна; но въ то же время, мы не обманываемъ себя и знаемъ, что желудки у большинства современныхъ людей для подобной пищи еще не подготовлены.

Все ясное, все опредѣленное и рѣзкое въ „Россіи 70-хъ годовъ“ перестало нравиться.

Общественнымъ мнѣніемъ завладѣло нѣчто среднее, тягучее, безцвѣтное... Чѣмъ *неуловимѣе* — тѣмъ лучше! Оно и безопаснѣе, и понятнѣе для большинства, привыкшаго бродить въ туманѣ *недосказаннаго.*

Ничтожные оттѣнки, сводящіеся всѣ къ одной и той же *демократіи*, и къ одному и тому же европейскому или общечеловѣческому прогрессу — считаются *особымъ направленіемъ*... Мысль сузилась до нельзя и вращается все въ тѣхъ же тѣсныхъ предѣлахъ; она колеблется между либерализмомъ немножко или *чуть-чуть* охранительнымъ и либерализмомъ очень либеральнымъ, очень прогрессивнымъ и очень грубымъ.

Утилитарныя пріобрѣтенія и завоеванія человѣческаго разума за послѣднее время всѣми считаются *несомнѣннымъ* благомъ, истинами вѣчными и спасительными...

Убога стала западная мысль, задавленная машинами, а наша русская мысль—лишь блѣдная тѣнь этого убожества... И вотъ, въ такое-то время, мы рѣшаемся разсыпать тѣ самые „перлы", надъ которыми такъ охотно смѣются петербургскія газеты... Другими словами мы дерзаемъ „метать бисеръ" нашъ передъ *многодумною толпою русскихъ образованныхъ читателей...*

Да! Мы знаемъ очень хорошо, что *претензіи* наши велики, и тѣмъ болѣе для мѣстной газеты. Мы готовы даже иногда приложить къ себѣ русскую поговорку: „на рогожѣ стоимъ, съ ковра кричимъ..." Таково лже-смиреніе нашей гордости! Мы позволяемъ себѣ говорить, напримѣръ, *что все движеніе человѣчества съ конца XVIII вѣка и до сихъ поръ*, движеніе, совершаемое подъ знаменемъ, на которомъ написано: „благоденствіе, равенство и свобода", есть *ошибка*; ошибка не столько въ *самомъ дѣйствіи*, сколько въ *названіи* и *цѣли*. Дѣлайте то же, но назовите все это, по крайней мѣрѣ, *роковымъ* и *медленнымъ разрушеніемъ...* И тогда вы будете хоть въ *раціональномъ смыслѣ* правы. Вы назовете *мѣдный тазъ* вашего призванія *мѣднымъ тазомъ*, а не волшебнымъ шлемомъ Донъ-Кихота... Насъ тоже недавно кто-то назвалъ „Донъ-Кихотами", но между нашимъ донъ-кихотствомъ и либеральнымъ та разница, что мы *далеко видимъ*, но несомнѣнно гораздо меньше *успѣваемъ*, чѣмъ тѣ, кто ближе къ *дѣлу* и дальше отъ истины.

Мы понимаемъ, напримѣръ, что если мы назовемъ нѣкоторыя вещи по имени, то это многихъ или ужаснетъ или насмѣшитъ, и они отвернутся отъ насъ. Мы все-таки не перестанемъ, конечно, насколько намъ позволятъ обстоятельства, называть эти вещи по имени ихъ; но мы знаемъ, что именно этимъ-то мы и *неловки*.

Свойственное намъ соединеніе прямоты и ясности съ неловкостью мы сами видимъ на каждомъ шагу...

Напримѣръ: говоримъ мы о православной вѣрѣ и заговорятъ другіе—великая разница.

Мы скажемъ все это такъ, что многіе отвернутся и пожмутъ плечами; ибо *пища крута...*

А если начнутъ писать въ пользу христіанства другіе, то они возьмутся за это дѣло совсѣмъ иначе. Большинство читателей будетъ и согласно съ ними, и довольно, и намъ останется только безкорыстно и скромно радоваться чужой толковитости и чужому успѣху.

Скажите, напримѣръ, что *ученіе православія ближе къ реальной истинѣ жизни, чѣмъ грубыя и прозаическія мечты прогресса...*

Пожиманіе плечъ! „Сумбуръ!" *Пища крута!...*

Скажите иначе, и все пойдетъ хорошо. Скажите хоть бы такъ, напримѣръ: „и вѣрующимъ *людямъ надо дать свободу!"...*

„А, вотъ это дѣло! Вотъ это понятныя рѣчи!"... Это легкое и привычное русскимъ людямъ умственное млеко... Что-жъ дѣлать,—пусть пьютъ и млеко этой „свободы", лишь бы въ церковь ходили, лишь бы въ Бога вѣрили, лишь бы обряды и уставы хоть сколько-нибудь да почитали.

Возьмемъ для примѣра вопросъ о *старовѣрахъ.* Мы приступаемъ къ нему совсѣмъ не такъ, какъ другіе. Мы думаемъ, напр., вотъ что:

Старовѣры русскіе очень полезный элементъ въ государствѣ нашемъ. Не сочувствуя, конечно, *лично и въ прямомъ духовномъ смыслѣ ихъ церковнымъ уклоненіямъ,* мы считаемъ старовѣрчество *однимъ изъ самыхъ спасительныхъ, прочныхъ тормазовъ нашего прогресса.* Вотъ что намъ дорого и мы при этомъ съ удовольствіемъ вспоминаемъ слова одного турецкаго паши, съ которымъ мы случайно познакомились однажды на Дунаѣ: „*я боюсь* вашего государства, какъ опасной для насъ силы",—говорилъ онъ,—„но *характеръ вашей націи* мнѣ чрезвычайно нравится! Русскіе люди, напримѣръ, старовѣры ваши, живя у насъ, *политикуютъ лишь для пользы религіи* своей; а *здѣшніе* христіане, всѣ эти сербы и болгары, наоборотъ *прикидываются религіозными для своихъ политическихъ цѣлей...* Я люблю русскихъ за то, что они не думаютъ обо всѣхъ этихъ глупостяхъ, какъ *конституція* и т. п. А наши *български главы* (прибавилъ онъ смѣясь) на этомъ помѣшаны"...

Это говорилъ намъ турокъ въ 1868 году; 1878 и 1879 года доказали наглядно, до чего онъ былъ правъ относительно болгаръ.

Да, мы находимъ старовѣровъ очень полезными. Они *либеральны не въ принципѣ,* они смотрятъ на свободу только какъ на средство для цѣлей болѣе глубокихъ и болѣе почтенныхъ, чѣмъ цѣли и претензіи общеевропейскаго *индивидуализма,* приводящаго общества къ разслабленію, людей же къ однообразію и безличности.

Мы готовы привести также при этомъ и слова другого человѣка, *русскаго монаха* (т.-е. члена господствующей Церкви и члена очень дѣятельнаго). Онъ говорилъ намъ такъ: „это истинное *смотрѣніе* Божіе, это старовѣрчество наше. Безъ него куда бы только не ушли нѣкоторые члены нашего духовенства"...

„*Смотрѣніе*! Смотрѣніе Божіе!..." Къ чему это пересаливать! шепчетъ *умный* русскій человѣкъ и пожимаетъ опять плечами. Для того, чтобы такія рѣчи слушать съ удовольствіемъ, чтобы газету нашу не бросать съ презрѣніемъ, надо быть мужикомъ, или дьячкомъ, т.-е. недоросшимъ до поклоненія прогрессу, или-же, напротивъ, *переросшимъ* это поклоненіе. Но такъ какъ большинство читателей отъ дьячка ушло, и до *переросшаго* меньшинства возвыситься не можетъ, то мы и вынуждены естественно радоваться всему тому, что подходитъ ближе насъ къ среднему уровню нашей интеллигенціи.

Мы рады, напримѣръ, чрезвычайно серьезной и либеральной статьѣ о старовѣрахъ, которую мы встрѣтили недавно въ одномъ изъ нумеровъ новой петербургской газеты *Страна*, издаваемой г. Полонскимъ.

Редакторъ желаетъ, чтобы старовѣровъ не стѣсняли. Читая эту статью, мы „честно" радуемся, ибо понимаемъ, что г. Полонскій стоитъ гораздо ближе, если не ко всѣмъ, то ко многимъ читателямъ, чѣмъ мы...

Въ той же *Странѣ* была еще другая очень дѣльная, очень хорошая статья объ улучшеніи быта православнаго духовенства.

Статья весьма живая, и даже удивившая насъ своею ясностью послѣ тѣхъ первыхъ статей *Страны,* въ которыхъ говорилось что-то очень смутное о „культурныхъ" русскихъ людяхъ...

Въ этой статьѣ о духовенствѣ редакція говоритъ очень

прямо и вѣрно, что у русскаго простолюдина одинъ нравственный критеріумъ: *это грѣшно* (т.-е. прибавимъ мы: несогласно съ ученіемъ Церкви).

Мы бы не удержались при этомъ еще, чтобы не посовѣтовать и образованнымъ людямъ предпочесть этотъ критеріумъ „грѣха" всякой *раціональной добродѣтели...* и повредили бы дѣлу... Но петербургская газета поступаетъ иначе; она замѣчаетъ только слѣдующее:

„Но русскій человѣкъ съ образованіемъ европейскимъ, въ духовнонравственномъ вліяніи уже не нуждается,—скажутъ намъ. Полно, такъ ли это? Русскій образованный человѣкъ, прежде всего, самъ не разобрался въ своихъ мысляхъ и все еще хочетъ носить на показъ какую-то выдуманную физіономію, не рѣшаясь открыто признаться себѣ и другимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности; однако, предложите ему умереть безъ покаянія, хотя бы только обрядоваго,—и убѣдитесь, что 999 человѣкъ изъ тысячи скажутъ: нѣтъ... это мы только такъ, шутили".

„Мало того: огромное большинство образованныхъ русскихъ и въ церковь ходятъ, и держатъ въ рукѣ свѣчу при выносѣ плащаницы и крестятся при этомъ большимъ крестомъ; что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ въ обыденной жизни, ежедневно, и не трижды, но многократно, отрекаться при пѣніи любого „пѣтела".

„Индиферентизмъ, — такъ объясняется это обыкновенно. Индиферентизмъ — значитъ равнодушіе; а можно ли быть равнодушнымъ въ такихъ основныхъ вопросахъ? Не лучше ли, не возвышеннѣе ли было бы даже такое положеніе общества, что половина его состояла бы изъ отъявленныхъ свободныхъ мыслителей, а другая половина изъ фанатиковъ?"

„Можетъ быть, это положеніе и было бы достойнѣе людей, мыслящихъ серьезно. Но его нѣтъ и мы сознаемъ себя такими, каковы мы есть. Іерархи, судя по многократнымъ отзывамъ отчетовъ г. оберъ-прокурора Св. Синода, жалуются именно на индиферентизмъ, холодное отношеніе образованнаго общества къ вѣрѣ".

Все это очень вѣрно! Такъ вѣрно и умно, что мы не знаемъ, какъ выразить и благодарность нашу *Странѣ*...

Или еще новый примѣръ. Начнемъ думать и писать о *русскихъ монастыряхъ*... Тотчасъ же намъ монашеское міровоззрѣніе начинаетъ представляться идеаломъ... Монахи всѣ *пессимисты* относительно европеизма, свободы, равенства, и вообще относительно земной жизни человѣчества... Они думаютъ, что войны, распри семейныя, неравенство, болѣзни, „гладъ и трусъ" не только *неизбѣжны,* но иногда даже очень *полезны людямъ*... Можно просить, конечно, у Бога пощады себѣ, близкимъ и отчизнѣ, и *только*... Мы готовы сказать, что въ наше (*именно въ наше время,* когда сдѣлано столько для *лѣвой* стороны жизни), основаніе сноснаго монастыря полезнѣе учрежденія, пожалуй, двухъ университетовъ и цѣлой сотни реальныхъ училищъ...

Все это такъ. Все это должно бы казаться истиной даже съ *утилитарной* точки зрѣнія; ибо государство есть своего рода организмъ, которому нельзя дышать исключительно ни азотомъ полнаго застоя, ни пожирающимъ кислородомъ движенія и только движенія... И если бы даже стало возможно когда-нибудь—*это столь намъ противное всемірное государство,* то и оно, чтобы дышать лѣтъ 1000, потребуетъ тоже извѣстной доли нашего консервативнаго азота. Но это все какъ-то странно слышать!..

А слово *свобода* такъ нынче всякому понятно!.. Рѣшительно и ясно: „свобода есть право *дѣлать все, кромѣ зла...*" Неправда ли какъ понятно? Положимъ, что зло весьма условное понятіе. Но кто нынче объ этомъ станетъ много думать?.. Некогда философствовать! Догматъ есть, критеріумъ готовъ: „свобода, польза, человѣчество"...

Все это намъ слишкомъ давно знакомо, чтобы мы не понимали, какъ полезно для насъ, когда въ нашъ тонъ говорятъ о чемъ-нибудь люди, болѣе насъ вліятельные, болѣе насъ искусные, способные умнѣе и дѣльнѣе другихъ *высказывать именно то, что думаютъ многіе. Новое Время,* напримѣръ, замѣчаетъ слѣдующее по поводу *монастырскихъ капиталовъ,* и пр... „Уважая религіозные интересы, какимъ образомъ вы

воспретите добровольныя приношенія въ пользу монастырей и лавръ, которые во всякомъ случаѣ являются средоточіемъ религіозной жизни? Если отобрать у монастырей все то, что они теперь имѣютъ, то, чтобы это не возобновлялось, необходимо воспретить всѣмъ вѣрующимъ людямъ давать сорокоусты и всякіе иные вклады, — то-есть воспретить людямъ распоряжаться своими достатками въ пользу монастырей. Но какъ этого очевидно нельзя воспретить, то монастыри снова накопятъ капиталы, заведутъ подворья, пріобрѣтутъ лѣса и земли. Убѣдить всѣхъ и каждаго, что о поминѣ души нечего безпокоиться, что пожертвованія на украшенія иконъ и проч. не слѣдуетъ дѣлать, что слѣдуетъ дѣлать вклады не на поминъ души, а на народное образованіе — дѣло не только невозможное, но и ни въ какомъ случаѣ не желательное: не даромъ же *свобода совѣсти* признается дѣломъ крайне важнымъ, а религія — однимъ изъ необходимыхъ и наиболѣе важныхъ элементовъ въ народной жизни".

Мы радуемся, внимая такого рода рѣчамъ, ибо вѣримъ, что *Новое Время* и *Страна* въ подобныхъ случаяхъ могутъ сдѣлать болѣе пользы, чѣмъ мы сами—съ нашими „перлами" или лучше сказать—съ нашимъ *бисеромъ*...

Вѣримъ этому... да! Но ничуть *не каемся*... Вотъ что въ насъ ужасно!

Варшава, 15 февраля.

Говорятъ, что наше положеніе ужасно—это правда! Россія, послѣ медленнаго 1000-лѣтняго роста, почти внезапно, въ короткое время, дожила до того, что Государь ея не безопасенъ, даже въ жилищѣ своемъ *). *Реальная наука* со своими *великими открытіями* спѣшитъ на помощь той *адской революціи*, которую мы сами подготовили, выхваляя ее подъ разными другими благовидными именами: прогрессъ, гражданское равенство, свобода, борьба противъ невѣжества, *суевѣрій* и т. д...

Что же намъ дѣлать? Неужели молчать и смиренно ждать, что противъ этого *всеобщаго зла выдумаетъ Западъ?*..

---

*) Примѣч. автора 1885 года. Эта статья была писана подъ впечатлѣніемъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ.

Мы къ такому выжиданію пріучены двумя вѣками *подражательной исторіи*... Теперь, мы стали ближе къ Европѣ, чѣмъ когда-либо, мы *схожи* съ нею почти во всемъ... Схожіе организмы страдаютъ сходными болѣзнями.

Но неужели мы, русскіе (и всѣ славяне, съ нами вмѣстѣ), въ самомъ дѣлѣ, разъ навсегда уже прикованы къ разбитой колесницѣ Запада?.. Неужели нѣтъ никакого поворота съ этого общаго пути, на которомъ уже *нѣтъ спасенія (это, кажется, ясно?)* Неужели мы *непремѣнно* должны повторять черезъ 10, 20 или 30 лѣтъ все то, что думаетъ и дѣлаетъ сначала Франція, а потомъ и всѣ другія націи Запада? На Германію, въ которой все прежнее держится лишь двумя людьми—Императоромъ и княземъ Бисмаркомъ, не слѣдуетъ намъ указывать, когда дѣло идетъ о *дальнѣйшемъ развитіи революціонныхъ идей.* Во всѣхъ западныхъ государствахъ есть одна общая имъ черта: это то, что къ *анархіи* расположены цѣлыя массы простолюдиновъ, чего у насъ еще *нѣтъ.* У насъ революція частью сознательно, частью простодушно поддерживается значительно интеллигенціею нашею, но не народомъ...

Возможенъ ли на Западѣ *тотъ родъ страха,* который нападаетъ на многихъ членовъ интеллигенціи нашей, когда случается что-нибудь подобное послѣднимъ *тремъ* покушеніямъ, или схваткѣ московскихъ мясниковъ съ учащейся нашей молодежью? Наши *европейцы* всякій разъ начинаютъ трепетать отъ народной расправы.

Вотъ чѣмъ мы должны дорожить, вотъ чему мы должны радоваться... Этому *предразсудку* (sic!) народному. Онъ одинъ доказываетъ, что мы можемъ еще сойти съ обще-европейскаго пути.

Въ Европѣ, и особенно въ передовой Франціи, есть страшный опытъ прошлаго, но нѣтъ уже внутреннихъ *силъ.* У насъ еще есть великія силы, но нѣтъ еще, видно, *настоящаго* опыта... Всего того, что мы видѣли за послѣдніе полъ-вѣка и у другихъ, и у себя—*намъ, видно, еще мало.*

Мы все не вѣримъ еще славянофиламъ, что „Западъ гніетъ". Мы все еще готовы смѣяться надъ этой фразой.

Тамъ вѣдь такія хорошія машины, столько учености, столько денегъ!.. Исторія насъ ничему не учитъ до сихъ поръ! Къ тому же мы до того привыкли лгать, хитрить (хотя бы, напримѣръ, *въ печати*, а печать, къ сожалѣнію, у насъ очень стала вліятельна), мы до того изолгались, что, кажется, сами себя находимъ удовольствіе обманывать.

Вся задача въ томъ, чтобы ничего не называть по имени, все спасенье въ неопредѣленности и шаткости выраженія... И все это зовется умѣренностью, „тактомъ", и т. д... *До такта ли теперь?*

Приверженецъ *медленной революціи* не смѣетъ назвать своего идеала по *имени*, потому что боится цензуры; онъ зоветъ эту вещь *мирнымъ прогрессомъ*, — и всѣ довольны. И никто почти не догадывается, что это-то и есть *революція*, т. е. постепенное разрушеніе историческихъ началъ, безъ всякаго пока новаго *созиданія*. Ибо все созидающее бываетъ очень круто и стремится уменьшить *естественную подвижность* человѣческихъ обществъ, а не усилить ее, какъ дѣлаетъ вездѣ нынѣшній прогрессъ. Нынѣшній прогрессъ во всѣхъ странахъ Европы есть какое-то таяніе, какое-то огненное тлѣніе, то медленное, то съ грозными вспышками... Однимъ словомъ, *мирная* революція или мирный демократическій прогрессъ, — это все равно. Всѣ государства древности, замѣтимъ, болѣе или менѣе демократизировались каждое по своему *подъ конецъ* своей жизни... Многіе даже и помнятъ все это, но просто, *знать не хотятъ. Мирный и легальный* революціонеръ боится цензуры, и не зоветъ по имени своего идеала... *А безчестный человѣкъ и доносчикъ* (по кодексу либеральной гражданской морали), то-есть *консерваторъ* — тоже боится чего-то... Онъ боится, замѣтимъ, не столько дѣйствій, сколько *словъ*...

Какъ произнести слово — *реакція?*.. Какъ сознаться, что настало время *реакціоннаго* движенія, *если не для всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ сторонъ жизни?* Все это русскому консерватору почему-то кажется страшнымъ сказать...

На Западѣ этомъ, *дѣйствительно гніющемъ*, по крайней мѣрѣ, люди *крайней правой* пытались *все говорить* ..

У насъ—вся мудрость въ томъ, чтобъ и самому не очень ясно понимать и другимъ не объяснять ничего рѣзко... Это называется практическою ловкостью и все тѣмъ же тактомъ!..

Но мы, мы люди безтактные и неловкіе, мы будемъ *пытаться* говорить все *яснѣе* и *яснѣе*...

Варшава, 21 февраля.

Какъ бы долго русскій человѣкъ ни жилъ въ Варшавѣ, онъ вполнѣ дома себя чувствовать здѣсь не можетъ. Чуждый видъ города, не имѣющаго ни того всемірнаго значенія и тѣхъ вещественныхъ удобствъ, которыми богаты европейскія столицы, ни дорогихъ сердцу нашему національныхъ особенностей, привлекающихъ насъ къ московскому Кремлю, неудобныя холодныя квартиры, безумная дороговизна, общество, въ сношеніяхъ съ нами сдержанное и недовѣрчивое...

Все это вмѣстѣ взятое дѣйствуетъ невесело на русскаго жителя Варшавы.

Однако, и въ Польшѣ, есть одна сторона жизни, которая, именно, при всѣхъ этихъ невыгодныхъ условіяхъ, особенно бросается въ глаза и вознаграждаетъ русское сердце за всѣ его здѣсь тяжелыя и унылыя чувства—однимъ только, но за то чрезвычайно пріятнымъ впечатлѣніемъ.

Впечатлѣніе это производятъ стоящія въ Варшавѣ русскія войска.

На улицѣ, въ соборѣ, у обѣдни въ праздникъ, въ маленькой церкви на Медовой улицѣ, въ театрѣ, въ русскомъ клубѣ— вездѣ видишь военныхъ... Цѣлыя толпы свѣжихъ, молодыхъ и безстрашныхъ солдатъ, эти бравыя, энергическія лица офицеровъ, эти командиры „испытанные великими трудами бури боевой“; эти сѣдины старыхъ генераловъ, сѣдины, которыхъ видъ и смиряетъ, и возноситъ насъ... эти казаки, гусары и уланы „съ пестрыми значками“; эта пѣхота („эта неутомимая пѣхота“), идущая куда-то своимъ ровнымъ, твердымъ и могучимъ шагомъ...

Видѣть все это такъ часто, встрѣчать все это на каждомъ шагу, и почти нечаянно, и гдѣ же?.. У самыхъ границъ со-

сѣднихъ державъ, въ которыхъ благоразумные правители давно уже едва-едва сдерживаютъ враждебные намъ порывы общественныхъ предубѣжденій... Это истинная радость!..

И сколько тутъ героевъ минувшей войны!.. Сколько ветерановъ прежнихъ битвъ!..

Во-первыхъ, самъ маститый главный начальникъ края, графъ Коцебу. Онъ принималъ участіе еще въ персидскомъ и турецкомъ походахъ, въ 28 и 29 годахъ, цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ прослужилъ на Кавказѣ и былъ начальникомъ штаба въ Крыму у князя Горчакова, въ тяжкую и великую севастопольскую годину.

Намъ кажется, что и этихъ немногихъ строкъ достаточно, чтобы понять, какого замѣчательнаго представителя прежней, боевой Россіи, мы видимъ тутъ передъ собой...

Здѣсь стоятъ корпуса 5-й и 6-й, а ими командуютъ генералы Радецкій и Роопъ. Первый — всѣмъ извѣстный защитникъ Шипки, другой — одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и замѣчательныхъ вождей азіатской компаніи нашей. Онъ принималъ участіе въ кровавой борьбѣ при взятіи Карса. Помощникомъ командующаго войсками въ здѣшнемъ краѣ — генералъ-отъ инфантеріи баронъ Криднеръ, тотъ самый, который такъ блистательно овладѣлъ Никополемъ.

И сколько еще!

Генералъ Дандевиль, еще молодой, величественный, отважный генералъ, съ Георгіемъ на шеѣ.

Онъ, вмѣстѣ съ Гурко, совершилъ зимній переходъ черезъ Балканы, дрался подъ Филиппополемъ.

Генералы Эллисъ, Мирковичъ, Панютинъ, смѣлые, твердо-воинственные люди.

Мы ужъ не называемъ многихъ другихъ героевъ, полковниковъ и младшихъ офицеровъ.

Мы въ лицѣ самыхъ видныхъ по званію вождей спѣшимъ только преклониться съ любовью и благоговѣніемъ передъ этой *пограничной* дружиной, передъ этимъ *передовымъ оплотомъ* Россіи нашей, и всего того, что намъ въ ней дорого и свято.

Великая вещь — война! Правъ былъ тотъ, кто назвалъ

войну—„божественнымъ учрежденiемъ“. Это огонь пожирающiй, правда, но зато очистительный!

Глупые, несносные эти друзья „вѣчнаго мира“, находятъ что-то высокое въ мѣщанскомъ и всеобщемъ благоденствiи народовъ... Они не понимаютъ, что тотъ „Священный союзъ народовъ“, который воспѣвалъ Беранже, *въ пику* Священному Союзу Государей:

(J'ai vu la Paix descendre sur la terre
Semant de l'or, des fleurs et des épis...),—

что эта Sainte Alliance—была бы ни чѣмъ инымъ, какъ самымъ простымъ торгашескимъ трактатомъ, отъ котораго выиграли бы только богатые купцы всѣхъ странъ, и безъ того благоденствующiе.

Нѣтъ, во сто разъ правѣе всѣхъ этихъ Брайтовъ, смѣлый Прудонъ, который говоритъ, что война есть дѣло великое, глубоко связанное со всѣмъ тѣмъ, что есть высокаго и творческаго въ человѣчествѣ, съ религiей и государственной истиной, съ поэзiей, наконецъ. У него, въ книгѣ его: *La guerre et la paix*, есть особая глава: „L'esthétique de la guerre“ (эстетика войны).

Но оставимъ Прудона.

Мы сами, мы русскiе обязаны считать военныхъ нашихъ самыми лучшими, самыми высшими изъ гражданъ нашихъ, если мы хотимъ быть справедливы умомъ и честны сердцемъ.

Прекрасная вещь—такъ называемое *гражданское* мужество. Но вѣдь, въ сущности, этотъ родъ мужества тогда только и достигаетъ высшей точки своей, когда и *гражданскому дѣятелю* начинаютъ грозить *тѣлесныя*, такъ сказать, опасности...

Теперь, напримѣръ, у насъ въ Россiи недостаточно гражданскаго *труда*, гражданской *дѣятельности;* теперь настало время *мужества.*

И что жъ мы видимъ?.. *Не юристамъ и не педагогамъ,* не людямъ, мечтающимъ, вѣроятно, о всеславянской „говорильнѣ“, спѣшитъ Россiя довѣрить судьбу свою, а славнымъ *военнымъ вождямъ,* привыкшимъ уже смолоду смотрѣть, не содрогаясь, въ лицо самой смерти и, не стѣсняясь пустыми

фразами прогресса, налагать на непокорныхъ узду спасительнаго насилія.

Безъ *насилія* нельзя. Неправда, что можно жить безъ насилія...

Насиліе не только побѣждаетъ, оно и убѣждаетъ многихъ, когда за нимъ, за этимъ насиліемъ, есть идея.

Въ числѣ столькихъ неудачныхъ измышленій либеральнаго европейскаго прогресса XIX вѣка, измышленій, не оправдываемыхъ ни опытомъ исторіи, ни законами самой вещественной природы, мы встрѣчаемъ это неосновательное противоположеніе гражданъ *собственно* людямъ военнымъ.

Извѣстно также, что при подобномъ противоположеніи гражданинъ, или, скажемъ проще, *штатскій* получаетъ нѣкое, какъ будто высшее значеніе... Выходитъ такъ, какъ будто именно штатскій и есть гражданинъ настоящій, *идеалъ гражданина;* а военное дѣло,—это лишь низшая форма служенія обществу, неизбѣжное, временное зло, долженствующее исчезнуть, когда ораторы и профессора найдутъ тѣ условія, при которыхъ на всей землѣ будетъ миръ, когда люди не будутъ свершать подвиговъ, не будутъ дѣлать походовъ, а только заключать торговые договоры и засѣдать на однообразныхъ ученыхъ съѣздахъ...

Пора оставить эти надежды, въ которыхъ нѣтъ ни практической основательности, ни идеализма и поэзіи...

Самый высшій родъ гражданства—это гражданство боевое, отдающее жизнь за Отчизну; самый лучшій гражданинъ—это честный въ своемъ призваніи, смѣлый и даровитый воинъ...

Мы сказали, что въ трудныя и опасныя минуты исторической жизни, общество всегда простираетъ руки не къ ораторамъ или журналистамъ, не къ педагогамъ или законникамъ, а къ людямъ *силы*, къ людямъ, *повелѣвать умѣющимъ, принуждать дерзающимъ!*

Но развѣ и въ самое мирное и тихое время не видѣли мы, особенно у насъ въ Россіи, военныхъ, отличающихся на всѣхъ поприщахъ?...

Военный можетъ легко и скоро стать всѣмъ: дипломатомъ,

администраторомъ, министромъ, хозяиномъ сельскимъ, хорошимъ мировымъ судьей, художникомъ, ученымъ...

Онъ можетъ быть всѣмъ этимъ, не переставая быть военнымъ!

Генерала можно прямо сдѣлать начальникомъ губерніи, или поручить ему дипломатическій постъ. Но можно ли дать прямо полкъ камергеру и послать его въ огонь?...

Можно ли предсѣдателю судебной палаты поручить дивизію и велѣть, чтобы онъ съ нею перешелъ Балканы?...

Многіе „штатскіе" очень храбры лично; но тутъ дѣло не въ одной личной смѣлости, а прежде всего—въ умѣньи управлять движеніями и духомъ вооруженныхъ, многолюдныхъ массъ.

Военная служба даже и въ мирное время развиваетъ въ людяхъ *два умѣнья*—именно тѣ два великія умѣнья, которыя, къ несчастію, утрачиваются все болѣе и болѣе въ современной гражданственности:—*умѣнье повелѣвать и умѣнье терпѣть и подчиняться.*

Боже! отчего же въ этомъ XIX вѣкѣ, кажется, столь ученомъ, такъ мало *настоящаго ума,* не позволяющаго забывать великіе уроки вѣкового опыта?...

Отчего это?

Не отъ того ли, что и вѣку этому осталось прожить всего *только 20 лѣтъ?...* Не отъ того ли, что пора уже отходить его вкусамъ и понятіямъ?

Не оттого ли, наконецъ, что всѣ эти наши понятія—понятія европейскія; а въ самой Европѣ... *преходитъ образъ міра сего...*

Варшава, 28 февраля.

Голосъ въ передовой статьѣ своей, отъ 23 февраля, хвалитъ французское правительство за то, что оно не выдаетъ Гартмана, обвиняемаго по дѣлу взрыва на московско-курской желѣзной дорогѣ.

Да, нестерпимо трудно теперь положеніе нашихъ властей. Онѣ должны бороться съ внѣшними врагами и съ домаш-

ними непріятелями, и, что еще хуже, съ либеральными предубѣжденіями людей наивныхъ, поддающихся такъ легко коварному пѣнію петербургскихъ сиренъ.

„Личная свобода во Франціи—дѣло священное“, восхищается газета.

Большинство читателей русскихъ, конечно, обмануть легко такими фразами, потому что они, во-первыхъ, очень мало помнятъ, а во-вторыхъ, потому, что все для нихъ въ Европѣ—священно.

Но люди памятливые знаютъ, какъ умѣли французскія правительства всѣхъ родовъ не стѣсняться съ „личностью“, когда такая быстрая расправа была въ интересахъ того порядка, котораго держалось то или другое изъ этихъ разнородныхъ правительствъ.

Мы помнимъ тоже исторію *Березовскаго*... Жюль Фавръ и Араго защищали его и способствовали смягченію его наказанія. Мы не забыли и бомбы Орсини и казнь его. Преступленіе было равное, неудача одинакая: однако Орсини, посягавшій на французскаго Императора изъ-за свободы Италіи, былъ казненъ; а Березовскій, стрѣлявшій въ Русскаго Царя, остался живъ.

Мы думаемъ даже, что Императоръ Наполеонъ не былъ главною виною этой несправедливости; виной была разница въ положеніи его въ эти двѣ разныя эпохи. Передъ итальянской войной 59 года, онъ былъ всемогущъ и Орсини казнили, потому что „либералы“ не мѣшали ему.

Въ 67 году, онъ нуждался до крайности въ поддержкѣ Россіи, но самъ былъ уже гораздо слабѣе тогда; гражданское развращеніе Франціи было таково, что она не могла долго выносить даже и блестящей монархіи. *Жюль Фавры* опять заговорили громко и Березовскій остался живъ.

Теперешнее правительство Франціи, несмотря на *видимое* спокойствіе страны, еще слабѣе (оно недавно оффиціально сознавалось, что „оно не сильно“); оно боится коммунаровъ и потому не выдаетъ Гартмана.

Относительно того, что „личность священна“ и т. д., мы можемъ сказать вотъ что: терзать людей безъ причины и

основанія конечно ненужно. Но что же бы случилось съ Гартманомъ, если бы оказалось, что *не онъ* совершилъ злодѣянія? Его бы привезли по желѣзной дорогѣ въ Россію, его бы судили, и если бы оказалось, что онъ не виновенъ, то освободили бы его. Вотъ и все. Честный гражданинъ и роптать не долженъ, при нынѣшнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, на тѣ безпокойства, которыя напрасно ему причинили. Можно скорбѣть, тосковать, болѣть, жаловаться даже, но только на судьбу, а не на русское правительство въ подобномъ случаѣ.

И наконецъ, если положить на вѣсы личность Того, на Кого онъ, можетъ быть, посягалъ, то неужели мысль о прогулкѣ и невиннаго человѣка въ Россію, съ предстоящимъ конечно оправданіемъ, ужаснѣе мысли о томъ, что *дѣйствительный* преступникъ останется безнаказаннымъ?

По нашему мнѣнію, печатать подобныя статьи послѣ всего того, *что мы видѣли*,—поступокъ по крайней мѣрѣ безтактный, чтобъ не сказать хуже, гораздо хуже...

Какое намъ дѣло, какъ смотрятъ на „личность" якобинцы XIX вѣка, съ адвокатомъ Греви во главѣ?..

Защищая республиканское правительство Франціи, редакція газеты очень заботится о томъ, чтобы оно, это правительство, оправдало себя передъ цѣлымъ свѣтомъ оглашеніемъ тѣхъ документовъ и вообще тѣхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ оно отказалось выдать Гартмана. Статья кончается слѣдующими словами:

„Быть можетъ, при такой полной гласности окажется, что французское правительство поступило, въ данномъ случаѣ, во всемъ согласно съ требованіями справедливости. Въ этомъ не будетъ еще заключаться осужденія русскому посольству въ Парижѣ, заявившему о необходимости арестовать Гартмана и настаивавшему на его выдачѣ. *Здѣсь окажется только принципіальное различіе во взглядахъ на свободу личности.* Вслѣдствіе этого, когда рѣшеніе вопроса остановилось на требованіи доказательствъ, успѣхъ не могъ не представляться сомнительнымъ для всѣхъ, кто знакомъ съ значеніемъ и сущностью доказательствъ, признаваемыхъ у насъ достаточными,

и съ требованіями на этотъ предметъ французскаго законодательства"...

„Личность человѣка, какое бы подозрѣніе надъ нею ни тяготѣло, всегда заслуживаетъ, чтобъ къ ней относились, по меньшей мѣрѣ, съ осторожностью, до тѣхъ поръ, пока преступность ея не будетъ доказана несомнѣннымъ образомъ. Въ этомъ залогъ уваженія къ закону и къ его исполнителямъ со стороны общества. Вотъ почему мы не считаемъ возможнымъ, при имѣющихся данныхъ,ни сѣтовать на рѣшеніе совѣта французскихъ министровъ, ни укорять русское посольство, представившее матеріалы для такого рѣшенія. *Въ этомъ отношеніи все объясняется только принципіальнымъ различіемъ взглядовъ, которые не могутъ мѣняться въ каждомъ данномъ случаѣ*".

Мы просимъ читателей обратить вниманіе на подчеркнутыя нами строки. Въ подлинникѣ онѣ изъ осторожности не были подчеркнуты, но зато выраженія эти о „принципіальномъ различіи во взглядахъ на свободу личности" *повторены два раза*, для вразумленія разсѣянныхъ, иногда, читателей.

Изъ всего этого явствуетъ, что газета, несмотря на всѣ тѣ вѣжливыя оговорки, къ которымъ долгій опытъ и знаніе цензурныхъ условій вынуждаютъ ее прибѣгать, болѣе согласна въ *принципіальныхъ взглядахъ* съ правительствомъ якобинской республики, уступающей коммунарамъ, чѣмъ съ представителемъ нашего правительства въ знаменитомъ, *всесвѣтномъ Вавилонѣ*..

Да, трудно теперь дѣйствовать нашимъ властямъ!

Варшава, 1 марта.

Въ статьѣ, озаглавленной: „Печать въ борьбѣ со смутой", газета *Новости* разсуждаетъ такъ:

„Вмѣсто пустыхъ фразъ, какъ бы онѣ пишущему ни казались громкими, вмѣсто извращенія истины, вмѣсто возбужденія къ себѣ интереса въ читателяхъ изъѣзженными коньками, въ родѣ натравливанія русскихъ на поляковъ и евреевъ,—вдвойнѣ предосудительнаго, когда рѣчь идетъ о во-

просѣ первой государственной важности,—печать должна приступить къ спокойному, трезвому, глубокому и откровенному анализу зла. Только тогда она окажетъ правительству дѣйствительную помощь. Высказывая несообразности, она подрываетъ къ себѣ довѣріе; возбуждая дурные инстинкты, она оказываетъ вредъ, который терпимъ быть не можетъ. Въ обоихъ же случаяхъ она удаляется отъ той солидарности между обществомъ и правительствомъ, которая, по общему признанію, справедливо считается единственнымъ вѣрнымъ и прочнымъ исходомъ изъ настоящаго тягостнаго положенія".

Между тѣмъ, говоритъ далѣе газета, у насъ безъ конца толкуютъ объ однѣхъ лишь мѣрахъ къ „искорененію" зла, тогда какъ „никто опредѣленно не знаетъ, что такое, въ дѣйствительности, это страшилище — нигилизмъ? Въ чемъ его натура, откуда онъ произошелъ, каковы его цѣли, и т. д.? Есть наивные публицисты, которые видятъ его начало въ латинской грамматикѣ Кюнера и полагаютъ, что онъ началъ распространяться на Руси, точка въ точку, со времени усиленнаго преподаванія грековъ и латиновъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ".

„Другіе, не менѣе дальновидные публицисты приписываютъ его происхожденіе всецѣло литературѣ начала шестидесятыхъ годовъ и чуть-ли не исключительно одному трепогибельному роману: „Что дѣлать?"

„У насъ, продолжаетъ далѣе газета, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о такъ называемомъ „умственномъ пролетаріатѣ", который вездѣ и всегда служилъ самымъ воспріимчивымъ орудіемъ всякаго недовольства".

По мнѣнію фельетониста, „бюрократизмъ и солдатчина — мы говоримъ преимущественно о XVIII столѣтіи—цѣлые десятки лѣтъ отрывали отъ „земли", для наполненія своихъ полчищъ, безчисленныя толпы „служилыхъ людей", которые— ни они сами, ни ихъ потомство—никогда уже не возвращались въ ея лоно. Постепенно, это „сословіе" распадалось на разнообразныя группы, росло и множилось. Чуждое „землѣ", ни къ чему, кромѣ канцелярскаго скрипѣнія перьями, да парадированія на плацъ-парадахъ, неспособное, ни къ чему

другому нечувствующее ни охоты, ни призванія, въ силу укоренившихся въ немъ сословныхъ предразсудковъ и чиновничьей гордости, относительно привилегированности своего положенія,—оно превратилось въ алчнаго попрошайку и нахлѣбника у государства, въ немъ одномъ видя своего поильца и кормильца. Но, естественно, государство не могло же стать дойной коровой: оно не могло накормить и напоить всю эту, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе размножавшуюся, саранчу... Годъ отъ году, становилось все больше вотще алкающихъ бюрократическаго пирога. Велики и обильны были „государственные хлѣба“, но на всѣ званые рты ихъ хватить не могло. Съ теченіемъ времени, такихъ, обойденныхъ фортуною, голодныхъ ртовъ размножилось видимо-невидимо, и такимъ-то образомъ, на русской землѣ, такой, казалось бы, широкой и богатой, разрослось неисчисленное полчище людей, бездомныхъ и безпочвенныхъ, холодныхъ и голодныхъ, ни къ чему не пристроенныхъ, ничего толкомъ не знающихъ и ничѣмъ помочь себѣ не умѣющихъ... Кто не знаетъ, кто не встрѣчалъ этихъ несчастливцевъ!..“

Статья *Новостей* посвящена вслѣдъ затѣмъ вопросу о борьбѣ печати нашей и всего общества со „смутой“. „Сказать къ слову, говоритъ газета, ничего не можетъ быть печальнѣе и оскорбительнѣе этого легкомысленнаго отношенія къ злу, этого себялюбиваго старанія отдѣлаться отъ него громкими фразами и преувеличенно - горячими заклинаніями, да открещиваніями, которыми такъ злоупотребляютъ нынче кое-какіе газетные авгуры... Удивительно обуявшее многихъ забвеніе той банальной въ общественной діагностикѣ истины, что болѣзненныя явленія, какъ бы они ни казались странными, дикими и исключительными, не составляютъ и не могутъ составлять чего-нибудь обособленнаго отъ организма, ими пораженнаго“...

Все это такъ, все это правда. И несносныя фразы безтолковаго испуга, и „странныя“ клички и даже въ заключеніи много истины. Но вотъ въ чемъ несчастіе. Положимъ, что значительная часть зла происходитъ въ Россіи отъ размноженія *дворянскаго пролетаріата*... хотя надо и къ этому при-

бавить, что бунтующіе, стрѣляющіе и озлобленные пролетаріи еще чаще выходятъ изъ обученныхъ кое-чему разночинцевъ и изъ „духовнаго“ сословія, причемъ отцы и дѣти ни тѣхъ ни другихъ не были ни чиновниками, ни офицерами, не принадлежали къ служилому *избалованному* привилегіями сословію, не были представителями того „бюрократизма и той солдатчины“, которые такъ не нравятся автору статьи.

Однако, разночинцы, „дѣти бѣлаго духовенства“, *выкресты* разные и т. п., чинятъ еще больше намъ вреда, мы полагаемъ, чѣмъ обѣднѣвшіе дворяне.

Почему же авторъ такъ обрушился на одно дворянство?.. Можетъ быть онъ самъ разночинецъ, или *выкрестъ*, или что-нибудь въ этомъ родѣ?.. Не поэтому ли?..

И еще возраженіе. Авторъ видимо недоволенъ какъ будто тѣмъ, что никто серьезнаго *лѣченія* общему злу не ищетъ и не предлагаетъ... Но самъ онъ что дѣлаетъ? Другіе бранятъ поляковъ и евреевъ, а онъ натравливаетъ на „дворянъ“. Онъ указываетъ на зло XVIII вѣка, какъ на причину нынѣшняго зла. Это ни къ чему практическому не ведетъ. Лѣченіе зла *прошедшаго* невозможно. Нельзя передѣлать XVIII вѣка; лучше думать о концѣ нашего, и о XX-мъ, *который очень близко*.

Объ отдаленныхъ во времени источникахъ болѣзни пусть говоритъ исторія, а не „злоба дня“. Положимъ, зло прежняго сословнаго нашего строя было причиной *нынѣшняго безсословнаго* зла. Но старое зло вѣдь *уничтожено* новымъ зломъ? Вредъ *застоя переродился въ пагубу излишняго движенія*. Поэтому нельзя, отыскивая *искренно* и серьезно лѣченіе *противу излишняго движенія*, накидываться на нѣчто ему совершенно противоположное... Зимой—холодно, лѣтомъ—жарко; и то, и другое непріятно и многимъ даже вредно. Какъ быть?... Смѣна подобная естественна, и реакція то туда, то сюда неизбѣжна; всякій знаетъ, что за зимой—весна, а за весною—жары. Но кто въ жары будетъ сердиться на давно прошедшій холодъ?.. Напротивъ, всякій живой человѣкъ всему холодноватому радъ въ іюлѣ. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что уже *уничтоженное* исторіей зло Россіи *нелиберальной* переродилось рядомъ событій и движеніемъ умовъ въ зло *слишкомъ леби-*

ральное!.. Нельзя же дѣйствовать теперь противу привилегій, которыхъ нѣтъ; а надо, напротивъ того, дѣйствовать въ наше время противу *равенства и либерализма*... То есть надо *подморозить* хоть немного Россію, чтобы она не „гнила"...

Наконецъ и на западѣ были свои оттѣнки и въ „бюрократизмѣ, и въ солдатчинѣ", а коммунистическое движеніе вездѣ *одно*, и на Западѣ оно глубже въ массахъ, чѣмъ у насъ. Причемъ же тутъ *русское дворянство?*...

Варшава, 13 марта.

Въ томъ отдаленіи отъ обѣихъ нашихъ столицъ, въ которомъ мы, русскіе, живемъ здѣсь, на западной границѣ нашего государства, есть только одинъ источникъ для пониманія того, что дѣлается теперь въ Россіи, — это столичная наша печать.

Здѣсь нѣтъ ни частныхъ разговоровъ съ людьми вліятельными, ни тѣхъ собственныхъ впечатлѣній, которыя выносишь изъ разнородныхъ встрѣчъ въ кругахъ, болѣе или менѣе руководящихъ современной жизнью... Этихъ средствъ дополнить и провѣрить свѣдѣнія, доставляемыя намъ газетами, мы здѣсь лишены и потому во всемъ, что касается до гражданской жизни Москвы и Петербурга, мы поневолѣ должны хотя приблизительно и въ различной степени довѣрять тому, что намъ сообщаютъ *Московскія Вѣдомости, Современныя Извѣстія, Новое Время, Голосъ, Молва*, и т. д.

Положимъ, что ни въ одной странѣ въ мірѣ періодическая печать не отражаетъ вполнѣ такъ называемаго „общественнаго" или, вѣрнѣе сказать, *національнаго* мнѣнія. Ему не вполнѣ соотвѣтствуетъ даже и совокупность мнѣній печати и представительства, взятыхъ вмѣстѣ, въ странахъ конституціонныхъ.

Есть еще два безгласныхъ мнѣнія: мнѣніе стихійнаго, народнаго большинства, и мнѣніе небольшого числа людей, не находящихъ себѣ удовлетворительнаго выраженія ни въ представительствѣ, ни въ печати. Есть также множество людей,

умѣющихъ только чувствовать сильно и дѣйствовать недурно, но неспособныхъ ни говорить, ни писать хорошо и ясно.

Положимъ, все это такъ; но печать столичная потому чрезвычайно важна, что она имѣетъ возможность, при помощи цѣлаго ряда посредствующихъ дѣйствій и вліяній, доходить до самыхъ нѣдръ или корней національной жизни. Напримѣръ, крестьянинъ нашъ, живя въ своей деревнѣ, самъ не читаетъ газетъ и газеты не могутъ имѣть на него прямого вліянія, ни хорошаго, ни вреднаго; но ихъ читаютъ сочувственно въ томъ или другомъ духѣ члены администраціи и столичной, и мѣстной; ихъ читаютъ земскіе дѣятели, священники, даже нѣкоторые грамотные простолюдины въ уѣздныхъ городахъ и торговыхъ селахъ. Послѣдніе могутъ распространять, правильно или нѣтъ, извѣстія, отъ которыхъ всегда что-нибудь да остается въ умахъ; а членамъ администраціи и земства нѣтъ нужды и говорить о газетахъ съ крестьяниномъ или мѣщаниномъ. Они *дѣйствуютъ* и могутъ имѣть огромное вліяніе на настоящее и будущее положеніе простолюдина русскаго посредствомъ разныхъ прямыхъ мѣръ и косвенныхъ давленій. Вотъ въ чемъ сила дѣйствія печати даже и на милліоны ничего нечитающихъ русскихъ людей.

И когда мы подумаемъ объ этомъ *прямомъ, непосредственномъ безсиліи* газетъ нашихъ, *и о косвенномъ, посредственномъ ихъ могуществѣ,* то намъ представляется странная картина: людей охранительнаго направленія несравненно больше, чѣмъ либеральнаго; но люди этого послѣдняго направленія даже и теперь какъ будто сильнѣе и вліятельнѣе.

Замѣтимъ вотъ что: мы умышленно говоримъ *не* прогрессивнаго, а именно *либеральнаго* направленія; ибо прогрессъ, т.-е. послѣдующая ступень исторіи, ея завтрашній, такъ сказать, день не всегда носитъ характеръ болѣе эмансипаціонный, чѣмъ была ступень предыдущая, чѣмъ періодъ истекающій или истекшій. Время Петра I было, конечно, прогрессивнымъ временемъ, но оно было стѣснительнѣе во многомъ, сравнительно съ вѣками предыдущими; уничтоженіе вѣчевыхъ вольностей и удѣльной независимости, постепенное закрѣпощеніе народа были въ свое время точно также прогрес-

сомъ, какъ и дарованіе особыхъ правъ дворянству при Екатеринѣ II, или еще лучше—какъ и реформы нынѣшняго царствованія, какъ *могутъ стать прогрессомъ*, въ свою очередь, и всякія *реакціонныя* мѣры, и временныя и законодательныя—разъ только мѣры, освобождающія *личность* человѣческую, достигнутъ, такъ называемой, *точки насыщенія.*

Мы сказали, что людей не-либеральныхъ у насъ гораздо больше, но намъ почему-то кажется, что либералы вліятельнѣе.

Съ одной стороны, если взять въ разсчетъ милліоны крестьянъ, множество *не модныхъ еще* купцовъ, большинство духовенства, очень многихъ дворянъ, военныхъ и т. д., то разумѣется окажется, что у насъ несравненно больше людей охранительнаго взгляда, (т.-е. людей, предпочитающихъ дисциплину свободѣ), чѣмъ либераловъ. Правда, что дисциплину эту многіе, ищутъ совсѣмъ *не тамъ*, гдѣ она есть, и гдѣ ее можно найти или возстановить, но все-таки они ждутъ ея воцаренія...

Это именно тѣ люди, которые или не дошли еще до европеизма нашего, не думаютъ о немъ, не знаютъ его,—такихъ милліоны; или тѣ очень немногіе, которые пережили и переросли этотъ европеизмъ до полной отъ него независимости.

Но съ другой стороны, если забыть обо всей этой массѣ охранительной, но почти безгласной, частью по простотѣ и *спасительной* своей грубости, частью по легкомыслію и нерадѣнію, частью по неумѣнію писать и говорить, частью по другимъ, личнымъ причинамъ, если всю эту массу, говоримъ мы, забыть, а видѣть только печать и печать столичную, особенно петербургскую,—получится совсѣмъ иное впечатлѣніе.

Русское „общество“ представится тогда въ высшей степени либеральнымъ; да и не только либеральнымъ, но чрезвычайно упорнымъ и очень искуснымъ въ своихъ либеральныхъ инсинуаціяхъ, стремленіяхъ, надеждахъ, даже какъ бы въ либеральныхъ *инстинктахъ* своихъ!... Этому мы найдемъ тысячи примѣровъ... Упраздняется положимъ временно III-е отдѣленіе и либеральная печать почтительно восхваляетъ эту мѣру Правительства. Это, молъ, усиливаетъ *диктатуру въ борьбѣ съ*

подземной крамолой... Благонамѣренно сказано, но *либерально...* Почему? .. А потому, что тутъ мерцаетъ лучъ надежды... Диктатура *временная*, а уничтоженіе III-яго отдѣленія, быть можетъ, *будетъ* вѣчно... Тамъ порицаютъ все ту же „интеллигенцію“ нашу, которую порицаютъ и *Московскія Вѣдомости*, но совсѣмъ по другой причинѣ, именно за недостатокъ сильныхъ и твердыхъ (т.-е *конституціонныхъ*) чувствъ и потребностей.

Въ одномъ органѣ громятъ *бюрократизмъ*, какъ вещь мертвящую и разслабляющую все, и восклицаютъ: „съ централизаціей вы рискуете получить апоплексію въ центрѣ и параличъ въ конечностяхъ...“ Извѣстно, что бюрократизмъ есть антитеза конституціоннаго устройства. Въ другомъ журналѣ умоляютъ: *сговориться надо, сговориться...*

Вездѣ мы читаемъ о какихъ-то еще „реформахъ“, о „дальнѣйшемъ развитіи нашихъ учрежденій“...

Пользуются искусно и упорно всѣмъ, всякимъ современнымъ случаемъ, всякимъ историческимъ воспоминаніемъ, чтобы доказать, что надо итти не просто *дальше* (съ этимъ и мы согласны), но именно все *по тому же пути*. Пользуются всѣмъ для этой цѣли, напр., выборами представителей отъ петербургской Думы въ Верховную Коммиссію. Дума порицается за „равнодушіе и опрометчивое отношеніе къ этому важному *прецеденту*“... Надѣются, что *провинція* покажетъ лучшій примѣръ, если ей *доведется*, и. т. д.

Есть даже люди, которые въ этомъ фактѣ избранія *четырехъ представителей въ помощь* Верховной Коммиссіи видѣли чуть не конецъ *всѣмъ нашимъ несчастіямъ...* (Это не дурно!) Другой желаетъ „развитія послѣдовательнаго, надлежаще-серьезнаго и цѣлесообразнаго, строго придерживающагося исторической почвы и народнаго склада, направляющагося къ общепринятымъ, освященнымъ наукою (?) и оправдываемымъ благосостояніемъ (?) идеаламъ государственности. Мы видимъ въ *зрѣлой общественной самодѣятельности*, идущей въ дружномъ, единодушномъ патріотическомъ союзѣ съ властію, въ охраненіи, уваженіи, и такъ сказать —*вознесеніи правъ личности, въ искренности и свободѣ нелицемѣрнаго* и законообразнаго слова, въ объективизмѣ нашей внѣшней роли и осмотрительности

внутренняго хозяйства, наконецъ, въ непоколебимой, осязуемой, фактической законности, никому ничего не прощающей и всякому свое воздающей, основные устои правильной, крѣпкой общественности и лучшій залогъ нашего плавно, красиво и мощно раскрывающагося будущаго...“

Другой вспоминаетъ реформы прусскаго министра Штейна, которыя совсѣмъ не идутъ къ нашему времени, или упоминая о нѣкоторомъ Самбурскомъ, предлагавшемъ, еще при Паскевичѣ, проектъ обрусѣнія Польши посредствомъ мелкаго русскаго землевладѣнія, приводитъ съ уваженіемъ слѣдующія слова этого Самбурскаго: „демократъ не демагогъ; быть демократомъ значитъ *желать счастья* (!) возможно большаго числа людей и привлеченія всѣхъ ихъ къ служенію родинѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего дурного...“ И приводя это, либеральный органъ *будто-бы* забываетъ, что демократія родитъ и плодитъ *демагоговъ.*

И еще примѣръ, по нашему мнѣнію, очень замѣчательный: одной петербургской газетѣ сообщаютъ изъ провинціи о непомѣрныхъ поборахъ сельскаго, бѣлаго духовенства съ крестьянъ... Пишутъ также, что въ такомъ-то приходѣ крестьяне сами догадались устроиться хорошо; они уговорились съ приходскимъ священникомъ вообще, за 900 руб. въ годъ, и сверхъ того за особыя требы отъ 1 руб. до 50 коп. Газета по этому поводу говоритъ очень правильно и дѣльно. Она жалуется на недостойное поведеніе „пастырей“, ставитъ (увы, быть можетъ и весьма основательно!) имъ въ примѣръ многихъ сельскихъ учителей, которые тоже люди бѣдные и семейные, а крестьянъ не тѣснятъ, и заключаетъ всѣ эти замѣтки выраженіемъ желанія, чтобы приходы у насъ сами избирали себѣ священниковъ, по примѣру древняго христіанства. Все это правда, и все это могъ бы сказать самый искренній благожелатель не только народа, но и самой Церкви... Но вотъ тутъ-то и обнаруживается вся сила того, что мы назвали *либеральнымъ инстинктомъ...* Съ одной стороны, прихожане избираютъ себѣ сами священниковъ; но въ приходѣ не одни русскіе *крестьяне;* есть и русскіе „европейцы“, и число ихъ съ каждымъ годомъ пока еще ростетъ. Потомъ

и крестьяне-общинники и европейцы-„индивидуалисты“ сходятся въ земствѣ. Мало-по-малу, Русь петербургская въ *сюртукѣ* беретъ верхъ надъ Русью московской въ *поддевкахъ;* движенію этому помогаютъ и многочисленныя школы, въ которыхъ наставляютъ дѣтей учителя, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ люди добрые и честные нерѣдко, но опять таки болѣе европейцы, чѣмъ священники и крестьяне... И шагъ за шагомъ, все бѣлое духовенство изъ-подъ прямого вѣдѣнія высшаго *(чернаго) духовенства и правительства* перейдетъ въ непосредственную зависимость *отъ земства...* или даже скажемъ—и отъ народа, *но отъ такого народа, надъ которымъ неустанно трудится все тотъ же европеизмъ,* чтобы сдѣлать его больше прежняго на „интеллигенцію“ нашу *похожимъ...*

Вотъ что значитъ вѣрный, почти стихійный *инстинктъ разрушенія...*

Когда видишь и слышишь такія вещи, то невольно иногда приходитъ на умъ, что всѣ надежды *настоящихъ* охранителей тщетны, что до *точки насыщенія* еще очень далеко и чашу проклятаго западничества придется все-таки выпить до дна...

„Исторія никого ничему не научила...“ Никто не хочетъ видѣть, что на Западѣ чѣмъ дальше, тѣмъ *свободнѣе, и чѣмъ свободнѣе, тѣмъ все хуже и слабѣе...* Даже *личность* эта, *какъ будто* бы освобожденная личность чѣмъ дальше, *тѣмъ пустѣе;* чѣмъ свободнѣе отъ разнородныхъ общинъ, цеховъ и сословій, отъ самого государства, тѣмъ зависимѣе отъ предразсудковъ и бездарности „общественнаго мнѣнія“, тѣмъ безсильнѣе и ничтожнѣе...

Мы еще разъ повторимъ: было бы глупо видѣть во всемъ и вездѣ какую-то *злонамѣренность.* Мы предпочитаемъ назвать все это теченіе русской мысли національнымъ несчастіемъ и больше ничего.

Одна надежда наша на безконечность и разнообразіе *историческихъ неожиданностей* и *рессурсовъ.* Быть можетъ, если Славянству въ самомъ дѣлѣ предстоитъ великая и *особая* будущность, то враги его окажутся полезнѣе для его дальнѣйшаго истинно-*національнаго* развитія, чѣмъ самые честные, но заблуждающіеся русскіе граждане... Быть можетъ, често-

любивыя увлеченія лорда Биконсфильда, позорная слабость французскихъ республиканцевъ, новая какая-нибудь и предсмертная вспышка мусульманскаго гнѣва спасутъ еще насъ, такъ или иначе, и противъ воли нашей сорвутъ Россію съ казеннаго пути либеральнаго западничества, съ пути, вначалѣ столь торнаго, но ведущаго, шагъ за шагомъ, именно къ тому, что такъ основательно возмущаетъ насъ при видѣ современнаго положенія всѣхъ безъ исключенія державъ и націй европейскаго *материка!..*

Будемъ же надѣяться на враговъ, если на „своихъ“, на ближнихъ такъ мало надежды!..

Варшава, 15 марта.

Послѣдняя телеграмма изъ Перы извѣщаетъ насъ, что турокъ, убійца Куммерау, признанъ *сумасшедшимъ*. Вѣроятно, его не накажутъ.

Надо замѣтить при этомъ, что подобное рѣшеніе суда будетъ въ Турціи весьма сообразнымъ съ мѣстными понятіями. Турки любятъ такъ называемыхъ *дели. Дели* значитъ у нихъ не то, чтобы совсѣмъ сумасшедшій, а скорѣе отчаянный, полу-юродивый, очень оригинальный человѣкъ. Такимъ людямъ въ Турціи многое прощается, даже и тогда, когда они не мусульмане. Инымъ изъ христіанъ удавалось нерѣдко, благодаря особому складу ума и характера, заслужить прозвище *дели* и пользоваться соединенными съ нимъ привилегіями, не юридическими конечно, а житейскими, *фактическими.*

Итакъ, турецкое правительство, сдѣлавши съ одной стороны всевозможныя демонстраціи въ честь Россіи на похоронахъ несчастнаго полковника и т. п., съ другой (какъ слѣдовало ожидать) заставило препрославленную европейскую науку служить мѣстнымъ повѣрьямъ и религіознымъ страстямъ мусульманъ.

Турокъ, умертвившій *нечаянно* полковника Куммерау, имѣлъ въ виду не его, *а повѣреннаго въ дѣлахъ, представителя русскаго правительства,* г-на Ону.

Не любопытно ли совпаденіе этого посягательства съ дру-

гимъ, еще болѣе ужаснымъ (и болѣе реально-*научнымъ* вмѣстѣ съ тѣмъ), съ посягательствомъ Гартмана?

Здѣсь на жизнь Государя,—тамъ на жизнь Его представителя.

Не поучительно ли вникнуть въ историческое значеніе этой приблизительной современности двухъ политическихъ злодѣйствъ?..

Не слѣдуетъ ли видѣть во всемъ этомъ,—въ неудачѣ самихъ преступныхъ попытокъ, въ малодушномъ потворствѣ злодѣяніямъ со стороны обоихъ правительствъ (какъ *безбожной* и *мѣщанской* французской республики, такъ и турецкой *религіозной* имперіи); наконецъ, въ относительной современности всѣхъ этихъ печальныхъ событій, не слѣдуетъ ли подозрѣвать чего-то и таинственнаго, и въ то же время, весьма реальнаго?

Принципы непримиримы; *назначеніе*—иное. *Не сознательныя цѣли,* говоримъ мы, а *безсознательное назначеніе* противоположны у Россіи и съ Турціей, и съ Франціей, въ одно и то же время *).

Сознательныя дѣйствія дипломатіи (и быть можетъ, отчасти и общественнаго мнѣнія) во всѣхъ трехъ странахъ этихъ—въ Россіи, Франціи, Турціи, — склонялись въ послѣднее время скорѣе къ сближенію, къ примиренію, пожалуй, въ иныя минуты, почти къ союзу...

Но пора же, наконецъ, понять *разумомъ*, что этотъ самый *разумъ человѣческій практически очень слабъ* и, достигая только самыхъ ближайшихъ своихъ цѣлей, никакихъ неожиданныхъ осложненій и послѣдствій предвидѣть не умѣетъ,—особенно же тамъ, гдѣ больше мѣшается въ политическія дѣла тысячеглавая, но слабоумная гидра „общественнаго мнѣнія"...

И въ Турціи, за послѣдніе годы, общественное мнѣніе мусульманъ усилилось, по мѣрѣ ослабленія правительственнаго авторитета.

---

*) Прим. авт. 1885 г. Полезно прочесть объ этомъ въ книгѣ г. Данилевскаго „Россія и Европа"—особенно *о невозможности союза нашего съ Франціей.*

Во Франціи мы видимъ то же самое. Про Россію не знаемъ еще что сказать въ этомъ отношеніи...

Но въ другомъ отношеніи, въ отношеніи *непримиримости принциповъ* и *рокового назначенія*, издѣвающагося давно уже надъ всѣми, самыми искренними попытками политическаго сближенія Россіи и съ самой разрушительно-передовой, и съ самой отсталой изъ всѣхъ европейскихъ державъ, — по этому поводу, можно бы сказать *очень много!..* Но мы сегодня ограничимся тѣмъ, что скажемъ только слѣдующее: многіе думаютъ, будто въ Германіи есть люди высокаго ума и положенія, злоумышляющіе противъ Россіи. Но если бы даже это подозрѣніе и было основательно, то мы позволимъ себѣ не вѣрить въ *успѣхъ* подобныхъ плановъ...

Никакого *существеннаго* вреда Россіи и Славянству эти люди теперь не сдѣлаютъ. Придется, вопреки всѣмъ попыткамъ *практическаго разума*, нѣмцамъ и славянамъ пойти еще разъ (можетъ быть, въ послѣдній) рука объ руку, подчиняясь невольно рѣшеніямъ Разума—Высшаго!

Варшава, 22 марта.

Недавно только вышедшая февральская книга ежемѣсячнаго журнала *Русская Мысль*, издаваемаго въ Москвѣ гг. Юрьевымъ и Лавровымъ, удивила насъ не мало. Все, что мы прочли въ этой книгѣ, доказало намъ еще разъ поразительнымъ образомъ, какъ глубоко уже въѣлась въ насъ язва западнаго *индивидуализма*, это поклоненіе человѣческой *личности*, этотъ новый родъ идолопоклонства, несравненно болѣе безплоднаго и вреднаго, чѣмъ всѣ извѣстные намъ виды идолослуженій *мистическихъ*. Эти послѣдніе, понимаемые христіанствомъ, какъ порожденія *духа зла*, какъ религіи ложныя— были все таки религіями *духовными* (хотя бы и *демоническими*, но все-таки духовными), т.-е. такими вѣрованіями, въ которыхъ за видимымъ и осязательнымъ крылось нѣчто высшее, невидимое и неосязательное. Теперь же европейская мысль поклоняется человѣку, *потому только, что онъ человѣкъ*. Поклоняться она хочетъ не за то, что онъ герой или пророкъ, царь

или генiй. Нѣтъ, она поклоняется не такому *особому и высокому развитiю* личности, а просто индивидуальности *всякаго* человѣка и *всякую личность* желаетъ сдѣлать счастливою (*здѣсь, на землѣ*), равноправною, покойною, надменно-честною и свободною въ предѣлахъ *извѣстной* морали. Это-то исканiе всечеловѣческой равноправности и всечеловѣческой правды, исходящей не отъ *положительнаго* вѣроисповѣданiя, а отъ того, что философы зовутъ личной, *автономической* (то-есть самовольной, само-узаконяющейся) нравственностью, это-то и есть ядъ, самый тонкiй и самый могучiй изъ всѣхъ столь разнородныхъ заразъ, разлагающихъ постепеннымъ дѣйствiемъ своимъ всѣ европейскiя общества. Быть можетъ, даже всѣ остальныя заразы и яды европейскаго разложенiя—суть лишь видоизмѣненiя одного и того же бродильно-смертоноснаго начала. На такое подозрѣнiе наводитъ уже самое поверхностное, но осмысленное знанiе исторiи. Германскiя племена внесли въ исторiю то преувеличенное уваженiе къ личности человѣческой, котораго не было ни въ греко-римскомъ мiрѣ, ни въ христiанскомъ ученiи. Индивидуализмъ этотъ былъ *организующей* силой, пока, съ одной стороны, не переходилъ за предѣлы высшаго и владѣтельнаго сословiя дворянъ, а съ другой, пока на самихъ этихъ дворянъ дѣйствовали поочередно *стѣснительныя* влiянiя—то христiанскаго *смиренiя* и *страха,* то перешедшаго отъ Рима *уваженiя къ государственности.* Но съ тѣхъ поръ (съ XVIII вѣка), какъ съ этимъ исключительнымъ и стѣснительнымъ, то-есть *организующимъ* индивидуализмомъ случилось то, что нынче случается со всѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ подешевѣлъ и сдѣлался всѣмъ доступенъ,—онъ изъ тяжкой, но спасительной въ свое время цѣпи, перековался незримо въ могучiй и безпощадный желѣзный ломъ, грубо и часто безсознательно сокрушающiй все то, что людямъ кажется помѣхой для осуществленiя этой глупой мечты всеобщаго благоденствiя и всеобщей честности.

Индивидуализмъ демократическiй или всеуравнивающiй и есть, въ приложенiи къ политическимъ партiямъ, то самое, что зовется обыкновенно *либеральностью.*

Мы уже говорили, что либерализмъ вовсе не постоянный

синонимъ злонамѣренности. Злонамѣренность либерализма есть исключеніе. Либерализмъ (особенно въ Россіи)—скорѣе есть роковое заблужденіе, доказывающее еще разъ, до чего безсиленъ человѣческій разумъ, и до чего онъ можетъ обманывать самъ себя, воображая, что идетъ къ *своимъ цѣлямъ,* тогда какъ онъ движется незримою рукою Промысла или, если хотите, историческихъ судебъ. *Истина* совсѣмъ не „въ правахъ и свободѣ", осмѣлюсь сказать, а въ чемъ-то другомъ—весьма печальномъ, если искать на землѣ покоя и видимой цѣлесообразности, и весьма сносномъ и даже пріятномъ, въ иныя минуты, если смотрѣть на жизнь, какъ на бурное и занимательное,—частью тяжелое, частью очень сладкое, но во всякомъ случаѣ скоропроходящее сновидѣніе. При такомъ воззрѣніи, миришься въ принципѣ съ обязанностями и страданіями, съ разочарованіями и пороками людей; ни усталость въ безплодной погонѣ за личнымъ счастьемъ, ни минутныя вспышки гнѣва или зависти не могутъ, при такомъ взглядѣ, обратиться въ самодовольный и постоянный протестъ. Пессимизмъ относительно *всего человѣчества* и личная вѣра въ Божій Промыслъ и въ наше безсиліе, въ наше неразуміе,—вотъ что миритъ человѣка и съ жизнью собственною, и съ *властью другихъ*, и съ возмутительнымъ, вѣчнымъ трагизмомъ исторіи... Тогда и въ *либералахъ* не будешь видѣть непремѣнно злодѣевъ, а просто людей, даже нерѣдко и прекрасныхъ, честныхъ, но зараженныхъ вздоромъ; или робкихъ, или невѣжественныхъ, или напротивъ того—ученыхъ, но по природѣ скудоумныхъ (ученость, вѣдь, часто *ума* ничуть не придаетъ, иногда она даже его какъ-то давитъ и затираетъ...); или, наконецъ, даже и очень умныхъ и образованныхъ, но *временно заблудшихъ* и сбитыхъ лишь съ пути одною, *всего одною* ложною мыслью, одной очень простой и простительной въ наше время ошибкой,—надеждой *на воцареніе правды на землѣ* и на возможность удовлетворить людей *правами, (легальнымъ* равенствомъ, при отсутствіи равенства *дѣйствительнаго),* машинами, учеными съѣздами и прорытіемъ каналовъ по всѣмъ перешейкамъ. Правъ не будутъ *чувствовать*, добившись ихъ; юридическое равенство не уничтожаетъ неравенства

судьбы, удачи, счастья, богатства и здоровья, а даже усиливаетъ только *чувство* этого дѣйствительнаго неравенства. Машины приносятъ, по крайней мѣрѣ, столько же зла, сколько и пользы, если не больше зла... На ученыхъ съѣздахъ все только разбираютъ, собираютъ, постигаютъ, опредѣляютъ, распредѣляютъ, но ничего не созидаютъ и создать не могутъ. Ибо дѣйствительное созиданіе бываетъ *всегда полусознательное,* или *почти безсознательное, а не раціональное...*

Ничѣмъ и никогда людей удовлетворить нельзя *безъ принужденія* и безъ разнородныхъ формъ и пріемовъ *насилія* надъ ихъ волей, умомъ, страстями и даже невинными и честными желаніями... Вотъ на какія мысли навело насъ чтеніе весьма серьезнаго, весьма почтеннаго и весьма, мы думаемъ, искренняго московскаго журнала—*Русская Мысль.*

„Tu quoque, Brute!“ захотѣлось воскликнуть намъ съ отчаяніемъ... И тутъ царство этой *правды!* И тутъ *личность, личность, личность!..* И тутъ *свобода!..* И тутъ европейскій индивидуализмъ, столь убійственный для настоящей *индивидуальности,* т.-е. для *исключительнаго,* обособленнаго, сильнаго и выразительнаго развитія характеровъ! И тутъ *автономическая*, самоопредѣляющаяся мораль, гордая, и въ то же время мелкая, фарисейская „честность“...

Мы вспомнили *объявленіе* объ изданіи этого журнала серьезными и учеными людьми. Тамъ было прямо сказано, что *Православіе* должно способствовать тому, чтобы славяне своими путями дошли до общей *всему человѣчеству* цѣли—„царству правды на землѣ“.

Прудонъ искалъ этой самой земной правды, и въ его сочиненіяхъ: „La Justice“, „Исповѣдь революціонера“, „Экономическія противорѣчія“ и т. д., можно найти все то, что проповѣдуютъ намъ теперь многіе соотечественники наши, какъ бы „игнорируя“, что старая, разрушающаяся Европа *все доступное современному* уму сказала прежде насъ и гораздо лучше, яснѣе, правильнѣе и смѣлѣе нашего.

Увы! Пора убѣдиться, что именно *мысли-то русской* такъ мало на свѣтѣ! Есть русскій языкъ, есть, пожалуй, русская литература и поэзія, есть много русскихъ оговорокъ и ужи-

мокъ, *есть русскій ужасъ передъ всякой дѣйствительной умственной независимостью*... Но *мысли* русской, того, что заслуживаетъ названія мысли, не будетъ до тѣхъ поръ, пока мы не перестанемъ быть *европейцами!*.. Если весь петровскій періодъ былъ только безсознательнымъ притворствомъ; если петровская (петербургская) Русь была только переходомъ къ какой-то неизвѣстной еще *славяно-босфорской государственности;*—если маска европеизма окажется дѣйствительно маской, только временно приросшей къ облику и лицу нашему для того, чтобы мы сами не „проговорились" или не могли бы ее неосторожно *прежде времени* сорвать, то можетъ быть еще есть какой-то блѣдный лучъ надежды на эмансипацію славянской мысли. Но теперь? Гдѣ же эта русская или славянская *мысль?* Укажите ее? Не у чеховъ ли? Или не въ болгарской ли конституціи, данной неопытному народу либеральными людьми? Или не въ печати ли нашей? Познаній—много, но *мысли*—нѣтъ. Все, что претендуетъ у насъ на мысль, есть ничто иное, какъ приложеніе чужой мысли къ нашей жизни, какъ искаженіе западной прямоты и смѣлости нашими оговорками, нашими обходами, разведеніе крутого европеизма нашей теплой водицей... „Ты не горячъ и не холоденъ,—изблюю тя изъ устъ моихъ!"

Появилось, было, извѣстное нынче всѣмъ *по имени*, но вовсе немногимъ и до сей поры понятное *по духу*,—ученіе славянофиловъ. Многіе у насъ до того глупы, что и теперь еще воображаютъ, будто бы вся разгадка этого ученія состоитъ въ *политическомъ и соціальномъ освобожденіи* славянъ, тогда какъ это самая, быть можетъ, слабая сторона этого ученія, наименѣе самородная и *по источнику* (ибо она болѣе всѣхъ другихъ сливается незамѣтно съ обще-либеральнымъ западничествомъ), и *по плодамъ*, ибо, въ приложеніи къ жизни, — она даетъ славянскимъ націямъ только *политическій и личный индивидуализмъ*, а никакъ не ту *бытовую и культурную индивидуальность*, которой сами вожди славянофиловъ такъ пламенно искали!...

Многіе и у насъ, и за границей принимаютъ славянофиловъ за простыхъ либеральныхъ панславистовъ, и больше

ничего. Многіе думаютъ, что они въ послѣднее время даже восторжествовали, потому что политическая эмансипація славянъ вездѣ сдѣлала большіе шаги впередъ.

Весьма немногіе понимаютъ, что, къ сожалѣнію, *истинный смыслъ* славянофильства, напротивъ того, все болѣе и болѣе утрачивается, что юго-славяне, отъ патріархальной простоты которыхъ мы ожидали чего-то свѣжаго, — чѣмъ дальше, тѣмъ сходнѣе съ самыми новѣйшими европейцами, и что, наконецъ, въ самой Россіи, за послѣднія двадцать лѣтъ, не интеллигенція наша безцвѣтная учится жить и думать „по-своему" у дѣйствительно своеобразнаго народа, а народъ этотъ, напротивъ того, всѣми средствами втягивается на *тотъ же самый западный путь*, на которомъ мы, кромѣ разочарованій, ничего не встрѣтили. Откуда это множество школъ по европейскимъ образцамъ, гдѣ къ реалистическимъ основнымъ внушеніямъ кое-какъ приклеивается православная мистика и православный *оптимистическій* пессимизмъ? Это земство, *гдѣ индивидуализмъ*, въ лицѣ землевладѣнія *личнаго*, постоянно беретъ умственный, по крайней мѣрѣ, верхъ надъ *общинами*; ибо наши общины *не просятъ* этихъ школъ, не безумствуютъ о нихъ, *а индивидуализмъ* навязываетъ имъ эти *сомнительныя* школы? Откуда эти суды, гдѣ учатъ народъ тому, что и бунтовщики есть очень „честные", и что генералы и монахи бываютъ мошенники...

И, наконецъ, сама „община" наша?... Нашъ знаменитый „міръ", на который даже столькіе европейцы взираютъ съ уваженіемъ и надеждой?.. Эта „община", эта *спасительная* община не подвергается ли она ежедневнымъ опасностямъ даже и оттуда, откуда менѣе всего можно было бы ожидать, какъ напр., изъ лагеря, претендующаго тоже на что-то почти славянофильское... Журналъ *Русская Мысль*, не подозрѣвая того, что въ его... „мысли" ничего нѣтъ русскаго, хочетъ *эмансипировать и просвѣщать* нашу почти *коммунистическую и вмѣстѣ съ тѣмъ—глубоко консервативную крестьянскую общину!*.. Неужели „finis Россіи!"...

Съ великой радостью, поэтому, прочитали мы въ февральской книжкѣ этого ученаго, мягкаго, гуманнаго, либеральнаго

и лже-славянофильскаго изданія письмо Александра Ивановича Кошелева. Авторъ возражаетъ редакціи по поводу ея желанія превратить постепенно нашу *принудительную* общину въ „свободный союзъ, на основаніи общиннаго землевладѣнія“. Мнѣнія такого человѣка, какъ г. Кошелевъ, извѣстнаго писателя, практическаго хозяина на широкомъ поприщѣ и земскаго общественнаго дѣятеля, заслуживаютъ особеннаго вниманія, и самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это – передать читателямъ *Варшавскаго Дневника* главныя мѣста изъ письма его въ редакцію страннаго журнала, не подозрѣвающаго даже, что онъ вовсе *не туда идетъ, куда ему хочется!* Мы постараемся это сдѣлать*).

Варшава, 31 марта.

Въ *Русскомъ Курьерѣ*, г. Колюпановъ знакомитъ насъ съ либералами „изъ захолустьевъ“. Если вѣрить наблюдательности почтеннаго автора, „либералы изъ захолустья“ сходятся въ одномъ:

—„Въ нежеланіи расширенія бюрократической опеки надъ мирными гражданами, въ необходимости прекратить существующій разладъ, въ своевременности призыва общественнаго мнѣнія при разрѣшеніи важнѣйшихъ задачъ, выставляемыхъ народною жизнью“.

Г. Колюпановъ полагаетъ, что подъ вліяніемъ реформъ настоящаго царствованія—

„*Принципъ либерализма укоренился въ русскомъ обществѣ* и дальнѣшій ростъ его обезпеченъ: его не нужно насаждать, а стоитъ только не бередить и не стараться вытравлять“.

Говоря о количествѣ и качествѣ провинціальныхъ либераловъ, г. Колюпановъ замѣчаетъ:

„Вы думаете ихъ мало, они не образованы, они говорить не умѣютъ и полезнаго ничего не выскажутъ?—Нѣтъ, ихъ

---

*) Примѣч. авт. 1885 г. Духъ этого журнала за послѣдніе *два года* значительно измѣнился къ лучшему. Многое въ немъ стало осмысленнѣе, яснѣе; меньше всякихъ сентиментальныхъ и въ сущности пустыхъ фразъ и больше дѣла, больше житейской правды, даже побольше *настоящаго націонализма*, тамъ и сямъ разбросаннаго...

много, гораздо больше, нежели думаютъ люди, незнакомые съ нашими захолустьями. Среди насъ мало серьезно-ученыхъ и подготовленныхъ дѣятелей, съ готовымъ отвѣтомъ на всѣ сложные вопросы и задачи народной жизни, нѣтъ блестящихъ ораторовъ, чьи красивыя рѣчи украсили бы страницы газетъ и въ пространныхъ телеграммахъ разлетѣлись по бѣлому свѣту; но среди насъ есть люди здраваго смысла, глубоко и искренно преданные Государю и отечеству и изучившіе народныя нужды и насущные интересы не издалека или среди праздничной обстановки, подъ говоръ застольныхъ рѣчей, но вблизи, во всей неприглядности будничнаго убожества, на своихъ плечахъ вынося всю тяжесть положенія".

Новое Время, замѣчаетъ по этому поводу: „Если вѣрны показанія г. Колюпанова, то мы можемъ только поздравить нашу провинцію: ея либералы не имѣютъ повода конфузиться передъ трескучими фразами столичнаго либерализма"...

Мы не совсѣмъ понимаемъ, что значитъ это послѣднее замѣчаніе *Новаго Времени*. Изъ этихъ словъ нельзя отдать себѣ яснаго отчета: сочувствуетъ ли *Новое Время* г-ну Колюпанову или смѣется надъ нимъ?

Мы прежде всего поспѣшимъ согласиться съ г. Колюпановымъ во многомъ. Во 1-хъ въ томъ, что въ провинціи (или еще лучше въ *губерніяхъ*, въ земской средѣ, а ужъ никакъ не въ захолустьѣ—ибо къ чему эта противная *гоголевщина* „захолустье") есть люди весьма основательные, умные, весьма образованные и знающіе Россію хорошо. Но жизнь человѣческая такъ устроена, что по поводу многаго въ ней можно сказать: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", и наоборотъ: „чѣмъ лучше, тѣмъ хуже". *Новое Время* поздравляетъ нашу провинцію съ тѣмъ, „*что ея либералы* (т.-е. дѣльные и серьезные) *не имѣютъ повода конфузиться передъ трескучими фразами столичнаго либерализма*".

Мы же не поздравляемъ Россію, если въ ней много дѣльныхъ, серьезныхъ и вліятельныхъ людей, въ „либерализмѣ" еще не разочарованныхъ *даже и въ наше время* и желающихъ заставить насъ выпить *чашу до дна*. Намъ кажется, что мы г. Колюпанова немного знаемъ. *Если не ошибаемся*, онъ былъ

въ 60-хъ годахъ предводителемъ въ одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній и былъ тогда же сотрудникомъ одной петербургской *весьма радикальной* газеты! Если это *тотъ самый человѣкъ*, то гражданское огорченіе наше только можетъ усилиться. *Тотъ человѣкъ* производилъ на насъ, мы помнимъ, весьма выгодное впечатлѣніе со стороны ума, солидности и энергіи. *И онъ остался, значитъ, либераломъ!*

Изъ приведенныхъ выше словъ его—„нежеланіе расширенія бюрократической опеки“, „своевременность призыва общественнаго мнѣнія“... „подъ вліяніемъ реформъ настоящаго царствованія принципъ либерализма *укоренился*“ и т. д. — мы видимъ, что г. Колюпановъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые теперь издали, весьма ловко и постепенно подкрадываются къ *министерской отвѣтственности, къ представительству въ обще-европейскомъ* вкусѣ и т. п. *Преступнаго* или злонамѣреннаго мы въ этомъ не видимъ еще ничего. Ожидать чего-то необыкновенно полезнаго отъ того, что сотни двѣ-три, что ли, *обще-европейскихъ,* избранныхъ правдой и неправдой, *либераловъ* будутъ *ограничивать опеку* надъ обществомъ, производимую другими, точно такими же, въ сущности, *обще-европейцами,* но не избранными снизу, а назначенными сверху,—это не злонамѣренность, а просто заблужденіе, недостойное мыслящаго человѣка. *Либералъ избранный и либералъ казенный—не все ли равно,* если смотрѣть серьезно на историческія начала народной жизни? Bonnet blanc,—blanc bonnet!

„Среди насъ“, говоритъ г. Колюпановъ, „есть люди здраваго смысла, глубоко и искренно преданные Государю и отечеству“ и т. д.

Главныя историческія основы нашей русской жизни три: Православіе, Самодержавіе и поземельная община. Дворянство и другія сословныя учрежденія были также въ свое время значительной опорой этимъ тремъ основнымъ факторамъ русской жизни; но если эти сословныя перегородки, несомнѣнно приносившія свою долю пользы государству, были найдены уже несвоевременными и уничтожены, то и *довольно пока.* Зачѣмъ же ломать еще?

Если бы лица, пользующіяся особымъ довѣріемъ Власти,

поѣхали бы спросить у мужиковъ желаютъ ли они *дальнѣйшаго развитія нашихъ учрежденій,* то что бы они сказали, эти мужики? Они бы воскликнули, конечно: „Нѣтъ, избави насъ Боже отъ этого, а вотъ если бы *землицы побольше*—это бы хорошо!“ Народъ (*настоящій* народъ) понимаетъ, что ему нужно получше жить въ вещественномъ отношеніи, ибо освобожденіе, при всѣхъ своихъ пріятныхъ для него сторонахъ, имѣло и нѣкоторыя неизбѣжныя, обременительныя для него послѣдствія... Это онъ знаетъ; но, по природному уму, не испорченному еще западными претензіями, онъ и въ толкъ не возьметъ—на что еще *какія-то права* не только ему самому, но и г. Колюпанову?

Ужъ если приравнивать къ чему-нибудь западному нашихъ простолюдиновъ, то мы ихъ скорѣе осмѣлились бы назвать какими-то *мирными, умѣренными и монархическими соціалистами,* чѣмъ либералами. Мы думаемъ, Россія теперь переживаетъ такое критическое время, что гораздо лучше называть вещи по имени, чѣмъ говорить съ ужимками, обманывая и себя, и другихъ.

Такой оригинальный духъ русскаго народа не имѣетъ въ себѣ ничего революціоннаго или разрушительнаго, напротивъ, въ немъ таится, быть можетъ, *нѣчто зиждущее.* Тогда какъ *либерализмъ*, еще далѣе теперешняго простертый, при всевозможной легальности и благонамѣренности своей,—непремѣнно бы подкопался, шагъ за шагомъ, и подъ *Православіе* и подъ общину поземельную (ибо и то, и другое, и Церковь, и общинность—вовсе не либеральны, а *очень принудительны*). Либерализмъ подкопался бы подъ нихъ даже и нечаянно, можетъ быть (*умѣренные либералы,* вѣдь, ужасъ вообще, до чего близоруки и непослѣдовательны!)...

И Россія, черезъ какихъ-нибудь десять всего лѣтъ, увидала бы себя съ цѣлымъ сонмомъ ораторовъ, аферистовъ и „честныхъ“ ученыхъ во главѣ, безъ *монастырей,* съ епископами, избранными либеральнымъ *обществомъ*, но ограниченными со всѣхъ сторонъ протестующимъ и честолюбивымъ *бѣлымъ* духовенствомъ, и, главное, съ милліонами пьяныхъ, разорившихся и свирѣпыхъ батраковъ. Народъ нашъ дѣй-

ствительно еще полонъ „смиренія“, но надо помнить, что эти качества его выработались вѣками, подъ совокупнымъ *давленіемъ:* Церкви, государства, общины *и помѣщичьей власти.* Вотъ тамъ, гдѣ нужно быть *реалистами,* мы не умѣемъ ими быть!

То, что вырабатывается вѣками при *опредѣленныхъ условіяхъ,* не можетъ *устоять при совершенномъ измѣненіи и уничтоженіи этихъ условій.* Отчего же именно здѣсь, *гдѣ нужно,* мы забываемъ *науку* и ея безпристрастіе? Надо разсматривать *реальныя силы* общества не съ точки зрѣнія ихъ удобствъ или пріятности, а съ точки зрѣнія ихъ равновѣсія и воздѣйствія ихъ на государственный организмъ.

Что-нибудь одно: или думать такъ, какъ мы думаемъ, или ужъ прямо отказаться и отъ государства вообще, и отъ національныхъ формъ, если только онѣ хоть сколько-нибудь тѣснятъ такъ называемую *личность.*

Въ передовой странѣ Запада, во Франціи, за которой всегда позднѣе идутъ и всѣ другія, до этого *пункта насыщенія* почти уже и дошли... „Индивидуализмъ“ торжествуетъ; но зато какую же *бурю коммунистической реакціи* и повлечетъ за собою это медленно продолжающееся съ XVIII вѣка сожиганіе государства со всѣми его національно-историческими особенностями, на алтарѣ новаго язычества, новой и странной вѣры... (боимся произнести—до того намъ непонятно это чувство)... *на алтарь вѣры въ достоинство и права обыкновеннаго европейскаго буржуа!..*

И наша бѣдная „интеллигенція“ только и жаждетъ одного, какъ бы ей подойти поближе къ этому завидному идеалу, какъ бы ей еще больше стать похожей на этого живого, но безцвѣтнаго идола!

Какъ же не нападать на нее огуломъ?... Именно *огуломъ.* Отдѣльно взятые *Колюпановы* иногда очень почтенны, но какъ *среда,* какъ *реальная сила,* берущая теперь, по большой части, верхъ? Что же это за бичъ непониманія, что за бичъ космополитической заразы и легальнаго, постепеннаго разрушенія!..

Варшава, 9 апрѣля.

Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты перепечатываемъ статейку изъ „Москов. Вѣдом.“: *Характеристика поста въ Парижѣ.* Перепечатка эта нѣсколько запоздала, это правда; но тѣмъ лучше. Есть вещи, о которыхъ необходимо напоминать какъ можно чаще, особенно въ газетахъ, которыя читаются вообще небрежно и торопливо. Если кто-нибудь изъ заглядывающихъ въ „Варшавскій Дневникъ“ видѣлъ еще нѣсколько дней тому назадъ то же самое описаніе парижскаго поста въ „Москов. Вѣдомостяхъ“, то онъ, намъ кажется, ничего не потеряетъ, если перечтетъ еще разъ внимательнѣе эти строки, внушающія глубокое отвращеніе. Мы не разъ говорили (и не перестанемъ говорить это, рискуя даже наскучить), мы не разъ говорили, что русскій человѣкъ, желающій блага своей родинѣ и понимающій грозящія ей со всѣхъ сторонъ опасности, долженъ постоянно слѣдить за духомъ, господствующимъ во Франціи, въ этой *передовой странѣ Запада,* съ которымъ, къ несчастію, такъ глубоко связалъ насъ культурный переворотъ Петра. Въ первыхъ еще листкахъ нашей газеты мы нашли нужнымъ указать на рядъ фактовъ, замѣченныхъ еще гораздо прежде насъ людьми, болѣе насъ учеными, и признанныхъ разъ навсегда исторіей. Факты эти слѣдующіе: окончательнымъ преобладаніемъ въ Европѣ Православія надъ аріанствомъ и язычествомъ исторія обязана была королю Франковъ, Хлодовику (Clovis), ибо тогда раздѣленія Церкви на Восточную и Западную еще не было. *Всѣ были православными;* раздѣленіе Церквей и утвержденіе папизма, опредѣлившаго весь дальнѣйшій ходъ европейской исторіи, совершилось также подъ вліяніемъ *французскаго* монарха, Карла Великаго; *рыцарство французское* было рыцарствомъ *передовымъ;* крестовые походы *начаты* были *французскими* дворянами; *національное объединеніе* во Франціи свершилось раньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ; во Франціи раньше, чѣмъ гдѣ-либо, восторжествовала монархія надъ феодальной децентрализаціей. Испанія и Италія не могли наложить, какъ позднѣе наложила Франція, на *весь почти міръ* печать своихъ *модъ* и *обычаевъ.* Протестантизмъ, вышедшій

изъ Германіи, и аристократическій конституціонализмъ, порожденный Англіей, не распространился повсюду; ранніе *вольнодумцы* другихъ странъ не простерли своего вліянія такъ далеко, какъ простерли подобное же вліяніе Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты *Франціи*. Протестантизмъ, ведшій косвенно къ безбожію, черезъ посредство *безцерковности*, не привился къ человѣчеству такъ, какъ привилось прямое безбожіе французовъ, или ихъ голый деизмъ. Конституціонализмъ и аристократическій либерализмъ великобританскаго генія былъ недоступенъ ни нѣмцамъ, ни славянамъ до тѣхъ поръ, пока его не опошлила и не исказила Франція демократическимъ равенствомъ. Это равенство гражданскихъ правъ—было прежде всего объявлено французами; во Франціи же прежде, чѣмъ въ другихъ странахъ, появились и коммунистическія ученія, несомнѣнно какъ *реакція противъ либерализма*, которому на экономической почвѣ *всегда* соотвѣтствуетъ безсовѣстное господство денегъ (подвижнаго капитала)... Въ ней же начались впервые и бунты соціалистическаго характера. Во Франціи, наконецъ, утвердилась хоть сколько-нибудь впервые простая мѣщанская (или якобинская) республика; утвердилась *противъ Церкви*, воспитавшей величіе всего Запада; но не противъ *коммунистическаго давленія*...

Намъ очень скучно самимъ повторять всю эту азбуку, но безъ этой азбуки, можетъ быть, покажется неяснымъ, почему мы считаемъ весь Западъ обреченнымъ на тотъ же самый исходъ.

Въ Германіи само монархическое правительство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начало ту же самую ожесточенную борьбу противъ католической Церкви, которую теперь доканчиваетъ во Франціи правительство якобинское и обезумѣвшее до безсмыслицы общество. Протестантизмъ разлагается *самъ* съ необычайной быстротой, и съ нимъ бороться никому не нужно; число *некрещеныхъ дѣтей и нецерковныхъ браковъ* въ Германіи ростетъ и ростетъ. Итальянцы, пріобрѣтя національную свободу и достигнувъ почти вполнѣ національнаго единства, утратили національныя особенности свои и строй ихъ жизни, ихъ умственное направленіе ничѣмъ существеннымъ уже отъ французскаго теперь не отличается. *Покойный Гоголь, который*

восхищался ихъ вѣрой и набожностью, теперь не узналъ бы ихъ. Они не дошли еще до атеистической республики, до офиціальнаго, юридически утвержденнаго безбожія, лишь потому, что ихъ національный вопросъ немного не оконченъ...

„Надо прежде всего присоединить Тріестъ и Тріентино", думаетъ Italia Irredenta, а съ Богомъ и Церковью справиться не долго и не трудно, въ *наше время...*

Про остальныя націи и державы Европы не стоитъ и говорить по поводу такого великаго и ужаснаго вопроса. Когда за Франціей вослѣдъ, вѣрныя прежнему направленію западной исторіи, пойдутъ Германія и Италія, что будутъ значить тогда такія *націи*, какъ Голландія, Бельгія, Швейцарія?

Это все *не культурныя* силы, а только механическія. У нихъ нѣтъ *идеи*.

До чего становится страшно за Славянство, когда подумаешь обо всемъ этомъ, когда поймешь, куда шагъ за шагомъ ведутъ сперва Францію, а за ней и весь Западъ, *гражданское равенство и поклоненіе разуму*: или, вѣрнѣе сказать, не разуму *просто*, а какому-то *самоспасительному* разуму, ибо есть и другой человѣческій *разумъ, который знаетъ—до чего онъ слабъ* и до чего онъ подверженъ роковымъ и неисправимымъ самообольщеніямъ!

Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ нашихъ недавно нашли нужнымъ радоваться ничего особеннаго не доказывающей корреспонденціи изъ Петербурга въ „Journal des Débats", объ успѣхѣ проповѣдей Исаакіевскаго собора. Успѣху этому мы, конечно, гораздо болѣе рады, чѣмъ могутъ радоваться наши лукавые либералы; но вотъ что удивительно: французская газета, вообще не слишкомъ къ Россіи расположенная, напечатала это извѣстіе, какъ интересное, и больше ничего.

И однако, либеральныя газеты наши по этому поводу воскликнули: „это доказываетъ до чего французская нація сочувствуетъ русскому народу!" Что-то въ этомъ родѣ.

Помилуйте—на что намъ это сочувствіе французской *націи?* Избави насъ Боже! Не надо намъ смѣшивать понятій. Великая разница между *временнымъ военнымъ союзомъ* и торговымъ

договоромъ двухъ правительствъ и между *естественными сочувствіями* націй. Первое, безвредное, иногда необходимо; послѣднее можетъ быть губительно, если одна изъ двухъ націй заражена, подобно современной Франціи, какой-нибудь соціальной или политической чумою. Союзы внѣшніе, соглашенія расчета и очень полезные могутъ имѣть мѣсто безъ всякой симпатіи сердецъ, безъ всякаго сходства въ идеалахъ.

Въ случаѣ войны съ Китаемъ, напримѣръ, мы можемъ заключить союзъ съ Японіей; Англія и Турція, какъ державы, давно поддерживаютъ другъ друга, хотя между англичанами и турками нѣтъ ни сходства въ идеалахъ и культурѣ, ни *тѣни даже естественныхъ сочувствій.* Съ политической точки зрѣнія они правы, и Россія, какъ держава, можетъ, если ей это покажется выгоднымъ, сойтись *во внѣшней* политикѣ съ Франціей и постараться даже простить ея ничтожному и слабому правительству дѣло Гартмана. Но на что намъ *сочувствіе*, скажите?...

Впрочемъ, если „Journal de Débats“ или какой другой французъ хочетъ непремѣнно сочувствовать намъ, то пускай себѣ... На здоровье! Лишь бы *мы сами французамъ не сочувствовали*— вотъ въ чемъ дѣло...

Варшава, 10 апрѣля.

Нигилистическій заговоръ какъ будто бы притихъ въ Россіи. Вѣроятно, строгія и бдительныя мѣры Верховной Коммиссіи достигли своей цѣли. Онѣ внушили страхъ и заставили злоумышленниковъ понять, что торжеству ихъ разрушительныхъ идеаловъ еще не настало у насъ время... Но это „затишье“ никого не обманетъ. Всѣ, конечно,—и правительство наше, и люди откровенно-реакціонныхъ взглядовъ, и либералы тѣхъ двухъ родовъ, о которыхъ мы не разъ говорили (т.-е. простодушные и злонамѣренные),—всѣ понимаютъ, что звѣрь не спитъ, а только прилегъ и притворился на минуту мертвымъ. И какъ ему уснуть, какъ ему погибнуть, когда его жизнь, его силы ежеминутно поддерживаются жизнью того современнаго Запада, изъ котораго мы сами

продолжаемъ черпать до сихъ поръ всю мудрость, брать всѣ примѣры, на государственный смыслъ котораго мы не перестаемъ возлагать напрасныя и губительныя для нашего будущаго надежды?!..

Многіе, однако, у насъ, столь многіе желали бы искренно помочь Правительству въ его тяжелой борьбѣ. Многіе понимаютъ, что преслѣдованіе зла не есть его искорененіе; что казни, необходимыя для пресѣченія политическихъ преступленій и для внушенія спасительнаго страха тѣмъ изъ злоумышленниковъ, которыхъ сердца еще доступны страху, не могутъ все-таки ни добраться до затаенныхъ идей, ни уничтожить предразсудковъ извѣстнаго рода, ни дать самому обществу *такой строй*, при которомъ глубоко измѣнилось бы направленіе вещественныхъ и нравственныхъ интересовъ. Многіе думаютъ объ измѣненіи этого строя; многіе понимаютъ, что зло надо убить въ корнѣ, т.-е. обратиться къ воспитанію подростающихъ поколѣній, иначе настроить вкусы молодыхъ людей, иначе направить ихъ волю и т. д... Но какъ за это взяться? Гдѣ найти наглядные примѣры, кромѣ все той же Европы? Въ самихъ себѣ мы ничего открыть не умѣемъ; принять мѣры, неслыханныя нигдѣ, мы никогда не дерзнемъ... *). „Этого, молъ, не дѣлали ни во Франціи, ни въ Германіи, ни даже въ Америкѣ"...

И если удастся кому-нибудь изъ русскихъ людей предложить какую-нибудь мысль, совершенно новую и выходящую изъ того водоворота общихъ мѣстъ и соболѣзнованій, которыми все еще полны органы нашей печати, то эту самородную мысль наши „охранители" или просмотрятъ, или предадутъ молча насмѣшкамъ и презрѣнію либераловъ.

Приведемъ два примѣра или два случая, до нашей газеты и до насъ вовсе прямо не касающіеся. Первый случай очень невидный и никѣмъ почти не удостоенный вниманія. Вяземское дворянство выразило желаніе, чтобы законъ установилъ

---

*) Примѣч. авт. 1885 г. Само собою разумѣется, что *теперь* все это измѣняется къ лучшему, и мы замѣтно съ 82 года все болѣе и болѣе *пытаемся* стать *понезависимѣе въ идеяхъ*...

для дворянскихъ земель какой-нибудь *минимумъ дробленія*, т.-е. чтобы дворяне наслѣдники не имѣли права дѣлить свою землю, если она ниже опредѣленнаго ценза (по размѣру или цѣнности). Если „размѣръ имѣнія достигъ извѣстнаго минимума, то далѣе оно не должно дѣлиться, а переходитъ въ собственность къ одному изъ наслѣдниковъ. По мнѣнію защитниковъ этого проекта, такимъ образомъ было бы гарантировано большее участіе дворянскаго элемента въ земствѣ, а также дворянство пріобрѣло бы сословную связь, силу, конкретность, устойчивость и большую *обособленность отъ другихъ сословій*".

Такъ передаетъ *Страна* это заявленіе вяземскаго дворянства *).

Вязьма—уѣздный городъ Смоленской губерніи. Что значитъ мнѣніе какого-то уѣзднаго дворянства? И еще такое оригинальное?

Да и какъ назвать такого рода маленькія недробимыя болѣе имѣнія? Майораты? Нѣтъ. Майоратъ — это обыкновенно большое, неотчуждаемое самовольно имѣніе, передающееся *старшему* въ родѣ, *большему* (major—большій, старшій). *Миноратъ?* Нѣтъ. Названіе миноратъ происходитъ отъ слова minor, *меньшій*, *меньшой* сынъ, младшій. По предмету и роду владѣнія, это то же, что и майоратъ, но нѣчто другое по семейнымъ отношеніямъ лица, наслѣдующаго неотчуждаемое имѣніе.

Но предложеніе вяземскаго дворянства—это что такое? Ни то, ни другое! Маленькая земля, *дворянскій минимумъ* остается за *кѣмъ-нибудь въ родѣ*. Это что-то особое. И пусть

---

*) Примѣч. авт. 1885 г. Я въ то время (въ 80-мъ году весною) до того заинтересовался этимъ слухомъ, этой—въ кои-то вѣки оригинальной мыслью, что проѣзжая изъ Варшавы въ свое Калужское имѣніе, нарочно остановился въ Вязьмѣ—узнать правда-ли это? Видѣлся съ уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства и разспрашивалъ его. Г. Предводитель опровергъ сообщеніе „Страны", какъ ложное.—Я, признаюсь, что-то не вполнѣ повѣрилъ ему. Онъ только что вернулся изъ Европы (чуть-ли ужъ не изъ самаго Парижа!) и выслушивалъ меня съ чуть замѣтной и тонкой улыбкой всезнающаго и просвѣщеннѣйшаго *всечеловѣка*.

бы критиковали, пусть бы схватились за эту мысль и разобрали бы ее внимательно. Но нѣтъ—эта *русская* мысль только смѣшна, потому что она довольно своеобразна и, быть можетъ, практична. Только одна либеральная *Страна* удостоила мимоходомъ потрунить надъ вяземскими дворянами.

Вотъ, если харьковскій гласный г. Гордѣенко предлагаетъ конституцію (конечно западную), или если г. Колюпановъ, принимавшій въ 60 годахъ (*если мы не ошиблись* въ фамиліи) участіе въ одной изъ самыхъ „красныхъ“ газетъ того времени (въ *Современномъ Словѣ*), напишетъ что-нибудь о преданности *либеральныхъ* земцевъ „Государю и отечеству“, то поднимается шумъ; всѣ ликуютъ, и эти люди, гг. Колюпановъ и Гордѣенко, ничего, кромѣ самой обыкновенной и обще-либеральной казенщины не сказавшіе, выставляются умнѣйшими дѣльцами, доблестными гражданами, солидными людьми почвы и т. д.

Тогда какъ, по-нашему, выходитъ совершенно наоборотъ. Придавая особыя, высшія права *интеллигенціи* нашей, *какъ интеллигенціи*, мы въ почтительно-легальной формѣ посягнули бы на силу того *обособляющаго* насъ отъ Европы національнаго монархическаго института, который выработался у насъ естественно вѣками точно такъ же, какъ выработалась вѣками въ Англіи *аристократическая конституція*. Эта исключительная, оригинальная конституція, столь спасительная для Англіи, разъ перенесенная на материкъ Европы, вездѣ становится зломъ, ибо ни въ одной странѣ она не находитъ тѣхъ особыхъ элементовъ, которые *дома* дала ей исторія еще самыхъ грубыхъ временъ, и во всѣхъ другихъ странахъ она (т.-е. конституція) вмѣсто исключительной и аристократической становится *дѣйствительно* либеральной, т.-е. медленно разрушительной.

Не надо смѣшивать *дворянства съ интеллигенціей,* это два круга, только *пересѣкающіе* другъ друга, такъ что получается *общая площадь* извѣстнаго размѣра, но они не покрываютъ другъ друга вполнѣ, не совпадаютъ во всѣхъ точкахъ.

Дать интеллигенціи нашей, *какъ интеллигенціи,* право низвергать министровъ и т. п., это значитъ приблизиться къ разлагающемуся Западу еще болѣе, чѣмъ мы приблизились

къ нему за послѣднее время. Это значитъ усилить еще вдесятеро *подвижность* нашей почвы, и безъ того не слишкомъ твердой теперь. Напротивъ того, найти средства утвердить хоть нѣсколько положеніе *дворянства*, какъ *дворянства*, это значитъ хоть сколько-нибудь укрѣпить подвижность нашего строя и пріостановить быстроту экономическаго броженія. Непрочность состояній влечетъ за собою неусидчивость и безпрестанную перемѣну мѣстъ, впечатлѣній, интересовъ, и такое состояніе умовъ вовсе для серьезной гражданской жизни неблагопріятно *).

Прекрасно также и то, что предложеніе вяземскаго дворянства вовсе не *либерально*. Дворяне желали бы сами на себя наложить узду закона. Ибо, если имѣть въ виду дѣйствительную прочность владѣнія, то недробимостью недвижимаго наслѣдства ограничиться нельзя: и *единственный* наслѣдникъ можетъ завтра *продать* свой родовой *минимумъ* и выиграетъ только *лично*, не принося никакой пользы ни сословію, ни государству. Отъ недробимости нужно перейти къ *неотчуждаемости* этой землицы, а неотчуждаемость собственности *лично* бываетъ въ иныя минуты тяжкимъ бременемъ. Но видно, что у вяземскаго дворянства есть государственный инстинктъ. Для общаго дѣла полезнѣе было бы нести *многимъ* бремя неотчуждаемой собственности.

Это не *майораты* и не *минораты*, какъ мы уже сказали; это нѣчто другое, болѣе всего сходное съ принудительной *неотчуждаемостью крестьянскаго участка*. Значитъ, мысль и мѣра совершенно мѣстныя и русскія: оттого-то онѣ и не понравились никому, и никто не удостоилъ ихъ ни вниманія, ни даже серьезнаго и строгаго опроверженія.

Это о недробимости и неотчуждаемости дворянскаго минимума. Другое, тоже очень своеобразное предложеніе, на которое обратилъ вниманіе только одинъ *Церковный Вѣст-*

---

*) **Примѣч. авт. 1885 г. Мнѣ очень пріятно напомнить здѣсь, что замѣчательная статья г. Павухина (въ Русскомъ Вѣстникѣ этого года) подтвердила съ такимъ блескомъ и такой практической силой пять лѣтъ позднѣе эти самыя мысли мои, выраженныя при условіяхъ, столь невыгодныхъ и по времени и по мѣсту моей дѣятельности въ этомъ ужасномъ 80-мъ году!**

никъ,—это мысль г. Вл. Т—а объ *открытіи подписки на собраніе капитала для борьбы самого общества съ крамолою.*

Проэктъ г. Вл. Т—а, напечатанный прежде въ *С.-Петерб. Вѣдомостяхъ* прошелъ вообще незамѣченнымъ; только *Церковный Вѣстникъ* указалъ на него съ цѣлымъ рядомъ вполнѣ заслуженныхъ похвалъ, и мы перепечатали все это въ № 72 *Варшавскаго Дневника*, отъ 2 апрѣля... Для тѣхъ, кто тогда не обратилъ вниманія на этотъ важный проектъ, мы сегодня еще разъ повторимъ здѣсь главныя черты этого предложенія... („капля долбитъ камень не силой, а частымъ паденіемъ"...).

„Что, если русскому обществу, говоритъ г. Вл. Т—ъ, предложено будетъ собрать денежный добровольный сборъ на борьбу съ крамолой—вѣдь, я думаю, оно откликнется на это?"

„О, безъ всякаго сомнѣнія — откликнется. Но что же дальше?"

„Допустимъ, что дворянство, земство, города и одиночные русскіе люди принесутъ свою лепту; образуется огромнѣйшій капиталъ, которому можно будетъ дать разностороннее назначеніе на борьбу съ крамолой. Хотя бы, для примѣра, изъ этого капитала можно будетъ назначать преміи за всякое открытіе одной изъ нитей заговора, который несомнѣнно существуетъ. Вѣдь и въ прежнія времена, и въ настоящее назначали преміи за выдачу или указаніе разныхъ знаменитыхъ грабителей, убійцъ и разбойниковъ; почему же не назначить такія же преміи за открытіе крамольниковъ, которые совершаютъ преступленія, безпримѣрныя въ исторіи по своей безчеловѣчности? Далѣе вспомнимъ, что руководители крамолы, которые еще ужаснѣе и презрѣннѣе покусителей и убійцъ, высылаемыхъ ими, скрываются большей частью за границей, гдѣ нашему Правительству трудно прослѣдить за ними, тогда какъ они-то и есть корень всего зла. Наконецъ, добавлю, что за границей, въ нѣкоторыхъ государствахъ есть частныя общества, занимающіяся раскрытіемъ всевозможныхъ преступленій, которыя въ виду размѣровъ преміи могутъ спеціально устремить всѣ свои способности къ до-

стиженію оной. Кромѣ того, изъ этихъ же суммъ можно назначить пособія и пенсіи семействамъ лицъ, пострадавшихъ или погибшихъ въ этой печальной борьбѣ. А таковыхъ, къ сожалѣнію, уже не мало. Изъ этихъ же денегъ можно бы печатать и распространять въ народѣ книжки и всякія изданія, направленныя противъ ученія крамольниковъ и стремящіяся къ правильному развитію умственныхъ силъ народа. Да впрочемъ, много полезнаго можно было бы придумать".

„Еще бы не придумать. Вотъ, напримѣръ, одно. Изъ процесса Соловьева видно, что этотъ нигилистъ, послѣ того какъ онъ остался безъ всякой должности, аккуратно получалъ на свое пропитаніе изъ какого-то невѣдомаго фонда, чрезъ невѣдомыя руки, по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ; изъ другихъ процессовъ видно, что нигилистическій кружокъ дѣлаетъ сборы, изъ которыхъ и раздаетъ пособія своимъ неимущимъ членамъ... Отчего бы, при образованіи *противунигилистической общественной кассы*, не выдавать изъ нея пособій тѣмъ нигилистамъ, которые дотолѣ получали пропитаніе изъ нигилистическаго фонда и потомъ пожелали бы освободиться изъ-подъ экономической зависимости своихъ покровителей? Быть можетъ, многихъ держитъ въ союзѣ съ нигилистами не убѣжденіе, а гнетущая нужда, и учреди общество кассу для первоначальныхъ вспоможеній отдѣляющимся отъ нигилистической шайки субъектамъ, можетъ быть, не мало явилось бы дезертировъ изъ вражескаго лагеря".

Церковный Вѣстникъ прибавляетъ къ этому отъ себя слѣдующее:

„Вл. Т—ъ, печатая свое письмо, надѣялся, что печать обратитъ вниманіе на его предложеніе. „Во всѣхъ бѣдствіяхъ (разсуждалъ онъ) русская печать являлась главнымъ пособникомъ народа; ею русское общество не разъ пробуждалось къ дѣятельности; пора русскимъ гражданамъ пожалѣть свою многострадальную родину и уничтожить преграду, остановившую ея движеніе на пути прогресса". Но эти соображенія и упованія автора не исполнились. „Съ воскресенья до четверга прошло уже четыре дня, а газеты, обыкновенно

на другой же день перепечатывающія все, въ какомъ бы то ни было отношеніи замѣчательное, изъ другихъ газетъ, ни слова—о письмѣ Вл. Т—а. Даже сами *С.-Петербургскія Вѣдомости*, имѣвшія мужество напечатать предложеніе своего корреспондента, не имѣли его въ достаточномъ запасѣ для того, чтобы обсудить предложенную мѣру. А между тѣмъ, изъ всего, что было писано и въ этой, и въ другихъ петербургскихъ газетахъ о томъ, какъ общество можетъ помочь правительству въ борьбѣ съ крамолой, предлагаемая Вл. Т—ъ мѣра составляетъ положительно самую умную и практичную".

„Мы сами, впрочемъ, никакъ не ожидали, чтобы петербургская печать сочувственно отнеслась къ означенному предложенію. Она, на этотъ разъ, обнаружила даже (несвойственный ей обыкновенно) тактъ:—вмѣсто отрицанія и глумленій, встрѣтивъ умную рѣчь Вл. Т—а полнѣйшимъ молчаніемъ. Въ противномъ случаѣ, ей пришлось бы повторять избитыя фразы о вредѣ ложныхъ и клеветливыхъ доносовъ, которые поощрялись бы составленіемъ противунигилистической общественной кассы. Но зачѣмъ выдавать изъ кассы преміи за доносы прежде, чѣмъ истина доноса будетъ доказана судомъ или слѣдствіемъ? Петербургская печать, помнится, громко завопила, когда послѣ убійства генерала Мезенцова разнесся слухъ о томъ, что какой-то богачъ назначилъ 50,000 руб. тому, кто откроетъ убійцу генерала; это, дескать, значитъ поощрять шпіонство... Но помимо того, что къ доносамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, обязываетъ каждаго русскаго вѣрноподданническая присяга, не нашей бы періодической печати возставать противъ доносовъ и клеветъ. Кто больше ея поощряетъ доносы и клеветы постояннымъ печатаніемъ каверзъ на частныхъ и должностныхъ лицъ, на цѣлыя учрежденія и вѣдомства,—каверзъ, доставляемыхъ въ редакціи часто отъ незнакомыхъ имъ корреспондентовъ, нерѣдко клевещущихъ по личнымъ неудовольствіямъ, а иногда даже изъ простой шалости?"

Высказывая подобные упреки, *Церковный Вѣстникъ забываетъ* одно... О *подобномъ именно* общественномъ сборѣ съ

политической цѣлью... *въ Европѣ, кажется, что-то не слыхалъ никто...* Развѣ редакція уважаемой газеты не знаетъ, какъ мы трепещемъ передъ Западомъ?

Ко всему этому можно присовокупить еще вотъ что. Мы думаемъ: теперь пора уже перестать придавать слову *доносъ* то унизительное значеніе, которое пріучилъ насъ придавать ему либерализмъ. Мы спросимъ: кто вреднѣе и опаснѣе для государства — иноплеменный врагъ или *свой* разрушитель? Всякій отвѣтитъ, мы надѣемся, что послѣдній опаснѣе. Итакъ, если каждый изъ насъ, не стѣсняясь, схватилъ бы и передалъ злоумышляющаго противъ насъ во время открытой войны турка, черкеса или француза, или донесъ бы на него,—то отчего же не доносить на тѣхъ, которые даже „исподволь" потворствуютъ Ткачевымъ, Гартманамъ, Засуличамъ и т. д.?

Эти полу-нигилисты, нигилисты тайные вреднѣе не только воюющихъ съ нами иноплеменниковъ, но даже и отъявленныхъ крамольниковъ, ибо эти послѣдніе идутъ на открытую борьбу и тѣмъ самымъ облегчаютъ отпоръ, который даютъ имъ власти. Но куда какъ *зловреднѣе* нигилизмъ умѣренный, однако, лукавый и упорный, дышущій безопасно подъ мундиромъ чиновника, на профессорской каѳедрѣ, на судебномъ креслѣ, и особенно въ очень умныхъ и хитрыхъ статьяхъ либеральныхъ газетъ, умѣющихъ *во время* оградить себя патріотическими возгласами и взмахами монархическаго кадила, чтобы, подъ шумъ этихъ возгласовъ и въ дыму ѳиміама, не такъ было бы слышно шипѣніе „подколодной змѣи", и не такъ были видны ея предательскіе изгибы...

Впрочемъ, мы думаемъ къ такому измѣненію общественныхъ взглядовъ на такъ называемый доносъ дѣло идетъ само собою. Этими *доносами* всѣ уже обмѣнялись хорошо! *Голосъ*, напримѣръ, недавно *доносилъ* даже на г. Каткова будто онъ „русское Правительство называетъ врагомъ Россіи"... Вотъ до чего дошло! Какой же тутъ доносъ? Просто, весьма естественное и *необходимое* ожесточеніе борьбы *за національное и государственное существованіе.* Либералы находятъ, что консерваторы задерживаютъ *прогрессивный ходъ* русской жизни, а консерваторы думаютъ, что этотъ *дальнѣйшій ходъ по пути*

прогресса, именно либеральнаго, есть разрушеніе государства и гибель цѣлаго славянскаго племени, ибо либерализмъ погубилъ и всю остальную Европу. Какая же возможность при такихъ условіяхъ ворковать какими-то бѣлыми голубочками?

Нѣтъ, господа либералы,—довольно! довольно! довольно!

Варшава, 23 апрѣля.

Полемика между *Голосомъ* и *Молвою* съ одной стороны, *Берегомъ* и *Московскими Вѣдомостями* съ другой—продолжается. Она ведется все съ тѣмъ же ожесточеніемъ, весьма понятнымъ съ обѣихъ сторонъ. *Страна*, еженедѣльная петербургская газета тоже либеральнаго духа (издаваемая, впрочемъ, очень недурно и умно)—также принимаетъ постоянное участіе въ нападеніяхъ на „охранителей". Роль *Новаго Времени* нѣсколько менѣе ясна.

Свирѣпыя нападки либеральныхъ органовъ на г. Дьякова-Незлобина, вѣроятно, еще долго не прекратятся. Энергическій обличитель нигилистическихъ кружковъ не такой человѣкъ, повидимому, чтобы дать забыть себя надолго тѣмъ людямъ, которые эти *обличенія* считаютъ *доносами*.

Въ числѣ разнородныхъ обвиненій, возводимыхъ на гг. Каткова и Цитовича, мы давно уже встрѣчаемъ одно обвиненіе *особаго рода*, и на него мы находимъ полезнымъ обратить на этотъ разъ вниманіе. Это вопросъ о такъ называемыхъ „субсидіяхъ", прощеніи „недоимокъ" и т. п.

Ни повторять всѣхъ инсинуацій, прямыхъ и открытыхъ „обличеній", грубыхъ насмѣшекъ *Молвы*, *Страны* и т. д. мы здѣсь не будемъ; ни защищать гг. Каткова и Цитовича въ этомъ дѣлѣ не беремся; они не нуждаются въ заступничествѣ нашей мѣстной газеты. Они сами умѣютъ защищаться, и недавно еще *Страна* очень добросовѣстно созналась, что находитъ остроумнымъ краткій отвѣтъ г. Цитовича „не всякому слуху вѣрь!" (*Берегъ* привелъ эту поговорку по поводу *слуховъ* о какихъ-то 100,000, выданныхъ г. Цитовичу *кѣмъ-то* или откуда-то).

Совсѣмъ не касаясь частнаго вопроса объ этихъ двухъ

газетахъ—*Берегъ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, мы хотимъ только изложить наши общіе взгляды на помощь, оказываемую какимъ-либо правительственнымъ учрежденіемъ или высокопоставленнымъ лицомъ какому бы то ни было *охранительному* органу.

Что въ этомъ худого, если бы это была и правда, мы понять не можемъ! И почему, какъ выразились нѣкоторыя газеты,—*здравая* что ли часть общества должна этимъ брезгать? Развѣ Правительство желаетъ зла народу? Лица, занимающія высшія должности въ какомъ-нибудь государствѣ, могутъ по-*человѣчески* ошибаться и ошибками своими причинять видимый вредъ; цѣлыя правительственныя учрежденія могутъ иногда выходить на ложную дорогу, ибо всѣ „учрежденія“ суть дѣло тоже ума человѣческаго, который и у людей геніальныхъ крайне недостаточенъ для борьбы съ силой обстоятельствъ и съ историческими законами развитія и разложенія государствъ. Но какъ бы то ни было, лица, стоящія на высшихъ ступеняхъ государственной іерархіи вообще, при равныхъ условіяхъ со стороны дарованій, понимаютъ *дѣла* обыкновенно лучше, чѣмъ тѣ, которыя прямого участія въ веденіи этихъ дѣлъ не имѣютъ. Поставленныя обстоятельствами и родомъ занятій выше другихъ, они дальше видятъ и кругозоръ ихъ обширнѣе; это очень естественно.

И если *(предположимъ!)* какое-нибудь лицо или учрежденіе желаетъ поддержать, даже и *денежными* средствами, такой органъ печати, который признанъ полезнымъ *въ данное время*, то во всемъ этомъ, кромѣ похвальнаго, и для дающаго и для принимающаго, мы ничего не находимъ. Особенно это необходимо въ такомъ обществѣ, какъ русское, гдѣ частная предпріимчивость очень слаба.

Тутъ еще вотъ какое соображеніе... Большинство людей вездѣ не особенно даровито и умно, оно къ тому же разсѣянно, невнимательно, отвлечено отъ общихъ интересовъ личными, и нерѣдко эти личные интересы, или страсти свои и вкусы принимаетъ за обдуманныя политическія или какія бы то ни было *идеи*. Особенно это стало замѣтно съ тѣхъ

поръ, какъ это большинство, отчасти легкомысленное, отчасти малоспособное, во всѣхъ странахъ присвоило себѣ право *разсуждать обо всемъ*. При этомъ еще играетъ значительную роль и законъ умственной и нравственной инерціи. Лежалъ долго камень—не скоро его поднимешь съ мѣста; полетѣлъ онъ,—летитъ по инерціи еще и тогда, когда бы полезно уже было и пріостановить его. Многое множество людей, неспособныхъ къ самобытному ходу мысли, *теперь только дожили и дошли* до того, о чемъ избранные умы думали въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Если редакція какого-нибудь органа печати намѣрена проводить такія мысли, которыя, при всей спасительности своей для большинства, по умственной его косности, сразу вразумительны быть не могутъ, но будутъ поняты и оцѣнены нѣсколько позднѣе, то отчего же лицамъ вліятельнымъ или правительственнымъ учрежденіямъ не поддержать такой органъ, въ началѣ его дѣятельности,—до тѣхъ поръ, пока „интеллигенція“ данной страны не доростетъ до нѣкоторыхъ мыслей, которыя ей легко не даются, напр., до такой, „что слово *прогрессъ* не всегда равнозначуще свободѣ; что прогрессъ бываетъ всегда поперемѣнно то либеральнаго, то реакціонно-дисциплинирующаго свойства“; или до такой: „что сила косности (инерція) можетъ проявляться точно такъ же въ страсти къ неудержимому движенію, какъ и въ упорствѣ застоя“. Или еще: „что такъ называемый „либерализмъ“ во всей Европѣ, а не только въ одной Россіи, *національному характеру* былъ вреденъ“... Или, „наконецъ, что *національное единство и національная культура*—совсѣмъ не одно и то же и въ послѣднее время вездѣ даже явились антитезами“... Ну гдѣ же сразу подобныя вещи и да еще и *многимъ понять?* Гдѣ же этимъ многимъ понять скоро, что тотъ публицистъ, который недавно назвалъ либеральную часть русскаго общества *антинаціональной*—былъ правъ... Онъ не хотѣлъ этимъ, конечно, сказать, что всѣ либералы—злоумышленники и *хотятъ вредить націи*; онъ, вѣроятно, желалъ выразить этими словами, что не столько сами люди, сколько *принципъ*, исповѣдуемый ими, вреденъ для націи во всѣхъ отношеніяхъ, перейдя за извѣстную черту...

Повторяемъ, намъ неизвѣстно, кого поддерживаетъ *начальство*, а кого нѣтъ... Мы говоримъ только, что такую поддержку, если она и случается, не слѣдуетъ считать чѣмъ-то худымъ или постыднымъ... *Въ-старину*, когда Россія была *національнѣе*, то есть гораздо болѣе *русскою* по нравамъ и понятіямъ, чѣмъ теперь,—*поддержку свыше сочли бы за честь*...

Конечно, свободная подписка *выгодна* и пріятна; но всегда ли она тоже *лестна?* Что временный успѣхъ у большинства и дѣйствительное достоинство—не всегда одно и то же, это тоже старая истина...

А. И. Кошелевъ и Община въ Московскомъ журналѣ „Русская Мысль".

(Варшавскій Дневникъ 1880 г.).

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Варшавскаго Дневника,* въ передовой статьѣ, посвященной почти исключительно вышеназванному журналу, редакція наша обѣщала представить тѣ въ высшей степени важныя возраженія, которыя дѣлаетъ г. Кошелевъ на желаніе *Русской Мысли* обратить *обязательную крестьянскую общину въ свободный союзъ на основаніи общаго землевладѣнія.*

Вотъ изложеніе письма г. Кошелева. Какъ ни старались мы изъ „газетныхъ" соображеній сократить это письмо, но оно до того содержательно, что жалко было изъ него хоть что-нибудь выбросить.

Г. Кошелевъ, обращаясь къ редактору, проситъ разъясненія вопросовъ и сомнѣній, возбужденныхъ въ немъ нѣкоторыми выраженіями во вступительной статьѣ къ „внутреннему обозрѣнію" январьской книжки названнаго журнала. Печатая письмо А. И. Кошелева, редакція *Русской Мысли,* въ предупрежденіе тѣхъ сомнѣній и возраженій, которыя могутъ возникнуть въ умѣ читателей журнала, обѣщаетъ дать „ясный отвѣтъ" на замѣчанія г. Кошелева въ слѣдующей книжкѣ.

Какъ видно изъ письма, г. Кошелевъ остановился главнымъ образомъ надъ тѣмъ мѣстомъ упомянутой статьи (стр. 88 и 89 „внутренняго обозрѣнія"), гдѣ сказано слѣдующее: „Надо поднять въ русскомъ народѣ *уваженіе къ личности, поглощенной теперь косною средою.* Защищая общину, *Русская*

Мысль будетъ стоять *за ея постепенное превращеніе въ свободный союзъ на основѣ общиннаго землевладѣнія;* выдвигая артельное начало, наше изданіе *выше всего* поставитъ честный *личный трудъ...* Содѣйствовать *живому и плодотворному росту личности* и отстаивать наше самоуправленіе—*вотъ,* слѣдовательно, *главныя задачи,* поставленныя для внутренняго обозрѣнія нашего журнала".

Выразивъ надежду, что недоумѣнія, легшія въ основу его замѣчаній, происходятъ отъ какихъ-либо недоразумѣній, а не отъ дѣйствительнаго разномыслія по одному изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ нашего быта, г. Кошелевъ констатируетъ тотъ фактъ, что, несмотря на достаточное и даже черезчуръ сильное развитіе личности на Западѣ, довольства въ народѣ тамъ мало,—чему очевиднымъ доказательствомъ служитъ все болѣе и болѣе распространяющіеся и утверждающіеся соціализмъ и коммунизмъ. Главную причину этого повсемѣстнаго на Западѣ явленія авторъ письма усматриваетъ въ эгоизмѣ, который въ настоящее время достигъ въ цивилизованной Европѣ геркулесовыхъ столбовъ. Этотъ эгоизмъ, этотъ страшный недостатокъ въ соціальномъ или общинномъ духѣ, или, просто говоря, въ любви къ ближнему, является, по выраженію автора, злѣйшею язвою, разъѣдающею современную общественную жизнь на Западѣ. Учрежденіе больницъ, богадѣленъ, школъ и т. п., установленіе налоговъ въ пользу бѣдныхъ, изданіе законовъ въ видахъ уравненія всѣхъ гражданъ въ пользованіи всякими гражданскими правами,—все это, говоритъ г. Кошелевъ, дѣлается вовсе не по внутреннему влеченію законодательствующихъ и распоряжающихся, вовсе не изъ любви къ ближнему, а просто—„по необходимости, ради успокоенія, умиротворенія бѣдствующаго люда и сохраненія за властвующими и богачами ими владѣемаго". Приходя, на основаніи этихъ соображеній, къ заключенію, что „настоящаго общиннаго духа въ цивилизованной Европѣ нѣтъ", г. Кошелевъ доказываетъ, что этотъ духъ, къ счастью, сохранился до настоящаго времени на Руси. Существованіе это, по его словамъ, доказывается, „не только сохраненіемъ общиннаго устройства въ крестьянствѣ, но даже

въ насъ, въ интеллигенціи, совершеніемъ, при нашемъ участіи и съ ущербомъ нашимъ интересамъ, освобожденія крестьянъ, единогласнымъ всѣхъ земствъ отзывомъ о распространеніи податныхъ обязанностей на всѣ сословія и живымъ участіемъ, принятымъ нами въ борьбѣ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ, за освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига". При этомъ авторъ спрашиваетъ: гдѣ въ цивилизованной Европѣ страданія славянъ возбуждали такое безкорыстное сочувствіе, основанное лишь на внутренней потребности помочь ближнему? „На нашихъ глазахъ", говоритъ онъ, „почти всѣ—англійская, французская и нѣмецкая — журналистики высказывали сочувствіе туркамъ-угнетающимъ, а не угнетеннымъ славянамъ. И все отчего? Оттого, что тамъ личность, ея требованія и стремленія до нельзя развиты, что эгоизмъ тамъ преобладаетъ и что до другихъ людей тамъ никому нѣтъ никакого дѣла".

Г. Кошелевъ, однако, вовсе не противъ *личной* дѣятельности, личной свободы, личной самостоятельности; напротивъ того, „мы глубоко убѣждены", говоритъ онъ, „что безъ нихъ не можетъ быть и *общинной* дѣятельности, свободы и самостоятельности; но первыя существуютъ и развиваются въ человѣкѣ сами собою, а послѣднія, хотя человѣку и прирождены, но лично въ немъ подавляются какъ внѣшними обстоятельствами, такъ и собственными его себялюбивыми влеченіями".

Переходя затѣмъ къ общинѣ въ Россіи, г. Кошелевъ говоритъ, что къ великому счастію общинное устройство, общинное землевладѣніе, а пуще всего—общинный духъ сохранились у насъ въ крестьянствѣ; что наша интеллигенція долго не хотѣла и знать ихъ, а потому и не могла ихъ цѣнить; даже всячески старалась—слава Богу, безуспѣшно—имъ противодѣйствовать и ихъ искоренять, считая ихъ „остатками варварства, препятствіями къ нашему развитію и преуспѣянію"... „Теперь", продолжаетъ авторъ, „въ дѣятельности нашей интеллигенціи происходитъ поворотъ: она ищетъ узнать общину, чувствуетъ къ ней любовь и уваженіе и желаетъ содѣйствовать ея усовершенствованію". Почему же однако

интеллигенціи нашей такъ трудно проникнуться духомъ общины? Г. Кошелевъ говоритъ, что интеллигенція видитъ только „факты, отдѣльныя достоинства и недостатки общины“, потому что изучаетъ ее „по внѣшнимъ ея явленіямъ“ и смотритъ на нее „въ свои еще иноземныя или искусственно изготовленные очки“; а это, по мнѣнію автора, происходитъ главнымъ образомъ отъ того, „что наше общинное устройство, хотя въ существѣ своемъ совершенно просто, но въ примѣненіяхъ къ дѣлу чрезвычайно разнообразно“. Къ сожалѣнію, этого разнообразія, а главное того, что „одно въ немъ существенное есть духъ, его одушевляющій, духъ братства, покорности власти и глубокой преданности церкви Христовой“, многіе изъ говорящихъ и пишущихъ объ общинѣ, и даже изъ людей душевно и умственно къ ней расположенныхъ, не сознаютъ. Такъ, говоритъ авторъ, „крестьянскіе міры, на сходахъ, дѣлятъ землю, разлагаютъ сборы и повинности и устанавливаютъ разные внутренніе порядки вполнѣ своеобразно, а вовсе не по одному какому-либо шаблону“, такъ что часто „смежныя общества дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи такъ, какъ будто тысячи верстъ ихъ раздѣляютъ. Для крестьянъ главное — установить свои дѣла такъ, какъ для нихъ уравнительнѣе, удобнѣе и справедливѣе и они вовсе не заботятся объ однообразіи и приглядности ихъ порядковъ и о томъ, чтобы они были угодны постороннимъ. „Правда“, прибавляетъ г. Кошелевъ, „теперь, по милости волостныхъ писарей и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, вводится бюрократизмъ и въ крестьянскомъ самоуправленіи; правда, теперь въ угоду начальства, по требованіямъ старшинъ, составляются странные, часто нелѣпые приговоры, но тутъ община не при чемъ: сила солому ломитъ, сила—уму могила“...

Далѣе авторъ ставитъ вопросъ: существуетъ ли въ дѣйствительности тотъ общинный гнетъ, отъ котораго наша интеллигенція, въ настоящее время, стремится освободить личность, и не болѣе ли онъ воображаемый, чѣмъ дѣйствительный? И тамъ, гдѣ онъ и имѣется на дѣлѣ, исходитъ ли онъ изъ существа общины, или изъ злоупотребленій, въ нее вкравшихся? „Развѣ въ конституціонныхъ монархіяхъ и рес-

публикахъ“, говоритъ г. Кошелевъ, „не бываетъ гнета, тираніи однихъ надъ другими, и развѣ можно, ради этихъ случайныхъ обстоятельствъ, осуждать эти образы правленія и приписывать имъ то, что вовсе изъ ихъ существа не истекаетъ?“ „Въ существѣ нашей общины, продолжаетъ онъ, „вовсе не заключается гнета надъ личностями, а напротивъ того,—въ ней имѣется не только полная ихъ независимость, но и полная ихъ самостоятельность, безъ чего и сама община хирѣетъ и ослабѣваетъ... Самовольщики возможны только потому, что нашъ народъ пригнутъ нуждою, безграмотенъ, и что сперва и долгое время крѣпостнымъ правомъ, потомъ посредниками, а теперь исправниками и непремѣнными членами онъ пріученъ ко всевозможнымъ самоуправствамъ и нарушеніямъ справедливости“. На настоящихъ крестьянскихъ сходкахъ, говоритъ г. Кошелевъ, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, дѣла рѣшаются просто, разумно и согласно съ личною волею лучшихъ людей общества. Автору случалось присутствовать при сужденіи крестьянъ и по дѣламъ, подлежащимъ рѣшенію по совѣсти, и по дѣламъ, гдѣ выгода и удобство имѣли главное значеніе. „По первымъ“, говоритъ онъ, „рѣшенія были скорыя и почти единогласныя; по послѣднимъ дольше спорили, иногда откладывали постановленіе приговора до другого дня, но все-таки рѣшали умно и согласно желаніямъ большинства. Большинство же высказывается тѣмъ, что меньшинство—или умолкаетъ, или уходитъ домой. Конечно, бываютъ рѣшенія и несправедливыя, и нелѣпыя, „но, спрашиваетъ авторъ, „развѣ парламенты, совѣты, собранія и коммиссіи въ этомъ отношеніи безупречны и непогрѣшимы?“...

„Не преобразовывать, не регламентировать нужно общинныя учрежденія или устройства, не превращать ихъ во что иное“, говоритъ г. Кошелевъ, „необходимо намъ ихъ изучать и проникаться ихъ духомъ. Они, конечно, должны развиваться и совершенствоваться, но сами собою и изъ своего собственнаго существа. Они вовсе не страдаютъ косностью: по мѣстнымъ и временнымъ требованіямъ они измѣняются; въ ихъ обычаѣ только нѣтъ погони за единообразіемъ и за регулиро-

ваніемъ будущаго. Мы, конечно, не должны оставаться безучастными въ этомъ дѣлѣ; какъ люди болѣе развитые, болѣе властные и болѣе достаточные, мы обязаны помогать нашимъ „меньшимъ братьямъ" и совѣтомъ и дѣломъ; но прежде всего намъ необходимо оставить за порогомъ наше высокомѣріе и высокомудріе, пріобщиться того духа, которымъ живетъ община, и тогда—но только тогда—мы получимъ возможность дѣйствовать не во вредъ, а въ пользу общины, ея устройства и основанныхъ на ней учрежденій".

Затѣмъ г. Кошелевъ обращается къ мысли, высказанной въ вышеприведенныхъ словахъ изъ внутренняго обозрѣнія *Русской Мысли*, о „постепенномъ превращеніи общины въ свободный союзъ на основаніи общиннаго землевладѣнія". По мнѣнію автора, невозможно, чтобы община перестала быть обязательною и стала свободнымъ союзомъ,—хотя всѣ тѣ, которые не желаютъ долѣе въ ней оставаться, должны имѣть право выхода изъ нея. „Это", говоритъ г. Кошелевъ, „тѣмъ невозможнѣе, что въ вышеупомянутомъ опредѣленіи сказано: *вольный союзъ на основаніи общиннаго землевладѣнія*. Землю подѣлить по дворамъ—нетрудно, хотя, конечно, нежелательно; но имѣть свободный союзъ людей на основаніи *общиннаго землевладѣнія*, котораго лучшее и важнѣйшее свойство заключается въ *неотчуждаемости земли* и которое служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ прочности и незыблемости общины, это, просто, непонятно. Земля остается общинною, а люди могутъ разойтись по сторонамъ, или община можетъ всегда свою землю продать и разбрестись!.. „Едва ли", говоритъ авторъ письма, „такой порядокъ желателенъ и въ государственномъ, и въ общественномъ, и въ частномъ отношеніи. Такая община была бы собраніемъ, товариществомъ, случайно и произвольно состоявшимся и ежечасно могущимъ разойтись,—зданіемъ, на пескѣ выстроеннымъ. Думаемъ, что тутъ или мы не поняли г. В. Г. (автора вступительной статьи къ внутреннему обозрѣнію январьской книжки *Русской Мысли*), или онъ неточно выразился".

По поводу словъ: „выдвигая впередъ артельное начало, наше изданіе выше всего поставитъ честный трудъ", г. Коше-

левъ, глубоко сочувствуя условію честности труда и думая, что всякій трудъ личный, артельный и общинный, если онъ честенъ, заслуживаетъ полнаго и равнаго уваженія, отказывается понять, почему въ вышеприведенныхъ словахъ, „личный трудъ поставленъ особнякомъ и выше всякаго другого труда". „Если крестьяне на сходѣ рѣшатъ выкопать прудъ, или устроить плотину, или соорудить какое-либо зданіе или городьбу", говоритъ г. Кошелевъ, „то почему такой общій трудъ долженъ считаться ниже личнаго? Тутъ опять недоразумѣніе между нами и г. В. Г."

Вслѣдъ за превращеніемъ общины въ вольный союзъ, въ статьѣ говорится о „выдвиганіи впередъ артельнаго начала". Г. Кошелевъ спрашиваетъ: нѣтъ ли тутъ предположенія превратить общинное начало въ артельное? „Общинное и артельное начала", говоритъ онъ, „совершенно различны; они, конечно, другъ друга не исключаютъ *); но „вовсе не желательно, чтобы общинное начало превратилось въ артельное"... Артель есть вполнѣ свободный союзъ, въ который люди входятъ и изъ котораго они выходятъ совершенно по своему произволу... Въ общинѣ люди родятся, ростутъ и имѣютъ свою осѣдлость, своихъ родныхъ и общіе съ ними связи и обычаи. Въ артель люди сходятся; артелью производятъ они извѣстныя работы, получаютъ условленныя деньги, дѣлятъ ихъ и—расходятся по своимъ домамъ"... „Неужели", спрашиваетъ авторъ, „и община должна превратиться въ такой временный, произвольный союзъ? *Тогда что станется съ крестьянскою устойчивостью? Гдѣ государству и народу обрѣсти основы для своей самобытности и твердости? Не русская ли община удерживала и удерживаетъ нашу самостоятельность?*"

---

*) *Прим. 1885 г.* Я думаю даже, что способность русскаго народа составлять *свободныя* артели воспитана въ немъ принудительной поземельной общиной... Осталась *привычка* къ повиновенію *міру* и потому и тамъ, гдѣ нѣтъ внѣшняго понужденія или явной, немедленной необходимости, люди все-таки *свободно* соглашаются *подчиняться* артельной ассоціаціи. Послѣдствія психическія часто даже переживаютъ свои основныя причины. Но вопросъ— *надолго ли безъ подновленія* этихъ привычныхъ, воспитывающихъ вліяній?

Въ заключеніи своего письма г. Кошелевъ, по поводу признанія авторомъ разбираемой имъ статьи одною изъ главныхъ задачъ *Русской Мысли* „содѣйствовать живому и плодотворному росту личности“, выражаетъ мнѣніе, что „личность ростетъ у насъ успѣшно во всѣхъ „состояніяхъ и *безъ содѣйствія новаго журнала*“. „*Ужъ не черезчуръ ли*“, говоритъ онъ, „*она развилась и развивается на Руси и по образцамъ иноземнымъ*, и *по собственнымъ измышленіямъ*, вслѣдствіе разныхъ подавляющихъ ее общественныхъ недуговъ?... Весьма желательно, совершенно необходимо наше обновленіе и животвореніе въ нравственномъ нашемъ бытѣ, и въ этомъ отношеніи добрымъ, надежнымъ пособіемъ можетъ быть безотлагательное и, по возможности, полное перенесеніе и водвореніе въ нашъ *бытъ того общиннаго или общнаго духа, который сохранился въ крестьянствѣ и который проявляется у насъ вообще въ великія эпохи нашей народной жизни*“. Стремленіе, содѣйствіе къ разрѣшенію такой задачи, думаетъ г. Кошелевъ, и вполнѣ настоятельно, и вполнѣ достойно такого изданія, какъ *Русская Мысль*.

Таковы возраженія г. Кошелева въ защиту *обязательности* нашей крестьянской общины или, точнѣе сказать, *обязательности общиннаго землевладѣнія.* Редакція *Варшавскаго Дневника* вполнѣ согласна съ мнѣніемъ г. Кошелева о томъ, что нельзя ни предоставить крестьянамъ права продавать или вообще отчуждать свои участки, ни дать имъ полную волю заключать или разрывать, какъ угодно и когда угодно, поземельные союзы. Здѣсь кстати замѣтимъ слѣдующее: самая, можно сказать, *нелиберальная* изъ реформъ нашего времени въ Россіи, это реформа крестьянская, и она-то и оказалась самою, такъ сказать, *счастливою.* Освободивши крестьянъ отъ *личной* власти помѣщиковъ, *законъ* оставилъ ихъ и *прикрѣпленными* къ землѣ, и въ большой зависимости отъ *міра.* Законъ, такъ сказать, утвердилъ эту, все-таки, *принудительную* или *стѣснительную* форму людскихъ отношеній. И что-же мы видимъ:— именно въ крестьянскомъ слоѣ, т. е. въ классѣ людей менѣе другихъ *свободныхъ* (по крайней мѣрѣ съ *хозяйственной* или *экономической* стороны), мы находимъ *больше охранительной*

твердости, больше вѣрности преданіямъ, *больше даже государственнаго инстинкта*, чѣмъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ нашихъ, которымъ *предоставлена полная свобода бѣднѣть, богатѣть, продавать* и *покупать личную собственность, мѣнять мѣсто осѣдлости и такъ далѣе.* Не есть ли эта чрезмѣрная *неустойчивость собственности, мѣста жительства* и т. п., одна изъ главныхъ, хотя и не ясно еще понятыхъ причинъ общаго разстройства дѣлъ, не только у насъ въ Россіи, но и во всей Европѣ? Либеральному строю обществъ и либеральному движенію умовъ всегда и вездѣ сопутствуетъ въ сферѣ экономической господство *подвижнаго капитала*, или, проще говоря, *денегъ.* По особымъ, мѣстнымъ причинамъ, у насъ переходъ отъ строя сословнаго (или корпоративнаго въ своемъ родѣ), къ гражданскому равенству и несравненно большей, противъ прежняго, личной свободѣ сопровождался особенно сильнымъ потрясеніемъ *личныхъ* состояній. На Западѣ (гдѣ почти внезапно послѣ отмѣны привилегій дворянства, а гдѣ болѣе постепенно) выдвинулся на мѣсто дворянства солидный, твердый, издавна привыкшій къ труду и экономіи слой, одинаково съ дворянствомъ образованной *буржуазіи*,—онъ былъ давно уже готовъ, но дворянство его только заслоняло. У насъ само дворянство, лишившись привилегій своихъ, обратилось въ трудовую буржуазію, не имѣя къ тому ни подготовки, ни подходящихъ преданій. Оно прекрасно и благородно несетъ свою историческую судьбу; но все-таки нельзя забывать, что положеніе, которое было легко сыну французскаго фермера и нѣмецкаго подмастерья — вовсе не легко русскому дворянину, выросшему на хлѣбѣ дарового труда!

Мы хотимъ, говоря это, напомнить объ одной изъ главныхъ, быть можетъ, причинъ чрезмѣрной подвижности и неустойчивости и экономической, и *умственной* въ средѣ нашей интеллигенціи.

Въ этой „интеллигенціи“ господствуетъ полный *индивидуализмъ* интересовъ и собственности; она *либеральна*, тревожна и растеряна; *общины* крестьянскія *прикрѣплены* закономъ къ землѣ; въ нихъ личность связана волей *міра* и различными

обязательствами, изъ общиннаго устройства *принудительно* вытекающими; эти общины — устойчивы, охранительны, надежны.

Но устоятъ ли *міры* надолго, когда на сторонѣ *индивидуализма* больше власти, больше денегъ, больше образованности? Вотъ въ чемъ опасность. Не *подкрадется* ли и къ нимъ либеральный индивидуализмъ какими-нибудь окольными путями и даже самъ *не сознавая* того, что онъ дѣлаетъ? Напр., посредствомъ неловкихъ дѣйствій въ земствѣ, или въ средѣ самой администраціи, или посредствомъ неправильнаго духа школъ?

Общины крестьянскія очень сильны общей стихійной массой своей; но вѣдь давленіе „интеллигентнаго“ индивидуализма въ разнородной совокупности своей еще несравненно сильнѣе. Какъ ни разрозненна въ своихъ интересахъ эта интеллигенція наша, и какъ ни разнообразны въ ней оттѣнки личныхъ мнѣній—есть *нѣчто* преобладающее въ ней до подавляющаго большинства, эта—*вѣра* въ *либеральный общечеловѣческій прогрессъ*, чего у простолюдина нашего, слава Богу, еще нѣтъ. Въ числѣ русскихъ людей, получившихъ болѣе или менѣе общеевропейское образованіе, конечно, есть и такіе, которые въ болѣе развитой и утонченной формѣ раздѣляютъ міровоззрѣніе простолюдиновъ, и *отвергли* въ умѣ своемъ то, до чего еще простолюдины и не пробовали доходить. Но такихъ людей, намъ кажется, еще очень мало, и не они берутъ верхъ постоянно въ движеніи умовъ. Вотъ что страшно!

И „хозяева“ наши, не всѣ разумѣется, одарены тѣмъ серьезнымъ государственнымъ смысломъ, который обнаруживаетъ А. И. Кошелевъ, защищая *обязательный* строй общины. *Очень многіе* предпочли бы *свободное батрачество*, *индивидуализмъ бѣдности* для болѣе дешевой обработки своихъ полей. Они думаютъ только о ближайшей „завтрашней“, такъ сказать, выгодѣ своей. Они не умѣютъ предвидѣть того, *что было бы дальше*, если бы половина или даже двѣ трети всего крестьянства, распродавъ участки свои, обратилось бы въ батраковъ и бродягъ. Вотъ тогда-то бы настало раздолье агитаторамъ!...

Будемъ надѣяться, что Россія *обойдетъ* какъ-нибудь *по своему*, хоть этотъ подводный *камень*, и выждавъ то время, когда Западъ совершенно уронитъ себя въ глазахъ нашихъ образованныхъ, но *чѣмъ-то ослѣпленныхъ* до сихъ поръ людей, выйдетъ на свой собственный историческій путь. По нашему мнѣнію, однимъ изъ главныхъ призваній Славянства должно быть именно постепенное уничтоженіе въ средѣ своей того свободнаго *индивидуализма*, который губитъ всѣ современныя общества... Чтобы выразиться яснѣе вообразимъ себѣ, рядомъ съ крестьянскими мірами, сравнительно бѣдными, безграмотными, или мало образованными, — *другія общины*, богатыя, просвѣщенныя и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозныя; свободно, положимъ, вначалѣ собравшіяся; но *вслѣдствіе гнетущей, однако, силы обстоятельствъ* постепенно потомъ сложившіяся не въ простыя, обыкновенныя *ассоціаціи*, подвижныя и неосновательныя, какъ и все *собственно* нынѣшнее, а въ *корпораціи обязательныя* и строгія, напр., какъ бы въ родѣ монастырей, но съ *семейнымъ характеромъ*. Такія корпораціи, богатыя и сильныя умственно, къ тому же *либерализму личному вовсе чуждыя*, могли бы успѣшно бороться и отстаивать какъ себя, такъ и все остальное, носящее на себѣ печать общинности, противъ всякаго внѣшняго излишняго давленія. Но до этого славяне не дойдутъ ни посредствомъ съѣздовъ или совѣщаній, ни путемъ прямыхъ реформъ; они могутъ дойти до этого только дальнѣйшимъ горькимъ опытомъ, полнымъ разочарованіемъ въ европейскихъ идеалахъ, и вообще, какъ мы сказали, благодаря *гнетущей силѣ множества обстоятельствъ*... Дай Богъ, чтобы наши *простыя* крестьянскія общины, сохраняясь *до тѣхъ поръ* неприкосновенными, даже и въ грубости своей *(это гораздо вѣрнѣе)*, могли бы послужить началомъ и первообразомъ для подобныхъ общинъ богатыхъ развитыхъ и своеобразныхъ.

Въ заключеніе приведу здѣсь замѣчаніе одного человѣка, котораго направленіе съ нашимъ ужъ, конечно, вовсе не схоже, Эмиля Кастелляра... Въ журналѣ *Бесѣда* (одной редакціи съ *Русской Мыслью*) была (если намъ не измѣняетъ память) помѣщена какъ-то разъ одна рѣчь его... Эмиль Кастелляръ го-

ворилъ вообще объ „общинахъ“. „Крестьянская община въ Россіи“, сказалъ онъ, „тѣснѣйшимъ образомъ связана съ самодержавной формой правленія этой великой имперіи“.

Я привожу эту цитату, какъ сказано, на память и прошу извинить меня, если я въ чемъ-нибудь немного ошибся, въ какомъ-нибудь словѣ или оборотѣ.

Я думаю, что Кастелляръ правъ. *Поземельная и обязательная форма общины связана съ самодержавной формой правленія. А индивидуализмъ* рано или поздно неизбѣжно и даже непримѣтно ведетъ къ конституціи, то есть къ полнѣйшему господству *капиталистовъ*, *банкировъ* и *адвокатовъ!*

Хорошо ли это?

Чѣмъ и какъ либерализмъ нашъ вреденъ?

(Варшавскій Дневникъ 1880 г.).

I.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Голоса* напечатана статья г-на Александра Градовскаго, подъ заглавіемъ: *Смута*.

Статья эта посвящена защитѣ „либераловъ“ противъ людей, обвиняющихъ ихъ въ потворствѣ „революціоннымъ злодѣяніямъ“.

Г. Градовскій спрашиваетъ: „есть ли, однако, основаніе къ такому обвиненію? Изслѣдованъ ли не только вопросъ о „соучастіи“ этого загадочнаго „либерала“ съ злоумышленниками, но даже болѣе простой вопросъ: *что такое русскій либералъ*“*?*

„Посмотримъ, въ чемъ дѣло; разыщемъ этого загадочнаго либерала, вносящаго такую бѣду въ наше, поистинѣ, бѣдное общество.

Происхожденіе нашихъ „партій“ относится ко времени преобразовательной дѣятельности нынѣ царствующаго Государя. Послѣ того, какъ были произведены реформы крестьянская, судебная и земская, какъ дарованы были льготы печати и университетамъ, общество наше распалось на два лагеря. Спорными пунктами между ними явились:

1) Вопросъ о принципіальной годности реформъ въ примѣненіи къ нашему быту.

2) Вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи совершонныхъ преобразованій.

Люди, преданные дѣлу реформы, *получили* кличку либераловъ; люди противоположнаго направленія нарекли его *охранительнымъ*. Насколько оба эти названія оправдывались существомъ дѣла разбирать не будемъ.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, русскому либерализму не представлялось никакой нужды быть началомъ *оппозиціоннымъ*. Напротивъ, при освобожденіи крестьянъ, равно какъ и при послѣдующихъ реформахъ такъ называемые „либералы" являлись вполнѣ *правительственною* партіею. Это всѣ помнятъ и знаютъ. Конечно, не они подставляли ногу новымъ учрежденіямъ. Принципіальное неудовольствіе совершившимися преобразованіями принадлежало совершенно иной „партіи".

Прекрасно.

Авторъ приводитъ далѣе тотъ параграфъ законоположеній, въ которомъ говорится:

„Не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей".

Дѣйствію этого правила, очевидно, подлежатъ и тѣ законы, которые такъ дороги „либераламъ". Но едва ли согласно съ пользою государства и общества приводить эти законы въ связь съ планами революціонной партіи и отождествлять сторонниковъ этихъ законовъ съ „служителями крамолы".

Такъ говоритъ г. Градовскій.

Это свидѣтельство закона здѣсь очень кстати. Руководясь имъ, мы оба останемся на такъ называемой *легальной* почвѣ.

Начнемъ прежде всего съ того увѣренія, что никто не позволитъ себѣ обвинять *всѣхъ* безъ исключенія русскихъ либераловъ въ *сознательномъ и преднамѣренномъ* потворствѣ заговорамъ и нигилизму.

Либерализмъ, какъ идея по преимуществу отрицательная, очень растяжима и широка. Въ Россіи либераловъ теперь

такое множество, и личные оттѣнки ихъ до того мелки и многозначительны, что ихъ и невозможно подвести подъ одну категорію, какъ можно, напримѣръ, подвести подъ таковую *нигилистовъ* или *коммунаровъ*.

У послѣднихъ все просто, все ясно, все исполнено особаго рода преступной логики и свирѣпой послѣдовательности. У либераловъ все смутно, все спутано, все блѣдно, всего понемногу. Система либерализма есть, въ сущности, отсутствіе всякой системы, она есть лишь отрицаніе *всѣхъ крайностей, боязнь всего послѣдовательнаго и всего выразительнаго.*

Эта-то неопредѣленность, эта растяжимость либеральныхъ понятій и была главной причиной ихъ успѣха въ нашемъ поверхностномъ и впечатлительномъ обществѣ.

Множество людей либеральны только потому, что они жалостливы и добры; другіе потому, что это выгодно, потому, что это въ модѣ:—„*никто смѣяться не будетъ!*" Къ тому же и *думать* много не надо для этого теперь. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ быть умѣреннымъ либераломъ стало такъ же легко и выгодно, какъ было выгодно и легко быть строжайшимъ охранителемъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ только консерваторы пользовались уваженіемъ; только они дѣлали карьеру и составляли себѣ состояніе. Либералы въ то время казались или слишкомъ опасными или смѣшными. *Въ то время,* чтобы быть либераломъ дѣйствительно нужно было *мыслить* (правильно или нѣтъ—это другой вопросъ), ибо среда не благопріятствовала либерализму. Тогда либерализмъ не былъ ни дешевымъ фрондерствомъ земскаго дѣятеля противъ губернатора, ни жестокостью мирового судьи къ старой помѣщицѣ, выведенной изъ терпѣнія слугами, ни фразами адвоката въ защиту бунтующей молодежи, ни завистливой оппозиціей „бѣлаго" священника монаху-епископу и т. д. *Тогда* либерализмъ былъ *чувствомъ* личнымъ и живымъ; онъ былъ тогда *великодушіемъ,* во многихъ случаяхъ—отвагой. Теперь же либералами у насъ (по выраженію Щедрина) *заборы подпираютъ...* Такъ ихъ много и такъ мало нужно ума, познаній, таланта и энергіи, чтобы стать въ наше время либераломъ!

Либерализмъ въ Россіи есть система весьма легкая и незатѣйливая еще и потому, что охраненіе у всякой націи *свое*, у турка—турецкое, у англичанина—англійское, у русскаго—русское; а либерализмъ у всѣхъ одинъ (т.-е. либерализмъ не британскій *исключительный*, особый, а *общій*—демократическій либерализмъ).

Все можно было безъ долгой, исторической работы заимствовать и все слишкомъ легко принялось. *Хорошо ли намъ такъ близко подходить къ Европѣ и прививать себѣ поспѣшно и простодушно всѣ ея худосочныя начала?..* Что-нибудь одно—или космополитизмъ, т.-е. паденіе отдѣльныхъ государствъ и сліяніе ихъ во едино, есть благая цѣль; или этотъ исходъ—есть зло и опасность?..

Тому, кто находитъ это благомъ, здѣсь прямо возражать на это я не буду; такое возраженіе вышло бы слишкомъ длинно. Если же государственный космополитизмъ есть зло и опасность, то значитъ и обще-европейскій либерализмъ, какъ упорно-проводимая система, облегчающая хотя бы и въ далекомъ (?) будущемъ подобное государственное сліяніе, есть также если не зло, то, по крайней мѣрѣ, ошибка и неосторожность.

Я говорю *зло*, замѣтьте; я не говорю *злонамѣренность*. Въ жизни и любовь, и великодушіе, и даже ложно понятая справедливость—могутъ порождать зло. Надо это понимать.

Я началъ съ того, что сказалъ:—никто не позволитъ себѣ обвинять всѣхъ либераловъ въ злонамѣренности. Они, повторяю, очень различны. Приведу еще нѣсколько примѣровъ; одинъ—либералъ потому, что былъ либераломъ еще въ 40-хъ годахъ, и ему больно разстаться съ любимымъ идеаломъ, которому онъ такъ долго и такъ искренно служилъ; другой остается на всю жизнь либераломъ потому, что думаетъ, будто бы честный человѣкъ непремѣнно долженъ быть всю жизнь свою вѣренъ прежнимъ убѣжденіямъ, даже и вопреки цѣлому ряду разочарованій. Этотъ родъ честнаго либерализма весьма вреденъ, потому что имъ особенно расположены страдать люди извѣстные, вліятельные и на виду стоящіе; разъ связавши свое имя съ извѣстнаго рода громкой дѣятельно-

стью, съ извѣстнымъ родомъ службы обществу, съ опредѣленнымъ литературнымъ и политическимъ оттѣнкомъ, имъ стыдно покаяться и сознаться, что они ошибались такъ долго. Не у всѣхъ найдется умственное мужество Кельсіева и Герцена, рѣшившихся публично каяться,—первый въ томъ, что находилъ соціалистическую инсуррекцію полезной для Россіи, а второй въ томъ, что уважалъ въ началѣ своей жизни современный „мѣщанскій“ прогрессъ.

Этотъ родъ либерализма, говорю я, искренній сначала, а впослѣдствіи *только твердый, но уже не искренній,* есть самый вредный родъ, ибо онъ серьезенъ и вліятеленъ. Вотъ какъ даже и честность своего рода можетъ родить нерѣдко великое зло въ этой „юдоли плача“ земного!

Самые безвредные либералы въ наше время это либералы *изъ выгодъ.* Одинъ, напримѣръ, либералъ оттого, что пишетъ для пропитанія въ газетѣ, защищающей „свободу и равенство“. Этотъ легко исправимъ; какая-нибудь ссора съ редакторомъ или хорошая построчная плата въ разумной газетѣ сдѣлаетъ его охранителемъ въ одну недѣлю, лишь бы успѣть примѣниться... Другой любитъ свободу потому, что, состоя на службѣ, не угодилъ начальству; третій—потому, напротивъ, что угодилъ либеральному сановнику; четвертый—пламенный боецъ за всевозможныя „права“ человѣка потому, что онъ составилъ себѣ имя и состояніе при новыхъ, либеральныхъ судахъ и т. д.

Этого рода люди не такъ вредны и опасны, какъ люди благородные и честные!.. Такихъ людей, неисправимыхъ *морально, но политически* очень легко исправимыхъ посредствомъ какой-нибудь *мзды,*—къ счастію у насъ есть еще много. *Политика* не *этика...* Что дѣлать! Она имѣетъ *свои законы,* независимые отъ *нравственныхъ.*

Есть у насъ также помѣщики, либеральные только *снизу вверхъ:* дѣла ихъ разстроены эмансипаціей и они, не сочувствуя *эгалитарнымъ* реформамъ, либеральны только въ *оппозиціонномъ* смыслѣ, съ досады.

Женщины, которыя и у насъ очень вліятельны, либеральны большею частію по мягкости, по состраданію, по ложному

пониманію христіанства или, наконецъ, потому, что никакой raison d'état для нихъ непонятенъ... и т. д.

Какая же во всемъ этомъ систематическая злонамѣренность?.. Есть конечно, если хотите, въ нашемъ обществѣ легкій оттѣнокъ фрондерства; есть какая-то иногда невинная и пустая, иногда зловредная дурь мелкой оппозиціи. Но упорнаго и сознательнаго потворства злодѣяніямъ мы у большинства либераловъ вовсе не видимъ.

У „большинства" я говорю; но нельзя сказать, что вовсе нѣтъ *подобнаго потворства.*

Всякій можетъ указать на факты такого рода, на факты всѣмъ извѣстные, но какъ-то *кстати* нынче *вдругъ забываемые.*

Теперь я скажу два слова о либерализмѣ *учрежденій,* а потомъ распространюсь побольше о либерализмѣ *лицъ,* дѣйствующихъ на почвѣ этихъ учрежденій, или подъ вліяніемъ *льготъ,* новыми учрежденіями дарованныхъ.

Я не стану много трактовать *о самихъ реформахъ.* Г. Градовскій говоритъ основательно, что новыя учрежденія—*законъ, воля правительства* и *потому* имъ надо подчиняться.

Это правда, и я не позволю себѣ здѣсь критиковать *реформы.* Но замѣчу только одно: разъ допустивши, что „равенство и свобода"—гражданскіе идеалы, надо сочувствовать реформамъ искренно и сознаться, что на *этой почвѣ* (на почвѣ равенства и свободы) реформы наши проведены хорошо. Но для меня еще вопросъ: можетъ ли долго, болѣе *какихъ-нибудь ста лѣтъ* простоять какое бы то ни было *общество при равенствѣ и свободѣ?...* Но объ этомъ принципіальномъ сомнѣніи послѣ... *) А теперь о либерализмѣ русскихъ людей на почвѣ новыхъ учрежденій и подъ вліяніемъ современныхъ льготъ.

Вотъ тутъ-то и начинается нѣчто *подозрительное,* и если не всегда прямо злодѣйское, то или очень глупое и легкомысленное, или весьма коварное и нечистое.

---

*) *Прим. 1885 г.* Смотри т. I-й, статью „Византизмъ и Славянство", главы о „Прогрессѣ и развитіи".

Посмотримъ, что дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ *либеральными* людьми на почвѣ либеральныхъ учрежденій. Посмотримъ, какъ *служили* эти „единомышленники“ правительства... „*Россіи* и *Государю*“, говоритъ г. Градовскій. Моему монархическому педантству такой порядокъ словъ не нравится: я предполагаю говорить—*Государю* и Россіи; ибо я не понимаю французовъ, которые умѣютъ любить *всякую* Францію и *всякой* Франціи служить... Я желаю, чтобы отчизна моя достойна была моего уваженія, и Россію *всякую* (напр. такую, въ которой Градовскій и Стасюлевичъ ограничивали бы власть министровъ) я могу развѣ по *принужденію* выносить... Г. Градовскій судитъ, видимо, иначе.

Итакъ, посмотримъ, какъ люди русскіе либеральнаго духа *служили Государю* и Россіи на основаніи этихъ реформъ.

Г. Градовскій упомянулъ о земствѣ, о судахъ, объ университетахъ, о печати, объ эмансипаціи крестьянъ съ землею.

Начнемъ хоть съ земства. По нашему мнѣнію, земская реформа лучше новыхъ судовъ. Въ ней есть все-таки что-то „почвенное“, солидное, а главное то хорошо, что въ устройствѣ земства есть что-то свое, чего нѣтъ въ судахъ эклектически списанныхъ съ западныхъ образцовъ. Зато въ судахъ европейское зло и сказалось гораздо грубѣе и рѣзче, чѣмъ сказывается въ земствѣ.

Однако и въ земствѣ замѣтенъ нерѣдко такой духъ, который нельзя назвать правительственнымъ или охранительно-либеральнымъ, т.-е. *не переходящимъ за черту дарованныхъ льготъ.*

Приведу нѣсколько примѣровъ. Въ одной губерніи баллотируется нѣкто въ гласные,—мѣстный помѣщикъ, человѣкъ образованный *какъ всѣ*, и никакихъ провинностей особыхъ за нимъ не числится. *Почти всѣ шары черные.* Отчего? За что это?...

Онъ *близокъ губернатору*; *онъ ему, кажется, другъ*; мы не желаемъ, чтобы *администрація* знала все, что мы дѣлаемъ, и вліяла бы тутъ...

Что такое администрація? Это ничто иное, какъ само правительство en détail. Что такое губернаторъ? Это не становой, это лицо по порядку власти третье послѣ Государя, такъ какъ въ обыкновенное время (т.-е. при отсутствіи военныхъ генералъ-губернаторовъ) губернаторъ зависитъ только отъ министра, а министръ есть ближайшій выразитель Верховной Воли.

Положимъ, это еще не велика бѣда. И земство тоже правительственный органъ особаго рода. Можно позволить ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть въ маленькомъ видѣ тѣмъ, чѣмъ бываетъ въ Англіи оппозиція, т.-е. съ одной стороны министерство Ея Величества, а съ другой *оппозиція тоже Ея Величества*. Я знаю, что на это мнѣ могутъ возразить весьма основательно еще слѣдующее: „оппозиція можетъ быть охранительнаго и даже глубоко-реакціоннаго характера“... Да, теоретически это вѣрно; *но на практикѣ, въ Россіи, мы этого почти вовсе не видимъ*...

Для поясненія нашей мысли, вообразимъ себѣ слѣдующій составъ земскаго уѣзднаго собранія: богатые помѣщики—покойный Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій и недавно скончавшійся престарѣлый графъ Игнатьевъ (1-й), у котораго въ Петербургѣ *была домовая церковь*; одинъ очень умный молодой человѣкъ самаго *новѣйшаго*, послѣдняго стиля, которому уже въ московскомъ университетѣ опротивѣли *болѣе чѣмъ либеральные* товарищи (они вѣдь такъ неинтересны!); онъ любитъ Шопенгауера и Гартмана, поэтому *пессимистъ* для всего человѣчества и въ благоденствіе не вѣритъ; потомъ три купца—старовѣры; нѣсколько бѣдныхъ помѣщиковъ, въ душѣ озлобленныхъ либераловъ, но желающихъ быть членами управы, потому что имъ нужны деньги. Въ угоду первымъ тремъ лицамъ, они прикидываются охранителями; потомъ крестьяне, представители общинъ, и между ними нѣсколько начетчиковъ; два представителя монастырей, нѣсколько отставныхъ военныхъ, желающихъ покоя и уважающихъ дисциплину и т. д. Весь составъ въ этомъ родѣ...

Разумѣется, что такое земство не злоупотребляло бы *правами* и часто дѣлало бы оппозицію въ правую сторону, а

никакъ *не въ лѣвую*... Но такъ ли обыкновенно бываетъ у насъ? Похожъ ли составъ нашего земства на подобную картину? И что случается обыкновенно, когда администрація и земство въ чемъ-нибудь несогласны?...

Когда эти два органа — администрація и земство (положимъ, оба правительственные по *источнику*) — вступаютъ въ свою глухую борьбу, то обнаруживается вотъ что: правительство, *выдѣливъ* изъ себя, такъ сказать, земство и даровавъ ему извѣстныя льготы, находитъ въ данную минуту, что этихъ льготъ довольно и большихъ оно не находитъ полезнымъ дать... Поэтому администраціи поручается наблюдать за тѣмъ, чтобы въ земской дѣятельности либерализмъ *духа* не переходилъ за *черту* либеральнаго *закона*. Земство, по чувству естественному и присущему всякому человѣческому учрежденію, постоянно стремится перейти эту черту не по формѣ, а именно по духу, т. е. *ослабить мѣстное дѣйствіе той самой власти, которая даровала ему права*... И такъ какъ въ Россіи большинство до сихъ поръ еще наивно вѣритъ, что всѣ наши бѣдствія происходятъ отъ отсталости, а не отъ прогресса, отъ недостатка европеизма и современности, а не отъ излишней подражательности, то всѣ эти стремленія перейти черту льготъ, вся эта *мелкая оппозиція* принимаетъ большею частію не реакціонный и консервативный характеръ, а эгалитарно-либеральный, усиливающій сперва общее разслабленіе, а потомъ и разнузданность.

Изъ оппозиціи Его Величест*ва*, этотъ мелкій, но постоянный отпоръ легко, самъ того не замѣчая, перерождается въ оппозицію Его Величест*ву*.

Все это очень сложно, конечно, но надо постараться насколько есть силъ разобрать эту сложность. Дворянство наше, напримѣръ, что оно: „консервативно“ или нѣтъ? Вотъ важный вопросъ, ибо хотя дворянство, какъ *сословіе*, уже почти не существуетъ de facto съ 1861 года; но оно въ провинціи продолжаетъ играть первенствующую роль: во 1-хъ, какъ „интеллигенція“, а во 2-хъ, какъ крупный землевладѣльческій классъ. Что такое это нынѣшнее дворянство?

Дворяне это прежде всего *русскіе европейцы,* выросщіе на общеевропейскихъ понятіяхъ XIX вѣка, т. е. на понятіяхъ смутныхъ, на основахъ расшатанныхъ, на чтеніи такихъ книгъ и газетъ, въ которыхъ все критикуется и многое отвергается, а непреложными аксіомами считаются только принципы либерально-эгалитарнаго прогресса, т. е. les droits de l'homme... Эти русскіе европейцы въ большинствѣ случаевъ очень *лойяльны;* они готовы идти за Государя на войну или посылать на смерть за родину сыновей своихъ; они готовы жертвовать и деньги... Въ средѣ дворянской несравненно больше, чѣмъ во всякомъ другомъ классѣ, найдемъ мы людей благородныхъ, великодушныхъ и честныхъ. Но *личная мораль* (я уже говорилъ это) и даже личная доблесть, сами по себѣ взятыя, не имѣютъ въ себѣ еще ничего организующаго и государственнаго. Организуетъ не личная добродѣтель, не субъективное чувство чести, а идеи *объективныя, внѣ насъ стоящія,* прежде всего *религія.* Религіозно ли наше дворянство? Набожно ли оно, или нѣтъ? Нѣтъ сомнѣнія, крестьяне наши нравственно несравненно ниже дворянъ, они часто жестоки, до глупости недовѣрчивы, много пьютъ, недобросовѣстны въ сдѣлкахъ, между ними очень много воровъ; но у нихъ есть опредѣленныя *объективныя идеи;* есть *страхъ грѣха* и любовь къ самому *принципу власти.* Начальство смѣлое, твердое, блестящее, и даже крутое *имъ нравится...* Архіереевъ, генераловъ, командировъ военныхъ мужикъ нашъ не только уважаетъ, *они нравятся* его византійскимъ чувствамъ... *Кресты* царскіе онъ любитъ и глядитъ на нихъ съ уваженіемъ, почти мистическимъ. Таково ли нынѣшнее дворянство?... Будемъ искренни... Многимъ дворянамъ Гамбетта или Брайтъ нравятся больше, чѣмъ Муравьевъ (Виленскій) или Паскевичъ...

Понятно, что изъ этого выходитъ? Возьмемъ одинъ примѣръ еще изъ одной губерніи... Возникаетъ вопросъ о томъ, допускать ли представителей бѣлаго духовенства на выборы въ гласные или нѣтъ. Въ Петербургѣ рѣшаютъ: „допускать, ибо они могутъ имѣть нравственное вліяніе“. Дворянство отвѣчаетъ сдержанной улыбкой на это замѣча-

ніе *о нравственномъ вліяніи* духовенства. Священники баллотируются въ гласные. *Всѣ не избраны.* Что жъ это такое? Легальность соблюдена, свобода выбора... Хорошо! Свобода *выбора,* но зачѣмъ же этотъ *духъ* свободы и прогресса? На подобный вопросъ мнѣ отвѣчаютъ: земство — дѣло прежде всего хозяйственное, экономическое; на что священники?

Мнѣ кажется, что крестьяне и старые купцы взглянули бы на участіе священниковъ серьезнѣе.

Пусть будетъ такъ; пока это еще вовсе не *злонамѣренность,* не крамола, это просто тотъ же самый *духъ времени.* Это скорѣе европейское легкомысліе, современная потребность переходить за черту хотя бы обходомъ и непремѣнно *не направо, а налѣво.* Это все еще довольно безобидная и съ виду вполнѣ законная *оппозиція* и больше ничего.

Но вотъ... близится важный, почти страшный вопросъ о *школахъ...* Земству дано право открывать школы, содержать ихъ и руководить ими, при соблюденіи опредѣленныхъ формальностей. Школы эти поставлены подъ надзоръ особыхъ директоровъ и инспекторовъ, отъ земства независящихъ; кромѣ того, существуютъ высшіе училищные совѣты, въ которыхъ засѣдаютъ разные члены-наблюдатели, директоръ гимназіи, напримѣръ, губернскій предводитель и т. д. И что же? Несмотря на весь этотъ надзоръ, на всѣ легальныя препоны, положенныя, повидимому, какъ *неосторожностямъ наивнаго прогресса,* такъ и *злонамѣренности...* въ школы проникало до самаго послѣдняго времени столько нежелательнаго..., что понадобилось удвоенное къ нимъ вниманіе...; являются даже таблицы зоологическія, во вкусѣ *Дарвина,* опережающія, замѣтимъ, и самую науку. Ибо на такихъ таблицахъ изображена съ *торжественнымъ* и *выразительнымъ безмолвіемъ* лѣстница прямого восхожденія существъ отъ инфузоріи до человѣка: тогда какъ въ самой отрѣшенной отъ всякихъ нравственныхъ *стѣсненій* заграничной наукѣ идетъ еще вопросъ о томъ: какъ понимать дарвинизмъ (или родство животныхъ типовъ)—какъ родство *дѣйствительное,* физіологическое, или какъ родство *идеальное,* подобное родству кристаллическихъ формъ или архитектурныхъ стилей?

Бывали, говорятъ, въ педагогической дѣятельности земствъ и такіе примѣры. Священниковъ просятъ *не безпокоиться*, а приходить только на экзамены, и если успѣхи въ *Законѣ Божіемъ* окажутся хорошими, то священникамъ земство даетъ *денежную награду*. Священники бѣдны, къ тому же многіе изъ нихъ сами полу-либералы, уже изъ-за того одного, что подчинены черному духовенству („этимъ *тунеядцамъ*-монахамъ, достигающимъ епископскаго сана"). Священники молчатъ, а къ дѣтямъ приближаются большею частью люди, по крайней мѣрѣ, сомнительные.

Случались еще и вещи иного рода; я знаю, что въ домѣ одного предводителя учитель народнаго училища публично проповѣдывалъ слѣдующія вещи:

— „Роскошь! Кто говоритъ противъ комфорта и роскоши? Вотъ здѣсь (въ домѣ помѣщика) хорошо, красиво. Но надо болѣе ровное распространеніе всего этого. Посмотрите, какъ живутъ крестьяне, посмотрите и на церковь. Въ церкви роскошь: золото, серебро; все это накопленіе богатства можно обратить на другое, болѣе полезное. Если крестьяне въ силахъ поддерживать церковь, то они были и въ силахъ *вмѣсто этой церкви поддерживать* и *клубъ*, въ которомъ они привыкали бы постепенно къ опрятности, къ удобствамъ жизни, читали бы газеты" и т. д.

Всѣ слушаютъ и никто не находитъ даже эти рѣчи злонамѣренными. Все это—пріятная бесѣда и больше ничего. Въ этомъ данномъ случаѣ, мы слышимъ всю гамму либеральнаго концерта, мы видимъ всѣ оттѣнки либеральной окраски отъ явнаго нигилизма (злонамѣренности) въ лицѣ учителя до простодушнаго и невнимательнаго потворства со стороны земскихъ дѣятелей, и даже до снисходительности полицейскихъ властей. Какъ именно? А вотъ какъ: земскіе дѣятели слушаютъ и молчатъ, можетъ быть, не находя это серьезнымъ, а, можетъ быть, и соглашаясь съ учителемъ въ томъ, что *рано* или *поздно это* и *должно быть такъ*; „нельзя только вдругъ сдирать съ народа *старую кору суевѣрій*". Это я и не называю явною злонамѣренностью, а просто—прогрессивной

пустотою, просвѣтительнымъ простодушіемъ, европейской глупостью...

Но дѣло, положимъ, дошло до губернатора; учителя схватили; схватили, отправили куда-то, подержали гдѣ-то и *выпустили опять*... и *онъ опять въ той же губерніи*. Немного погодя, вѣроятно, будетъ учить... Вы спросите, что жъ дѣлать со всѣмъ этимъ?... Не скажу—*не знаю*, а скажу—*подождемъ еще объ этомъ говорить*...

А пока вотъ что *Голосъ* въ другой статьѣ (Невеселые наброски) говоритъ слѣдующее:

„Единственное у общества средство обсудить положеніе и изыскать мѣры къ противодѣйствію злу—печать. Что же сказала она намъ? Ничего кромѣ фразъ. Иностранныя газеты несравненно обстоятельнѣе нашихъ, русскихъ, разберутъ положеніе дѣла, укажутъ исходъ изъ него, предложатъ мѣры. А мы? Почему же мы не могли бы также всесторонне, глубоко изслѣдовать вопросъ, намъ столь близкій? Какая въ этомъ опасность, если бъ при этомъ и были высказаны мысли невѣрныя, предложены мѣры невозможныя. Польза же была бы великая: и правительство, и общество знали бы всѣ тѣ элементы, среди которыхъ оно живетъ и съ которыми должно считаться; наконецъ, и печать стала бы серьезнѣе относиться къ своимъ задачамъ и къ важнымъ вопросамъ, волнующимъ отчизну“.

Послушайте! Да развѣ съ людьми либеральными можно разсуждать *глубоко* и *всесторонне?*... Вы покроете безмолвнымъ презрѣніемъ того, кто позволитъ себѣ выйти изъ круга общепринятыхъ понятій. Прежніе славянофилы пробовали это сдѣлать... и что же вышло? Гдѣ слѣды ихъ ученія?... Они стали вліятельны только тогда, когда, оставивъ въ сторонѣ свои завѣтныя мечты о *славянскомъ своеобразіи*, стали заботиться лишь о самой *несвоеобразной* сторонѣ дѣла, т. е. о *славянской свободѣ*. Пока дѣло шло о *своеобразіи*, всѣ смѣялись надъ *„шапкой мурмолкой“, несмотря на то, что измѣненіе внѣшнихъ формъ быта есть самый вѣрный и могучій признакъ глубокаго измѣненія въ духѣ*. А когда вся Россія встрепенулась на зовъ ихъ? Тогда, когда рѣчь зашла объ освобожденіи

славянъ *отъ всего того именно, что мѣшало имъ до сихъ поръ стать самыми обыкновенными европейскими мѣщанами!* До національнаго своеобразія и творчества, до національной самобытности намъ дѣла нѣтъ; мы просто утратили способность понимать, что это такое — своеобразіе творчества и т. п., и какимъ это образомъ выходитъ, что даже рабство и всякія стѣсненія, во многихъ случаяхъ, *развиваютъ личность*—и *народную* и *единичную* больше (т. е. выразительнѣе), чѣмъ общеевропейская нынѣшняя свобода?... Другими словами, какъ же это такъ выходитъ, что право и возможность жить самобытно есть ничто иное, какъ право и возможность—*стать такими, какъ всѣ?...*

Въ силахъ ли, напр., г. Градовскій или дружественная ему редакція принять серьезно вотъ такую мысль:

„Эгалитарный *индивидуализмъ* погубилъ *индивидуальность* характеровъ?"

Не просто ли это наборъ словъ и фраза? Должно быть, что такъ!...

Или развѣ съ либералами можно разсуждать „глубоко и всесторонне" хоть бы о народномъ образованіи?

Попробуй кто-нибудь съ прямотой и полной искренностью усомниться въ самыхъ основаніяхъ школьнаго дѣла гдѣ бы ни было, а не въ одной Россіи? Осмѣлься напомнить Вл. И. Даля! Попробуй сказать, что еще неизвѣстно, нужно ли и полезно ли, въ самомъ дѣлѣ, много учить народъ; хорошо ли навязывать ему *наши* общеевропейскія понятія, наши вкусы, наши идеалы, наши предразсудки и наши ужасающія ошибки?..

Чѣмъ отвѣтятъ на это человѣку прямому и не боящемуся самобытной мысли? Смѣхомъ или молчаніемъ.

Или пусть попытается кто-нибудь выразить такую мысль *„знаніе и незнаніе—суть равносильныя средства развитія!"*...

„Это еще что за вздоръ"—не правда ли?...

„Что за проповѣдь невѣжества!... что за новый пріемъ обскурантизма!..."

Но довольно! въ другой разъ, я постараюсь доказать, что на всѣхъ поприщахъ „либералы" переходили далеко *налѣво*

за черту новыхъ *учрежденій и служили* Государю и Россіи, если не всегда коварно, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно легкомысленно и не умно... Тутъ вотъ какая Сцилла и Харибда для друзей „свободы"... Кто изъ нихъ былъ коваренъ, тотъ былъ уменъ, ибо достигалъ своей цѣли—*разстройства* общаго... А кто былъ прямъ и честенъ въ своихъ увлеченіяхъ, тотъ или ошибался горько, или просто ничего государственнаго не понималъ.

Государство держится не *одной свободой* и не *одними стѣсненіями и строгостью*, а неуловимой пока еще для соціальной науки *гармоніей* между дисциплиной вѣры, власти, законовъ, преданій и обычаевъ съ одной стороны, а съ другой той *реальной свободой лица*, которая возможна даже и въ Китаѣ, при существованіи *пытки*... „Не дѣлай того, что запрещено, если боишься пытки... а если не боишься—какъ знаешь". Этотъ выборъ возможенъ былъ во всѣ времена, и *люди дѣйствительно выбирали*... Если можно жить и дѣйствовать при подобныхъ условіяхъ, то какъ же было бы не жить и не дѣйствовать спокойно при *учрежденіяхъ новыхъ* и столь мягкихъ?... Однако, мы видимъ, что *нигдѣ* люди на этихъ мягкихъ учрежденіяхъ *остановиться* не могутъ, и все *цивилизованное* человѣчество теперь несмѣтной толпою стремится въ какую-то темную бездну будущаго..., бездну незримую еще, но близость которой уже на всѣхъ мало-по-малу начинаетъ наводить отчаяніе и ужасъ!...

II.

Въ первой статьѣ моей я старался объяснить, какими путями и въ какихъ случаяхъ свободолюбіе и фрондерство наше находятъ возможность вредить государству даже и въ земской средѣ, сравнительно столь солидной и близкой къ національной „почвѣ" нашей! Я сказалъ, что они вредятъ тѣмъ, что по *духу* переходятъ безпрестанно за черту легальныхъ формъ, далеко *налѣво*, т.-е. не въ организующую, а въ эмансипаціонную сторону.

Перейдемъ къ другому, новому учрежденію,—къ открытымъ и гласнымъ *судамъ*.

Я сказалъ еще въ этой первой статьѣ, что, несмотря на разрѣшеніе цензурнымъ уставомъ критики самихъ реформъ и новыхъ учрежденій, я здѣсь заниматься этой стороной вопроса не буду...

Я уже упомянулъ разъ, что если принять только *современные* европейскіе принципы за непреложныя истины соціологіи,—то разумѣется—всѣ наши реформы проведены прекрасно; то-есть, если цѣль демократизировать и эмансипировать общество русское—есть цѣль безусловно полезная, то эта цѣль достигнута новыми учрежденіями вполнѣ.

Но я не могу никакъ *заставить* себя смотрѣть на дѣло такъ односторонне и пристрастно.

Я позволю себѣ по крайней мѣрѣ *подозрѣвать* такого рода соціологическую истину: что тотъ слишкомъ *подвижный* строй, который придалъ всему человѣчеству эгалитарный и эмансипаціонный прогрессъ XIX вѣка, очень непроченъ и, несмотря на всѣ временныя и благотворныя усилія консервативной реакціи, долженъ привести или ко всеобщей катастрофѣ, *или къ болѣе медленному, но глубокому, перерожденію человѣческихъ обществъ на совершенно новыхъ и вовсе ужъ не либеральныхъ, а, напротивъ того, крайне стѣснительныхъ и принудительныхъ началахъ. Быть можетъ, явится рабство своего рода, рабство въ новой формѣ, вѣроятно,—въ видѣ жесточайшаго подчиненія лицъ мелкимъ и крупнымъ общинамъ, а общинъ государству. Будетъ новый* феодализмъ,—*феодализмъ общинъ, въ разнообразныя* и *неравноправныя* отношенія между *собою и ко власти общегосударственной поставленныхъ.*

Я говорю изъ вѣжливости, что я *подозрѣваю* это; въ самомъ же дѣлѣ я въ этомъ *увѣренъ*, я готовъ пророчествовать это. Впрочемъ—все это вовсе и не ново, а только забыто. Объ этомъ много думали и писали еще въ 40-хъ годахъ. Быть *просто консерваторомъ* въ наше время было бы трудомъ напраснымъ. Можно любить прошлое, но нельзя *вѣрить* въ его даже приблизительное возрожденіе.

Примѣровъ полнаго возобновленія прожитаго исторія не представляетъ, и обыкновенно, послѣдующій періодъ есть антитеза предыдущаго, въ главныхъ чертахъ; побочныя же

черты сохраняютъ связь съ прошедшимъ или даже возвращаются къ очень дальнимъ вѣкамъ. Въ *прогрессъ* вѣрить надо, но не какъ въ *улучшеніе* непремѣнно, а только какъ въ новое перерожденіе тягостей жизни, въ новые виды страданій и стѣсненій человѣческихъ. *Правильная вѣра въ прогрессъ* должна быть *пессимистическая,* а не благодушная, все ожидающая какой-то *вёсны*... Въ этомъ смыслѣ, я считаю себя, напр., гораздо больше *настоящимъ* прогрессистомъ, чѣмъ нашихъ либераловъ. И вотъ почему. Они видятъ только завтрашній день, т. е. какую-нибудь конституціонную мелочь и т. п. Они заботятся только о томъ, какъ бы сдѣлать еще нѣсколько шаговъ на пути того равенства и той свободы, которыя должны ускорить разложеніе европейскихъ обществъ и довести ихъ, шагъ за шагомъ, до такой *точки насыщенія,* за которой эмансипировать будетъ уже некого и нечего, и начнется опять постепенное подвинчиваніе и сколачиваніе въ формахъ еще невиданныхъ воочію, но которыя до того понятны по одному контрасту со всѣмъ нынѣшнимъ, что ихъ даже и прозрѣвать въ общихъ чертахъ не трудно.

Каковы бы ни были эти невиданныя еще формы въ подробностяхъ, но вѣрно одно: *либеральны онѣ не будутъ.* Я берусь даже опредѣлить съ приблизительной точностью эту уже близкую точку поворота. Она должна совпасть со слѣдующими двумя событіями: *соціалистическимъ бунтомъ въ Парижѣ,* болѣе удачнымъ, чѣмъ прежніе, и *взятіемъ славянами Царь-Града,* volens-nolens. Значеніе Парижа и Европы будетъ съ этой минуты умаляться; значеніе Босфора и вообще *чего-то другого*—рости. Очень можетъ быть, что это *другое* приметъ вовсе не тотъ видъ, въ которомъ оно представлялось *московскому* воображенію Хомяковыхъ и Аксаковыхъ и не тотъ, въ которомъ оно и намъ представляется; но ужъ, во всякомъ случаѣ, эта новая культура будетъ очень тяжела для многихъ, и замѣсятъ ее люди столь близкаго уже XX вѣка никакъ не на сахарѣ и розовой водѣ равномѣрной свободы и гуманности, а на чемъ-то иномъ, даже страшномъ для непривычныхъ... . . . .

Итакъ, для того, кто вѣритъ въ близость подобнаго будущаго, какое значеніе могутъ имѣть наши новые суды? Очень малое и очень большое,—въ одно и то же время. *Очень малое* въ томъ смыслѣ, что это только одинъ изъ призраковъ не только русскаго, но и всеобщаго современнаго миража (миража *благоденствія земного, производимаго равноправностью*); *очень большое* значеніе въ томъ отношеніи, что у насъ, въ Россіи, гласные суды стали, благодаря духу интеллигенціи нашей, однимъ изъ орудій медленнаго и по пріемамъ—легальнаго разрушенія всего стараго. Замѣтимъ, что либерализмъ правительства и либерализмъ общества нашего въ этомъ случаѣ совершенно противоположны. Великая разница: либеральный господинъ, освобождающій своего раба, и либеральный вольноотпущенный, начинающій изъ благодарности тотчасъ же фрондировать. Баринъ великодушенъ, и если не правъ, то лишь тѣмъ, что *слишкомъ повѣрилъ въ человѣчество;* баринъ въ своемъ либерализмѣ, сверху внизъ, все-таки рыцарь, возбуждающій глубокое почтеніе и самое пламенное участіе, а вольноотпущенный, зазнавшійся на волѣ—что такое!?... Вотъ разница между правительствомъ нашимъ и такъ называемымъ обществомъ...

Итакъ, эти независимые суды наши—несравненно больше, чѣмъ земство способствовали тому „таянію“ Россіи, которое теперь всѣхъ ужаснуло и которое однимъ репрессивнымъ *подмораживаніемъ* безъ нѣкоторыхъ ретроградныхъ реформъ вполнѣ и пріостановить нельзя.

Земство глухо, суды эффектны и громогласны. Дѣятельность земства опаснѣе скорѣе въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ; оно опасно только посредствомъ умноженія школъ, въ которыхъ искажается будущій мужикъ и мѣщанинъ, по жалкому образу и подобію нашему. Но суды дѣйствуютъ быстро и наглядно. Дѣятельность новыхъ судовъ была въ теченіе 15 лѣтъ блестящею и самою ловкою демократическою пропагандою, какую только можно себѣ вообразить! Въ своемъ родѣ это было совершенствомъ! Никакихъ *точекъ надъ буквой* і; ни одной слишкомъ грубой *иллегальности!..*

Передъ этими важными предсѣдателями, настойчивыми обвинителями, пламенными защитниками и легкомысленной, жадной до эффектовъ, *граждански уже давно развращенной* публикой, какой рядъ высокопоставленныхъ юридическихъ жертвъ! Игуменьи, баронессы, генералы, городскіе головы, отцы и матери семействъ, Гартунгъ, Треповъ, Шумахеръ, Митрофанія.

Какое нескрываемое злорадство, какая веселая разнузданность рѣчей... И какъ это все выходило ловко и кстати! Прокуроры *кстати* слабы, *кстати безпощадны*...

Передъ нами, напримѣръ, двѣ женщины, игуменья Митрофанія (вдобавокъ и баронесса) и акушерка Засуличъ. Митрофанія виновата, а Вѣра Засуличъ права. Пожилую заслуженную женщину, увлекшуюся дѣятельнымъ характеромъ и желаніемъ обогатить любимое ею религіозное учрежденіе, никто не жалѣетъ; Вѣру Засуличъ, рѣшающуюся на политическое убійство изъ-за коммунистическихъ сочувствій, жалѣютъ всѣ и дѣлаютъ ей безумную овацію!

Но вообразимъ себѣ иное настроеніе русской интеллигенціи, къ которой принадлежали бы и судьи, и адвокаты, и обвинители, и публика, и часть присяжныхъ.

Вообразимъ себѣ, что настроеніе общества было бы *консервативное*, представимъ себѣ, что великодушіе правительства, давшаго такіе свободные суды, обращено было бы на людей солидныхъ, умно-скептическихъ, т. е. въ *Европу* и въ *благо* демократіи не очень влюбленныхъ, и даже изъ знанія европейской исторіи извлекающихъ совсѣмъ не то, что обыкновенно у насъ извлекается... Вообразимъ себѣ, что было бы тогда?.. Прежде всего нашлись бы люди, которые поспѣшили бы, по собственной инициативѣ, убѣдить высшее духовное начальство московской епархіи—наказать поскорѣе игуменью духовнымъ строгимъ судомъ и избѣжать всячески публичнаго скандала...

Свѣтскій судъ *медлилъ бы нарочно*, для избѣжанія огласки. Публика *боялась бы*, чтобы игуменья не попала на скамью подсудимыхъ. Но положимъ—пріостановить дѣло, *замять* его съ нѣкоторой *формальной несправедливостью* и съ большимъ

государственнымъ тактомъ—оказалось бы невозможнымъ. Игуменью судятъ гласнымъ судомъ... Но *какъ?..*

Всѣ смущены (хотя бы и притворно—и то хорошо; ибо притворство въ этомъ случаѣ доказываетъ только почтеніе къ извѣстному принципу)... Предсѣдатель ведетъ сессію, по возможности, въ предѣлахъ *закона*, благопріятно для подсудимой; онъ не *позволяетъ* адвокатамъ и прокурорамъ *говорить противъ монастырей вообщѣ.* Судьи не обращаются къ набожной старушкѣ, сказавшей—„матушка такъ мнѣ приказала" (или „благословила"), съ насмѣшливымъ вопросомъ: „а развѣ у васъ *своего разума нѣтъ?*"... Никто не позволяетъ себѣ такихъ публичныхъ возгласовъ: „монастыри отдѣляютъ себя отъ міра высокими стѣнами, но обществу надо себя ограждать отъ нихъ (т. е. отъ ихъ злоупотребленій)"... Такъ, кажется, воскликнулъ кто-то изъ обвинителей.

Личное самолюбіе ораторовъ, обвиняющихъ игуменью или защищающихъ ея противниковъ, оставляется немного (хоть немного) въ сторонѣ до другого случая—изъ гражданскаго, охранительнаго чувства; защита удачна, обвиненіе мягко и уклончиво. Преступленіе признано недоказаннымъ... *Публика ликуетъ.* Вотъ что случилось бы, если бы *духъ общества* русскаго не любилъ бы переходить *налѣво* за черту новыхъ учрежденій, если бы большинство, начиная отъ руководящихъ судей и кончая праздными зрителями, любило бы, чтило бы Православіе, *вѣрило бы* въ святость *сана*, независимо отъ *личныхъ немощей!*

И если бы въ такомъ обществѣ и осудили бы Митрофанію, *по невозможности* оправдать ее, то это бы сдѣлали такъ, какъ сдѣлали Іафетъ и Симъ, т. е. отвернувшись, покрыли бы наготу отца, а наша интеллигенція поступила при этомъ процессѣ, какъ цинически глумящійся, гнусный Хамъ.

„Такъ ее и надо! Такъ! Вотъ такъ! Она баронесса! Она игуменья! Такъ ее! Такъ!"

Игуменью Митрофанію за подлогъ юридически „травятъ". Вѣрѣ Засуличъ, посягавшей на энергическаго градоначальника, устраиваютъ апоѳеозъ.

За что же стрѣляла она въ градоначальника? Влюблена она была что ли въ того политическаго арестанта, котораго генералъ Треповъ высѣкъ за дерзость въ тюрьмѣ? Не была ли она съ нимъ въ любовной связи? Ничуть! Тогда бы къ ней, вѣроятно, были бы построже. Но она не имѣла никакихъ личныхъ отношеній съ этимъ арестантомъ и хотѣла убить градоначальника во имя „равенства и свободы“. *Ее оправдали, ей сдѣлали блистательную овацію.* Въ петербургскихъ газетахъ писали, что выстрѣлъ ея изъ револьвера будетъ имѣть значеніе, какъ поворотная точка, послѣ котораго политическихъ арестантовъ или совсѣмъ не будетъ или они будутъ имѣть право грубить безнаказанно начальству. Рѣчь защитника Александрова, даже въ ораторскомъ и литературномъ смыслѣ, вовсе не замѣчательная, размазанная, аляповатая, лубочная, нравится петербургской публикѣ и увлекаетъ ее... Судятъ вовсе не убійцу, не Вѣру Засуличъ, а жертву ея, т. е. судятъ генерала Трепова... Вѣру Засуличъ выносятъ на рукахъ и т. д.

Одинъ изъ гг. Градовскихъ напечаталъ тогда въ *Голосѣ* восторженный фельетонъ, и все это изъ такого пустяка, что генералъ Треповъ высѣкъ какого-то дерзкаго арестанта...

Тутъ ужъ, во всемъ этомъ, нельзя никакъ видѣть либерализма *наивнаго,* а надо видѣть именно тотъ *злонамѣренный либерализмъ,* противъ котораго г. Александръ Градовскій протестовалъ такъ умильно и даже робко въ статьѣ *Смута.*

Любопытно было бы вообразить тѣхъ же самыхъ двухъ женщинъ: игуменью Митрофанію и акушерку Засуличъ передъ судьями *не-европейскаго духа,* передъ судомъ мужиковъ или старинныхъ купцовъ Островскаго. Такіе судьи, имѣющіе не либерально-европейскій, а свой собственный русско-византійскій общественный идеалъ, отнеслись бы къ дѣлу совсѣмъ иначе. Игуменью Митрофанію они бы *поняли,* и осуждая ее, быть можетъ, старались бы смягчить ея наказаніе; и ни въ какомъ случаѣ они бы не срамили ея сана съ низкимъ злорадствомъ невѣрующихъ людей... Вѣру Засуличъ они бы просто и понять бы не могли, и навѣрно — или сослали на каторгу, или бы *жестоко наказали ее тѣлесно*... Изъ двухъ

золъ мужики и купцы Островскаго скорѣе бы поняли подлогъ, чѣмъ эту *ненависть къ властямъ предержащимъ,* которую обнаружили въ дѣлѣ Засуличъ и дѣйствующія лица, и публика, и печать петербургская... Почему же общественное мнѣніе *самаго нерусскаго* изъ всѣхъ городовъ Россіи должно быть непремѣнно правильнѣе мнѣнія столькихъ милліоновъ истинно-русскихъ людей, *оттертыхъ* отъ непосредственнаго соприкосновенія съ правительствомъ своимъ?..

И если мы, сопоставивъ эти два знаменитые процесса двухъ столь противоположныхъ женщинъ, сблизимъ еще съ другой стороны процессъ Вѣры Засуличъ съ дѣломъ Гартмана и съ объясненіями, представленными республиканцемъ Энгельгардомъ, то окажется вотъ что:

Въ наше время всѣ роды преступленій наказываются строго кромѣ анти-государственныхъ преступленій... Вѣру Засуличъ оправдали въ Петербургѣ потому, что она стрѣляла (по выраженію одного московскаго простолюдина) „въ заслуженнаго *царскаго слугу* какъ въ какого-нибудь пса!"; Гартмана не выдали именно оттого, что онъ хотѣлъ убить *не частное лицо, а Государя.*

Итакъ, *жизнь* обезпечена *всѣмъ гражданамъ, исключая Царей и ближайшихъ помощниковъ ихъ.* Только Монархи и вѣрные слуги ихъ поставлены *внѣ* закона, по понятіямъ новѣйшаго права, которое такъ нравится либеральнымъ дѣятелямъ петербургской печати.

Какъ же можетъ г. Градовскій притворяться такимъ невиннымъ и обиженнымъ *доносчиками-консерваторами,* когда онъ самъ пишетъ въ той газетѣ, гдѣ то защищается Вѣра Засуличъ, то оправдывается республиканское правительство Франціи?.. Неужели это тотъ *наивный* либерализмъ, о которомъ я говорилъ въ моей первой статьѣ: „Чѣмъ и какъ либерализмъ нашъ вреденъ?"...

Литератору петербургскому и спеціалисту, такъ сказать, быть *наивнымъ* въ подобныхъ случаяхъ стыдно. Простодушіе было бы здѣсь доказательствомъ уже слишкомъ жалкой бездарности...

Возвращаюсь къ судамъ... Признаюсь, мнѣ тяжело и говорить о нихъ много, потому что меня самого до такой степени глубоко поражали, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, всѣ эти слишкомъ извѣстные процессы, что мнѣ все представляется, будто и всѣ ихъ помнятъ и будто всѣ должны возмущаться ими...

Положимъ,—errare humanum est. Есть также русская поговорка, которая гласитъ: *гдѣ судъ—тамъ и неправда...* Поговорка не говоритъ этимъ, будто *всякій* судъ непремѣнно несправедливъ, но такъ какъ во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ есть *наклонность* къ неправдѣ, то *нѣкоторая часть* судебныхъ рѣшеній должна быть *по духу* несправедлива... Вѣдь нашъ народъ (и всякій народъ, не сбитый еще съ толку демократическими идеями) въ царство *правды на землѣ* не вѣритъ...

Все въ томъ же „вашемъ" *Голосѣ* (№ 60, отъ 29 февраля) былъ приведенъ съ похвалами отрывокъ изъ рѣчи Высокопреосвященнаго Макарія, произнесенной имъ при открытіи военно-окружнаго суда въ Вильнѣ, 15 октября 1869 года.

„Законы и совѣсть — вотъ ваши руководители!" —такъ обращается проповѣдникъ къ „людямъ-судіямъ".

„Законы... но что пособятъ намъ самые лучшіе законы, когда мы не знаемъ достаточно того, къ чему слѣдуетъ приложить ихъ? Законы, какъ бы ни были подробны, не въ состояніи обнять всѣхъ частнѣйшихъ и необычайныхъ случаевъ, какіе бываютъ въ жизни и съ которыми не разъ, быть можетъ, вамъ придется встрѣтиться. Законы самые точные и ясные могутъ подлежать различному пониманію, подвергаться различному примѣненію, особенно въ случаяхъ сомнительныхъ и неопредѣленныхъ, и безсильны предохранить судью отъ разныхъ ошибокъ. Совѣсть—драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ даровъ Божіихъ человѣку, лучшій и ближайшій изъ всѣхъ нашихъ руководителей. Но и совѣсть, даже самая чистая и твердая, всегда имѣетъ нужду въ опорѣ для своихъ приговоровъ и безъ достаточнаго выясненія дѣла можетъ заблуждаться. А что-жъ еще, если совѣсть наша помрачена или ложно направлена воспитаніемъ ли, или образомъ нашей

жизни? Что, если совѣсть наша до того слаба, что способна увлекаться *вліяніемъ нашихъ страстей или господствующимъ духомъ времени?* Увы! не спасетъ тогда судію и совѣсть отъ многихъ и многихъ ошибокъ“.

Вотъ я о чемъ говорю, объ этомъ *духѣ времени*—и только. Никто не позволитъ себѣ утверждать, что большая часть рѣшеній новыхъ уголовныхъ судовъ были неправильны или несправедливы... Это даже и подумать было бы смѣшно; даже не имѣя въ рукахъ никакой статистики этихъ рѣшеній, можно сказать, a priori, что были недурныя и даже очень хорошія!.. *Ссылали даже и нигилистовъ...* Весь вопросъ въ томъ, *куда* чаще располагаетъ духъ времени склонять вѣсы правосудія—*лѣвѣе* или *правѣе?..* Я нахожу, что лѣвѣе... И изъ двухъ золъ, это зло *вреднѣе; потому что оно гораздо противо-государственнѣе...* Государство устроилось на извѣстныхъ понятіяхъ и формахъ дисциплины, и потому то, если уже необходимо, если уже по человѣческой слабости неизбѣжно отъ времени до времени кого-нибудь обидѣть, то лучше обидѣть Вѣру Засуличъ, чѣмъ игуменью Митрофанію или генерала Трепова...

Я говорю это прямо—ибо я не вѣрю, чтобы жизнь могла бы когда бы то ни было стать храмомъ полнаго мира и абсолютной правды... Такая надежда, такая вѣра въ человѣчество противорѣчатъ евангельскому ученію; Евангеліе и Апостолы говорятъ, что *чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже*, и совѣтуютъ только хранить свою *личную вѣру и личную добродѣтель до конца..* Все человѣчество мы отъ бѣдъ не избавимъ; бѣды разнородныя и неожиданныя таятся даже и *во всѣхъ успѣхахъ науки,* точно такъ же, какъ и въ невѣжествѣ, *во всѣхъ открытіяхъ, во всѣхъ изобрѣтеніяхъ,* во всѣхъ родахъ учрежденій и реформъ... И потому, съ этимъ ужаснымъ Ариманомъ не справиться ни намъ, ни санктпетербургскимъ и парижскимъ Ормуздамъ, въ очкахъ и гадкихъ фракахъ... *А своему* русскому государству, *какъ столбу настоящаго недемократическаго христіанства,* мы должны стараться сдѣлать пользу, какъ умѣемъ.

Вотъ въ этомъ-то православномъ, русскомъ или, если

хотите, византійскомъ духѣ воспитанное общество дало бы иной результатъ, даже и при введеніи англо-саксонскихъ судовъ. Въ эту либеральную форму, оно внесло бы иное содержаніе, иной духъ...

Никто, повторяю я, не позволитъ себѣ утверждать, что всѣ рѣшенія политическихъ и вообще уголовныхъ процессовъ нашими новыми судами были нехороши, а тѣмъ болѣе *преднамѣренно* вредны.

Я говорю только о *наклонности*, о сильномъ *теченіи*, о „чумномъ" *вѣяніи* все того же духа времени.

Для лучшаго уясненія того, что я хочу сказать, возьмемъ еще примѣръ изъ прошлаго. Крѣпостное право было *въ свое время* великимъ и спасительнымъ для Россіи учрежденіемъ. Только съ утвержденіемъ этого особаго рода феодализма, вызваннаго необходимостью стянуть, разслоить и этимъ дисциплинировать слишкомъ широкую и слишкомъ *однообразную* Россію, государство наше начало рости. Но и это столь полезное учрежденіе, имѣло, какъ извѣстно, свои невыгоды. Помѣщики злоупотребляли данною имъ властью. Это извѣстно. Но кто же станетъ утверждать, что они злоупотребляли этой властію всѣ одинаково? Это было бы ошибкой или ложью. У многихъ крестьяне жили лучше нынѣшняго. Но многіе помѣщики все-таки производили насилія, ни съ чѣмъ несообразныя, совершали безнаказанно преступленія и т. д. Это правда. *Теченіе* духа времени было въ эту сторону, и нѣкоторые *люди* изъ учрежденія разумнаго и необходимаго извлекали не то, чего бы желало правительство.

Вотъ такъ и новые суды.

Строгое пониманіе государственнаго дѣла настраивало бы мысль слѣдующимъ образомъ: правительство, установляя новую форму судовъ, болѣе свободную, довѣрялось, такъ сказать, обществу. Учреждая эти болѣе свободные суды, правительство передвигало значительно центръ тяжести государственной налѣво; мы поэтому, для сохраненія равновѣсія, если ужъ неизбѣжно *склонять вѣсы* и т. д., будемъ склонять ихъ на противоположную *правую* сторону, т. е., скажу

прямо, въ пользу старшихъ, генераловъ, игуменовъ, помѣщиковъ, отцовъ, матерей, хозяевъ, а не въ сторону младшихъ и младшихъ, будто бы слабѣйшихъ. Эти слабѣйшіе легко могутъ стать *слишкомъ* сильными; не надо отучать ни народъ, ни молодежь, ни дѣтей отъ повиновенія: это противно тому духу православія, на которомъ взросло наше монархическое государство...

Но на дѣлѣ выходитъ у насъ иначе. Безъ всякаго поголовнаго *злоумышленія*, безъ всякой *коварной дальновидности,* а только вслѣдствіе ложнаго идеала *земной* прудоновской „justice“, новые суды усилили (быть можетъ и безсознательно) либеральное наше разстройство. Публика наша легкомысленна, пуста, впечатлительна и дурно воспитана, а нашимъ адвокатамъ и прокурорамъ нужно сдѣлать карьеру, обнаружить ораторскія способности (между прочимъ въ виду воображаемой возможности громить *отвѣтственныхъ министровъ*, ибо никому такъ конституція не выгодна, какъ ораторамъ); судьи подвергаются давленію „среды“; присяжные или сбиты съ толку многосложностью вопросовъ, если они изъ *простыхъ,* или подкуплены либеральными симпатіями, если они изъ интеллигентныхъ.

Зачѣмъ же тутъ непремѣнно *злонамѣренность?* И безъ всякой злонамѣренности результатъ печаленъ. Что жъ дѣлать съ этимъ?

Я бы и сказалъ—но на уста мои „положена дверь огражденія“.

Что можетъ позволить себѣ сказать человѣкъ, запертый въ тѣсную рамку „мѣстной“ газеты. Кто станетъ его слушать?.. А впрочемъ—два слова не долго.

Разумѣется—надо, въ относительномъ *безмолвіи,* обдумать медленно и строго проектъ иныхъ судовъ, и можетъ быть, *безъ присяжныхъ, безъ публики* и съ *меньшимъ просторомъ для риторическихъ упражненій.* Положимъ даже, что до сихъ поръ человѣчество никакой формы судовъ *выше и развитіе* этой англо-саксонской формы не выдумало. Но не всегда именно высшая форма той или другой отрасли человѣческихъ учрежденій пригоднѣе для всякой страны. *Какъ войско,*—англій-

ское войско ниже континентальныхъ формъ военнаго устройства; но она, эта низшая форма—пригоднѣе для англійскаго государственнаго строя. Протестантство, какъ *религія*, въ глазахъ всякаго понимающаго, что такое церковь, есть религія—низшая, сравнительно съ православіемъ и папствомъ; однако, она оказалась пригоднѣе до сихъ поръ для германскихъ странъ. Такъ и во всемъ... Репрессивныя мѣры не могутъ быть сами по себѣ цѣлью; онѣ только временный пріемъ для того, чтобы люди „не мѣшали" приготовить что-нибудь болѣе прочное въ будущемъ. По крайней мѣрѣ, и попытка подобнаго рода была бы полезна

Г. Катковъ и его враги на праздникѣ Пушкина.

(Варшавскій Дневникъ, 1880 года).

I.

Итакъ, Москва отпраздновала торжественныя поминки великому русскому поэту. Сама церковь благословила поэзію въ лицѣ творца Онѣгина и Годунова. Говорили рѣчи, декламировали стихи, восхищались, даже плакали.

Высокопреосвященный Макарій *въ церкви, на панихидѣ по бояринѣ Александрѣ*, сказалъ *рѣчь* объ *эстетическихъ* достоинствахъ Пушкинской поэзіи и забылъ упомянуть объ нѣкоторыхъ весьма важныхъ *церковно-христіанскихъ мотивахъ ея.* Ап. Ник. Майковъ въ стихахъ своихъ выразилъ надежду, что мы (славяне) сотворимъ еще чудеса въ мірѣ:

Но, *юнѣйшіе* *) въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя,—
Въ первый разъ, въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя,—
Нашу гордость—какъ предтечу
Тѣхъ чудесъ (?), что *можетъ быть* (?!)
Намъ въ расцвѣтѣ нашемъ полномъ
Суждено еще явить.

Говорили многіе и говорили хорошо!—Ѳ. М. Достоевскій (я читалъ ее въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*) выводилъ изъ духа пушкинскаго генія пророческую мысль о „космополитическомъ“ назначеніи славянъ.

Въ газетахъ напечатаны еще рѣчи г. Островскаго, И. С. Аксакова, о „мѣдной хвалѣ“ поэту, и, наконецъ, надѣлавшая столько шуму рѣчь г. Каткова о „примиреніи“.

---

*) *Русскіе* перешли за 1000 л. государственности; а славяне юга и запада впали прямо въ собачью старость буржуазной демократіи.

Все это возбуждаетъ столько разнообразныхъ и даже противорѣчивыхъ мыслей... Все это издали (изъ Калужской деревни) является сначала до того смутнымъ, и самъ праздникъ застаетъ до того врасплохъ, что не знаешь на чемъ прежде всего остановить вниманіе. Каждый изъ насъ теперь такъ занятъ и своими спѣшными и срочными интересами, и общими вопросами практической важности; даже и въ деревнѣ, я увѣренъ, очень рѣдко кому приходится раскрыть самыхъ любимыхъ смолоду поэтовъ и прочесть ихъ *для себя*, для своего личнаго наслажденья... У многихъ ли образованныхъ и дѣятельно живущихъ людей въ наше время, въ Россіи, есть тотъ сердечный досугъ, при которомъ легко читаются и всей душой становятся понятными всѣ эти великіе и *истинно досужіе прежніе* поэты? Для пониманія поэзіи нужна особаго рода временная лѣнь, не то веселая, не то тоскующая, а мы теперь стыдимся всякой, даже и самой поэтической лѣни!..

Да и когда намъ теперь лѣниться?.. Все вокругъ насъ охвачено какимъ-то тихимъ и медленнымъ тлѣніемъ!.. Свершается воочію одинъ изъ тѣхъ нешумныхъ „великорусскихъ" процессовъ, которые у насъ всегда предшествовали глубокому историческому перевороту—крещенію кіевскаго народа въ Днѣпрѣ, петровскому *разрушенію національной старины* и, наконецъ, нынѣшнему положенію дѣлъ, конечно, *лишь переходному къ чему-то другому*...

Всѣ почти живутъ теперь въ напряженіи духа, въ мелкомъ безпокойствѣ, изо дня въ день... Петербургская Россія продолжаетъ съ успѣхомъ уничтожать вездѣ, гдѣ можетъ, исподволь и даже безсознательно, остатки своеобразной Московской Россіи, подкапываясь тихонько подо все, что составляетъ тысячелѣтнія основы нашего быта. Петербургская Россія, эта мѣщанская *современная* Европа, сама трещитъ вездѣ по швамъ, и внимательно разумѣющее ухо слышитъ этотъ многозначительный трескъ ежеминутно и понимаетъ его ужасное значеніе!..

Поэтому ни свѣжая зелень русскихъ полей, ни мирная и „таинственная сѣнь" тѣхъ самыхъ родныхъ „дубравъ", кото-

рыя такъ восхищали Пушкина, ни лѣтнее ясное небо этихъ дней, ни столичныя празднества и нервный восторгъ „разночинной“ интеллигенціи нашей, ставящей надгробный памятникъ поэзіи *прошедшаго*, поэзіи, быть можетъ, невозвратимой никогда (ибо эта поэзія была поэзія *дворянская*, а дворянство этого *пушкинскаго стиля*, вѣроятно, разъ навсегда погибло со всѣми своими пороками и со всѣми блестящими и глубокими качествами своими!..),—все это не заставитъ насъ забыть надолго ни цареубійцу Гартмана (издающаго теперь съ Рошфоромъ газету на томъ самомъ Западѣ, который у насъ такъ уважается); ни неурожаевъ и дороговизны, о которыхъ въ газетахъ стоитъ стонъ; ни высшихъ воспитательныхъ затрудненій; ни упорства нашего общества въ погонѣ за обыкновенными школами и всеобщей грамотностью, о которой вовсе не убивается самъ нашъ народъ; ни конституціонныхъ „подходовъ“; ни нашей глупости и злости; ни Дамоклова меча великаго Восточнаго вопроса; ни безнадежной преданности европеизму тѣхъ самыхъ юго-славянъ, на оригинальность и свѣжесть которыхъ мы такъ простодушно надѣялись; ни *національности Новаго Времени*, которое еще недавно (въ январѣ) восклицало съ восторгомъ, что мы теперь стали *европейцами*; (очень нужно!) ни *космополитизма Голоса*, который тоже недавно увѣрялъ: „мы теперь стали болѣе прежняго *русскими* (гдѣ это? въ чемъ это?)“ и который только что называлъ патріотическую, почти *государственную* дѣятельность г. Каткова „предательствомъ“. Я не знаю, на чемъ прежде остановить мое вниманіе въ этомъ письмѣ... На превосходной ли рѣчи Достоевскаго (съ мыслями котораго я, все-таки, вполнѣ согласиться не могу); на пророчествѣ ли Майкова о нашихъ *будущихъ чудесахъ*, въ возможность которыхъ я *желалъ бы* вѣрить отъ души; на странномъ ли поступкѣ Общества Любителей Словесности съ г. Катковымъ; на выходкѣ ли редактора *Голоса*, доведшаго личную злобу на этотъ разъ до глупости; на застольной ли рѣчи самого знаменитаго редактора *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника*?..

Читая въ первый разъ эту рѣчь, я былъ очень непрі-

ятно пораженъ ею... Зачѣмъ эта мягкость мысли? На что это полусочувствіе „всеобщему миру“ въ устахъ энергическаго вождя охранительной Россіи! Съ какой стати уступать?.. Съ какой стати протягивать руку людямъ вреднымъ, людямъ пошлаго или безумнаго направленія, людямъ непримиримымъ, неисправимымъ, или, подобно Тургеневу, отуманеннымъ успѣхомъ?.. Мнѣ было больно за Каткова, мнѣ было горько и стыдно за Каткова! Потомъ я прочелъ въ *Голосѣ* тенденціозный, всѣмъ извѣстный разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ этой рѣчью...

Вотъ это мѣсто:

„Прочтите уже кстати и рѣчь г. Каткова, переданную намъ по телеграфу. Только теперь разъяснился „incident Katkoff“, въ которомъ намъ прежде все представлялось какою-то одною большою безтактностью“.

„На-дняхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было напечатано подъ названіемъ „Предостереженіе“ слѣдующее письмо, полученное редакціей“.

Въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей.*

„Коммиссія Общества Любителей Россійской Словесности удержала одно мѣсто для депутата отъ *Русскаго Вѣстника.* По ошибкѣ послано мною приглашеніе и въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* – приглашеніе, не согласное съ словеснымъ рѣшеніемъ коммиссіи.

Предсѣдатель Общества Россійской Словесности Сергѣй Юрьевъ“.

„Что сей сонъ значитъ? Кто уполномочилъ коммиссію быть литературнымъ цѣновщикомъ? Почему Катковымъ не можетъ быть мѣста тамъ, гдѣ есть же мѣста Баталинымъ, Незлобинымъ и инымъ прочимъ? Почему г. Катковъ называетъ это письмо *предостереженіемъ?*“

„Названіе оказалось пророческимъ! Теперь, по прочтеніи телеграммы, ясно, что коммиссія, съ г. Юрьевымъ во главѣ, хотѣла спасти г. Каткова отъ его судьбы—ужасной, тяжелой убійственнной, но неизбѣжной“.

„Г. Катковъ публично на обѣдѣ, въ присутствіи всѣхъ, у всѣхъ же просилъ прощенія, молилъ о забвеніи, протя-

нулъ руку—и никто не пожалъ этой руки! Да, тяжелое впечатлѣніе производитъ человѣкъ, переживающій свою казнь и думающій затрапезною рѣчью искупить предательства двадцати лѣтъ!“

„Страшно!“...—Такъ говоритъ *Голосъ.*

Почти въ тоже время (а можетъ быть, и раньше,—не помню), я узналъ о неслыханномъ поступкѣ Общества Любителей Русской Словесности, о письмѣ къ Михаилу Никифоровичу г. Юрьева, этого столь мирно и любовно—революціоннаго издателя *Бесѣды* и *Русской Мысли...* Это меня еще больше поразило. Итакъ, *избранные представители русской словесности до того ненавидятъ власть, до того равнодушны къ цѣлости государства нашего и къ политическому престижу нашей монархіи, что забываютъ даже о литературномъ достоинствѣ передовыхъ статей той газеты, которая всегда такъ неусыпно стояла на стражѣ этихъ существенныхъ интересовъ страны!*

Изъ-за политической ненависти къ власти и порядку, быть можетъ, изъ-за личной вражды къ неуступчивому и сильному человѣку, хотятъ на *литературномъ* праздникѣ отвергнуть *литературныя* заслуги московскаго публициста! Развѣ можетъ консерваторъ отрицать литературный геній и могучую стилистику Прудона оттого, что Прудонъ откровенно проповѣдуетъ ту самую медленную, постепенную *воспитательную,* такъ сказать, *революцію народовъ,* которую подъ разными прикрытіями восхваляютъ наши либералы: Полетика и Вейнбергъ въ *Молвѣ,* Тургеневъ—въ рѣчахъ, обращенныхъ къ молодежи, Краевскій и Бильбасовъ—въ *Голосѣ,* и столькіе другіе въ другихъ органахъ печати, въ судахъ, съ каѳедръ и у семейнаго очага?... Развѣ можно отрицать и отвергать литературную силу сатиры Салтыкова только оттого, что этотъ человѣкъ—живой и неистощимый вулканъ грязнаго яда и оппозиціонной желчи?... *Нѣтъ, нельзя!* Но либералы дошли до такого помраченія ума!

Ненависть къ охраненію у нихъ до того сильна, что и въ Обществѣ *Любителей Словесности—этой самой словесности русской* знать не хотятъ, и въ серьезное сборище почти ака-

демическаго характера вносятъ духъ партій и духъ разрушенія всего того, что даже этому всечтимому Пушкину (*прежде всего дворянину* и *свѣтскому человѣку*) дало возможность *свободно* и правильно развить свой изящный, легкій и могучій геній!

Читая обо всѣхъ этихъ неслыханныхъ глупостяхъ и гадостяхъ, я просто вѣрить имъ не хотѣлъ. Къ счастію моему, я жилъ почти всегда гдѣ-нибудь далеко отъ столицъ, отъ журнальныхъ и ученыхъ круговъ и отъ всѣхъ этихъ омерзительныхъ вліяній... Отъ этого удаленія я сохранялъ еще до самаго послѣдняго времени какую-то, до глупости доходящую, простодушную вѣру въ *русскій умъ.*

Не въ тотъ практическій русскій умъ, который умѣетъ пользоваться обстоятельствами и теченіемъ времени. Въ этомъ, низшаго разряда, умѣ у нашихъ писателей недостатка нѣтъ; не про этотъ умъ я говорю, но про умъ *теоретическій*, прямо по чувству, сложный и глубокій по безстрашной независимости. Я сохранялъ долго вѣру въ настоящую, какую-то *русскую* мысль, непохожую на чужую и ходячую монету западной *послѣдней* мысли... *Я все еще не вѣрилъ въ серьезность либерализма нашего.* Либеральное міросозерцаніе казалось мнѣ слишкомъ ужъ поверхностнымъ. Я долго думалъ, что все это— *только такъ.* Люди эти, въ сочиненіяхъ своихъ, вѣдь обнаруживали же свою начитанность, наблюдательность, иногда остроуміе?.. Не могли же они не желать всѣмъ сердцемъ и всей душой отказаться отъ „ветхаго“, именно отъ „вчерашняго европейца“, отъ европейца — раба капитала, конституціи, отъ раба адвокатовъ и машинъ, надѣлавшихъ человѣчеству, *по крайней мѣрѣ*, столько же вреда, сколько и временной и вовсе не равномѣрной пользы.

Но я ошибался, постыдно ошибался! Либералы наши серьезны въ нищетѣ своего міровоззрѣнія; корифеи русской мысли въ жалкихъ предразсудкахъ своихъ, кромѣ *послѣдняго вывода западной общественной мысли*, ничего не видятъ на свѣтѣ!

Они часто говорятъ о „народѣ“! Но пусть прочтутъ и объяснятъ добросовѣстно *настоящему* народу, *что* думаетъ и

что пишетъ этотъ самый Катковъ, и они узнаютъ тогда на чьей сторонѣ *народъ!*

Въ журналѣ *Бесѣда*, которую лѣтъ десять тому назадъ издавалъ тотъ же самый Юрьевъ, который теперь все носится *со свободой и* человѣческимъ *достоинствомъ* въ *Русской Мысли*, была напечатана большая статья „Всеславянство". *Въ ней развивалась мысль, что славяне всегда были до того либеральны и до того не любили власть, что предпочитали домашней строгой дисциплинѣ постоянныя усобицы, доводившія ихъ до подчиненія нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ.*

Междоусобій на Западѣ (говорилось въ этомъ ученомъ сочиненіи) было также много, какъ и у славянъ; но на Западѣ никогда не забывалось вполнѣ, что *есть какая-то власть, внѣ нашей воли и избранія стоящая,* которая чтилась въ принципѣ, вопреки всѣмъ треволненіямъ и раздорамъ. Славяне же не хотѣли признавать такого *принципа,* и въ случаѣ крайности предпочитали *насиліе* иноземцевъ добровольному подчиненію какому-нибудь подобному принципу, исшедшему изъ собственныхъ національныхъ нѣдръ.

О Россіи, о популярности монархической безграничной власти въ сознаніи русскаго народа—въ этой статьѣ какъ-то вовсе не говорилось. Можетъ быть потому, что авторъ думалъ, будто вся эта крутая сословно-бюрократическая и церковно-военная дисциплина послѣднихъ вѣковъ (именно тѣхъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ Россія переродилась изъ ничтожнаго княжества въ великую міровую державу), что эта русская дисциплина, несвойственная всѣмъ другимъ славянамъ, есть ничто иное, какъ продуктъ совокупнаго вліянія началъ, чуждыхъ коренному славянству, началъ: византійскаго, татарскаго и нѣмецкаго. Можетъ быть, въ этомъ и есть значительная доля *очень печальной* для славянскаго самолюбія правды: дисциплина нашей Церкви происхожденія вполнѣ византійскаго; нѣмцы до сихъ поръ еще учатъ насъ порядку; а татарской крови, какъ извѣстно, течетъ великое множество въ жилахъ того дворянства русскаго, которое столько времени стояло во главѣ націи нашей и, исполняя безпре-

кословно волю царскую, такъ славно и такъ строго правило народомъ.

Быть можетъ, кто знаетъ, *если бы не было всѣхъ этихъ вліяній*, то и всеславянское племя, и русскій народъ, въ частности взятый, изъ буйнаго безначалія перешелъ бы легче всякаго другого племени или націи въ то *мирное безвластіе*, въ ту организованную, *легальную ан-архію* *), которую ставитъ идеаломъ человѣчества все тотъ же Прудонъ (самый прямой, откровенный и послѣдовательный изъ всѣхъ революціонеровъ или все равно—прогрессистовъ XIX вѣка).

Но этого, слава Богу, не случилось, *и прошедшаго изгладить нельзя изъ народной души.* И теперь, если бы русскій народъ доведенъ былъ преступными замыслами, дальнѣйшимъ подражаніемъ Западу, или мягкосердечнымъ потворствомъ до состоянія временнаго безначалія, то именно тѣ крайности и тѣ ужасы, до которыхъ онъ дошелъ бы со свойственнымъ ему молодечествомъ, духомъ разрушенія и страстью къ безумному пьянству, разрѣшились бы опять по его же собственной волѣ такими суровыми порядками, какихъ мы еще и не видывали, можетъ быть!

Неиспорченный ложными идеями свободы русскій простой человѣкъ скорѣе пойметъ духъ *Московскихъ Вѣдомостей,* чѣмъ духъ *Бесѣды, Голоса, Молвы* (ибо это все, въ сущности, одно и то же).

Публицисту „*Моск. Вѣдом.*“ болѣе другихъ принадлежитъ первое мѣсто на праздникѣ поэта, который тоже былъ народенъ въ лучшую и зрѣлую пору своего творчества, и котораго силятся теперь (подъ покровомъ закона) сдѣлать популярнымъ, вѣроятно, вовсе не для того, чтобы народъ понималъ и читалъ „Клеветникамъ Россіи“, „Полтаву“ и переложеніе молитвы „Отцы пустынники и жены непорочны“, а для того, чтобы до него дошли такія минутныя вспышки перемѣнчиваго и разнообразнаго генія какъ стихотвореніе:

---

*) *Ан-архія.* — Прудонъ нарочно отдѣляетъ чертой частицу *ан,* чтобы его идеалъ *мирнаго безвластія* не былъ бы понятъ за состояніе *хроническаго междоусобія.*

Бѣги! Скройся отъ очей
Цитеры, слабая царица!..

Такія мысли волновали меня, и больше всего я досадовалъ при этомъ именно на того человѣка, которому я сочувствовалъ и котораго цѣню такъ высоко, на г. Каткова. Но впослѣдствіи, я понялъ, что онъ не сдѣлалъ никакой ошибки. Онъ былъ правъ, предлагая примиреніе *въ видѣ опыта*! Его рѣчь была пробнымъ камнемъ, обнаружившимъ все упорство и ослѣпленіе его противниковъ.

И правая сторона можетъ дѣлать первый шагъ къ примиренію, въ надеждѣ, что противники не враги, а только заблудшіе люди, способные къ добросовѣстному покаянію въ неправдахъ своихъ.

И тутъ г. Катковъ доказалъ еще разъ всю практическую дальновидность своего ума. *Примиреніе невозможно.* Примиреніе требуетъ уступокъ; но развѣ могутъ уступать что-нибудь изъ своихъ священныхъ убѣжденій г. Катковъ и его единомышленники, *которыхъ такъ мало въ печати, но въ націи такое великое множество?* „Вотъ такая уступка была бы дѣйствительнымъ предательствомъ со стороны московскаго публициста!“

II.

Я еще не кончилъ о редакторѣ *Московскихъ Вѣдомостей* и его противникахъ... Г. Катковъ стоитъ такъ одиноко и на такой высотѣ среди дѣятелей политической печати нашей, имя его въ теченіе столькихъ лѣтъ было такъ тѣсно связано со всѣми замѣчательными событіями современной исторіи русской, что говорить о немъ и его врагахъ почти то же, что говорить о нашемъ государствѣ и его недоброжелателяхъ, его измѣнникахъ (по злобѣ ли или недоразумѣнію и глупости—не все ли равно). Избави Боже большинству русскихъ дойти до того, до чего, шагъ за шагомъ, дошли уже многіе французы, то есть *до привычки служить всякой Франціи и всякую Францію любить!..* На что намъ Россія не самодержавная и не православная?

На что намъ такая Россія, въ которой бы въ самыхъ глу-

хихъ селахъ утратились бы послѣдніе остатки національныхъ преданій?..

Такой Россіи служить или такой Россіи подчиняться можно развѣ по нуждѣ и *дурному* страху (я говорю *дурному*, ибо есть *страхъ добрый, честный и высокій*, страхъ полурелигіозный, растворенный любовью, тотъ родъ страха, который ощущаетъ и теперь еще *истинный русскій при одномъ имени русскаго Царя*)... И вотъ, о томъ-то именно и заботился г. Катковъ, чтобы теперешняя Россія, въ которой кое-что прежнее еще хранится, не стала бы вполнѣ такой *новой* Россіей, неприглядной и недостойной уваженія.

Впрочемъ, прежде насъ *Берегъ,* въ рѣзкой и твердой статьѣ, напомнилъ объ истинно-великихъ заслугахъ Каткова и объ его спасительной иниціативѣ въ тяжкія минуты колебаній и общей растерянности. Неужели все это ничего не значитъ въ глазахъ противниковъ московскаго публициста?

И не правъ ли я былъ, говоря, что враги г. Каткова— враги государству?

О! Если бы они были только личные враги ему! Отчего же не ненавидѣть за что-нибудь лично человѣка сильнаго, можетъ быть, иногда даже и жестокаго въ своей твердости и энергіи?.. Безъ нѣкоторой степени каприза или того, что зовется нынче такъ узко „самодурствомъ“, невозможно развитіе генія или сильнаго практическаго таланта. Поэтому и проистекающія изъ личныхъ столкновеній досада и ненависть не перестанутъ обуревать людей до скончанія вѣка, или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не сбудется пророчество Достоевскаго, „пока славяне не научатъ все человѣчество той *всечеловѣческой любви*“, которую не могли безусловно утвердить въ людскихъ сердцахъ ни Св. Отцы, ни Апостолы, ни даже самъ Божественный Искупитель.

Пусть бы, говорю я, ненавидѣли М. Н. Каткова, это ничего. *Это грѣхъ,* положимъ; но возможно ли приложеніе *духовной* или церковной мѣрки къ издателямъ *Голоса,* или къ автору *Дыма* и *Нови?..*

Нельзя метать *духовный* „бисеръ“ *передъ людьми, доказавшими свое невѣріе.* Поэтому обратимся лучше къ чисто-общественному значенію личной вражды.

Чисто личныя интриги, личная борьба и ненависть никогда еще не разрушали обществъ; а разрушались общества тогда, когда съ личной ненавистью соединялись какія-нибудь *негосударственныя идеи...*

Примѣровъ тому великое множество въ исторіи.

Возьмемъ хотя бы придворныя интриги, даже самыя низкія и жестокія; этого рода интриги сами по себѣ, при *неизмѣнности принциповъ,* могутъ производить только колебаніе дѣлъ въ очень тѣсныхъ границахъ, онѣ могутъ причинить много частныхъ горестей и страданій, но онѣ никогда и нигдѣ не разстраивали цѣлаго, если не вносились въ жизнь общія разрушительныя идеи. Личныя интриги и личная вражда въ общественной жизни подобны *грѣхамъ* въ духовной жизни нашей; какъ бы велики грѣхи эти ни были, не они, а ереси, расколы или принципіальное безвѣріе разстраивали религіозныя общины.

Покойный Бодянскій тоже ненавидѣлъ лично Каткова, но онъ *понималъ* его, и въ государственномъ отношеніи онъ ему сочувствовалъ. Онъ говорилъ не разъ мнѣ самому, пишущему эти строки:

— Катковъ личный мнѣ врагъ!.. Я его терпѣть не могу; но онъ *первый,* онъ *великій* русскій публицистъ...

И съ какой энергіей, съ какимъ выраженіемъ говорилъ мнѣ это оригинальный и упрямый малороссъ. Съ какимъ уваженіемъ я вспоминаю по этому поводу некрасивую фигуру этого стараго ученаго, который вовсе не былъ похожъ на нынѣшнихъ, *персонально,* большею частью, безцвѣтныхъ и какъ-то *неизящно приличныхъ* ученыхъ. Сердитый, мрачный, непривѣтливый, иногда очень даже грубый, самъ маленькій, голова большая, кривой, лицо совсѣмъ круглое, сѣрое какое-то и сюртукъ сѣрый, на рукахъ почему-то малиновыя митенки... Онъ очень любилъ бранныя русскія слова; любилъ отозваться при случаѣ про кого-нибудь изъ людей извѣстныхъ у насъ ученостью или талантомъ: „дуракъ! Чортъ его

возьми...“ А иногда и *еще проще*... И, прибавляя потомъ, чуть не про всякаго: „да что вы мнѣ толкуете!.. онъ мой ученикъ!“

Истина (или то, что казалось ему истиной) была ему дороже и личныхъ чувствъ, и гражданскихъ предубѣжденій. Онъ считалъ себя, не безъ основанія, патріархомъ славянофиловъ и мало сочувствовалъ нынѣшнимъ славянофиламъ, которые, по его мнѣнію, уклонились отъ настоящаго смысла своего первоначальнаго ученія и стали простыми *демократическими панславистами*.

И надо было видѣть этого человѣка, надо было слышать его, когда онъ съ такимъ энергическимъ жестомъ и съ такой ожесточенной яростью повторялъ эти слова:

— Я Каткову личный врагъ; но онъ первый у насъ публицистъ... онъ великій русскій публицистъ!...

Я согласенъ, пусть бы многіе изъ писателей и редакторовъ нашихъ были бы точно такими же врагами Каткова, какъ имъ былъ Бодянскій: только врагами *ему самому, но не противниками его политическаго духа; ибо враждовать такъ злобно противъ того, что защищаютъ Московскія Вѣдомости столько лѣтъ, значитъ враждовать противъ силы и цѣлости русскаго государства*.

Вотъ что говоритъ по этому поводу *Берегъ:*

„Мы не станемъ приводить другихъ случаевъ, рѣзко обрисовавшихъ направленіе *Московскихъ Вѣдомостей* или ихъ редактора; но резюмируемъ тѣ общественные и государственные интересы, которые съ такой страстностью защищалъ московскій публицистъ:

a) Территоріальная цѣлость Россіи и ея достоинство въ качествѣ великой державы.

b) Интересы русской и славянской національности.

c) Самодержавіе, авторитетъ правительства и неприкосновенность Главы Государства.

d) „Основы“, т.-е. религія, семья и собственность, которымъ угрожала и по сей день угрожаетъ нигилистическая пропаганда.

„Хорошо ли, дурно ли редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей*

защищалъ перечисленные интересы, это рѣшительно все равно,—защищалъ какъ умѣлъ, но защищалъ.

Повторяемъ, мы никакъ не имѣемъ намѣренія защищать *Московскія Вѣдомости* или оправдывать ихъ редактора.

Наша задача лишь констатировать теоріи, во имя которыхъ то и дѣло заявляетъ претензію *Голосъ*, изображать собою какую-то либеральную партію, толковать и доводить до всеобщаго свѣдѣнія „желанія и чувства“ этой партіи.

„Очевидно, что защита исчисленныхъ интересовъ, общественныхъ и государственныхъ, защита, веденная съ энергіей и по крайнему разумѣнію, никакъ не может считаться „предательствомъ“ *этихъ* интересовъ. Защита могла быть *предательствомъ лицъ другихъ интересовъ; діаметрально противоположныхъ первымъ*. Какихъ же? *Противополагайте и разумѣйте!*“

„Не правда ли, человѣку можно безусловно вѣрить лишь тогда, когда онъ проговаривается?“...

Такъ говоритъ *Берегъ*, а я говорю вотъ что:

Либералы наши правы только въ одномъ отношеніи: они чувствуютъ, что безтолковая интеллигенція наша на ихъ сторонѣ*)... Отчего же въ Москвѣ, въ этой „охранительной“ Москвѣ, не нашлось множества людей, которые на оваціи Тургеневу (во всеуслышаніе), самого себя обозвавшаго „либераломъ“, отвѣтили бы какой-нибудь шумной демонстраціей въ пользу Каткова?

Вѣдь Катковъ былъ правъ, обличая Тургенева въ жалкомъ потворствѣ и сочувствіи *всѣмъ* стремленіямъ нашей молодежи?... И столько людей согласны въ сердцѣ своемъ съ московскимъ редакторомъ!... Отчего же они молчатъ? Отчего не напечатать тотчасъ же хоть въ *Берегѣ* энергическаго протеста со множествомъ подписей? Отчего не поднесло тотчасъ же московское общество защитнику Церкви, Самодержавія и Дворянства, (*отчасти* и народности) какого-нибудь *вещественнаго выраженія* своего уваженія?...

Если бы у насъ, у русскихъ, была бы хоть искра нравственной смѣлости и того, что зовутъ умственнымъ твор-

*) Прошу не забыть, что все это писано въ 80-мъ году, до 1 Марта.

чествомъ, то можно было сдѣлать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова.* Открыть подписку *на памятникъ ему, тутъ же близко отъ Пушкина на Страстномъ бульварѣ.* Что за бѣда, что этого никто никогда и нигдѣ не дѣлалъ? *Тѣмъ лучше! „Именно потому-то* мы и сдѣлаемъ!"... Пусть это будетъ крайность, пусть это будетъ неумѣренная вспышка реакціоннаго увлеченія. Тѣмъ лучше! Тѣмъ лучше! Пора учиться *какъ дѣлать реакцію...*

„Натискъ пламенный" есть... Пусть и отпоръ будетъ не только „суровый", но и еще болѣе пламенный, чѣмъ либеральный натискъ.

Или мы уже не въ силахъ ничего своего защищать? Или мы ничего охранять уже не умѣемъ, не можемъ и не смѣемъ? Или правду сказалъ про насъ Мишле: „Россія сгнила раньше зрѣлости"?

Пусть не примутъ эти слова мои за чрезмѣрную лесть г. Каткову. Я уже не разъ говорилъ, что я во многомъ съ нимъ не согласенъ; и *нѣкоторыя мнѣнія его* (слишкомъ „европейскія" по стилю) *мнѣ невыносимы* и *сильно раздражаютъ меня.* Но это не мѣшаетъ мнѣ цѣнить въ немъ то, что цѣнить *обязанъ* всякій истинный русскій: его нападки на нынѣшніе суды, его роль въ дѣлѣ Засуличъ и Трепова, въ дѣлѣ нигилистовъ и мясниковъ, ихъ за дѣло (и къ несчастію слишкомъ мало) побившихъ. Всего подобнаго не перечислишь... Но оставимъ это; я хочу предложить себѣ другой вопросъ, *именно, по поводу памятника первому русскому поэту.*

Посмотримъ, кому бы изъ современныхъ, или не такъ давно отошедшихъ въ вѣчность русскихъ публицистовъ, ближайшее или дальнѣйшее потомство можетъ найти пристойнымъ поставить точно такую же „мѣдную хвалу" (по выраженію И. С. Аксакова), какую надумались поставить теперь Пушкину?

Кого можно счесть по силѣ, по дару и вліянію на поприщѣ *политической словесности,* чѣмъ-то равносильнымъ Пушкину на поприщѣ *словесности изящной?* Конечно, Каткова! Конечно, всякій, даже и ненавидящій его лично человѣкъ, долженъ повторить слова Бодянскаго: „онъ — личный врагъ

мнѣ (или я ему врагъ); но онъ первый и величайшій русскій публицистъ!“

Оглянемся вокругъ...

Дѣятельность нѣкоторыхъ нынѣшнихъ публицистовъ слишкомъ еще кратковременна, чтобы судить объ ея вліяніи... Вліяніе другихъ—ничтожно. Кому же? Краевскому и Бильбасову, которые дѣйствуютъ давно?... Нельзя. Никому и въ голову не придетъ это... Такое предложеніе показалось бы неловкимъ даже и тѣмъ людямъ, которые покупаютъ *Голосъ*.

Многіе изъ нихъ покупаютъ его по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что на половину не понимаютъ, *что* тамъ написано и *куда все это ведетъ*; а во-вторыхъ потому, что въ *Голосѣ* очень много фактовъ, извѣстій и вообще занимательнаго матеріала, къ достоинству, къ личности, дарованію и гражданскому характеру редакторовъ ничуть не относящагося. Нельзя ставить монументы за ловкую торговлю... Торговля необходима; торговля въ государствѣ то же, что пищевареніе въ тѣлѣ; и безъ пищеваренія нельзя; но никто не считаетъ пищевареніе отправленіемъ высшимъ, и нельзя идею торговли возводить на пьедесталъ, наравнѣ съ гражданской доблестью, съ поэзіей, съ военными подвигами, пожалуй даже и съ научными заслугами, столь измельчавшими и опошленными теперь бездарнымъ множествомъ ученыхъ вульгарностей.

Кому же? Представителямъ демократическаго либерализма? *Но либерализмъ долговѣчной будущности не можетъ же имѣть;* и до сихъ поръ, онъ явился только чѣмъ-то переходнымъ, разрушительнымъ, ослабляющимъ, размягчающимъ, разстроивающимъ все старое, все мѣстное, все обособляющее, все, имѣющее стиль и силу, но ничего ни мѣстнаго, великаго и прочнаго, самъ по себѣ, не создавшимъ, ни міру никакого поразительнаго наслѣдства не дающимъ. Міръ живетъ *организаціей, т.-е. удачной гармоніей свободы и стѣсненія*; а до сихъ поръ, во всей Европѣ, съ конца XVIII в., всѣ опыты подобной гармоніи на либерально-эгалитарныхъ основаніяхъ были неудачны и нестойки.

И большая противъ прежняго *свобода лица* привела *личность только къ большей безцвѣтности и ничтожеству... изъ которыхъ она выходитъ лишь въ тѣ минуты, когда жизнь хоть сколько нибудь возвращается къ старому.* Напримѣръ,—самый богатый расцвѣтъ оригинальныхъ и сильныхъ *личностей* на всѣхъ поприщахъ и во всей Европѣ совпалъ въ нашемъ вѣкѣ съ религіозной, монархической и аристократической реакціей, продолжавшейся отъ 1815 г. до 1848 года. Сперва потрясающія *демократическія* войны консульства и имперіи; потомъ *глубокая реакція* и *долгій миръ...* Тогда и самъ либерализмъ усиливалъ выразительность общей жизни, оставаясь долго лишь въ роли возбуждающаго протеста.

Къ этому времени собственно можно отнести стихи Пушкина...

> **Тамъ натискъ пламенный, а здѣсь отпоръ суровый,**
> **Пружины смѣлыя гражданственности новой!**

Когда же натискъ либерально-демократическихъ началъ сталъ сильнѣе охраненія и эти *отрицательныя* начала взяли верхъ вездѣ (послѣ 1848 года), все принизилось, все поблекло; *границы государствъ, особенности быта стали словно таять;* все начало опошляться, стало суше, бездушнѣе, скучнѣе, и вся Европа пошла быстрыми шагами *къ чему-то такому,* о частностяхъ котораго пророчествовать еще нельзя, но о сущности чего можно навѣрное сказать, *что оно либерально и кротко не будетъ...*

Кто же будетъ ставить памятникъ *либераламъ нашей печати?...* Правительство?... Самодержавное правительство можетъ, пожалуй, изъ принципа „свободы печати",—допускать многое; но трудно предположить, чтобы монархическое правительство сочло долгомъ прославлять редакторовъ и писателей, желающихъ ослабленія царской власти (т.-е. конституціи), разсыпающихся передъ всякой *республикой,* и даже позволяющихъ себѣ оправдывать, подобно „Голосу", тѣ иностранныя правительства, которыя потворствуютъ бѣгству нашихъ государственныхъ преступниковъ, на царскую жизнь злоумышляющихъ!..

Общество? Но что такое общество? Это такое тягучее понятіе... Трудно, однако, предположить, чтобы „интеллигенты“ *) наши дошли уже такъ скоро до полнаго и всеобщаго равнодушія къ цѣлости и силѣ государства нашего... А на пути защиты этихъ началъ, кто же, отрезвившись отъ фрондерства и подумавши немного, не предпочтетъ г. Каткова всѣмъ другимъ политическимъ писателямъ нашимъ?... Его знаютъ очень многіе люди и изъ той части русскаго населенія, которое зовется собственно *народомъ*... Его имя только одно и за границей многимъ извѣстно. Оно возбуждаетъ тамъ *именно ту ненависть, которую нужно на Западѣ возбуждать!* Ибо наружное политическое согласіе съ Европой необходимо до поры до времени; но согласіе внутреннее, наивное, согласіе идей, — это *наша смерть!!* Были и есть у насъ еще люди прекрасной души, высокаго ума, достойные признательности и уваженія,—это славянофилы. Но извѣстно, что ни одинъ изъ прежнихъ славянофиловъ, въ отдѣльности взятый, не сдѣлалъ, или не успѣлъ, или не могъ, по обстоятельствамъ, сдѣлать столькаго *на своемъ пути,* сколько, *на своемъ вѣку*, уже сдѣлалъ Катковъ.

Кирѣевскій, этотъ удивительный по добродѣтелямъ и уму человѣкъ (какъ говорятъ всѣ его знавшіе), далъ только общій духъ; онъ написалъ мало и кругъ вліянія его былъ очень ограниченъ. Хомяковъ, К. Аксаковъ и Самаринъ — дополняютъ другъ друга. Ив. Серг. Аксаковъ, нынѣ живущій и столь много послужившій необходимому дѣлу *политическаго* освобожденія славянъ, во дни высокаго подъема нашего духа (десять лѣтъ тому назадъ), по *культурному* вопросу собственно не захотѣлъ, видимо, въ литературной своей дѣятельности ни на шагъ отклониться отъ завѣщанныхъ его предшественниками общихъ идей; онъ приложилъ очень много своего труда къ развитію подробностей прежняго ученія, но едва ли прибавилъ что-либо свое къ основамъ его. Я сказалъ—онъ *не захотѣлъ*; я не сказалъ—онъ не *сумѣлъ* или *не смогъ*; таланты, познанія и независимость Ив. Серг.

*) Прошу простить мнѣ это *хамское* слово! Серьезно, безъ *ковычекъ* я его не позволю себѣ употребить. Прим. авт. 1885 г.

Аксакова таковы, что онъ, конечно, *сумѣлъ* и *смогъ* бы отклониться; но есть сердца твердыя, есть характеры и къ своему уму суровые, которые держатъ мысль въ уздѣ и не даютъ ей измѣнять тому, что для сердца стало святыней... Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что таковъ долженъ быть мужественный и благородный боецъ *Дня* и *Руси.*

Въ прежнее (*нѣсколько либеральное* все-таки) ученіе славянофильства онъ не позволилъ себѣ внести ни малѣйшей *ереси.* Онъ—даровитый, вѣрный и непреклонный хранитель завѣщаннаго ему сокровища; но само сокровище это, но самый этотъ кладъ отысканъ не имъ и онъ пускаетъ его въ оборотъ теперь почти безъ процентовъ. Вотъ уже болѣе четверти вѣка онъ не даетъ забыть русскимъ людямъ это симпатичное ученіе. Заслуга эта, конечно, очень велика; она даже весьма индивидуальна, своеобразна по отношенію къ другимъ его *современникамъ, но по отношенію ко всей группѣ* славянофиловъ 40-хъ годовъ она недостаточно индивидуальна... Когда люди будущаго нашего оглянутся назадъ, когда это будущее станетъ настоящимъ, они увидятъ въ исторіи второй половины XIX вѣка *соборъ,* такъ сказать, этихъ замѣчательныхъ и безукоризненныхъ русскихъ людей, и почтятъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ почтеніемъ благодарной любви и, конечно, тому, кто дольше всѣхъ и *при новыхъ условіяхъ* жизни оставался вѣренъ старому ученію, выпадетъ на долю не малая слава!

Но все таки гражданская роль г. Каткова *индивидуальнѣе* подобной роли, не говоря уже о громадной силѣ его непосредственнаго, практичнаго, немедленнаго всегда вліянія... Это умѣнье выразить ясно, сильно и даже изящно, и главное—*во-время—именно то,* о чемъ думаютъ и безпокоятся столькіе другіе люди, государству искренно преданные... это умѣнье у редактора *Московскихъ Вѣдомостей* поистинѣ изумительно и геніально!...

Говоря о славянофилахъ, надо также вспомнить, что есть еще одинъ человѣкъ, повидимому, непризнаваемый вполнѣ славянофилами за своего, а между тѣмъ объяснившій *сущность* ученія славянофильства гораздо лучше и яснѣе всѣхъ

родоначальниковъ этого ученія, это—*Н. Я. Данилевскій.* Онъ написалъ одну только книгу: „Россія и Европа“. Книга эта, въ первый разъ, опредѣлила, что настоящее славянофильство есть не *простой панславизмъ* и никакая попало *любовь къ славянамъ,* а стремленіе къ *оригинальной культурѣ,* (все равно—враждой или любовью, деспотизмомъ или свободой купленной); стремленіе къ *своеобразной* (на западную вовсе не похожей) *цивилизаціи,* долженствующей поглотить и претворить въ себѣ европеизмъ, подобно тому какъ Европа поглотила и претворила въ себѣ римскую, древне-греческую и отчасти византійскую цивилизацію (въ церковномъ ученіи своемъ). Въ сущности, Данилевскій есть болѣе нежели кто-нибудь *настоящій истолкователь* и *независимый ученикъ* Кирѣевскаго и Хомякова; и оба эти старые славянофилы, по отношенію къ нему, являются только предтечами.

Что жъ сдѣлать съ этимъ авторомъ *Россіи и Европы,* съ этимъ одинокимъ мыслителемъ, съ этой книгой, которая должна стать какъ бы фундаментомъ и катехизисомъ для всѣхъ *настоящихъ* славянофиловъ, т. е. для людей, *предпочитающихъ дѣло культурнаго обновленія выбору путей или средствъ.*

Итакъ, изъ славянофиловъ *ни одинъ отдѣльно взятый* человѣкъ не явился въ результатѣ и ширинѣ своего *вліянія* и своей *дѣятельности* настолько сильнымъ и, такъ сказать, литературно и политически *крупнымъ,* настолько *отдѣльно стоящимъ на большой высотѣ,* чтобы положеніе и роль его можно было на поприщѣ гражданскомъ уподобить положенію и роли Пушкина на поприщѣ поэзіи... Славянофиловъ можно (*и должно даже*) изобразить всѣхъ вмѣстѣ, въ видѣ группы; но и то только въ такомъ случаѣ, если Россія, присоединивъ *просто и безъ долгихъ разговоровъ* Константинополь и Дарданеллы, *немедленно станетъ во главѣ совершенно анти-европейскаго движенія, долженствующаго ознаменовать новый періодъ своеобразнаго творчества въ исторіи человѣчества,* періодъ, подобный тому, въ который нѣкогда вступила и Западная Европа, отдѣлившись отъ восточнаго православія и создавъ себѣ папскій Римъ и *своего* Кесаря, въ лицѣ Карла Великаго.

Иначе, если этого не будетъ, то славянофилы представятся потомству тѣмъ, чѣмъ они кажутся и намъ *въ минуты* (весьма я думаю простительнаго) невѣрія въ самобытность славянскаго генія, т. е. благородными и высоко-одаренными мечтателями, которымъ надо отдать дань глубокаго личнаго уваженія, но которыхъ мысли и дѣйствія не были ни *вполнѣ* пророческими для будущаго, ни *поразительно* вліятельными въ современномъ имъ настоящемъ. Что касается до меня лично, то я расположенъ *скорѣе вѣрить*, чѣмъ *не вѣрить* въ будущее торжество славянофильскихъ *основъ*.

Еще одно предположеніе. Пусть это предположеніе примутъ, пожалуй, за абсурдъ, подобно тому, какъ въ геометріи предполагаютъ, что прямые углы не равны или, что двѣ параллельныя линіи могутъ сойтись и пересѣчь гдѣ-то другъ друга, не переставая быть параллельными. Предположимъ, что то мирное, но очень быстрое подтачиваніе всѣхъ дисциплинирующихъ и сдерживающихъ началъ, которое съ такимъ ловкимъ упорствомъ производится теперь *) вездѣ въ Россіи, привело бы неожиданно для однихъ, утѣшительно для другихъ, къ полному торжеству нигилистовъ?

Какъ вы думаете, гг. либералы, *вамъ* они что ли поставятъ памятникъ? Нѣтъ! Соціалисты вездѣ (а особенно наши Марки Волоховы и Базаровы) вашъ умѣренный либерализмъ презираютъ... Французскіе соціалисты и вообще крайніе радикалы презираютъ всѣхъ этихъ Эм. Жирарденовъ, Тьеровъ и Ж. Фавровъ... И они правы въ своемъ презрѣніи... И какъ бы ни враждовали эти люди противъ *настоящихъ охранителей* или противъ формъ и пріемовъ охраненія, имъ неблагопріятнаго, *но всѣ существенныя стороны охранительныхъ ученій имъ самимъ понадобятся*. Имъ нуженъ будетъ *страхъ*, нужна *будетъ дисциплина*; имъ понадобятся *преданія покорности, привычка къ повиновенію*; народы, удачно *(положимъ)* экономическую жизнь свою пересоздавшіе, *но ничѣмъ на землѣ все-таки неудовлетворимые*, воспылаютъ тогда новымъ жаромъ къ *мистическимъ ученіямъ* и т. д.

---

*) *Теперь*—значитъ тутъ 80-й годъ. *Нынче*—въ концѣ 1885-го года—*я бы этого не написалъ*. Прим. авт. 1885 года.

Да, конечно, если анархическіе соціалисты восторжествуютъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь, то они отдадутъ справедливость скорѣе консерваторамъ, сохранившимъ для ихъ новыхъ порядковъ, своей борьбой *хотя какія-нибудь драгоцѣнности прежней цивилизаціи, прежнихъ психическихъ привычекъ*, чѣмъ тѣмъ представителямъ осторожнаго, ловкаго и своекорыстнаго отрицанія, которыхъ зовутъ либералами и которыхъ настоящее имя должно быть: *легальные революціонеры*—и больше ничего...

И наши нигилисты, если бы и дождались когда-нибудь *столь непріятнаго для насъ счастья*—ставить памятники, то поставятъ они ихъ не Бильбасову, не *Молвѣ*, а *своимъ*: Бакунину, Добролюбову, Писареву... Даже и не Герцену, ибо у Герцена, какъ у бога Януса, два лица, и самое пріятное изъ нихъ, самое прекрасное и *полное искренности, по выраженію своему, обращено къ полу-дворянскому, полу-мужицкому прошедшему Россіи*, а не къ демократической революціи!

Это „ужасное“, это „презрѣнное“, это „рабское“ и „гнусное“ *прошедшее* наше было, вѣдь, такъ бѣдно чувствами и содержаніемъ, что вскормило геній Пушкина и воспитало самого Герцена этого, наложивши печать феодальной поэзіи и барскаго изящества на самое революціонерство его, въ которомъ было больше эстетическаго каприза, чѣмъ дѣйствительнаго и постоянно-искренняго сочувствія разрушительному движенію.

Да! Нигилисты, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны и смѣлы въ своей преступной логикѣ, въ своемъ отверженіи! Они жаждутъ разрушенія, жаждутъ крови и пожарищъ, и отдаютъ за это звѣрское безуміе жизнь свою... А *вы, вы*, не идущіе на столь опасную игру?.. Не будутъ ли правы эти люди анархіи, если отвергнутъ васъ и отвѣтятъ вамъ когда-нибудь стихами того самаго Пушкина, котораго вы чтите съ виду *не потому, что имѣете съ нимъ что-нибудь общее въ духѣ*, а потому лишь, что хотите *эскамотировать его славу въ пользу вашего кислаго направленія!* Не скажутъ ли они про васъ съ презрѣніемъ:

Они на брачное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ;

Прельстясь добычей боевою
Теперь, въ раскаяньи свсемъ,
Рекутъ: „возьмите насъ съ собою“;
Но вы скажите: „не возьмемъ!“

Не дай Богъ, впрочемъ, ни намъ, ни *даже и вамъ* до этого дожить!

Примѣч. 1885 г. Быть можетъ, во всемъ этомъ найдутся какія-нибудь *фактическія* ошибки; но я уже сказалъ, что въ Москвѣ самъ не былъ, а судилъ по газетнымъ сообщеніямъ. Если и такъ, то теперь провѣрять подробности уже поздно. И потому: *еже писахъ—писахъ*!

Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?

(*Варшавскій Дневникъ 1880 г.*).

У насъ давно уже говорятъ о „сближеніи“ или даже о „сліяніи“ съ народомъ. Говорятъ объ этомъ не только агитаторы, неудачно пытавшіеся „ходить“ въ этотъ народъ; не только умѣренные либералы, желающіе посредствомъ училищъ, земской дѣятельности и т. п., мало-по-малу передѣлать русскаго простолюдина въ нѣчто имъ самимъ подобное (то есть—національно-безличное и безцвѣтное); о подобномъ „сближеніи“ говорятъ, хотя и нѣсколько по-своему, даже и люди охранительнаго, или, скажу сильнѣе, слегка реакціоннаго взгляда (я говорю *слегка*, ибо сильно реакціоннаго взгляда людей у насъ очень мало и они до сихъ поръ еще не вліятельны).

Но какъ понимаютъ эти умѣренные охранители подобное „сближеніе“,—вотъ въ чемъ вопросъ?

По нашему мнѣнію, нужно не столько *сліяніе интересовъ*, сколько *сходство идей*. Не намъ надо учить народъ, а самимъ у него учиться. Мы *современные* европейцы, а народъ нашъ не европеецъ; скорѣе его можно назвать византійцемъ, хотя и не совсѣмъ, вотъ чѣмъ онъ лучше и выше насъ. Для насъ вопросъ рѣшается такъ: *если культурная солидарность наша съ Западомъ неотвратима* и *неисцѣлима, то національное дѣло наше разъ навсегда проиграно*. Чтобы объяснить безъ обычныхъ въ литературѣ нашей ужимокъ, какъ мы понимаемъ эти ужасныя слова (которыя произнести даже и наединѣ съ самимъ собою страшно), мы должны сказать вотъ что: правы ли мы, или нѣтъ, это другой вопросъ; но мы думаемъ, что

всѣ государства западной Европы должны въ неслишкомъ продолжительномъ времени *отречься* рѣшительнѣе прежняго *отъ всего того, что составляло національныя основы ихъ государственнаго быта, и принять форму республикъ.* Сольются ли они постепенно всѣ въ одинъ атеистическій союзъ, или сгруппируются сперва только *по племенамъ*, или наконецъ, эти *безцерковныя* республики останутся приблизительно въ предѣлахъ тѣхъ государствъ, изъ которыхъ онѣ выродятся и будутъ жить бокъ-о-бокъ, подобно республикамъ Средней и Южной Америки, не сливаясь *государственно*, но ничѣмъ почти *культурно* и не разнясь другъ отъ друга, все это вопросъ второстепенныхъ оттѣнковъ, для насъ, славянъ, не слишкомъ существенныхъ; ибо во всѣхъ этихъ случаяхъ республиканскій Западъ будетъ еще враждебнѣе Русской Имперіи и союзу восточно-православныхъ народовъ, чѣмъ была Европа монархическая. Подобно Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, не пожелавшимъ выносить въ Мексикѣ сосѣдства сильной имперіи, республики европейскаго Запада будутъ тяготиться формой нашего правленія, прилагать всѣ старанія, чтобы измѣнить ее у насъ, даже и посредствомъ насилія. Подробнѣе здѣсь объ этомъ я распространяться не буду. Мнѣ кажется, это и такъ ясно.

Я не намѣренъ также на этотъ разъ „предсказывать“, каковъ долженъ стать основный *экономическій строй* этихъ европейскихъ республикъ: „мѣщанскій“, т.-е. либеральный, подобно строю нынѣшней Франціи, или *принудительно-соціалистическій...* Хотя эта сторона вопроса для славянъ и Россіи несравненно существеннѣе и важнѣе, но именно, вслѣдствіе этой первостепенной важности дѣла, объ немъ нельзя говорить слегка въ статьѣ, имѣющей другую, спеціальную цѣль. На этотъ разъ я позволю себѣ только мимоходомъ замѣтить еще вотъ что: во всѣхъ государствахъ и у всѣхъ націй нашего времени всѣ однородныя охранительныя силы находятся въ постоянной между собою борьбѣ; государство воюетъ съ государствомъ; религія съ ожесточеніемъ борется противъ другой религіи; представители одной аристократіи противятся остаткамъ другой знати, или послѣднимъ

могиканамъ другого дворянства; даже либеральная или полулиберальная буржуазія—и та, подъ знаменемъ націоналъ-либерализма, выступаетъ охотно и нерѣдко на бой, даже и кровавый, противъ буржуазіи сосѣдней, ведомой подъ точно такимъ же государственно-племеннымъ штемпелемъ, и т. д. Въ *эти минуты* буржуазія даже и отъ ежедневно попираемой ею религіи вовсе не прочь!

Всѣ охранительныя силы Европы, говорю я, находятся теперь въ постоянной и непримиримой борьбѣ между собою и объединить ихъ еще разъ такъ, какъ объединились онѣ въ первой половинѣ XIX вѣка для борьбы противъ Франціи и противъ напора ея демократическихъ насилій, оказывается невозможнымъ во второй половинѣ истекающаго вѣка. *Согласны вездѣ между собой только одни анархисты, коммунисты и тѣ, которые имъ потворствуютъ.* Они согласны, и число ихъ ежегодно и повсемѣстно растетъ; они убѣжденнѣе, тверже, рѣшительнѣе людей всѣхъ другихъ партій и ученій. Идеалъ ихъ простъ и ясенъ. *Разрушить все прежнее,* расторгнуть всѣ преграды; сначала анархія, организація—позднѣе; она придетъ сама собою. Это послѣдовательно и даже сравнительно легко; ибо созданіе новаго и даже охранительная поддержка разъ созданнаго гораздо труднѣе разрушенія.

Вотъ состояніе дѣлъ во всей Европѣ, вотъ *общее теченіе* историческаго потока... Я думаю, никто этого отрицать не можетъ?

Въ виду всего подобнаго, мнѣ кажется, что для насъ весь *роковой вопросъ* долженъ состоять въ томъ: сумѣетъ ли славянское племя во-время оградить себя отъ напора, не скажемъ—соціалистическихъ (ибо *соціализмъ*, понятый только съ *экономической* стороны, можетъ принять и *охранительный характеръ*), а скажемъ—просто *разрушительныхъ* волнъ и обойти это теченіе по своему собственному руслу?.. Или оно осуждено исторіей и темпераментомъ своимъ на вѣчное умственное рабство и должно тоже, хотя и нѣсколько позднѣе другихъ, отдать на закланіе всѣ лучшія историческія начала свои? Мы думаемъ, что нѣтъ мыслящаго человѣка въ Россіи, который бы позволилъ себѣ *еще теперь*, даже въ умѣ своемъ и съ глазу на глазъ съ своею совѣстью, *про-*

изнести рѣшительный отвѣтъ! При взглядѣ на иныя стороны нашей русской жизни—кажется болѣе вѣроятнымъ послѣдній, ужасный исходъ; при воспоминаніи о другихъ, оживляются надежды. Нельзя, разумѣется, не отчаяваться въ будущности славянства, когда слышишь, напримѣръ, что множество русскихъ людей, ожидаютъ спасенія Россіи отъ „дальнѣйшихъ либеральныхъ реформъ" или скажемъ яснѣе—отъ демократической *конституціи*. Нельзя не ужаснуться за наше будущее, когда съ изумленіемъ начинаешь понимать, что соотечественники наши хотятъ лѣчить насъ отъ крайняго европейскаго радикализма тѣмъ же самымъ радикализмомъ только постепеннымъ и умѣреннымъ. Или еще, когда встрѣчаешь иного рода заблужденіе, уже не въ либеральномъ, а въ консервативномъ лагерѣ. Есть у насъ, напримѣръ, консерваторы, которыхъ мнѣнія и наклонности мы чрезвычайно уважаемъ; но не можемъ не указать на то, что и онѝ часто не въ силахъ перенестись на ту настоящую точку зрѣнія, которая одна можетъ открыть намъ глаза на наши ошибки и несчастія. Есть консерваторы, которые желаютъ все того же *сближенія* съ народомъ. Они сокрушаются о томъ, что русскій народъ русскую „интеллигенцію" *не любитъ*. Это *не государственная, не объвктивная* мысль; это чисто личное порожденіе невольнаго какого-то страха, или оскорбленное чувство добраго и честнаго человѣка, считающаго себя передъ „народомъ" ни въ чемъ неповиннымъ.

Съ точки зрѣнія *государственной* надо, напротивъ того, *радоваться*, что народъ „интеллигенцію" *нашего времени* не очень любитъ, что она ему *не нравится*.

Пускай въ средѣ этой „интеллигенціи" есть прекрасные и гуманные люди, пусть мы сами принадлежимъ къ ней, все-таки надо *радоваться*, что эта „интеллигенція" такъ непопулярна, несмотря на всю теперешнюю гуманность свою.

Радоваться надо этому потому, что идеи и политическіе вкусы, господствующіе въ интеллигенціи *все заимствованные*, а у народа идеи и вкусы все *свои*; сближаясь съ народомъ, мы только вредимъ ему; вредимъ не въ томъ какомъ-нибудь грубомъ смыслѣ, что мы его обманываемъ или грабимъ,

или можемъ отстранить его отъ какихъ-нибудь вещественныхъ благъ, а въ томъ *болѣе важномъ смыслѣ*—что мы почти нечаянно учимъ его *европейству* и не можемъ не учить, потому что сами до сихъ поръ выдумать ничего не были въ силахъ и въ дѣлѣ творчества національнаго стоимъ гораздо ниже азіатскихъ народовъ: индусовъ, китайцевъ, мусульманъ, у которыхъ все почти *свое*.

Поэтому польза (или даже *спасеніе* наше)—не въ *смѣшеніи* съ народомъ и не въ *практическомъ* какомъ-нибудь съ нимъ *соглашеніи*, а въ *сходствѣ съ нимъ, въ* нѣкоторомъ, такъ сказать, *подражаніи ему*. Вотъ чего не различаютъ, и что въ высшей степени важно. Славянофилы какъ будто понимали это, но въ ихъ ученіи есть одна чрезвычайно слабая сторона—это *эгалитарный либерализмъ. Ни одинъ изъ нихъ не обратилъ вниманія на то, что при томъ сліяніи или смѣшеніи съ народомъ, которое они такъ всегда хвалили, не народъ слиняетъ, такъ сказать, на насъ своими яркими національными цвѣтами, а мы заразимъ его нашими европейскими міазмами*, потому что мы все-таки сильнѣе его ежедневнымъ нашимъ вліяніемъ... *Юридическое сословное раздѣленіе* было полезно для сохраненія національнаго типа. Объясняюсь проще и нагляднѣе. Между прежнимъ привилегированнымъ и „передовымъ" все таки для своего времени дворянствомъ и крѣпостными крестьянами, даже между тѣмъ же „онѣмеченнымъ и офранцуженнымъ" дворянствомъ *и благотворно отставшимъ* купечествомъ стояла каменная стѣна юридическихъ правъ и привилегій. Пороки крестьянства и стараго купечества были пороками *личными; національно*, въ смыслѣ *общаго типа*, оба эти сословія были почти всегда безукоризненны; дворянство же, во многихъ случаяхъ *лично* почтенное *и государственно* всегда чрезвычайно доблестное, съ точки зрѣнія *національно культурнаго типа* было ниже и хуже не только китайскихъ мандариновъ, но даже и турецкихъ пашей и беевъ, которыхъ, по крайней мѣрѣ, рѣзкія особенности ихъ религіи *принуждаютъ не все* свое уступать европеизму, не всѣ обычаи, не всѣ повѣрія, не всѣ юридическія понятія и т. д.

Пока наше, частью вполнѣ, частью полу-европейское

дворянство было отдѣлено отъ низшихъ классовъ той стѣною привилегій, о которыхъ я говорилъ выше, оно могло вредить народу только вещественно, стѣснять его волю, наносить безнаказанно ему личныя оскорбленія, пользоваться иногда неразумно и жестоко даровымъ трудомъ мужика, брать съ купца взятки безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Все это такъ; но оно не могло тогда вредить народу *духовно, государственно, воспитательно, религіозно и культурно, стирая своимъ примѣромъ и вліяніемъ драгоцѣнныя черты его національнаго характера.* Нанесенію этого рода вреда (несравненно болѣе существеннаго, чѣмъ вредъ матеріальный и личный въ глазахъ того, кто понимаетъ, что значатъ слова: *государство, нація, культурный типъ!*),—нанесенію этого вреда препятствовали тогда глубокіе предразсудки и закоренѣлыя привычки обѣихъ сторонъ. Эгоизмъ и открытое презрѣніе высшихъ привилегированныхъ—съ одной стороны, апатія и скрытое отвращеніе низшихъ—съ другой, спасали культурный стиль народа. Высшіе *не спѣшили учить* и ласкать низшихъ, привлекая ихъ этой лаской постепеннно къ подражательности. Низшіе съ своей стороны смотрѣли на „господъ", какъ на нѣчто чуждое, „нѣмецкое" и даже весьма противное не потому именно, что „наказываетъ" и „заставляетъ на себя работать", а потому, что „въ узкомъ и короткомъ платьѣ ходитъ, посты плохо соблюдаетъ и т. д..." Купцы „московскаго типа" на дворянъ не работали, не зависѣли прямо отъ нихъ и нерѣдко въ частныхъ случаяхъ преобладали надъ ними; но и они чувствовали этого рода *культурное* отвращеніе къ европейскому стилю дворянства. Возьмемъ одинъ примѣръ. Я помню крѣпостное право; я выросъ на немъ; полъ-жизни моей прошло при его условіяхъ, и только во второй ея половинѣ (30-ти лѣтъ) я увидалъ новые порядки. Я спрошу: когда слуги и простолюдины вообще строже содержали православные посты—тогда, или теперь? И тогда многіе „господа" ѣли и въ страстную пятницу мясо; и тогда были здоровенные молодые люди до того изломанные нравственно, что увѣряли будто одна недѣля поста разстраиваетъ ихъ желѣзное здоровье. Но въ то время не только мужикъ, который изъ своего маленькаго

окна издали и невнимательно смотрѣлъ на барскіе хоромы, плохо даже и понимая, что тамъ происходитъ, но и *слуги* въ домѣ какъ-то не заражались нашимъ примѣромъ. Я помню слово одного 20-лѣтняго двороваго нашего. Я былъ тогда *студентомъ* и спросилъ его:

— Мнѣ вотъ ничего, что я ѣмъ скоромное; а ты не хочешь ни за что. Отчего это?—Онъ же отвѣчалъ мнѣ съ улыбкой:

— Мы понимаемъ это такъ, что *господа отъ счастья забылись... Вотъ и все!..*

Чѣмъ больше равенства, больше общенія, больше даже откровенныхъ бесѣдъ, больше взаимнаго пониманія, чѣмъ больше нравственнаго *вліянія* сверху внизъ, со стороны болѣе *свѣдущей*, но культурно *болѣе испорченной* (ибо культура не *въ массѣ знаній*, а въ живомъ *своеобразномъ освѣщеніи* этого умственнаго хаоса), чѣмъ меньше сословнаго *отчужденія*, *тѣмъ легче обще-либеральная зараза*. Поэтому говорю: тотъ, кто понимаетъ до чего дорогъ культурный, національный стиль для нашего государства, до чего спасительно можетъ быть теперь для славянства постепенное сверженіе *умственнаго ига* Европы, тотъ долженъ желать не дальнѣйшаго вліянія „интеллигенціи" нашей на простолюдина русскаго, а наоборотъ,—онъ долженъ искать наилучшихъ способовъ и наилегчайшихъ *путей подражанія мужику*.

Дѣло теперь не въ дальнѣйшемъ уравненіи *правъ* (главнымъ и послѣднимъ уравненіемъ было бы столь убійственное для порядка разрѣшеніе крестьянамъ продавать личные земельные участки); спасеніе не въ какихъ-нибудь дѣловыхъ юридическихъ, земскихъ и т. п. соглашеніяхъ, или сближеніяхъ съ народомъ, а въ *развитомъ возстановленіи* его *идеаловъ, вѣрныхъ и самобытныхъ, но загрубѣлыхъ* въ его бѣдныхъ рукахъ, и потому и намъ не всегда достаточно ясныхъ, и даже въ самомъ простолюдинѣ нѣсколько менѣе утвержденныхъ, чѣмъ могли бы быть утверждены въ немъ эти самые идеалы, если бы *сближенная* уже съ нимъ теперь реформами интеллигенція подавала ему сама поразительный примѣръ развитаго, самосознательнаго, я готовъ даже сказать, *над-*

меннаго въ независимости своей культурнаго руссизма! Я попытаюсь доказать (какъ умѣю), что достичь этого возможно (и даже легко) на нѣсколькихъ, быть можетъ, даже и на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. И прежде всего на поприщѣ научно-философской мысли.

Я сказалъ, что намъ *нужно* вовсе *не смѣшеніе съ народомъ, а сходство съ нимъ.* Я говорилъ, что польза не въ юридическомъ сліяніи всѣхъ со всѣми, и спасеніе не въ земскомъ какомъ-нибудь или вообще *дѣловомъ сближеніи* высшихъ слоевъ общества съ низшими; не въ воспитательномъ, наконецъ, воздѣйствіи *русскихъ европейцевъ* на ихъ *еще неиспорченныхъ культурно* „меньшихъ братій"; спасеніе наше *не въ практическомъ*, а въ *идеальномъ* сближеніи съ простолюдиномъ нашимъ; то есть, говоря яснѣе и проще, въ *подражаніи мужику, въ развитомъ возстановленіи* его идеаловъ, вѣрныхъ и самобытныхъ, но *загрубѣлыхъ* и потому не всегда ясныхъ даже и ему самому. Вовсе не надо быть непремѣнно *равнымъ* во всемъ мужику, нѣтъ даже вовсе особенной нужды *быть всегда любимымъ* имъ и *силиться всегда* самому любить его *дружественно*: надо любить его *національно, эстетически*, надо любить его *стиль. Нужно быть съ нимъ схожимъ въ основахъ.*

Напримѣръ, простолюдинъ любитъ Царя не за то только, что онъ *сдѣлалъ* для него вотъ *то-то* и *то-то*, а *за то именно, что Онъ—Царь!* И мы должны понять, что слишкомъ далеко простертыя идеи демократическаго индивидуализма и т. п. съ серьезнымъ взглядомъ на самодержавіе рѣшительно не совмѣстимы. Мы должны разсуждать такъ: „Русскій Царь по существенному атрибуту его власти, по основнымъ законамъ государства имѣетъ право на всякое дѣйствіе *кромѣ одного:—кромѣ дѣйствія самоограниченія.* „*Самодержецъ не можетъ перестать быть самодержцемъ*". Ибо пословица русская говоритъ: „*умъ* хорошо, а два лучше того"... *Умъ*,—т.-е. разсужденіе, совѣтъ... Она не говоритъ, что *двѣ воли* или *двѣсти волей лучше одной.* Это большая разница—*умъ* и *воля*! Къ тому же во всѣхъ палатахъ или національныхъ собраніяхъ, конечно, *не умъ же кладетъ шары,* утверждаетъ законы и свергаетъ министровъ, а *воля*, то-есть ле-

гально организованная игра интересовъ и страстей. *Умъ* въ дѣлахъ конституціонныхъ собраній играетъ весьма второстепенную роль, какъ и всякій умъ, *вездѣ*, когда приходитъ минута *практическаго дѣйствія; его въ послѣднюю минуту* выбора обыкновенно замѣняетъ *нѣчто другое*, какая-то совокупность нашихъ силъ: нравственныхъ, тѣлесныхъ и отчасти только умственныхъ. И сверхъ того, развѣ въ эти палаты и собранія выбираются всегда самые умные люди? Всякій знаетъ, что нѣтъ. Пошлость и пустота конституціонныхъ собраній была прекрасно изображена недавно Daudet въ его „Набабѣ"... Всякій читатель, неподкупленный желаніемъ самому стать депутатомъ, чувствуетъ, что Daudet правъ и вовсе не клевещетъ. И еще гораздо прежде его Добролюбовъ очень удачно осмѣивалъ западныя „говорильни". Въ этомъ необходимо Добролюбову отдать справедливость.

Вотъ одинъ, очень простой, простой примѣръ тому, какъ міросозерцаніе простого человѣка можетъ совпадать съ убѣжденіями и *политическими вкусами,* такъ сказать, образованнаго русскаго. И можно даже сказать прямо, что тѣ изъ насъ, которыхъ умъ *доросъ* до этихъ убѣжденій и *далеко переросъ* понятія *современнаго* западно-мѣщанскаго права, обязаны, въ большинствѣ случаевъ, *живому примѣру* русскаго мужика. *Первоначальная*, либеральная испорченность нашего воспитанія, встрѣчаясь въ жизни со стихійной мощью мужицкаго міровоззрѣнія, заставляетъ насъ краснѣть за себя; презрѣніе къ *прогрессивной* Европѣ, котораго не можетъ не чувствовать въ *наше время* русскій человѣкъ, *добросовѣстный мыслію,* располагаетъ насъ искать иныхъ путей, и эти пути—*тутъ, они такъ близко,*—они *за сохою*; они въ сельской церкви; они подъ соломенной крышей, въ дыму курной избы; они въ этихъ—*полукрестьянскихъ монастыряхъ* нашихъ.

„Русскій" смыслъ не въ массѣ знаній, подавляющихъ только слабые умы большинства учащихъ и учащихся, а въ *способѣ освѣщенія этихъ знаній,* этой массы фактовъ въ такъ называемомъ „выходѣ въ жизнь".

Мужикъ, напримѣръ, не только молясь въ церкви, но даже и сидя въ кабакѣ, уже тѣмъ уменъ и хорошъ, что онъ

въ *прогрессъ* не вѣритъ (т.-е. въ прогрессъ *благоденственный и вѣчный*). Онъ, когда ему случается подумать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ хозяйства, податей и водки, думаетъ, что „всѣ мы подъ Богомъ“, и „все отъ Бога!“

Поэтому ему сразу (пока наше вліяніе его еще не исказило) покажется даже смѣшнымъ, если онъ услышитъ, что какіе-то французы и нѣмцы надѣются усиліями своего разума устроить на землѣ если не рай, то что-то приблизительное. И для этого одни насиліемъ, бунтами, кинжалами, динамитомъ, а другіе — „машинами“ и „постепенностью“, „говорильнями“ и т. д. хотятъ разрушить все то, что было создано мудростью вѣковъ. Простолюдинъ найдетъ эту затѣю глупою. Такъ мыслитъ мужикъ, когда онъ удосужится помыслить; такъ думаетъ онъ полусознательно, не размышляя много и дѣйствуя сообразно съ этой стихійной, темной думой своей, онъ *покоряется*, вѣритъ и крестится.

Развѣ такое міровоззрѣніе есть непремѣнно удѣлъ одной простоты и невѣжества? Ничуть!

Такое воззрѣніе на неизбѣжность въ жизни страданій, зла, обидъ, разочарованій и даже ужасовъ, на *невозможность* устранить все это *разумомъ, наукой, и гражданской правдой* и даже на *огромную, косвенную пользу* всѣхъ этихъ золъ вовсе не принадлежитъ только *незнанію,* или такъ называемой „наивности“. Такое воззрѣніе на жизнь имѣетъ даже и въ области философской мысли *особое названіе*; этотъ родъ міросозерцанія зовется *пессимизмомъ*, (pessimus по-латыни, какъ многимъ извѣстно, значитъ *наихудшій*, optimus — *наилучшій*, отсюда оптимизмъ, т.-е. ученіе о томъ, что *все* идетъ къ *наилучшему.* Впрочемъ, эти термины, грамматически или филологически прямо противуположные, въ философскомъ смыслѣ не всегда удачно противополагаются другъ другу. Если мы философскому и религіозному пессимизму (т.-е. — *зло должно быть* и, кто знаетъ, можетъ быть *все* на землѣ *идетъ къ худшему*, напр., къ разрушенію), противоположимъ такой сложный терминъ: *оптимизмъ прогрессивно-эвдемоническій,* то-есть *поступательно-благоденственный,* — то, мнѣ кажется, что это будетъ точнѣе.

Я сказалъ, что не однимъ только простымъ или невѣжественнымъ, какъ говорится, людямъ свойственно придерживаться пессимистическаго невѣрія въ благоденственный прогрессъ.

Всѣ положительныя религіи, создавшія своимъ вліяніемъ, прямымъ и косвеннымъ, главнѣйшія культуры земного шара, — были ученіями *пессимизма, узаконявшими* страданія, обиды и неправду земной жизни. Даже „свѣтлая“, какъ говорятъ, религія грековъ и та учила, что „боги завидуютъ счастью людей и мучаютъ ихъ“. Вспомнимъ только великія трагедіи Софокла, гдѣ столько „органически сросшихся съ жизнью“ неправдъ и горестей терзаютъ людей!

При всемъ этомъ сознаніи бѣдствій земной жизни, греки никогда не надѣялись на какой-то прогрессъ, долженствующій сдѣлать *человѣка счастливымъ.* Замѣчательно, что всѣ лучшіе мыслители древности были болѣе или менѣе консерваторами. Вся древняя греко-римская мысль была направлена или на сохраненіе *государства*, или же на *личное эстетическое наслажденіе, преходящее,* и потому именно драгоцѣнное. Идея прогресса (*или улучшенія жизни для всѣхъ*) есть выдумка нашего времени; она есть ничто иное, какъ ложный продуктъ демократическаго разрушенія старыхъ европейскихъ обществъ. Безсознательный обманъ, самообольщеніе, могучее орудіе постепеннаго разстройства въ незримой рукѣ историческаго рока. *Человѣчество всегда въ чемъ-нибудь ошибалось.* Оно ошиблось и теперь, воображая, что *созидаетъ нѣчто, уравнивая* общество во имя *правъ и благоденствія.* Оно этимъ приготовляетъ лишь размягченную почву для *новаго,* какого-то (*юридическаго даже*) *неравенства*, для новаго рода страданій, для новаго рода *организованной* муки! Человѣчеству размышленія мало; ему нуженъ *опытъ. И опытъ* будетъ! И мысль *о прогрессѣ равномѣрнаго счастья* будетъ снова отвергнута.

Возвращаюсь къ *пессимизму*. Всѣ христіанскіе мыслители были тоже своего рода пессимистами. Они даже находили, что зло, обиды, горе въ высшей степени намъ *полезны* и даже необходимы; такъ что христіанское міровоззрѣніе съ этой стороны можно назвать—*оптимистическимъ пессимизмомъ.* При-

водить цитаты изъ христіанскихъ писателей ни древнихъ, ни современныхъ я не буду много. Пусть кто хочетъ заглянетъ самъ. Я приведу только два примѣра: одинъ древній, другой такъ сказать, вчерашній. Древняя цитата моя будетъ точная, а новѣйшая, прошу простить мнѣ, немного „по памяти".

Первый примѣръ мой будетъ изъ книги Блаженнаго Августина „О градѣ Божіемъ" (De civitate Dei). Готѳы взяли Римъ, разграбили его и произвели въ немъ множество всякаго рода злодѣйствъ и насилій. Блаженный Августинъ въ своей книгѣ утѣшаетъ пострадавшихъ христіанъ и возражаетъ по этому поводу язычникамъ (ихъ было еще въ его время много). Учитель Церкви находитъ, что всѣ эти страданія и оскорбленія были христіанамъ нравственно *полезны*. Въ одномъ мѣстѣ у него мы находимъ слѣдующее:

„Но многіе христіане, говорятъ они (т.-е. язычники), были уведены въ плѣнъ"... „Это дѣйствительно было бы величайшимъ несчастіемъ, *если бы они могли быть уведены въ какое-нибудь такое мѣсто, гдѣ не нашли бы своего Бога*". И только. Самъ по себѣ плѣнъ не есть еще самое великое несчастіе.

И еще, убѣждая не сокрушаться о томъ, что многія тѣла не были погребены послѣ избіеній, Бл. Августинъ говоритъ такъ:

...„и если отсутствіе и такихъ необходимыхъ для поддержанія жизни людей живыхъ вещей, какова пища и одежда, *хотя и причиняетъ страданіе,* не уничтожаетъ въ добрыхъ силы терпѣть и переносить лишенія, и не вырываетъ изъ души благочестія, а *напротивъ дѣлаетъ его болѣе плодовитымъ:* то не тѣмъ ли болѣе"... и т. д. (слѣдуетъ о непогребенныхъ тѣлахъ и утѣшенія роднымъ и друзьямъ, которые при опустошеніи города не могли этого сдѣлать).

Далѣе:

— „Много христіанъ было *убито*... И это не важно. Не важно какимъ родомъ смерти умретъ человѣкъ, а *куда онъ пойдетъ послѣ смерти?* Хороша ли была его жизнь или худа?... и т. д.

— „Многіе были ограблены? Потеряли богатства и т. д.?..

— Потеряли они вѣру?— спрашиваетъ Бл. Августинъ.

— Потеряли благочестіе?—Если они ихъ не потеряли, то что значитъ потеря богатства?... Тотъ, кто будучи богатымъ, не привязывался къ нему, тотъ спокоенъ; а тѣ, которые были послабѣе, которые, хотя и не предпочитали этихъ земныхъ благъ Христу, были однако же хотя съ нѣкоторою страстностью привязаны къ нимъ, тѣ, теряя ихъ, *почувствовали насколько, любя ихъ, грѣшили. Вотъ главная польза* — сознаніе своей *грѣховности...* Остальное — не важно. Утѣшенія въ этомъ родѣ Бл. Августиномъ предлагаются даже тѣмъ изъ молодыхъ христіанокъ, изнасилованныхъ готѳами, которыя сокрушались объ утратѣ дѣвственности и чистоты. Оправдывая пострадавшихъ тѣмъ, что *воля* ихъ въ чужомъ грѣхѣ не участвовала, онъ прибавляетъ, что нѣкоторымъ это насильственное оскверненіе тѣла было *полезно* для уничтоженія той *нравственной гордости*, которая могла быть имъ свойственна прежде, при строгомъ соблюденіи цѣломудрія.

Такъ какъ грабежъ и опустошеніе Рима варварами причинили жителямъ почти *всѣ главные роды человѣческихъ страданій* и несчастій: насильственную, болѣзненную, преждевременную смерть, страхъ, мученія при видѣ страданій близкихъ, удаленіе изъ отчизны въ тяжкій плѣнъ и рабство, вѣроятно множество физическихъ страданій отъ ранъ, ушибовъ и т. п., потерю имущества и вообще обѣднѣніе, преслѣдованіе, и наконецъ, гражданскую, конечно, скорбь о взятіи великаго города, котораго никто такъ долго взять не могъ,—то я и привелъ именно этотъ примѣръ, для доказательства, насколько христіанству присущъ тотъ *оптимистическій пессимизмъ*, о которомъ я говорю и который во всякомъ страданіи и злѣ видитъ прямую или косвенную пользу *для человѣка, вѣрующаго во Христа.*

Вотъ древній примѣръ.

Что касается до новаго примѣра, который я рѣшаюсь привести немного „наобумъ“ (потому что, къ сожалѣнію, потерялъ нумеръ той газеты, гдѣ я его очень недавно нашелъ), то это ничто иное, какъ наставленіе одного изъ нашихъ епископовъ приходскому духовенству — какъ обра-

щаться съ паствой. Тамъ, между прочимъ, сказано нѣчто подобное:

— Надо помнить, что всѣ люди воспріимчивѣе ко вліяніямъ духовнымъ въ случаѣ поразившихъ *ихъ несчастій,* въ случаѣ потери близкихъ и любимыхъ лицъ, болѣзней, денежныхъ потерь, и т. п.... *Надо пользоваться особенно этими случаями, чтобы дѣлать имъ пользу* (духовную)...

Итакъ, съ христіанской точки зрѣнія можно сказать, что *воцареніе на землѣ постояннаго* мира, благоденствія, согласія, общей обезпеченности и т. д., т.-е. именно того, чѣмъ задался такъ неудачно демократическій прогрессъ, было бы *величайшимъ бѣдствіемъ въ христіанскомъ смыслѣ...* Съ христіанствомъ можно мирить философскую идею сложнаго *развитія* для *неизвѣстныхъ* дальнѣйшихъ цѣлей (можетъ быть, и для всеобщаго *разрушенія*), но эвдемоническій (благоденственный) прогрессъ, ищущій счастія въ равенствѣ и свободѣ—совершенно непримиримъ съ основной идеей христіанства... *Этого рода* прогрессъ и *настоящее* христіанство могутъ только коекакъ *жить* рядомъ, но слиться въ принципахъ никогда не могутъ.

Но оставимъ пессимизмъ христіанскій и вообще религіозный (мистическій), на почвѣ котораго могутъ сходиться легко самый ученый мужъ и самая безграмотная баба; оставимъ христіанство... Новѣйшая, *именно самая передовая* философія Запада проповѣдуетъ этотъ самый *пессимизмъ,* это мужественное и честное невѣріе въ благоденственную спасительность прогресса. Вотъ что говоритъ Гартманъ:

„*Пессимистическое* пониманіе мірозданія, родъ пониманія, въ которомъ религіозная потребность ежедневно возстановляетъ свои силы, *не можетъ ни рости и ни крѣпнуть, ибо, чѣмъ болѣе человѣчество умножаетъ средства для пріятности своего существованія, тѣмъ болѣе убѣждается оно въ невозможности преодолѣть мученіе жизни и достичь не только до благоденствія, но и до нѣкотораго довольствія.* Восходящій (т.-е. прогрессивный въ обыкновенномъ понятіи этого слова) періодъ человѣческихъ дѣлъ можетъ придерживаться оптимизма (т.-е. вѣры въ постепенное улучшеніе жизни) до тѣхъ поръ, пока

человѣчество еще надѣется найти счастіе на концѣ пути и насладиться имъ, но только что та или другая цѣль достигнута, народъ стремившійся къ ней, тотчасъ же начинаетъ находить, что онъ не только не *прогрессировалъ* въ довольствѣ, *а, напротивъ того*, лишь увеличилъ грызущія и терзающія его нужды".

„Поэтому оптимизмъ есть всегда лишь временное состояніе націй, находящихся еще на полпути *мірскихъ* стремленій; но *пессимизмъ есть основное* расположеніе самосознательнаго человѣчества, и это настроеніе прорывается всегда съ удвоенной энергіей при концѣ порывистыхъ эпохъ. Будемъ же, поэтому, ожидать, что потребность человѣчества возвыситься (хотя бы только въ идеѣ) надъ *тщетою этого свѣта*, выразится все съ большей силой при исходѣ именно тѣхъ періодовъ, въ которыхъ „міръ" праздновалъ, такъ сказать, свои тріумфы и въ теченіе которыхъ *земные интересы все поглощали! Будемъ ожидать,—что религіозный вопросъ сдѣлается самымъ жгучимъ именно тогда, когда человѣчество, достигнувъ самой высшей степени возможной на землѣ цивилизаціи, окинетъ жизнь широкимъ и яснымъ взглядомъ и пойметъ при этомъ всю сокрушительную нищету своего состоянія!*" (La religion de l'avenir, par Edouard de Hartmann; 1876, стран. 137—139).

Я привожу съ истиннымъ восхищеніемъ эти прекрасныя слова главы пессимистическаго ученія, несмотря на то, что я ни въ чемъ почти остальномъ не могу согласиться съ нимъ. Ни съ тѣмъ, напримѣръ, что это невѣріе въ *будущее всеобщее счастье*, должно быть сопряжено *съ простой моралью* (т. е. независимой отъ „страха Божія" и вообще отъ какой-нибудь обрядно-мистической религіи; такая сухая *нынѣшняя* мораль, сознаюсь, мнѣ просто ненавистна по причинамъ, объясненія которыхъ для людей простоватыхъ должны быть очень пространными и потому здѣсь неумѣстны, *а умные и такъ согласятся со мной*). Я, *конечно*, не могу сочувствовать Эд. Гартману еще и въ непочтительныхъ отзывахъ его о христіанствѣ. Онъ находитъ хорошимъ въ немъ только мужественное примиреніе съ горестями и ужасами жизни, (т. е. только тотъ самый *пессимизмъ*, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь). Не могу

довольствоваться и тѣмъ *слѣпымъ*, безучастнымъ, неумолимымъ, *Имманентнымъ* Богомъ, котораго онъ предлагаетъ людямъ взамѣнъ *нашего* Бога, Бога *личнаго*, „живаго“. *Имманентный* Богъ Гартмана это тотъ „ненужный“ Богъ, про котораго еще Альфредъ де-Мюссе сказалъ:

„Un Dieu inutile, qui ne veut pas d'autels...“

Этотъ не „живой“ и *не-сознательный* Богъ былъ бы *ниже* своего *сознательнаго* творенія—*человѣка!*

Гартманъ не вѣритъ и въ *безсмертіе души*, такъ что *его религія будущаго* очень странна, убійственно скучна и потому невозможна. Безъ вѣры въ награду, безъ страха наказанія, безъ поэзіи, даже безъ молитвъ и безъ „алтарей“!..

Конечно, по отношенію къ земной жизни, или къ „научной истинѣ“, такъ сказать, и такая мрачная рѣшимость,—*ничего лучшаго въ смыслѣ пріятности не ожидать отъ человѣчества* на землѣ,—гораздо уважительнѣе и правильнѣе и Прудоновской вѣры въ какое-то гадкое однообразіе и математическое равенство какихъ-то, все болѣе и болѣе мелкихъ (*отъ популяризаціи науки и средней обезпеченности) людишекъ будущаго;* и Беклевской наивности, почему-то вообразившей, что дальнѣйшіе успѣхи *разума* непремѣнно будутъ усиливать *личную свободу* и всѣхъ другихъ *эвдемоническихъ* (благоденственныхъ) вѣрованій, столь распространенныхъ въ наше время и даже господствующихъ до сихъ поръ по умственной косности прогрессистовъ, которые, вопреки очевидности, перебиваются двумя-тремя уже старѣющими идеями...

Конечно, „пессимизмъ“ Гартмана вѣрнѣе, умнѣе, мужественнѣе, въ научномъ смыслѣ честнѣе и реальнѣе вѣры въ прелести индустріально—бюргерскаго благодушія и въ *неприкосновенность* всякой, самой гнусной европейской „личности“, все ниже и ниже спускающейся въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніяхъ...

Разумѣется, міровоззрѣніе „пессимистическое“ лучше *обыкновеннаго* прогрессивнаго, и нашъ Тютчевъ былъ неправъ, „пугаясь“ уже слишкомъ его успѣховъ въ Германіи. Тютчевъ, утративъ вѣру въ Западъ, сталъ вѣрить въ оригинальное, сильное и новое славянство, въ „единеніе славянской *любви*“.

Но этотъ *розовый* славизмъ, сколько бы въ немъ ни было искренности, „органическихъ“ бѣдствій и присущихъ жизни разочарованій измѣнить не можетъ, и потому какіе бы мы *союзы* „любви“ этой не составляли съ южными и даже западными славянами, точно такъ же будутъ войны, междоусобія, дифтеритъ, холера вернется, будетъ трусъ и гладъ, будетъ скука и ревность, и лукавство, и жадность, и несправедливость; мосты на желѣзныхъ путяхъ будутъ проваливаться, отъ свѣчекъ Яблочкова будутъ болѣть глаза, электрическое освѣщеніе *вашихъ* внутренностей все-таки долговѣчности *вашей* не устроитъ. Вѣдь съ точки зрѣнія *благоденствія*, какое кому дѣло до того, что *всему человѣчеству* прибавится какихъ-нибудь *отвлеченныхъ* пять — шесть лѣтъ *средней* продолжительности жизни? Людямъ нужны не эти *отвлеченныя и никому собственно непринадлежащія* пять лѣтъ; людямъ нужны *индивидуальныхъ лѣтъ 50 лишнихъ и здоровыхъ!* Такъ, чтобы имъ жизнь сама уже наскучила бы!

Этого и самый „любовный“ союзъ панславизма, вѣроятно, не дастъ и ни отъ чего существенно-бѣдственнаго отъ насъ не избавитъ... И Тютчевъ былъ рѣшительно неправъ, называя ученіе Шопенгауера и Гартмана—une doctrine décevante! (кажется, онъ такъ выражался?)

Напротивъ того, *отрицательная* сторона этого ученія вовсе не разрушительна и не вредна.

Отвергая прямо всеспасительность *эвдемоническаго* прогресса, признавая зло и страданія неотразимой принадлежностью жизни, это ученіе должно вести и въ области общихъ идей, и на практикѣ къ примиренію *со всѣми тѣми неудобствами государственной и общественной жизни*, противъ которыхъ *такъ упорно* борются либеральные прогрессисты; оно, это ученіе, своими отрицательными сторонами миритъ *умъ нашъ* и съ *неравенствомъ* (хотя бы и *сословнымъ*), и съ *войнами*, и съ *недугами*, и съ *семейнымъ деспотизмомъ*, и съ *личными распрями*, и съ *тягломъ* нашихъ *государственныхъ обязанностей...*

На почвѣ, глубоко-*расчищенной* ученіемъ *пессимизма*, могла бы свободно произрастать и приносить свои прекрасные плоды какая угодно *положительная религія*; ибо на одномъ печаль-

номъ *отрицаніи* всѣхъ благъ — и *земныхъ* и *загробныхъ* (какъ предлагаетъ Гартманъ)—кто же станетъ долго жить?

Гартманъ правъ, ожидая, что совершенное разочарованіе въ пріятныхъ плодахъ *земного прогресса* вскорѣ доведетъ людей сызнова до полнѣйшаго поворота къ религіозному, мистическому одушевленію; но пойдутъ люди молиться, конечно, не къ тому мертвому, слѣпому и безличному Богу, котораго онъ предлагаетъ намъ...

Его ученіе дорого только какъ *приготовительное средство* для тѣхъ несчастныхъ людей, которые *прямо истинъ вѣры принять не въ силахъ!...* За пессимизмомъ въ наукѣ, въ педагогіи, въ литературѣ послѣдуетъ вѣра; за вѣрой—*послушаніе и дисциплина;* за *вѣрой* и *послушаніемъ церкви и властямъ независимость національнаго духа!...*

ПРИМѢЧАНІЕ 1885 года.

По поводу воззрѣній Эд. Ф. Гартмана на прогрессъ, люди, весьма хорошо знакомые съ его философіей, замѣчали мнѣ еще прежде, когда эта статья моя была издана въ видѣ отдѣльной брошюры, что Гартманъ все-таки *извѣстнымъ образомъ* вѣритъ въ *прогрессъ. Да, въ прогрессъ, какъ въ эволюціонное движеніе отъ безсознательнаго къ сознательному*, онъ вѣритъ, это правда. Но онъ не допускаетъ той мысли, чтобы люди стали *когда-либо счастливѣе внутренно* отъ этого, даже неизбѣжнаго, по его мнѣнію, поступательнаго движенія.

Вотъ, наприм., что онъ говоритъ въ концѣ своей книги: *Исторія и основанія пессимизма* (1880 г.): „Вѣрно — то, что безъ перевѣса страданій надъ наслажденіемъ родъ человѣческій не могъ бы достигнуть своего нравственнаго назначенія, — при этомъ же условіи онъ можетъ и долженъ достичь его, несмотря на переходящую часто дальше нужной цѣли мѣру страданій, несмотря на неправильное распредѣленіе

ихъ и на вредныя побочныя дѣйствія, обусловливаемыя этими страданіями. Уже изъ одного того, что страданіе есть средство, исполняющее свое назначеніе въ общемъ ходѣ жизни, хотя въ частностяхъ оно иногда и не достигаетъ своей нравственной цѣли,—явствуетъ, что оно можетъ имѣть объективное *телеологическое* значеніе. Эта вѣроятность становится еще значительнѣе, когда мы убѣждаемся, что страданіе, по мѣрѣ развитія рода человѣческаго, все лучше и лучше выполняетъ свое назначеніе, а именно по двумъ причинамъ, дѣйствующимъ совокупно: во-первыхъ потому, что *субъективныхъ данныхъ* для извлеченія нравственной пользы изъ страданій *существовало при началѣ исторіи гораздо меньше* и они (эти субъективныя данныя) только съ теченіемъ времени развивались въ восходящей степени; а во-вторыхъ потому, что тотъ *объективный образъ*, въ которомъ страданіе преслѣдуетъ человѣка, *постоянно превращается* и становится все болѣе и болѣе пригоднымъ для извлеченія изъ него нравственной пользы" (стр. 132—140; *Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus*).

И дальше Эд. Ф. Гартманъ надѣется, что рано или поздно мы всѣ „поймемъ, что наша борьба со страданіемъ имѣетъ значеніе не только въ субъективномъ, но и въ объективномъ отношеніи, такъ какъ отъ этой борьбы хотя и не уменьшается общая сила страданія, но все-таки преобразовывается его видъ и изъ менѣе цѣннаго нравственно становится болѣе цѣннымъ. Сущность культурнаго процесса состоитъ въ постоянно увеличивающемся уничтоженіи объективныхъ источниковъ страданія и въ устраненіи той иллюзіи, будто бы страданіе приходитъ главнымъ образомъ извнѣ; идеальнымъ же концомъ культурнаго процесса должно быть такое состояніе, въ которомъ съ уничтоженіемъ всѣхъ возможныхъ объективныхъ источниковъ страданій и при постоянно продолжающемся страданіи субъективномъ стало бы всѣмъ ясно, что преобладаніе страданія есть ничѣмъ неустранимое слѣдствіе главныхъ факторовъ самой *психической* нашей жизни. Подобное абсолютное сведеніе къ *собственной внутренней* дѣятельности нашей души, какъ къ истинному и неизсякаемому источнику страданій, довело бы извлеченіе нравственной пользы

изъ нихъ до высшаго максимума и каждое частное изъ прежнихъ (т.-е. подверженныхъ устраненію) страданій оказалось бы тогда лишь пропедевтической ступенью для этой высшей и *послѣдней цѣли*".

Прежде же достиженія *этой послѣдней цѣли* культурная борьба, стремящаяся (по мнѣнію Гартмана) *видоизмѣнить* страданія наши, прекратиться не должна и не можетъ!

Теперь естественный вопросъ: А *дальше* что же?

Достигнута, наконецъ, та высшая степень всеобщей цивилизаціи, при которой „человѣкъ наименѣе будетъ зависѣть отъ природы и наиболѣе отъ общества". *Боль* и *страданія духа не уменьшились отъ этого; они усилились.* Что же тогда?

— *Погибнуть!*—говоритъ Гартманъ.—Перейти въ *Ничто*, въ „Нирвану"! Человѣчество, развивши въ себѣ самосознаніе до послѣдней и высшей степени, найдетъ, что существовать не стоитъ и *однимъ актомъ коллективной воли уничтожитъ и себя, и все міроздавіе!* Все обратитъ въ *ничто, въ небытіе.*

Неправда ли, ужасная картина! Это не то, что христіанское „преставленіе свѣта", послѣ котораго настанетъ *вѣчная*, новая *жизнь*. Но, какъ она ни ужасна, все же она, эта картина, нѣсколько ближе къ дѣлу и правоподобнѣе, чѣмъ воображеніе, что *европейская* демократія, возобладавъ вездѣ, обратитъ *на вѣки вѣчные* весь міръ въ свободно-равенственное общежитіе какихъ-то „среднихъ" и благоразумныхъ людей, которые будутъ совершенно счастливы однимъ мирнымъ и справедливымъ раздѣленіемъ труда. Вѣдь эта благоденственная надежда ужъ до того нелѣпа и мелка, до того противорѣчитъ всѣмъ человѣческимъ понятіямъ, что надо только дивиться, какъ могла подобная эвдемоническая мечта почти цѣлый вѣкъ править столь многими высокими умами Запада и даже до сихъ поръ имѣть своихъ (хотя и значительно разочарованныхъ) приверженцевъ... Эта надежда противорѣчитъ всему: она противна нашимъ эстетическимъ идеаламъ (требующимъ разнообразія положеній и характеровъ, подвиговъ, восторговъ, горя и борьбы); она противорѣчитъ нашимъ религіознымъ вѣрованіямъ (предрекающимъ *конецъ* земного мі-

ра послѣ ужасовъ послѣдняго разстройства); противорѣчитъ нравственнымъ понятіямъ (ибо высшая степень нравственныхъ силъ обнаруживается не при организованномъ покоѣ, а при свободномъ выборѣ добра или зла и особенно тогда, когда это очень трудно и опасно). Надежда эта противорѣчитъ даже здравому раціонализму и наукѣ, и вотъ по какой простой причинѣ: всякій организмъ *умираетъ*; всякій органическій процессъ *кончается;* всякій эволюціонный процессъ (процессъ развитія) достигаетъ сперва своей высшей точки, потомъ спускается ниже и ниже, идетъ къ своему *разрѣшенію*.

Если человѣчество есть явленіе живое, органическое, развивающееся, то оно должно же когда-нибудь *погибнуть* и окончить свое земное существованіе!

Если бы одна эта мысль о необходимомъ, о *неизбѣжномъ концѣ* такъ же часто мелькала въ умахъ нашихъ, какъ мелькаетъ до сихъ поръ еще въ умахъ скудная мысль о „всеобщемъ мирѣ“, о всеблагихъ плодахъ физико-химическихъ открытій и эгалитарной свободы, то результатъ отъ подобнаго, даже и полусмутнаго представленія *конца*, былъ бы великій! Перестали бы любить образъ „средняго европейскаго человѣка“, безбожнаго и прозаическаго, но дѣльнаго и честнаго, безбожно и плоско, хотя весьма честно и дѣльно возсѣдающаго всегда и всюду на какихъ-то всеполезныхъ и всемірныхъ конференціяхъ, засѣданіяхъ, съѣздахъ и митингахъ. Перестали бы вѣрить, что вся предыдущая исторія была лишь педагогическимъ и страдальческимъ подготовленіемъ къ умѣренному и аккуратному благоденствію милліоновъ и милліоновъ безличныхъ людей и перестали бы во имя этого идеала разрушать всѣ преграды, которыя кладутъ еще до сихъ поръ, слава Богу, этому разлитію убійственнаго бездушія, съ одной стороны, государственность и войны, съ другой—требованія положительныхъ религій; поэзія жизни и даже (увы, что дѣлать!) во многихъ случаяхъ самыя порочныя страсти и дурныя наклонности человѣческаго рода.

Положимъ, что, разъ указавши на Гартмана и становясь хоть въ чемъ-нибудь и хотя бы только на время на его точ-

ку зрѣнія, необходимо упомянуть и о томъ, что и онъ вѣритъ во что-то подобное соціально-эгалитарной вѣрѣ въ „средняго человѣка". И онъ вѣритъ въ нѣчто подобное той „атрофіи страстей", о которой еще въ XVIII вѣкѣ заботился Мабли, а позднѣе Прудонъ и столькіе другіе люди 30-хъ и 40-хъ годовъ. Но между Прудономъ и имъ подобными людьми, съ одной стороны, и Эд. Ф. Гартманомъ, съ другой, разница та, что эгалитарные прогрессисты *желали* этой атрофіи *во имя земного счастія человѣчества,* а Гартманъ только *предвидитъ* подобную атрофію, пророчитъ подобное ограниченіе *каждаго всѣми подъ конецъ* жизни человѣчества на землѣ *); онъ считаетъ подобный результатъ *фатальнымъ*, неизбѣжнымъ исходомъ исторіи и не только ничего пріятнаго отъ подобнаго состоянія людей не ждетъ, но, напротивъ того, утверждаетъ, что тогда-то то только вполнѣ ясно и поймутъ, *до чего* страданіе есть неустранимое и основное свойство нашей души, до чего оно *субъективное*, независящее отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, свойство наше! Тогда-то и поймутъ, что лучшій выборъ—это выборъ всеобщаго самоуничтоженія, выборъ абсолютнаго *небытія!*

Конечно такъ,—и я скажу:—*да, если все пойдетъ по этому пути.*

Но вотъ еще вопросъ: по этому ли прогрессивно-благоденственному пути *все прямо и прямо* пойдетъ человѣчество въ послѣдующихъ за *этимъ XIX* вѣкомъ вѣкахъ?

Не захотятъ ли, напримѣръ, славяне и другіе народы Востока, объединенные въ небывалыхъ еще политическихъ сочетаніяхъ, выйти на совершенно *новые пути* мысли и жизни? И если славяне настолько уже проникнуты европеизмомъ, что они не въ состояніи будутъ водрузить на развалинахъ опошленной романо-германской цивилизаціи знамя оригинальной культуры, то не пожелаютъ ли этого милліоны и милліоны *другихъ азіатцевъ,* которыхъ современный европеизмъ, быть можетъ, только пробуждаетъ отъ вѣкового культурнаго отдыха?

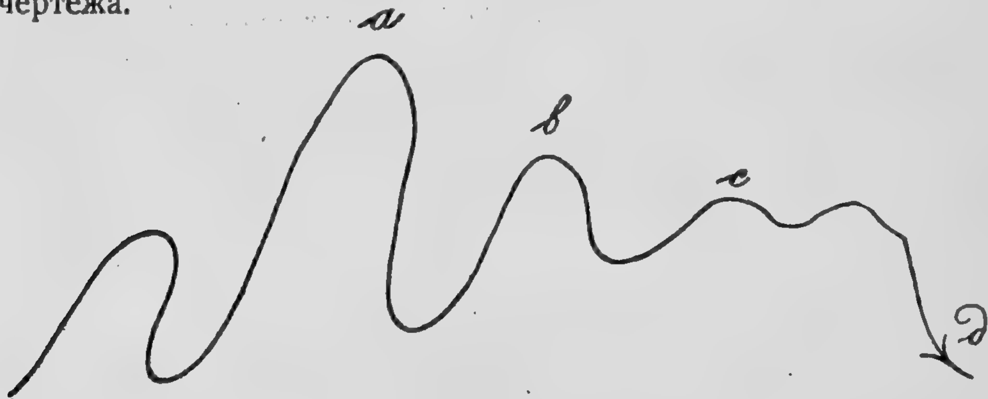
*) См. *Философію Безсознательнаго,* ч. 2, гл. XIII и XIV.

Не вѣрнѣе ли ждать для износившагося Запада послѣднихъ разрушительныхъ судорогъ или медленной агоніи?

Гартманъ, можетъ быть, и правъ въ томъ, что когда-нибудь все-таки все человѣчество придетъ къ этому общему типу скучнаго и скучающаго „средняго человѣка" и *тогда погибнетъ!* Весьма вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что оно будетъ фатально и не разъ еще возвращаться къ этой убійственной попыткѣ; но теперь, — вскорѣ, *въ XX вѣкѣ,* — того ли ожидать? Конечно, нѣтъ!

И есть слишкомъ много признаковъ тому, что мы, русскіе, хотя сколько-нибудь да измѣнимъ на время русло всемірной исторіи... хоть *на короткое* время—да!

Не правдоподобнѣе ли, что человѣческая исторія должна идти по образцу слѣдующаго волнообразнаго схематическаго чертежа.



Точка *a*, напримѣръ, означала бы высшую степень земного развитія; *b*—пониже—послѣдній слабый отпоръ торжеству „средняго человѣка" (уже въ то будущее время *давно не-европейскаго типа,* конечно); точка *c*—волна еще ниже—*кратковременное благодушное процвѣтаніе этихъ послѣднихъ среднихъ людей;* точка *d*—*конецъ* человѣчеству.

„Ибо когда будутъ говорить: миръ и безопасность, тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба... и не избѣгнутъ!" (Ап. Павла къ Солунянамъ I, гл. 5,3).

А пока мы, русскіе ближайшаго будущаго, можемъ извлечь изъ этой мрачной новой германской философіи все то,

что въ ней есть хорошаго, именно — невѣріе въ земное эгалитарное благоденствіе; мы можемъ извлечь изъ нея то, *что намъ нужно*, подобно тому, какъ Отцы Церкви извлекали изъ древне-греческой философіи въ свое время то, *что имъ было нужно*.

Не разъ и давно уже было говорено и доказано, что отвлеченная философія безъ догматическаго императива и безъ мистической пластики обрядовъ (этотъ догматъ изображающихъ) никогда не могла создать ни государственности, ни новой культуры.

Хорошая, наилучшая, высшая философія всегда является лишь передъ концомъ культурно-государственныхъ періодовъ, и нѣкоторыми изъ началъ этой предсмертной философіи питаются корни грядущихъ и *осуществимыхъ* религіозно-политическихъ произрастеній.

Если все человѣчество (а не одна Европа) уже близится къ концу своему, то, конечно, уже не будетъ ни временнаго и могучаго возрожденія христіанской мистики, ни нарожденія какой бы то ни было вовсе новой (хотя бы и ложной) религіи, и мы всѣ волей-неволей пойдемъ неуклонно по пути всепретворенія въ того ужаснаго все-человѣка, о которомъ я твердилъ не разъ выше; если же человѣчеству суждено просуществовать 2 или 3 тысячи лѣтъ (я не говорю уже болѣе), то вся германская философія отъ Лейбница и Канта до Шопенгауера и Гартмана послужитъ лишь для большей глубины и проницающей остроты мистико-религіозныхъ выводовъ, какъ уже и случилось прежде съ философіей греческой.

Наши окраины *).

Статья эта, напечатанная въ 1882 году, была написана еще въ 1880-мъ въ Варшавѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ впечатлѣній, тотчасъ же по прочтеніи статьи г. Кояловича въ *Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ*, и потому имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду Польшу или, вѣрнѣе сказать, весь Западный край; о другихъ окраинахъ Россіи упомянуто въ ней лишь мимоходомъ, *но совершенно въ томъ же духѣ охраненія существующаго.*

Редакція *Гражданина* напечатала послѣ этой статьи и другой дополнительный отрывокъ изъ моего письма въ защиту остзейскихъ правъ. Я полагаю, что все то, что я говорю о Польшѣ, въ общихъ чертахъ приложимо и къ Остзейскому краю, и къ Кавказу, и къ Туркестану, и, пожалуй, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и къ Сибири.

I.

Православіе и католицизмъ въ Польшѣ.

Въ нашей литературѣ было много нападокъ на католичество, — не всегда съ чисто-православной точки зрѣнія, а больше съ либеральной или съ государственно-національной. Значительная часть этихъ нападокъ была заслужена.

Она заслужена была уже тѣмъ, что и католики были не всегда чистыми католиками, т.-е. западными христіанами, которымъ, точно такъ же, какъ и христіанамъ восточнымъ, запрещены закономъ Божіимъ *политическія движенія* противъ *власти Кесаря* (хотя бы и *иновѣрнаго*—все равно).

---

*) „Гражданинъ", 1882 г.

Съ другой стороны, и русскіе свѣтскіе писатели не всегда были правы и дальновидны. Иные изъ нихъ, считая себя даже православными, весьма неосторожно сбивали читателей своихъ тѣмъ, что по незнанію или по либеральности своей осуждали чаще въ католичествѣ не догматическіе и каноническіе, *въ высшей степени важные* оттѣнки, которымъ оно отъ православія разнится, а, напротивъ того, именно тѣ его стороны, которыя по существу у него съ православіемъ общи или достойны, по крайней мѣрѣ, подражанія; напр., *аскетизмъ* и *оптимистическій пессимизмъ міровоззрѣнія; сильная власть духовенства; развитіе духовничества и старчества, женскія школы при монастыряхъ* и т. п.

Думая вредить папству, эти русскіе писатели много вредили и православію; умышленно они это дѣлали или по легкомыслію—не знаю. Полагаю, что иные были ослѣплены ревностью или только поверхностны; другіе же „вѣдали, что творили“.

Но здѣсь идетъ рѣчь и не о зловредныхъ, и не о легкомысленныхъ людяхъ, а, напротивъ того, объ одномъ весьма полезномъ и весьма основательномъ русскомъ человѣкѣ,—о г. Кояловичѣ, или, лучше сказать, объ одной статьѣ его. Я съ этой статьей и согласенъ и не согласенъ. У нѣкоторыхъ птицъ, говорятъ зоологи, глаза такъ устроены, что онѣ по волѣ могутъ становиться и близорукими, когда имъ нужно разсматривать что-нибудь подробно на землѣ, и дальнозоркими, когда онѣ поднимаются очень высоко на воздухъ. Мнѣ кажется, что и человѣческому уму не запрещено мѣнять такимъ образомъ свой кругозоръ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я говорю, что я и согласенъ съ г. Кояловичемъ и не согласенъ съ нимъ. Я согласенъ съ его *фактами,* понимаю прекрасно его *чувства,* но вижу за всѣмъ этимъ еще и *нѣчто иное,* болѣе отдаленное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалуй, болѣе существенное и важное, чѣмъ все то, на что онъ указываетъ.

О какой же статьѣ именно идетъ дѣло?

Въ 3-мъ нумерѣ *Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника* перепечатана статья, кажется, изъ *Церковнаго Вѣстника,* г. Кояловича по вопросу о примиреніи съ поляками.

Г. Кояловичъ доказываетъ, что главнымъ препятствіемъ искреннему и прочному примиренію русскихъ съ поляками является „всегдашнее преобладаніе въ полякахъ фанатическаго, ультрамонтанскаго направленія“...

Въ статьѣ упоминается о препятствіяхъ, полагаемыхъ поляками нашимъ стараніямъ возвратить уніатовъ; о ксендзахъ, переодѣвающихся даже извозчиками для пропаганды; о томъ, какъ плохо дается намъ введеніе русскаго языка, вмѣсто польскаго, для добавочныхъ молитвъ латинскаго богослуженія и т. д...

„Нечего обольщать себя, говоритъ авторъ, розовыми надеждами (на примиреніе поляковъ съ русскими на религіозной почвѣ). Вся исторія латинства у нихъ представляетъ постепенное развитіе ретрограднаго направленія, и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ это направленіе становится болѣе общимъ и могущественнымъ. Вспомнимъ, какая свѣтлая заря новой жизни зарождалась въ религіозной польской жизни въ XVI вѣкѣ. Лучшіе польскіе люди, не только свѣтскіе, но и духовные, съ краковскою академіей во главѣ, упорно отстранялись отъ ультрамонтанскихъ постановленій Тридентинскаго собора и внимательно прислушивались къ рѣчамъ Орѣховскаго и особенно Моджевскаго о необходимости для поляковъ славянскаго богослуженія и пріобщенія мірянъ чашей. И что же? Одинъ человѣкъ, папскій нунцій Коммендоній сумѣлъ не только сокрушить противодѣйствіе поляковъ Тридентинскому собору и заглушить рѣчи о славянской литургіи, но даже расчистить въ польскомъ государствѣ почву для іезуитовъ. Кто теперь изъ поляковъ рѣшится вспомнить рѣчи Орѣховскаго и Моджевскаго и возобновить ихъ дѣло? Многіе ли изъ нихъ даже знакомы съ съ этими именами? А, повидимому, какъ кстати вспомнить бы теперь и эти имена и это дѣло. Поляки стараются дружить съ чехами, у которыхъ еще живы воспоминанія о славянской церкви и большое умѣнье будить ихъ въ своей средѣ. Въ союзѣ съ чехами и русскими, много можно было бы сдѣлать на этомъ пути.

„Или вспомнимъ дѣла, болѣе близкія къ намъ. Во времена Екатерины II у поляковъ было стремленіе къ сближенію съ Россіею; по крайней мѣрѣ, были признаки этого въ религіозной сферѣ латинской западной Россіи. Римско-католическая коллегія въ Петербургѣ и дѣятельность латинскаго митрополита Сестренцевича служатъ слабымъ напоминаніемъ о зародившемся тогда желаніи русскихъ латинянъ ослабить цѣпи, связывавшія ихъ съ папой, и усилить связь съ ихъ новымъ отечествомъ—Россіей. Но что же изъ этого вышло въ ближайшее затѣмъ время? Латинскія глумленія надъ западно-русскими уніатами, двѣнадцатый годъ и списокъ ксендзовъ, участвовавшихъ въ смутахъ 1831 и 1862—63 годахъ, служатъ вопіющими доказательствами всегдашняго преобладанія въ полякахъ фанатическаго, ультрамонтанскаго направленія.

„Или вспомнимъ, наконецъ, еще болѣе близкое къ намъ дѣло—старокатолическое движеніе въ Западной Европѣ. Россія откликнулась на это движеніе. Происходили многократныя обсужденія этого дѣла у насъ—въ петербургскомъ отдѣлѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія и многократныя сношенія съ старокатоликами. Въ Россіи около семи милліоновъ латинянъ. Имъ естественнѣе всего было бы принять участіе въ этихъ обсужденіяхъ и переговорахъ. Ихъ долговременная жизнь въ русскомъ государствѣ, рядомъ съ православными, должна бы, повидимому, особенно расположить къ старокатоличеству. Но что же мы видимъ? Всѣ наши обсужденія старокатоличества, всѣ наши сношенія, съѣзды съ западно-европейскими старокатоликами проскользали, такъ сказать, поверхъ всей этой большой массы нашихъ русскихъ латинянъ, не затрогивая никого, не вызывая съ ихъ стороны никакого сочувствія, никакого отклика! Этотъ фактъ, сильно бьющій въ глаза, и его ничѣмъ нельзя ослабить. Это неоспоримое доказательство, что въ нашемъ русскомъ латинствѣ слишкомъ глубоко въѣлось ультрамонтанское направленіе, а при господствѣ такого направленія не можетъ быть никакой серьезной рѣчи о примиреніи между

нами и поляками, и всѣ попытки вести эту рѣчь помимо религіи окажутся пустою мечтою.

„Вотъ факты, съ которыми, по нашему мнѣнію, нужно прежде всего считаться, когда мы заводимъ рѣчь о примиреніи съ поляками“...

Все это такъ; все это, вѣроятно, правда... О „розовыхъ мечтахъ“ въ наше время никто и говорить себѣ не позволитъ. И я здѣсь не имѣю въ виду оспаривать г. Кояловича; я только хочу указать на то, что при всей правдивости его сообщеній, при всей основательности его выводовъ, существуетъ еще другой кругъ мыслей, въ которомъ тѣ же самые факты принимаютъ совсѣмъ иное освѣщеніе. Непріятное становится сноснымъ, вредное—полезнымъ, опасное—чуть не спасительнымъ.

Это очень просто... старая теорія *наименьшаго зла*—и больше ничего.

Положимъ, и г. Кояловичъ и оба мы—преданные сыны православной церкви. Какъ таковые, мы должны желать, чтобы наибольшее число людей на свѣтѣ стали тоже православными; дѣло тутъ прежде всего для насъ не въ *земномъ руссизмѣ,* а въ загробномъ спасеніи душъ *этихъ прозелитовъ,* и отчасти въ прощеніи, быть можетъ, и нашихъ грѣховъ за наше усердіе въ проповѣди и борьбѣ съ разными препятствіями.

Вотъ самая основная, существенная сторона вопроса, общая и русскому, и греку, и православному японцу или камчадалу.

Здѣсь національность не только въ сторонѣ, но отчасти даже и въ принципіальномъ антагонизмѣ съ религіей. *Повсемѣстное,* чрезвычайно успѣшное распространеніе православія могло бы, напримѣръ, сгладить государственныя особенности русской имперіи и, сливши, такъ сказать, *ее воедино* со всѣмъ окружающимъ ее міромъ на Западѣ и крайнемъ Востокѣ, лишить ее (имперію) всякаго резоннаго права на дальнѣйшее обособленное историческое существованіе.

Человѣкъ, *истинно вѣрующій,* въ подобномъ случаѣ не долженъ колебаться въ выборѣ между вѣрой и отчизной. *Вѣра*

должна взять верхъ и отчизна должна быть принесена въ жертву, уже по тому одному, что всякое государство земное есть явленіе преходящее, *а душа моя и душа ближняго вѣчны и Церковь тоже вѣчна*; вѣчна она—въ томъ смыслѣ, что если 30.000, или 300 человѣкъ, или *всего три* человѣка останутся вѣрными Церкви *ко дню гибели всего человѣчества на этой планетѣ* (или ко дню разрушенія самого земного шара)—то эти 30.000, эти 300, эти три человѣка, будутъ *одни правы и Господь будетъ съ ними, а всѣ остальные милліоны будутъ въ заблужденіи.*

Поэтому, чѣмъ болѣе мы спасемъ людей, тѣмъ лучше и для нихъ и для насъ.

Это такъ. Но, съ другой стороны, правда и то, что въ *настоящее время* для вѣрующаго человѣка (какой бы національности онъ ни былъ) Россія должна быть очень дорога, какъ самый сильный оплотъ православія на землѣ. Люди слабы, имъ часто нужна опора внѣшняя, опора многолюдства, опора сильной власти, опора вліятельной мысли, благопріятно для вѣры настроенной и т. п. Если же Россія, какъ сила православная, можетъ быть дорога, въ настоящее время, даже и японскому прозелиту, то, разумѣется, она должна быть еще дороже русскому вѣрующему человѣку.

Этотъ русскій вѣрующій человѣкъ долженъ бороться за вѣру и за Россію, насколько у него есть ума и силъ.

До сихъ поръ, я надѣюсь, мы съ г. Кояловичемъ согласны.. Согласенъ я и съ тѣмъ, что борьба съ католицизмомъ нелегка и что католики люди крѣпкіе, убѣжденные, упрямые, *которые и намъ могутъ служить добрымъ примѣромъ.* Слова только эти „фанатизмъ“, „ультрамонтанство“ и т. п. я что-то плохо понимаю.

Если вѣрующій человѣкъ не фанатикъ *своей вѣры*, то это только личная слабость его и больше ничего.

Не нуженъ, *можетъ быть*, фанатизмъ *насилія*, но фанатизмъ *отпора*, фанатизмъ *самоотверженія* прекрасны... Необходимъ, вѣроятно (увы!), въ жизни людской и фанатизмъ *терпѣливой ловкости*... Я понимаю г. Кояловича, я согласенъ съ нимъ, что борьба трудна и непріятна. Я понимаю чувства

военнаго человѣка, страдающаго въ балканскихъ ущельяхъ и озлобленнаго до-нельзя противъ мусульманъ, заставившихъ его зайти въ эти негостепріимныя мѣста...

Я не осужу усталаго воина, проклинающаго въ тяжелую минуту не только турокъ, но даже и самое *великое учрежденіе войны...*

Я бы только на мѣстѣ этого военнаго, *разъ отдохнувши,* подумалъ бы: „Однако есть и другой кругъ мыслей, вступя въ который и войнѣ *должно* радоваться, и даже турокъ считать *полезными* противниками".

Я считаю твердыхъ католиковъ очень полезными не только для всей Европы (Богъ съ ней—съ Европой!), *но и для Россіи.*

Для того, чтобы согласиться со мной, надо спуститься только на почву *дѣйствительности нашей,* на почву минуты исторической и т. д.

Я говорю: если бы каждому ослабленію католичества *гдѣ бы то ни было* соотвѣтствовало бы несомнѣнное и немедленное усиленіе истиннаго, искренняго православія; если бы побѣдоносное православіе, подобно могучему потоку, вступало бы само собою, съ быстротою истинной силы, тотчасъ же во всякую самую незначительную пустоту, образуемую исторіей еще въ компактной массѣ католичества, то тогда только имѣли бы мы право считать остатки этой компактной массы, этой *плотины,* не уступающей сразу напору *нашей истины,* безусловнымъ зломъ...'

Но, Боже мой!.. *Прогрессъ нашъ* сдѣлалъ то, что на всякій иновѣрный и твердый въ своемъ иновѣрчествѣ элементъ государства нашего теперь надо смотрѣть, какъ на благо! Не православіе истинное, *сердцемъ простое, мыслью ясное, волей твердое,* вливаться будетъ во всѣ бреши, образуемыя тамъ и сямъ подкопами и таранами современной руссификаціи нашей, а жалкіе помои великороссійской либеральности, столь возвышенно заявившей себя и въ воспитаніи юношества, и въ судахъ, и даже отчасти въ земствѣ нашемъ, помѣшанномъ на *европейскихъ школахъ* и на мелочной оппозиціи губернаторской власти.

Католики—христіане, а теперь настало такое время, что не только старовѣры или паписты, но буддисты астраханскіе, мусульмане и скопцы должны быть для насъ дороже многихъ и многихъ русскихъ того *неопредѣленнаго* цвѣта и того *лукаваго петербургскаго* подбоя, которые теперь вопіютъ противъ нигилизма, ими же самими исподволь подготовленнаго.

Глупы ли они и честны, или лукавы и осторожны—все равно; честные еще хуже; если они глупы—ихъ не вразумишь; они пугаются *словъ* „реакція, насиліе, фанатизмъ, отсталость"... Отчего отсталость? Не отъ проклятой ли Европы этой, стремящейся въ бездну саморазрушенія еще съ конца XVIII вѣка?..

Не православіе предлагаетъ нынче великорусское „ядро" своимъ пестрымъ иновѣрнымъ окраинамъ, какъ предлагало оно татарамъ при Іоаннахъ,—а европейскій прогрессъ самаго разлагающаго свойства. Мы, русскіе, болѣе всѣхъ *иныхъ русскихъ подданныхъ*—европейцы въ худомъ значеніи этого слова, то есть *медленные* разрушители всего историческаго и у себя, и у другихъ...

Недавно вышла въ Москвѣ моя книга „Отецъ Климентъ" (Зедергольмъ). Онъ былъ сынъ пастора, нѣмецъ; вотъ, если бы изъ каждаго поляка, оставившаго католичество, изъ каждаго татарина, измѣнившаго исламу, изъ каждаго крещенаго буддиста выходили бы *такіе* православные поляки, такіе православные татары и калмыки, какимъ сталъ этотъ *православный нѣмецъ,* то можно бы радоваться этимъ обращеніямъ и сокрушаться о препятствіяхъ, полагаемыхъ иновѣрчествомъ нашей пропагандѣ, и для *души* и для *государства* спасительной...

А теперь похоже ли что-нибудь на это? Въ какомъ *именно племени,* изъ всѣхъ племенъ, подвластныхъ русской коронѣ, нигилизмъ и потворствующее ему *умѣренное либеральничаніе* распространены сильнѣе всего? Въ нашемъ великорусскомъ племени... Изъ самаго великорусскаго племени, бывшаго такъ долго ядромъ объединенія и опорой созиданія государству нашему, исходитъ теперь разстройство...

Руссификація окраинъ есть ничто иное, какъ демократическая европеизація ихъ, и у человѣка, ясно понимающаго положеніе дѣлъ, слагается въ умѣ легко слѣдующая послѣдовательность мыслей, весьма разнородныхъ, но связанныхъ одною нитью:—желаніемъ, сперва пріостановить надолго поступательное движеніе въ отчизнѣ нашей, а потомъ, одумавшись, искать смѣло и внимательно, нѣтъ ли еще средствъ сойти намъ какъ-нибудь *на другіе рельсы, не исключительно европейскіе...*

Вотъ рядъ этихъ мыслей:

1. Хотя православіе—религія всесвѣтная или вселенская по существу своему, но по избранію Божію или (если угодно) по историческимъ сочетаніямъ, Россіи выпало *пока* на долю быть главной опорой православію на всемъ земномъ шарѣ.

2. Вѣрующій человѣкъ долженъ желать, чтобы эта опора была сильна и тверда.

3. Національныя свойства великорусскаго племени въ послѣднее время стали, если не окончательно дурны, то, по крайней мѣрѣ, сомнительны. Народъ *рано или поздно* вездѣ идетъ за интеллигенціей. Интеллигенція русская стала слишкомъ либеральна, т.-е. пуста, отрицательна, безпринципна. Сверхъ того, она мало національна именно тамъ, *гдѣ слѣдуетъ быть національной. Творчества* своего у нея нѣтъ ни въ чемъ; она только все учится споконъ вѣку у всѣхъ, и никого ничему своему не учитъ и научить не можетъ, ибо у нея нѣтъ своей мысли, своего стиля, своего быта и окраски. Русская интеллигенція такъ *создана*, что она чѣмъ дальше, тѣмъ безцвѣтнѣе; чѣмъ дальше, тѣмъ сходнѣе съ любой европейской интеллигенціей; она безъ разбора, какъ огромный и простодушный страусъ глотаетъ все:—камни, стекла побитыя, обломки мѣдныхъ замковъ (лишь бы эти стекла и замки были западной фабрики). Страусъ не можетъ понять, что стекло рѣжетъ желудокъ и что мѣдь, окислившись, отравитъ его.

Русская интеллигенція *не въ силахъ* различать стекла и мѣди отъ настоящей пищи. Она жретъ, что попало, и радуется.

Строгое, осмысленное православіе, *простое сердцемъ и мудрое разумомъ,* стало слабо у этого страуса.

Окисленная мѣдь европейскаго либерализма уже давно отравила его, его давно уже несетъ космополитическимъ флюксомъ, а онъ все еще наивно глядитъ вокругъ и только ищетъ, нѣтъ ли еще гдѣ-нибудь такого же, только *покрѣпче?* Даже настоящее, глубокомысленное славянофильство переварилось въ слабомъ мозгу огромнаго страуса въ самый простой и грубый европейскаго стиля эмансипаціонный панславизмъ. *Пышныя перья* Хомяковской своеобразной *культуры* разлетѣлись въ прахъ туда и сюда при встрѣчѣ съ жизнью, и осталась, вмѣсто нарядной птицы, какая-то очень большая, но куцая и сѣрая индюшка, которая жалобно клохчетъ, что ей плохо, и не знаетъ, что дѣлать. *Такова интеллигенція наша,* взятая какъ всецѣлое, какъ *соціологическая единица.*

4. Поэтому, *пока принципы лучшіе, дисциплинирующіе* еще не взяли верхъ въ государствѣ нашемъ, пока въ ядрѣ всероссійскомъ начала охранительныя *и творческія* не одержатъ побѣды надъ разрушительными (т.-е. либеральными), интеллигенцію собственно русскую не слѣдуетъ предпочитать иновѣрцамъ и инородцамъ нашимъ:—татарамъ, черкесамъ, остзейскимъ баронамъ, якутамъ и полякамъ. Либерализмъ вышелъ именно изъ христіанскихъ странъ, какъ *антитеза духовному, аскетическому стѣснительному* христіанству, а не изъ горъ Кавказа или Мекки. Къ мусульманскимъ народамъ либерализмъ прививается трудно. Остзейцы были всегда равнодушны къ *націи* русской—это правда, но они вѣрою и правдою служили *Царю,* отъ *націи русской* отдѣлимому только метафизически, а не реально. Служа хорошо Государю, они *намъ* служили; они служили *косвенно* и православію. У поляковъ *о настоящемъ нигилизмѣ* меньше слышно, чѣмъ у насъ; они не благодѣтели рода человѣческаго, какъ мы... хотѣли обмануть нашихъ нигилистовъ и перевѣшать ихъ тотчасъ же послѣ выдѣленія мечтательнаго царства польскаго.

Итакъ, у всѣхъ иновѣрцевъ и инородцевъ нашихъ охранительныя начала крѣпче, чѣмъ у насъ, *именно потому,* что они *завоеваны или, иначе, присоединены; примиренiе основательное, глубокое* свершиться можетъ поэтому не на почвѣ взаимныхъ и немыслимыхъ религiозныхъ уступокъ, *а въ общемъ индиферентизмѣ, который только бы усилилъ наши отрицательныя, либеральныя начала.* Сперва индиферентизмъ и общее свободолюбiе, вмѣсто старыхъ претензiй на *мѣстныя особыя права*, потомъ выдѣленiе изъ сѣрой массы общей либеральности,—краснаго всеобщаго нигилизма.

5. Поэтому для нашего, *слава Богу, еще пестраго* государства полезны своеобычныя окраины; полезно упрямое иновѣрчество; слава Богу, что *нынѣшней руссификацiи* дается отпоръ. *Не прямо полезенъ* этотъ отпоръ, *но косвенно;* католичество есть главная опора полонизма, положимъ, но оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ лучшихъ орудiй противъ общаго индиферентизма и безбожiя.

Вѣра въ Христа, апостоловъ и въ святость Вселенскихъ Соборовъ, положимъ, не требуетъ непремѣнно вѣры въ Россiю. Жила церковь долго безъ Россiи, и если Россiя станетъ недостойна,—*Вѣчная* церковь найдетъ себѣ новыхъ и лучшихъ сыновъ.

И хотя сила церкви необходимѣе для Россiи, чѣмъ сила Россiи для церкви, но все-таки пока Россiя дышетъ и стоитъ еще подъ *знаменемъ православiя,* церковь отказаться отъ нея не можетъ. *И не только русскiй вѣрующiй,* но и японскiй прозелитъ долженъ желать блага Русскому государству, какъ наилучшей все-таки опорѣ православiя.

6. Если же сила Россiи полезна для церкви, то для вѣрующаго члена той же церкви (хотя бы и временно, положимъ) должно быть если не дорого, то хоть сносно все то, что хотя бы *косвенно* и невольно охраняетъ Россiю, все, что кладетъ препоны совокупности основныхъ русскихъ золъ, именно: либерализму, безбожiю, утилитарному мiровоззрѣнiю, ложно понятому реализму воспитанiя и обученiя... и т. д.

7. Частныя національныя инсуррекціи черезъ 15—20 лѣтъ *вовсе не очень страшны.* Частныя инсуррекціи, подъ *опредѣленными національными знаменами,*—вещь сносная; онѣ возбуждаютъ и въ насъ религіозное чувство и національную доблесть хоть на время. *Тихій и мирный ходъ домашняго разложенія во сто кратъ ужаснѣе.*

Къ тому же поляки перестали, повидимому, думать объ инсуррекціяхъ противъ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ Германія, готовая *до-тла* ихъ пожрать, стала такъ сильна.

Что касается до ихъ кокетства съ Австріей, съ одной стороны, а съ другой—до соглашенія Австріи съ Германіей, будто бы, противъ насъ, то первое можно счесть неопаснымъ уже потому, что *второе* едва ли можетъ быть прочно. Если бъ *такая бѣда* и случилась паче чаянія, то можно быть увѣреннымъ, что Германія, послѣ двухъ-трехъ нашихъ побѣдъ надъ австрійцами, поспѣшила бы покинуть Австрію только для того, чтобы всей силой своей обрушиться скорѣе на Францію, *если бы та шелохнулась...*

Хорошо обращать уніатовъ въ православіе, но еще бы нужнѣе придумать: какъ *своихъ,* москвичей, калужанъ, псковичей и, особенно, жителей Сѣверной Пальмиры, *просвѣтить Свѣтомъ Истины?*

Съ упорными *иновѣрцами* окраинъ Россія, со временъ Іоанновъ, все росла, все крѣпла и прославлялась, а съ „европейцами" великорусскими она, въ какихъ-нибудь полвѣка, пришла... Къ чему она *пришла*—мы видимъ теперь!..

Между прочимъ, и къ тому, что и русскій старовѣръ, и ксендзъ, и татарскій мулла, и самый дикій и злой черкесъ стали лучше и безвреднѣе для насъ нашихъ единокровныхъ и *по названію (но не по духу конечно) единовѣрныхъ братьевъ!*

II.

Отрывокъ изъ письма объ Остзейскомъ краѣ.

„...Что касается до Остзейскаго края, то я сознаюсь вамъ, что не могу сказать о немъ ничего рѣшительнаго и подробнаго. Въ умѣ моемъ больше вопросовъ по этому поводу,

чѣмъ отвѣтовъ. Вопросы эти, вѣрнѣе сказать, полу-вопросы полу-отвѣты истекаютъ, впрочемъ, всѣ изъ той простой и ясной основной мысли, что все уравнительное и освободительное (вдобавокъ, очень быстрое) движеніе предыдущаго двадцатипятилѣтія было не то, чтобы ошибкой (оно было, видимо, неотвратимо), а *самообольщеніемъ*... Самообольщеніемъ оно было въ томъ смыслѣ, что на него очень немногіе смотрѣли только какъ на неизбѣжное государственное горе, какъ на средство предотвратить зло еще худшее (т. е. демократизацію *инсуррекціонную*);—такъ смотрѣли на наше эгалитарно-либеральное движеніе 60 и 70-хъ годовъ, конечно, очень немногіе и все больше люди, такъ называемые, „отсталые" отъ идей движенія, а *не опередившіе* мыслію это обманчивое движеніе.

Несчастіе наше было не столько въ сознаніи необходимости подобнаго движенія, сколько въ *его искренности, наивности, даже въ значительной теплотѣ.* Другое дѣло *вѣрить въ неизбѣжность* движенія и, какъ говорится, faire la part du siècle; другое дѣло вѣрить въ *государственную пользу* этого движенія, потому только, что оно *гуманно* или представляется намъ въ идеалѣ таковымъ. Эта разница во взглядахъ уже сама по себѣ приводитъ къ значительной разницѣ въ способѣ осуществленія необходимыхъ перемѣнъ... Еще проще и яснѣе говоря:—*я не вѣрю въ возможность долгаго существованія безсословныхъ* и *провинціально однородныхъ государствъ,* и разгадка почти повсемѣстнаго современнаго общественнаго разстройства, по моему, состоитъ въ томъ, что тонкая и глубокая долговременная и привычная *разно*-мѣрная и *разно*-степенная принудительность прежнихъ *сословно-корпоративныхъ* и *провинціально-разнородныхъ* государствъ и государственныхъ союзовъ замѣнилась такимъ строемъ, который можно назвать *свободно-ассоціаціоннымъ* или стремящимся приблизиться къ этому идеалу *легкорасторжимыхъ* свободныхъ ассоціацій *). Преобладаніе выборнаго начала, демократи-

*) Подробнѣе и яснѣе о томъ же въ I томѣ (Востокъ, Россія и Славянство),—послѣднія 6 главъ статьи „Византизмъ и Славянство";—главы эти озаглавлены: *„что такое процессъ развитія"*,—*„О государственной формѣ* и т. д.". Прим. авт. 1885.

ческія конституціи, *вполнѣ вольнонаемный трудъ, легкая и безграничная свобода купли и продажи,* гражданскій бракъ, краткосрочность и всесословность военной службы, уничтоженіе *родовыхъ* правъ и обязанностей, *легкая отчуждаемость недвижимой собственности и болѣе быстрый противъ прежняго переходъ ея изъ рукъ въ руки,* излишнее облегченіе *передвиженій* и вообще ни для чего *серьезнаго не нужная* быстрота сношеній и, вслѣдствіе всего этого, *однообразіе* быта, понятій, характеровъ, однородность вкусовъ, привычекъ, потребностей и даже *претензій* безъ всякихъ на эти претензіи *особыхъ* правъ мистическихъ, родовыхъ, *октроированныхъ* или пріобрѣтенныхъ *дѣйствительно высшими* дарованіями: вотъ картина нынѣшнихъ *ассоціаціонныхъ и стремящихся къ однообразному расторженію обществъ.* Тутъ два спасенія: во 1-хъ, какіе-то искусственные и безпощадные желѣзные крюки администраціи; во 2-хъ, сохраненіе всѣхъ тѣхъ *неравенствъ* и всѣхъ тѣхъ *неравноправностей,* которыя можно еще сохранить дружными усиліями, *дабы сберечь ихъ къ тому времени, когда теорія* (всегда практикѣ государственной предшествующая), умудренная печальнымъ опытомъ истекающаго вѣка—отъ 1789—1882 г., напримѣръ, не отвергнетъ окончательно и на цѣлые вѣка нынѣ отживающій *утилитарный идеализмъ* и не возвратится снова къ болѣе сообразному съ законами соціальными и психологическими *мистико-реалистическому* строю. Франція,—передовая страна прошедшаго въ концѣ XVIII вѣка—водрузила первая это знамя утилитарнаго идеализма, который, кромѣ разрушенія и машинъ (тоже страшныхъ орудій общаго разстройства), ничего не далъ; пріятно было бы мечтать, что Россія, во главѣ какого-нибудь восточнаго союза, рѣшится перефразировать отжившій возгласъ: „равенство, свобода, братство!“ слѣдующимъ образомъ: — Да! конечно... *братство... но только о Христѣ;* т. е. братство какъ можно менѣе равныхъ и однородно поставленныхъ... (даже и *въ продажѣ и куплѣ* вовсе не особенно свободныхъ и равноправныхъ) людей.

Въ это *новое созиданіе* должно, конечно, войти многое изъ *сохраненнаго,* какъ вошло много стараго, сохраненнаго отъ

Эллады и Рима въ новое созиданіе Византіи (1000-лѣтней) и Романо-Германской Европы.

Теперь—до разрѣшенія восточнаго вопроса, надо одно—*подмораживать* все то, что осталось отъ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, и какъ можно подозрительнѣе (*научно*-подозрительнѣе) смотрѣть на все то, чѣмъ подарило насъ движеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Вотъ какими общими мыслями я руковожусь, когда думаю о нашихъ окраинахъ.

Пестро и неслишкомъ подвижно—государственно; однообразно и очень подвижно—не государственно. Дѣло не въ *однородности,* а въ высшемъ *единствѣ* власти и духа.

2) Вы *), кажется, произнесли слово „справедливость", говоря объ „остзейцахъ".

Въ дѣлахъ Остзейскаго края теперь, мнѣ кажется, слѣдуетъ предпочитать справедливость условную, т. е. законность, *связанную съ преданіями этого края,* справедливости абсолютной, т. е. право нѣмецкихъ бароновъ предпочитать эсто-латышскому демократическому движенію. Имена нѣмецкой аристократіи связаны съ военнымъ и политическимъ величіемъ православной Россіи; а эсто-латышское движеніе ни съ чѣмъ; развѣ съ либеральной модой...

3) Не напоминаютъ ли вамъ эти эсты и латыши болгаръ? Греки (Фанаріоты)—церковное охраненіе, великія воспоминанія; болгары—либерализмъ безъ воспоминаній и *съ темнымъ, непонятнымъ будущимъ.* Остзейскіе дворяне:—государственное охраненіе и славные подвиги на русской службѣ; а эсты что такое? На что они намъ? Болгары, по крайней мѣрѣ, и славяне, и въ (простонародномъ) большинствѣ народъ, вѣрующій *по-нашему;* эсты—протестанты и сдѣлать ихъ серьезными православными трудно.

4) Я не изучалъ учрежденій Остзейскаго края и не буду, вѣроятно, никогда ихъ внимательно изучать; и мнѣ вовсе этого и не нужно, чтобы усомниться не только въ пользѣ эсто-латышской демократизаціи (т. е. въ пользѣ предпоч-

*) Редакторъ *Гражданина.*

тенія протестантовъ плохихъ и непородистыхъ протестантамъ блестящимъ и породистымъ),—но даже и въ пользѣ „руссификаціи“...

Что такое „руссификація“ я до сихъ поръ не знаю! Европеизація—вотъ это ясно. Если бы была гдѣ-нибудь—*китаизація* или *японизація*—тоже было бы понятно. *Древняя эллинизація* тоже ясна.

Когда мы видимъ, напр., что въ дикой Арменіи во время 1-го римскаго тріумвирата представлялись при дворѣ Царя трагедіи Эврипида (у Плутарха; біографія Красса)—это понятно. И когда у Россіи будетъ все или хоть очень многое *свое,* хотя бы и вовсе не демократическое, *но свое,* тогда руссификація будетъ побѣдоносна, *плодоносна* и естественна. А теперь, что это такое? Обыкновенная очень жидкая, блѣдная и нивелирующая европеизація,—больше ничего. Руссификація *языка;* это еще лучше всего; языкъ нашъ, конечно, надо нѣмцамъ знать; хотя и то сказать, что книгу написанную объ Россіи по-французски и англійски и т. д., при оригинальности благопріятныхъ и умныхъ взглядовъ на нашу родину, (напр. нѣкоторыя мѣста въ сочиненіи француза Cyprien Robert *Le Monde grecoslave*)—можно назвать болѣе русской, чѣмъ большую часть того, что у насъ за послѣдніе года писалось и прославлялось на нашемъ—родномъ языкѣ. Впрочемъ, языкъ русскій для *иновѣрцевъ* наилучшее средство прикрѣпленія къ Россіи. Но вѣдь *бароны,* вѣроятно, примирятся съ обязательнымъ введеніемъ русскаго языка, если это введеніе не будетъ связано *съ разрушеніемъ ихъ мѣстныхъ аристократическихъ правъ?* Впрочемъ, не знаю; я только спрашиваю себя. Я позволяю себѣ *сомнѣваться на основаніи моихъ общихъ взглядовъ,* выраженныхъ подробно въ вышеупомянутой статьѣ I-го тома: „Византизмъ и Славянство“.

Другое дѣло эти обще-русскіе суды!.. Къ чему это *однообразіе* учрежденій?.. При разнообразіи мѣстныхъ учрежденій гораздо легче управлять... Многое тогда держится само собою, собственнымъ сцѣпленіемъ, безъ „желѣзныхъ крюковъ искусственной администраціи“. И какіе же это такіе *русскіе* суды? Я *русскихъ* судовъ не знаю. У насъ есть теперь общеевропейскіе,

демократическіе и нивеллирующіе суды; а собственно русскихъ нѣтъ. Нельзя назвать русской одеждой казацкія панталоны отъ того, что онѣ немного пошире другихъ, или съ какимъ-нибудь кантикомъ. А вотъ цвѣтную рубашку *на выпускъ*— можно назвать русской одеждой.

Поземельная община, неотчуждаемость участка—это тоже вещь и русская, и охранительная, и будущность *могущая имѣть* (если мы съ ней будемъ бережно обходиться). Вотъ если бы мы по всѣмъ окраинамъ вводили даже и насильственно, съ разными мѣстными оттѣнками, общинное землевладѣніе; хотя бы даже рядомъ съ майоратами, въ ущербъ только непрочной мелкой и средней личной собственности, которыя въ политической сферѣ понятій соотвѣтствуютъ двумъ худшимъ язвамъ нашего времени—*умѣренному либерализму и республиканскому якобинизму* (вспомните Францію), если бы мы вездѣ запрещали *пролетаризмъ* *) и *деспотически объявляли бы не право на землю,* ибо это отзывается грабежомъ, а скорѣе *обязанность* какого-нибудь *минимума недвижимости*, и этой мѣрой, крутой и стѣснительной для многихъ, но благодѣтельной для общаго настроенія, придавали бы больше *устойчивости* обществу; то все это, вмѣстѣ съ *серьезной* проповѣдью православія и обязательностью русскаго языка, можно бы назвать хорошей руссификаціей. А если мы, напримѣръ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ вмѣсто Шаріата будемъ вводить свѣтскіе *обще-европейскіе* суды, или въ Остзейскомъ краѣ, вмѣсто *европеизма феодальнаго,* который далъ царямъ русскимъ столькихъ хорошихъ полководцевъ и политиковъ, будемъ вводить *европеизмъ эгалитарно-либеральный,* который, кромѣ адвокатовъ, обличительныхъ корреспондентовъ, „реальныхъ" наставниковъ и т. п., ничего не далъ и дать не можетъ, то какая же это руссификація?..

---

*) *Не пауперизмъ*; пауперизмъ—вещь *субъективная,* не осязательная, измѣнчивая; его не только запретить, его *уничтожить нельзя.* Въ иныя минуты Монархъ, которому недостаетъ нѣсколько десятковъ милліоновъ для веденія необходимой войны, можетъ чувствовать себя беднѣе, чѣмъ нищій, которому щедрый человѣкъ вздумалъ дать три рубля.

Если что-нибудь подобное будетъ нами дѣлаться *для эстовъ и латышей*, то это очень печально. Всѣ эти Мантейфели, Бреверны де-ла-Гарди, Шау-фонъ-Шауфуссы,—образы и величины опредѣленныя и значительныя. А что такое эсты? Къ чему эта племенная демократизація? Пусть ихъ не слишкомъ тѣснятъ, и довольно!

Мы еще все не устали *равнять*, мы еще все *летимъ по инерціи куда-то!* При однообразіи, сказалъ я, труднѣе управлять; *потребности и претензіи сходнѣе, а средствъ удовлетворять имъ нѣтъ.* Я, впрочемъ, не знаю, навѣрное, какія реформы предстоятъ Остзейскому краю, но и не зная, *я боюсь ихъ.*

5) Не нужно ли различать, впрочемъ, дворянство отъ бюргеровъ? Я думаю, это необходимо.

Дворянство Остзейскаго края вѣрой и правдой служило Россіи и будетъ еще служить, если мы его будемъ щадить; а бюргертумъ безполезнѣе и пожалуй вреднѣе *намъ.* Привилегіями и уваженіемъ мы бароновъ всегда отклонимъ отъ Германіи; а бюргеровъ—едва ли. Тутъ еще эсты пожалуй что-нибудь и значатъ... можетъ быть...

6) Да еще стоитъ ли намъ много и думать о Балтійскомъ морѣ вообще? *Не пора ли намъ теперь обратно: изъ варягъ въ греки?* Я убѣжденъ глубоко, что все то, что вредно для величія и силы *города* Петербурга,—полезно для Россіи. Петербургъ не Парижъ, не Римъ, и Россія не съ городомъ связана, а съ *живой душой, съ Государемъ!* Столицъ мы много мѣняли, и всякій разъ съ *временной* пользой; *перемѣнимъ и еще! А пока, вообще, нужно поменьше движенія въ обществѣ. Отдохнемъ и соберемся съ мыслями и силами передъ недалекимъ и страшнымъ разрѣшеніемъ великаго во всѣхъ отношеніяхъ Восточнаго вопроса!*

Когда я говорю „страшный вопросъ“, „страшное дѣло“, „страшное разрѣшеніе“, то я думаю при этомъ, конечно, не о войнахъ. Войны, какъ счастливыя, такъ и неудачныя, могутъ еще имѣть на насъ въ высшей степени благотворное „развивающее“ и культурно-обособляющее вліяніе.

Если на меня находитъ нѣчто въ родѣ „священнаго ужаса“ при мысли о „Восточномъ вопросѣ“, то это вотъ отъ чего: я спрашиваю себя, будемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ тѣми представителями *новаго* „культурнаго типа“, какихъ желаетъ и надѣется видѣть въ насъ Н. Я. Данилевскій, или мы заражены демократическимъ, утилитарнымъ и всячески уже теперь опошленнымъ европеизмомъ до убійственной и позорной неисцѣлимости? Вотъ что ужасно! Правда, признаковъ *хорошихъ* (обособляющихъ насъ) за послѣдніе три-четыре года обнаружилось много, но когда подумаешь, до чего еще трудно „выколотить“ изъ насъ либеральнаго „европейца“, то станетъ очень грустно! А изъ болгаръ, изъ сербовъ, изъ грековъ и румынъ „вытравить“ Ласкера, Вирхова, Брайта, Гладстона, Гамбетту и Эмиля-Жирардена—еще много труднѣе!!

ЗАПИСКИ ОТШЕЛЬНИКА.

Два графа: Алексѣй Вронскій и Левъ Толстой *).

Было время, когда и я не любилъ военныхъ. Я былъ тогда очень молодъ; но, къ счастью, это длилось недолго!

Воспитанный на либерально-эстетической литературѣ 40-хъ годовъ (особенно на Ж. Зандѣ, Бѣлинскомъ и Тургеневѣ), я въ первой юности моей былъ въ одно и то же время и романтикъ и почти нигилистъ. Романтику нравилась *война*; нигилисту претили *военные*.

Я самъ удивляюсь, какъ могли совмѣщаться тогда въ неопытной душѣ моей самые несовмѣстимые вкусы и мнѣнія! Удивляюсь себѣ; но зато понимаю иногда очень хорошо и нынѣшнихъ запутанныхъ и сбитыхъ съ толку молодыхъ людей.

И однихъ ли молодыхъ только?.. Развѣ у насъ мало и старыхъ глупцовъ?

До этихъ людей теперь только дошло многое изъ того, что насъ *(немногихъ въ то время)* волновало, утѣшало и раздражало тридцать лѣтъ тому назадъ... *Прогрессъ* напр. *Какой* именно прогрессъ?.. Развѣ я понималъ въ 20—25 лѣтъ ясно—*какой? Прогрессъ, образованность, наука, равенство, свобода!* Мнѣ казалось все это тогда очень яснымъ; я даже, кажется, думалъ тогда, что все это одно и то же... *Даже и революція* мнѣ нравилась; но, припоминая теперь свои тогдашнія чувства, я вижу, что мнѣ въ то время нравилась только романтическая, эстетическая сторона этихъ революцій: опасности, вооруженная борьба, сраженія и „баррикады" и т. п. О *вредѣ* или *пользѣ* революцій, о послѣдствіяхъ ихъ я думалъ въ тѣ молодые годы гораздо меньше. Почти совсѣмъ не думалъ.

Я, самъ того не сознавая, любилъ и въ гражданскихъ смутахъ ихъ военную, боевую сторону, а никакъ не *штат-*

---

*) Гражданинъ, 1888 г.

скую цѣль ихъ... Воинственныя *средства* демократическихъ движенiй нравились моему сильному воображенiю и заставляли меня довольно долго забывать о прозаическихъ плодахъ этихъ опасныхъ движенiй. Я оказывался въ глубинѣ души моей гораздо болѣе военнымъ по духу, чѣмъ могъ того ожидать въ то время, когда настоящихъ военныхъ не любилъ. Я сказалъ: — „довольно долго“ воинственныя средства революцiи заставляли меня забывать—ихъ уравнительныя *пошлыя* цѣли. Отъ досады на тогдашнюю путаницу моихъ мыслей я сказалъ—„долго“.—Но по сравненiю со многими другими людьми, пребывшими быть можетъ на всю жизнь въ стремленiи къ всеобщему мирному и деревянному преуспѣянiю,—я исправился скоро... Время счастливаго для меня перелома этого—была смутная эпоха польскаго возстанiя; время господства ненавистнаго Добролюбова; пора европейскихъ *нотъ* и блестящихъ отвѣтовъ на нихъ князя Горчакова. Были тутъ и личныя, случайныя, сердечныя влiянiя, помимо гражданскихъ и умственныхъ. Да, я исправился скоро, хотя борьба *идей* въ умѣ моемъ была до того сильна въ 62 году, что я исхудалъ и почти цѣлыя петербургскiя зимнiя ночи проводилъ нерѣдко безъ сна, положивши голову и руки на столъ въ изнеможенiи страдальческаго раздумья... Я *идеями* не шутилъ и не легко мнѣ было „сжигать то“, чему меня учили поклоняться и наши и западные писатели... Наши—путемъ искуснаго и тонкаго отрицанiя или ложнаго, одностороннягo освѣщенiя жизни (хотя бы и самъ Гоголь — „Какъ все у насъ скверно!“), а западные—открыто и прямо (хотя бы Ж. Зандъ:— „Какъ прекрасенъ демократическiй прогрессъ“)... Но я *хотѣлъ* сжечь и сжегъ!.. Догорѣла послѣдняя тряпка гоголевскихъ *обносковъ*; истлѣла послѣдняя вѣтка той фальшивой, искусственной оливы мира, которую такъ мило и такъ долго подносила мнѣ обворожительная, *но хитрая* Аврора Дюдеванъ. Я сталъ находить, что Гоголь какой-то генiальный уродъ, который самъ слишкомъ поздно понялъ весь вредъ, приносимый его могучимъ комическимъ даромъ... Я сталъ подозрѣвать очень зло, что Дюдеванша (у которой я прежде жаждалъ поцѣловать туфлю или подолъ и серьезно мечталъ—

съѣздить за этимъ во Францію, въ Берри и въ самый *Nohant*...) я сталъ подозрѣвать, что она бываетъ поочередно *то сама собою*, то нѣтъ; то искренна, то притворна... Въ Лукреціи искренна; въ Теверино и милыхъ пастораляхъ своихъ искренна; въ „Грѣхѣ г. Антуана“ и въ другихъ соціалистическихъ романахъ своихъ притворна; ибо она слишкомъ умна, чтобы не понимать, что уничтоженіе повсюду монархіи, дворянства, мистическихъ, положительныхъ религій, войнъ и неравенства—привело бы къ такой ужасающей прозѣ, что и вообразить страшно!..

Эстетика *жизни* (не искусства!.. Чортъ его возьми искусство—безъ *жизни!..*), поэзія *дѣйствительности* невозможна безъ того *разнообразія—положеній* и *чувствъ*, которое развивается благодаря неравенству и борьбѣ...

Эстетика спасла во мнѣ гражданственность... Разъ я понялъ, что для боготворимой тогда мною *поэзіи жизни*—необходимы почти всѣ тѣ общія формы и виды человѣческаго развитія, къ которымъ я въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ моей первой молодости былъ равнодушенъ и иногда и недоброжелателенъ,—и что надо противодѣйствовать ихъ утилитарному разрушенію,—для меня стало понятно, на *которую сторону стать:* на сторону всесторонняго развитія или на сторону лже-полезнаго разрушенія.

Я сталъ любить монархію, полюбилъ войска и военныхъ, сталъ и *жалѣть* и цѣнить дворянство, сталъ восхищаться статьями Каткова и Муравьевымъ-Виленскимъ; я поѣхалъ и самъ на Востокъ съ величайшей радостью—защищать даже и православіе, въ которомъ къ стыду моему, сознаюсь, я тогда ни бельмеса не понималъ, а только любилъ его воображеніемъ и сердцемъ.

Государство, монархію, „воиновъ“ я понялъ раньше и оцѣнилъ скорѣе; Церковь, Православіе, „жрецовъ“—такъ сказать—я постигъ и полюбилъ позднѣе; *но все-таки постигъ*; и *они*-то, эти благодѣтели мои, открыли мнѣ простую и великую вещь,—что всякій *можетъ увѣровать*, если будетъ искренно, смиренно и пламенно жаждать вѣры и про-

сить у Бога о ниспосланіи ея. И я молился и увѣровалъ. Увѣровалъ слабо, недостойно, но искренно.

Съ той поры я думаю, я вѣрю, что благо тому государству, гдѣ преобладаютъ эти „жрецы и воины“ (епископы, духовные старцы и генералы меча) и горе тому обществу, въ которомъ первенствуютъ „софистъ и риторъ“ (професcоръ и адвокатъ)... Первые придаютъ *форму* жизни; они способствуютъ ея охраненію; они не допускаютъ до расторженія во всѣ стороны общественный *матеріалъ*; вторые по *существу своего призванія* наклонны способствовать этой гибели, этому плачевному всерасторженію...

Съ той поры я готовъ чтить и любить такъ-называемую „науку“ *только тогда*, когда она *свободно* и *охотно* служитъ не сама себѣ только и не демократіи, а религіи, какъ служитъ самоотверженная и честная служанка царицѣ; какъ служитъ, напримѣръ, и въ наше время эта благородно-порабощенная вѣрѣ наука у епиcк. Никанора въ его книгѣ „Позитивная философія“ или у Владимира Соловьева въ его „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“, какъ служила она у Хомякова, хотя бы и нѣсколько своевольному, но все-таки въ основѣ глубоко-православному его чувству. Я уважаю науку тогда, когда она посредствомъ нѣкотораго *самоотрицанія*, посредствомъ частыхъ сомнѣній въ собственной пользѣ и полезной силѣ, приготовляетъ просвѣщенный умъ человѣка къ принятію *положительныхъ* вѣрованій; то есть такихъ вѣрованій, при которыхъ духовныя, таинственныя (мистическія) начала не могутъ выразиться въ одной отвлеченной и скучной какой-то морали, но ищутъ *воплотить* себя даже и въ *вещественныхъ* явленіяхъ внѣшняго богопочитанія. Пожалуй — я скажу, если хотите, въ томъ самомъ „ханжествѣ“, котораго почему-то такъ боится г. Ѳ. Г—въ, недавно негодовавшій въ „Моск. Вѣд.“ на „обскурантизмъ“ „Гражданина“.

И что такое въ самомъ дѣлѣ это „ханжество“? Всякій, я надѣюсь, знаетъ, что „ханжество“ и „лицемѣріе“ не одно и то же. „Ханжество“, какъ слово порицательное, значитъ (въ устахъ людей употребляющихъ его) *излишняя*, до мелочности доведенная преданность всей совокупности внѣшняго церков-

наго культа, а совсѣмъ не притворство. Поклоненіе иконамъ и мощамъ, частое хожденіе въ храмы, молитвы „по правилу", а не по одному порыву; исповѣдь и причащеніе; уваженіе къ монашеству, даже и къ слабому (*какое есть*—что дѣлать!) и т. д. Да, вѣдь это-то и *есть Православіе* и больше ничего; одинъ вѣрующій можетъ больше проникнуться любовью къ таинственнымъ, духовнымъ началамъ христіанства и чувствовать потребность чаще вступать съ ними въ общеніе посредствомъ вещественной, воплощенной, такъ сказать, святыни; другой—поменьше; третій—изрѣдка; четвертый—не только самъ влечется къ этому всему, но и проповѣдуетъ все это другимъ; положимъ, хоть такъ, какъ дѣлалъ покойный Аскоченскій. Я „Домашней Бесѣды" никогда не читалъ, но если Аскоченскій предпочелъ христіанскую набожность общеевропейской учености, то это дѣлаетъ ему великую честь, и тутъ нѣтъ никакого „обскурантизма" (какъ это старо и глупо—„обскурантизмъ!"), а напротивъ того просвѣтлѣніе русскаго ума, свергнувшаго съ себя вериги чужого раціонализма... Не знаю навѣрное, кто это писалъ подъ этими буквами: *Ѳита* и *Глаголь.*

Боюсь догадаться!.. Мнѣ стыдно за *него*, если дѣйствительно это тотъ, на кого я думаю. О, умный и почтенный другъ мой, прошу тебя, умный и добрый мой Ѳ... не печатай ты впредь такого легкомысленнаго вздора!.. Въ глазахъ *истиннаго* христіанина—обращеніе къ Богу и Церкви, хотя бы и вслѣдствіе страданія спинного мозга, какъ у Аскоченскаго, по словамъ твоимъ, послѣ страстно прожитой молодости—ничуть вѣдь обратившагося не роняетъ. Пути у Бога разные. Энергическій натуралистъ Сѣверцовъ сталъ молиться отъ *страха* въ плѣну у коканцевъ; геніальный врачъ Пироговъ—молился въ горькія минуты жизни, а потомъ уже нашелъ, что не молиться въ дни спокойствія и радости—неблагодарно и низко. Тотъ сталъ молиться потому, что потерялъ любимую женщину, съ которой былъ счастливъ; другой оттого, напротивъ, что съ женщиной—несчастливъ; третій — сталъ пламенно - искренно набоженъ, потому что у него *у самого отвратительный нравъ* и его ни-

кто не любитъ, и никого у него нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ Бога... Съ Нимъ онъ бесѣдуетъ въ храмѣ и одинъ въ комнатѣ своей къ Нему простираетъ руки и плачетъ и говоритъ: „Боже, Боже мой!—я знаю, какъ я несносенъ, какъ я неуживчивъ, какъ я слабъ и сердитъ; понимаю, что люди тяготятся мною,—но Ты, Господи,—Ты пощади меня, подкрѣпи, и утѣшь, и прости мнѣ!“ А людямъ онъ и не безъ основанія противенъ. Быть можетъ онъ даже и лукавъ по природѣ съ людьми, *но съ Богомъ нельзя вѣдь лукавить* вѣрующему въ Него... И тутъ опять случается ошибка;—говорятъ, путая понятія и слова: „Ханжа, лицемѣръ, набожный и лукавый“. Лукавый съ людьми—не значитъ лицемѣръ передъ Богомъ... Это значитъ только, что сила вѣры этого человѣка недостаточна для одолѣнія силы его врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ пороковъ... И только; а Господь на страшномъ и справедливомъ судѣ своемъ, зная его *врожденныя* свойства, будетъ вѣроятно судить его, лукаваго и несноснаго, снисходительнѣе, чѣмъ многихъ изъ насъ и добрыхъ, и любезныхъ и искреннихъ съ людьми... Все это „таланты“ и „проценты“ на нихъ... Да, „у Бога путей много!“... Tout chemin mène à Rome,—моя почтенная и ученая Ѳ—а!.. И эту азбуку *ученому* русскому человѣку надо *знать* даже и въ томъ случаѣ, если онъ бѣсовщину спиритизма предпочитаетъ православной набожности. Довольно, однако, объ этомъ. Я отвлекся.

Я думаю теперь о другомъ...

Теперь,—въ уединеніи моемъ, уже близясь къ могилѣ,—успокоенный и, благодаря идеаламъ и утѣшеніямъ этого самаго „ханжества“ (Московской Ѳитѣ непріятнаго), гораздо болѣе счастливый, чѣмъ во дни моей мечтательной, тщеславной и отвратительно-страдальческой юности, я стараюсь иногда отдать себѣ отчетъ, что портитъ больше и что воспитываетъ лучше русскихъ юношей: семья, школа или чтеніе... И мнѣ опять приходится немного разойтись съ редакторомъ „Гражданина“... Или не то, чтобы совсѣмъ разойтись, а, быть можетъ, къ тому же прійти, только болѣе окольными путями. Въ области чувства и дѣйствія я понимаю и люблю пути прямые:—въ области мысли я прямымъ

путямъ не довѣряю... „Гражданинъ“ все это время говорилъ о школахъ; я хочу сказать нѣсколько словъ о литературѣ по тому же самому поводу, по поводу влiянiя на молодые умы.—По-моему такъ: семья сильнѣе школы; литература *гораздо* сильнѣе и школы, и семьи.

Въ семьѣ *своей,* какъ бы мы ее ни любили, есть нѣчто будничное и фамильярное; самая хорошая семья дѣйствуетъ больше на сердце, чѣмъ на умъ; въ семьѣ мало для юноши того, что зовется „престижемъ“. Въ многолюдномъ учебномъ заведенiи — всегда есть много офицiальнаго, неизбѣжно формальнаго и тоже—будничнаго...

И не можетъ этого не быть... Поэзiи (души-то этой) во всякой большой школѣ мало... Самая стѣснительность неизбѣжной дисциплины; самая принудительность ученiя, столь полезная для выработки терпѣнiя, воли и порядка, все-таки скучны; забывать этого не надо, когда судимъ объ юности.

Только одна литература изъ всѣхъ этихъ трехъ орудiй влiянiя всемогуща; только она одарена огромнымъ „престижемъ“ важности, славы, *свободы* и *удаленiя.* Родители *свои* люди, въ большинствѣ случаевъ весьма обыкновенные: ихъ слабости, ихъ дурныя привычки намъ извѣстны; и самые добрые юноши чаще любятъ и жалѣютъ отца и мать—чѣмъ восхищаются ими. Очень хорошiя дѣти чаще *почитаютъ* родителей сердцемъ, чѣмъ *уважаютъ* ихъ умомъ. И надо сказать правду, что въ большинствѣ случаевъ большаго и требовать нельзя. И въ заповѣди ветхозавѣтной, переданной и христiанству, сказано: „*чти* отца твоего и матерь твою“; а не сказано: *люби* ихъ во что бы ни стало; или *уважай* ихъ *внутренно, насильно*, даже и тогда, когда они очень порочны, глупы или злы. Религiя требуетъ отъ насъ много труднаго, но невозможнаго она не требуетъ. *Чтутъ* въ человѣкѣ не характеръ его, чтутъ *отца. Изъ почтенiя* добрый и честный сынъ *уступаетъ* отцу даже и тогда, когда онъ имъ ничуть *не убѣжденъ*; ибо уступить въ моей волѣ, но убѣдиться не въ моей...

Школа тоже не можетъ такъ всевластно подчинить умъ

и волю юноши, какъ посторонній и удаленный отъ него во всемъ величіи своей славы писатель.

Отъ семьи и школы, даже и довольный ими юноша—радъ все-таки въ извѣстное время эмансипироваться; отъ литературы ему нечего освобождаться—онъ самъ ее ищетъ, самъ избираетъ, самъ съ любовью подчиняется ей. Вотъ въ чемъ разница!

А что дѣлала наша русская литература съ того времени, какъ Гоголь наложилъ на нее свою великую, тяжелую и отчасти все-таки „хамоватую" лапу?..

Я оставлю теперь въ сторонѣ публицистовъ и ученыхъ: я буду говорить только о романахъ и повѣстяхъ.

Что же дѣлала со временъ „Мертвыхъ душъ" и „Ревизора" наша будто бы „изящная" словесность?

— Изображала правду жизни, скажутъ мнѣ...

Ахъ! Полно—такъ ли?

Нѣтъ, не такъ! Жизнь, изображаемая въ нашихъ повѣстяхъ и романахъ, была постоянно ниже дѣйствительности... Я обрываю тутъ нить тѣхъ болѣе общихъ мыслей, которыя бы естественно должны слѣдовать за этимъ рѣшительнымъ моимъ опредѣленіемъ... и перейду пока прямо къ военнымъ героямъ въ русской литературѣ.

Въ дѣйствительной жизни для того, у кого извращенный въ основахъ духъ отходящаго скоро въ вѣчность XIX вѣка не исказилъ изящнаго вкуса и не убилъ здраваго смысла,—*военный будетъ всегда выше штатскаго,* конечно при всѣхъ остальныхъ равныхъ условіяхъ со стороны ума, характера, воспитанія, красоты и силы тѣлесной и т. д... Хорошо намъ, штатскимъ гражданамъ, *писать* о политикѣ и войнѣ, позволительно намъ подчасъ и *желать* даже этой войны для пользы отчизны и даже человѣчества; но не даромъ же спо-конъ-вѣка цѣнились и чтились *особенно* тѣ люди, которымъ выпадаетъ на долю нести за всѣхъ насъ труды, болѣзни и всѣ тягости походовъ и подвергаться всѣмъ ужасамъ и опасностямъ битвъ...

Это до того ясно, до того старо и до того вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно-ново (ибо вѣчно-справедливо), что я, напоминая

объ этомъ, не хочу и обращаться на этотъ разъ къ тѣмъ, которые бы потребовали отъ меня болѣе подробныхъ доводовъ. Я обращаюсь лишь къ тѣмъ, у которыхъ есть хоть зародышъ согласія со мной въ основаніи и хоть тѣнь сочувствія моей этой главной мысли: *военный* (при всѣхъ остальныхъ равныхъ условіяхъ личныхъ) *выше штатскаго по роли, по назначенію, по призванію.* При всѣхъ остальныхъ равныхъ условіяхъ—*въ немъ и пользы и поэзіи больше...* Это такъ просто и вѣрно, какъ то, что во львѣ и тигрѣ больше поэзіи и величія, чѣмъ въ волѣ и обезьянѣ (даже и въ большой какъ горилла); какъ то, что коринѳская колонна лучше всѣхъ колоннъ; какъ то, что Шекспиръ есть величайшій драматургъ всѣхъ временъ, или какъ то, что Левъ Никол. Толстой въ „Аннѣ Карениной“ и въ „Войнѣ и Мирѣ“ выше всѣхъ романистовъ нашего времени и за всѣ послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ во всемъ мірѣ.

(Прошу при этомъ понять, что я различаю *этого* прежняго, *настоящаго* Льва Толстого, творца „Войны“ и „Анны“ отъ его же теперешней тѣни... Тотъ Левъ—живой и могучій; а этотъ, этотъ — что такое?.. Что онъ — искусный притворщикъ или человѣкъ искренній, но впавшій въ какое-то своего рода умственное дѣтство?.. Трудно рѣшить... Расчетъ, однако, вѣрный на *раціоналистическое слабоуміе читателей!..*

Да, если бы онъ не сталъ теперь тѣнью прежняго „Льва“, то *онъ-то именно*, онъ, который такъ любилъ все *простое*, онъ прежнимъ сильнымъ умомъ своимъ давно бы понялъ такую *простую вещь:* какая же это *любовь* отнимать у людей шаткихъ *ту вѣру, которая облегчала имъ жестокія скорби земного бытія?* Отнимать эту отраду изъ-за чего? Изъ-за пресыщеннаго славой и все-таки ненасытнаго тщеславія своего?

Что-нибудь одно изъ двухъ: если *новый* Толстой не понимаетъ такой простой вещи, что колебать вѣру въ Бога и Церковь у людей неопытныхъ или слабыхъ, или поверхностно воспитанныхъ есть не любовь, а жестокость и преступленіе, то какъ ни даровитъ былъ Толстой прежній—

этотъ *новый* Толстой и въ *этомъ частномъ вопросѣ* просто выжилъ изъ *своего* ума! Или же если онъ и тутъ не совсѣмъ спутался въ мысляхъ, а *придумалъ* только чѣмъ бы еще неожиданнымъ на склонѣ лѣтъ прославиться, то какъ это назвать—я спрашиваю? Назвать легко: но боюсь, что названіе будетъ слишкомъ нецензурно—и умолкаю.

Впрочемъ спрошу себя еще: *не оттого ли онъ такъ много пишетъ о любви, что самъ по природѣ вовсе не слишкомъ добръ?*

Случается и это).

Итакъ, сдѣлавши эту необходимую и мнѣ, и читателю оговорку, я возвращаюсь къ прежнему. *Блестящій военный долженъ быть, какъ онъ прежде и бывалъ, по преимуществу героемъ романа.* Во всей же нашей литературѣ—военный высшаго круга не былъ истиннымъ героемъ романа со времени Лермонтова и до большихъ сочиненій Толстого.

Между „Героемъ нашего времени" и „Войною и Миромъ" прошло болѣе тридцати лѣтъ. Между злымъ, но поэтическимъ скептикомъ Печоринымъ и спокойнымъ, твердымъ и въ то же время страстнымъ Вронскимъ высится мрачный призракъ Гоголя (не Гоголя „Тарасъ Бульбы, Рима и Вакулы", а Гоголя „Мертвыхъ Душъ" и „Ревизора"); призракъ некрасивый, злобно-насмѣшливый, уродливый, „выхолощенный" какой-то, но страшный по своей все принижающей силѣ.

Изъ этого сѣраго мрака едва-едва высвобождаются (и то не вдругъ, а постепенно)—гдѣ Тургеневъ съ честнымъ Лаврецкимъ и энтузіастомъ Рудинымъ; гдѣ Писемскій съ благороднымъ масономъ своимъ и привлекательными „Людьми 40-хъ годовъ";—гдѣ Гончаровъ, не съ Обломовымъ, конечно, (ибо Обломовъ это тотъ же Тентетниковъ „Мертвыхъ Душъ"—только удачнѣе и симпатичнѣе исполненный), а скорѣе уже съ безсильнымъ, но тонкимъ и умнымъ Райскимъ. Гдѣ—Достоевскій съ нѣсколько блѣднымъ и далекимъ сіяніемъ христіанскаго креста надъ клоакой окровавленнаго гноища; а гдѣ и самъ Толстой въ своихъ первоначальныхъ повѣстяхъ, какъ односторонній, еще тогда не

слишкомъ самобытный поклонникъ, чрезъ мѣру потомъ прославленныхъ „простыхъ и скромныхъ“ русскихъ людей.

Больше всѣхъ отъ Гоголевскаго односторонняго *приниженія жизни* освободился, я говорю все-таки *онъ-же*—Левъ Толстой—и доросъ сперва до военныхъ героевъ 12-го года, а потомъ и просто-на-просто до современнаго намъ флигель-адъютанта—Алексѣя Кирилловича Вронскаго.

О Вронскомъ-то я и хочу поговорить подробнѣе и, между прочимъ, о томъ, почему намъ Вронскій гораздо нужнѣе и дороже самого Льва Толстого.

Безъ этихъ Толстыхъ (то есть безъ великихъ писателей) можно и великому народу долго жить, а безъ Вронскихъ мы не проживемъ и полу-вѣка. Безъ нихъ и писателей національныхъ не станетъ; ибо не будетъ и самобытной націи.

Романъ „Анна Каренина“ имѣетъ въ себѣ такое множество достоинствъ самаго высшаго разбора, что о немъ стоитъ написать цѣлую особую книгу и даже большую, какъ и сдѣлалъ недавно умершій молодой и даровитый критикъ Громека. (Послѣднія произведенія Гр. Л. Н. Толстого, Москва, 1885 года).

Я не могу этимъ заняться; и если бы могъ, то, конечно, заключенія мои были бы совсѣмъ иныя, чѣмъ у Громеки. Во многихъ отношеніяхъ они были бы даже совсѣмъ противоположны.

Громека, начавъ съ эстетическаго разбора этого великаго произведенія, очень искусно перешелъ потомъ къ собственному сочиненію: онъ придумалъ свой эпилогъ для „Анны Карениной“. Въ этомъ эпилогѣ критикъ будто бы самъ посѣщаетъ постарѣвшаго Левина въ его имѣніи и бесѣдуетъ съ нимъ „о любви“... (Разумѣется—не о романтической или о плотской любви къ женщинамъ; но о „любви“ всеобъемлющей, всечеловѣческой, или, какъ выражаются и Левинъ, и самъ Громека,—о *христіанской* любви). Изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа въ эпилогѣ Громеки мы встрѣчаемъ только Китти, жену Левина и его свояченицу Долли, уже вдовой... Легкомысленный и обворожительный мужъ Долли, князь Облонскій, умеръ; скончался также и графъ

Вронскій отъ тифа во время послѣдней нашей войны. Я нахожу, что безъ нихъ стало гораздо скучнѣе на свѣтѣ и пустѣе, и мрачнѣе. Если бы я вздумалъ подражать Громекѣ, я бы распорядился иначе судьбою дѣйствующихъ лицъ. У меня Вронскій непремѣнно былъ бы не только живъ, но и прославленъ подвигами подъ Плевной, на Шипкѣ и въ Балканскихъ снѣгахъ. Облонскаго судьбу я, право, не знаю, какъ бы рѣшить; но если ужъ въ эпилогѣ моемъ нужно кому-нибудь умереть, то у меня умерла бы скорѣе эта незначительная и практическая Китти; а Левина, который (какъ часто бываетъ съ людьми исключительными) сильно привязанъ къ этой весьма обыкновенной и не всегда пріятной женщинѣ, я послѣ этого удара или заставилъ бы смириться передъ Церковью, ѣздить по монастырямъ, поститься, поднимать икону Иверской Божіей Матери и какъ можно *больше дѣлать дѣйствительнаго, ощутительнаго добра,* иногда даже и весьма неохотно, принудительно, сухо, не всякій разъ по искреннему движенію сердца, не всякій разъ по добротѣ, по „любви человѣческой“, а и по „страху Божію“, по боязни согрѣшить, по *любви ко Христу,* по любви къ *послушанію* и т. д... Или, если уже оказалось бы, что онъ (Левинъ) рѣшительно неисправимъ, что онъ помѣшанъ на любви только къ *собственнымъ сердечнымъ движеніямъ,* къ своему „нравственному равновѣсію“, какъ иные выражаются, что для него по-прежнему не Богъ—*любы* есть, а *собственная его любы, его* мгновенныя добрыя движенія—*суть Богъ* и больше ничего; если бы онъ (Левинъ) не только бы продолжалъ такъ упорно *вѣровать* въ *себя* и *свое сердце,* но и открыто проповѣдывать это самообоженіе (наивное или притворное—не знаю); если бы онъ проповѣдывалъ эту безбожную *автолатрію,* а вѣру въ ученіе Церкви разрушалъ бы явно безъ всякаго состраданія къ незрѣлымъ и шаткимъ умамъ, — то я поскорѣе назначилъ бы Вронскаго губернаторомъ въ ту губернію, гдѣ Левинъ живетъ, и велѣлъ бы сперва зорко слѣдить за нимъ, а потомъ заключилъ бы его надолго въ одинъ изъ *самыхъ отдаленныхъ* монастырей. Кто знаетъ, быть можетъ, онъ тамъ бы опомнился и одумался... Бывали примѣры!—

Первая великая скорбь не сокрушитъ гордыню нашу, сокрушитъ вторая. У покойнаго Громеки въ его книгѣ (къ сожалѣнію, очень хорошо и благородно написанной) міровоззрѣніе совсѣмъ другое. У него Вронскій названъ „безсодержательнымъ“ человѣкомъ; а на Левина онъ смотритъ, какъ на нѣкоего благодатнаго старца, который можетъ намъ открыть даже и то, чего желаетъ самъ Богъ!

„Раскройте намъ тайны открывающейся вамъ *новой*, величайшей области прекраснаго! Говорите о Богѣ, о томъ, *какіе законы оставилъ Онъ намъ, и какъ ихъ намъ можно исполнить*“...

Вотъ что восклицаетъ подъ конецъ своего эпилога молодой и восторженный критикъ! Левину присвоивается какая-то уже не только умственная или нравственная, но и *мистическая* сила. *Его* изъясненіе Закона Божія—есть новый катехизисъ, пожалуй даже и улучшенное очищенное Евангеліе.

Да, можно сказать, „не поздоровится *(духовно)* отъ этакихъ похвалъ!“

Легко Левину *забыться*, слыша подобные возгласы, и счесть себя дѣйствительно священнымъ сосудомъ новаго откровенія!

„*Едва обрѣтается человѣкъ, могій терпѣти честь* (то есть принимать почести, не повреждаясь отъ гордости), *негли же* (а можетъ быть) *и отнюдь не обрѣтается!*“ говоритъ Исаакъ Сирійскій въ самомъ началѣ своего глубокомысленнаго творенія: „*Слова духовно-подвижническія*“.

Но оставимъ пока Левина съ его нравственными немощами (а по предлагаемому мною эпилогу—и съ его религіозными преступленіями) и обратимся къ самому создателю его характера,—графу Толстому, къ великимъ его эстетическимъ достоинствамъ и даже къ политическимъ (быть можетъ, и нечаяннымъ) заслугамъ его — въ двухъ большихъ его сочиненіяхъ „Войнѣ и Мирѣ“ и „Карениной“.

Трудно рѣшить, который изъ этихъ романовъ художественно выше и который политически-полезнѣе.

И тотъ и другой во всемъ такъ прекрасны; и тотъ и другой—хотя и не во всемъ, но во многомъ такъ полезны, что не знаешь, которому отдать предпочтеніе *во всецѣлости его.*

Я невольно останавливаюсь безпрестанно, и мысль моя, подавленная обиліемъ разнообразныхъ достоинствъ Толстого въ этихъ трудахъ, недоумѣваетъ, съ чего начать!..

Положимъ—съ *эпохи.* Великое время народной войны, эпоха, неизгладимая изъ памяти русской... Конечно, задача выше, содержаніе *въ этомъ* смыслѣ грандіознѣе, чѣмъ въ „Карениной“.

Такъ; но зато второй романъ *ближе* къ намъ, и потому его красоты могутъ имѣть на насъ, современниковъ, болѣе прямое вліяніе. Хорошо, чертами въ одно и то же время крайне реальными, *внушающими полное довѣріе,* и чувствами идеальными, насъ *возбуждающими къ лучшему,* увѣковѣчить въ памяти потомства годину всенароднаго героизма; но чрезвычайно похвально и современное намъ *высшее русское общество* изобразить *наконецъ-то по-человѣчески,* то есть безпристрастно, а мѣстами и съ явной любовью... Какъ не цѣнить этого, послѣ того, какъ въ теченіе цѣлыхъ тридцати и болѣе лѣтъ никто не могъ, не хотѣлъ и не умѣлъ за это взяться! Такъ называемый „мужичокъ“, „солдатикъ“, раздраженный завистью студентъ или разночинецъ, угнетенный чиновникъ Акакій Акакіевичъ, или, напротивъ того, чиновникъ-грабитель Щедрина; Титъ Титычъ Брусковъ, и въ самомъ лучшемъ случаѣ—благородный, но все-таки смѣшной Бородкинъ, или некрасивый Каратаевъ Тургенева, *) —вотъ кто былъ почти исключительно вправѣ занимать собою читателей въ теченіе этихъ истекшихъ тридцати или даже сорока лѣтъ. Что касается до людей болѣе или менѣе высокопоставленныхъ и „благовоспитанныхъ“ (другого слова никакъ не подыщу), то всѣ подобные болѣе изящные или болѣе привлекательные герои у Тургенева, у Гончарова и отчасти даже и

*) Записки Охотника.

у Писемскаго—или нестерпимо безхарактерны, или робки, или крайне нерѣшительны, или во многихъ случаяхъ даже низки (Калиновичъ), или не патріоты, или неловки и лѣнивы до карикатурности (Обломовъ), или физически слабы и не очень красивы и т. д.

Сколькимъ читателямъ, я увѣренъ, въ теченіе столькихъ лѣтъ приходила на умъ такая мысль:

— Въ частномъ случаѣ, вотъ въ томъ или этомъ, это, конечно, правда и прекрасно изображено. Но что жъ мнѣ дѣлать, если я въ дѣйствительной жизни самъ встрѣчалъ нерѣдко русскихъ людей и болѣе твердыхъ, и болѣе смѣлыхъ, и болѣе красивыхъ, и блестящихъ, и болѣе полезныхъ государству и обществу, чѣмъ всѣ эти полуотрицательные герои... Въ частностяхъ всѣ эти романисты правы, *во всецѣломъ отраженіи* русской жизни—они не правы.

А правъ былъ тотъ нѣмецкій критикъ, который сказалъ про героевъ Тургенева, кажется, такъ: „не думаю, чтобы всѣ русскіе мужчины были бы таковы“;—*одна одиннадцатимѣсячная осада Севастополя* доказываетъ противное!

Было ли очень много у насъ такихъ независимыхъ и прозорливыхъ читателей—не знаю; но, разумѣется, были и такіе..

Не всѣ очень умные люди пишутъ и печатаютъ; и не всѣ тѣ люди, которые пишутъ и печатаютъ, настолько умны, чтобы во-время на все это хорошо указать. Только у Толстого дѣйствительность русская во всей полнотѣ своей возвращаетъ свои права, утраченныя со временъ *сѣрыхъ* „Мертвыхъ Душъ“ и *сѣраго* „Ревизора“. Только *его реализмъ* (въ этихъ двухъ большихъ твореніяхъ, повторяю, а не въ прежнихъ болѣе слабыхъ повѣстяхъ)—только реализмъ Толстого *есть реализмъ широкій и правдивый.*

Только его творчество равняется русской жизни, а не стоитъ много ниже ея по содержанію и освѣщенію, какъ у всѣхъ другихъ. Справедливость требуетъ, конечно, упомянуть здѣсь еще о „Четверти вѣка...“ и „Переломѣ“ Маркевича... Но эти два, тоже правдивые, тоже изящные и тоже весьма высокіе романы появились все-таки позднѣе „Войны“

и „Анны" Толстого, такъ что *инициатива возстановленія*, такъ сказать, *эстетическихъ правъ русскаго высшаго общества* все-таки принадлежитъ не Маркевичу, а Толстому.

Искусство имѣетъ свойство дѣлать намъ многое въ жизни яснѣе прежняго. Мы часто сами или вовсе не примѣчаемъ чего-нибудь въ дѣйствительности, или запоминаемъ явленіе только безсознательными силами души, а художникъ болѣе рѣзкимъ какимъ-то выдѣленіемъ этого явленія дѣлаетъ намъ его иногда неожиданно совершенно яснымъ, и мы сами дивимся, какъ мы прежде этого не замѣчали.

Вспоминаю по этому поводу многое изъ моего личнаго опыта. Въ Крыму, напримѣръ, служа военнымъ врачомъ во время Севастопольской войны, я впервые увидалъ море. (Въ Петербургѣ я даже и не желалъ никогда его видѣть, забывалъ о немъ).

„Я видѣлъ море, я измѣрилъ очами жадными его"... Я видѣлъ его тихимъ; видѣлъ въ бурные дни, купался въ немъ, катался въ лодкѣ, видѣлъ и во время мелкой зыби; многіе отливы цвѣтовъ, много красокъ я въ немъ самъ сразу примѣтилъ; но никогда не замѣчалъ, что во время мелкой зыби *на верху каждой маленькой, аквамариновой, зеленоватой волны образуется на мгновенье голубой овальный кружокъ;* появится, мелькнетъ, исчезнетъ, и опять появится, и опять исчезнетъ... Я и не замѣчалъ этого; но съ тѣхъ поръ, какъ я увидалъ эти голубыя кольца небеснаго отраженія уже не мелькающими, не рябящими въ глазахъ моихъ, а *художественно-неподвижными* на одномъ изъ морскихъ видовъ Айвазовскаго (и даже не на подлинникѣ, а на копіи),—я *сталъ видѣть ихъ самъ и въ дѣйствительности, даже безъ всякаго напряженія вниманія.* Эти голубые кружки на зеленоватой зыби вошли уже разъ навсегда послѣ этого въ неизгладимый запасъ моей психической жизни. То же было и *съ тѣнью на снѣгу въ ясный зимній день. Кто-то* при мнѣ сказалъ: „такъ нельзя писать снѣгъ; это мѣлъ какой-то; у снѣга въ солнечный день—*тѣнь голубоватая*"... И вотъ я забылъ даже, *кто и гдѣ* это сказалъ, *а голубоватую тѣнь снѣга вижу съ тѣхъ поръ...*

То же бываетъ и съ хорошими портретами; мы лучше понимаемъ даже свое собственное лицо, когда оно изображено *неизмѣнно и удачно,* хотя бы на хорошей, искусной фотографіи, не говоря уже о прекрасной акварели или талантливомъ полотнѣ...

То же и съ характерами людскими. Давно сказано, что не всякій умѣетъ *наблюдать* то, что онъ *видитъ.* Не только большинство, менѣе способное, но и всѣ самые способные люди нуждаются въ помощи чужого ума, чужого наблюденія, чужого творчества для болѣе всесторонняго и яснаго пониманія природы и жизни.

Оригинальность, умѣнье видѣть и *показывать* другимъ нѣчто новое, само по себѣ рѣдкость, но и для оригинальнаго, для новаго освѣщенія жизни—необходимы предшественники. Разница между умомъ оригинальнымъ и неоригинальнымъ та, что первый не останавливается сразу только на томъ, что указали ему предшественники его въ области мысли, но ищетъ уже прямо въ жизни *чего-то еще иного,* и не только ищетъ, но и *находитъ* его. Напротивъ того, человѣкъ не оригинальный, наблюдатель безъ *творчества* удовлетворяется—если не на всю жизнь, то надолго—чужимъ освѣщеніемъ явленій, чужимъ міровоззрѣніемъ, усвояя его себѣ иногда до такой глубины и силы, что и жизнью за эту чужую (по происхожденію) мысль иногда жертвуетъ.

Робеспьеръ былъ несравненно сильнѣе волей и духомъ, чѣмъ Ж. Ж. Руссо, но онъ жилъ *его мыслями.*

Въ литературѣ это особенно замѣтно, и мы видимъ часто, что люди, весьма твердые характеромъ, самобытные *волей,* оригинальные, пожалуй, и независимые *въ жизни,* являются литераторами вовсе не оригинальными, слабыми, почти вполнѣ подчиненными своимъ знаменитымъ предшественникамъ и во взглядахъ, и въ выборѣ сюжетовъ и лицъ, и даже въ языкѣ и внѣшнемъ стилѣ.

Совсѣмъ другихъ, не тронутыхъ еще характеровъ, иныхъ, новыхъ, вовсе не виданныхъ у другихъ авторовъ положеній они въ жизни или совсѣмъ не замѣчаютъ (такъ, какъ я долго не замѣчалъ голубыхъ колецъ на зыби); или хоть и

видятъ ихъ *кой-какъ*, но не смѣютъ и не умѣютъ ихъ изобразить.

У такихъ писателей достаетъ независимости на то, чтобы къ образамъ, уже всѣмъ знакомымъ, прибавить еще двѣ-три черты своихъ, но для того, чтобы хоть попытаться выбраться изъ *современной* имъ толпы и освѣтить жизнь хотя бы и ложнымъ свѣтомъ, но на общепринятый способъ освѣщенія непохожимъ,—для этого у нихъ уже нѣтъ силы. Было время, когда о мужикѣ, напримѣръ, у насъ никто не писалъ; писали о *военныхъ герояхъ*; потомъ явился Гоголь, — и запретилъ писать о герояхъ (развѣ о древнихъ, въ родѣ Бульбы), а о мужикахъ позволилъ. И всѣ стали писать даже не о мужикахъ, а о „мужичкахъ". Гоголь разрѣшилъ также писать о жалкихъ чиновникахъ, о смѣшныхъ помѣщикахъ и о чиновникахъ вредныхъ. Потомъ прибавился еще къ этому такъ называемый „солдатикъ" и въ особенности „заскорузлый" солдатикъ. Еще купецъ-деспотъ—по образцу Островскаго—и, наконецъ, безхарактерный, вѣчно недовольный собою, разстроенный „лишній человѣкъ" Тургенева. И множество молодыхъ русскихъ, если не героевъ, такъ „jeunes premiers", такъ сказать, и въ жизни самой, и въ повѣстяхъ стали рвать на себѣ волосы, звать себя прямо изъ Гоголя „дрянь и тряпка" (болваны!) и находить себя ни на что негодными.

Комедіи?.. Я въ послѣднее время, по роду занятій своихъ въ Москвѣ, *вынужденъ* былъ перечесть много новыхъ комедій и драмъ изъ русской жизни. И, признаюсь, несмотря на то, что у меня память хороша, я невольно только и запомнилъ, что два перевода, два веселыхъ либретто: „Веселая война" и „Жирофле-Жирофля". По крайней мѣрѣ пусто, живо, весело и въ сущности невинно; гораздо невиннѣе разныхъ *извѣстныхъ* драмъ русскихъ авторовъ. (Я говорю извѣстныхъ *другимъ*, очень многимъ, но мною, клянусь, тотчасъ же забытыхъ и уже теперь и не различимыхъ драмъ).

Помню, что вообще какая-то молодая, „страстная", или „чистая душою" женщина бросается въ рѣку, отравляется,

закалывается; и все оттого, что всѣ другіе люди очень дурны, а она очень хороша, *искренна* (особенно—эта искренность у нихъ въ почетѣ! Да чортъ ее побери, эту искренность, если она или вредна, или безтолкова)... Встрѣчается также много добрыхъ, но *слабыхъ* отцовъ; мужей добрыхъ но „непрактическихъ"... (одинъ совсѣмъ практическій, другой совсѣмъ непрактическій человѣкъ—какая вѣрная и точная классификація—подумаешь!). Графъ или князь, щеголь и т. п.,—это ужъ непремѣнно подлецъ... Студентъ, учитель, какой-нибудь „честный труженикъ" (произносите, прошу, это великое слово позначительнѣе!)—это все благородные, умные люди. Ну, что за вздоръ! Вѣдь это вовсе неправда; это вовсе *не реально*... Я самъ (да и всякій пожившій человѣкъ) знавалъ князей и графовъ, и франтовъ разныхъ, и даже *фатовъ* отчасти, которые были при этомъ благороднѣйшіе и очень умные люди, и самъ же я встрѣчалъ и смолоду, и теперь учителей и студентовъ такихъ мерзавцевъ и такихъ ничтожныхъ, что Боже упаси; несмотря на то, что они были „труженики" и что ногти у нихъ были черноваты или пальцы желты отъ папиросъ.

Я увѣренъ даже, что многіе изъ авторовъ тѣхъ безчисленныхъ драмъ, которыя мнѣ пришлось, къ несчастію (тоже по обязанности „честнаго труда"), просматривать за послѣднія семь лѣтъ въ Москвѣ по литографированнымъ тетрадкамъ г. Разсохина и др. театральныхъ издателей, я увѣренъ, говорю, авторы эти знаютъ, что бываютъ студенты мерзавцы (и даже очень часто), а флигель-адъютанты, камеръ-юнкера — прекрасные люди, „оно такъ, положимъ, но поди *опиши*-ка это!" Ну, а „левъ" негодяй и „труженикъ" благородный— это ужъ вѣрный сбытъ... Нужно только двѣ-три черты своихъ—и довольно!..

Впрочемъ, что и говорить о людяхъ бездарныхъ, когда даже и у такихъ умныхъ писателей, какъ Глѣбъ Успенскій, Немировичъ-Данченко, искусственно прославленный нѣкогда „Современникомъ" Помяловскій и т. д.,—Гоголь такъ и дышетъ изъ каждой строки! Все *не грубое, не толстое*, не шероховатое, не суковатое имъ и не дается. „Буржуй", — „борода

да копромъ", „претъ" и т. д. *Сами въ жизни* они, вѣроятно, слишкомъ опытны и умны, чтобы не видѣть иногда и нѣчто другое, но какъ писатели—какъ же могутъ они высвободиться изъ тисковъ той сильной, но въ своей силѣ неопрятной и жесткой руки Гоголя, о которой я уже говорилъ, когда ни Достоевскій, ни Тургеневъ, ни Писемскій, ни Гончаровъ не могли не подчиниться ей, одинъ *такъ*, другой *иначе?*

И у Льва Толстого можно найти даже въ „Аннѣ Карениной" слѣды этой *гоголевщины;* конечно, не въ міровоззрѣніи общемъ, не въ избраніи лицъ и среды,—но въ нѣкоторыхъ мелочахъ, въ иныхъ выраженіяхъ, въ иныхъ подробностяхъ, *нужныхъ* Гоголю для его цѣлей, ему же, Толстому, *вовсе ненужныхъ*. Я объ этихъ весьма характерныхъ мелочахъ упомяну послѣ и укажу на нихъ тогда *).

---

*) Дальнѣйшее развитіе эти мысли получили въ послѣдующихъ статьяхъ автора: „Анна Каренина" и „Война и Миръ" (Гражданинъ, 1888 г. №№ 33, 37 и 40), вошедшихъ потомъ цѣликомъ въ критическій этюдъ его о романахъ гр. Л. Толстого „Анализъ, стиль и вѣяніе". (См. т. 8-й настоящаго изданія).

Ред.

Владимиръ Соловьевъ противъ Данилевскаго *).

I.

Почти въ одно и то же время я получилъ № 6 „Русскаго Дѣла“, въ которомъ встрѣтилъ горячую защиту взглядовъ Н. Я. Данилевскаго противъ внезапнаго нападенія на него В. С. Соловьева, и оттискъ самой статьи г. Соловьева изъ „Вѣстника Европы“.

Въ защитительной статьѣ „Русскаго Дѣла“ основательно замѣчено, что наше русское національное чувство представляется г. Соловьеву самымъ главнымъ препятствіемъ для достиженія его высшей цѣли: соединенія церквей подъ главенствомъ папы.

Не скрою, что видѣть имя Соловьева на страницахъ г. Стасюлевича мнѣ было тяжело.

Но что дѣлать? Въ виду *другихъ цѣлей,* тоже ничуть не низкихъ, можно и примириться съ этой неожиданностью.

Этимъ поступкомъ г. Соловьевъ доставилъ возможность болѣе свободнаго возраженія всѣмъ тѣмъ, которые до этого *отрицательнаго* нисхожденія его въ „студенецъ истлѣнія“ не рѣшились бы рѣзко противорѣчить положительнымъ сторонамъ его ученія, его главной, *духовной* цѣли: *спасти посредствомъ возсоединенія церквей наибольшее количество христіанскихъ душъ и приготовить христіанское общество къ эсхатологической борьбѣ, къ пришествію антихриста и страшному послѣднему Суду Божію.*

Нѣтъ спора, это такъ просто, ясно и возвышенно,—сдѣлать первый шагъ къ примиренію двухъ церквей, раздѣленныхъ и давно враждующихъ, но внутренно соединенныхъ общею „благодатью“, какъ доказывалъ еще прежде самъ Соловьевъ.

---

*) Гражданинъ, 1888 г.

Конечно, стоитъ только христіанину вообразить себѣ на мгновеніе, что обѣ церкви — Восточная и Западная — вмѣсто того, чтобы изнуряться въ борьбѣ другъ съ другомъ, соединили бы свои разнородныя силы противъ общаго врага, противъ *невѣрія,* противъ всемірной революціи, стоитъ, говорю я, христіанину только на мигъ вообразить себѣ это, чтобы сердце его исполнилось радости!

Этой главной цѣли стремленій г. Соловьева противорѣчить надо, мнѣ кажется, съ величайшей осмотрительностью, чтобы не *согрѣшить.* Желанію примирить обѣ апостольскія церкви противорѣчить грубо и рѣзко могутъ, по моему мнѣнію, люди только двухъ родовъ: или тѣ, у которыхъ лично духовное чувство слишкомъ слабо въ сравненіи съ другими чувствами (національнымъ, утилитарно-либеральнымъ и т. д.), или тѣ, напротивъ, которые такъ просты въ своемъ крѣпкомъ православіи, что боятся и не смѣютъ раздѣлять въ умѣ своемъ настоящее отъ будущаго: современную, *личную и безусловную,* принадлежность нашу къ Восточному исповѣданію отъ *возможностей измѣненій* церковной жизни въ болѣе или менѣе отдаленномъ грядущемъ. Но отдѣлять въ самомъ себѣ эти два движенія можно. Я могу, въ личныхъ дѣйствіяхъ моихъ и даже въ помыслахъ относительно настоящаго, быть въ полномъ подчиненіи духа у представителей Восточной іерархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ могу говорить себѣ такъ: „Если это соединеніе Церквей, *въ какой бы то ни было формѣ,* даже и въ формѣ простого подчиненія папѣ, находится въ предначертаніяхъ Божіихъ, то *придетъ время,* когда наши восточные епископы найдутъ это возможнымъ и правильнымъ, и вѣрующіе *потомки* наши обязаны будутъ идти за ними хотя бы и „въ Каноссу". *А если нѣтъ— нѣтъ!* И тогда лишь будетъ рѣшено и ясно, что такое *былъ* въ свое время Владиміръ Соловьевъ, великій ли пророкъ истины, или лжепророкъ, захотѣвшій, на поприщѣ духовномъ, стать выше духовныхъ властей.

А пока этого еще не случилось, нельзя рѣшить, *что онъ такое,* съ этой точки зрѣнія.

Что касается меня лично, то я нахожу, что и въ настоя-

щемъ даже проповѣдь г. Соловьева скорѣе полезна, чѣмъ вредна.

Она полезна двояко: во-первыхъ, *общехристіанскимъ мистицизмомъ* своимъ; во-вторыхъ, той *потребностью ясной дисциплины* духовной, которая видна всюду въ его возвышенныхъ трудахъ.

Мистицизмъ (т. е. расположеніе вѣровать въ нѣчто таинственное, выше видимаго міра и выше нашего разума стоящее) до того *теперь нуженъ* человѣчеству, что не только мистицизмъ какого бы то ни было христіанскаго оттѣнка приноситъ пользу, отвлекая умъ отъ господствующей утилитарной пошлости и мелочной практичности нашей, но даже и *всякій* мистицизмъ,—мусульманскій, буддійскій, индивидуально-фантастическій, спиритическій и т. д.,—можетъ *косвенно* быть полезенъ, какъ вообще для подъема приниженныхъ помысловъ нашихъ, такъ и въ частности для переноса этихъ высшаго порядка мыслей и ощущеній въ область православнаго міровоззрѣнія. Ибо, чѣмъ больше я располагаюсь къ вѣрѣ въ *сверхчувственное вообще*, тѣмъ легче мнѣ и къ своему православію возвратиться; тѣмъ легче мнѣ облечь мою *общую вѣру ума* въ одежды моей сердечной любви. Вѣра родитъ любовь, и любовь родитъ вѣру. Если же допустить эту общую, хотя бы и косвенную, пользу мистицизма *какого бы то ни было*,—то какъ же не признать еще болѣе дѣйствіе того полу-католическаго (или, если хотите, и вовсе католическаго *въ концѣ*) мистицизма, которымъ дышутъ прекрасныя книги нашего молодого и глубокомысленнаго ѳеософа.

Широкое основаніе духовно-церковной пирамиды—*общее*; вершина ея должна быть *въ Римѣ*, по мнѣнію г. Соловьева. Мы можемъ не соглашаться съ этимъ послѣднимъ выводомъ (Владиміръ Соловьевъ не соборъ восточныхъ епископовъ); мы можемъ и, вѣрнѣе даже, мы должны теперь, какъ православные, думать и надѣяться, что *вершина эта отклонится скорѣе на востокъ*, чѣмъ на западъ... Это само собою разумѣется. Но то, что онъ говоритъ объ этихъ *основаніяхъ общихъ*, привлекательно и возвышенно до геніальности; отвергнуть

этого мы не имѣемъ права. Самое своеволіе и самая оригинальность его первоначальныхъ объясненій подкупаетъ въ его пользу даже и зрѣлый умъ, даже и богобоязненное сердце. Его своеобразное освѣщеніе всѣмъ извѣстныхъ фактовъ священной и церковной исторіи, изумительная прелесть его изящнаго изложенія, мѣстами его тонкое, философское остроуміе,—все это невыразимо освѣжаетъ нашъ умъ, привыкшій къ нѣсколько тяжелымъ и сухимъ пріемамъ нашей духовной литературы, и открываетъ передъ нами новыя и свѣтлыя перспективы.

Читая его, начинаешь снова надѣяться, что у Православной Церкви есть не одно только „небесное будущее" (ибо только въ *этомъ смыслѣ* мы обязаны *безусловно вѣрить*, что „врата адовы не одолѣютъ ее"), но и *земное*; что есть надежда на ея *дальнѣйшее развитіе* на правильныхъ и древнихъ св. отеческихъ основаніяхъ.

Возможность появленія у насъ этого русскаго самобытнаго мыслителя даетъ вѣрующему право мечтать и о другихъ *болѣе правильныхъ* возможностяхъ въ области церковно-мистическаго мышленія.

Одно то, что Владиміръ Соловьевъ первый осмѣлился такъ рѣзко „поднять", какъ говорится, цѣлую бурю религіозныхъ мыслей на полудремлющей поверхности нашего церковнаго моря, есть заслуга не малая! Эта буря не скоро уляжется... И не дай Богъ ей утихнуть! Это не раціонализмъ, не пашковская вѣра, не штунда какая-нибудь, не медленное теченіе по наклонной плоскости въ бездну безвѣрія, это наоборотъ, *противъ давняго теченія*, противъ привычнаго полупротестантскаго (со временъ Петра) уклоненія нашего; это противъ нашей „русской *шерсти*" даже... Но и это не бѣда. Мы будемъ *свое* отстаивать: онъ только сильнѣе возбуждаетъ насъ къ отпору... *Свое*, органическое, предопредѣленное, возьметъ верхъ; то, что въ ученіи Соловьева не нужно, то будетъ всѣми отвергнуто, а то, что *было нужно* (по-моему, напримѣръ, нужна его теорія *развитія Церкви*), *то* останется и войдетъ въ составъ дальнѣйшаго нашего мышленія.

Я выше сказалъ еще о потребности духовной дисциплины.

Другое дѣло добрый примѣръ подчиненія, другое дѣло *самоподчиненіе*. Никто у насъ не желаетъ подчиняться самому Бисмарку или императору германскому; но подчиненіе *германцевъ своему* императору и своему Бисмарку (даже при существованіи жалкой конституціи этой) есть одинъ изъ благодѣтельнѣйшихъ примѣровъ современной исторіи. Зачѣмъ я пойду къ самому лучшему изъ римско-католическихъ *директоровъ совѣсти*, когда могу, если мнѣ нужно, подчинить мою волю русскому или греческому духовному старцу?.. Но *примѣръ* хорошаго образованнаго католика можетъ, въ подобномъ случаѣ, дать мнѣ невольно сильный и душеспасительный толчокъ.

Зачѣмъ я пойду въ *Римъ* за Соловьевымъ? Мнѣ ни для личнаго спасенія, ни для процвѣтанія нашей отчизны этого не нужно.

Если бы мнѣ было категорически объявлено *свыше*, іерархически объявлено, *что внѣ Римской Церкви нѣтъ мнѣ спасенія за гробомъ*,—и что для этого спасенія я долженъ отречься и отъ русской національности моей (которая такъ мнѣ драгоцѣнна), то я бы отрекся отъ нея не колеблясь, какъ отрекались первые христіане и отъ узкой іудейской народности, и отъ слишкомъ широкой римской государственности (тамъ, гдѣ она посягала на ихъ внутренній міръ).

Но возможность личнаго спасенія видимо признаетъ Соловьевъ и на лонѣ Восточнаго православія. Зачѣмъ же я пойду въ Римъ, когда никто, имѣющій право духовно мнѣ повелѣвать, этого мнѣ не предписываетъ? Ни всевосточный соборъ, ни восточные патріархи, ни св. русскій синодъ—мнѣ этого еще не сказали!

Владимиръ Соловьевъ для меня не имѣетъ ни личнаго мистическаго помазанія, ни собирательной мощи духовнаго собора.

Я признаю за нимъ съ радостью и любовью силу личнаго духа, но духовной силы благодати не признаю за нимъ. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ обязательности, катихизисъ самый краткій, сухой и плохо составленный, но духовною цензурою просто-на-просто одобренный, для меня, право-

славнаго, въ милліонъ разъ важнѣе всей его учености и всего его таланта!

Я не пойду въ Каноссу до тѣхъ поръ, пока „катихизисъ“ мнѣ этого не прикажетъ. Я пойду съ Соловьевымъ безбоязненно, быть можетъ, и до половины пути его „развитія“; но можетъ ли его геній помѣшать моему православному разуму проститься съ нимъ на этомъ распутіи и, протянувъ ему руку признательную (и за наслажденіе *многимъ,* и даже за поученіе *многому*), сказать въ послѣднюю минуту: „*Боязнь согрѣшить* не позволяетъ мнѣ идти съ вами дальше. Епископы и старцы наши еще нейдутъ, и я не пойду. Вы не боитесь ставить себя выше ихъ: это ваше дѣло и вашъ отвѣтъ предъ Богомъ. Я же привыкъ молиться: „Утверди, Боже, страхъ Твой въ сердцѣ моемъ!“

Если хотите, я *люблю* даже папу римскаго; я *чту* его; я готовъ бы былъ, если бы могъ, своими руками уничтожить и г. Криспи, и всѣхъ другихъ противниковъ папства... на *Западѣ...* Но я *не смѣю,* я *не имѣю права* дать волю моему личному вкусу, пока мнѣ это не *разрѣшено! Да и вы сами*— еще вопросъ—*туда ли* вы насъ ведете? Быть можетъ вы подобны Колумбу... Онъ искалъ морского пути въ Восточную Индію и *не нашелъ его,* а *открылъ нечаянно намъ Америку...*

Ищите, ищите на свой страхъ путей къ ѳеократическому устройству жизни. Пробуждайте въ нашихъ почтенныхъ охранителяхъ и въ плачевныхъ либералахъ нашихъ живую и высокую богословскую мысль! Я *люблю* ваши идеи и чувства, уму вашему я готовъ поклоняться со всей искренностью моей независтливой природы,—но, я... не только самъ не пойду за вами,—я всякому, кто захочетъ знать мое мнѣніе, скажу такъ: читайте его; восхищайтесь имъ; восходите за нимъ до *извѣстнаго предѣла* на высоту его *духовной пирамиды;* но при этомъ храните строго въ глубинѣ сердецъ вашихъ боязнь согрѣшить противъ той Церкви, въ которой вы крещены и воспитаны. Если въ сердцѣ вашемъ крѣпокъ этотъ *мужественный страхъ Божій,*—не бойтесь и Соловьева; любите и уважайте его. *Это твердое православное чувство научитъ васъ само, гдѣ остановиться!*

Такъ я скажу тому, кто захочетъ знать мое мнѣніе. Я не богословъ, съ меня и этого довольно. Я этими соображеніями удовлетворенъ и успокоенъ вполнѣ. Таково мое мнѣніе о высшихъ положительныхъ цѣляхъ Владимира С. Соловьева.

Таково мое краткое предисловіе къ отрывочному (сознаюсь) и недостаточно еще обдуманному разбору его отрицательныхъ взглядовъ на Россію, славянофиловъ и Данилевскаго.

Здѣсь конецъ моему преклоненію и предъ талантомъ его, и предъ его оригинальнымъ и важнымъ призваніемъ—направлять *куда-то* религіозную нашу мысль. Можетъ быть и совсѣмъ *не туда, куда бы онъ желалъ!*

Здѣсь я могу быть рѣшительнѣе: я могу тутъ сказать безъ колебаній, что г. Страховъ гораздо правѣе его въ своей оцѣнкѣ замѣчательныхъ трудовъ Данилевскаго. Я даже постичь не могу, что можетъ сказать г. Соловьевъ противъ общей теоріи существованія и смѣны *культурныхъ типовъ?* Увидимъ!

Что романо-германскій государственно-культурный міръ разлагается, по крайней мѣрѣ, въ антихристіанской средѣ своей,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и самъ г. Соловьевъ *прежде* и *недавно* еще признавалъ это (см. „Національный вопросъ въ Россіи", стр. 86, 87). Что нуженъ *поэтому* новый культурный типъ для исторіи, это тоже несомнѣнно. Что славянамъ именно предназначена *какая-то* особая роль, —это тоже признаетъ и самъ Соловьевъ, ограничивая, впрочемъ, это назначеніе преимущественно религіознымъ призваніемъ — стать и почвой, и орудіемъ для соединенія церквей.

Вѣдь и это, пожалуй, было бы въ родѣ *новаго культурнаго типа!* Особенно при большихъ взаимныхъ уступкахъ вышло бы нѣчто такое, что было бы и не „древнее православіе", и не римскій католицизмъ. Что Россія и славянство нѣчто еще *полузагадочное* и *особое* — тоже, кажется, нельзя сомнѣваться.

Можно сомнѣваться развѣ только въ томъ, *насколько осо-*

бо, насколько своеобразно выйдетъ это полузагадочное? Настолько ли, насколько была рѣзко своеобразна Персія Зороастра между халдеями, греками, евреями и Египтомъ; или *гораздо менѣе* оригинально, наприм., хоть бы въ родѣ языческаго Рима, который вначалѣ былъ очень похожъ на разросшуюся въ единствѣ муниципальную греческую республику, а потомъ сталъ все ближе и ближе подходить къ стилю восточныхъ царствъ; до тѣхъ поръ подходилъ, пока вовсе переродился на 1000 лѣтъ *въ восточно-жреческую* по соціальной формѣ, *христіанскую* по идеямъ, Византію.

II.

По мнѣнію Влад. Соловьева у Россіи нѣтъ и не должно быть никакого особаго культурнаго призванія. Назначеніе русской (и вообще славянской) цивилизаціи одно: *служить почвой для примиренія православія съ папствомъ.* Призваніе исключительно *религіозное*; все остальное и безнадежно, и неважно. Поэтому всякая попытка рѣзко обособить Россію отъ Запада въ другихъ отношеніяхъ: въ государственномъ, экономическомъ, въ научномъ, философскомъ и эстетическомъ, есть попытка не только тщетная, но и прямо вредная, какъ помѣха и задержка на главномъ пути—религіознаго сліянія всѣхъ христіанъ во единую истинно Вселенскую Церковь (и не только всѣхъ христіанъ, но и евреевъ—ибо „весь Израиль спасется").

А если такъ, то надо противоборствовать всему тому, что способствуетъ національному и культурному обособленію, къ которому теперь замѣчается у насъ такая несомнѣнная наклонность. Надо прежде всего поколебать основы того ученія, которое зовется „славянофильствомъ", и поразить именно тѣхъ изъ его представителей, у которыхъ эти основы выражены яснѣе, точнѣе, научнѣе, чѣмъ у другихъ.

Прежде всего поэтому надо начать съ Н. Я. Данилевскаго и его систематической и ясной книги „Россія и Европа", съ его *теоріи культурныхъ типовъ.*

Замѣчательный человѣкъ этотъ скончался, не доживши не только до заслуженной имъ славы, но и до справедливой

оцѣнки большинствомъ своихъ русскихъ согражданъ. Даже сами главные представители хомяковскаго стараго славянофильства очень долго при жизни Данилевскаго почти не упоминали объ немъ. Только одинъ серьезный голосъ Н. Н. Страхова одиноко и мужественно звучалъ въ его пользу съ самаго начала появленія книги „Россія и Европа". Всѣ другіе небольшіе и невнимательные разборы, замѣтки объ этомъ *шедеврѣ* или „катихизисѣ" славянофильства въ началѣ 70-хъ годовъ были пусты, легкомысленны, пожалуй, даже и довольно глупы. Таковъ, между прочимъ, и пустѣйшій отзывъ Щебальскаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Каткова. Стыдно читать! За самые послѣдніе годы настойчивость г. Страхова стала видимо приносить плоды; имя Данилевскаго стало повторяться чаще и чаще, а его идеи стали входить понемногу и полусознательно въ моду даже и у тѣхъ, которые съ самимъ источникомъ этихъ идей, съ его классической книгой, незнакомы. Вотъ прекрасный случай повторить старое изреченіе: „И книги имѣютъ свою судьбу!"

Самъ г. Соловьевъ говоритъ, что прежніе славянофилы: Кирѣевскій, Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковы—были скорѣе поэты, мечтатели, и только одинъ Данилевскій предъявляетъ болѣе другихъ научныя притязанія.

У него все точнѣе, яснѣе, и потому онъ можетъ стать *дѣйствительнѣе, вліятельнѣе,* при условіяхъ все большаго и большаго успѣха, все большей и большей популярности. Торжество и распространеніе идей Данилевскаго, ихъ дальнѣйшее развитіе, возвышая нашу русскую національную гордость, надмѣвая насъ *культурно,* можетъ стать значительной помѣхой на пути того исключительно религіознаго призванія, на которое указываетъ намъ Влад. Соловьевъ.

Вѣдь всякая національная религія есть (по Данилевскому) самая существенная основная черта культурнаго обособленія: ибо весьма многіе даже изъ тѣхъ людей, которые въ глубинѣ сердецъ своихъ въ догматы своей народной религіи не вѣруютъ, ученію ея въ своей личной жизни строго не слѣдуютъ, *гордятся* все-таки ею, какъ національнымъ знаменемъ, находятъ полезнымъ *поддерживать* ее и для государственной

дисциплины, и для національной своеобразности, и вдобавокъ еще нерѣдко *любятъ* всей душой ея *формы*, обряды и т. д., потому что выросли на нихъ и сроднились съ ними.

Итакъ, національная религія главная помѣха на дорогѣ къ Риму.

Однако нападать на нее прямо не совсѣмъ *удобно* съ практической стороны; нельзя ли взяться иначе?

У Данилевскаго признаются въ каждой особой культурѣ четыре основы, четыре столба: религіозная основа, государственная, экономическая и культурная въ тѣсномъ смыслѣ (наука, философія, искусство). Государственная основа русская самому Влад. Соловьеву необходима для его высшихъ цѣлей (какъ явствуетъ достаточно изъ его прежнихъ сочиненій). *Римскій папа, Русскій Царь Самодержецъ* и хорошее гуманное *экономическое устройство*: вотъ что нужно нашему даровитому богослову.

Расшатывать основы государственной силы нашей поэтому г. Соловьеву *ничуть нежелательно.* Касаться прямо православія, для подчиненія его папству, повторяю, практически неудобно (хотя, быть можетъ, *слегка* и желательно*).

Что же дѣлать? Надо (все для расчищенія того же *пути* къ „высшему") пошатнуть болѣе доступныя опоры; потрясти основаніе *собственно культурныхъ* надеждъ; надо развѣнчать Данилевскаго и обезнадежить разъ навсегда его учениковъ и поклонниковъ.

Пусть „Вѣстникъ *Европы*" не можетъ сочувствовать мистическому стремленію въ Римъ; онъ Вѣстникъ не *дѣйствительно великой* Европы Григорія VII, Иннокентія III и Пія IX; онъ Вѣстникъ другой Европы,—новѣйшей (въ смыслѣ времени), дряхлѣйшей (въ смыслѣ разложенія), онъ Вѣстникъ Запада легально-революціоннаго, прилично мѣщанскаго и плоско-отрицательнаго. Этотъ Вѣстникъ, который не принялъ бы на свои страницы изложенія положительныхъ теологическихъ взглядовъ г. Соловьева, приметъ на нихъ съ радо-

*) Писано ранѣе книги La Russie et l'Eglise Universelle. *Примѣч. автора, 1891 г.*

стью все то, что будетъ, въ мало-мальски цензурной формѣ, отрицательно относиться къ русской національности.

И вотъ появилась статья подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ, подъ какимъ напечатана была книга Данилевскаго: „Россія и Европа“.

„Поражу пастыря и разыдутся овцы!“

Посмотримъ, какъ поразилъ онъ этого „пастыря?“

По моему мнѣнію, въ первой, по крайней мѣрѣ, статьѣ, онъ поразилъ его довольно слабо, въ увлеченіи *умственной страсти* своей!

Нѣкоторыя указанія его можно обратить противъ него самого. Напримѣръ: о *теоріяхъ крылатыхъ* и *ползучихъ*.

Все это весьма умно подведено, но ничуть еще неубѣдительно для опроверженія славянофильскихъ надеждъ на особую культурную роль Россіи и славянства.

Г. Соловьевъ начинаетъ такъ:

„Леопольдъ Ранке въ своей „Всемірной исторіи“, излагая идеалъ государства у Платона, замѣчаетъ, что идеалъ этотъ, рѣшительно и намѣренно противопоставляемый основамъ тогдашней греческой государственности, былъ въ главныхъ своихъ чертахъ, черезъ много вѣковъ послѣ Платона, осуществленъ въ общемъ политическомъ строѣ средневѣковой Европы. Идеальное государство Платона основывается, какъ извѣстно, на раздѣленіи трехъ классовъ: 1) рабочаго, питающаго общество; 2) военнаго, защищающаго или охраняющаго и 3) духовнаго или философскаго, управляющаго обществомъ. И именно это основное политическое дѣленіе, говоритъ Ранке, было въ полной силѣ въ Европѣ среднихъ вѣковъ: подчиненное рабочее населеніе; надъ нимъ особый классъ, имѣвшій исключительное право носить оружіе, и, наконецъ, во главѣ всего общественнаго организма, духовенство, которое обладало всѣмъ тогдашнимъ знаніемъ, но съ „перевѣсомъ идеи божественнаго“ (какъ и у Платона), и воспитывало народъ въ этомъ направленіи“.

„Тутъ (продолжаетъ г. Соловьевъ), въ этомъ идеальномъ государствѣ Платона, мы имѣемъ такимъ образомъ блестя-

щій примѣръ *крылатой* теоріи общества, такой теоріи, которая, расходясь съ даннымъ и мѣстнымъ и временнымъ видомъ общежитія, имѣетъ однако внутреннюю силу реальности въ болѣе широкихъ размѣрахъ“ и т. д.

Правда—что Платонъ написалъ свою „Республику“ лѣтъ приблизительно за 400 до Р. Х., а то состояніе романо-германскаго міра, въ которомъ теорія Платона нашла свое осуществленіе, продолжалось, примѣрно, отъ паденія Западно-Римской имперіи до реформаціи и возрожденія—значитъ до XV (положимъ) вѣка по Р. Х. Прошло 400 лѣтъ до Р. Х. и 500 по Р. Х., то есть почти 1000 лѣтъ между обнародованіемъ „Республики Платона“ и первыми признаками тѣхъ соціальныхъ порядковъ въ Европѣ, при которыхъ она (Европа) должна была прожить еще около 1000 лѣтъ. Впрочемъ, все это счисленіе вѣрно, если считать начало такихъ Платоновскихъ порядковъ прямо съ той минуты, когда бѣдный Ромулъ-Августулъ повергъ свою багряницу къ ногамъ Одоакра. Но это, мнѣ кажется, будетъ не совсѣмъ точно. Порядокъ болѣе опредѣленный въ романо-германской Европѣ надо считать установившимся гораздо позднѣе, со временъ Карла Великаго. *Отдѣленіе формальное* отъ Восточной Церкви *(особая религіозная культура)*, начало свѣтской власти папъ; явное преобладаніе духовенства (мудрецовъ Платона) и т. д., значитъ X, XI вѣкъ—*до XV*, 400 лѣтъ съ чѣмъ-нибудь. До этого строй не былъ еще ясенъ въ сознаніи; послѣ этого онъ понемногу и сознательно сталъ разрушаться.

Дѣйствительно, мысль Платона была и „крылата“, и реальна; но почему же мысль Данилевскаго (и вообще славянофильская мысль) и *неосуществимая*, и *ползучая*, какъ называетъ ее г. Соловьевъ? И въ ней есть и полетъ, и реальность. Потому ли только она нехороша и поверхностна, что она мѣшаетъ „крылатой“ тоже мысли г. Соловьева о необходимости соединенія церквей?

Это ясно не выражено здѣсь у автора. Говорится только о томъ, что *задачи* должны быть—*всемірными, а не обособляющими.*

Яснѣе выражено другое вышеприведенное обвиненіе; вотъ оно: „Существуютъ другого рода общественныя теоріи, ко-

торыя, въ противоположность *крылатымъ*, слѣдуетъ назвать *ползучими*. Онѣ крѣпко держатся за *данныя* основы общества и никогда не поднимаются на значительную высоту *надъ современною* имъ жизнью. Онѣ умираютъ тамъ, гдѣ выросли, и въ будущіе вѣка переходятъ, лишь какъ историческое воспоминаніе".

И дальше:

„Обыкновенно такія теоріи, привязавшись къ *современному имъ типу общественныхъ отношеній*, выдаютъ его за нѣчто окончательное и непреложное"... „Онѣ вступаютъ въ гибельное противорѣчіе съ ходомъ исторіи". „Стараются подкрасить *данный* жизненный строй и, сохраняя неприкосновенными его основныя черты, требуютъ исправленія второстепенныхъ подробностей". „Малая доля *поверхностнаго идеализма*, которымъ приправлены подобные „трезвые" взгляды, даетъ легкое удовлетвореніе лѣнивой и робкой мысли".

Такъ ли это? „Данная дѣйствительность" въ Россіи, къ несчастію, во многомъ до сихъ поръ *почти совсѣмъ* европейская. Я не говорю во *всемъ*, я говорю лишь во *многомъ*. И осуществленіе славянофильскихъ теорій вовсе не близко; *на практикѣ* — славянофильство еще въ дѣтствѣ; мы это всѣ понимаемъ; понималъ это, конечно, и Данилевскій. Какъ опредѣлить срокъ подобному, хотя бы приблизительному, осуществленію? Это очень трудно; однако не совсѣмъ ужъ невозможно. Напримѣръ: черезъ 25 лѣтъ? Нѣтъ, это неосуществимо! Черезъ 50? Возможно, но все-таки трудно. Черезъ сто, полтораста—пожалуй... (подробнѣе я скажу объ этомъ дальше). Конечно то, что я здѣсь говорю объ этихъ числахъ и срокахъ, очень грубо и поверхностно. Но все-таки и въ этомъ грубомъ видѣ мысль становится опредѣленнѣе. *Есть же* приблизительные, правдоподобные сроки всему: это несомнѣнно. Всякій, слѣдящій, напримѣръ, за политикою и понимающій исторію, чувствуетъ, что борьба за разрѣшеніе Восточнаго вопроса, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не можетъ быть отложена на 50 и даже на 25 лѣтъ. На пять быть можетъ. *Но и это мало вѣроятно... Чувствуется,* что разрѣшеніе ближе!

Черезъ сто, полтораста лѣтъ, быть можетъ, я сказалъ, начнется пора этого славянофильскаго *плодоношенія.* Это состояніе, если оно осуществится, продержится, положимъ, въ *самомъ счастливомъ* случаѣ, нѣсколько вѣковъ (не 10, не 8, а какихъ-нибудь 4—5 вѣковъ) и начнетъ потомъ болѣе или менѣе быстро измѣняться, *склоняясь въ свою очередь къ гибели.* Вѣроятно, будетъ такъ. Однако, ни неизбѣжность этой гибели, ни сравнительная отдаленность того плодоношенія, о которомъ я только что говорилъ, не должны насъ теперь смущать. Дѣлай, что долженъ (обособляйся отъ Европы); вѣрь, что это *сбудется;* но *когда*—точно опредѣлить нельзя. *Кто будетъ тогда жить, увидитъ и вспомнитъ, быть можетъ, добромъ* и о насъ, которые умѣли, не видѣвши, вѣровать.

Какая же это „ползучая" теорія? Это тоже очень крылатая мысль.

Сравнимъ теперь теорію самого г. Соловьева, съ точки зрѣнія этого полета, и съ теоріей Платона, и съ надеждами всѣхъ славянофиловъ, безъ различія въ нихъ личныхъ оттѣнковъ на этотъ разъ (самъ Аксаковъ допускалъ *перерожденіе* славянофильства въ иныя формы).

III.

Итакъ, мы видимъ, что у Влад. Серг. Соловьева различіе теорій „крылатыхъ" отъ теорій „ползучихъ" основано на двухъ довольно простыхъ признакахъ: на разницѣ ихъ отношеній къ *будущему* и на разницѣ ихъ отношеній къ *прошедшему* и *современному.*

Относительно прошедшаго и современнаго (я на первый разъ ихъ соединяю въ одно, противополагая ихъ совмѣстно болѣе или менѣе *гадательному* будущему), г. Соловьевъ самъ высказывается, какъ уже было приведено прежде, такъ: „онѣ (ползучія теоріи) крѣпко держатся за данныя основы общества и никогда не поднимаются на значительную высоту надъ *современною* имъ жизнью". Такія теоріи, „привязавшись къ *современному* имъ типу общественныхъ отношеній, выдаютъ ихъ за нѣчто *окончательное и непреложное"...* И дальше: „малая доля *поверхностнаго* идеализма, которымъ при-

правлены подобные „трезвые“ взгляды, даетъ легкое удовлетвореніе лѣнивой и робкой мысли“.

Это относительно *современныхъ* или *данныхъ* основъ. Когда мы говоримъ: современныя или данныя основы, то само собой разумѣемъ при этомъ и *прошедшее* той націи, того государства, или той культуры, о которой идетъ рѣчь; ибо основами называются въ этомъ случаѣ тѣ изъ началъ, правящихъ жизнью современнаго намъ общества, которыя *неизмѣннѣе* другихъ продержались, или съ самаго зарожденія даннаго общества, или съ эпохи его утвержденія до нашихъ дней, до современности. Православіе—это основа съ зарожденія (съ Владимира). Удѣльный же и вѣчевой порядокъ не основа; никто не станетъ считать его основой ни современной, ни вообще русской жизни; а *самодержавіе* какъ Іоанна III, такъ и нынѣ царствующаго Императора всякій считаетъ основой, хотя оно утвердилось позднѣе, на развалинахъ болѣе древняго удѣльно-вѣчевого строя. Эмансипаціонный, либеральный порядокъ, водворившійся у насъ съ прошедшаго царствованія, также никто не станетъ называть основой. Самый умѣренный, *средній* въ этомъ вопросѣ человѣкъ не скажетъ, что принципъ *личной свободы* крестьянъ есть основа. И если даже онъ считаетъ эту реформу безусловно благодѣтельной, то все-таки онъ мыслитъ такъ, противополагая нѣсколько гуманность и свободолюбіе *государственности;* т. е. онъ понимаетъ, что нельзя такое *новое* и *недавнее* состояніе освобожденнаго народа равнять съ точки зрѣнія прочности *(основности)*, съ состояніемъ того вѣкового порабощенія, при которомъ Россія изъ полудикаго аггрегата княжествъ возросла до степени великой и просвѣщенной міровой монархіи. Такой человѣколюбивый и средне-либеральный человѣкъ *нашего времени* долженъ будетъ все-таки признать, что личная свобода крестьянъ никакъ не основа, а скорѣе нѣсколько *противоосновное состояніе*. Она, эта свобода, можетъ быть (по его мнѣнію, положимъ) государствомъ Русскимъ *переносима надолго*, но и то лишь благодаря крѣпости другихъ основъ: православія, монархіи; благодаря *прикрѣпленію* крестьянъ *къ землѣ*, какому-то подобію соціалистиче-

скаго рабства, вмѣсто лично феодальнаго, какъ было прежде, и, пожалуй, еще благодаря кой-какимъ, хотя и слабымъ, но ничѣмъ у насъ пока незамѣнимымъ остаткамъ дворянской *властности* и дворянскихъ *привычекъ. Всѣ основы стѣснительны для большинства:* это должно быть признано, я думаю, соціологической аксіомой. Все, что усиливаетъ личную свободу (т. е. своеволіе) большинства, не есть основа, а большее или меньшее расшатываніе основъ. Это тоже, мнѣ кажется, *пора* признать вполнѣ яснымъ. Перенести кой-какъ свободу—можно, считать ее основой—нельзя.

Итакъ, все то, что можно назвать основой, въ данной *современности* есть нѣчто и *стѣснительное*, и *связанное неразрывно съ прошедшимъ* государства и націи.

И тотъ, кто обвиняетъ другого за то, что этотъ другой крѣпко держится за *современныя основы,* обвиняетъ его въ тѣсной связи и съ прошедшимъ націи, государства и цѣлой культуры.

„Крылатая" теорія поэтому та, которая наименѣе связана съ прошедшимъ, съ исторіею, съ бывшимъ и существующимъ; „ползучая"—связана тѣснѣе мыслями своими съ этимъ существующимъ и прошедшимъ, съ этимъ уже бывшимъ въ исторіи или пребывающимъ въ ней.

Это по отношенію къ современному и прошедшему.

Объ отношеніи этихъ противоположныхъ теорій къ будущему Владиміръ Соловьевъ самъ такъ прямо не высказывается; но изъ приведеннаго имъ примѣра Платоновой республики и средневѣковаго строя Европы мы имѣемъ право вывести, что „неползучей" мыслью онъ считаетъ ту, у которой нѣтъ возможности осуществиться раньше, какъ черезъ 1000 лѣтъ.

Положимъ, что это съ моей стороны небольшая придирка—считать такъ грубо и точно. Чтобы быть справедливѣе, скажу общѣе: у которой нѣтъ возможности *скоро* осуществиться, во всякомъ случаѣ, напримѣръ, на глазахъ автора теоріи.

Попробуемъ же съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія: *качественной* связи съ прошедшимъ и существующимъ, и *количествен-*

ной (по теченію времени) связи съ отдаленностью будущаго сравнить между собою данные намъ три примѣра: республику Платона, славянофильство Данилевскаго и ѳеократію самого Владимира Соловьева.

Окажется, съ одной стороны, что и Платонъ, и Соловьевъ тѣсно связаны и съ *современными* имъ историческими обстоятельствами, и съ представленіями о *прошедшемъ*; съ другой же стороны, что Данилевскій (да и вообще славянофилы всѣхъ оттѣнковъ) вовсе не такіе простые консерваторы, какими ихъ представляетъ авторъ.

Какъ ни высоко думали подняться надъ почвой Соловьевъ и Платонъ, но все-таки ихъ приковываютъ къ этой почвѣ какія-то узы.

И съ другой стороны, какъ бы ни желали держаться *видимыхъ* основъ Данилевскій и его единомышленники, имъ ползать все-таки нельзя, а приходится и взлетать, подобно мудрому Дедалу, освобождаясь изъ лабиринта тѣснящей мысль современности.

Развѣ Платонъ совсѣмъ ужъ не держался въ теоріи своей болѣе или менѣе готовыхъ основъ? Развѣ не видалъ онъ въ современной ему Спартѣ нѣкоего подобія своей республикѣ? *Тройственное разслоеніе при строгой набожности*: спартіаты, лакедемоняне, илоты. Было еще у него и другое *готовое* представленіе, тоже почти современное: касты Египта. Египетъ былъ уже завоеванъ тогда Персами, но внутренній строй египетской жизни еще не былъ настолько расшатанъ, чтобы не осталось отъ него и слѣдовъ, какъ не осталось ихъ позднѣе.

Значитъ, и Платонъ въ своемъ идеалѣ держался отчасти за современныя ему данныя; и въ этомъ отношеніи онъ былъ гораздо „трезвѣе" многихъ нынѣшнихъ утопистовъ, желающихъ *антистатическаго равенства*. Платонъ въ полетѣ своемъ держался ближе ихъ къ „почвѣ". Его теорія въ простомъ схематизмѣ своемъ приложима, по-моему, даже и ко всѣмъ временамъ, ко всѣмъ націямъ, ко всѣмъ культурамъ. Она находила себѣ оправданіе въ дальнемъ прошедшемъ Египта, отчасти въ современномъ *религіозно-воинственномъ*

состоянiи Персiи, отчасти въ современномъ же богомольно-казарменномъ строѣ Спарты. И она же нашла себѣ оправданiе и въ будущемъ: менѣе ясное, конечно—въ языческомъ Римѣ, гдѣ *воинъ царь сталъ богомъ;* въ Византiи, гдѣ преобладало священство ученостiю и умомъ; еще нѣсколько болѣе ясное въ старой Россiи (православной, дворянской и *крѣпостной*); самое же ясное, это правда, въ романо-германскомъ мiрѣ, до начала его разложенiя посредствомъ возстанiя и торжества *среднихъ* и *низшихъ* классовъ, назначенныхъ *самой природой* для повиновенiя, а не для господства и *необузданнаго разсужденiя*.

Къ схематической республикѣ Платона можно прибавить многое, но существенно разстраивать ея трехъ-основный планъ нельзя, не разрушая всего. Можно прибавить царя (изъ *касты воиновъ непремѣнно*); можно изъ среды духовныхъ мудрецовъ выдвинуть выше всѣхъ первосвященника; можно допустить по краямъ сословнымъ гораздо больше движенiя. Можно съ успѣхомъ сдѣлать такимъ образомъ политическiй чертежъ гораздо сложнѣе, какъ и сдѣлала его исторiя послѣ Платона и въ Римѣ, и въ Византiи, и въ Россiи *временъ сословныхъ* и *особенно* въ романо-германской Европѣ.

Но какъ бы ни былъ сложенъ и разнообразно переплетенъ этотъ соцiально-государственный узоръ въ дѣйствительной жизни *развитыхъ* (но еще не разлагающихся государствъ), *трехцвѣтность* эта, эта *трехъосновность* платоновская до того неотвратима, что она въ искаженномъ, разстроенномъ, смѣшанномъ видѣ доживаетъ съ самимъ государствомъ до его послѣдняго издыханiя подъ ударами завоевателя.

Возьмемъ хоть бы Францiю современную. Въ ней все смѣшалось, все приблизительно уравнено; однако, никакъ и съ католичествомъ (съ духовными мудрецами) вполнѣ прервать не удается, и сдерживать толпу *работающихъ и торгующихъ* безъ помощи *воиновъ* (полицiи и армiи) невозможно.

Итакъ, Платонъ, составлявшiй свой планъ идеальной республики, какъ будто для греческихъ республикъ, *подъ*

вліяніемъ современныхъ ему представленій и прошедшихъ основъ, написалъ его для *всего міра*; ибо, по моему мнѣнію, если все современное намъ человѣчество (считая и *спасенные* до сихъ поръ отъ либеральнаго европеизма Остъ-Индію и Китай) еще не осуждено на *скорую гибель* (сравнительно скорую), *то гдѣ-нибудь* опять да явится эта *трехъосновность* или *трехцвѣтность* Платона, въ новомъ и сложномъ видѣ: жрецы, воины, труженики; *духовное разсужденіе, храбрость и власть, вещественный трудъ и повиновеніе.*

Его теорія реализуема приблизительно вездѣ и всегда, вслѣдствіе самой схематичности своей и неопредѣленной общности: она „трезва", если оглянуться назадъ, потому что уже неоднократно было и прежде реализовано *то же самое,* хотя бы и не въ одинаковой частной формѣ. Въ Египтѣ очень схоже, но богаче; въ Спартѣ бѣднѣе, грубѣе, но близко; въ началѣ аѳинской исторіи гораздо слабѣе, но тоже въ родѣ этого (воинственностью правила религія); въ современной Платону Персіи попестрѣе, но на тѣхъ же основахъ, съ перенесеніемъ *большей силы жречества,* такъ сказать, *на царя изъ воиновъ.*

Значитъ, и Платонъ не чуждъ ни своей современности, ни основамъ прошедшаго, знакомаго и понятнаго ему. Это Платонъ; теперь г. Соловьевъ.

Развѣ Влад. Соловьевъ совсѣмъ оторванъ отъ *основъ* данной ему *современности?* Развѣ онъ вовсе свободенъ отъ представленій, *благопріятныхъ* прошедшему?

Напротивъ того, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще гораздо больше связанъ *готовыми данными* жизни, чѣмъ Платонъ съ одной стороны, чѣмъ Данилевскій и его послѣдователи съ другой.

IV.

Какъ бы ни былъ самобытенъ полетъ нашей мысли и нашего воображенія, но совершенно оторваться отъ историческихъ представленій и отъ современной почвы намъ невозможно; и самъ г. Соловьевъ облекъ, наконецъ, свои первоначально неясныя мистическія потребности въ весьма кон-

кретную и практическую форму примиренія двухъ *современно* существующихъ апостольскихъ христіанскихъ церквей. Отъ *готоваго*, отъ *даннаго* прошедшей и современной исторіей и онъ не избавился. И не только онъ не избавляется отъ этого готоваго, но почти *предрѣшаетъ* заранѣе *форму* этого примиренія, склоняя вѣсы свои явственно въ пользу Рима, то есть прямо въ пользу *старой,* давно помимо его фантазіи существующей формы, быть можетъ, съ самыми ничтожными измѣненіями въ уступку православію.

Въ этомъ отношеніи онъ гораздо выше и практичнѣе Макса Мюллера, желающаго примиренія всѣхъ религій земного шара въ какой-то общей и никому непонятной вѣрѣ. М. Мюллеръ надѣется, „что будущіе люди покинутъ многое изъ того, чему поклоняются и что проповѣдуютъ въ храмѣ индусовъ, въ буддійской „вихарѣ“, въ мусульманской мечети, въ синагогѣ еврейской и въ христіанской церкви; но каждый принесетъ съ собою все лучшее изъ своего наслѣдства, всѣ высшія драгоцѣнности души своей“.

„Индусъ—свой врожденный скептицизмъ по отношенію къ этому міру и свою непобѣдимую вѣру въ *другой* (невидимый) міръ“.

„Буддистъ—видѣніе вѣчнаго закона; свое повиновеніе этому закону, кротость свою, сострадательность“.

„Мусульманинъ—серьезность своей души“.

„Еврей—свою непобѣдимую привязанность, и въ свѣтлые, и въ черные дни, къ тому Единому Богу, который любитъ правду и котораго имя есть „Сущій“.

„Христіанинъ, наконецъ (и это лучше всего),—любовь къ Богу, какимъ бы именемъ вы Его ни называли: Безконечное, Невидимое, Отецъ, Высшее, которое и выше всего и во всемъ“.

Вотъ „Церковь будущаго“, по Мюллеру: безъ догмата, вся лишь изъ нравственныхъ, добрыхъ свойствъ и умственныхъ смутныхъ наклонностей составленная.

Разумѣется, въ этихъ строкахъ М. Мюллера выражена одна изъ тѣхъ *морально-аморфическихъ* европейскихъ мыслей, которыя доказываютъ и въ этомъ случаѣ умственную без-

выходность современнаго прогрессивнаго Запада. Это мѣсто изъ М. Мюллера годилось бы въ дополненіе къ той прекрасной книгѣ г. Страхова „Борьба съ Западомъ“, на которую тоже, кажется, готовится возражать г. Соловьевъ.

Пожалуй, эта мечта еще „крылатѣе“, чѣмъ идеальное по стремленію къ совершенству, но весьма реальное по *основамъ* государство Платона и чѣмъ подчиненіе *опредѣленнаго* существующаго, *современнаго, даннаго* уже намъ православія, тоже *современному*, тоже *данному* и *еще болѣе,* пожалуй, *выработанному* и опредѣленному *папству*... Но этотъ полетъ ученаго европейца есть уже прямо полетъ Икара, у котораго воскъ на прилѣпленныхъ крыльяхъ растаялъ, и онъ потонулъ въ темной безднѣ.

Г. Соловьевъ не таковъ: онъ несравненно практичнѣе, онъ предлагаетъ намъ дѣло ясное, простое и, повидимому, осуществимое. Стоитъ намъ, восточнымъ, признать только,что патріархи Фотій и Михаилъ Керулларій были менѣе правы, чѣмъ римскіе папы ихъ времени, и при этомъ смирить нашу *національную* гордость, и примиреніе подготовлено.

Признаемъ ли мы это? Смиримся ли? и *когда?..* Это, съ его точки зрѣнія, вопросъ только практическихъ препятствій: „ce qui est differe n'est pas perdu!“ Это въ родѣ разрѣшенія Восточнаго вопроса: „Carthago est delenda“—*„Царьградъ долженъ быть взятъ“. „И будетъ взятъ“*, но когда? Черезъ годъ, черезъ два? Или черезъ 20 лѣтъ? Это расчеты приложенія; это сроки практическихъ препятствій. Во всякомъ случаѣ, проповѣдь Соловьева, по крайней мѣрѣ, въ общемъ представленіи уже совершенно ясна.

Пади предъ нимъ (предъ папою), о Царь Россіи!
И встань, какъ Всеславянскій Царь!

И за эту почти до грубости доходящую ясность цѣли мы русскіе (въ области *національной* мысли ясностью вовсе не избалованные), должны быть Соловьеву, какъ нельзя болѣе, признательны.

Наконецъ-то что-нибудь по осязательной цѣли *понятное!* Противъ яснаго, противъ понятнаго и спорить легче. Зна-

ешь, съ чѣмъ соглашаться и чему противиться Извольте, напримѣръ, понять, чего хочетъ гр. Л. Н. Толстой, хотя бы по вопросу о *„невоспитаніи дѣтей“* или о „непротивленіи злу“. Я отказываюсь понять и знаю, что очень многіе даже сомнѣваются, *думаетъ* ли въ самомъ дѣлѣ гр. Толстой *то, что говоритъ*; слишкомъ это ужъ безсмысленно и темно! Или потрудитесь также постичь Достоевскаго въ его пушкинской рѣчи объ *окончательной міровой гармоніи!* Не о космической, не объ мистической всеобщей гармоніи онъ, видимо, тутъ говоритъ. Нѣтъ! не о какой-то таинственной „новой землѣ подъ новымъ небомъ“ онъ пророчитъ; въ такомъ пророчествѣ, о таинственномъ, эта неясность была бы умѣстна... Но Достоевскій, видимо, пророчитъ *окончательную* гармонію *соціальную,* историческую, *международную,* имѣющую водвориться только благодаря нѣкоторому преобладанію русскаго народа съ его „смиреніемъ“ и вообще съ его высшими нравственными качествами. Неужели эти высшія *спеціально-нравственныя* качества у народа нашего ужъ такъ несомнѣнны? Такъ ли надолго они устойчивы, если они даже и существуютъ въ самомъ дѣлѣ? *Хорошіе русскіе* духовники и вообще монахи, зная народъ, напримѣръ, не хуже литераторовъ, не слишкомъ-то съ этимъ согласны; они, между прочимъ, находятъ, что у крестьянъ смиреніе значительно уменьшилось *со временъ эмансипаціи.* Они находятъ еще, что тамъ, „гдѣ недостаточенъ непосредственный страхъ Божій, посредственное вліяніе *страха человѣческаго,* т. е. начальства, весьма полезно“. Дворянство отъ эмансипаціи много смирилось—это правда; мужикъ же значительно вознесся. Удобно ли это для обученія въ будущемъ всего человѣчества *любви* и *гармоніи,* не знаю! Туманно это, какъ и многое въ области русской мысли и, должно быть, *именно благодаря этой патетической туманности,* рѣчь Достоевскаго имѣла такой успѣхъ. Изъ туманнаго и слишкомъ общаго выходовъ много и это многимъ нравится. „Какъ хочу, такъ и пойму“. Изъ этого же тумана великорусскихъ нынѣшнихъ мечтаній въ свое время и даже очень скоро вышелъ на прямую дорогу и Вл. Соловьевъ. Извѣстно, что онъ прежде до того

поклонялся Достоевскому, что даже придавалъ большое значеніе одному изъ самыхъ слабыхъ его романовъ, на крайне избитую тему написанному: „Униженные и оскорбленные“.

— Хорошо! сказалъ, быть можетъ, самъ себѣ г. Соловьевъ. Хорошо! Для реальнаго осуществленія этой благородной мечты учить другихъ любви посредствомъ смиренія необходима *форма*. Безъ ясной и духовно-принудительной формы туманъ самый благоухающій и позлащенный разсѣется. Надо его кристаллизовать; русское нравственное содержаніе (вѣра, смиреніе, любовь) должно быть замкнуто въ крѣпкую догматическую и *властную форму*. У насъ, восточныхъ, вѣры еще много; но власть церковная слаба. Я возьму съ собою все, что у насъ есть хорошаго: теплоту вѣры въ народѣ, еще не изсякшую; распущенную доброту нашу; это самое „смиреніе“, которымъ восхищались такъ справедливо (?) и Тютчевъ, и всѣ славянофилы, и Достоевскій, и которое мы столько разъ проявляли даже и въ политической жизни нашей (призваніе варяговъ, европейскія реформы Петра и т. д.). Я отнесу все это въ Римъ и повергну къ стопамъ западнаго первосвященника. Востокъ всегда давалъ содержаніе, Западъ—форму!.

Не такъ ли думалъ Соловьевъ, выходя изъ „облаковъ“ Достоевскаго на свою твердую дорогу?

— Ясно, по крайней мѣрѣ!

Желательно или нѣтъ—это другое дѣло. Осуществимо или нѣтъ, тоже другой вопросъ. Я говорю—слава Богу, что ясно, наглядно до-нельзя, вполнѣ *цѣле-осмысленно*, такъ сказать. А мы давно уже отъ ясныхъ и твердо стоящихъ на пути нашемъ цѣлей отвыкли. Если намъ это желательно, пойдемъ за нимъ; если нѣтъ, будемъ ему препятствовать всячески.

Ради Бога, дайте намъ освѣжиться хоть сколько-нибудь на этомъ понятномъ, оформленномъ, ясномъ. Довольно съ насъ, довольно всей этой *испаряющейся* теплоты, всей этой *общей морали*, всѣхъ этихъ словъ и чувствъ: *любви, смиренія, гармоніи*; всѣхъ этихъ благихъ и великихъ „журавлей“, не-

сущихся за облаками и безъ того еще помраченнаго и сѣраго славянскаго неба.

Г. Соловьевъ даетъ намъ *въ руки* нѣчто *существующее*, реальное, хотя и освѣщенное мистическимъ началомъ и не мелкое что-нибудь, а въ высшей степени интенсивное и широкое.

Мистическій духъ Соловьева *воплотился. Безъ сильной духовной* (церковной) *власти не будетъ прочности даже и въ той любви, въ той моральной гармоніи, о которой другіе русскіе идеалисты такъ благородно заботятся!* Вотъ рѣшеніе.

Съ этимъ *(вторымъ)* основаніемъ нельзя не согласиться. Для всенародной морали необходима опора мистики. Твердость *видимой* этики зиждется прочно на вѣрѣ *въ невидимое*. „Начало премудрости (нравственно-практической)—*есть страхъ Божій*". Страхъ Божій поддерживается превосходно *страхомъ человѣческимъ* (жрецами въ союзѣ съ воинами); душа наша, и въ особенности собирательная душа многомилліонныхъ народовъ, удобопревратна и требуетъ безпрестанно осязательныхъ коррективовъ. Она требуетъ безусловнаго авторитета и сильной власти какъ духовной (Церкви), такъ и мірской (государственной, царской)...

И тогда, успокоенные въ *совѣсти* нашей, обезпеченные болѣе теперешняго въ нашемъ *вещественномъ бытіи*, мы русскіе, научимъ и всѣхъ другихъ людей: „гармоніи, смиренію, любви". Вотъ идеалъ.

Правда, что *послѣ этого* церковнаго *примиренія*, мы вслѣдъ за Соловьевымъ, опять вступаемъ *недовѣрчиво* въ область слишкомъ привлекательныхъ моральныхъ миражей, и *полетъ* нашъ дальнѣйшій (подъ его руководствомъ) снова становится слишкомъ ужъ *безплотнымъ;* но, во-первыхъ, мы хоть на короткое время отдохнули на *вообразимомъ*, отвели душу *на осязательномъ* (на папствѣ въ сочетаніи съ русскимъ монархизмомъ и т. д.); а во-вторыхъ, все *дальнѣйшее*, все то прекрасное, что за примиреніемъ послѣдуетъ, можетъ имѣть уже нѣсколько *апокалипсическое* значеніе. Значитъ, все-таки болѣе *опредѣленное*, чѣмъ хорошія чувства „любовь, гармонія" и т. д. Предполагающій во всемъ этомъ нѣчто апокалип-

сическое видитъ все-таки предъ собою какіе-то *предѣлы,* хотя и весьма растяжимые, какъ извѣстно, но все-таки предѣлы, данные нашей ненадежной морали *извнѣ Откровеніемъ,* или той же „Церковью". Мы видимъ опять *форму,* правда, еще загадочную, таинственную, но въ существенныхъ чертахъ все-таки ясную: *будетъ конецъ свѣту земному, надо готовиться;* надо усилить христіанство; надо возвеличить Христову Церковь; надо въ ней слить воедино: чистоту преданія (православіе), духовную властность (Римъ) и хоть нѣкоторую свободу богословскаго движенія (протестанство). И такъ далѣе. И это все-таки гораздо яснѣе и тверже русскаго „смиренія", всеславянской „любви", всечеловѣческой „гармоніи" и т. д.

Разумѣется, если бы въ нынѣшнихъ человѣческихъ обществахъ хотя бы въ теченіе нѣскольких вѣковъ, всѣ реальныя силы соединились (насколько это возможно), дружно стремясь къ одной цѣли—утвержденію вселенскаго христіанства, то была бы и наша, эта земная, реальная жизнь иная!

Если бы философія стала вся, болѣе или менѣе, богословскою, если бы наука стала вся болѣе *пессимистическою,* чѣмъ теперь, если бы она говорила людямъ такъ: „да, это правда, что я очень сильна, но всегда ли *полезна* вамъ была эта сила моя? *Едва ли!* Конечно, и мое *новое* теперешнее *самоотрицаніе* есть плодъ науки; и это самоотрицаніе есть тоже наука; но мой грустный выводъ не надмеваетъ васъ такими пустяками (машинами, напр., и т. п.), какъ надмевала людей XIX вѣка *прежняя* ихъ мѣщанская, улыбающаяся своему будущему всеторжеству наука. Мой выводъ лучше,—онъ смиряетъ васъ предъ Непостижимымъ, передъ Богомъ, передъ Вѣрой!" И еще: *если бы побочный плодъ* вѣкового христіанскаго воспитанія—сравнительная мягкость современныхъ нравовъ, нелюбовь наша къ *тѣлеснымъ* терзаніямъ ближняго (и даже врага), если бы гуманность эта наша (отъ которой, вѣроятно, и отдѣлаться снова вполнѣ мы уже не въ силахъ), если бы она сопрягалась въ глубинѣ души новыхъ людей, не съ самодовольствомъ моральнаго буржуа, какъ

сопрягается она теперь, а со страхомъ Божіимъ и вѣрою, если бы при этомъ *власти* уже *смягченныя* (исторіей, гуманностью и т. д.) прониклись бы надолго сами больше нынѣшняго все тѣмъ же „страхомъ Божіимъ" вслѣдствіе болѣе духовнаго всеобщаго воспитанія... Ну, конечно, жизнь будущихъ вѣковъ стала бы и легче, и благороднѣе, и душеспасительнѣе.

Элементы *невѣрія* не были бы, разумѣется, до тла уничтожены (да они и нужны, вѣроятно, какъ противники для послѣднихъ апокалипсическихъ битвъ за Церковь Божію. „Врагъ" нуженъ вообще); но они были бы подавлены *жестоко даже и гуманными людьми* и возстали бы въ силѣ своей много позднѣе для предсмертной, изступленной борьбы, лишь предъ вторымъ пришествіемъ Христа.

Довольно съ меня этого. Въ этомъ общемъ взглядѣ своемъ Соловьевъ несомнѣнно правъ, *если только я его правильно понялъ.* Усиленіе Церкви крайне нужно; проникновеніе мистико-христіанскими идеями спасительно даже и для приблизительнаго, для временнаго, для относительнаго *земного* благоденствія нашего. Россія, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ призвана сослужить именно *на этомъ поприщѣ службу* всечеловѣчеству. Но относительно *формы,* но относительно *пути,* Соловьевъ только *ясенъ.* Это я вижу; *но я не знаю, правъ ли онъ?* И, даже мнѣ иногда кажется, *что онъ вовсе не правъ.* Мнѣ все кажется, повторяю это еще разъ, что онъ полезный, геніальный Колумбъ, стремящійся въ Восточную Индію, не то чтобы не *зная* вовсе *Америки,* но умышленно *игнорируя* ее. А, быть можетъ, эта Америка *ближе;* быть можетъ, она на *Босфорѣ?* Быть можетъ, она (усиленіе Церкви) не въ папоцезаризмѣ, а въ какомъ-нибудь тоже очень ясномъ, тоже очень практическомъ, тоже весьма вообразимомъ, прочномъ и *небываломъ еще соборно-патріаршескомъ* устройствѣ. Это будущее устройство и съ духомъ нашей Церкви сообразнѣе, и въ немъ могло быть и нѣчто всеобще-реальное, *органическое,* такъ сказать, вотъ почему: на Западѣ (во всецѣлости взятомъ) централизація единоличная была только въ Церкви; государственное начало было всегда и есть до сихъ поръ *многолично* и *многовластно.* Не естественно ли по всеобщему

закону полярности, что на Востокѣ *царь* будетъ *одинъ надъ всѣми,* даже и надъ мелкими царями; а *развившаяся дальше* Церковь станетъ *многолична* и *многовластна,* даже и при нѣкоторой соборно-аристократической централизаціи на Босфорѣ? По моему мнѣнію, къ *этому ведутъ событія;* духъ времени у насъ вѣетъ прямѣе въ эту сторону, чѣмъ *на Западѣ. Если успѣю,* я разовью эту мысль мою позднѣе; она прямо истекаетъ изъ того самаго Данилевскаго, который такъ мѣшаетъ Вл. С. Соловьеву. Здѣсь пока прибавлять нечего. Я, кажется, доказалъ, что и оба окрыленные мыслители, Платонъ Эллинскій и нашъ молодой мистикъ, вовсе не чужды ни современнымъ имъ основамъ, ни „кореннымъ" *грѣхамъ* данной дѣйствительности. Членъ демократизированной республики мыслилъ объ идеальной и весьма сословной республикѣ. Христіанинъ нашего времени мыслитъ не о чемъ-нибудь дѣйствительно новомъ и небываломъ, онъ мечтаетъ о возвращеніи *вспять* къ *частной формѣ,* къ возсоединенію церквей, уже проживших вмѣстѣ вѣковъ десять и *потомъ ощутившихъ неотразимую потребность раздѣленія.*

Что касается до выраженія „коренные грѣхи данной дѣйствительности", то оно, вѣроятно, относится не къ политическимъ основамъ Россіи и не къ экономическому разстройству нашему, которое (г. Соловьевъ это знаетъ) *никто* у насъ увѣковѣчить не желаетъ, а напротивъ того, всѣ почти бьются о томъ, какъ бы исправить его. Вѣроятно, и это выраженіе „коренные грѣхи" обращено къ строгимъ и слишкомъ неподвижнымъ, по его мнѣнію, *охранителямъ православія,* къ славянофиламъ прежде всего (ибо они люди мірскіе, не связанные *саномъ* подобно духовенству, могли бы смѣлѣе двигать богословскую мысль, напримѣръ, *въ тотъ же Римъ).*

Но тутъ какъ же быть: если я не ошибся, и подъ словомъ „коренные грѣхи данной дѣйствительности" Вл. Серг. Соловьевъ разумѣетъ косность нашихъ охранителей въ идеяхъ и формахъ восточнаго исповѣданія, то съ нимъ совсѣмъ не согласны всѣ четыре восточные патріарха и многіе подчиненные имъ епископы въ своемъ „окружномъ посланіи 1848 года".

Грѣхомъ они считаютъ именно *католицизмъ римскій* и даже дерзаютъ его называть безъ стѣсненія *ересью* (стр. 9, русскій переводъ 1850 года) *).

Какъ же быть? Кого же намъ слушаться?..

Блестящаго мыслителя и своевольно - вдохновеннаго пророка русскаго или этихъ великихъ греческихъ патріарховъ?

Въ этихъ патріархахъ, даже въ случаѣ величайшихъ личныхъ какихъ-либо немощей, преемственно (по теоріи самого Соловьева) отъ апостоловъ и святыхъ соборныхъ отцовъ несомнѣнно живетъ и дѣйствуетъ Духъ Святый.

Въ этомъ же благородномъ, симпатичномъ, обворожительномъ, я готовъ сказать, философѣ русскомъ, *неизвѣстно* еще, *какой духъ* обитаетъ.

„Не всякому духу вѣрьте!"

Можно, конечно, при помощи Божіей, и дѣйствіе сомнительныхъ (я говорю пока *только сомнительныхъ,* а не прямо вредныхъ) духовъ обращать на пользу въ будущемъ... Это правда...

„Но съ величайшимъ самоохраненіемъ"... Да не преткнемъ объ этотъ „камень" (tu es Petrus!) *несвоевременно и безъ того нетвердую ногу нашу!*

---

*) Если съ такимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ окружнаго посланія восточныхъ патріарховъ не совсѣмъ совпадаютъ менѣе рѣшительные и болѣе снисходительные взгляды нѣкоторыхъ представителей русской іерархіи, не разъ приводимые г. Соловьевымъ (наприм., мнѣнія митрополита Филарета и друг.), то это доказываетъ только, что *богословская работа Восточной Церкви еще не окончена* и что предстоящее, при видимо благопріятныхъ политическихъ условіяхъ, болѣе тѣсное сближеніе съ греками можетъ произвести значительное оживленіе въ области православной мысли. Та самая теорія „развитія Церкви", которую, по-моему, основательно защищаетъ г. Соловьевъ, можетъ быть приложена съ *большими надеждами* къ ближайшему будущему Восточной Церкви. Этимъ надеждамъ благопріятствуетъ какъ нѣкоторая неоконченность ея системы, такъ и долгое *неподвижное храненіе истины* ея съ одной стороны въ нашихъ русскихъ доселѣ нетворческихъ рукахъ, съ другой же въ утомленныхъ могучимъ прежнимъ творчествомъ рукахъ грековъ. Мнѣ часто думается, не было ли въ этомъ неподвижномъ *храненіи до поры до времени особаго высшаго смотрѣнія?*

V.

Всѣ три теоріи: теорія Платона, теорія Влад. Соловьева и теорія Данилевскаго имѣютъ свое достоинство, свою относительную приложимость въ будущемъ и свое оправданіе въ прошедшемъ. Ихъ вовсе нетрудно примирить, всѣ три, между собою; но примиреніе это легко только *въ самыхъ общихъ ихъ чертахъ.* Данилевскій говоритъ намъ: Европа разлагается; *нуженъ новый культурный типъ, новая государственная культура.*

Платонъ указываетъ намъ, что безъ *нѣкотораго порабощенія* промышленнаго и земледѣльческаго классовъ *мудрецамъ (жрецамъ) и воинамъ* не будетъ прочна никакая государственная система.

Влад. Соловьевъ убѣжденъ, что *безъ обновленія теократическихъ силъ дальнѣйшая жизнь человѣчества будетъ почти безсмысленна,* а можетъ-быть даже и невозможна надолго.

Всѣ три взгляда, какъ нельзя болѣе согласуются и въ этихъ общихъ основаніяхъ, и въ общемъ ихъ практическомъ выводѣ: *нуженъ новый культурно-государственный типъ.* Для того, чтобы онъ продержался нѣсколько вѣковъ, ему нужна *болѣе твердая,* чѣмъ теперь, *сословная организація; во главѣ* этой сословной организаціи должна стоять *духовная іерархія,* болѣе независимая и отъ свѣтской власти, и отъ народа, чѣмъ теперь.

Это относительно общихъ основъ трехъ теорій. Только онѣ, *эти* общія *основы,* вѣрны, или, по крайней мѣрѣ правдоподобны, въ томъ печальномъ смыслѣ, что если уже нигдѣ на земномъ шарѣ невозможны болѣе ни новый культурный типъ, ни крѣпкая сословность, ни покорность теократіи: то все человѣчество осуждено сперва на *демократическое всесмѣшеніе,* а потомъ на медленное вымираніе или на внезапную гибель.

Если же этому *всесмѣшенію* долженъ быть *на долгое* время, примѣрно, на 10 вѣковъ или нѣсколько менѣе, положенъ предѣлъ; то иного средства нѣтъ къ воздвиженію подобнаго предѣла, какъ цѣлымъ рядомъ измѣненій, колебаній, смутъ,

войнъ и примиреній дойти до утвержденія самобытнаго культурнаго типа, съ *новой* сословностью и съ *обновленной* теократіей.

Все это такъ. Но когда мы обращаемся къ частнымъ, къ прямымъ цѣлямъ этихъ трехъ теорій, тогда у насъ возникаютъ основательныя сомнѣнія; тогда невольно хочется еще разъ спросить: не въ *Америку* ли они всѣ насъ ведутъ, *вмѣсто Остъ-Индіи?*

Съ Платономъ это и случилось. Вмѣсто Эллады, приблизительное осуществленіе его идеала произошло, через 1000 лѣтъ послѣ него, въ Европѣ.

Впрочемъ Платонъ видимо составлялъ *теорію для теоріи*; онъ писалъ для удовлетворенія только собственной философской потребности опредѣлить вообще условія государственной *стойкости*. Когда современники его предлагали ему стать Ликургомъ или Солономъ своей собственной теоріи, то онъ, отказался, видимо не вѣря въ ея *чистую и точную* приложимость. Вѣря въ правильность общихъ основаній своихъ, онъ значитъ, не вѣрилъ въ близкую возможность найти для своей общей идеи частную, конкретную форму. Онъ самъ сознавалъ въ этомъ безсиліе свое; понималъ самъ, въ чемъ его собственно недостатокъ.

Частную эту форму, при всей вѣрности общаго положенія, такъ трудно заранѣе опредѣлить, что и въ томъ наиболѣе подходящемъ проявленіи, на которое справедливо указываетъ Ранке, встрѣтилось слѣдующаго рода противорѣчіе.

Съ одной стороны, дѣйствительно похоже: папа и католическое духовенство, рыцари, подчиненныя общины и рабочіе. Но съ другой стороны, эта самая эпоха, наиболѣе на государство Платона похожая, большинствомъ историковъ считается *малогосударственною* эпохою, сравнительно съ тѣми позднѣйшими временами, когда началось значительное перемѣщеніе соціальныхъ силъ. Государственность европейская, въ строгомъ смыслѣ, начала болѣе опредѣляться и уясняться подъ конецъ этого *средневѣковаго* періода; именно тогда, когда монархическая власть съ одной стороны, а среднее сословіе съ другой стали приходить въ нѣкоторое прибли-

зительное равновѣсіе и съ іерархіей, и съ дворянствомъ, то есть къ эпохѣ возрожденія и реформаціи, во времена Карла V, напримѣръ, Франциска I, Генриха VIII, Елизаветы Англійской, до временъ Людовика XIV и Вильгельма Оранскаго въ Англіи включительно.

Значитъ, и *то вышло,* но не *совсѣмъ* то; и даже если взглянуть на дѣло съ вышеуказанной точки зрѣнія строго-государственной, то и *вовсе не то.* А все-таки *основанія* вѣрны. И при Людовикѣ XIV, и при Вильгельмѣ Оранскомъ и *религія* была еще очень могущественна и *воинственное дворянство* еще вездѣ преобладало надъ среднимъ и рабочимъ классами.

Платонъ, я говорю, и не опредѣлялъ съ точностью ни *мѣста,* ни *времени,* ни *частной* формы для осуществленія своего идеала. Но Данилевскій и Соловьевъ гораздо болѣе его опредѣляютъ своимъ надеждамъ и *мѣсто,* и *частную* форму. О времени же они не говорятъ; они оба понимаютъ, что это самый опасный камень преткновенія. Въ *жизни* въ этихъ *временахъ* и *срокахъ* иногда вся *сила,* но какъ ихъ уловить и предречь въ будущемъ?

Эта большая опредѣленность пророчествъ Данилевскаго и Соловьева и составляетъ ихъ сравнительную слабость. Въ этой именно большой *конкретности* скептическій умъ и можетъ усмотрѣть ихъ ахиллесову пяту.

Нуженъ новый культурный типъ; *но славяне ли разовьютъ его,* какъ надѣется Данилевскій?

Можно ожидать обновленія теократическаго начала, но будетъ ли эта теократія *непремѣнно римско-католическая,* какъ вѣритъ Влад. Соловьевъ?

Вотъ два вопроса!

Что славяне, съ Россіей во главѣ, произведутъ на время *нѣкоторое уклоненіе* въ руслѣ всемірной уже *истощающей* свои силы, уже старѣющей исторіи, это довольно правдоподобно. Что въ уклоненіи этомъ будетъ довольно много *анти-европейскаго* или, точнѣе сказать, *анти-либеральнаго, анти-современнаго,* это для успѣха подобнаго отклоненія даже *необходимо.*

Но дадутъ ли славяне *дѣйствительно* рѣзкій и очень живучій, хотя бы и односторонній, культурный типъ, или только

будутъ кратковременно преобладать, въ видѣ явленія *переходнаго* къ чему-нибудь болѣе выразительному, это уже гораздо труднѣе, при нынѣшнихъ данныхъ, рѣшить.

Исторія представляетъ намъ нѣсколько степеней подобныхъ перерожденій и уклоненій. Возьмемъ три степени: 1) *греко-македонское владычество*, 2) *Римъ и Византія*, 3) *романо-германская Европа.*

Греко-македонское владычество надъ сосѣднимъ юго-востокомъ было сравнительно краткое. Отъ Александра Македонскаго (323) до окончательнаго покоренія царства Птоломеевъ Римлянами (30 л. до Р. Х.), всего 293 года. Слѣдовъ культурной самобытности это владычество почти никакихъ не оставило. Было много учености, творчества не было. Вся задача этого времени была, кажется, въ томъ, чтобы смѣшать воедино посредствомъ внѣшней государственной власти эллинизмъ съ бытомъ восточныхъ царствъ. Отчасти и въ томъ, чтобы посредствомъ взаимнаго проникновенія эллинской республиканской муниципальности съ азіатскимъ мистическимъ царизмомъ приготовить почву римскому освященному религіей кесаризму.

Македонской литературы, македонской философіи нѣтъ; есть только *греческая* литература и греческая философія; *при македонскомъ владычествѣ* нѣтъ и македонскаго *государственнаго ученія*, нѣтъ македонской *государственной культуры;* были только македонскія *государства.*

Другое дѣло Римъ и Византія. Эти оба типа уклонились несравненно дальше, чѣмъ македоняне, отъ всего предыдущаго. Перерожденіе въ нихъ уже глубокое. Обѣ культуры, оба государства, прилагая къ нимъ терминологію Данилевскаго, *одноосновныя.*

У Рима *своя* великая *государственная система*, *свое* политическое *ученіе*, *своя* культурная государственность, а не просто *государство*, какъ было у македонскихъ царей. У Византіи *небывалая дотолѣ* великая *религіозная система*, *свое* рѣзко отъ всего отдѣлившееся *мистическое* ученіе, *свое первое*, по времени, въ мірѣ *христіанское государство.*

Въ изящной литературѣ Римъ языческій былъ еще довольно самобытенъ и *лиризмомъ*, напримѣръ, пожалуй, что и превосходилъ Элладу; краснорѣчіемъ тоже славился. Но о философіи римской и не говоритъ никто; *бытъ* римскій очень походилъ на бытъ Эллиновъ, проявляя однако подъ конецъ все сильнѣе и сильнѣе наклонность къ болѣе богатымъ азіатскимъ внѣшнимъ формамъ (модамъ, обычаямъ и т. д.) и къ восточному, *болѣе сердечному,* мистицизму. Но въ сферѣ юридической, политической, государственной Римъ былъ вполнѣ культуренъ, т. е. *самобытенъ и могучъ.* Онъ былъ съ этой стороны не только владыкой міра, но и *наставникомъ* ему. Это его великая *одноосновность.*

Одноосновная же, подобно языческому Риму, была и христіанская Византія. Это было, какъ уже сказано, *первое въ исторіи государство христіанскаго исповѣданія.* Это обстоятельство, не знаю, почему, очень многими забывается.

Даже самъ Данилевскій, перечисляя всѣ культурные типы, *забылъ Византію.* Говоря именно объ одноосновныхъ культурахъ: еврейской, эллинской и римской, онъ долженъ бы былъ къ этимъ тремъ прибавить и *четвертую одностороннюю* цивилизацію, *именно* эту византійскую.

Всѣхъ культурныхъ типовъ у Данилевскаго перечислено *десять*: 1) *египетскій,* 2) *китайскій,* 3) *халдейскій* (ассиро-вавилоно-финикійскій), 4) *индійскій,* 5) *иранскій* (персидскій), 6) *еврейскій,* 7) *греческій,* 8) *римскій,* 9) ново-семитическій или *аравійскій (мусульманскій)* и 10) *романо-германскій* (европейскій).

Не могу понять, почему *одиннадцатый* типъ, византійскій, имъ пропущенъ? Онъ упомянулъ даже особо о двухъ скоропогибшихъ культурахъ новаго свѣта, *мексиканской* и *перуанской,* которыя находились въ еще большемъ, чѣмъ китайцы, обособленіи отъ всего остального историческаго міра. О китайцахъ древніе все-таки имѣли смутное понятіе и звали ихъ *серами*...

„Дрожатъ ли предъ мощнымъ въ восточной пустынѣ индѣйцы и *серы*?“ говоритъ императору Августу Горацій.

Но объ Америкѣ никто до Колумба не зналъ.

По-моему, оставляя въ сторонѣ Перу и Мексику, *историческихъ* культурныхъ типовъ надо считать *одиннадцать* съ *Византіей.*

Впрочемъ, говоря о религіозной одноосновности византійской культуры, въ государственномъ отношеніи бывшей въ значительной мѣрѣ продолженіемъ Рима, не надо забывать о богатой ея литературѣ догматически-философской, богослужебно или молитвенно-лирической, нравственно-аскетической и церковно-исторической (*Житія*, напримѣръ). Все это было въ *высшей степени* самородно, оригинально, ново. Духъ во всей этой литературѣ единый, творческій и *дотолѣ небывалый*: роды литературные почти всѣ: отъ лиризма акаѳистовъ, каноновъ и тропарей, пожалуй, даже до нѣкотораго подобія драматизму въ богослужебныхъ дѣйствіяхъ.

Если про римскую лирику и краснорѣчіе можно сказать, что они и рядомъ съ греческими образцами не теряютъ ничуть своего достоинства и даже имѣютъ за собою нѣкоторое преимущество (лирика римлянъ несомнѣнно очень романтична, горяча, развита искренна), то какъ же можно было забыть объ этой *духовной* византійской литературѣ, которая до сихъ поръ, конечно, *живетъ* и при этомъ неизмѣримо *популярнѣе* и Гомера и Шекспира.

Если вспомнить и обо всемъ этомъ, то хотя, пожалуй, типъ Византіи все-таки останется *одноосновнымъ*, ибо литература эта отъ религіи, въ этомъ новомъ типѣ такъ же неотдѣлима, какъ и у Евреевъ, но признать вообще особое и величайше *культурное значеніе* этого типа станетъ очевидно необходимымъ. Наконецъ можно ли было забыть, что та же Византія дала міру неподражаемые и недосягаемые образцы всѣхъ родовъ церковнаго искусства: въ зодчествѣ—св. Софію, въ иконописи—Панселина, въ пѣніи—всѣ безчисленные божественные напѣвы, коими оглашаются и—какъ можно вѣрить—до конца міра будутъ оглашаться во всей вселенной православные храмы?

Византія прожила слишкомъ 1000 лѣтъ, подобно Риму, такъ что ни Византію, ни Римъ нельзя считать только чѣмъ-то переходнымъ, въ родѣ греко-македонскаго владычества.

И продолжительная жизнь, и внутреннее *самобытное содержаніе* у нихъ, всякій знаетъ, неизмѣримо высшее.

За Римомъ и Византіей возникла романо-германская культура, гораздо болѣе ихъ сложная, богатая и, во *всецѣлости взятая*, по отношенію *къ прошлому*, въ высшей степени оригинальная!

Не двѣ основы научно-художественную и государственную надо признавать въ ней, какъ признаетъ Данилевскій, *но три*, ибо нравится ли намъ католицизмъ или нѣтъ, но не признавать его истинно великой религіей было бы большой и *тенденціозной* натяжкой.

Исказилъ ли римскій католицизмъ христіанство, по Данилевскому и другимъ славянофиламъ, или онъ развилъ его правильно, по Соловьеву; во всякомъ случаѣ, чего же еще могущественнѣе, самобытнѣе въ исторіи, *новѣе въ свое время* и вліятельнѣе, какъ папскій этотъ Римъ! И косвенныя его воздѣйствія, и самыя *антагонистическія отраженія* безчисленны и въ культурномъ смыслѣ многоплодны.

Итакъ, относительно будущаго Россіи, весь вопросъ сводится къ тому, чѣмъ она можетъ быть при устарѣніи Европы: государствомъ ли безъ *особой*, безъ поражающей умъ *государственной системы*, наподобіе македонскихъ царствъ, или *одноосновнымъ культурнымъ* міромъ, какими были Римъ языческій и христіанская Византія; или *трехъ-основнымъ столь же содержательнымъ типомъ*, какъ романо-германскій міръ.

Или, наконецъ, превзойти и этотъ послѣдній богатствомъ своимъ, дать вселенной впервые примѣръ *типа четырехъ-основнаго*: то есть *рѣшить лучше* (не *окончательно*—это невозможно—а *только лучше*), чѣмъ смогъ въ свое время рѣшить міръ романо-германскій, *всѣ четыре* главные, основные вопроса исторической жизни: религіозный вопросъ, государственный, экономическій и художественно-философскій.

Надъ всѣмъ этимъ можно и *должно* задуматься.

Данилевскій надѣется на то, что Россія и славянство призваны дать по его же теоріи неслыханный доселѣ этотъ *полный четырехъ-основный* типъ, съ *преобладаніемъ*, впрочемъ, *спеціально-экономическаго* самобытнаго призванія.

Я же, не распространяясь *на этотъ разъ* болѣе, сознаюсь здѣсь только, что изъ перечисленныхъ выше *четырехъ* призваній нахожу *первое* (македонское) для Россіи слишкомъ ничтожнымъ, а *послѣднее (полную четырехъ-основность)* слишкомъ богатымъ и самобытнымъ. *Не похоже*; лестно, но неправдоподобно что-то. Похожѣе всего Россія на языческій Римъ *по своей судьбѣ. Не слишкомъ оригинальна;* имѣетъ въ себѣ нѣчто дѣйствительно примиряющее крайности и въ тоже время медленно, но неотразимо и неустанно *завоевательна.* Правда, сходные съ римлянами по судьбѣ, мы не похожи на нихъ по характеру. Римляне гордились и открыто похвалялись своей завоевательностью; мы же, по крайней мѣрѣ *теперь*, ужасно стыдимся въ этомъ сознаваться. Но этотъ ложный стыдъ, слава Богу,—ничуть не мѣшаетъ намъ *дѣлать то же самое*, что дѣлали римляне.

Кто знаетъ, быть можетъ, *такъ и нужно!* Быть можетъ, это лицемѣріе наше, или нашъ этотъ непостижимый самообманъ сообразнѣе съ „духомъ времени“, чѣмъ была бы нынче римская, болѣе откровенная метода.

VI.

Я сказалъ, что размышляя о книгѣ Данилевскаго „Россія и Европа“ и принимая за истинное открытіе его общую мысль, его *теорію смѣны культурныхъ типовъ*, можно все-таки иногда усомниться въ томъ: *мы ли—славяне*, способны дать исторіи *истинно новый* культурный типъ, или надо ждать его *позднѣе* изъ обновленнаго Китая или пробужденной Индіи? Можно также повторить себѣ вопросъ, что мы такое: въ высшей ли степени свѣжіе и потому оригинальные варвары, въ родѣ германцевъ, безсознательно опредѣлившихъ (лѣтъ 1000 и болѣе тому назадъ) своими нашествіями и завоеваніями будущій стиль западной цивилизаціи, или же только несравненно менѣе оригинальные (и очень схожіе съ эллинами) римляне, которые уже въ полномъ развитіи государственныхъ силъ своихъ стали преобладать политически надъ сосѣдями разнаго рода и проникаться ихъ культурными и религіозными началами?

На такіе вопросы, конечно, можно дать въ разной степени отрицательные отвѣты; на *второй* рѣшительнѣе, чѣмъ

на *первый*. Увы! Конечно, мы давно уже не варвары *въ хорошемъ* (въ корень обновляющемъ) *смыслѣ* этого слова! Мы *развѣ только римляне*, и то не характеромъ души нашей, а судьбами нашей исторіи.

Но вѣдь и римская республика была не совсѣмъ похожа на эллинскую; и римская имперія была слишкомъ многимъ непохожа на восточныя царства. Помириться можно и на этомъ; и съ этихъ точекъ зрѣнія не только можно, но и слѣдуетъ возражать Данилевскому, чтобы избѣгнуть глубокаго и горькаго разочарованія въ будущемъ.

Но увѣрять, что Данилевскій „пресмыкается" мыслью, что онъ держится слишкомъ сильно за *данную* дѣйствительность; находить, что идеализмъ его такой уже „поверхностный", какъ находитъ и увѣряетъ авторъ „Національнаго вопроса" и „Религіозныхъ началъ",—это непостижимо!

Неужели Данилевскій въ самомъ дѣлѣ такъ привязанъ къ современности русской!?

Самъ Данилевскій, положимъ, съ точностію и прямо объ этомъ вопросѣ не высказывается; ибо ему естественно и въ голову не могло придти въ то время, когда онъ писалъ свою книгу, что его кто-нибудь можетъ обвинить въ простомъ консерватизмѣ. Онъ самъ понимаетъ, что нужно много усилій для совращенія *нынѣшней* Россіи съ пути того европеизма, на который ввелъ ее своими реформами Петръ I. Значитъ, онъ готовъ даже и на такія крайности, которыя бы противорѣчили *основнымъ* стремленіямъ Петра и состояли бы съ ними въ естественномъ антагонизмѣ. Явно изъ этого, что Данилевскій стоитъ за *движеніе впередъ*, за сильный и безстрашный процессъ *развитія*, а не за однѣ „данныя" современности.

Понятно, кромѣ того, что подъ развитіемъ онъ разумѣетъ вовсе не „конституцію",—не дальнѣйшій и неуклонный эгалитарный процессъ и не какое-нибудь пустое распространеніе такъ называемыхъ „знаній" въ народѣ. Это было бы съ его стороны слишкомъ глупо и ужъ совсѣмъ по „европейски", совсѣмъ *въ дурномъ смыслѣ* „современно".

Правда, Данилевскій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сбивается еще на нѣчто почти общепринятое у насъ въ 60-хъ годахъ; онъ не въ силахъ отрѣшить вполнѣ свою мысль отъ впечатлѣній того эмансипаціоннаго періода, въ которомъ онъ самъ жилъ, развивался и писалъ свою книгу. Сочиненіе это обширно, изложено систематически и зрѣло обдумано. На это нужно было *время*. Сочиненіе было напечатано впервые въ „Зарѣ" 69 года.

Допустимъ, что оно было обдумано и писалось въ промежутокъ между польскимъ мятежемъ и франко-прусской войною, предъ началомъ которой оно и появилось. Эти года отъ 63 до 69-го были временами наибольшаго средне-либеральнаго самодовольства нашего, и Данилевскій (человѣкъ 40-хъ годовъ) не могъ не заплатить этому дань. Реформами и онъ былъ доволенъ; съ *европейскими* судами онъ мирился, утѣшая себя даже весьма ребячески тѣмъ, что и въ *англосаксахъ когда-то было много славянскаго*, что у насъ въ древней Россіи были когда-то „губные старосты" и т. п. Отзываясь съ большою историческою благодарностію о крѣпостномъ (уже уничтоженномъ) правѣ, считая это право въ свое время необходимымъ для устроенія Руси, онъ однако не раздѣлялъ въ переворотѣ 19 февраля 61 года двухъ противоположныхъ сторонъ: *лично* либеральной (европейской) отъ *консервативно-коммунальной* (русской). Рискованное *освобожденіе* отъ власти помѣщиковъ онъ еще не различалъ глубоко отъ *спасительнаго прикрѣпленія* народа къ землѣ; не различалъ въ томъ смыслѣ, что, основательно восхваляя *послѣднее,* слишкомъ довѣрчиво, сочувственно относился и къ *первому*. Онъ говорилъ, что, пройдя сквозь вѣковое и необходимое воспитаніе крѣпостничества, народъ теперь созрѣлъ для „гражданской свободы". Это все, конечно, остатки *современнаго* „европеизма", и въ этихъ случаяхъ его мысль дѣйствительно „пресмыкается" и даже безсильно бьется въ либерально-эгалитарныхъ силкахъ. Но кто же въ то время былъ отъ этихъ силковъ свободенъ? И Катковъ, и Хомяковъ, и Аксаковъ, и Самаринъ — всѣ

такъ или иначе были ослѣплены и запутаны въ нихъ! Катковъ полжизни былъ полулиберальнымъ европейцемъ.

У всѣхъ умовъ есть предѣлъ пониманія, дальше котораго они шагнуть уже сами не могутъ. Кто бы подумалъ, напримѣръ, что поэтъ Гете могъ сочувствовать мысли о *прорытіи Суэзскаго канала!* Поэтъ объективный, пантеистическій жрецъ разнообразнаго развитія жизни, не могъ понять, что всѣ эти пути сообщенія любимому имъ разнообразному развитію—гибель черезъ то вавилонское *смѣшеніе,* которое отъ нихъ происходитъ.

Вотъ такъ и Данилевскій. Онъ и не могъ еще въ *то время* понять, что весь эмансипаціонный періодъ нашъ есть ничто иное, какъ горькій политическій опытъ, и что для будущаго и самой Россіи, и всего славянства предстоитъ неизбѣжно жестокій выборъ между двумя путями: или создать въ нѣдрахъ своихъ новыя формы опредѣленной и ясной *общинности и сословности* (опять нѣчто въ родѣ Платона), развить и утвердить надъ своимъ соціальнымъ міромъ нѣчто подобное той самой *теократіи,* которую ищетъ и г. Соловьевъ (только *не непремѣнно* въ Римѣ, какъ онъ), или же вступить, послѣ непродолжительной и неудачной *реакціи,* снова на тотъ „пространный“ путь, по которому шагъ за шагомъ готовы вести насъ наши „средніе“ западники въ объятія интернаціональной Европы (и ужъ конечно не въ догматическій и авторитетный Римъ). И много, очень много съ этой точки зрѣнія фальшиваго и необдуманнаго можно найти, къ сожалѣнію, въ книгѣ Данилевскаго. Сюда еще относится его довѣрчивое *славянолюбіе* въ тѣсномъ смыслѣ, его вѣра въ само *племя* славянское; тогда какъ нужна вѣра *не въ само это отрицательное племя,* а въ счастливое сочетаніе съ нимъ всего того *получужого, преимущественно восточнаго* (а кой въ чемъ и западнаго), *которое замѣтнѣе въ Россіи, чѣмъ у другихъ славянъ.* Нужна вѣра въ дальнѣйшее и новое развитіе Византійскаго *(Восточнаго)* христіанства (православія), въ плодотворность *туранской* примѣси въ нашу русскую кровь; отчасти и въ православное intus-susceptio властной и твердой нѣмецкой крови и т. д.

Чѣмъ больше въ насъ, славянахъ, будетъ *физіологической примѣси* и чѣмъ больше въ то же время *религіознаго единства* между собою и *бытоваго обособленія* отъ Запада, — тѣмъ лучше! Будетъ и гораздо больше *идеализма* для себя, и нѣсколько больше той *насильственности* для другихъ, на которую вовсе неосновательно нападаютъ и самъ Данилевскій, и всѣ остальные славянофилы. Я дальше надѣюсь доказать, что и самому г. Соловьеву необходима нѣкоторая доля этой насильственности въ русскихъ для его же собственныхъ плановъ.

У Данилевскаго такихъ либерально-европейскихъ ошибокъ очень много, и не въ нихъ конечно его заслуга. Заслуга его въ томъ, что онъ той самой теоріей *культурныхъ типовъ*, которую Вл. Соловьевъ собирается опровергнуть, далъ намъ нѣчто въ родѣ научной основы для избранія дальнѣйшаго *самобытнаго историческаго пути* (если возможно), или по крайней мѣрѣ дальнѣйшаго *историческаго мышленія*, если *паче чаянія* мы даже и въ *римляне* не годимся, а имѣемъ только одно, почти механическое (македонское) призваніе очень большой и неотразимой метлы *всесмѣшенія* отъ Великаго Океана до Атлантическаго и отъ родины орангутанга и слона до отчизны моржа и бѣлаго медвѣдя.

И для такого почти отрицательнаго признанія нужны идеи *анти-европейскія.*

Я сказалъ „паче чаянія“ и, конечно, спѣшу это еще разъ повторить.

Пессимистъ, такъ сказать, *космическій*, въ томъ общемъ смыслѣ, что зло, пороки и страданія я считаю и неизбѣжными, и косвенно полезными для людей „дондеже отъимется луна“, я въ то же время *оптимистъ для Россіи*, собственно для ея ближайшаго будущаго, оптимистъ *національно-историческій*, и только.

Я не могу, напримѣръ, просто отогнать мысли, что Данилевскій правъ, полагая, что Россія (или всеславянство) рѣшитъ современемъ наилучшимъ образомъ *собственно экономическій* вопросъ. *Вѣдь онъ на очереди*; этого *скрыть* нельзя; и *мы на очереди...*

Глубина нашего хозяйственнаго разстройства, надѣюсь, приведетъ насъ не къ гибели, а къ *вынужденному* обстоятельствами самобытному *творчеству*. Рѣшеніе это можетъ пріобрѣсти позднѣе и всемірное значеніе, хотя все-таки *не окончательное*, какъ желали бы многіе; ибо ничего окончательнаго въ смыслѣ всеобщаго и вѣчнаго удовлетворенія на землѣ *никогда и не будетъ*. Не будетъ этого окончательнаго до тѣхъ поръ, пока не случится то, о чемъ говоритъ самъ г. Соловьевъ въ прекрасной книгѣ своей „Религіозныя основы жизни". „Наука (говоритъ онъ на стр. 4 и 5), занимающаяся общими законами и свойствами вещественныхъ явленій (физика), приходитъ въ наиболѣе глубокомысленныхъ своихъ взглядахъ къ тому откровенію, что какъ всѣ явленія въ мірѣ суть лишь различные виды движенія, обусловленные *неравномѣрностью* того общаго движенія въ тѣлахъ, которое называется теплотою, и какъ это послѣднее непрерывно уравнивается, то, при окончательномъ его уравновѣшеніи, *всякія явленія въ мірѣ неизбѣжно прекратятся, и вся вселенная разрѣшится въ одно безразличное и неподвижное бытіе*".

Вотъ *это* въ самомъ дѣлѣ *окончательно!* И къ подобному *концу* мы должны непрестанно обращаться съ религіозными помыслами нашими, подчиняя имъ наши историческіе взгляды... При этомъ однако и о *временныхъ рѣшеніяхъ, улучшеніяхъ* и *утвержденіяхъ* мы не только имѣемъ право думать, но мы, по самой подвижной природѣ нашей, *вынуждены* о нихъ заботиться.

Разъ же предположивши, согласно съ Данилевскимъ, что мы рѣшимъ наилучшимъ (то есть *сноснымъ* и въ сносности этой *довольно прочнымъ*) образомъ экономическій вопросъ, мы можемъ уже на одномъ этомъ основаніи приравнять себя по крайней мѣрѣ къ римлянамъ, одностороннимъ творцамъ неслыханнаго до нихъ *государственнаго и гражданскаго права*, а ужъ не къ македонскимъ завоевателямъ, которыхъ вся задача, кажется, состояла только въ томъ, чтобы греческихъ республиканцевъ пріучить къ жизни *подъ царями*, а восточнымъ людямъ показать, что, кромѣ боговъ и царей, бываютъ еще на свѣтѣ Софоклы и Сократы, Платоны и Ѳукидиды.

Нѣтъ! этого намъ ужъ слишкомъ мало!

VII.

Человѣчество стало теперь несравненно самосознательнѣе противъ прошлаго, и *теоріи* ему въ наше время нужнѣе, чѣмъ когда-либо.

Покойный И. С. Аксаковъ любилъ говорить, что „историческое сознаніе слѣдуетъ теперь по пятамъ за событіями“. Эта неустранимая потребность сознательнаго отношенія къ жизни не можетъ (именно вслѣдствіе силы своей) удовлетворяться только одними объясненіями прошедшаго, но ей естественно нужны и реальныя пророчества будущаго, хотя бы ближайшаго.

Безъ какого-нибудь, хотя бы и неяснаго, плана и въ старину не дѣйствовали, тѣмъ болѣе необходимы теперь эти планы, эти теоріи. Онѣ должны быть въ *наше время* даже много *яснѣе* прежнихъ, избѣгая только съ одной стороны излишняго предрѣшенія *подробностей,* а съ другой—*не забывая силы сроковъ*.

Данилевскій даетъ намъ твердый фундаментъ въ православіи, въ царствѣ, въ общинѣ поземельной. Онъ не запрещаетъ намъ строиться выше, *по-нашему,* на этомъ основаніи. Онъ окрыляетъ насъ надеждами на твердомъ народномъ якорѣ. Держась за нѣкоторыя общія, *готовыя данныя* „почвы“, онъ не стѣсняетъ ничѣмъ дальнѣйшаго полета русской мысли. Напротивъ того, онъ разсчитываетъ на этотъ полетъ; онъ его подразумѣваетъ и нигдѣ не видно, чтобы онъ считалъ *формы* русской жизни *60-хъ и 70-хъ годовъ окончательными*. Хорошъ былъ бы такой *культурный типъ*.

У націи съ истинно-культурнымъ типомъ и самая одежда, и самые обычаи должны быть оригинальны; моды, пляски, приличія, вся эта внѣшность должна стать болѣе или менѣе своею. Это *вѣрнѣйшій* даже признакъ созрѣвающей самобытности. Эта внѣшность вовсе не пустяки, не форма безъ содержанія, какъ ошибочно думаютъ многіе. Это такой же важный признакъ, какъ формы *цвѣтовъ на растеніи*.

Нѣтъ еще ничего подобнаго—значитъ, *мысль своя не созрѣла;* значитъ, *вкусы свои* еще не *страстны* и *не смѣлы* въ

своемъ своенравіи; потребности *свои* не сильны, робки, *недостаточно идеальны... Вотъ то,* напримѣръ, въ чемъ мы самобытнѣе всего, сильнѣе, независимѣе всего, *въ области церковной,* тутъ у насъ, у *восточныхъ,* и все это внѣшнее оригинально и красиво.

И Данилевскій, этотъ серьезный, отчасти нелюдимый (какъ слышно было про него) человѣкъ, *заботится объ этой общественной внѣшности.* Онъ посвящаетъ этимъ *модамъ* и внѣшнимъ обычаямъ нѣсколько превосходныхъ страницъ.

Онъ понималъ, что это *внѣшнее,* не говоря уже объ эстетическомъ значеніи своемъ, имѣетъ еще и другое значеніе, значеніе субъективное: оно есть признакъ зрѣлости національнаго духа, вступающаго наконецъ *во всѣ свои права,* ищущаго во всемъ живой индивидуализаціи своей.

Я не имѣлъ счастія знать лично Данилевскаго, я никогда не встрѣчался съ нимъ; но г. Страховъ, бывшій ему другомъ, можетъ, вѣроятно, дополнить многое недостающее въ книгахъ его изъ тѣхъ бесѣдъ, которыя онъ съ нимъ велъ въ послѣдніе годы.

Былъ ли Данилевскій эстетиченъ въ *личной жизни* своей, я не знаю, и это другой вопросъ (иные поэты и даже художники сами прескверно живутъ въ отношеніи вкуса); но изъ книгъ его явствуетъ, что во взглядѣ на жизнь онъ былъ и эстетикъ. Могла ли ему нравиться, особенно въ послѣдніе года отрезвленія, современная ему Россія, на три четверти, я думаю, европейская и не на рыцарскій, конечно, или католическій ладъ, а на прогрессивно мѣщанскій и въ высшей степени пошлый, даже нерѣдко и въ самыхъ добрыхъ наклонностяхъ своихъ! Я увѣренъ, что и самое уединеніе его въ Крыму, кромѣ близости къ столь хорошо понимаемой имъ природѣ, нравилось ему еще и тѣмъ, что отдаляло его отъ центровъ нашей мелкой, но подавляющей европеизаціи!

Нѣтъ, онъ не ползалъ! Онъ впередъ рвался мыслью, и если онъ въ своей книгѣ и увязъ одной ногой въ реформенной трясинѣ, то что жъ дѣлать—*предѣлъ*! Можно простить это ему за тотъ умственный фундаментъ, который онъ намъ далъ, за тотъ общій очеркъ плана, который онъ намъ на-

чертилъ, предоставляя намъ самимъ развивать, что можемъ, дальше, не выступая изъ основныхъ его границъ!

Что Данилевскій имѣлъ въ виду преимущественно *будущее* и даже во многомъ *небывалое,* доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ считалъ невозможной выработку этого *новаго культурнаго типа прежде разрѣшенія восточнаго вопроса,* прежде присоединенія Царьграда и образованія конфедераціи славянской (такъ онъ говорилъ), *восточной* — какъ я выражаюсь.

Развѣ это *данная* дѣйствительность?

Пусть и въ представленія этого союза вкрались у него и либеральныя, и старо-славянскія, и даже нѣкоторыя общеевропейскія привычки, но гдѣ же тутъ *застой* мысли? Гдѣ „данная дѣйствительность?“ Не знаю! Напротивъ, скорѣе у г. Соловьева дѣйствительность и *данная,* и *бывалая,* и даже значительно *старая. Папство есть* и *было; общая жизнь* у двухъ церквей уже была и расторглась *съ полнымъ и страстнымъ сознаніемъ своей правоты* съ *обѣихъ сторонъ.*

Но *конфедераціи славянской* (или восточной, считая и грековъ и румынъ, и, вѣроятно, и турокъ съ персами) *подъ гегеmoніей Русскаго Царя—не было никогда.* Царьградъ русскимъ никогда тоже не былъ. Русскіе съ греками никогда въ прямомъ, узаконенномъ *союзно-политическомъ* общеніи еще *не жили. Церковной тѣсной* и *совмѣстно-равноправной жизнью* тоже еще не пытались жить; ибо въ первоначальной зависимости Россіи отъ вселенскаго патріарха не было ни *физической* близости, ни *идеальной* равноправности. *Идеально* Россія была подчинена тогда грекамъ вполнѣ; *реально* въ подробностяхъ жизни была отъ нихъ независима. Послѣ разрѣшенія восточнаго вопроса это *тѣсное, новое* и *равноправное* общеніе станетъ неизбѣжнымъ.

Какой бы то ни было, хотя бы и *постоянно соборной централизаціи* восточныхъ церквей также никогда не бывало. А это въ той или другой формѣ тоже станетъ необходимымъ, ибо однимъ союзомъ *любви* къ *общимъ преданьямъ* теперь плохо стало жить; *преданія таютъ,* подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ „Вѣстниковъ“ и провозвѣстниковъ Европы!

Придется *стягивать* все, или дать волю *таянію* и гніенію. Все это вовсе новое, небывалое положеніе дѣлъ. Оно имѣетъ свои ужасныя опасности (особенно со стороны многочисленной обще-либеральной интеллигенціи юго-славянской, русской, греческой, румынской); но гдѣ же тутъ „ползаніе“, пресмыканіе мысли? Не вижу!

Гдѣ же одна лишь *данная* дѣйствительность? Развѣ въ сохраненіи православія, но и то съ подразумѣваніемъ, конечно, возможности развитія *въ глубь,* а не только распространенія въ *ширь?*

Развѣ въ признаніи необходимости вѣчнаго самодержавія (для Россіи и славянства *вѣчнаго,* а не для всего міроздания, разумѣется)?

Но „Восточный Царь“ необходимъ и самому г. Соловьеву для его высшей цѣли. Самодержавіе наше должно пребыть сильнымъ и даже возрасти для внѣшней и наилучшей опоры папству.

А можетъ ли само самодержавіе продержаться до столь *не близкаго еще дня* примиренія безъ силы вѣры православной въ народѣ? Можетъ ли сила этой вѣры въ народѣ держаться *теперь долго безъ сильной организаціи нашей церкви?* Едва ли! Значитъ, если для папы нуженъ „Восточный Царь“, если для „Восточнаго Царя“ нуженъ восточно-*православный народъ,* то для пользы папства даже надо *поберечь* православіе.

Я сказалъ—„не можетъ продержаться *долго*“ сила вѣры безъ силы іерархіи. Тутъ вся трудность въ *срокахъ.* И опредѣлить ихъ съ точностью рѣдко возможно, и не признать ихъ могущества нельзя.

Неужели высока и достохвальна только та теорія, которой нужно, подобно Платоновской, ждать 1.000 лѣтъ для своего наияснѣйшаго осуществленія? А если пророчество, хотя бы и въ приблизительной формѣ, осуществляется черезъ 200—100 или 75 лѣтъ, то неужели это пророчество будетъ вовсе поверхностное въ идеализмѣ своемъ?

Неужели всегда только та теорія выше, которая *менѣе правдоподобна,* по признакамъ текущаго времени, у которой

меньше реальныхъ намековъ въ современности, меньше надежды въ *ближайшемъ* будущемъ?

Это было бы ужъ слишкомъ идеально! Сообразно этому взгляду, моральная всерелигія М. Мюллера—самая лучшая изъ теорій.

Для осуществленія *чего-то подобнаго* тому зданію, которое можно строить на фундаментѣ Данилевскаго, много есть признаковъ уже и теперь, есть много весьма благопріятныхъ условій...

Гдѣ же въ нашей жизни *теперь* признаки благопріятные для успѣха у насъ католической проповѣди? *Ихъ вовсе нѣтъ.* И я, который пишу отчасти тоже противъ г. Соловьева, еще одинъ изъ самыхъ благопріятныхъ его идеямъ русскихъ людей. Другіе, по разнымъ причинамъ (не всегда одинаково умнымъ и хорошимъ), отступаютъ чуть не въ ужасѣ отъ его мыслей, даже и восхищаясь его талантомъ. Я же, хотя и не безъ оговорокъ обязательной православной богобоязненности, но считаю все-таки его проповѣдь не только геніальною по таланту, но и *весьма полезною* по обще-духовному, ко внутренней дисциплинѣ склоняющему, вліянію. Много ли въ настоящее время русскихъ, относящихся къ трудамъ г. Соловьева такъ, какъ я отношусь, восхваляя *общій духъ* и *не смѣя* сочувствовать его прямой цѣли? Много ли? Знаю еще двухъ-трехъ людей—не болѣе... А число приверженцевъ Данилевскаго все растетъ и растетъ...

Я скажу даже, что я не счелъ бы себя въ правѣ, если бы и могъ, *самолично* и *своевольно,* безъ повелѣнія іерархіи нашей, слишкомъ грубо противиться этимъ идеямъ о соединеніи церквей. Ибо, *что не нужно,* то откинется, а *что хорошо,* то останется отъ этой проповѣди и отъ этихъ пророчествъ.

Я сознаюсь только, что *я не вѣрю* въ возможность этого рода *соединенія,*—въ формѣ смиреннаго подчиненія папству. Не вѣрилъ бы даже и тогда, когда *имѣлъ бы право* находить это (ни у кого высшаго не спросясь) безусловно правильнымъ.

Не все правильное сбывается и не все желательное правдоподобно.

Гораздо болѣе близкимъ и вѣроятнымъ, *по всѣмъ признакамъ времени*, мнѣ кажется иное...

Вотъ что:

Внѣшніе *вещественно-историческіе*, такъ сказать, *толчки* были всегда необходимы для внутреннихъ переворотовъ: душевныхъ, умственныхъ, духовныхъ. Петру I, для легчайшаго проведенія европейскихъ реформъ, понадобился новый центръ—Петербургъ. Св. Константинъ, передъ водвореніемъ христіанства, перенесъ столицу свою изъ Рима въ Византію. Небольшое *свѣтское владѣніе* папы, давшее вначалѣ римскому епископу большую вещественную свободу, позднѣе, длиннымъ рядомъ умственныхъ движеній и психическихъ туда и сюда толчковъ, привело къ провозглашенію *догмата* его *духовной* непогрѣшимости. Паденіе Византіи и бѣгство изъ нея ученыхъ грековъ, черезъ одно только *физически-облегченное распространеніе* древнихъ книгъ, ускорило наступленіе временъ „Возрожденія". Одинъ ученый богословъ въ частномъ разговорѣ сообщилъ мнѣ однажды вотъ что: „На Западѣ до крестовыхъ походовъ почитаніе Божіей Матери было вовсе не такъ развито, какъ у грековъ; во время крестовыхъ походовъ, *подъ вліяніемъ* грековъ, *враждебные* имъ латиняне стали относиться къ этой сторонѣ вѣры иначе и, вскорѣ послѣ этого, по присущей имъ страстности, далеко превзошли восточныхъ христіанъ въ превознесеніи св. Дѣвы Маріи".

Не знаю, былъ ли этотъ ученый человѣкъ правъ; я беру на себя отвѣтственность не за *самый фактъ*, а только за выводъ изъ него, или за *приложеніе*. И это примѣръ внѣшняго толчка, глубоко и неотразимо потомъ воздѣйствовавшаго на измѣненія сердечныя, умственныя и духовныя.

Теперь чувствуется вездѣ потребность обновленной дисциплины, и если только возможно—*внутренней*, изъ согласованія *убѣжденія съ понужденіемъ* исходящей.

Въ Россіи, самъ г. Соловьевъ это признаетъ, только начинаются и ростутъ религіозныя, мистическія „вѣянія"...

Если при этихъ психическихъ, при этихъ умственныхъ условіяхъ въ скоромъ, исторически скоромъ, а не лично-человѣчески, времени произойдутъ тѣ *перемѣщенія политическихъ*

силъ, о которыхъ я не разъ говорилъ, на которыя и Данилевскій такъ надѣялся: то многочисленнымъ, но мягкимъ, русскимъ и малочисленнымъ, но твердымъ, грекамъ придется изъ самосохраненія *неизбѣжно* искать другъ въ другѣ точку опоры. Вражда грековъ къ юго-славянамъ совпадетъ при этомъ съ нашимъ (слава Богу!) въ нихъ современнымъ разочарованіемъ.

Вотъ внѣшній политическій толчекъ! Вотъ новое поприще дѣйствій и чувствъ! И такихъ разнородныхъ толчковъ въ эту сторону будетъ много.

Русскіе славяне изъ кучи мелкихъ, дикихъ и несогласныхъ княжествъ *создали сами новое* великое и просвѣщенное царство.

Византійскіе греки, на основаніи евангельскихъ и апостольскихъ данныхъ, хотя и Божественныхъ, но (*разумѣется*— промыслительно) еще общихъ и для подробнаго приложенія неясныхъ, *создали гораздо раньше латинянъ новую*, міровую, ясную и сложную ортодоксію.

Пусть эти русскіе *столь государственные* и эти греки, *столь церковные* въ исторіи своей, пусть они *тогда* протянутъ искренно другъ другу руку въ *небываломъ* еще доселѣ *физически тѣсномъ* общеніи!

Пусть случится это на томъ самомъ Босфорѣ, про который Наполеонъ I говорилъ: „c'est l'Empire du monde!“ и гдѣ, кажется, и Фурье хотѣлъ основать резиденцію своего Всеземного *Омніарха*, какъ главы *градативно* другъ надъ другомъ возносящихся *общинъ*.

И тогда? Тогда отчего жъ и не произойти *все тому же соединенію Церквей?*

Только инымъ обратнымъ движеніемъ: *духовной побѣдой Востока надъ Западомъ.*

— Мы перетянемъ къ себѣ тогда католиковъ.

И такое соединеніе не будетъ уже, вѣроятно, имѣть въ себѣ вида ни знакомаго и уже давно *даннаго* намъ римскаго католичества, ни „стараго“, такъ сказать, русскаго православія, *неподвижнаго* и *безвластнаго*.

А будетъ это православіе *полуновое:* догматически по прежнему вѣрное, *на своемъ корню* незыблемое, исторически же и канонически глубоко-измѣненное и широко надъ всѣмъ разросшееся.

Припомнимъ: всѣ вліянія Запада на Востокъ были эфемерны и поверхностны; всѣ же воздѣйствія Востока на Западъ были прочны и хотя тоже не вѣчны, но оставили глубокіе слѣды.

Не лучше ли намъ пока *поберечь* съ любовью это православіе, хотя бы для *личнаго* спасенія *по нашему* и „западныхъ" душъ. Хотя бы и для того, чтобы лѣтъ черезъ сто (положимъ) въ случаѣ неудачи самобытнаго развитія церковныхъ силъ, намъ было бы *съ чѣмъ* (а не съ пустыми руками безвѣрія) и въ Римъ пойти.

Не будемъ мы тогда православными, такъ и не власти наши духовныя и свѣтскія пойдутъ „въ Каноссу"; а поѣдетъ туда скорѣе всего одинъ изъ потомковъ Захарія Стоянова или гг. Стасюлевича съ Пыпинымъ, чтобы убить послѣдняго преемника папы Льва XIII.

Желательно ли это?

VIII.

Назвавши теорію Данилевскаго „ползучей" за то, что онъ крѣпко держится за современныя основы русскаго общества, г. Соловьевъ начинаетъ по частямъ уничтожать его надежды на будущее.

Въ напечатанной первой статьѣ, сверхъ этого общаго обвиненія въ „пресмыканіи" по своей національной почвѣ, есть четыре особыхъ отдѣла: 1) объ *общинѣ поземельной;* 2) о русской *наукѣ;* 3) о русской *философіи* и 4) о русскомъ *искусствѣ*.

Г. Соловьевъ ни на что изъ перечисленнаго не разсчитываетъ. Поземельная община не спасаетъ земледѣльческій классъ отъ пауперизма. Она существовала у многихъ другихъ народовъ въ первобытный періодъ ихъ исторіи и потому ничего *особаго славянскаго* собою не представляетъ.

Русская наука *теперь* въ упадкѣ. Русскіе ученые становятся собирателями матеріала, чернорабочими.

Къ *чистой* философіи русскіе не расположены. Они хотятъ *жизни*. Къ мистической философіи они болѣе склонны; но и та уже не можетъ процвѣсти на почвѣ *національнаго мистицизма* (на почвѣ православія).

Искусство наше есть лишь отрасль общеевропейскаго искусства; это во-первыхъ. А во-вторыхъ и оно *въ настоящее время въ упадкѣ*.

Время процвѣтанія литературы нашей г. Соловьевъ считаетъ (включительно) отъ Евгенія Онѣгина до Анны Карениной.

Есть во всемъ этомъ много печальной правды относительно настоящаго; есть и по отношенію къ ближайшему будущему много непріятнаго правдоподобія въ отрицаніяхъ автора.

Но съ другой стороны, такъ какъ въ самыхъ отрицательныхъ явленіяхъ жизни кроется всегда зародышъ чего-нибудь имъ *антитетическаго* или *положительнаго*, то нѣкоторымъ изъ этихъ отрицательныхъ полуистинъ г. Соловьева можно прямо радоваться, а насчетъ другихъ быть въ благопріятномъ сомнѣніи и спросить себя: такъ ли это?

Въ оправданіе Данилевскаго, можно прежде всего сказать, что онъ по всѣмъ признакамъ никакъ не могъ смотрѣть на *современную* намъ земледѣльческую общину, какъ на идеалъ. В. Соловьевъ говоритъ, что „общинное землевладѣніе *само по себѣ*, какъ показываетъ статистика, совсѣмъ не благопріятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства. Община обезпечиваетъ каждому крестьянину кусокъ земли; но она никакъ не можетъ обезпечить ему урожая или возвратить производительныя силы истощенной почвѣ“. Это все правда; но само собою разумѣется, что и Данилевскій нынѣшнее положеніе общины и сельскаго хозяйства въ Россіи не могъ считать чѣмъ-то неподвижнымъ и окончательнымъ.

Вотъ собственныя слова Данилевскаго:

— „Въ отношеніи къ общественно-экономическому строю, Россія составляетъ единственное обширное государство, имѣющее подъ ногами твердую почву, въ которомъ нѣтъ обезземе-

ленной массы, въ которомъ слѣдовательно общественное зданіе зиждется не на нуждѣ большинства гражданъ, не на необезпеченности ихъ положенія, гдѣ нѣтъ противорѣчія между идеалами политическими и экономическими“.

„Условія, дающія такое превосходство русскому общественному строю надъ европейскимъ, доставляющія ему непоколебимую устойчивость, обращающія тѣ именно общественные классы въ самые консервативные, которые угрожаютъ Европѣ переворотами (соціалистическими), заключаются въ крестьянскомъ надѣлѣ и въ общинномъ землевладѣніи“.

„Европейскій соціализмъ есть ученіе революціонное *не столько по существу своему, сколько по той почвѣ*, гдѣ ему приходится дѣйствовать. Если бы онъ ограничивался приглашеніемъ мелкихъ землевладѣльцевъ соединять свою собственность въ обширное владѣніе, такъ же точно, какъ онъ приглашаетъ фабричныхъ работниковъ соединить свои силы и капиталы посредствомъ ассоціацій, то въ этомъ не было бы еще ничего преступнаго или зловреднаго. Но дѣло въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ земли нѣтъ въ рукахъ тѣхъ, которые ее обработываютъ, что слѣдовательно европейскій соціализмъ, въ какой бы то ни было формѣ, требуетъ *предварительнаго передѣла собственности, полнаго переустройства* землевладѣнія и всего общественно-экономическаго строя. Бѣда не въ соціалистическихъ теоріяхъ, которыя имѣютъ претензію быть лѣкарствами для излѣченія коренной болѣзни европейскаго общества. Лѣкарства эти, можетъ быть, дѣйствительно вредны и ядовиты, но какая была бы въ нихъ опасность, если бы они могли спокойно оставаться на полкахъ аптекъ, по неимѣнію въ нихъ надобности для здороваго организма? Лѣкарство вредно, но вредна и болѣзнь сама по себѣ. *Плановъ для перестройки зданія* много; но нѣтъ матеріала, изъ котораго его можно было возвести, не разрушивъ предварительно давно законченнаго и завершеннаго зданія. У насъ, напротивъ того, матеріалъ въ изобиліи и *самъ собою органически складывается* подъ вліяніемъ внутреннихъ, зиждительныхъ началъ, не нуждаясь ни въ какихъ придуманныхъ планахъ постройки“.

„Эта-то здравость общественно-экономическаго строя Россіи и составляетъ причину, по которой мы можемъ *надѣяться на высокое общественно-экономическое значеніе славянскаго культурно-историческаго типа,* имѣющаго еще въ первый разъ установить правильный, нормальный характеръ той отрасли человѣческой дѣятельности, которая обнимаетъ отношенія людей между собою не только какъ нравственныя и политическія личности, но и по воздѣйствію ихъ на внѣшнюю природу, какъ источникъ человѣческихъ нуждъ и потребностей,— установить неотвлеченную только правомѣрность въ отношеніяхъ гражданъ, но реальную и конкретную“ *).

Я обращаю вниманіе на нѣкоторыя мѣста въ этой выпискѣ: „Плановъ для *перестройки зданія много* (на Западѣ), но нѣтъ матеріала“ и т. д.

— У насъ, напротивъ того, матеріалъ въ изобиліи и *самъ собою складывается* подъ вліяніемъ внутреннихъ зиждительныхъ началъ, не нуждаясь ни въ какихъ придуманныхъ планахъ постройки“. И дальше, гдѣ Данилевскій выражается такъ: *„имѣющаго еще* въ первый разъ установить“, а не *„установившаго“*. Развѣ эти мѣста не указываютъ на то, что и для общиннаго начала онъ ждалъ „развитія“, а не удовлетворялся теперешнимъ положеніемъ дѣлъ. Человѣкъ, который говорилъ объ условіяхъ, благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для *перестройки зданія,* могъ разсчитывать на то, что его не заподозрятъ въ неподвижномъ охраненіи и въ самообольщеніи насчетъ совершенства *„настоящаго“* строя.

Несчастія же собственно хозяйственнаго порядка, неурожая или изнуренія почвы, о которыхъ упоминаетъ г. Соловьевъ, прямо къ общинной формѣ землевладѣнія не относятся. Эти неудобства могутъ быть удѣломъ и личной, *отчуждаемой* собственности, и никто не можетъ доказать, что, съ переходомъ общинныхъ порядковъ къ индивидуальнымъ (участковымъ, съ правомъ отчуждаемости), крестьянское хозяйство процвѣтетъ немедленно. Хозяева и земскіе люди, болѣе насъ съ г. Соловьевымъ во всемъ подобномъ свѣдущіе, находятъ

*) „Россія и Европа“ 1871 г., стр. 523—525.

столько разнородныхъ причинъ современному упадку крестьянскаго хозяйства, что по *меньшей мѣрѣ* было бы неосторожно возлагать всю отвѣтственность за этотъ упадокъ на общинную форму землевладѣнія.

Тутъ участвуютъ въ значительной степени и пьянство, и другія причины болѣе моральнаго, чѣмъ вещественнаго свойства, и потому прежде чѣмъ посягать на *строй общины*, надо позаботиться какъ можно болѣе о *настроеніи самого общинника*. При власти помѣщиковъ была та же община, но люди, ее составлявшіе, были другіе: они *вынуждены* были вести себя иначе и хозяйство ихъ шло гораздо сноснѣе. Мы всѣ думали лѣтъ 25—30 тому назадъ, что крестьяне *безъ насъ* будутъ хозяйничать гораздо лучше *насъ самихъ*; но пришлось разочароваться въ ихъ практической мудрости...

Дѣло теперь въ томъ, стало быть, чтобы сохраняя общинный строй нерушимымъ, дѣйствовать на крестьянъ и хозяйство ихъ всѣми другими *возможными* путями и посягнуть на общину развѣ только тогда, когда послѣ цѣлаго вѣка или полу вѣка стараній агрономическихъ, административныхъ, религіозно-нравственныхъ и т. д. окажется что-нибудь болѣе ясное. Напримѣръ, если бы послѣ такихъ долгихъ попеченій, опытовъ и усилій, оказалось несомнѣннымъ, что при одинаковыхъ урожаяхъ, при сходной почвѣ, при равномъ уровнѣ нравственности, трезвости, предусмотрительности и т. д., крестьяне-общинники живутъ гораздо бѣднѣе и развратнѣе тѣхъ русскихъ людей, которые владѣютъ мелкой собственностью на правахъ свободной отчуждаемости и безусловной личной неотъемлемости (т. е. безъ опасенія *передѣловъ*). Впрочемъ г. Соловьевъ ничуть и не предлагаетъ ускорять внѣшними мѣрами разложеніе нашей общины, онъ даже одобряетъ то, что правительство русское, сохраняя общину, позаботилось о томъ, чтобы послѣ освобожденія не произошло внезапнаго обезземелія.

Не уничтожить общину онъ предлагаетъ, онъ совѣтуетъ только не надѣяться на нее особенно. „Сельская община (говоритъ авторъ) никакъ не есть исключительная особенность русскаго или славянскаго культурнаго типа; она соотвѣтству-

етъ одной изъ *первобытныхъ ступеней* соціально-экономическаго развитія, черезъ которую проходили самые различные народы. *„Это не есть задатокъ особо-русскаго будущаго, а лишь остатокъ далекаго общечеловѣческаго прошлаго“* *).

Это вѣрно: „сравнительная исторія учрежденій доказала это неопровержимо“, какъ утверждаетъ г. Соловьевъ.

Но я не знаю, брала или нѣтъ въ разсчетъ эта исторія учрежденій слѣдующее условіе: „одна и та же реальная сила общества, одно и то же учрежденіе, даже сходныя событія исторіи, вообще сходныя соціальныя явленія, въ разныя времена и при различныхъ другихъ побочныхъ общественныхъ обстоятельствахъ, приносятъ совсѣмъ разные плоды“.

Я не слыхалъ о спеціальномъ изслѣдованіи подобной задачи. Для того, чтобы судить о чемъ нибудь, я ни себя, ни другихъ не считаю обязанными знать всю литературу по предмету сужденій. Въ наше время нестерпимаго многописанія трехъ жизней недостало бы на это. Да это и не нужно.

Есть факты всѣмъ извѣстные. Напримѣръ: англійская конституція, начавшая свое развитіе *во времена крестовыхъ походовъ*, дала совсѣмъ иные историческіе плоды, чѣмъ всѣ первыя французскія конституціи *прошлаго вѣка*.

Государственное объединеніе Франціи, подготовленное постепенно вѣками и завершившееся при Людовикѣ XIII и XIV, отозвалось совершенно иначе и на исторіи самой Франціи, и на исторіи всей Европы, чѣмъ современное и внезапное государственное объединеніе Германіи и Италіи. *По существу* съ первымъ однородное объединеніе этихъ двухъ послѣднихъ странъ даетъ на нашихъ глазахъ совершенно другіе результаты: международные, внутреннесоціальные, религіозные, литературные, экономическіе...

Монархическіе ранніе начальные *задатки* существовали одинаково и въ эллинскихъ республикахъ, и въ римской; но въ первыхъ изъ нихъ ничего не вышло, а въ Римѣ позднее возстановленіе царской власти дало великіе результаты. Въ Китаѣ давно существовало учрежденіе чиновничества или

---

*) Стр. 747 и 748.

власти не по роду, наслѣдству и т. п., а по экзамену *(грамматократія)*; въ демократической Европѣ и въ крѣпостной Россіи сходный по существу порядокъ ввелся гораздо позднѣе, и если мы возьмемъ *общія картины:* съ одной стороны Россію за истекшее столѣтіе и за первую половину XIX вѣка, съ другой хоть Францію, одинаково бюрократическую при всѣхъ правленіяхъ *этого* вѣка, и, наконецъ, современный Китай; то я думаю, что во многихъ отношеніяхъ эти три картины будутъ весьма различны, несмотря на сходство *административнаго пути:* карьера по экзамену.

Эмансипація французская въ концѣ XVIII вѣка, при другихъ *побочныхъ обстоятельствахъ,* приняла совсѣмъ не тотъ характеръ, который приняла наша русская во второй половинѣ XIX.

Вообще не надо претендовать отличаться отъ другихъ націй и культуръ *однимъ какимъ нибудь строго-специфическимъ признакомъ.* Реальныя науки *безусловно* специфическимъ признакамъ не довѣряютъ. Медицина не признаетъ *неизбѣжно* специфическихъ признаковъ въ болѣзняхъ; наиболѣе специфическіе часто измѣняютъ, не обнаруживаются врачу; онъ вынужденъ судить по всецѣлости и совокупности признаковъ. Естественная система, введенная въ ботанику Б. де-Жюссіе, основана именно на этомъ пріемѣ разбора по *всецѣлости* и *совокупности.* У всѣхъ *позвоночныхъ* животныхъ *долженъ быть остовъ* (оттого они и зовутся позвоночныя); но у нѣкоторыхъ низшихъ рыбъ, похожихъ на червей, мы его не найдемъ. Однако несмотря на отсутствіе скелета всѣ зоологи, по совокупности остальныхъ признаковъ, причисляютъ ихъ къ *позвоночнымъ* животнымъ, а не къ червямъ. Всѣ рыбы дышутъ жабрами; но жабры *однѣ* не могутъ служить *отдѣляющимъ* признакомъ для рыбъ; потому что и гады или *амфибіи* (то есть: лягушки, жабы, саламандры) въ началѣ своей жизни (въ видѣ головастиковъ) тоже дышатъ жабрами, какъ рыбы, а позднѣе легкими, какъ ящерицы, змѣи и черепахи.

И христіанство имѣетъ много общаго и много схожаго съ другими религіями; съ одной оно сходно *единобожіемъ*

(еврейство и мусульманство), съ другой—воплощенiемъ Бога (браманизмъ), съ третьей—строгимъ аскетизмомъ (браманизмъ и буддизмъ), съ четвертой—допущенiемъ изображенiй (буддизмъ, браманизмъ) или вѣрой въ вѣчную индивидуальную загробную жизнь (мусульманизмъ); но *совокупность* во всѣхъ этихъ религiяхъ совсѣмъ иная.

На этомъ основанiи и общину нашу, конечно, не надо считать *специфически* русской по отношенiю *ко всѣмъ временамъ и народамъ*, но можно, во-первыхъ, считать ее *пока* весьма важнымъ и *рѣзкимъ* признакомъ нашимъ относительно *Европы* (ибо *это главное* и даже въ высшей степени необходимое соображенiе, сходство же въ чемъ-нибудь съ Азiей не погубитъ нашей оригинальности, а только сохранитъ ее надолго), а во-вторыхъ, можно надѣяться на общину въ Россiи *именно потому, что у насъ она сохранилась теперь вовсе не при тѣхъ побочныхъ условiяхъ, при которыхъ она существовала давнымъ-давно въ западной Европѣ.*

У насъ есть и другой примѣръ, сходный съ этимъ. Нашъ Государь и въ наше время можетъ, если Ему это угодно, сказать: „L' Etat c'est moi!“ какъ говорилъ великiй Людовикъ французскiй 200 лѣтъ тому назадъ. И мы будемъ Ему за это признательны. Однако и общая картина современной Россiи съ ея духомъ, бытомъ, учрежденiями, совсѣмъ непохожими на Францiю XVII вѣка, и множествомъ результатовъ историческихъ и соцiальныхъ для этихъ двухъ равносильныхъ и въ *принципѣ однородныхъ монархизмовъ*, получаются разные, ибо эпоха другая и побочныя обстоятельства совсѣмъ не тѣ.

Кстати, напомню здѣсь объ одномъ очень для насъ важномъ мнѣнiи нѣкоторыхъ западныхъ публицистовъ. Они полагаютъ, что легально-принудительная („коммунистическая“ —такъ сказать) форма нашей сельской общины тѣснѣйшимъ образомъ связана съ самодержавной формой нашей государственности и поэтому, посягая на первую, мы можемъ расшатать и вторую.

IX.

Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ находитъ, что наука въ настоящее время въ Россіи въ упадкѣ. Онъ говоритъ объ этомъ такъ: „лучшіе наши ученые (какъ въ естественныхъ, такъ и гуманитарныхъ наукахъ) частію окончили, частію кончаютъ свое поприще. *Работниковъ* науки въ настоящее время больше, чѣмъ прежде, но *настоящихъ мастеровъ* почти вовсе нѣтъ. Благодаря непрерывному накопленію научнаго матеріала, наши молодые ученые знаютъ больше, чѣмъ ихъ предшественники, но они хуже ихъ умѣютъ пользоваться своимъ обильнымъ знаніемъ. Вмѣсто цѣльныхъ научныхъ созданій, мы видимъ лишь разростающуюся во всѣ стороны груду строительнаго матеріала и трудъ ученаго все болѣе превращается въ черную работу ремесленника".

Я не берусь возражать г. Соловьеву на эту мысль его *прямо.*

Прямымъ и самымъ лучшимъ возраженіемъ я назвалъ бы простой перечень *прежнихъ* ученыхъ трудовъ и новѣйшихъ, опредѣленіемъ ихъ относительнаго значенія. Не берусь я за это вовсе не потому, что я самъ не „ученый" и не считаю себя, конечно, ни по какой наукѣ спеціалистомъ: для такой простой цѣли, какъ перечислить нѣкоторыя книги и указать значеніе ихъ, спеціальность вовсе не нужна; нужна только нѣкоторая степень общей начитанности и привычка *думать обо всемъ этомъ.* Я не берусь за подобное перечисленіе лишь потому, что я теперь *не въ столицѣ* и что здѣсь нѣтъ тѣхъ книгохранилищъ и музеевъ, въ которые необходимо было бы для нѣкоторыхъ мелкихъ и, пожалуй, даже и презрѣнныхъ, справокъ самому съѣздить или послать за себя кого-нибудь другого.

Нужна *точность* заглавій, нужны года изданій и т. п. Иначе всегда найдутся люди, которые будутъ рады воспользоваться самой не важной ошибкой подобнаго рода. Я всегда вспоминаю, какъ, во время извѣстнаго процесса г. Солодовникова, въ газетахъ накинулись на него за то, что онъ упомянувъ къ чему-то о сочиненіяхъ Бокля, назвалъ его книгу

не „Исторія цивилизаціи въ Англіи“, а „Исторія цивилизаціи въ Европѣ“. Но по существу дѣла, г. Солодовниковъ вѣрнѣе озаглавилъ эту книгу, чѣмъ самъ Бокль, ибо въ ней очень много говорится объ исторіи Франціи, Испаніи, Шотландіи, Англіи, упоминается даже не разъ о Соединенныхъ Штатахъ и Германіи (о „накопленіи и распространеніи знаній“, наприм., и т. д.). Положимъ, всякій, кто „пишетъ“, долженъ быть готовъ перенести всякія ненужныя придирки, но на все есть мѣра; и не боясь черезчуръ чужой недобросовѣстности, надо опасаться, изъ уваженія къ истинѣ, собственной неосторожности.

Вотъ почему я перечислять, называть, указывать прямо и составлять списки теперь не могу; надѣюсь впрочемъ, что это не лишаетъ меня права ни на общія размышленія, ни даже, когда будетъ нужно, на нѣкоторыя приблизительныя указанія, просто на память.

„Накопленіе и разростаніе ученаго строительнаго матеріала“, говоритъ г. Соловьевъ. Правда, накопленіе этого матеріала на полкахъ библіотекъ производитъ соотвѣтственное накопленіе фактовъ въ умахъ молодыхъ ученыхъ и нерѣдко внушаетъ имъ даже нѣкоторый вредный умственный страхъ (именно въ родѣ того, чтобы не сказать „цивилизація Европы“ вмѣсто „цивилизація Англіи“); а это излишнее накопленіе фактовъ въ умѣ и безконечная погоня за новыми и новыми, но чужими и мелкими фактами мѣшаетъ и самобытной постановкѣ новыхъ точекъ зрѣнія и глубинѣ выводовъ.

Конечно, и для умовъ нуженъ просторъ, нужно время, нужны сроки.

Недостаетъ времени мыслить свое, когда безпрестанно изучаешь чужое. Недостаетъ въ головѣ простора для вольнаго мышленія, когда она подавлена избыткомъ фактовъ. Человѣкъ пріучается все болѣе и болѣе бояться ошибокъ и убиваетъ этой боязнью въ себѣ ту силу фантазіи и то дерзновеніе мысли, безъ которыхъ невозможны ни замѣчательныя открытія, ни великія гипотезы.

Это подавленіе живой и личной мысли чрезмѣрнымъ обиліемъ чужого и большею частію однороднаго матеріала дѣйствуетъ не только на самого трудящагося, но и на публику; не только сами ученые подавляются этимъ бременемъ, но они подавляютъ имъ и читателей. Ужасаешься иногда при видѣ всѣхъ этихъ библіотекъ и книжныхъ лавокъ! Даже и въ Россіи! Какое множество написаннаго и напечатаннаго! И какъ мало во всемъ этомъ дѣйствительно хорошаго, оригинальнаго, остроумнаго и глубокаго!

Когда на меня самого находила тоска при мысли объ этихъ пудахъ печатной бумаги, я всегда вспоминаю съ удовольствіемъ одну умную статью въ „Современникѣ", которая въ свое время возмутила нашихъ поклонниковъ „книжности"; но мнѣ она тогда же (въ 60-хъ годахъ) очень понравилась. Авторъ говорилъ въ ней смѣло противъ многописанія вообще. Онъ находилъ, напримѣръ, вовсе ненужнымъ и безсмысленнымъ существованіе нашихъ журналовъ и газетъ *средняго* направленія. Онъ допускалъ значеніе „Русскаго Вѣстника", который дѣйствовалъ противъ „Современника" и, надо сказать правду, въ то время былъ гораздо занимательнѣе и цвѣтнѣе, чѣмъ сталъ впослѣдствіи; но онъ признавалъ, и не безъ основанія, ненужными „Отечественныя Записки" гг. Краевскаго и Дудышкина и другіе, ни то, ни се, журналы. Относительно изящной литературы или „беллетристики", какъ говорится, смѣлый авторъ былъ снисходительнѣе, хотя находилъ, что и въ ней авторы слишкомъ скоро начинаютъ повторяться. Но особенно онъ былъ строгъ къ многокнижности въ наукѣ. Помнится мнѣ, онъ между прочимъ, выражался такъ: „я теперь занимаюсь политической экономіей и нахожу, что для того, чтобы основательно ознакомиться съ нею, мнѣ достаточно четырехъ авторовъ". Всѣхъ четырехъ названныхъ имъ ученыхъ я навѣрное не помню. *Навѣрное* я помню только *перваго* и *послѣдняго: Адама Смита* и *Дж. Ст. Милля;* двухъ среднихъ забылъ. Нѣчто подобное я испыталъ и на себѣ, когда былъ, въ теченіе 7—8 лѣтъ моей первой молодости, практикующимъ врачемъ. Большія слишкомъ подробныя, особенно нѣмецкія руководства въ родѣ Канштата и Вундер-

лиха, бывшія тогда въ модѣ, только путали и сбивали у постели больного. Невозможно было всего „вмѣстить“; читалось изъ самолюбія, изъ боязни отстать, отчасти изъ любознательности,—пользы же дѣйствительной было гораздо больше или отъ краткаго чисто практическаго энхиридіона Гуфеланда или отъ какихъ-нибудь брошюрокъ о новомъ особомъ наблюденіи; или, наконецъ, отъ такихъ общихъ и краткихъ, можно сказать *идеальныхъ* руководствъ, какъ старое руководство патологіи Шенлейна. Тамъ болѣзни были все идеальныя: водянка, пневмонія, и т. д., чистыя безъ подробныхъ оговорокъ и многорѣчія; все было ясно и понятно, а сама жизнь, клиническая дѣйствительность, дѣлала свое дѣло, усложняя и отклоняя болѣзнь отъ чистаго и яснаго прототипа.

Давно уже были люди, скорбѣвшіе о многописаніи и многокнижіи; давно уже они понимали, что и для самаго спеціальнаго дѣла отъ этого мало пользы.

Помню, еще гимназистомъ VII класса (въ 48 или 49 году) я восхищался одной статьей Грановскаго въ томъ же „Современникѣ“ и выписалъ ее для себя почти всю въ особую тетрадь. Есть тамъ вещи ошибочныя и странныя; напримѣръ, говоря уже и тогда о множествѣ историческихъ сочиненій, появляющихся на Западѣ, Грановскій объясняетъ это тѣмъ, что „празднымъ *) европейцамъ XIX вѣка нужны сильныя ощущенія“, и находятъ ихъ въ чтеніи разсказовъ о драматическихъ событіяхъ прежнихъ временъ. Хороша *праздность!* Въ Европѣ XIX вѣка! Талантливый и самъ досужій москвичъ 40-хъ годовъ *въ 49* и 48 году забылъ и объ драматизмѣ *современной ему* западной исторіи и еще о томъ, что не праздность вредитъ обществамъ нашего вѣка, а напротивъ того, слишкомъ напряженная быстрая производительность предметовъ, какъ искусственно вещественныхъ, такъ и умственныхъ. Разумѣется, что не въ праздности можно обвинять европейцевъ, а въ излишнемъ и вредномъ обоготвореніи про-

---

*) Не ошибся ли я? Не сказалъ-ли Грановскій *„скучающимъ* европейцамъ“, а не *празднымъ.* 1890 г. *К. Леонтьевъ.*

изводительности и того, что такъ богомольно зовутъ французы „le travail“!

Но есть въ статьѣ Грановскаго и много прекраснаго: такова, напримѣръ, его поэтическая защита историческихъ и вообще гуманитарныхъ наукъ противу тѣхъ, которыя и тогда уже хотѣли всѣ силы ума человѣческаго приложить къ одному естествовѣдѣнію.

И въ этой статьѣ, уже почти полвѣка тому назадъ писанной, замѣтенъ нѣкоторый ужасъ передъ многокнижностью. „Въ одной Германіи, говоритъ Грановскій, за одинъ прошедшій годъ напечатано столько же книгъ, сколько ихъ было напечатано со времени Гуттенбергова изобрѣтенія“... Это въ самомъ дѣлѣ отвратительно! И это еще разъ доказываетъ, какъ правы тѣ, которые думаютъ, что разложеніе романо-германскаго міра, пріостановленное лѣтъ на 30 реакціей, выразившейся на вѣнскомъ конгрессѣ, именно со второй половины вѣка (съ 48 года) пошло опять быстрыми шагами!

Вотъ ужъ когда сами ученые люди начинали понимать, какой бичъ это пустое умничанье, находящее себѣ два равно глупыя и равно крайнія выраженія: одно въ самоувѣренномъ дилетантизмѣ многотысячной толпы, другое—въ спеціалистическомъ или монографическомъ, такъ сказать, отупѣніи.

Но еще и много прежде этого (въ 1750 году) Ж. Ж. Руссо говорилъ вотъ что въ своемъ извѣстномъ, увѣнчанномъ парижскою академіею сочиненіи „Discours sur les sciences et les arts“: „Но если прогрессъ наукъ и искусствъ ничего не сдѣлалъ для нашего истиннаго счастія (говоритъ Руссо); если онъ развратилъ наши нравы, а развращеніе нравовъ испортило чистоту нашего вкуса, то что скажемъ мы объ этой толпѣ элементарныхъ авторовъ, которые удалили отъ храма музъ всѣ преграды, затруднявшія къ нему доступъ; преграды, которыми сама природа какъ бы преднамѣренно защищала входъ въ этотъ храмъ для испытанія силъ у людей, жаждущихъ познаній! Что подумаемъ мы объ этихъ компиляторахъ, неосмотрительно взломавшихъ врата науки? Они пропустили сквозь эти врата чернь, недостойную даже и приблизиться къ нимъ, ибо было бы гораздо желательнѣе, *что-*

бы люди, неспособные далеко пойти на поприщѣ письменности, чувствовали себя отринутыми на первыхъ же шагахъ и обратились бы къ ремесламъ, болѣе полезнымъ для общества. Тѣ, которые самой природой были назначены создавать учениковъ, въ учителяхъ не нуждались. Беконы Веруламскіе, Декарты и Ньютоны, эти наставники человѣчества сами наставниковъ не имѣли, и какіе руководители привели бы ихъ туда, куда привелъ ихъ собственный обширный геній. Обыкновенные учителя только бы сузили ихъ постиженіе, стѣснивъ его по собственной бѣдной мѣркѣ. Первыя затрудненія научили этихъ геніевъ дѣлать усилія ума и, упражняясь такимъ образомъ, они преодолѣли необходимыя пространства предстоявшаго имъ пути. Если ужъ нужно разрѣшить нѣкоторымъ людямъ занятія наукой и искусствами, то исключительно только тѣмъ, которые почувствуютъ себя въ силахъ идти безъ чужой помощи по стопамъ этихъ великихъ людей и превзойти ихъ: только подобнымъ людямъ слѣдуетъ позволить воздвигать памятники славы человѣческому уму!"

Ж. Ж. Руссо былъ идеальный и оптимистическій утилитаристъ, т. е. онъ желалъ сдѣлать всѣхъ людей весьма счастливыми и весьма моральными и вѣрилъ въ возможность осуществить этотъ идеалъ. Онъ находилъ, что мелкая многокнижность и, говоря по-нынѣшнему (т. е. скверно, по-хамски), „интеллигентность"—не даетъ обществу ни того, ни другого—ни благоденствія, ни морали. Конечно, онъ былъ правъ, хотя въ наше время большая часть его доводовъ кажутся почти дѣтскими. Понятіе „развитія" въ наше время стало болѣе яснымъ, чѣмъ понятіе „счастія".

„Большинство людей, общество, не станетъ ни нравственнѣе, ни счастливѣе оттого, что будетъ много людей „письменныхъ", людей бумаги, много чернорабочихъ науки и литературы"—вотъ главная мысль Руссо.

Теперь я приведу еще здѣсь мнѣніе одного изъ нашихъ весьма извѣстныхъ современниковъ Эд. Ф. Гартмана о томъ, что *самимъ ученымъ* будетъ въ трудахъ ихъ предстоять *все меньше и меньше удовольствія,* отрады, утѣшеній, счастія, по

мѣрѣ размноженія все тѣхъ же *среднихъ тружениковъ* и по мѣрѣ дальнѣйшей разработки ученаго матерьяла.

Гартманъ тоже идеалистъ, какъ и Руссо, но онъ не *утилитарный* и *иѳическій оптимистъ*; онъ *эволюціонный пессимистъ.* Онъ признаетъ „развитіе"; онъ и цѣнилъ бы его, но, во 1-хъ, онъ полагаетъ, что процессъ развитія человѣчества уже близится болѣе или менѣе къ своему концу; развитіе начинаетъ переходить уже замѣтно въ *эсхатологическое разложеніе.* Въ счастіе человѣчества, какъ извѣстно, Эд. Ф. Гартманъ *ни при какихъ условіяхъ* не вѣритъ. Въ мораль онъ вѣритъ, но въ какую? Онъ вѣритъ въ ту мораль, по которой одинъ мой знакомый разъ въ Москвѣ совсѣмъ было заказалъ молодому слугѣ своему, хорошему кулачному бойцу, крѣпко побить на улицѣ одного непріятнаго ему газетнаго сотрудника; но послѣ раздумалъ при мысли о мировомъ судьѣ и о петербургскомъ начальствѣ своемъ. А потомъ досада сама прошла.

Моральны люди станутъ (по Гартману) поневолѣ, фаталистически, вслѣдствіе полнаго господства общества надъ лицами; сперва внѣшняя воспитательная дисциплина, конечно, потомъ все большее и большее усыпленіе воли и страстей. *Не будетъ ужъ и хотѣться побить.* И тогда-то, когда всѣ люди станутъ въ такомъ несносномъ родѣ моральны, настанетъ такая ужасающая тоска и скука, что человѣчество будетъ желать только одного—всеобщей смерти, полнаго уничтоженія. Я думаю, что Гартманъ правъ отчасти и что всѣ тѣ нынѣшніе трудолюбцы, которые способствуютъ разными средствами къ тому, чтобы люди, какъ можно, менѣе зависѣли отъ природы („открыватели", „прорыватели", разные Лессепсы, Эддисоны, Яблочкины) и, какъ можно, болѣе отъ общества (нигилисты, демократы, легальные революціонеры), вовсе не полезные люди, а вредные; пожалуй, болѣе вредные, чѣмъ всякій Атилла, не говоря уже про того умнаго халифа (Омара), который въ Александріи велѣлъ сжечь много книжной дряни и освѣжилъ надолго умственный воздухъ.

О томъ, что разростаніе научнаго матеріала будетъ, между прочимъ, способствовать и уменьшенію самаго удовольствія отъ научныхъ занятій, Гартманъ говоритъ вотъ что: *„нужда*

въ геніальныхъ людяхъ будетъ чувствоваться все меньше и меньше и безсознательное будетъ все рѣже и рѣже ихъ производить. Всѣ классы общества нынче *смѣшаны подъ однимъ всемірнымъ чернымъ фракомъ и въ умственномъ отношеніи мы идемъ къ такому же уравненію, къ общему идеалу солидной посредственности.* Поэтому и наслажденіе научнымъ творчествомъ будетъ все слабѣть, и человѣчество, наконецъ, будетъ пользоваться удовольствіемъ лишь одного пассивнаго знанія".

Все это такъ: многописаніе, многопечатаніе, многоученіе становятся ужасными и несносными. Но, вопреки Гартману, мнѣ все кажется, что и этому излишеству назначенъ въ исторіи свой предѣлъ; я думаю, что хотя бы на время, но отшатнется человѣчество и отъ этого. Отвращеніе отъ излишней и вредной книжности пока (въ концѣ 19 вѣка) есть еще удѣлъ немногихъ; весьма возможно, что при тѣхъ грядущихъ соціальныхъ переворотахъ и при глубокихъ политическихъ потрясеніяхъ, которые близятся и коихъ *человѣчеству избѣгнуть невозможно,* это отвращеніе современемъ станетъ болѣе популярнымъ. . . . .

Но и тутъ я долженъ (опасаясь даже наскучить читателямъ) опять и опять напомнить о срокахъ... Мѣрки общія и приблизительныя есть для жизни; жизнь человѣка считается годами, жизнь націй и государствъ вѣками. Годами нельзя мѣрить ни политическую, ни культурную жизнь народовъ. Замѣчали многіе, что 20, 25, 30 лѣтъ (1/4 вѣка) приносятъ видимое, значительное измѣненіе въ духѣ и въ положеніи общества, вслѣдствіе созрѣванія поколѣній; но въ три года, въ пять лѣтъ и даже въ десять еще не видны обыкновенно ясныя послѣдствія перемѣны въ обстоятельствахъ и умахъ. Точки какъ исходныя, такъ и кульминаціонныя, разумѣется, надо принимать нѣсколько искусственныя, иначе ни въ чемъ и разобраться было бы нельзя. Пусть онѣ будутъ искусственны; достаточно того, если онѣ будутъ искусно избраны.

Итакъ *давно ли было то время, когда у насъ жаловались, что именно этой сухой, мелкой, но точной учености было въ Россіи мало?* Для многихъ, или постарѣвшихъ, или слишкомъ еще молодыхъ, какъ будто бы это было давно. *Для націи*

же русской это было очснь недавно. Все въ тѣхъ же 60 годахъ. Писатели, мыслившіе подобно тому публицисту „Современника“, котораго я цитировалъ, были тогда исключеніемъ; и къ тому же многіе изъ тѣхъ, которые сочувствовали его мысли (о многокнижіи и т. д.), имѣли въ виду только одну непосредственную практическую сторону жизни, соціальную, матеріальную, хозяйственную, то есть они находили, что вообще надо заботиться о нищетѣ и страданіяхъ, а не объ „наукѣ для науки“. Въ высшихъ же сферахъ русской мысли почти всѣ тогда заботились о распространеніи и утвержденіи именно той „чернорабочей“ научности, на которую г. Соловьевъ жалуется и на которую онъ почти обрекаетъ молодое поколѣніе нашихъ ученыхъ. Жаловались на нашу въ этомъ отношеніи отсталость отъ Запада не только въ началѣ 60 годовъ; но я самъ уже въ 68 году (значитъ всего 20 лѣтъ тому назадъ) имѣлъ объ этомъ самомъ предметѣ довольно любопытный разговоръ съ Мих. Ник. Катковымъ. Передамъ его въ точности.

X.

Въ 68 году, проживши подъ рядъ пять лѣтъ въ Турціи, я пріѣхалъ въ Россію въ отпускъ, нѣсколько разъ видѣлся съ Катковымъ и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ разспрашивалъ меня о Турціи, я его объ Россіи. Живя въ Турціи, я читалъ его статьи въ пользу классическаго образованія и желалъ еще больше разъяснить себѣ его цѣли. Я сказалъ ему, между прочимъ, такъ:

— На что эти насильственные труды въ школѣ, когда въ хорошихъ переводахъ духъ греческихъ и латинскихъ авторовъ вполнѣ доступенъ. Хотя бы я самъ, напримѣръ: я древнегреческому языку вовсе не учился; по-латыни знаю плохо, Софокла я читалъ въ переводахъ П. М. Леонтьева, читалъ его Пропилеи, оды Горація въ переводѣ Фета, Аристофана по французски съ толкованіями, а Гомера знаю по Гнѣдичу. И не только восхищаюсь ими; но, право, мнѣ кажется, что я и понимаю ихъ получше многихъ изъ тѣхъ, которые твердили все это въ училищѣ и потомъ бросили безъ вниманія.

Похвалюсь также и другимъ, ужъ извините, я перезнакомился на Востокѣ болѣе, чѣмъ съ сотней разныхъ европейцевъ, и нахожу ихъ ничуть ни умнѣе, ни образованнѣе себя и другихъ моихъ русскихъ товарищей. Напротивъ!

На это Катковъ отвѣчалъ такъ:

— Дѣло не въ томъ только, чтобы понимать духъ древнихъ авторовъ, а въ томъ, чтобы съ раннихъ лѣтъ привыкнуть къ упорному и послѣдовательному умственному труду. И я не отвергаю, что въ Россіи много умныхъ людей; *только и изъ нихъ очень немногіе умѣютъ продержать пять минутъ въ головѣ одну и ту же мысль.* А европейцы умѣютъ!

Кажется, онъ говорилъ и еще что-то о самомъ духѣ древности; но этого я не запомнилъ, вѣроятно, потому, что для меня оно было менѣе ново и поразительно, чѣмъ это прямое указаніе на *умственную гимнастику*. Послѣ я вспомнилъ, что и въ статьяхъ его упоминалось о томъ же, но другими менѣе живописующими словами.

Потомъ мы перешли къ славянофильству по поводу одного для обоихъ насъ занимательнаго практическаго вопроса. Незадолго передъ этимъ я прислалъ ему для „Русскаго Вѣстника“ небольшую статью „Очерки Крита“. Я былъ въ восторгѣ отъ Крита и критскихъ простолюдиновъ и находилъ въ нихъ множество поэзіи. Особенно восхищало меня то, что я почти совсѣмъ не видалъ тамъ на мужчинахъ *европейской одежды,* которую я съ раннихъ лѣтъ возненавидѣлъ всѣмъ сердцемъ и за возмутительную неживописность ея, и за пошлость, и, наконецъ, за самую нестерпимую *всеобщность ея.* Послѣдняя глава въ моихъ „Очеркахъ Крита“ была посвящена именно этому. Я разсказывалъ о радостныхъ впечатлѣніяхъ моихъ еще дорогой на островѣ Сирѣ, когда я въ первый разъ послѣ Петербурга, Варшавы, Вѣны и Тріеста увидалъ *не черную и не сѣрую толпу, а голубую и синюю съ пунцовыми большими фесками и красными кушаками.* Въ Критѣ народъ сталъ еще красивѣе и пестрѣе: и греки, и турки. Глаза и душа моя отдыхали, и только цѣпи службы моей (эти доселѣ неисцѣлимыя преданія Петра I-го!) воздерживали меня отъ того, чтобы одѣться или по-русски въ цвѣтную

рубашку и цвѣтной бархатъ, или даже прямо не то по-гречески, не то по-турецки. Я написалъ обо всемъ этомъ откровенно въ моей послѣдней главѣ; выражался, между прочимъ, такъ: „Вотъ пикникъ. Ѣдутъ на хорошихъ большихъ мулахъ, убранныхъ кистями, нѣсколько кавасовъ, грековъ и турокъ въ расшитыхъ золотомъ разноцвѣтныхъ одеждахъ, темнозеленыхъ, красныхъ, голубыхъ; а за ними верхами же консула въ черныхъ и темносѣрыхъ пиджакахъ и сюртучишкахъ, точно стая отвратительныхъ воронъ и галокъ вслѣдъ за райскими птицами! Какое подавляющее господство европейской прозы надъ восточной поэзіей! Какъ же можетъ процвѣтать живопись изъ современной жизни, когда въ образованныхъ странахъ люди (особенно мужчины) своимъ присутствіемъ могутъ только обезобразить и омерзить самый прекрасный видъ природы!“

Такъ я и выражался.

И все въ этомъ родѣ. Потомъ, проведя по страницѣ моей вертикальную черту, я представилъ слѣдующій рядъ параллельныхъ антитезъ для русскихъ художниковъ, которыхъ звалъ въ Турцію:

Востокъ (писалъ я это уже позднѣе, въ Адріанополѣ, гдѣ увидѣлъ еще и другіе оттѣнки восточныхъ одеждъ).	*Европа.*
1) Похороны богатаго турка на островѣ Критѣ.	1) Похороны какого-нибудь Шульца Делича въ Германіи.
2) Схватка критскаго повстанца (въ бурнусѣ на красномъ подбоѣ, въ высокой красной же фескѣ, въ голубыхъ шальварахъ). съ арнаутомъ мусульманиномъ (въ бѣлой фустанеллѣ, сѣрой буркѣ, расшитой бѣлымъ и краснымъ, въ низкой и круглой фескѣ съ густой синей кистью).	2) Борьба русскаго пѣхотинца съ французскимъ линейнымъ „трупье“ подъ Севастополемъ (оба *гладкіе*, оба *темные*, оба въ ужасномъ кепи и въ облизанныхъ панталонахъ и т. д., мизерныя фигуры ихъ извѣстны).

3) Монахъ учитъ городского мальчика-болгарина грамотѣ (на мальчикѣ куртка изъ палеваго ситца съ большими яркими цвѣтами; оливковые шальвары короткаго зуавскаго фасона и красный кушакъ).

3) Учитель европейскій (вообще) учитъ русскаго гимназиста.

4) Отшельница старуха въ пещерѣ на островѣ Критѣ (я зналъ тамъ такую).

4) Набожная старая нѣмка, читающая въ праздникъ Евангеліе, на Васильевскомъ островѣ.

И такъ далѣе. Катковъ, печатая мои очерки *выкинулъ всю эту главу*. И когда я спросилъ его, зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ, онъ отвѣтилъ: „признаюсь, ваше славянофильство мнѣ претитъ“. Потомъ прибавилъ: „разсказывайте, описывайте; мы всегда будемъ рады печатать ваши разсказы; но *зачѣмъ же вы хотите насъ учить?* Что такое славянофильство? Это доктринерство, натяжка, гримаса. На что надо этому учить? Сама жизнь наведетъ на все это, *когда будетъ нужно*“. Не вступая тогда съ нимъ въ слишкомъ горячій споръ, такъ какъ уже понялъ, что ни онъ меня, ни я его переубѣдить не въ силахъ, я сказалъ на это только слѣдующее.

— Проповѣдь есть также существенная принадлежность жизни, безъ нея нельзя. Она приготовляетъ рѣшенія дѣйствительности. И къ тому же взгляните, какой стыдъ. Вотъ эти чашки (я указалъ на расписную деревянную чашечку, которая стояла на его письменномъ столѣ). Эта русская утварь очень оригинальна и красива, отчего мы не обращали на нее вниманія до тѣхъ поръ, пока французы не восхитились ею на прошлогодней выставкѣ. Развѣ хорошо не имѣть никакой національной изобрѣтательности? Стыдно намъ все быть только большимъ государствомъ, пора стать и великой націей.

На это Катковъ возразилъ съ жаромъ: „Мы не умѣемъ ни цѣнить своего, ни изобрѣтать, потому именно, что мы варвары. Когда у насъ будетъ больше дѣйствительной обра-

зованности, когда у *насъ наука окрѣпнетъ, у насъ сама собою явится та самобытность, которая вамъ такъ желательна. А пока надо умѣть учиться*".

Я замолчалъ, задумался и позднѣе убѣдился, что съ этой стороны онъ былъ правъ. Для большинства нужно прежде *почувствовать* себя умственно равнымъ въ большинствѣ иностраннымъ, а потомъ можно стремиться или превзойти другихъ на томъ же пути, или еще лучше ощутить въ себѣ смѣлость и умѣнье выйти на вовсе новую стезю. Разъ уже утрачено свѣжее и наивное творчество незнанія, другого пути нѣтъ.

Катковъ былъ правъ съ своей точки зрѣнія—ближайшей педагогической цѣли. Неправъ онъ былъ въ томъ, что не желалъ никакой заблаговременной проповѣди. Я говорю: неправъ, какъ мыслитель непрозорливый; а какъ практическій редакторъ, опять таки онъ былъ правъ, не допуская на страницы своего изданія то, что онъ считалъ еще несвоевременнымъ. Интересно, между прочимъ, вотъ что: года за два, за три до кончины Каткова одинъ изъ близкихъ ему людей говорилъ мнѣ, что онъ теперь думаетъ „нельзя ли сочинить для лицеистовъ какую-нибудь форму—*въ русскомъ вкусѣ*!" Вотъ ужъ кто *сроки* эти *чуялъ* и любилъ!

Изъ этого разговора слѣдуетъ, что Катковъ, во 1-хъ, признавалъ за классическимъ обученіемъ значеніе педагогическое, воспитательное, гимнастическое, пожалуй, еще больше, чѣмъ общеобразовательное; а во 2-хъ, что достичь нѣкоторой самобытности (культурной) онъ для насъ русскихъ полагалъ возможнымъ только при большей противу прежняго усидчивости, именно въ томъ чернорабочемъ ученомъ трудѣ, который, какъ мы видѣли, не особенно самъ по себѣ восхваляется г. Соловьевымъ. Оговорюсь: г. Соловьевъ не то, чтобы прямо порицалъ его; онъ порицаетъ его гораздо меньше, напримѣръ, чѣмъ я; онъ находитъ только этотъ родъ труда во 1-хъ недостаточнымъ, а во 2-хъ ужъ конечно неспеціально-русскимъ, не могущимъ дать самъ собою никакихъ національно-культурныхъ результатовъ.

Оговорившись, продолжаю:

Кто же правъ изъ этихъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ людей? Старшій или младшій? Человѣкъ „сороковыхъ годовъ“ или человѣкъ „семидесятыхъ“?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на это, скажу, что я не имѣлъ случая говорить второй разъ о томъ же съ Катковымъ 20 (19) лѣтъ спустя послѣ перваго нашего разговора, напримѣръ, въ 87 году. Я думаю, если бъ я напомнилъ ему о той нашей бесѣдѣ, то оказалось бы, что онъ теперь доволенъ успѣхами, сдѣланными нами за это короткое (въ историческомъ смыслѣ) время.

„Тружениковъ“ науки стало гораздо больше; исполнилось то, чего онъ желалъ: *увеличилось значительно число русскихъ людей, которые могутъ продержать одну и ту же мысль въ головѣ своей гораздо дольше пяти минутъ.*

Кто же правѣе? И въ чемъ правѣе? Начать съ того, что ихъ мнѣнія ничуть не состоятъ въ прямомъ антагонизмѣ. Катковъ въ 78 году желалъ, чтобы у насъ было больше ученаго труженичества. Г. Соловьевъ утверждаетъ, что теперь желаніе Каткова исполнилось. Разница, быть можетъ, только та, что Катковъ, вѣроятно, въ послѣдніе дни своей жизни былъ бы этимъ состояніемъ русскихъ умовъ *болѣе доволенъ, чѣмъ г. Соловьевъ.* Что Катковъ былъ довольнѣе состояніемъ русской учености къ концу 80-хъ годовъ болѣе, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, доказывается особенно тѣмъ, что онъ самъ становился подъ конецъ своей жизни все болѣе и болѣе славянофиломъ, и въ томъ смыслѣ, что больше прежняго сталъ вѣрить въ возможность русской умственной самобытности. Онъ надѣялся, кажется, и на то, напримѣръ, что наука государственнаго права можетъ у насъ стать, наконецъ, на свои ноги и т. п.

Впрочемъ, когда я говорю и про г. Соловьева, что онъ менѣе Каткова этимъ простымъ труженичествомъ доволенъ, то это надо понимать съ одной довольно тонкой оговоркой. Г. Соловьевъ съ другой точки зрѣнія, пожалуй, и доволенъ современною бѣдностію нашей науки, но онъ доволенъ не потому, чтобы находилъ труженичество безъ творчества вообще достохвальнымъ и дѣлающимъ намъ особую культурную

честь. Нѣтъ! Если онъ и радъ этой бѣдности, то лишь потому, что ему хочется всѣмъ намъ сказать между строчками и по этому поводу *все то же и то же.*

— Оставьте всякую надежду на самобытность *и съ этой стороны.*

— Наше призванiе иное: теплая вѣра, сильное государство и смиренная, самоотверженная уступка Риму!

Отчасти съ г. Соловьевымъ можно и согласиться: Римъ не Римъ (а что-то иное восточное), но, разумѣется, усиленiе *подвиговъ мистицизма* и *высшей этики* въ Россiи гораздо желательнѣе чрезмѣрнаго разростанiя чисто-ученаго труженичества.

Но вотъ у меня почти нечаянно сорвалось съ пера *именно то слово,* которое здѣсь нужно: *чрезмѣрное разростанiе.* Гдѣ же эта *мѣра?* О мѣрѣ этой надо сказать то же, что и о *срокахъ.* Опредѣлить ее заранѣе нѣтъ средствъ; помнить о ней необходимо во всемъ.

Весьма возможно, что у насъ еще не достигнута та черта насыщенiя ученымъ матерiаломъ, при которомъ создаются капитальные вполнѣ самобытные труды, проливающiе совсѣмъ новый свѣтъ на общечеловѣческую науку, и *появляются такiя поражающiя открытiя, какими въ свое время были: открытiе кислорода Лавуазье, гипотеза Гюйгенса* (свѣтовыя волненiя ѳеира), или *открытiе ячеекъ въ тканяхъ животныхъ и растительныхъ, или палеонтологическiя прорицанiя Кювье* и т. д.

Прежнiе старые наши ученые, уже окончившiе или кончающiе свое поприще, о которыхъ съ похвалой упоминаетъ г. Соловьевъ, въ свое время запасшись вдоволь европейскимъ матерiаломъ, принялись за нѣсколько самобытную работу ума и, какъ и слѣдовало ожидать, самый первый и видный всѣмъ шагъ на этомъ поприщѣ сдѣлали не натуралисты или доктора, а *гуманисты*, историки, богословы. Самобытная работа этихъ русскихъ умовъ обратилась прежде всего на наши историческiя, религiозныя и нацiональныя *особенности.* Умы эти, достаточно, говорю я, запасшись чужимъ (западнымъ) матерiаломъ для прiобрѣтенiя необходимой самоувѣренности, обратились по естественному чувству преж-

жде всего къ тому, что и западнымъ людямъ было менѣе доступно или совсѣмъ неизвѣстно и что у насъ самихъ было вовсе сознанiемъ еще не осмыслено именно вслѣдствiе той непривычки долго думать объ одномъ и томъ же, на которую сѣтовалъ когда-то Катковъ.

Шагъ за шагомъ эти труды привели и къ той *теорiи культурныхъ типовъ*, которую авторъ ея (Данилевскiй) справедливо приравниваетъ самъ къ открытiю Бернардомъ де Жюсье естественной классификацiи растенiй. Данилевскiй былъ тоже человѣкъ 40-хъ годовъ, надо это помнить. Крѣпкiй, сословный, крѣпостническiй строй, при которомъ росли всѣ эти люди 40-хъ годовъ, покойное теченiе жизни при Императорѣ Николаѣ I дали имъ возможность развиться не спѣша и зрѣло.

Всѣ они роптали на этотъ строй, всѣ они болѣе или менѣе пламенно прилагали руки къ его уничтоженiю; но какъ они, такъ и лучшiе поэты наши и романисты обязаны этому сословному строю въ значительной мѣрѣ своимъ развитiемъ. Всѣмъ имъ: Каткову, Герцену, славянофиламъ, Данилевскому, было уже за 40 или подъ 40 лѣтъ въ 61 году, когда вдругъ произошелъ извѣстный переломъ. Они его встрѣтили уже вполнѣ зрѣлыми, но вовсе еще не устарѣвшими людьми. Нѣкоторые изъ нихъ (Катковъ, И. С. Аксаковъ, Данилевскiй, отчасти Самаринъ) именно послѣ переворота и принесли жатву тѣхъ сѣмянъ, которыя посѣяны были въ нихъ при *другихъ условiяхъ*; другiе же, какъ, напримѣръ, Хомяковъ, хотя и свершили свое назначенiе прежде перелома, но на свѣтъ, такъ сказать, вышли все-таки послѣ него (вслѣдствiе цензурныхъ и другихъ облегченiй). Я говорю, до 40 лѣтъ всѣ эти люди жили въ прежней, крайне неравноправной и жесткой, Россiи, созрѣвали на ея спокойномъ и досужномъ просторѣ. Въ нихъ совершилось одно изъ тѣхъ таинствъ психическаго развитiя, которыя наука еще не силахъ до сихъ поръ удовлетворительно формулировать; въ въ идеалѣ, въ сознанiи—они всѣ болѣе или менѣе ненавидѣли этотъ крѣпостническiй и деспотическiй строй (и напрасно, конечно), но въ безсознательныхъ безднахъ ихъ душъ

эпоха эта, благопріятная досужной мысли, свершила свое органическое независимое отъ ихъ воли дѣло.

При такихъ ли условіяхъ росли и развивались младшіе люди 60 годовъ, *то есть тѣ, которымъ теперь только за 40 лѣтъ?* Нужно ли распространяться о томъ, въ какомъ смятенномъ состояніи они зрѣли? Сперва было не до науки. Сначала отъ напряженія радостной мысли, что мы „свободны", что мы теперь „настоящіе" европейцы, что намъ передъ Европой уже не стыдно, какъ было прежде (до эмансипаціи); потомъ отъ изумленія передъ вовсе неожиданнымъ въ такую, казалось бы, счастливую минуту безграничнымъ отрицаніемъ „Современника", „Русскаго слова" и т. п. Всѣ кинулись въ борьбу соціальную и политическую... Раздавались даже крики, что намъ вовсе и не нужны науки, а нуженъ „хлѣбъ и благоденствіе общее". Г. Соловьевъ былъ тогда ребенкомъ; но намъ, имѣвшимъ въ 61 году около 30 лѣтъ, все это очень памятно. Изъ молодыхъ въ то время наибольшій успѣхъ и славу имѣли только революціонеры въ родѣ Добролюбова и Писарева. И знамя борьбы противъ нихъ подняли не ровесники ихъ, а все люди прежней зрѣлости: Катковъ, Аксаковъ, отчасти Достоевскій (въ журналѣ „Время"), Аполлонъ Григорьевъ, насколько успѣлъ; кой въ чемъ Краевскій и Дудышкинъ (въ „Отечественныхъ запискахъ" 60 годовъ)—все люди 40 годовъ; всѣ почти 40-лѣтніе люди или старше еще. Мало-по-малу умственный хаосъ сталъ приходить въ болѣе ясное состояніе: революціонерство сознательное, ясное, крайнее покинуло поприще мысли (считая, конечно, разъ и навсегда, по-своему—въ принципѣ *все это* рѣшеннымъ и неподверженнымъ даже сомнѣнію) и обратилось къ дѣйствію, къ заговорамъ и убійствамъ. Революціонерство же мирное и умѣренное, законное и постепенное, у большинства его приверженцевъ безсознательное, продолжало (до 80 гг. преуспѣвать и господствовать на всѣхъ поприщахъ нашей жизни, доводя почти до отчаянія тѣхъ немногихъ тогда прозорливцевъ, которые хорошо понимали, *куда это насъ ведетъ*. Эти, частію безсознательные, частію прямо злонамѣренно легальные разрушители, повинуясь старому преданію *вѣрить въ примѣры*

Европы, продолжали свое гибельное дѣло на всѣхъ поприщахъ жизни нашей и по всѣмъ вѣдомствамъ, такъ сказать, нашей государственности, въ дѣлахъ церковныхъ, въ войскѣ, въ школахъ (особенно низшихъ), въ судахъ и журналистикѣ... Такъ шло дѣло отъ рокового 61 года до ужаснаго 81 г.

Наконецъ „бездна", зіявшая давно въ дали *(довольно близкой,* однако, для глазъ дальнозоркихъ), разверзлась даже и предъ слабыми умственными очами безсознательныхъ и „добрыхъ" нашихъ либераловъ. И они наконецъ-то въ ужасѣ отступили. Къ счастію, другіе люди (Аксаковъ, Катковъ) приготовили намъ убѣжище подъ кровомъ государственно-церковной національности нашей, которой столь многіе изъ насъ прежде не дорожили, не понимая ее. (Умѣренный либерализмъ сталъ выходить изъ моды. Умѣренный либерализмъ для ума есть прежде всего *смута*, гораздо больше смута, чѣмъ анархизмъ или коммунизмъ. Анархизмъ и революціонный коммунизмъ враги открытые и *знающіе сами чего хотятъ;* одни хотятъ только крайняго разрушенія, ищутъ дѣла яснаго и даже осуществимаго (на-время); другіе имѣютъ идеалъ тоже очень ясный, хотя и неосуществимый, полнѣйшее равенство и счастіе всѣхъ. Во всякомъ случаѣ и они знаютъ чего хотятъ, и мы знаемъ это; и взаимное пониманіе возможно и борьба на жизнь и смерть поэтому легче. Либерализмъ же умѣренный и законный, *лично и для себя, и для другихъ въ настоящемъ безопасный и покойный, для государства въ будущемъ,* иногда и очень близкомъ, *несравненно опаснѣе открытаго анархизма и всѣхъ возможныхъ заговоровъ.* И онъ не только опасенъ, онъ *умосмутителенъ,* такъ сказать, по своей туманной широтѣ, по своимъ противорѣчіямъ, по своей безосновности.)

И вотъ въ этомъ-то умственномъ хаосѣ, отъ 60 до 80-хъ годовъ, росли и зрѣли именно тѣ умы, которымъ теперь пора бы ужъ было принести тѣ научные плоды, на отсутствіе коихъ не столько сѣтуетъ, сколько просто указываетъ г. Соловьевъ. (Просто ли впрочемъ? Не съ удовольствіемъ ли человѣка, убѣжденнаго, „что не въ этомъ и дѣло наше").

Преобладающее въ обществѣ направленіе умовъ не только дѣйствуетъ на выборъ карьеры молодыми людьми, на ихъ личные взгляды и т. п., но оно сверхъ того дѣйствуетъ неотразимо и на теоретическую сторону жизни юношей, на выборъ точекъ зрѣнія, на освѣщеніе фактовъ при умственной работѣ и т. д. Чѣмъ же *такимъ національнымъ, самобытнымъ, оригинальнымъ могли освѣщать за все это двадцатилѣтіе свой научный матеріалъ умы младшіе, когда умы старшіе, зрѣлые болѣе или менѣе, такъ или иначе почти всѣ стремились къ уничтоженію у насъ всѣхъ прежнихъ остатковъ національнаго, оригинальнаго, самобытнаго въ самой жизни?* Надо дивиться еще, какъ такое *свое* еще сохранилось кой-какъ у насъ! Надо восхищаться тѣмъ, что оно (это свое) оказываетъ еще такую способность къ возрожденію!

Не чѣмъ своимъ было и вдохновляться юношамъ за все это время опытовъ разрушенія всего русскаго. А какое-то вдохновеніе, какое-то наитіе нужно для великихъ шаговъ даже и въ естественныхъ наукахъ, не только въ гуманитарныхъ.

Но съ другой стороны въ это же самое время (отъ 60-хъ до 80-хъ годовъ) въ средѣ той же русской молодежи распространялась все больше и больше и та привычка къ ученому труженичеству, къ собиранію матеріала, о которомъ идетъ наша главная рѣчь. Чрезмѣрность этого труженичества, конечно, вредна (какъ я говорилъ уже) смѣлому, не боящемуся частныхъ ошибокъ творчеству мысли; но безъ нѣкотораго упроченія этой привычки *у многихъ*, въ наше время, вѣроятно, уже и невозможно творчество мысли *у избранныхъ*. Необходимо же знакомство съ предшественниками для того-ли, чтобы превзойти ихъ, для того-ли, чтобы опровергнуть. И самъ г. Соловьевъ (котораго можно, какъ я сказалъ, считать человѣкомъ 70-хъ годовъ) хотя, конечно, *избранникъ по творчеству*, однако потрудился же очень много и надъ чужимъ матеріаломъ, понесъ много и „черной работы“.

Наши младшіе (70-хъ и 80-хъ годовъ) видимо еще не разобрались.

Они готовятся сказать свое слово, и шансы у нихъ теперь уже очень выгодные:

1) Знаній гораздо больше прежняго.

2) Благоговѣнія предъ Западомъ несравненно меньше.

3) Въ воздухѣ вокругъ нихъ: жажда самобытности не политической только (давно уже имѣющейся у насъ), но и умственной, національной, *духовной самобытности*. Имя Данилевскаго узнается все больше и больше. Книги Н. Н. Страхова читаются все больше и больше молодыми людьми.

Когда же это бывало прежде?

Вотъ куда теперь дуетъ вѣтеръ! На долго-ли, не знаю навѣрное. Но похоже, что надолго *).

XI. **).

Еще нѣсколько словъ о возможной самобытности славянской науки. Изо всѣхъ категорій жизни положительная наука есть, конечно, самая космополитическая категорія. Пока кто-нибудь не доказалъ съ убѣдительностью, равной убѣдительности Коперника, Галилея, Ньютона, что не солнце находится въ извѣстномъ центрѣ, а земля (какъ была она во времена Птоломея), что земля неподвижна, а солнце вокругъ нея ходитъ, что тяготѣніе не тяготѣніе, а что-то вовсе другое, до тѣхъ поръ всякій человѣкъ, китаецъ онъ или житель Индіи, разъ обучившись началамъ физики и астрономіи въ училищѣ, будетъ думать такъ, какъ всѣ, а не иначе. Что у всѣхъ животныхъ есть такія-то и такія-то свойства, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныя этого нельзя отвергать. Что существуетъ такъ называемый кислородъ; что растенія *выдыхаютъ* его, а животные *вдыхаютъ*; что существуютъ микроскопическія *ячейки*;

---

*) Подъ этими строками на авторскомъ экземплярѣ статьи К. Леонтьевъ написалъ карандашомъ: „Не окончено; усталъ весной и бросилъ; нужно еще о національной мистикѣ и о будущности русскаго искусства“. *Ред.*

**) Эта и послѣдующія главы печатаются впервые съ черновыхъ набросковъ, найденныхъ въ бумагахъ К. Леонтьева. *Ред.*

что движеніе состоитъ въ опредѣленномъ тѣснѣйшемъ отношеніи съ тѣмъ, что зовется теплотою. И такъ далѣе. Эти истины, конечно, для всего человѣчества однѣ и тѣ же.

Вѣроятно, и для соціальныхъ наукъ будутъ найдены также какія-нибудь общія основы. Отчасти онѣ уже и существуютъ: въ понятіи организма общественнаго, въ общепринятомъ представленіи его развитія, въ сознаніи неизбѣжнаго существованія такъ называемыхъ реальныхъ силъ общества (собственность, государь (хотя бы президентъ, дожъ и т. п.) съ войскомъ и чиновниками, капиталъ, трудъ, религія, наука, искусство). Дерзаю даже снова настаивать на томъ, что мы русскіе, если только у насъ водворится болѣе твердый, *менѣе противу нынѣшняго подвижный соціальный строй*, будемъ имѣть скорѣе всѣхъ другихъ народовъ возможность дать и болѣе прежняго сознательную постановку *соціологіи*.

И соціологическія и психологическія, столь тѣсно связанныя съ ними, истины могутъ стать, я полагаю, столь же точными, какъ и физическія.

И тогда и онѣ сдѣлаются для всѣхъ общими, *однѣми*. Разница тогда между націями будетъ только въ возможности *практическаго ихъ приложенія*. Болѣе по-европейски образованныя націи тогда уже не въ силахъ будутъ *самовольно*, безъ помощи завоеванія, ихъ въ нѣдрахъ своихъ приложить.

Новому успѣху раціонализма научнаго будетъ сопротивляться у нихъ *раціонализмъ общественный* (индивидуализмъ, закоренѣлыя привычки личной свободы, личнаго *плохого* разсужденія и т. д.). Воля *большинства* будетъ противиться ясному *разуму немногихъ*, постигшихъ научную необходимость новыхъ оттѣнковъ теократіи, сословности, монархизма, аристократизма и порабощенія.

Тѣ же націи (славяне, напримѣръ, или азіатцы), которыя еще уберегутъ себя нѣсколько къ тому времени отъ *нынѣшняго передового* европеизма, могутъ еще надѣяться на подобное практическое приложеніе общихъ началъ *прикрѣпленнаго неравенства*, неравноправности, малоподвижности, духовнаго подчиненія и т. д.

Что русскіе на этомъ поприщѣ (соціологическомъ и связанномъ съ нимъ столь тѣсно психологическомъ) могутъ сдѣлать еще многое—это весьма вѣроятно. Имъ *еще есть время* захватить движеніе на этомъ пути въ свои руки. Они еще могутъ увѣнчать этимъ зданіе всемірной науки. Дальше относительно общихъ основъ въ отдѣльныхъ наукахъ, вѣроятно, нечего будетъ дѣлать.

Что касается до какихъ либо все *болѣе и болѣе высокихъ обобщеній*, то какъ бы эти высшія обобщенія ни были новы и широки, они все-таки предыдущихъ низшихъ и тѣснѣйшихъ не уничтожатъ, если эти послѣднія были въ своей сферѣ удовлетворительны. Напримѣръ, если бы даже химія доказала наконецъ, навѣрное, то, что у иныхъ существуетъ теперь какъ предположеніе (гипотеза Проута), именно, что всѣ тѣла суть превращенія одного и того же *водорода* (вода Фаллеса, см.: „Міръ какъ цѣлое – г. Страхова, стр. 484—485), то ни кислородъ, ни азотъ, ни золото, ни серебро отъ этого не утратили бы тѣхъ частныхъ свойствъ своихъ, которыя за ними признала наука до этого открытія. Процессъ горѣнія не пересталъ бы происходить оттого, что кислородъ явился бы однимъ изъ превращеній водорода; золото, ставши другой формой водорода, вѣроятно, не сдѣлалось бы *синимъ* и *мягкимъ*. *Практическія* послѣдствія для жизни могли бы быть неисчислимыя отъ подобной новости.

Но извѣстная намъ теорія кислорода сама не измѣнилась бы, точно такъ, какъ не измѣнились бы основы крупной, описательной анатоміи, послѣ открытій анатоміи, болѣе глубокой и общей целлюлярной или гистологической (микроскопической).

Наука, какъ и все, едва ли на этой землѣ безгранична; самые успѣхи ея (до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, было такъ) кладутъ непреодолимыя предѣлы *сзади на пути ея*. Въ этомъ смыслѣ нельзя *возвращаться*, нечего открывать открытое. Нечего объяснять хорошо объясненное. Можно только популяризировать ее. Есть предѣлъ сзади; вѣроятно, и впереди есть предѣлы; есть вещи, которыхъ мы никогда съ полной научной точностью не поймемъ (и тѣмъ лучше!).

Къ слову здѣсь сказать, едва ли можетъ такимъ образомъ г. Соловьевъ уничтожить посредствомъ своихъ *богословскихъ* надеждъ *историческую* классификацію Данилевскаго. *Десять, одиннадцать культурныхъ типовъ* останутся навсегда. Измѣненія могутъ быть допущены неважныя.

Почти такъ же, какъ при возможныхъ успѣхахъ естественныхъ наукъ раздѣленіе животныхъ на *млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, амфибій* или гадовъ (лягушекъ, саламандръ и т. п.) и *рыбъ* должно пребыть нерушимо, такъ и теологическое освѣщеніе исторіи г. Соловьевымъ можетъ стать по отношенію къ раздѣленію человѣчества на культурные типы въ то же самое положеніе, въ которомъ будетъ стоять любая блестящая и глубокая химическая гипотеза къ открытію и утвержденію геологическихъ пластовъ или формацій.

Такая химическая гипотеза можетъ объяснить намъ лучше прежняго внутреннюю атомистическую жизнь гранита, порфира, известняка каменноугольныхъ пластовъ и т. д. Она можетъ даже измѣнить нашъ взглядъ на дальнѣйшее будущее земного шара; но *въ прошедшемъ* какъ самой науки, такъ и самого земного шара *эти пласты она съ мѣста не сдвинетъ.*

Это мимоходомъ къ слову. А главная мысль моя здѣсь та, что съ одной стороны, безграничному развитію науки уже самые успѣхи ея полагаютъ предѣлы *въ прошломъ,* уже пріобрѣтенномъ ею самою совершенствѣ.

А съ другой, и въ будущемъ, вѣроятно, есть у нея неодолимыя преграды...

XII.

Въ глубокой древности наука была такъ тѣсно связана съ религіей, что объ ней, какъ о самостоятельной жизненной категоріи, можно и не говорить. Первое болѣе ясное диференцированіе, первые достаточные признаки выдѣленія науки изъ теософіи или теологіи мы видимъ въ греко-римскомъ языческомъ мірѣ (Гиппократъ, Плиній, историки и т. д.).

Подъ конецъ греко-римской жизни самостоятельная наука, видимо, все болѣе и болѣе уважалась. Но насталъ великій

переворотъ: воцарилось христіанство и *положительная наука утратила цѣну въ глазахъ общества*; она была почти забыта.

Была ученость; не было науки въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Ученость была, конечно, значительная. Безъ великой ученой и философской подготовки св. Отцовъ невозможны были бы ни глубокомысленныя догматическія отвлеченія соборовъ, ни такія книги, какъ „Богословіе" Іоанна Дамаскина и „Весь Господня" Блаж. Августина, ни проповѣди Григорія Богослова и Златоуста.

Безъ этой учености и безъ этого философскаго воспитанія невозможно было бы созданіе церковнаго богослуженія, столь наглядно и поэтически живописующаго христіанской паствѣ и философію Церкви и ея исторію. Ибо церковныя пѣсни, возгласы, моленія обдуманно пользуются всякимъ поводомъ, чтобы напомнить о Троичности Единосущнаго Божества, о воплощеніи Второго Лица, о дѣвственности Богоматери, объ ангелахъ, о характерѣ и заслугахъ того или другого святого.

Этому пластическому, поющему и движещемуся воплощенію какъ философіи христіанства, такъ и его исторіи, этой художественной матеріализаціи ихъ, мы православные обязаны тѣмъ, что многое множество даже безграмотныхъ простолюдиновъ нашихъ достаточно для ихъ умственныхъ силъ знакомы съ основными догматами христіанскаго ученія. Если въ высшихъ умственныхъ сферахъ христіанства въ свое время догматъ создалъ обрядъ и, такъ сказать, воплотился въ немъ столь прекрасно, если догматъ нашъ въ обрядѣ нашемъ дышетъ, то въ дальнѣйшей практической жизни христіанства несомнѣнно *обрядъ хранилъ догматъ*; видимое *искусство Церкви* обучало народъ скрытой въ немъ и мало доступной большинству *богословской наукѣ*, популяризировало ее. Обрядъ православный есть предметъ до того важный по непосредственному психическому дѣйствію своему не только на простой народъ, но и на образованныхъ людей, что исключительно ему мы несомнѣнно въ наше время обязаны тѣмъ, что многіе полу-вѣрующіе и даже вовсе въ сердцѣ своемъ невѣрующіе не отпадаютъ окончательно отъ Церкви. Такъ какъ мягкость

и впечатлительность современныхъ сердецъ, сопрягаясь у многихъ съ умственнымъ (вовсе впрочемъ *неосновательнымъ*) самомнѣніемъ, дѣлаетъ то, что потребности любви въ людяхъ нынче гораздо сильнѣе потребностей вѣры, то и, не вѣруя или очень слабо вѣруя, многіе *сердцемъ* продолжаютъ Церковь *любить*. Любовь эта къ Церкви легче и удобнѣе всего находитъ себѣ исходъ въ сердечной привязанности къ обрядовой сторонѣ, къ богослуженію. Какъ ни лѣнивы наши современники на все то, что не приноситъ имъ немедленной практической пользы, но все-таки хоть изрѣдка хочется имъ постоять у *поздней* обѣдни въ церкви, причаститься, полюбоваться на крестный ходъ, прослушать „Христосъ Воскресе“ на Пасхѣ, *поглядѣть* на какой-нибудь монастырь. Господь знаетъ сколькихъ людей эти, второстепеннаго достоинства, чувства сохранили для Церкви и впослѣдствіи обратили къ ней! Если сильная вѣра въ Церковь непремѣнно хоть сколько-нибудь (смотря по характеру личному) усиливаетъ любовь къ ближнему, къ православной родинѣ, къ семьѣ, то любовь къ Церкви (выражающаяся обыкновенно въ любви къ ея обрядности) рано или поздно можетъ привести къ вѣрѣ. Захочется жить и руководиться тѣмъ, что такъ нравится.

Теперь мы всѣ пользуемся и безъ учености и безъ философствованія всѣмъ готовымъ въ обрядовыхъ формахъ церковности и большею частью черезъ любовь къ обряду соглашаемся подчиняться хотя слегка и мудростямъ догмата.

Но сначала необходима была огромная работа ученой и отвлеченной мысли для упорядоченія, для созданія и воплощенія всего того, чѣмъ мы теперь, какъ готовымъ и конкретнымъ, пользуемся.

Была, значитъ, и послѣ временъ Аристотеля, Гиппократа, Плинія, Цельзія большая ученость, требовался большой умственный трудъ; но не было тогда науки такой, какою мы ее теперь понимаемъ. Не было ни настоящей, сознанной и возведенной въ принципъ науки для науки (не было монографій „о нервной системѣ морского таракана“, напримѣръ); не было и вытекающей изъ нея науки прикладной, утили-

тарной, дошедшей, наконецъ, почти до безумія и разврата своими телефонами, фонографами, электрическими освѣщеніями и т. д.

Человѣчество ко временамъ Арія, Николая Миръ-Ликійскаго, Василія Великаго и Юліана Богоотступника отказалось надолго и сознательно, философски отказалось, отъ дальнѣйшаго движенія по пути Гиппократовъ и Плиніевъ, Аристотеля и т. д.

Варварскія нашествія благопріятствовали, правда, этому настроенію умовъ, но разлившись во всей силѣ гораздо позднѣе, *не они его создали.* Создало его отрицательное отношеніе новыхъ и вполнѣ сознаваемыхъ ученыхъ идей къ результатамъ и къ практикѣ предыдущей образованности.

Вопросъ, не близится ли то время, когда человѣчество снова откажется отъ предыдущихъ выводовъ и предыдущихъ (европейскихъ) пристрастій? Это было бы весьма желательно.

Конечно, теперь времена не римскія, а „романо-германскія“. *Матеріалъ* науки въ нынѣшнее время огроменъ; *вліяніе ея теперь* въ иныхъ отношеніяхъ *истинно ужасно* по силѣ и по кажущейся неотразимости своей.

Предразсудокъ въ пользу науки нынче въ средѣ такъ называемой „интеллигенціи“ представляется съ перваго взгляда всемогущимъ. Но не ошибка ли это?

Вѣдь „уголъ отраженія равенъ углу паденія“. Крайность одного вызываетъ крайность противоположнаго. Сильныя укрѣпленія вызвали усиленную стрѣльбу; сильная стрѣльба вызвала еще болѣе сильную оборону, обшиваніе крѣпостей и кораблей бронею, а съ другой стороны, развитіе земляныхъ укрѣпленій, которыя легче чинить. Дальняя ружейная и пушечная стрѣльба въ полѣ вызвала и новые пріемы атаки, снова успѣшные.

Во всемъ есть точка насыщенія и послѣ этой точки, послѣ этого предѣла—реакція.

Тамъ, гдѣ точка насыщенія есть точка вымиранія или разложенія, реакція уже невозможна; тамъ, гдѣ реакція возможна, возможно превращеніе, выздоровленіе, усиленіе и т. д.

Не могло, повторяю, то христіанство, которое мы знаемъ, готовое, выработанное, живое стать таковымъ безъ крайняго

и сознательнаго отверженія многаго изъ плодовъ *предыдущей* цивилизаціи.

Я думаю, что и для ближайшихъ, наступающихъ *вѣковъ* (а не годовъ) есть также признаки чего-то подобнаго, и если мои предчувствія когда-нибудь сбудутся, то переворотъ этотъ угрожаетъ больше, по моему мнѣнію, торжествующей нынѣ *прикладной наукѣ,* чѣмъ скромно-кабинетнымъ изученіямъ „хартій“ или горячимъ спорамъ „тружениковъ“ объ „образѣ жизни русскихъ дождевыхъ червей“.

Эти невинныя, а, быть можетъ, (кто ихъ знаетъ) и полезныя занятія могутъ быть пощажены и тогда (ибо ничто *до тла* и безслѣдно не уничтожалось *никогда*), но едва ли тотъ духъ, который подарилъ намъ паръ, электричество, телефонъ, фонографъ и т. п. имѣетъ безконечную будущность. Ничто не пропадаетъ безслѣдно на этой землѣ, но ничто и не держится безъ конца.

Если же все имѣетъ свой предѣлъ, то почему же и точнымъ наукамъ не наткнуться наконецъ на свои геркулесовы столпы.

И отчего же въ особенности этой проклятой оргіи прикладныхъ усовершенствованій не найти свою точку насыщенія въ разумномъ же и не совсѣмъ уже позднемъ негодованіи человѣчества.

А если такъ, то отчего бы намъ русскимъ не стать нововводителями въ такомъ великомъ, умственномъ дѣлѣ.

Отверженіе (сначала въ ученой теоріи, а потомъ и въ общественной практикѣ) этой вѣры въ пользу слишкомъ страстнаго *обмѣна, движенія* и *все-смѣшенія,* состоитъ въ самой тѣсной связи *съ тѣми возможностями болѣе прикрѣпленнаго, болѣе разслоеннаго, менѣе подвижного общественнаго строя,* о которомъ я въ прошлый разъ говорилъ.

Какъ въ самой жизни всѣ разрушительныя явленія современности: парламентаризмъ, демократизмъ, слишкомъ *свободный* и *подвижной капитализмъ,* и не менѣе его *свободный и подвижной пролетаризмъ* неразрывно связаны съ ускореніемъ вообще механическаго и психическаго движенія (съ паромъ, электричествомъ, телефономъ и т. д.); такъ и умственное

теченіе *конца XIX вѣка* въ Россіи, начавшееся съ противодѣйствія тѣмъ изъ этихъ *антистатическихъ* явленій, которыхъ *вредъ больше бросался* въ глаза (т. е. парламентаризму, пролетаризму (безземельности), безвѣрію и т. д.) можетъ по мѣрѣ созрѣванія самобытности нашей *добраться* наконецъ и до всего этого, несомнѣнно *весьма опаснаго*, торжества химіи, физики и механики надъ всѣмъ *живымъ, органическимъ*, надъ міромъ растительнымъ, животнымъ и надъ самимъ человѣкомъ даже.

Ибо человѣкъ, воображая, что онъ господствуетъ *надъ природой* посредствомъ всѣхъ этихъ открытій и изобрѣтеній, только еще больше сталъ рабомъ ея; убивая и отстраняя однѣ силы природы (вѣроятно, высшія) посредствомъ другихъ, болѣе стихійныхъ и грубыхъ силъ, онъ ничего еще не создалъ, а разрушилъ многое и прекрасное, и *освободиться* ему теперь отъ подчиненія всѣмъ этимъ машинамъ будетъ, конечно, нелегко.

Если излишняя подвижность общественнаго строя, неустойчивость личнаго духа и излишняя поспѣшность сообщеній связаны съ жизнью тѣсно, то почему именно русскимъ молодымъ ученымъ не могла бы предстоять такого рода двоякая широкая и самобытная дѣятельность:

Отрицательное отношеніе ко всей этой западной *подвижности*; *положительное* исканіе болѣе *организованнаго строя* для своей отчизны. И тутъ опять возможно нѣкоторое приблизительное примиреніе: *новаго культурнаго типа* Данилевскаго; *трехосновности* Платона; *теократіи* Соловьева. Если же этимъ теоріямъ изъ тиши кабинетовъ придется *когда-нибудь* выйти и на поля международной брани, *тѣмъ лучше.* Избави Боже Россію безумно подчиниться идеямъ „вѣчнаго“ этого *мира.*

XIII.

...Читаешь и не вѣришь глазамъ своимъ. Перечитываешь и начинаешь сомнѣваться въ своемъ собственномъ пониманіи словъ и мыслей автора! Такого безнадежнаго взгляда на Россію, такого отрицанія—мы еще не встрѣчали ни у кого!

Даже соціалисты русскіе (за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые по складу личнаго ума и характера вѣрятъ только въ силу всеразрушенія) и тѣ надѣются по крайней мѣрѣ на возможность экономическаго благоденственнаго у насъ переустройства... Мнѣ пишутъ изъ Москвы, что нѣкоторые молодые люди патріотическаго настроенія, повержены были на первыхъ порахъ въ глубокое уныніе по прочтеніи статьи г. Соловьева. Чувство ихъ понятно, но оно не основательно. Пусть утѣшатся. Г. Соловьевъ *хочетъ вѣрить* въ то, что ему желательно; но мы не ослѣпленные его философскою страстностью, его пламенной любовью къ *избранной имъ идеѣ,* не имѣемъ никакихъ побужденій или основаній для соглашенія съ нимъ въ его *особаго рода* пессимизмѣ: пессимизмѣ *національномъ,* такъ сказать. Если даже допустить, что онъ правъ въ главномъ пророчествѣ своемъ, въ конечной цѣли своей проповѣди, то есть въ томъ, что рано или поздно произойдетъ соединеніе двухъ нынѣ враждующихъ сестеръ—Церквей, то до этого еще далеко. Еще много до тѣхъ поръ воды утечетъ и произойдетъ до тѣхъ поръ многое множество такихъ событій, которыя должны будутъ сильно отразиться на дѣятельности русской мысли.

Если допустить, что г. Соловьевъ, говорю я, и правъ въ своей „крылатой“ прозорливости, то все-таки онъ правъ только относительно, такъ, какъ бываетъ правъ человѣкъ, устремившій взоръ свой издали на очень высокую и величавую гору. Что видитъ ясно такой человѣкъ? Онъ видитъ хорошо двѣ крайности: онъ видитъ съ одной стороны общее очертаніе этой синей и дальней горы и еще онъ видитъ у ногъ своихъ траву, камни, мелкіе кусты и немного впереди на какія-нибудь версты двѣ до вершины первой возвышенности, заслонившей ему весь остальной видъ, быть можетъ на нѣсколько десятковъ верстъ до подошвы той самой дальней и самой высокой горы, на вершину которой онъ устремилъ свой взоръ. Ничего промежуточнаго онъ не видитъ и не хочетъ знать. Но тѣ, которымъ придется *идти* (сознательно или безсознательно, охотно или невольно) къ этой высшей и дальней горѣ, сколько изворотовъ, сколько трудныхъ подъ-

емовъ и крутыхъ спусковъ они встрѣтятъ на пути своемъ именно по тому промежуточному пространству, которое отдѣляетъ точку современнаго отправленія отъ этой окончательной (помнимъ) цѣли!.. Какія дикія пропасти, быть можетъ, какія стремнины, какіе красивые виды и успокоительныя долины, для временнаго утѣшенія и отдыха.

Мы *думаемъ* объ этихъ *ближайшихъ* изворотахъ исторической дороги нашей; объ опасности этихъ ужасныхъ и недалекихъ уже ущелій и обрывовъ и объ веселыхъ и зеленыхъ долинахъ, которыя мы еще не отчаиваемся встрѣтить на пути этомъ. Г. Соловьевъ ничего этого знать не хочетъ. Онъ видитъ въ *настоящую минуту* подъ ногами своими песокъ и камни, плохой кустарникъ и мелкую траву—и ему кажется, что до *самой большой* горы все будетъ такъ.

Но это просто *невозможно!* Если бы было даже похоже на то, что примиреніе церквей, въ духѣ Соловьева, произойдетъ лѣтъ черезъ двадцать не болѣе, такъ и въ такомъ случаѣ развѣ это возможно *сдѣлать вдругъ?* Развѣ не будетъ *полемики?* А если будетъ полемика, то будутъ же писаться очень хорошія (быть можетъ даже и великія) сочиненія въ защиту православія; будетъ же значительная дѣятельность въ области *національной мистики.* Развѣ не будетъ предварительныхъ совѣщаній, съѣздовъ, соборовъ, борьбы?.. Конечно, предполагая именно *конецъ въ духѣ* Влад. Соловьева, надо предположить и предварительную въ высшей степени пламенную умственную борьбу.

Но вѣдь борьба подобнаго рода невозможна безъ нѣкотораго приблизительнаго равенства силъ. Допустимъ даже, что побѣда выпадетъ на долю папства; развѣ эта побѣда будетъ куплена дешевой цѣной при томъ глубокомъ у насъ до несправедливости даже (я согласенъ) отвращеніи къ католичеству, которое г-ну Соловьеву *по личному опыту* хорошо извѣстно; при возрастающей образованности и учености восточнаго духовенства и при несомнѣнной теперь наклонности и свѣтскихъ людей въ Россіи принимать къ сердцу вопросы религіи? Можно ли вообразить, что при такихъ условіяхъ умственная почва національной мистики въ Россіи будетъ

безплодна? Не въ молчаніи же будутъ слѣдовать православные люди по дорогѣ въ Римъ!

Вернусь опять къ уподобленію моему (горѣ—издали видной) и къ тѣмъ политическимъ *ожидаемымъ* событіямъ, о которыхъ мнѣ уже сколько разъ приходилось напоминать и которыя для г. Соловьева какъ будто бы и вовсе не существуютъ.

Увлеченный созерцаніемъ той дальней исполинской горы *примиренія церковнаго*, къ которой стремится его душа, онъ не хочетъ и вспомнить о другой весьма крутой и величественной возвышенности, которую намъ никакъ миновать нельзя. Эта возвышенность все то же и то же—разрѣшеніе *Восточнаго вопроса*, о которомъ я вынужденъ безпрерывно напоминать, ибо этотъ *переворотъ будетъ до того великъ и вліятеленъ*, по своимъ послѣдствіямъ, что на первое время и *весьма надолго* долженъ будетъ захватить все наше вниманіе, потребовать отъ русскихъ еще небывалаго напряженія *умственныхъ силъ.* Я говорю *умственныхъ* силъ, именно умственныхъ; я объ нихъ говорю; я указываю на то напряженіе ума, воображенія, вниманія, которое потребуется отъ русскихъ тотчасъ *послѣ* благопріятнаго для нихъ исхода политической и военной борьбы. Вотъ что будетъ и трудно и плодотворно. Умственная наша дѣятельность послѣ благопріятнаго исхода этого, вотъ гдѣ и надежды и сомнѣнія и опасности величайшія и возможность творческаго торжества. Сравнительно съ этими послѣдующими, медлительными потрясеніями и съ этой новой и неустанной работой духа, политическая и военная борьба наша за обладаніе въ той или другой формѣ проливами—представляется дѣломъ легкимъ, трудностью скоропреходящей и даже легко разрѣшимой при нѣкоторыхъ маломальски благопріятныхъ условіяхъ на Западѣ. Мы имѣемъ достаточное основаніе надѣяться, что западные европейцы сами съ *этой* стороны позаботятся о насъ, или лучше сказать *о дальнѣйшемъ развитіи всемірной исторіи,* требующей, вопреки г. Соловьеву, какого-то славянскаго или неславянскаго—все равно, но *во всякомъ случаѣ новаго, не либерально-европейскаго культурнаго типа.*

Война, конечно, будетъ, и, не разсчитывая ничуть на сравнительныя силы войскъ, не взвѣшивая даже и финансовыхъ обстоятельствъ нашихъ, исходъ борьбы военной будетъ намъ *навѣрное* благопріятенъ, судя по всѣмъ слишкомъ уже явнымъ историческимъ примѣтамъ. Трудность (историческая) не въ этой острой и всегда болѣе или менѣе кратковременной борьбѣ, истинная трудность—въ борьбѣ дальнѣйшей, болѣе медленной, *культурной*, конечно!

И тогда то и окажется почти *съ первыхъ же шаговъ нашихъ*, достойны ли мы были высокихъ надеждъ Данилевскаго (и славянофиловъ вообще) или недостойны. Химическое ли начало—русскій духъ—перерождающее и содержаніе и форму или только механическое (перемѣщающее силы)? Огромное ли мы только всесокрушающее *государство*, или истинно - *великая* и зиждительная *нація?*

Я говорю—*первые шаги покажутъ*, что мы такое, *куда* мы идемъ? И эти *первые шаги* (худые ли они будутъ или хорошіе) *неизбѣжно* должны быть тогда сдѣланы и *на почвѣ церковнаго домостроительства*, ибо весь вѣковой *духъ* восточнаго вопроса—былъ духъ *единовѣрія*, *церковности*, а не духъ *племени*, не тотъ духъ *голой національности* (аморфической, разрушительной), который создалъ лишенное всякой культурной независимости единство новой Германіи и единство Италіи, уже совершенно пошлой и даже какъ бы комической и подлой въ своей международной роли. Церковность—культурна, созидательна, голый племенный націонализмъ разрушительно плоскъ. Мы попытались было ему послужить, да и то не безъ оглядки слава Богу, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и до сихъ поръ не знаемъ, какъ поправить тѣ бѣды, которыя сами надѣлали на Востокѣ.

Разумѣется—что-нибудь одно: или церковность или быстрое, очень быстрое нигилистическое разложеніе, послѣ кратковременныхъ напыщенныхъ и громкихъ газетныхъ фразъ политическаго торжества.

Но развѣ эта неотступность церковной работы, которую г. Соловьевъ не можетъ отвергнуть, развѣ она не потребуетъ

новыхъ и просвѣщенныхъ трудовъ по части національной мистики?

XIV.

Прошедшее Церкви, государства, культурнаго типа, сословія, націи рѣшительно не въ нашихъ рукахъ; но на будущее этихъ общественныхъ группъ мы (дѣти прошедшаго, живущіе въ настоящемъ) можемъ все-таки вліять значительно въ предѣлахъ даннаго прошедшимъ типа, мы можемъ способствовать *повышенію и пониженію* ихъ дальнѣйшаго развитія или разложенія. И конечно пониженію типа, разстройству организма и даже его окончательной гибели служить гораздо легче, чѣмъ служить повышенію этого типа, чѣмъ укрѣпленію этого организма.

Употребляя слово „легче", я имѣю тутъ въ виду не тотъ вопросъ, когда *отдѣльнымъ людямъ* сподручнѣе или безопаснѣе свершить тѣ дѣла, которыя ведутъ къ развитію или къ разложенію того или другого общественнаго организма въ періодъ ли повышенія типа или въ періодъ его пониженія или разложенія. Этотъ вопросъ очень сложенъ; скорбей, труда и даже опасностей бывало и бываетъ много во всѣ времена. Я говорю объ организмахъ соціальныхъ то же, что говоритъ г. Страховъ объ организмахъ физическихъ. Сами организмы легче поддаются порчѣ и разстройству, чѣмъ наилучшему развитію и выздоровленію.

Чтобы *дорости* отъ Гуго-Капета до Людовика XIV, Франціи потребовалось около 500 лѣтъ, а чтобы *низвести* ея государственный культурный типъ отъ временъ Наполеона I до республики Тьера, Греви и Карно достаточно было только съ небольшимъ *полъ вѣка* (отъ 1815—1871). И наша дорогая отчизна развивалась (то есть *диференцировалась, разслоялась, объединяясь* въ то же время въ вѣрѣ и власти) очень медленно. Со временъ Св. Владиміра до временъ Императоровъ Александра I и Николая протекло около 800 лѣтъ.

При Св. Владимірѣ впервые обозначились тѣ культурныя особенности, которыя назначены были развивать (то есть осложнять, объединяя) въ нѣдрахъ своихъ національно-госу-

дарственный русскій типъ. Православіе и родовая удѣльная система, которая естественнымъ ходомъ исторіи должна была разрѣшиться въ родовое Единодержавіе вотъ существенныя черты или особые признаки будущаго историческаго типа нашего, которые первоначальными контурами своими обозначились уже 900 лѣтъ тому назадъ.

Отъ князя Владиміра до Іоанновъ; отъ Іоанновъ до Петра; отъ Петра до XIX вѣка организмъ Россіи все болѣе и болѣе разслоялся, объединялся, крѣпъ и росъ. Въ XIX вѣкѣ послѣ Екатерины II онъ продолжалъ рости, обогащаясь новыми окраинами, новыми пріобрѣтеніями, чуждыми русскому племенному ядру; *единство власти* и *господствующей вѣры* остались незыблемыми, но *внутреннее разслоеніе послѣ Екатерины окончилось*. При двухъ послѣдующихъ императорахъ (не считая кратковременнаго царствованія Павла I) *диференцирующій* процессъ русской исторической жизни продолжался только въ направленіи *вертикальномъ* (провинціальномъ), если можно такъ выразиться, процессъ же *горизонтальнаго* (сословнаго) *диференцированія* прекратился болѣе, чѣмъ на полвѣка. Тѣ незначительныя измѣненія, которыя вносились въ сословныя отношенія наши при Николаѣ Павловичѣ и Александрѣ I можно пропустить безъ вниманія по сравненію съ такими актами или такими ступенями развитія, какъ табель о рангахъ Петра, или дворянская грамота Екатерины. Разслояющія мѣропріятія Петра и Екатерины охватили всю жизнь огромнаго государства желѣзной сѣтью систематической дисциплины; дисциплина эта, пріучавшая однихъ ко власти, а другихъ къ повиновенію, способствовала развитію во всѣхъ слояхъ и подраздѣленіяхъ общества характеровъ сильныхъ, страстныхъ и выдержанныхъ, сложныхъ и цѣльныхъ, тонкихъ и мужественно-грубыхъ. Переходы, переѣзды, скачки съ должности на должность, отъ одного занятья къ другому, частыя перемѣны образа жизни, быстрыя карьеры и внезапныя паденія бывали рѣдки и затруднительны. Все это доступно было только избраннымъ, самымъ богатымъ и знатнымъ, или самымъ даровитымъ и сильнымъ волей (хотя бы и на *зло*). Если мы назовемъ трехъ великихъ представителей

той эпохи, которую можно назвать историческимъ роздыхомъ нашимъ, трехъ великановъ религіи, государственности и національной поэзіи: *Филарета, Николая Павловича* и *Пушкина*, то этимъ будетъ сказано все. Какъ много у нихъ общаго въ *основахъ* и какъ мало сходства и въ *темпераментахъ* и въ родѣ *развитія!* Внутреннее диференцированіе пріостановилось въ отдыхѣ послѣ долгой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ (демократической Франціей, отказавшейся разъ навсегда отъ диференцировки).

Оно остановилось и дало въ этомъ роздыхѣ на всѣхъ поприщахъ великіе плоды.

А дальше *что?*

Дальше я не рѣшусь сказать такъ, какъ сказалъ въ „Аннѣ Карениной" Левину одинъ умный и прямой помѣщикъ: „Эмансипація погубила Россію".

И не скажу я этого не потому, что даже и лучшіе реакціонеры наши не рѣшаются этого „жестокаго слова" произнести, а потому, что я самъ не увѣренъ въ безусловной правотѣ этого помѣщика.

Что значитъ „погубить" въ подобномъ случаѣ?

Погубить значитъ, приблизить посредствомъ опасныхъ мѣропріятій срокъ окончательнаго паденія державы, срокъ ея окончательнаго подчиненія иностранцамъ, или ея добровольнаго сліянія съ какимъ-нибудь сосѣднимъ государствомъ. Иначе слово „гибель" для государства понять нельзя.

Разумѣется всякій видитъ ясно, что Россіи не только далеко до этого, но что она, напротивъ, даже вступаетъ къ XX вѣку въ періодъ *разносторонняго* перевѣса надъ другими.

Это *чувствуется* не нами одними, но и тѣми народами, которыхъ въ одно и то же время мы называемъ политическими соперниками нашими и нашими учителями въ дѣлѣ умственнаго развитія.

Это ясно, но ясно и то, что преобладаніе можетъ быть прочное и можетъ быть непрочное, можетъ быть долговременное и можетъ быть скоропреходящее. Униженіе, паденіе бываютъ быстры и неожиданны только въ *поздній* го-

сударственный *возрастъ*, въ какомъ несомнѣнно уже находится Россія.

Мы не можемъ желать для родины нашей такого искусственнаго и эфемернаго преобладанія, какимъ наслаждалась Франція при Наполеонѣ III всего въ теченіе 20 какихъ-нибудь лѣтъ!

Судьба древней афинской республики съ этой стороны тоже не можетъ быть завидна. Ея преобладающее положеніе продолжалось только полъ вѣка отъ Платейской побѣды до кончины Перикла (479—429).

Современная намъ Германія возвысилась политически на нашихъ глазахъ и теперь тщетно напрягаетъ послѣднія силы свои, чтобы сохранить свое высокое международное положеніе.

Долго за величественной фигурой Бисмарка не замѣчали слабыя стороны построеннаго имъ зданія; но великанъ удалился и Германія перестаетъ мало по малу быть страшной.

Не о *такомъ* эфемерномъ и пожалуй ненужномъ даже преобладаніи здѣсь идетъ рѣчь.

Я сказалъ ясно, что не только до гибели намъ далеко, но Россія вступаетъ къ XX вѣку въ періодъ разносторонняго перевѣса или преобладанія надъ другими.

Однако изъ того, что я подобно многимъ другимъ вижу этотъ возрастающій перевѣсъ, не слѣдуетъ, чтобы я собственно ему, *перевѣсу этому*, безусловно радовался.

Ибо только тотъ внѣшній перевѣсъ желателенъ, который будетъ способствовать нашей *внутренней независимости* отъ демократической и несомнѣнно гніющей Европы. Внѣшніе успѣхи и удачи нужны намъ для того, что зовется внутреннимъ „подъемомъ духа“; они нужны для укрѣпленія народнаго самосознанія нашего; для возстановленія расшатанныхъ устоевъ внутренняго развитія, внутренней дисциплины.

Не Афины временъ Фемистокла и Перикла, не Франція двухъ Бонапартовъ должны служить намъ образцами, а Римъ и *прежняя* Англія, всегда „медлительно спѣшившіе“.

Когда-нибудь погибнуть нужно; отъ гибели и разрушенія не уйдетъ никакой земной общественный, организмъ ни го-

сударственный, ни культурный, ни религіозный. Самому христіанству Спаситель предрекъ *на землѣ* разрушеніе, и тѣ, которые пророчатъ намъ на *этой землѣ* нѣкое небывалое и полнѣйшее торжество „воинствующей" (т. е. земной Церкви), проповѣдуютъ нѣчто вродѣ *ереси*, противной не только ученію православнаго духовенства, но и Евангельскому ученію.

Погибнетъ и Россія когда-нибудь. И даже, когда, окидывая умственнымъ взоромъ весь земной шаръ и весь составъ его населенія, видишь, что *новыхъ* и *неизвѣстныхъ*, сильныхъ духомъ племенъ ждать неоткуда, ибо *ихъ уже нѣтъ* въ средѣ несомнѣнно устарѣвшаго человѣчества, то можно почти навѣрное предсказать, что Россія можетъ погибнуть только двоякимъ путемъ, или съ Востока отъ меча пробужденныхъ китайцевъ, или путемъ добровольнаго сліянія съ обще-европейской республиканской федераціей. (Послѣднему исходу чрезвычайно можетъ пособить образованіе либеральнаго, *безсословнаго* все-славянскаго союза).

Есть третій возможный исходъ, на который уже давно съ ужасомъ и отвращеніемъ указывали враждебные намъ европейцы: „Россія это нѣчто вродѣ исполинской *Македоніи*, которая, пользуясь раздорами западныхъ народовъ, постепенно подчинитъ ихъ всѣхъ своей *монархической* власти".

Римомъ насъ не удостаивали, насколько я знаю, называть. И съ перваго взгляда подобные европейцы могутъ показаться правыми. Македонія не имѣла ни *своихъ учрежденій*, ни *своихъ нравовъ* и *вкусовъ*. Она имѣла только одну силу, привычку къ сильной *царской власти*; со всѣхъ остальныхъ сторонъ мы не видимъ въ ея исторіи никакой характерности.

Римъ, слабый и податливый въ дѣлѣ быта, нравовъ и вкусовъ былъ силенъ не столько единоличной властью, сколько самородными и глубокими *учрежденіями*. Благодаря воспитательному вліянію этихъ самородныхъ учрежденій, въ Римскомъ государствѣ *во время* утвердилась единоличная власть и продержалась на западѣ цѣлыхъ *500 лѣтъ* (отъ Августа до Ромула Августула); на Востокѣ же передана была Византіи еще на цѣлое *тысячелѣтіе*. Религія и нравы измѣнились, *законы* остались.

У насъ нѣтъ такихъ самородныхъ и превосходящихъ все окружающее законовъ и учрежденій, съ этой стороны мы никого и ничему учить не можемъ. Наша царская власть прочна (*теперь* послѣ *уравнительныхъ* реформъ) не столько мудрыми и самородными учрежденіями, сколько *чувствами* и живыми *потребностями* нашими. Съ этой стороны мы дѣйствительно ближе къ Македоніи, чѣмъ къ Риму; но у насъ сверхъ вошедшихъ въ кровь большинства русскихъ людей привычки и любви къ самодержавію есть еще нѣчто великое, чего у Македоніи не было. У насъ есть *своя религія*, которая можетъ получить съ теченіемъ времени и міровое назначеніе.

Въ настоящее время православіе имѣетъ только по существу своего ученія міровой *смыслъ*; но оно еще не выразило въ рукахъ нашихъ такого *назначенія*, которое бы мы имѣли основаніе и право назвать истинно міровымъ. Ни западные народы, ни азіатцы толпами не переходятъ въ него. И будутъ ли переходить мы этого не знаемъ.

Но мы чувствуемъ и даже знаемъ, что близятся быстро времена, когда два великіе вопроса, два мощныя теченія овладѣютъ и увлекутъ человѣчество, быть можетъ, до забвенія всего остального.

„Хлѣба и зрѣлищъ“ кричали римскія толпы.

Хлѣба и *вѣры*! хотя бы цѣною новыхъ видовъ рабства, будутъ скоро кричать всѣ народы Европы!..

Счастливъ и могучъ будетъ въ такія времена тотъ народъ, у котораго вѣра и привычка къ повиновенію будутъ сильнѣе, чѣмъ у другихъ.

Будутъ ли они у насъ къ тому времени сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ?

Есть указанія, что будутъ, есть надежды. Есть и всѣмъ извѣстные признаки обратнаго.

Примѣровъ и тому, и другому за *послѣдніе годы* такъ много, что однимъ только краткимъ и сухимъ перечнемъ такихъ примѣровъ можно бы наполнить довольно большую книжку.

И если бы у меня спросили по совѣсти, какой же мой самый сокровенный, сердечный, такъ сказать, выводъ изъ этого множества противоположныхъ примѣровъ, я не зналъ бы что отвѣтить. Я говорю сердечный выводъ потому, что ясный, *умственный* выводъ въ наше время такъ же невозможенъ, какъ невозможно было, напримѣръ, во времена иконоборцевъ рѣшительно пророчить о томъ, какія убѣжденія возьмутъ верхъ, убѣжденія Льва Исаврянина, или убѣжденія Ѳеодора Студита. И даже тотъ *смутный* сердечный выводъ, который въ наше время доступенъ, у меня нерѣшителенъ.

На вопросъ, *что*, по чувству сердца моего, должно взять верхъ въ не слишкомъ отдаленномъ будущемъ—*то*, *что я люблю* или *то*, *что я ненавижу* (т. е. вѣра, власть и *неравенство* правъ, или безвѣрье, безвластье и *равенство?*)—я бы отвѣтилъ искренно „не знаю! Ибо другое дѣло сильная *любовь* къ идеалу вѣры, власти и неравенству, и другое дѣло твердая *надежда* на его осуществленіе въ жизни, даже и неполное.

„Организмы общественные подобны организмамъ физическимъ“...

Вредить организму легче, чѣмъ приносить ему пользу. Легче испортить организмъ, чѣмъ способствовать полному развитію его типа! Организмъ же нашъ съ 61 года этого вѣка заболѣлъ эгалитарнымъ либерализмомъ... Теперь мы его лѣчимъ...

Вылѣчимъ ли?..

Добрыя вѣсти *).

I.

Я снова берусь за перо...

Недавно въ нашъ Оптинскій скитъ поступили послушниками двое молодыхъ людей изъ лучшаго нашего дворянства: Ш—скій и Чер—въ. Они двоюродные братья. Оба женаты; супруги ихъ молоды и красивы; средства ихъ настолько хороши, что г-жа Ш—ская въ своемъ воронежскомъ имѣніи устроила на свой счетъ женскую общину, въ которой, какъ слышно, и будетъ сама назначена настоятельницей.

И мужей, и женъ одѣли, здѣсь въ Оптиной въ монашеское платье и обѣ молодыя дамы уже уѣхали въ Воронежъ, а мужья остались въ скиту.

Въ послѣдній разъ уже облеченнымъ въ подрясники, имъ позволили сходить на гостиницу проститься съ мужьями, братьями, и прощанье это, говорятъ, было до того трогательно, что старый монахъ-гостинникъ, человѣкъ торговый и вовсе не особенно чувствительный, плакалъ, глядя на нихъ, и восклицалъ: „Господи! Да что же это вы дѣлаете! Да какъ же вы это такіе молодые разстаетесь! Да развѣ это такъ можно! Боже мой!“

Жили обѣ молодыя четы между собою въ полномъ согласіи, и когда одна пріѣзжая дама спросила у г-жи Шид—ской, (которой, кажется, принадлежитъ иниціатива во всемъ этомъ дѣлѣ), что побудило ихъ рѣшиться на такой геройскій шагъ,—она отвѣчала: *„мы были слишкомъ счастливы!“*

Вотъ это—истинно христіанскій страхъ! *Страхъ отъ избытка земного благоденствія.* Это высшее проявленіе того аске-

---

*) Гражданинъ, 1890 г.

тизма, безъ нѣкоторой доли котораго и въ мірской жизни нѣтъ настоящаго христіанства *).

Впрочемъ, набожны они всѣ четверо были давно. Шид—скіе и живя еще дома, въ имѣніи своемъ, соблюдали посты и сохраняли строгое молитвенное настроеніе. Слышно было даже (не знаю, на сколько это справедливо), что они съ мужемъ, по молодости и духовной неопытности своей, брали на себя прежде „неудобоносимыя бремена“. Сами ли они позднѣе поняли, что безъ опытнаго руководителя легко сбиться въ этомъ отношеніи съ правильнаго и разумнаго пути, или кто-нибудь надоумилъ ихъ, но они уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали ѣздить въ Оптину и совѣтоваться со старцемъ о. Амвросіемъ. Они всѣ, и Чер—вы и Шид—скіе, пріѣзжали сюда часто и гостили подолгу, стараясь, видимо, испытывать себя и пріучаться постепенно къ вѣчной разлукѣ. То мужья пріѣзжали одни и жили въ монастырѣ мѣсяца по два и болѣе, то обѣ молодыя супруги гостили здѣсь безъ мужей...

Наконецъ, рѣшеніе назрѣло, часъ пробилъ—и всѣ четверо вступили на тернистый путь: посвятили себя на служеніе Богу и православной Церкви нашей!

Не я одинъ изумляюсь и радуюсь этому событію. Многіе здѣсь и радуются, и дивятся.

И надо, конечно, радоваться на такой примѣръ!

Надо радоваться этому случаю, какъ одному изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ того религіознаго обновленія, которое становится у насъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе за послѣдніе года.

Важность не въ томъ самомъ, какъ обѣ эти четы совершаютъ весь свой иноческій путь; не въ томъ именно—хоро-

---

*) *Аскисисъ* (или *Аскія*) греческое слово—значитъ всякаго рода *упражненіе* (упражненіе атлетовъ, напримѣръ, или въ другомъ ремеслѣ). Поэтому и упражненіе въ *духовной, религіозной* жизни, *подвижничество.* Можно выразиться такъ: человѣкъ посредствомъ постоянныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ *упражненій, подвигается,* старается *постепенно приблизиться* къ религіозному своему идеалу. Это въ извѣстной мѣрѣ доступно и мірянамъ.

шіе-ли, примѣрные ли выйдутъ изъ нихъ монахи и монахини, или средніе.

Это вопросъ личный, индивидуально-духовный. Я же радуюсь теперь на нихъ, думаю не столько о *плодахъ* подвижничества, сколько о *потребностяхъ вѣры* и *подвига вѣры*; я думаю объ идеалѣ, къ которому наконецъ-то стали многіе русскіе люди на глазахъ моихъ стремиться, а не о томъ, насколько они къ этому святому и ничѣмъ не замѣнимому идеалу могутъ приблизиться на практикѣ земной жизни своей. Одинъ приблизится больше, другой—меньше, но важно то, *что религіозное настроеніе все ростетъ и ростетъ въ высшихъ общественныхъ* и *умственныхъ сферахъ нашихъ.*

Вотъ я живу уже скоро три года въ уединеніи; вижусь съ людьми рѣдко; читаю только одну, иногда двѣ газеты: новостей поэтому много знать мнѣ трудно. А между тѣмъ я одинъ на свою долю знаю много примѣровъ, утѣшительныхъ не только для человѣка лично-вѣрующаго, но и для всякаго русскаго, умѣющаго *правильно* любить свою родину. Ибо, что такое Россія, безъ устойчивости православія, безъ искренности православныхъ чувствъ въ сердцахъ ея лучшихъ гражданъ?

Я знаю Оптину пустынь давно, уже скоро 16 лѣтъ, съ 1874 года. Въ теченіе этихъ 16 лѣтъ я посѣщалъ ее часто; проживалъ и прежде въ ней подолгу, и зимой и лѣтомъ и теперь живу около нея безвыѣздно, скоро будетъ четвертый годъ. И вижу большую разницу, большую перемѣну къ лучшему. Потребность приближенія къ церкви, къ ея преданіямъ, потребность духовнаго руководства возросли на моихъ глазахъ.

Все чаще и чаще сталъ съ годами встрѣчать людей, которые пріѣзжаютъ сюда не изъ одного любопытства и по одному только національному чувству, которое влечетъ полюбоваться на нѣчто дѣйствительно русское, на нѣчто живущее тѣми началами, которыми жили предки наши, на русскій, благоустроенный монастырь. Нѣтъ! Доказательствъ очень много тому, что *лично-религіозныя* нужды усилились много за послѣдніе года.

Желаніе видѣть старцевъ, побесѣдовать съ ними, посовѣтоваться, благословиться у нихъ,—это только одно изъ проявленій того настроенія, про которое я говорю.

Общество наше все болѣе и болѣе начинаетъ интересоваться религіозными вопросами не для того только, чтобы „православіемъ, какъ камнемъ, бросить въ нигилиста“, по выраженію Ю. Ѳ. Самарина, а для собственнаго просвѣщенія. Чаще и чаще за послѣдніе десять лѣтъ видишь образованныхъ людей, которые начинаютъ понимать, что одна добрая нравственность, одна чистая этика не есть еще христіанство: что основа христіанства, *прежде всего,* въ правильной вѣрѣ, въ правильномъ отношеніи *къ догмату.* Молодые люди высшаго образованія и лучшаго общества, родовитые дворяне, хотятъ учиться богословію, слушаютъ лекціи въ духовныхъ академіяхъ, желаютъ стать священниками или монахами,— иные и становятся. Другіе, всмотрѣвшись ближе въ условія монашеской жизни, пугаются трудностей этого пути; но, тѣмъ не менѣе, на нихъ оправдываются слова И. В. Кирѣевскаго:—„Кто хочетъ понять истинный духъ христіанства, тотъ долженъ изучить монашество“. Слѣды этого изученія, этого общенія съ хорошими монахами не пропадаютъ и для мірской нашей жизни, озабоченной и разсѣянной.

Идеалъ высшаго отреченія, разъ усвоенный и разумомъ и сердцемъ, непремѣнно отразится у одного больше, у другого меньше—на личныхъ житейскихъ вкусахъ, на государственныхъ чувствахъ, на семейныхъ правилахъ.

Монашество уже тѣмъ полезно для мірянъ, желающихъ утвердиться въ христіанствѣ, что оно учитъ, прежде всего *себѣ внимать, о своемъ загробномъ спасеніи* заботиться, а „все остальное приложится“. И какъ бы мы дурны ни были по натурѣ ли нашей, или по неблагопріятнымъ условіямъ нашего прежняго развитія, мы при подобномъ къ *себѣ вниманіи,* при боязни согрѣшить, при памяти о страшномъ судѣ Христовомъ, станемъ все-таки и по отношенію къ другимъ людямъ хоть сколько-нибудь справедливѣе и добрѣе.

Монашество учитъ не стыдиться страха Божія, какъ стыдятся его многіе люди XIX вѣка даже наединѣ съ мисами

собою. Оно не находитъ, что этотъ мистическій страхъ передъ несоизмѣримой силой уменьшаетъ достоинство наше, оно полагаетъ, напротивъ, что этотъ особый родъ страха возвышаетъ его, способствуя усиленію природныхъ добрыхъ качествъ въ человѣкѣ хорошемъ и регулируя ихъ; для человѣка же природно-порочнаго или слишкомъ грубо воспитаннаго монашество этотъ мистическій страхъ справедливо считаетъ единственнымъ спасеніемъ, не только въ смыслѣ высшемъ, загробномъ, но и для наилучшихъ (по мѣрѣ силъ его) практическихъ отношеній къ людямъ. Безъ этой духовной богобоязненности онъ былъ бы еще хуже. Это такъ ясно и просто, такъ старо и вѣчно ново, такъ вѣрно и такъ глупо забывается нами. Положимъ, что всѣ эти взгляды принадлежатъ не одному только монашеству, а церковному христіанству вообще, но во время наше, нашъ сложный, спѣшный образъ жизни въ мірскомъ обществѣ мало благопріятствуетъ сосредоточенію мыслей на духовныхъ вопросахъ и *съ этой-то стороны монастыри и полезны,* какъ такіе центры, въ которыхъ это собираніе мыслей во-едино и поднятіе ихъ до нужной высоты и безплотности достигается несравненно легче, чѣмъ въ міру.

Истинное христіанство есть, между прочимъ, и сильнѣйшій противникъ того раціонал*истическаго* (но ничуть не *раціональнаго, не умнаго),* мѣщанскаго индивидуализма, который всѣхъ въ *одинаковой мѣрѣ* освобождая и *всякаго всѣмъ* подчиняя, желаетъ всѣхъ сдѣлать одинаково достойными и одинаково счастливыми.

Истинное христіанство (не *выдуманное,* а церковное) признаетъ одно только равенство—равенство всѣхъ передъ судомъ Божіимъ, одну только свободу — свободу воли личной въ избраніи добра и зла.

И на небѣ нѣтъ и не будетъ равенства ни въ наградахъ, ни въ наказаніяхъ,—и на землѣ всеобщая равноправная свобода (даже и въ той неполной формѣ, въ которой она доступна теперь) есть ничто иное, какъ уготовленіе пути антихристу.

Лѣтъ еще пятнадцать тому назадъ я спросилъ у одного великаго духовнаго старца:

— Почему бы теперь то и не процвѣтать христіанству? Нравы несомнѣнно стали мягче; люди стали какъ будто жалостливѣе: боятся жестокостей, стыдятся ихъ совершать. Отчего бы не соединить это съ вѣрой? Говорятъ много о любви; но развѣ любовь состоитъ въ одномъ только опасеніи причинить физическое страданіе ближнему: не пытать, не казнить, не сѣчь, не бить? Отчего же не любить и власть, начальство, духовенство? И богослуженіе, и родину, и войско, и государство? И во всѣхъ этихъ отношеніяхъ найдется мѣсто добрымъ и мягкимъ чувствамъ... Озарить бы все это вѣрой и любовью къ вѣрѣ... Это такъ естественно, такъ самому пріятно, и даже поэзіи въ этомъ чувствѣ такъ много!

— Нравы, правда, много смягчились (отвѣчалъ старецъ). Но зато самомнѣніе у множества людей чрезмѣрно возросло,— увеличилась гордость. Не любятъ уже повиноваться никакимъ властямъ—ни духовнымъ, ни свѣтскимъ: не хотятъ. Постепенное ослабленіе и упраздненіе властей есть признакъ приближенія царства антихриста и конца міра. Одной мягкостью нравовъ христіанства замѣнить нельзя.

Вотъ вся совокупность подобныхъ монашескихъ вліяній и полезна мірянамъ, желающимъ, какъ я сказалъ, утвердиться въ *истинномъ* христіанствѣ, не замѣняя его сентиментальнымъ ученіемъ *невѣрующей любви*, которое не только не приложимо на практикѣ запутанной жизни нашей, но даже противно своей фальшивостью и ложью.

II.

Когда рѣчь идетъ о современномъ русскомъ монашествѣ, нельзя не вспомнить о жалобахъ, которыя приходится нерѣдко на него слышать. Осужденія недоброжелательства въ либеральномъ духѣ, какъ придирчивыя и глупыя по существу,—я оставляю въ сторонѣ; я хочу сказать нѣсколько словъ лишь о тѣхъ жалобахъ, которыя можно назвать жалобами доброжелательнаго усердія.

Люди умные, религіозные люди, желающіе видѣть въ инокахъ образцы добродѣтелей, досадуютъ (и часто весьма основательно) на то, что большинство монаховъ нашего времени слишкомъ ужъ *недалеко понятіями*, слишкомъ грубо, *сѣро*, жестко, нерѣдко гораздо жестче благовоспитанныхъ и тонкихъ чувствами мірянъ.

Это отчасти правда.

Но кто же, прежде всего, виновенъ въ этомъ, какъ опять *не мы же?*

Мы, представители передового сословія,—мы люди благовоспитанные, привычками тонкіе, сердцемъ гуманные. Не мы ли отступились отъ монастырей? Не мы ли забыли о громадной, о ничѣмъ другимъ незамѣнимой важности *ихъ ученія*, не только для нашей личной дисциплины, но и для строенія государственнаго и даже для умственной независимости нашей отъ Запада, неуклонно и слѣпо стремящагося къ *той самой всеобщей равноправности*, къ той самой ненависти къ подчиненію, на которую указывалъ старецъ, какъ на вѣрнѣйшій признакъ *приближенія конца?*

Не мы ли, люди съ „рыцарскими“ преданіями, воспитанные на благородныхъ, романтическихъ и утонченныхъ идеалахъ,— не мы ли, увлекшись во слѣдъ за старѣющей Европой во всѣ ея новѣйшіе, пошлые и плоскіе вкусы и мечты,—предоставили господство въ монастыряхъ купцамъ Островскаго и сыновьямъ церковныхъ причетниковъ?

И не ихъ корить надо, а насъ, дворянъ, за то, что русскіе монахи грубѣе и ограниченнѣе, чѣмъ они могли бы быть, если бы въ ихъ средѣ естественно преобладали люди высшаго образованія.

Конечно, святые люди выходили и будутъ выходить изъ всѣхъ сословій; но истинные святые были всегда исключеніями; а хорошо безспорно и то, чтобы средній уровень монашества (и вообще духовенства) былъ бы повыше. Съ этимъ нельзя не согласиться.

Монастыри—учрежденія хотя и *священныя,* но все же таки и *человѣческія.* (*Богочеловѣческія*, какъ любитъ обо всемъ религіозномъ выражаться Влад. Соловьевъ). Поэтому и въ нихъ,

какъ и во всей церковной жизни, человѣческое начало остается вѣрно и своимъ душевно-естественнымъ законамъ. Какъ бы ни проникался инокъ общимъ и даже наивысшимъ духомъ монашества, онъ непремѣнно сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя привычки и наклонности своего времени, своей національности, своего сословнаго воспитанія и своей личной натуры.

Купцы Островскаго и сыновья церковныхъ причетниковъ, господствовавшіе послѣдніе два вѣка въ русскихъ обителяхъ, послужили, *какъ умѣли* и *какъ могли*, православію вѣрой и правдой. Они работали Богу (а косвенно и Царю и народу)—по совѣсти, *по мѣрѣ своего разумѣнія* и по характеру своихъ сословныхъ привычекъ и вкусовъ...

А мы? Много ли было изъ нашего круга за послѣднее столѣтіе—великихъ подвижниковъ, замѣчательныхъ настоятелей духовныхъ старцевъ? Извѣстные чѣмъ бы ни было за все это время монахи изъ дворянъ—всѣ на перечетъ. Я говорю *только извѣстные* чѣмъ бы то ни было,—я уже не говорю *прославленные* святостью,—замѣтьте.

Къ тому же не надо упускать изъ виду и то обстоятельство, что когда количество людей, переходящихъ изъ одного сословія въ другое, очень мало, то они неизбѣжно подчиняются привычкамъ и понятіямъ подавляющаго большинства. И если при этомъ самобытная работа мысли у человѣка не особенно сильна, то онъ очень легко смѣшиваетъ то *существенное*, что принадлежитъ и *должно принадлежать* новому обществу, котораго онъ сталъ членомъ, со всѣмъ несущественнымъ и случайнымъ, могущимъ, не разстраивая основъ извѣстной соціальной группы, измѣняться къ худшему и къ лучшему. Монастыри суть учрежденія весьма устойчивыя и малоподвижныя по *основамъ* своимъ—по преданіямъ, уставамъ, по духу ученія, но они весьма подвижны по *личному составу* ихъ членовъ.

Всякій можетъ стать монахомъ и всякій вноситъ въ монастырь кой-что отъ привычекъ, вкусовъ и понятій того сословія или класса, въ которомъ онъ родился и росъ; особенно это рѣзко, если онъ поступилъ не слишкомъ молодымъ. Дво-

рянъ родовитыхъ, образованныхъ по-свѣтски и умственно, въ уровень вѣка развитыхъ, было у насъ до послѣдняго времени въ монастыряхъ очень мало, и потому естественно, что и они, погруженные въ толпу крестьянъ, торговцевъ, мѣщанъ и церковниковъ, утрачивали много и такихъ свойствъ, которыя, при другихъ условіяхъ, они могли бы сохранить съ пользой для общества и безъ вреда для личнаго своего спасенія. Въ монастыряхъ такого рода утратамъ благопріятствуетъ къ тому же и *само ученіе*; надо отсѣкать волю до нельзя, надо повиноваться, надо смиряться. И вотъ, въ средѣ преобладающихъ и *иначе воспитанныхъ людей* (вообще) *посърѣе* вмѣстѣ съ плевелами *личными* выдергивается и кой-что изъ той *пшеницы*, которую посѣяло въ людяхъ болѣе тонкое и высокое домашнее и сословное воспитаніе.

А если бы дворянъ и вообще людей высшаго образованія было бы въ обителяхъ нашихъ больше и *они заслугами своими и подвигами удостоивались* бы почаще начальствованія, то, конечно, это отразилось бы неизбѣжно на привычкахъ цѣлыхъ монашескихъ общинъ и *на само мірское общество монастыри имѣли бы больше вліянія.*

Мы, дворяне русскіе и представители высшаго воспитанія въ Россіи,—мы болѣе всѣхъ виноваты въ томъ, что монашество наше, руководимое или купцами стараго закала (т. е. людьми вовсе неучеными), или дѣтьми церковниковъ (людьми, пожалуй, и учеными, но вовсе неблаговоспитанными), сѣро, отстало, грубовато и непонятливо.

Разумѣется, средній уровень монашества нашего много бы поднялся, если бы оно находилось подъ вліяніемъ и руководствомъ людей, которые сами бы стояли на высшемъ современномъ уровнѣ и, совмѣщая въ себѣ образованность и благовоспитанность съ искренной вѣрой, смотрѣли бы на обѣ первыя силы свои лишь, *какъ на служебныя—для второй, для вѣры.*

Это несомнѣнно такъ. Но при этомъ, однако, не надо забывать и того общаго правила, что монашество всегда было и будетъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ все-таки исполнено нравственныхъ несовершенствъ.

Оно было таковымъ еще во времена святоотеческія, и мы можемъ найти по этому поводу много поучительнаго не далѣе, какъ въ житіяхъ. (Напр., въ житіи св. Пахомія великаго. См. сонъ его—монахи, идущіе изо рва въ гору и падающіе снова внизъ).

Несовершенство и грѣховность монашескаго большинства *даже необходимы для высшихъ цѣлей иночества.*

Если бы всѣ монахи были ангелоподобными, не только по стремленію, по идеалу, но, такъ сказать, по достиженію, —то не могли бы вырабатываться въ монастыряхъ святые люди, великіе подвижники и старцы. Къ тѣлеснымъ понужденіямъ человѣкъ привыкаетъ скоро, особенно, если онъ рано поступилъ въ обитель; но скорби душевныя, несправедливости, насмѣшки, клеветы и обиды—переносить очень трудно во всѣ года. Если бы въ монастыряхъ не было вовсе грубости, жесткости, вражды и обидъ, то какъ же бы вырабатывались примѣрные и мудрые иноки, которые, достигши полной духовной зрѣлости своей, служатъ свѣточами и для своей братіи, и для насъ, мірянъ? Вѣдь самолюбіе и тайная гордость преслѣдуютъ до могилы всякаго человѣка и святые не могутъ быть *вполнѣ* чужды ихъ движеніямъ. Но они умѣютъ быстро и мгновенно тушить въ себѣ ихъ огонь сознаніемъ, покаяніемъ, смиреніемъ. И алмазы находятся не въ кучѣ дорогихъ и близкихъ къ нимъ по цѣнѣ изумрудовъ и рубиновъ, а въ какихъ нибудь простыхъ и грубыхъ камняхъ.

Для большинства монаховъ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ со стороны того мірского общества, изъ котораго они выходятъ, достаточно искренней вѣры въ святость того учрежденія, которому они служатъ, и преданности ему. И средняго уровня въ монашествѣ не легко достичь, а очень трудно. Мы замѣчаемъ только слабости; Богъ же видитъ всѣ тайныя усилія, всѣ болѣзненныя внутреннія жертвы—и самыхъ слабыхъ подвижниковъ, и самыхъ грубыхъ людей. Только *поймите* монашество, и оно будетъ полезно вамъ даже и въ теперешнемъ составѣ своемъ.

Общіе взгляды у большинства монаховъ узки, формы грубы; духъ управленія и отношеній къ мірянамъ слишкомъ

ужъ *хозяйственный,* но основы ученія у всѣхъ у нихъ правильны, и преданія, свято хранимыя, въ высшей степени наставительны.

Я даже позволяю себѣ думать, что въ наше время нужно считать не совсѣмъ оконченнымъ христіанское воспитаніе того человѣка, который не далъ себѣ труда познакомиться съ монашескимъ ученіемъ, не искалъ общенія съ истинно духовными людьми.

И вотъ въ этомъ-то смыслѣ, между прочимъ, поворотъ за послѣдніе года у насъ весьма благопріятный. Примѣровъ у меня много, и мнѣ очень жаль, что обычай не позволяетъ мнѣ называть всѣ имена. Еще живя въ Москвѣ пять-шесть лѣтъ тому назадъ, я зналъ студентовъ, которые обращались за совѣтами и благословеніемъ къ отцу Варнавѣ въ Троицкой лаврѣ и слѣдовали его указаніямъ.

Отдадимъ здѣсь, кстати, еще разъ честь и Каткову. Студенты его лицея особенно склонны къ религіозности.

Пріѣзжаютъ и сюда многіе молодые люди посовѣтоваться со старцами. Одинъ, кандидатъ московскаго университета, человѣкъ, по всѣмъ признакамъ, съ будущностью, пріѣхалъ сюда два года тому назадъ благословиться на неравный бракъ съ дѣвушкой простого званія, которую онъ любилъ. Онъ и ее привезъ съ собою. Старецъ благословилъ охотно; они обвѣнчались и живутъ теперь счастливо. Другой, тоже окончившій университетскій курсъ въ Москвѣ, юноша весьма даровитый и характеромъ смѣлый и самобытный, страстно желалъ пойти въ священники, но онъ не хотѣлъ отдаться своему влеченію, не испросивъ здѣсь на этотъ шагъ благословенія. Въ семьѣ его были этому серьезныя препятствія,—отецъ его православный, но мать католичка и она приходила въ ужасъ отъ мысли, что сынъ ея будетъ схизматическимъ священникомъ. Она тревожила совѣсть религіознаго сына угрозой, что ей передъ смертью ксендзы не дадутъ причастія.

Старецъ сказалъ, чтобы онъ этого не боялся.

Теперь этотъ молодой человѣкъ уже скоро годъ, какъ священникомъ въ одномъ изъ значительныхъ городовъ Западнаго края и судьбой своей доволенъ.

Былъ недавно здѣсь еще и третій юноша, тоже москвичъ, студентъ перваго курса, всего двадцати лѣтъ, изъ хорошей семьи, видимо со средствами и связями, живой, горячій, симпатичный, собою красивый. Онъ тоже мечтаетъ, такъ или иначе послужить церкви—обдумываетъ проектъ общества для усиленія христіанства въ образованной средѣ и до того увлеченъ своими широкими мечтами, что для пользы самого дѣла нужно его немного охлаждать и учить терпѣнію.

Со всѣхъ сторонъ слышишь вѣсти этого рода.

Тутъ — молодой еще, богатый, блестящій и вліятельный помѣщикъ, который даже и на Страстной недѣлѣ постоянно ѣлъ мясо, съ нынѣшняго года сталъ соблюдать посты, хоть на рыбномъ.

Тамъ—тридцатилѣтній богачъ-фабрикантъ, весьма извѣстнаго имени, прекрасно образованный, служившій въ ранней молодости въ лейбъ-гусарахъ, послѣ почти случайнаго посѣщенія Оптиной и послѣ двухъ-трехъ уже рѣшительно случайныхъ встрѣчъ, хочетъ впервые вникнуть въ смыслъ православнаго ученія и запасается богословскими книгами.

Одинъ публицистъ изъ дворянскаго рода, человѣкъ тоже среднихъ лѣтъ, способный и увлекающійся, давно уже писалъ пламенныя статьи въ духѣ славянофильства и православія; самъ же до запрошлаго года не только не соблюдалъ постовъ и въ церкви рѣдко бывалъ, но даже *пятнадцать лѣтъ подърядъ* не говѣлъ. Одинъ изъ его знакомыхъ вздумалъ показать ему письмо посторонняго лица. Въ этомъ письмѣ шла рѣчь о вѣрѣ вообще и, между прочимъ, и о немъ самомъ, объ этомъ публицистѣ. „Онъ пишетъ статьи въ защиту православія,— это, конечно, хорошо (говорилось въ письмѣ); это гораздо лучше, чѣмъ писать въ иномъ духѣ. Но самъ-то онъ православенъ-ли? Вѣдь онъ, я знаю, поступаетъ такъ-то и такъ-то (какъ выше сказано). Не подражай

ему. Прежде же чѣмъ учить другихъ, учитесь сами быть православнымъ“ и т. д.

Нескромность знакомаго, рѣшившагося безъ спроса показать писателю это чужое письмо, сдѣлала пользу. Славянофилъ принялъ все это умно и добросовѣстно. Сознался въ своей винѣ, говѣлъ, исповѣдывался весьма серьезно у одного изъ лучшихъ столичныхъ священниковъ и послѣ этого даже обращался письменно къ старцамъ съ вопросами по своимъ семейнымъ дѣламъ.

Очень недавно, прошедшей осенью, пріѣхалъ сюда изъ другой губерніи молодой пруссакъ-агрономъ,—очень развитой, способный, а не какой-нибудь—„несчастный“. Онъ управлялъ имѣніемъ у г. Б—ва и былъ принятъ дружески въ его семьѣ. Семья религіозна и благовоспитана. Пруссаку православіе этой семьи такъ понравилось, что онъ, по совѣту Б—ой, пріѣхалъ сюда надолго, почти каждый день ходилъ къ старцу; читалъ книги, указанныя имъ, и принялъ православіе. Теперь онъ нашелъ себѣ въ этой сторонѣ хорошее мѣсто и задумалъ даже стать русскимъ подданнымъ. Подозрительные люди есть вездѣ,—и здѣсь нашлись такіе лукавствующіе умы, которые не хотѣли отнестись къ этому случаю прямо и просто, а стали придумывать тайные поводы и разсчеты; говорили, что у него гдѣ-то есть невѣста, богатая русская барышня, которая согласна за него выйти, но только въ томъ случаѣ, если онъ перемѣнитъ вѣру. Оказалось, что никакой подобной невѣсты у него нѣтъ. Я познакомился съ нимъ и онъ производитъ на меня впечатлѣніе искренняго и очень умнаго человѣка. Онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, что приходское наше духовенство никогда бы не могло обратить его: оно ему очень не нравится; но подѣйствовали на него прежде всего люди прекрасной и набожной дворянской семьи, а потомъ—оптинскіе старцы.

О постриженіи въ монахи на Кавказѣ князя Бориса Петровича Туркестанова, еще недавно полагавшаго начало тоже здѣсь, въ скиту въ „Гражданинѣ“ печатали. Я и его знаю, конечно,—и онъ тоже весьма образованный и умный молодой человѣкъ.

Прошлаго года мнѣ писали изъ Западнаго края, что тамъ двое гвардейскихъ офицеровъ рукоположены во священники.

Теперь оттуда же сообщаютъ, что одинъ офицеръ инженерной академіи желаетъ того же.

О *врачѣ* Оболенскомъ, который въ Петербургѣ постригся въ монахи, я вчера прочелъ въ „Гражданинѣ“ (№ 54).

На-дняхъ здѣсь былъ еще одинъ гвардеецъ. Онъ, какъ слышно, совѣтовался съ духовникомъ—тоже о принятіи священства.

Увѣряютъ, что въ Калугѣ такое же намѣреніе имѣетъ одинъ офицеръ Кіевскаго полка.

Прошлымъ лѣтомъ здѣсь гостилъ съ недѣлю и принималъ участіе въ соборномъ богослуженіи 20-лѣтній священникъ от. Сергій Веригинъ (женатый на графинѣ Мусиной-Пушкиной); онъ состоитъ приходскимъ въ своемъ собственномъ имѣніи, Пензенской губ. Онъ посѣщалъ и меня, и мы съ нимъ не разъ подолгу бесѣдовали. Я былъ до крайности утѣшенъ этимъ знакомствомъ.

Одинъ видъ *такого* юноши въ рясѣ, одинъ видъ такого изящнаго іерея—русскаго—и тотъ до нельзя пріятенъ.

Развѣ это не *добрыя вѣсти,* если все взять въ совокупности?

Вѣдь всѣ эти частности, всѣ эти отдѣльные случаи и примѣры—они признаки и проявленія чего-то общаго и въ высшей степени замѣчательнаго.

III.

Есть и другіе признаки.

Еще въ бытность мою въ Москвѣ я видѣлъ (да и не я одинъ, конечно, а многіе) этотъ поворотъ къ лучшему. Студенты, еще года четыре тому назадъ, говорили мнѣ, что очень многіе изъ университетскихъ товарищей ихъ уже не относятся къ религіи столь враждебно и столь презрительно, какъ относились прежде; прежде большинство ихъ отвергало Бога; теперь они говорятъ: „*нельзя* отвергать бытіе

Божіе *раціональнымъ* путемъ; *нельзя* научными пріемами доказать, что *Бога нѣтъ*".

И эта перемѣна основной точки зрѣнія въ молодомъ умѣ— очень важный фактъ!

Эти юноши, эти неопытные люди будутъ черезъ два-три года полноправными гражданами—супругами, отцами, воинами, судьями нашими, наставниками, правителями.

Эта сначала какъ бы едва замѣтная точка философскаго поворота въ молодомъ умѣ можетъ со временемъ повести далеко. Точка эта подобна *стрѣлкѣ* на *желѣзныхъ* путяхъ; одинъ поворотъ какого то колеса — и путь предстоитъ иной, быть можетъ совсѣмъ противоположный.

На *чистомъ деизмѣ* остановиться надолго не можетъ человѣкъ живой, человѣкъ съ сердцемъ, и потому именно, что онъ съ сердцемъ—наклонный страдать и все въ жизни сильно чувствовать. Такого человѣка скорѣе удовлетворитъ полное отверженіе: оно, по крайней мѣрѣ, по-своему, покойно и послѣдовательно.

Но чистый деизмъ холоденъ и сухъ. Разъ я допустилъ личнаго Бога, разъ я призналъ, что механизмъ міроданія долженъ подразумѣвать *сознательнаго* механика, я вынужденъ уже однимъ холоднымъ разумомъ допустить и постоянное вмѣшательство этой Міротворящей Силы, постоянное исправленіе и направленіе механизма... И *я самъ*—частица этого необъятнаго цѣлаго; частица и безсильная, и въ своихъ предѣлахъ могучая, и такая ничтожная и всеобъемлющая, вѣчно томящаяся и чего то ищущая и жаждущая,—не захочу ли я скоро и сердцемъ приблизиться къ этому уже признанному моимъ разумомъ Живому и Личному Божеству? Не захочу ли я Его помощи и защиты въ тайникахъ и глубинѣ вѣчно болѣющаго сердца моего? Не захочу ли молиться? Не захочу ли скоро знать, *чего* именно отъ меня требуетъ Богъ? Не пожелаю ли потщиться исполнять Его требованія, Его заповѣди?

И вотъ еще шагъ—приближеніе къ „алтарямъ" Его! Иначе, не будетъ ли этотъ Богъ тѣмъ „*безполезнымъ* Богомъ, который не требуетъ алтарей", какъ прекрасно выразился не-

счастный Альфредъ де-Мюссе, всю жизнь тосковавшій о своемъ безсиліи и неумѣніи возвратиться просто, прямо и твердо въ лоно католической церкви.

Когда мы слышимъ, что молодые люди высшаго образованія говорятъ такъ: „нельзя доказать, что нѣтъ Бога; нельзя научными пріемами опровергнуть *возможность* Его бытія",— что это значитъ?

Это значитъ, что *сердцамъ ихъ желательно*, чтобы Богъ былъ, и *они рады, что разумъ ихъ разрѣшаетъ имъ вѣрить въ Него.*

— Можете вѣрить!—говоритъ имъ этотъ разумъ (который они такъ еще глубоко чтутъ по неопытности своей)... Можете вѣрить: этимъ вы не погрѣшите противъ моихъ законовъ!

Итакъ, разумъ позволилъ бѣдному, молодому и горячему сердцу вѣрить...

Оно вольно теперь! Самолюбивому юношескому стыду передъ „наукой и современностью" уже нѣтъ теперь мѣста... И если сердце, въ самомъ дѣлѣ, *хочетъ* вѣры, если оно жаждетъ единенія души съ Божествомъ, то ему и не трудно будетъ сдѣлать еще одинъ небольшой шагъ, легко будетъ допустить еще одно движеніе:

— Боже! Я жажду вѣрить! *Помоги моему маловѣрію!*

И вотъ уже молитва... Самая первая и *самая лучшая въ наши дни...* Вотъ уже первый шагъ приближенія къ Богу.

„У Бога путей много", говорятъ справедливо набожные люди... Тѣ изъ нихъ, которые наблюдательнѣе, могутъ привести много примѣровъ обращенія, подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ впечатлѣній и событій, встрѣчъ, разговоровъ и чтенія. У многихъ забытое, пренебреженное чувство чего-то высшаго, таинственнаго, мистическаго таится, однако, на днѣ души, какъ огонь подъ пепломъ—по старому и вѣрному уподобленію, таится до перваго случая, до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь сильное впечатлѣніе не поможетъ этому огню разгорѣться.

Давно, уже лѣтъ слишкомъ двадцать тому назадъ, я ѣхалъ на дунайскомъ пароходѣ съ однимъ русскимъ моря-

комъ. Мы были давно знакомы, почти дружны. Разговоръ, при другихъ свидѣтеляхъ, зашелъ между нами о вѣрѣ. „Я ничему *этому*, по правдѣ сказать, не вѣрю!“—воскликнулъ морякъ.

Я самъ тогда былъ еще вовсе не утвержденъ, какъ слѣдуетъ; я едва-едва сталъ выходить тогда изъ какого-то красиваго, но неяснаго пантеистическаго тумана, въ которомъ долго жилъ безнравственно и весело; но я уже желалъ изъ него выйти и чувствовалъ, что во мнѣ не вовсе умеръ, а гдѣ-то глубоко таится православный человѣкъ. И, руководясь этимъ смутнымъ, но неугасимымъ внутреннимъ чувствомъ, я возразилъ ему такъ:

— Не ручайтесь, что въ васъ вовсе угасло религіозное чувство,—быть можетъ, оно только уснуло. Я попрошу васъ, напримѣръ, подумать и отвѣтить мнѣ откровенно, что бы вы избрали, на которую изъ двухъ жестокихъ вещей вы бы согласились, если бы третьяго пути не было: убить человѣка, на поединкѣ, на войнѣ ли или просто изъ личнаго гнѣва, или взять чашу со святыми дарами, положимъ, вылить на землю и растоптать ногами? Скажите?

Морякъ покраснѣлъ, пожалъ плечами, улыбнулся и сказалъ: „Ну, конечно, убилъ бы человѣка. Я объ этомъ не подумалъ... Пожалуй... Кто знаетъ... можетъ быть, вы и правы“...

Сохраняется это чувство въ глубинѣ сердца нашего не только благодаря семейнымъ вліяніямъ, но иногда и вопреки имъ. Я знаю одну очень умную и весьма образованную русскую женщину, которая росла въ 60-хъ годахъ и была воспитана отцомъ-безбожникомъ и ненавистникомъ всего церковнаго; мать же ея была ничтожная и почти слабоумная женщина. Отецъ любилъ ее страстно и самоотверженно; но *ей*—своя семья, сухая и мрачная, не нравилась и ее тянуло ко всему тому *именно*, что на духъ ея семьи было не похоже. Такъ шагъ за шагомъ, она еще въ молодыхъ годахъ начала стремиться къ церкви и очень скоро сдѣлалась пламенно и просвѣщенно-религіозной женщиной.

Разъ молодому человѣку въ наше время (еще не совсѣмъ отрѣшившемуся отъ старой привычки чрезмѣрно поклоняться разуму и своему и коллективному), разъ этотъ самый разумъ далъ, такъ сказать, раціональное разрѣшеніе вѣрить, всѣ рессурсы воображенія сердца, воли и опять ума же могутъ пойти на пользу. „Путей много!“ Любовь къ семьѣ, если она религіозна и привлекательна; потребность иной душевной опоры, если въ семьѣ тяжело; любовь къ народу и народному; жажда сближенія съ этимъ простымъ народомъ на общей идеальной почвѣ. Поэтическое влеченіе къ образамъ и формамъ жизни родной старины, которую, слава Богу, и до сихъ поръ еще не до-тла вытравилъ у насъ европейскій прогрессъ. Вообще, чувство прекраснаго, художественное чувство, которое, съ одной стороны, не можетъ не оскорбляться глубоко-прозаическими формами европейскаго прогресса и его деревянными, однообразными идеалами, а съ другой—не можетъ же не видѣть, сколько есть поэзіи и въ морали евангельской, и въ богослуженіи православномъ, и въ ученіи аскетическомъ.

Путей много, повторяю я. Самыя противоположныя чувства могутъ способствовать утвержденію вѣры *въ томъ, кто уже ищетъ ея,* въ томъ, кто пересталъ *избѣгать* ея, кто пересталъ ея стыдиться.

Къ вѣрѣ могутъ привести и любовь, и отвращеніе, и радость, и горе, и сильныя внезапныя потрясенія, какъ у энергическаго натуралиста Сѣверцова, который открыто сознавался, что сталъ въ первый разъ молиться тогда, когда попалъ въ плѣнъ къ жестокимъ коканцамъ и былъ ими запертъ въ какомъ-то ужасномъ мѣстѣ. И съ тѣхъ поръ, освобожденный, онъ уже Бога не забывалъ. Воспоминаніе о Богѣ, о помощи Его свойственно людямъ и безъ внезапныхъ, сильныхъ опасностей и потрясеній, но вообще въ болѣе тяжелыя минуты жизни; такъ случалось съ геніальнымъ Пироговымъ. Пироговъ, сверхъ того, говоритъ въ запискахъ своихъ, что, молясь Богу въ трудныя минуты, онъ нашелъ потомъ уже *противнымъ человѣческому достоинству забывать о Немъ въ довольствѣ и радости.*

Вникнемъ въ это признаніе великаго врача и спросимъ себя, какого рода чувство заключено въ этихъ словахъ его? Конечно, нѣкотораго рода *гордость* или, пожалуй, самолюбіе передъ самимъ собою; *стыдъ* передъ собственной самооцѣнкой. Не надо пугаться подобнаго анализа, онъ ничуть не унижаетъ самого Пирогова и не обезцѣниваетъ характера его религіозности. Конечно, это „немощь“, какъ любятъ выражаться монахи, но немощь такого общечеловѣческаго, неискоренимаго рода, отъ которой не всегда свободны и самые высшіе духовные подвижники. И святые, какъ я уже напоминалъ прежде, не были вполнѣ безстрастны, а на первыхъ и даже на среднихъ ступеняхъ обращенія такого рода тонкое движеніе гордости, или такого рода тайный самолюбивый стыдъ—могутъ быть въ высшей степени полезны для дальнѣйшаго развитія религіозности. Чувство, въ которомъ такъ честно и мило сознается Пироговъ, не особенно *духовно*, но оно *ведетъ* къ духовному. Человѣкъ не хочетъ унизиться въ собственномъ мнѣніи: онъ считаетъ низостью—не молиться въ довольствѣ и радости тому Богу, котораго онъ призывалъ, когда ему было тяжело. Это чувство *понудитъ* его, положимъ, въ церковь сходить лишній разъ; въ церкви онъ сосредоточится, получитъ еще нѣсколько лишнихъ и, быть можетъ, новыхъ религіозныхъ впечатлѣній. Послѣ этого онъ захочетъ и еще разъ себя понудить; вспомнитъ, что только „*нудящіе себя* восхищаютъ царство небесное“, и привыкнетъ мало по малу все больше и больше понуждать себя для Бога. А это, мнѣ кажется, *третій* изъ самыхъ важныхъ начальныхъ шаговъ для утвержденія религіозности въ колебавшемся дотолѣ образованномъ человѣкѣ нашего времени.

Первый шагъ (для *такого* человѣка, я не говорю для всѣхъ людей)—это то *разрѣшеніе* разума искать вѣры и вѣрить, о которомъ я говорилъ. Второй шагъ: *пріобрѣтеніе страха Божія,* а третій—*привычки къ понужденію* себя вопреки лѣни, вопреки развлеченіямъ, вопреки слишкомъ дерзкой надеждѣ на всепрощеніе Божіе, вопреки напрасной и чрезмѣрной боязни потерять на молитву и другія дѣла вѣры время, дорогое для нескончаемыхъ житейскихъ дѣлъ.

Поэтому, говорю я, всѣ чувства наши, не только самыя высокія и чистыя, но и такія *среднія*, какъ небольшая гордость *) и самолюбіе, въ связи съ другими, лучшими, и растворенныя страхомъ Господнимъ, боязнью согрѣшить, могутъ нерѣдко сослужить намъ прекрасную службу на пути христіанскомъ. Иногда и самая большая гордость *ума противу другихъ людей* можетъ, при добромъ изволеніи, укрѣплять человѣка въ его стремленіи къ Богу и располагать его къ смиренію передъ ученіемъ церкви.

Я люблю приводить живые и наглядные примѣры.

У меня былъ другъ. Его уже нѣтъ теперь въ живыхъ. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный, мыслящій, весьма начитанный и выросшій смолоду на естественныхъ наукахъ. Но ему рано стало душно въ „ихъ рамкахъ", какъ онъ самъ любилъ выражаться. Онъ началъ съ того, что сталъ читать метафизическія сочиненія и радовался, что горизонтъ его расширился. Богословіей онъ еще въ то время тяготился и объ аскетическихъ писателяхъ только слыхалъ изрѣдка отъ другихъ; *умственная* почва его была готова; была у него и *любовь* къ *русской* вѣрѣ; были и кой-какія, хотя и довольно слабыя, религіозныя воспоминанія дѣтства. Не было ни страха Божія, ни любви и довѣрія къ ученію церкви.

Позднѣе посѣтили его жестокія утраты и скорби. Я встрѣтилъ его опять уже вполнѣ христіаниномъ по убѣжденіямъ. Въ жизни онъ былъ все-таки очень страстенъ, влюбчивъ, чувственъ, невоздержанъ, честолюбивъ, сердитъ, и онъ не только билъ себя въ грудь какъ евангельскій грѣшникъ,—

---

*) Я говорю здѣсь не о высшей или *собственно духовной* гордости,— это уже не *средняя* немощь, а самый великій и самый опасный по своимъ послѣдствіямъ грѣхъ. Духовная гордость, т. е. непоколебимая увѣренность въ своей нравственной чистотѣ, въ своей безгрѣшности или въ своей умственной вѣчной правотѣ,—къ несчастью свойственна очень часто людямъ хорошимъ, честнымъ и благороднымъ и склоняетъ ихъ обходиться безъ Бога или безъ церкви. Я не про эту, такъ сказать, *хроническую* гордость говорю здѣсь, а лишь про небольшое и минутное движеніе свойственной всякому человѣку потребности хоть сколько-нибудь уважать себя. И, уважая себя, какъ *человѣка*, какъ характеръ, какъ умъ, за то-то и за то-то, я могу въ то же время считать себя передъ Богомъ великимъ грѣшникомъ.

онъ боролся, старался исправиться, молился постоянно объ усмиреніи страстей своихъ. Онъ признавался мнѣ со всѣмъ жаромъ искренности и дружбы, что онъ до-нельзя развратенъ воображеніемъ, и не разъ случалось, что, предпринимая какое-нибудь весьма грѣшное дѣло, онъ или одинъ въ комнатѣ своей, или даже на улицѣ, остановясь передъ церковью, восклицалъ: „Боже праведный, *не могу иначе*! Прости мнѣ!“ Шелъ—и грѣшилъ. Господь послалъ ему хорошую, мирную и христіанскую кончину живота. Послѣднія десять лѣтъ онъ прожилъ, разумѣется, не безгрѣшно въ духовномъ смыслѣ (это невозможно), а по житейски говоря—безукоризненно.

Я уже тогда, когда мы второй разъ въ жизни встрѣтились съ нимъ и видались часто, и самъ сталъ понимать, *что чувствуетъ* человѣкъ многострастный, но искренно вѣрующій; я сталъ понимать и жестокую боль, и неизъяснимую радость глубокаго покаянія,—и потому борьба этого рода (столь рѣдкая въ наши времена) меня не удивляла. Я понималъ, что человѣкъ, перейдя въ дѣлѣ вѣры нѣкую таинственную и *ему одному понятную черту,* не можетъ уже вернуться назадъ къ безвѣрію; я зналъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже хорошо и по теоріи аскетической, и по личному опыту, что отъ этой черты еще очень далеко и не только до безстрастія духовнаго, но и до приблизительнаго умѣнія управлять душевными влеченіями своими въ христіанскомъ духѣ. Это я все понималъ и съ этой стороны не требовалъ у него объясненій, довольствуясь тѣмъ, что ему угодно было самому о себѣ мнѣ разсказать.

Но меня особенно интересовалъ тотъ вопросъ, какъ онъ справился съ прежними *идеями* своими и со своей разнообразной и обширной начитанностью. Я спросилъ его объ этомъ.

— Какъ, напримѣръ, пошатнулась въ васъ вѣра въ тѣхъ западныхъ мыслителей, которымъ вы прежде такъ сочувствовали?

— Помогла мнѣ гордость моего ума и отчасти моя природная безнравственность, сказалъ онъ. Я видѣлъ, что они всѣ противорѣчатъ другъ другу и всѣ дополняютъ другъ друга; видѣлъ, что всѣ они въ чемъ-нибудь правы и во мно-

гомъ неправы. Ошибки ихъ были мнѣ ясны. Простые матеріалисты грубы и никогда не удовлетворяли меня. Дж. Ст. Милль хорошъ, но онъ непослѣдователенъ до невѣроятной степени. Прудонъ послѣдователенъ, но онъ въ выводахъ своихъ, по-моему, почти глупъ. Кто ему сказалъ, напримѣръ что исторія человѣчества есть исторія постепеннаго утвержденія правды или справедливости на землѣ? Развѣ я обязанъ этому вѣрить? Я этого не только не вижу, но, по совѣсти сказать, ничуть и не сочувствую этой скучной всеобщей казенной морали. И почему еще, другой вамъ примѣръ, обязанъ я сочувствовать его раціонально-нравственной семьѣ?.. Да, по-моему, чортъ ее возьми совсѣмъ такую семью. Шопенгауеръ мѣстами мнѣ вовсе недоступенъ: я просто не понимаю, о чемъ онъ говоритъ. Но почему же (думалъ я) мнѣ непремѣнно предполагать, что въ этомъ непониманіи я виноватъ, а не онъ, своей неясностью? Я разсказывалъ вамъ о моихъ страданіяхъ, о моихъ сердечныхъ потрясеніяхъ... И когда я захотѣлъ найти опору, отраду и руководство въ Богѣ христіанскомъ, въ Богѣ догматическомъ, позвольте мнѣ такъ выразиться,—ни одинъ изъ этихъ мыслителей не оказался въ силахъ помѣшать мнѣ. Ни одинъ изъ нихъ не смогъ вполнѣ подчинить себѣ мой разумъ. Онъ былъ свободенъ, и я изъ этихъ же мыслителей сталъ брать для большаго утвержденія моей вѣры то, что находилъ пригоднымъ. И всѣ они стали служить моей вѣрѣ, стали по моей дудкѣ плясать. У Шопенгауера была *воля,* было *желаніе* не вѣрить въ Личнаго и Тріединаго Бога, а *моя воля* вѣрить въ Него. Неизвѣстно еще, кто правѣе. Ошибались всѣ мудрецы и ошибками своими были, замѣтьте, очень довольны. Если и моя вѣра ошибка—не бѣда: я ею доволенъ, утѣшенъ, счастливъ ею... И кончено! Я понимаю, что могу *мой* разумъ безусловно покорить началу Высшему и Невидимому или церкви—вещи въ одно и то же время и живой, и безлично отвлеченной; но по какому побужденію я покорю мой своенравный умъ такой или другой человѣческой школѣ, или такому или другому умному и ученому человѣку? Я еще это, пожалуй, и униженіемъ нахожу; во всякомъ случаѣ гораздо большимъ, чѣмъ

покорить его мистическому началу не только въ лицѣ добродѣтельнаго и разумнаго священника, но и въ лицѣ какого-нибудь юродиваго, если меня влечетъ къ нему сердце. Умные и ученые люди! Я самъ, вы знаете, уменъ, ну, а большая ученость—тоже извѣстно—не всегда ума прибавляетъ...

Вотъ какимъ образомъ даже и гордость ума, и природное нерасположеніе къ морали могутъ способствовать къ утвержденію вѣры. „Сила Божія и въ немощахъ нашихъ познается".

И если правы были тѣ студенты, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ увѣряли меня, что многіе изъ товарищей ихъ начинаютъ склоняться къ тому, что „научно нельзя отвергнуть Личнаго Бога", то это, конечно, весьма утѣшительный признакъ!

Нужно только, признавши разумомъ, что сердце имѣетъ право вѣровать въ Него, дѣлать такъ, какъ дѣлалъ мой покойный другъ; всѣ познанія свои, всѣ теоріи и взгляды и мнѣнія людей знаменитыхъ ученостью или геніемъ, и даже слабости свои обратить смѣло и свободно на служеніе этому Богу. Совершенствомъ не будешь, а помоги намъ, Господи, только внимать себѣ и молиться!

IV.

До сихъ поръ я говорилъ почти исключительно о мужчинахъ, потому что ихъ религіозность несравненно важнѣе женской. Надежды серьезныя надо основывать на такой религіозности, которая въ силахъ *перерости* раціонализмъ и отрицаніе, а не на такой, которая *еще не доросла* до нихъ,—на такой вѣрѣ, которая умѣетъ справляться съ требованіями научно-образованнаго ума, а не на такой, при которой эти требованія слабы.

Религіозность мужчинъ почти настолько же важнѣе религіозности женщинъ, насколько вѣра людей ученыхъ, богатыхъ и благовоспитанныхъ важнѣе вѣры людей простыхъ бѣдныхъ, невліятельныхъ и неученыхъ.

Женщины рано или поздно идутъ во слѣдъ за мужчинами точно такъ же, какъ сельскій и вообще рабочій классъ

рано или поздно уступаетъ идеямъ и вкусамъ классовъ, болѣе образованныхъ и богатыхъ.

Конечно, и религіозность простого охраненія, религіозность одного сердца хороши, за неимѣніемъ лучшаго. Когда уже изсякла всякая надежда на религіозность *развитія*, на религіозность *мысли*, то и они полезны, какъ тормазъ, задерживающій разрушеніе.

И такъ какъ это уже всѣми признаваемая аксіома, что у мужчинъ (и тѣмъ болѣе у мужчинъ современно-образованныхъ) умъ преобладаетъ надъ чувствомъ, то разумѣется, вся сила въ нихъ. Куда склонится теченіе мыслей у наиболѣе развитыхъ и вліятельныхъ мужчинъ, туда позднѣе пойдутъ за ними и женщины, и народъ.

Но если мы признали, что вѣра чистосердечная (женская и народная) полезна даже и въ тѣ времена, когда передовые мужчины охладѣваютъ къ религіи, то въ такую эпоху, когда, напротивъ, у этихъ передовыхъ мужчинъ начинаетъ замѣчаться отвращеніе къ раціонализму и безбожію и является поворотъ къ вѣрѣ,—женская религіозность своей беззавѣтностью и симпатичностью можетъ удесятерить возрастаніе религіозныхъ силъ въ цѣломъ обществѣ нашемъ.

Религіозное же движеніе теперь и среди женщинъ усиливается.

Женскія общины, напримѣръ, у насъ открываются безпрестанно, и онѣ полны. Идутъ въ нихъ теперь съ большимъ увлеченіемъ не только вдовы или пожилыя дѣвицы, но дѣвушки—очень молодыя, красивыя, благовоспитанныя; иныя даже съ весьма хорошими средствами.

Здѣсь, напримѣръ, въ 15 верстахъ отъ Оптиной, при помощи и попечительствѣ оптинскихъ старцевъ, въ теченіе какихъ-нибудь 5 лѣтъ изъ ничего создалась Шамардинская Казанская община и теперь въ ней уже болѣе 400 сестеръ. Число образованныхъ и обезпеченныхъ женщинъ и дѣвицъ въ настоящее время уже очень велико—и все растетъ. Есть и курсистки, есть обращенныя изъ нигилизма. Я полагаю, что и это можетъ служить доказательствомъ тому, какъ

возрастаютъ въ нашемъ обществѣ православныя чувства за послѣдніе года.

Дѣло, конечно, не въ томъ, чтобы большинство дѣвицъ, вдовъ и женъ, разставшихся съ мужьями, стало монахинями, —это не нужно, невозможно и никогда не случится.

Но расчетъ здѣсь тотъ, и очень ясный, что монашество (даже по признанію людей вовсе не особенно церковныхъ) есть *высшій идеалъ* христіанства. Если есть довольно много умовъ и сердецъ, ищущихъ идеала высшаго, то непремѣнно будетъ въ обществѣ еще несравненно больше такихъ характеровъ, которые удовлетворятся среднимъ идеаломъ—идеаломъ христіанства семейнаго и въ этой средней сферѣ будутъ достигать *своего рода наивысшаго* совершенства и достоинства.

Охлажденіе къ идеалу высшему, отвращеніе къ его крайностямъ влечетъ за собою очень скоро глубокій упадокъ и того средняго состоянія, которое сначала большинству казалось достаточнымъ.

Протестантство отвергло все то, что въ римскомъ католицизмѣ ему казалось крайностями, и въ первое время своего торжества оно дѣйствительно было какъ-будто искреннѣе, чище, святѣе и возвышеннѣе католичества. Но прошло всего четыре вѣка, и что же мы видимъ? Протестантство угасаетъ и разлагается само собою и само въ себѣ, безъ всякихъ почти внѣшнихъ посягательствъ. А кто возьмется рѣшить: какая еще будущность предстоитъ католичеству? Протестантство сохранило въ себѣ только все среднее; оно лишило себя всѣхъ тѣхъ центровъ накопленія религіозныхъ силъ, которыя въ католичествѣ сохранились: монашескихъ орденовъ, папской и *дѣйствительной* епископской власти, обрядовъ и т. д.,—но именно изъ этихъ-то „крайностей" и исходитъ въ эпохи охлажденія то подновляющее дѣйствіе, котораго среднія формы никогда дать не могутъ.

Въ обществѣ все живетъ въ глубокой связи и движется во взаимномъ, нерѣдко весьма тонкомъ, мимолетномъ и сразу едва замѣтномъ, но глубокомъ психическомъ вліяніи.

Одна молодая, красивая и вовсе не бѣдная дѣвица идетъ въ монастырь; другая—пріѣзжаетъ туда молиться, зна-

комится, узнаетъ и начинаетъ уважать основы ученія, которое до тѣхъ поръ казалось ей чуждымъ и даже противнымъ; она выходитъ замужъ; привозитъ потомъ съ собою мужа и дѣтей и т. д.

Многія монахини находятся подъ духовнымъ вліяніемъ игуменьи (если она сумѣла внушить къ себѣ довѣріе). Хорошая игуменья всегда ищетъ себѣ старца-руководителя. Черезъ всѣ эти прямыя и косвенныя воздѣйствія—и семейные міряне пріобщаются аскетическому ученію и вносятъ его въ свои дома. А что такое это аскетическое ученіе какъ не ученіе *воздержанія* вообще и *регулированіе* нашихъ чувствъ и дѣйствій во Имя Господне?

Я знаю довольно коротко одну почтенную и примѣрную столичную семью. Отецъ—практическій дѣятель, высоко стоящій на ступеняхъ нашей государственной іерархіи. И онъ самъ, и достойная глубочайшаго уваженія супруга его, и молодыя дочери, и сынъ, самъ уже женатый, человѣкъ свѣтскій, превосходно и утонченно образованный,—всѣ они искренно православные люди и всѣ издавна состоятъ въ сердечномъ общеніи съ духовными старцами.

Глядя на эту семью и любуясь на нее, я часто думалъ, что она сама по себѣ, по характеру людей ее составляющихъ, быть можетъ и безъ религіозности была бы нравственна и согласна. Можетъ быть; но сколько бы поэзіи и сколько смысла утратила бы она безъ этой религіозности, безъ этого мистическаго озаренія, безъ этого общенія со старцами, безъ этой любви къ монашеству! Когда видишь, что этотъ бодрый семидесятилѣтній сановникъ спѣшитъ съ радостью преклонить колѣна предъ кроватью болѣзненнаго старца, чтобы принять его благословеніе, когда видишь, что этотъ свѣтскій, смѣлый, остроумный и начитанный сынъ (и самъ уже отецъ семейства) превосходно читаетъ въ скиту шестопсалміе и не смѣетъ выпить чаю предъ обѣдней, чтобы имѣть право вкусить антидора; когда видишь ихъ вѣру и любовь къ церкви и монашеству, то восхищаешься той мыслью, что вотъ ни образованность, ни начитанность, ни многосложныя заботы столичнаго труда сами по себѣ ничуть

не могутъ быть препятствіемъ ни горячей вѣрѣ, ни даже той набожности, которую многіе зовутъ „внѣшней“, но которая неизбѣжно должна истекать изъ глубины внутренняго убѣжденія, если оно сильно, правильно и ясно.

И что такое, скажу еще разъ, семья безъ религіи? Даже Герценъ, и тотъ призналъ, что строгая семья безъ религіи, семья, построенная на одномъ разсудкѣ и отвлеченномъ долгѣ (по Прудону и нѣмецкой философіи),—это какая-то *каторжная* семья.

Я позволяю себѣ выразиться такъ: семья раціоналистическая вовсе не раціональна. На что мнѣ ея обязанности, если она равно чужда и страху Божію, и всей драгоцѣнной поэзіи внѣшняго культа? Этотъ послѣдній до того важенъ, что я зналъ русскихъ людей, которые въ Бога не вѣрили, но безъ свѣтлой пасхальной заутрени и безъ пасхи и красныхъ яицъ въ семьѣ обойтись не могли и не желали.

Я говорилъ сейчасъ про семью счастливую въ житейскомъ отношеніи. И прибавлю еще вотъ что: если члены этой счастливой семьи находятъ для души своей полезнымъ общеніе съ монашествомъ, то что сказать о семьяхъ несчастныхъ, несогласныхъ, бѣдныхъ, разстроенныхъ?

Отъ сколькихъ бы несчастій, недоразумѣній, безумствъ, самоубійствъ могло бы предохранить людей вліяніе аскетическаго ученія и вообще то, что можно назвать православной мистикой!

Надо правду сказать, въ многолюдномъ и такъ и сякъ образованномъ среднемъ классѣ нашего русскаго общества жизнь стала очень теперь тяжела. Физическія силы вообще слабы, вещественныя условія часто жестоки, потребности и претензіи велики, убѣжденія шатки, правила неясны.

Отчаяніе, тоска или озлобленіе овладѣваютъ молодыми умами при первой же встрѣчѣ съ жизнью, при первыхъ препятствіяхъ и неудачахъ.

Нигилизмъ—такъ ясенъ и такъ выразителенъ!

Нигилизмъ ли наступательный — революція, убійства, смерть на висѣлицѣ. Нигилизмъ ли пассивный —револьверъ, хлороформъ, дигиталинъ и морфій,—все это прямо, сильно,

ясно! Противъ яснаго, сильнаго и прямого нельзя дѣйствовать средствами средними, осторожными и умѣренными. Нельзя надѣяться на внушенія практическаго разсудка, на родительскіе и учительскіе совѣты своекорыстнаго житейскаго благоразумія, на одну долбню классическаго воспитанія, на умѣренно „консервативныя“ статьи газетъ и журналовъ.

Противъ крайняго и прямого нужно другое—крайнее и прямое.

Христіанская мистика (я говорю *именно мистика,* а не одна мораль) ученіе аскетизма, вѣра въ *мою,* въ мою *личную* загробную жизнь, ученіе страха Господня, страха, неизбѣжно перерождающагося въ любовь въ сердцахъ благородныхъ,—это вещь тоже прямая, ясная, сильная. Она можетъ воспламенять молодыя сердца, она можетъ покорять характеры сильные и умы независимые!

А не эта жалкая *чистая этика;* не эта презрѣнная и умѣренная, немного стоическая, немного эпикурейская мораль—раціональной буржуазности! „Что мнѣ до нея“! скажетъ смѣлый русскій юноша, и будетъ правъ.

Я приводилъ въ примѣръ семью религіозную и живущую въ согласіи и любви.

Но не трудно вообразить себѣ и такихъ супруговъ, которые оба благочестивы, оба вѣруютъ, но не въ силахъ любить другъ друга и не могутъ жить въ согласіи. Никакой искренній человѣкъ не станетъ увѣрять, что для семейнаго согласія и мира достаточно одной религіозности. Это, конечно, была бы безполезная ложь. Простолюдины наши, напримѣръ, вообще религіозны. Но много ли въ ихъ средѣ семействъ, которыя намъ покажутся счастливыми? Мы знаемъ, *что* творится въ ихъ семьяхъ! Но, во-первыхъ, въ большинствѣ случаевъ простолюдины наши представляютъ собою крайнюю противоположность нашей „интеллигенціи“. Какъ бы дурно ни вела себя на практикѣ жизни эта русская „интеллигенція“, она все-таки (за послѣдніе полвѣка) привыкла *думать* больше о *морали*, чѣмъ о *вѣрѣ*; простолюдинъ же русскій, наоборотъ, больше думаетъ о вѣрѣ, чѣмъ о нравственности, изъ нея истекающей. „Интеллигенція“ готова по мѣрѣ душев-

ныхъ силъ своихъ (весьма, впрочемъ, теперь незначительныхъ) принимать моральные выводы христіанства, но неохотно довѣряетъ его мистическимъ основамъ. Простолюдинъ нашъ — наоборотъ; не сомнѣваясь ничуть въ этихъ мистическихъ основахъ, онъ ужъ слишкомъ мало заботится о моральныхъ выводахъ. Я не на то указываю, что онъ даетъ своимъ страстямъ (конечно, болѣе сильнымъ и грубымъ, чѣмъ наши) побѣждать свои правила: это случается безпрестанно со всѣми христіанами безъ исключенія. Всѣ грѣшны, всѣ должны бороться и всѣ падаютъ! Я указываю на то, что русскій простолюдинъ очень мало *думаетъ* даже о правилахъ христіанской морали. Онъ ею недостаточно пропитанъ. Интеллигенція же наша, конечно, болѣе мужика чувствительная къ этой морали, слишкомъ отстала отъ мистическихъ основъ ея—и только теперь начинаетъ какъ будто бы къ ней возвращаться.

Идеалъ же христіанства есть гармоническое сопряженіе того и другого. Или точнѣе сказать: ясное пониманіе мистики христіанской и сердечная ей преданность неизбѣжно повлечетъ за собой улучшеніе и морали.

Свѣтская литература въ теченіе долгаго времени пріучала общество наше смотрѣть на бракъ и семью слишкомъ идеально. *Но романтическій и моральный идеализмъ и христіанскій спиритуализмъ—большая разница.* Бракъ есть духовное таинство, а не достиженіе сердечнаго идеала. Послѣдній можетъ легко обмануть, а таинство для вѣрующаго человѣка—все будетъ таинствомъ. Вѣрующій человѣкъ и въ несчастливомъ бракѣ о святынѣ этого таинства не забудетъ. И если жить вмѣстѣ станетъ уже невозможнымъ, то недовольные другъ другомъ, но оба сильно вѣрующіе супруга разойдутся по обителямъ, а не станутъ ни убивать другъ друга, ни развлекаться на сторонѣ. И дѣтямъ даже, если они есть,—примѣръ будетъ совсѣмъ иной.

Для семьи нужна православная мистика. Она смягчаетъ горести несчастной семьи, она озаряетъ счастливую семью свѣтомъ наивысшей поэзіи.

Для сохраненія основныхъ началъ этой мистики, для накопленія ея объединяющихъ преданій необходимы монастыри. Ихъ вліяніе на семейную жизнь, прямое и косвенное, незамѣнимо *ничѣмъ*—никакой иной педагогіей, никакой своевольно-мягкой моралью.

Поэтому хорошо, что столь многія образованныя и благовоспитанныя дѣвушки и женщины (вдовы или въ семьѣ уже слишкомъ несчастныя) идутъ теперь въ женскія общины; хорошо, что онѣ постригаются; хорошо, что онѣ подчиняются старцамъ и живутъ ихъ наставленіями.

Хорошо это не только для нихъ самихъ, для спасенія ихъ собственныхъ душъ,—это хорошо и для мірянъ, это для всѣхъ насъ полезно, это для цѣлей Россіи благотворно и, усиливаясь, можетъ стать для нея и спасительно, ибо отразится неизбѣжно на всей мірской жизни.

Честь и слава этимъ труженицамъ благого примѣра. Бремя добросовѣстнаго монашества—не легкое бремя. Онѣ сѣютъ, а мы только жнемъ; мы только „входимъ въ ихъ трудъ!".

И это новое движеніе русскихъ женщинъ также признакъ немалаго значенія!

И оно хотя и не такъ многоцѣнно, по моему мнѣнію, какъ религіозный поворотъ въ умахъ образованныхъ мужчинъ, но все-таки свидѣтельствуетъ сильно о подъемѣ православныхъ чувствъ въ современной намъ Россіи.

Прочно ли все это? Кто знаетъ!

Вѣра въ истину Церкви Божіей не требуетъ непремѣнно вѣры *и въ постоянное торжество Церкви земной*, „воинствующей", а тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ объ одной мѣстной Церкви, о русской, и даже, точнѣе выражаясь—о русскомъ обществѣ.

Вѣрить безусловно въ прочность и глубину этого прекраснаго движенія я не обязанъ (хотя бы и пламенно желалъ вѣрить); однако, судя по общему ходу европейской исторіи и особенно по безвыходности мысли западной *) передъ

*) Когда рѣчь идетъ о безвыходности западной мысли во второй половинѣ XIX вѣка, то необходимо прежде всего указать на книгу г. Страхова— „Борьба съ Западомъ". Я убѣжденъ, что тотъ, кто не прочелъ внимательно

вступленіемъ въ новый XX вѣкъ, можно надѣяться, что все большее и большее разочарованіе наше въ этой западной мысли будетъ много способствовать тому, чтобы *супернатурализмъ**) въ умахъ нашихъ надолго бы взялъ верхъ надъ

оба тома этого замѣчательнаго труда, не можетъ понять, *въ чемъ же именно* состоитъ эта безвыходность, съ тою ясностью, съ которой онъ пойметъ это послѣ прочтенія. Положимъ, что и въ этой книгѣ, какъ и вообще въ сочиненіяхъ г. Страхова, *тоже* нѣтъ *ясныхъ* „выходовъ въ жизнь"; нѣтъ никакого положительнаго, осязательнаго, такъ сказать, идеала; но зачѣмъ требовать отъ писателя непремѣнно того, чего онъ дать не можетъ; гораздо лучше извлечь себѣ пользу изъ того, въ чемъ онъ силенъ. Г. Страховъ— прежде всего *критикъ*. И „Борьба съ Западомъ" есть *только* критика почти всѣхъ европейскихъ воззрѣній, системъ, идеаловъ и надеждъ за послѣдніе полвѣка. Но критика эта превосходна и вѣрна до неотразимости! Передъ читателемъ проходятъ другъ за другомъ: Фейербахъ, Дарвинъ, Ренанъ, Дж. Ст. Милль, Штраусъ, Герценъ (какъ разочарованный въ Западѣ— западникъ), коммунары и т. д. И всюду выводъ отрицательный по отношенію къ тѣмъ идеаламъ, которымъ Европа такъ пламенно начала служить съ половины прошлаго столѣтія и, по роковой инерціи, продолжаетъ на практикѣ жизни служить до сихъ поръ, уже *чуя* ихъ несостоятельность.

Другого труда въ этомъ родѣ и близкаго по достоинству у насъ нѣтъ.

Жаль только, что заглавіе этой книги крайне неудачно и не соотвѣтствуетъ содержанію. Ее нужно бы назвать не—Борьба съ Западомъ, а—*Самоосужденіе Запада*. Только одинъ Герценъ еще у мѣста при такомъ заглавіи. Если бы вслѣдъ за Герценомъ являлись бы не Ренанъ, Фейербахъ и т. д., а Кирѣевскій, Хомяковъ, Аксаковъ, Данилевскій, Катковъ (*послѣдняго періода*) и др. русскіе, боровшіеся въ литературѣ, политикѣ противъ западныхъ идеаловъ, то тогда названіе книги было бы правильно; а теперь оно ошибочно. Но эта бѣда, конечно, небольшая, и если бы отъ меня зависѣло, то я бы *молодыхъ людей прежде всего ее бы заставлялъ читать*!

*) Для непонимающихъ: „*суперъ-натурализмъ*" —ученіе обо всемъ *сверхъестественномъ*, вѣра въ *сверхъ-естественное*. Будетъ это вѣра правильная или нѣтъ, все равно. Православная или католическая вѣра въ *чудеса* и таинства, хлыстовщина, мусульманство, спиритизмъ, вѣра въ домовыхъ, оборотней, вѣдьмъ, въ колдовство, гаданье: все это одинаково—относится къ *суперъ-натурализму* и все это (какъ ни различно) но несравненно лучше, чѣмъ *общечеловѣческая земная польза*, (разсудочный *утилитаризмъ*), идеалы которой въ томъ, чтобы *всѣ люди* отъ полюса до полюса стали *мирны, образованы, счастливы*, и похожи на нынѣшнихъ западныхъ буржуа.—(Это примѣчаніе автора взято нами изъ его тетради, въ которой онъ наклеивалъ свои отпечатанныя статьи. *Ред.*).

утилитарной раціональностью, износившейся за сто лѣтъ господства.

А въ этомъ-то супернатурализмѣ и состоитъ вся главная и основная сила движенія. Ибо при расположеніи ума ко всему сверхчувственному и при возрастающемъ у насъ отвращеніи къ послѣднимъ плодамъ всеуравнивающаго и всепринижающаго прогресса,—церковное ученіе наше и *настоящая* церковно-христіанская мораль (т. е. не оскобленная со всѣхъ сторонъ до мертвенной сухости) найдутъ себѣ легкій доступъ въ русское теплое сердце, не напрасно тоскующее!

Надъ могилой Пазухина *).

Сколько бодрыхъ жизнь поблекла
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!,
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терзитъ!
(Жуковскій, „Торжество побѣдителей").

Умеръ Пазухинъ, котораго имя такъ неразрывно связано съ великимъ *исправительнымъ* движеніемъ 80-хъ годовъ. Давно-ли мы погребали и гр. Дмитрія Толстого, который сумѣлъ оцѣнить Пазухина и избралъ его себѣ въ помощники въ то время, когда рѣшился такъ смѣло и почти неожиданно приступить къ перестройкѣ расшатаннаго эгалитаризмомъ россійскаго государственнаго зданія?

Рухнули въ вѣчность два столпа церкви русской—Алексій и Никаноръ.

А „Вѣстникъ Европы" живъ. Издаются по-прежнему „Новости", и все тѣмъ же Нотовичемъ. Даже Шелгуновъ, и тотъ еще печатаетъ свои творенія.

И всѣ эти русскіе и полу-русскіе Терзиты не только живы и дѣйствуютъ, но даже за послѣдніе два года имъ посчастливилось втянуть въ свою заразительную трясину и такого Аякса мистической и философской мысли, какъ Владиміръ Соловьевъ!..

И старый безумецъ Левъ Толстой продолжаетъ безнаказанно и безпрепятственно проповѣдывать, что Бога нѣтъ, что всякое государство есть зло и, наконецъ, что пора прекратить существованіе самого рода человѣческаго на землѣ.

И онъ не только живъ и свободенъ, но и мы сами всѣ, враги его бредней, увеличиваемъ его преступную славу, возражая ему!..

Какъ же быть? Что дѣлать? Чему вѣрить? На что намъ надѣяться?

Разныя теченія жизни и мысли русской теперь такъ противоположны и такъ сильны.

---

*) „Гражданинъ", 1891 г.

Начнешь думать, начнешь вспоминать то, что видѣлъ, что слышалъ, что читалъ за послѣднія пять лѣтъ... И не знаешь—какому чувству дать волю: радости, или скорби за родину?—надеждѣ, или унынію?—стыду, или гордости? Правильныя, здравыя, цѣлительныя русскія чувства и понятія, правда, растутъ, растутъ съ давно неслыханною силой; но и силы разрушительныя, идеалы космополитической пошлости ничуть еще не хотятъ сдаваться... А въ сосѣдней и, къ несчастію, уже столь близкой намъ по духу Европѣ, все чаще и чаще слышны глухіе удары подземнаго огня.

Медленно, но *вѣрно* растетъ вглубь и вширь сила *послѣдней* революціи, неслыханной до нашего вѣка въ исторіи попытки все сравнять въ однообразіи „средняго" рабочаго человѣка.

Въ Португаліи, въ Бельгіи, въ Италіи, въ Англіи, во Франціи, въ Германіи—вездѣ, на глазахъ нашихъ, все зрѣетъ и зрѣетъ соціальный вопросъ.

Религія вездѣ почти въ презрѣніи или открыто гонима.

Въ значеніе монархическаго начала для Европы XX вѣка (который все ближе и ближе къ намъ съ каждымъ днемъ) кто, по совѣсти говоря, можетъ вѣрить? Развѣ тотъ, кто не умѣетъ читать живую книгу современной исторіи...

Всѣ западныя континентальныя державы на глазахъ нашихъ легко могутъ стать такими же умѣренно-якобинскими республиками, какъ Франція.

Даже *лично* всѣ современные намъ монархи Запада не обѣщаютъ ничего особеннаго; всѣ они, за исключеніемъ Вильгельма II, или бездарны, или малолѣтни, или безсильны. Ни объ одномъ изъ нихъ не слышно ничего знаменательнаго.

Вотъ и мудрѣйшіе изъ всѣхъ людей на Западѣ—представители римскаго духовенства—и тѣ, въ лицѣ кардинала Лавижери, предлагаютъ церкви своей примириться съ республикой...

Въ Европѣ теперь единственная, *пока* еще дѣйствительная, монархическая сила видна только въ положеніи германскаго императора. И то благодаря лишь тому, что „военные лавры" Гогенцоллерновъ еще свѣжи и не помяты жесткой

рукой историческаго рока. Но императоръ Вильгельмъ хочетъ мчаться „на всѣхъ парахъ“ къ мечтательнымъ цѣлямъ, и пошатнись только онъ, потерпи только онъ одно серьезное пораженіе на полѣ какой-нибудь битвы,—что останется тогда въ разъѣденной либерализмомъ Германіи отъ монархіи Гогенцоллерновъ, кромѣ исторической памяти?

Да! Европа идетъ все быстрѣе и быстрѣе теперь къ осуществленію того идеала всеобщей „мѣщанской“ республики, о которомъ многіе только мечтали и писали полвѣка тому назадъ.

Мнѣ могутъ возразить, что соціализмъ рабочихъ есть злѣйшій врагъ того капиталистическаго мѣщанства, которое исключительно господствуетъ въ такихъ республикахъ, какъ нынѣшняя французская, и всѣ безъ исключенія республики Новаго Свѣта; и что, признавая неотвратимый и непрерывный ростъ соціализма, нельзя вѣрить въ будущность того якобинизма, который по сію сторону Атлантическаго океана осуществленъ пока лишь въ одной Франціи...

На это я отвѣчу такъ: конечно, повсемѣстное господство мѣщанскаго капитализма можетъ быть весьма непродолжительно. Но *пережить* его придется всей Европѣ неизбѣжно. Съ чистой повсемѣстной капиталистической и „раціональной“ республикой соціализму, выждавъ свое время, гораздо легче будетъ справиться, чѣмъ съ такимъ болѣе сложнымъ обществомъ, въ которомъ церковь, монархія и высшія сословія еще не совсѣмъ утратили свое вліяніе.

Окончательная побѣда соціализма или совершенная его негодность одинаково могутъ обнаружиться съ полной ясностью только тогда, когда, по выраженію Карлейля, „голодъ и дендизмъ (богатство, роскошь) станутъ лицомъ къ лицу“. Только тогда возможно будетъ рѣшеніе этой страшной тяжбы, когда, кромѣ этихъ двухъ антагонистическихъ силъ, богатства и нужды, труда и капитала, не будетъ уже никакой третьей, внѣ ихъ и надъ ними стоящей, регулирующей и примиряющей общественной силы.

Религія играетъ теперь вездѣ на Западѣ второстепенную и служебную роль; серьезныя привилегіи сословій и общинъ

почти всѣ давно уничтожены; еще держится кой-какъ монархія.

Но и она должна погибнуть.

Еще въ 40-хъ годахъ большинство представителей теоретическаго соціализма утверждало, что демократическая республика есть та политическая форма, при которой единственно возможно осуществленіе соціальныхъ задачъ.

Вотъ почему я говорю, что мѣщанскую всеобщую и, быть можетъ, и федеративную (т. е. *международную*) республику придется Западу скоро переживать.

Слова Прудона, сказанныя имъ въ 51-мъ году, оказываются теперь пророческими словами. „Церковь,—говоритъ онъ,—какъ умирающая старая грѣшница, молитъ о примиреніи; боги ушли; цари уходятъ; привилегіи исчезаютъ; всѣ хотятъ быть тружениками, „рабочими". Съ одной стороны—потребности удобствъ и нѣкотораго изящества отвращаютъ въ наше время уличную толпу отъ прежняго грубаго „санкюлотизма"; съ другой—аристократія, ужасаясь своей малочисленности, спѣшитъ укрыться въ рядахъ буржуазіи... Франція, выражая все болѣе и болѣе свой истинный характеръ, даетъ примѣръ и толчокъ всему свѣту, и революція торжествуетъ, *воплощенная въ среднемъ сословіи*".

Я совершенно согласенъ съ Прудономъ. Революція XVIII и XIX вѣковъ вовсе не значитъ терроръ какой-нибудь и казни (терроръ можетъ быть и „бѣлый"); она не есть рядъ періодическихъ возстаній (возстанія Польши; возстанія басковъ въ Испаніи, Вандея во Франціи были *реакціоннаго*, а не *революціоннаго, не уравнительнаго* характера); революція не есть какое-нибудь вообще *антилегальное движеніе* (не все *легальное* зиждительно, и не все съ виду беззаконное разрушительно); такія опредѣленія *современнаго намъ революціоннаго движенія* односторонни, узки и сбивчивы.

Если же мы скажемъ, вмѣстѣ съ Прудономъ, что революція нашего времени есть стремленіе *ко всеобщему смѣшенію* и *ко всеобщей ассимиляціи* въ *типѣ средняго труженика*, то все станетъ для насъ понятно и ясно. Прудонъ можетъ желать такого результата; другіе могутъ глубоко ненавидѣть

подобный идеалъ; но и врагу, и приверженцу станетъ все ясно при такомъ опредѣленіи революціи. Европейская революція есть всеобщее *смѣшеніе,* стремленіе уравнять и обезличить людей въ типѣ *средняго,* безвреднаго и трудолюбиваго, но безбожнаго и безличнаго человѣка,—немного эпикурейца и немного стоика.

Для Запада это ясно. Но кто возьмется рѣшить теперь, будетъ ли эта ассимиляціонная революція *неотвратимо всемірной,* или найдетъ и она свой естественный и непреодолимый предѣлъ?

И если встрѣтитъ она, наконецъ, могучій и побѣдоносный отпоръ,—то откуда ждать его?

Отъ „потрясеннаго Кремля?“ Или отъ „стѣнъ недвижнаго Китая?“

Подумаемъ, вспомнимъ, окинемъ умственнымъ взглядомъ нашимъ весь земной шаръ.

Гдѣ *новыя,* сильныя духомъ неизвѣстныя племена?

Ихъ нѣтъ нигдѣ. Азіатскіе народы—древни, африканскіе—бездарны, Америка—это все та же Европа, только болѣе грубая и болѣе бѣдная историческимъ содержаніемъ. Америка, молодая государственно, — національно и культурно очень стара.

Все человѣчество старо. И не даромъ у него сухой разсудокъ все растетъ и растетъ; а воображеніе, чувство, фантазія и даже воля—все слабѣютъ и слабѣютъ.

Не молоды и мы. Оставимъ это безумное самообольщеніе! Быть въ 50 лѣтъ моложе 70-ти лѣтняго старика—еще не значитъ быть юнымъ.

Быть исторически немного (быть можетъ, лѣтъ на 100) моложе Франціи, Англіи, Германіи — еще не значитъ быть молодымъ государствомъ, а тѣмъ болѣе молодой націей, какъ думаютъ у насъ многіе.

Печальная иллюзія! Опасная ошибка!

Не вѣрнѣе ли, не полезнѣе ли, ничуть не падая духомъ, но и не ослѣпляясь привычными фразами, „не обростая сло-

вами *) (какъ любятъ обростать ими, напримѣръ, всѣ „чистые“ славянофилы) сказать себѣ такъ:

— Нѣтъ, мы не молоды! Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы даже дряхлы и не чужды всѣмъ тѣмъ недугамъ, которыми обыкновенно страдаютъ страдающіе народы. Но есть старость— и старость. Есть организмы, которые очень долго могутъ бороться съ одолѣвающими ихъ недугами послѣдняго разрушенія, и есть другіе, которые не въ силахъ вынести такой долгой борьбы. И мы не молоды уже, но благодаря тому, что правительство наше не отступилось отъ церкви, и благодаря тому, что церковь восточная всегда считала и считаетъ монархическую форму правленія наилучшей формой для осуществленія воли Божіей на землѣ, — мы еще не скоро сдадимся. Мы не осуществили еще въ исторіи назначенія нашего; мы можемъ думать и мечтать объ этомъ назначеніи весьма различно. Но несомнѣнно и то, что міровое назначеніе у насъ есть; ясно и то, что оно еще не исполнено. *Міровое* не значитъ—*сразу* и *просто космополитическое*, т. е. къ *своему* равнодушное и презрительное. Истинно міровое есть прежде всего *свое собственное*, *для себя* созданное, *для себя* утвержденное, *для себя* ревниво хранимое и развиваемое, а когда чаша народнаго творчества или храненія переполнится *тѣмъ именно особымъ напиткомъ, котораго нѣтъ у другихъ народовъ* и котораго они ищутъ и жаждутъ, тогда кто удержитъ этотъ драгоцѣнный напитокъ въ краяхъ національнаго сосуда!?— Онъ польется самъ черезъ эти края національзма, и всѣ чужіе люди будутъ утолять имъ жажду свою.

Я говорю: важно и спасительно для старѣющей Россіи не только то, что государство у насъ не отступается отъ церкви, но и то, что Восточная Православная Церковь монархическую форму правленія вообще почитаетъ за наилучшую для *задержанія* народовъ на пути безвѣрія, для наиболѣе поздняго наступленія *послѣднихъ временъ*. И это не только у насъ, въ

*) Это удачное выраженіе „обростать словами“ принадлежитъ не мнѣ, а Каткову. Катковъ про И. С. Аксакова говорилъ: „онъ весь *обросъ* словами!“ Удивительно вѣрно!

Россіи, но и въ средѣ восточныхъ единовѣрцевъ нашихъ такъ думали еще недавно всѣ тѣ люди, у которыхъ религіозныя чувства не были подавлены и совращены съ прямого пути эмансипаціоннымъ націонализмомъ. Напримѣръ, было время, когда именно самые умные и самые религіозные изъ грековъ находили власть султана болѣе полезной *для вѣры*, чѣмъ власть аѳинскаго парламента. Если все это позднѣе значительно измѣнилось, то, конечно, не *по существу* дѣла, но потому, что турки стали теперь слишкомъ современными *„европейцами“*, въ самомъ дурномъ, антирелигіозномъ значеніи этого слова. Они стараются *ослабить* вѣру своихъ православныхъ подданныхъ, чего въ старину они вовсе не имѣли въ виду. Въ старину они угнетали *ихъ самихъ*, какъ людей, но ихъ *вѣры*, ихъ церковныхъ порядковъ они не касались.

Есть у меня небольшое поученіе епископа и затворника Ѳеофана *), подъ названіемъ „Отступленіе въ послѣдніе дни міра“.

Вотъ какъ понимаетъ этотъ мыслящій аскетъ великое, *мистическое* значеніе *какой бы то ни было* монархической власти, а тѣмъ болѣе, конечно, православной.

Изобразивши сначала, какъ будутъ возрастать все больше и больше и невѣріе, и *разновѣріе*, до того, что наконецъ, почти у каждаго будетъ своя вѣра, преосвященный Ѳеофанъ продолжаетъ такъ:

„Древніе толковники св. Писанія силою, удерживающею явленіе антихриста, считали, между прочимъ, и римское царство. Въ ихъ время, когда римское царство еще существовало, можно было на него указывать, основываясь на пророчествѣ Даніила. Въ наше время, если можно давать какой-нибудь вѣсъ подобной мысли, то развѣ въ томъ отношеніи, если подъ римскимъ царствомъ будемъ разумѣть царскую власть вообще. Царская власть, имѣя въ своихъ рукахъ способъ удерживать движенія народныя и держась сама началъ христіанскихъ, не попустить народу уклониться отъ нихъ, будетъ сдерживать его.

А такъ какъ антихристъ главнымъ дѣломъ своимъ будетъ имѣть отвлеченіе всѣхъ отъ Христа, то онъ и не явится, пока

*) Тамбовскаго или Воронежскаго—не помню.

будетъ въ силѣ царская власть. Она не дастъ ему развернуться и помѣшаетъ ему дѣйствовать въ его духѣ. Вотъ и это есть удерживающее.

Когда же всюду заведутъ самоуправство, республики, демократію, коммунизмъ,—тогда антихристу откроется просторъ для дѣйствованія. Сатанѣ не трудно будетъ подготовлять голоса въ пользу отреченія отъ Христа, какъ это показалъ опытъ во время французской революціи прошедшаго и нынѣшняго столѣтій. Некому будетъ сказать властное „veto" (не позволяю), а смиреннаго заявленія вѣры и слушать не станутъ. Вотъ когда заведутся всюду такіе порядки, благопріятствующіе раскрытію антихристовскихъ стремленій, тогда явится и антихристъ. До того же времени подождетъ, удержится.

На эту мысль наводятъ слова св. Златоуста, который въ свое время представлялъ царскую власть подъ видомъ римскаго государства. „Когда,—говоритъ онъ,—прекратится существованіе римскаго государства (т. е. царской власти), тогда придетъ антихристъ; а до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ бояться этого государства (т. е. царской власти), никто скоро не подчинится антихристу. Послѣ же того, какъ оно будетъ разрушено и водворится безначаліе,—онъ устремится похитить власть и Божескую, и человѣческую". Можно бы возразить при этомъ, что народъ самъ будетъ блюсти свою вѣру. Но трудно допустить, чтобы вѣра съ теченіемъ времени возрастала въ своей силѣ все болѣе и болѣе. *Пріятно встрѣчать у нѣкоторыхъ писателей свѣтлыя изображенія христіанства въ будущемъ* *), *но нечѣмъ оправдать ихъ*. Точно, благодатное царство Христово расширяется, растетъ и полнѣетъ, *но не на землѣ—видимо, а на небѣ—невидимо,* изъ лицъ, и тамъ, и здѣсь, въ царствахъ земныхъ, приготовляемыхъ туда спасительною силою Христовою. *На землѣ же Самимъ Спасителемъ предречено господство зла и невѣрія; оно и расширяется видимо, и когда уже очень возобладаетъ, тогда дѣло будетъ*

евреи

*) Напр. у Достоевскаго и Влад. Соловьева. (Примѣч. К. Леонтьева).

только за починомъ; подай только кто-либо вліятельный примѣръ или голосъ сильный, и отступленіе отъ вѣры начнется.

Этотъ починъ и сдѣлаетъ антихристъ. Отсюда можно заключить, что удерживающее явленіе его есть еще и то, что нѣтъ должной подготовки къ принятію его, еще не взяли перевѣсъ невѣріе и нечестіе, еще много вѣры и добра въ родѣ человѣческомъ". (Душеполезныя размышленія. Выпускъ 7-й, 1881 г. „*Отступленіе въ послѣдніе дни міра*"—преосв. еп. Өеофана, стр. 9—14). Такъ думаетъ еп. Өеофанъ.

Что жъ слѣдуетъ изъ этого? Какое отношеніе имѣетъ это широкое, всемірное и печальное пророчество къ тѣмъ скромнымъ, повидимому, практическимъ и даже будничнымъ задачамъ, которыя имѣли въ виду графъ Д. Толстой и Пазухинъ?

Отношеніе весьма тѣсное, по-моему.

Если стать на духовно-церковную точку зрѣнія епископа Өеофана; если принять вмѣстѣ съ нимъ, что республика *(въ наше время, конечно)* неизбѣжно, черезъ равномѣрную и слишкомъ большую личную свободу, ведетъ къ безбожію, къ торжеству антихристіанскихъ началъ, ибо при этой формѣ правленія, нѣтъ уже никакой *внѣшней силы*, которая могла бы, посредствомъ множества разнообразныхъ мѣръ огражденія, задерживать ходъ *внутренней* заразы, если вспомнить при этомъ о взглядахъ тѣхъ государственныхъ людей и мыслителей, которые не вѣрили въ прочность монархій *смѣшанныхъ, безсословныхъ, эгалитарныхъ*, то станетъ ясно, что и съ точки зрѣнія *истиннаго христіанства, духовно-церковнаго, именно въ наше время, неравноправность политическая* (и даже отчасти гражданская) *въ высшей степени полезна и спасительна для самой личной вѣры.*

Для *задержанія* народовъ на пути антихристіанскаго прогресса, для удаленія срока пришествія антихриста (т. е. того могущественнаго человѣка, который возьметъ въ свои руки все противохристіанское, противо-церковное движеніе) *необходима сильная царская власть.* Для того же, чтобы эта царская власть была *долго сильна*, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародныя толпы,

своекорыстныя, страстныя, глупыя, подвижныя, легко развратимыя; но—напротивъ того—необходимо, чтобы между этими толпами и Престоломъ Царскимъ возвышались *прочныя сословныя ступени*; необходимы *боковыя опоры* для зданія долговѣчнаго монархизма.

Я позволю себѣ сказать даже нѣчто больше́е и совершенно противное преобладающему теченію мнѣній и дѣлъ въ XIX вѣкѣ.

Сами сословія или, точнѣе, сама *неравноправность* людей и классовъ важнѣе для государства, *чѣмъ монархія*.

Мы видѣли въ исторіи *долговѣчныя*, сильныя, цвѣтущія республики, болѣе или менѣе аристократическія; мы не видали *долговѣчныхъ* демократическихъ монархій. Ихъ, строго говоря, и не было никогда до начала XIX вѣка, *до воцаренія* Наполеона I. Были въ древности монархіи болѣе или менѣе *демократизованныя* подъ старость; *чисто-эгалитарныхъ* государствъ не могло быть уже по тому одному, что во всѣхъ нихъ допущено было *рабство*. И, однако, далеко *не полная* равноправность послѣднихъ вѣковъ Греціи и Рима, напримѣръ, была достаточной для ихъ разслабленія.

Въ могучей и столь культурной Венеціи не было монархіи; власть дожа была ничтожна.

Англія (нынѣ уже демократизованная и столь уже похожая на всѣ другія державы европейскаго материка) – исполнила въ исторіи свое великое назначеніе не *благодаря конституціи* своей, а *вопреки ей*. Если бы прочность, сила, творчество и т. д. зависѣли отъ *самой конституціи*, то, перенимая у Англіи только эту сторону ея жизни, всѣ государства Западной Европы должны были бы возрасти во внутреннемъ могуществѣ своемъ. Однако мы видимъ, что всѣ эти западныя государства испортили конституціей свой древній и прочный государственный строй и шагъ за шагомъ идутъ къ республиканской федераціи, къ утратѣ дѣйствительной самобытности. Изъ этого уже одного мы вправѣ заключить, что величіе прежней Англіи зависѣло гораздо болѣе отъ политической *неравноправности*, чѣмъ отъ политической *свободы*. Политическая неравноправность была въ Англіи противоядіемъ,

противовѣсомъ политической свободѣ; лишь благодаря долгой *неравноправности*, Великобританія такъ долго, такъ успѣшно и поучительно *переносила* свободу!

Въ прежней Франціи монархія была самодержавна и сословна; въ Англіи монархія была издавна ограничена, но строй общества весьма неравноправенъ—гдѣ по закону, а гдѣ только фактически, но глубоко; въ Венеціи истиннаго монарха вовсе не было, но была аристократія. И всѣ три государства эти были въ свое время великими, не по боевой только силѣ, а внутренно-могучія, своеобразныя (т. е. культурныя) государства.

Общая черта политической жизни у нихъ была только одна—*неравноправность*.

Вотъ прямая и откровенная постановка государственнаго дѣла, безъ всякихъ лже гуманныхъ жеманствъ.

Кто можетъ отвергнуть такіе грубые факты?

Сословная монархія, конечно, лучше и тверже аристократической республики, но аристократическая республика всетаки *надежнѣе* эгалитарной монархіи, воздвигнутой на *смѣшанной*, зыбкой общественной почвѣ.

Нація, когда-то сословная, нація, которая росла и развивалась (то есть *разнообразилась жизнью въ возрастающемъ единствѣ власти*), можетъ, конечно, *доживать* свой *государственный* вѣкъ въ видѣ вовсе безсословной монархіи; она, эта смѣшанная и уравненная нація, можетъ даже свершить еще великія и громкія дѣянія въ послѣдній періодъ своего *отдѣльнаго* существованія. Прежнее долговременное сословное развитіе, разумѣется, оставляетъ еще на нѣкоторое время множество такихъ слѣдовъ, такихъ *душевныхъ навыковъ*, преданій, вкусовъ и даже полезныхъ предразсудковъ, что уничтожить всѣ эти плоды сословности не могутъ сразу новыя впечатлѣнія и вліянія безсословности; но если безсословность зашла уже слишкомъ далеко; если *привычки* къ ней вошли уже въ кровь народа (а для этого гибельнаго баловства времени много не надо), если никакая *реакція* въ пользу сословности уже не выносится, то самодержавный монархизмъ, какъ бы онъ силенъ съ виду ни казался, не придастъ *одинъ* и *самъ по себѣ* долговѣчной прочности государственному

строю. Этотъ строй будетъ слишкомъ *подвиженъ* и *зыбокъ*. Тьеръ увѣряетъ, будто что еще Наполеонъ I жаловался на то, что эгалитарная почва Франціи—*песокъ*, на которомъ ничего прочнаго построить невозможно. Быть можетъ, руководимый геніальнымъ инстинктомъ своимъ, онъ и къ завоеваніямъ стремился не для того только, чтобы прославить себя и славой укрѣпить свою династію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы неравноправностью *національной*, внѣшней, *провинціальной* возмѣстить недостатокъ неравноправности внутренней, сословной, *горизонтальной*. Французы, всѣ политически и граждански между собою равные, могли бы, въ случаѣ успѣха, стать привилегированными людьми въ средѣ всѣхъ другихъ покоренныхъ націй. Великіе представители великихъ движеній стремятся ко многому и, безсознательно повинуясь историческому инстинкту своему, которому они сами нерѣдко и настоящаго названія не умѣютъ найти, и въ разговорахъ своихъ указываютъ на другія побужденія, часто гораздо болѣе узкія или низменныя. Счастливо и не совсѣмъ еще дряхло то государство, гдѣ народныя толпы еще могутъ терпѣливо выносить *неравноправность* строя. Я даже готовъ сказать и наоборотъ: счастливо то государство, гдѣ *народныя толпы* еще *не смѣютъ*, гдѣ онѣ *не въ силахъ* уничтожить эту неравноправность, если бы и не желали ее терпѣливо выносить.

Самой земной церкви, или, говоря прямѣе и точнѣе, *самому спасенію* наибольшаго числа христіанскихъ душъ,—по мнѣнію духовныхъ мыслителей, подобныхъ епископу Ѳеофану, нуженъ могучій царь, который въ силахъ надолго *задержать* народныя толпы (на неизбѣжномъ, впрочемъ) пути къ безвѣрію и разнородному *своевѣрію*. Чтобы этотъ царь, даже и *непреднамѣренно*, положимъ, могъ такимъ косвеннымъ путемъ способствовать личному, загробному спасенію многихъ душъ, чтобы даже и въ томъ случаѣ, когда онъ, заботясь прямо лишь о силѣ земного христіанскаго государства, могъ этимъ самымъ *косвеннымъ дѣйствіемъ* увеличивать число избранныхъ и для небеснаго царства (какъ говоритъ преосвященный Ѳеофанъ) ему необходима опора неравноправнаго общественнаго строя. И потому, всякій, кто служитъ этой нера-

вноправности здраво, то есть въ *предѣлахъ возможнаго и доступнаго по обстоятельствамъ и духу времени,*—тотъ, даже и не заботясь ничуть о спасеніи хотя бы моей или другой живой души христіанской, а дѣлая только свое, какъ бы сухое и практическое дѣло, *служитъ безсознательно, но глубоко, и этому спасенію.*

Прочны ли будутъ плоды теперешней исправительной реакціи нашей; окажется ли дворянство русское на высотѣ своего не только національнаго, но, быть можетъ, и мірового (по дальнѣйшимъ послѣдствіямъ) призванія,—мы этого не знаемъ. Европеизмъ и либеральность сильно расшатали основы наши за истекшій періодъ уравнительныхъ реформъ. Въ умахъ нашихъ до сихъ поръ царитъ смута; въ чувствахъ нашихъ—усталость и растерянность. Воля наша слаба; идеалы слишкомъ неясны. Ближайшее будущее Запада—загадочно и страшно... Народъ нашъ пьянъ, лживъ, нечестенъ и успѣлъ уже привыкнуть, въ теченіе 30 лѣтъ, къ ненужному своеволію и вреднымъ претензіямъ. Сами мы въ большинствѣ случаевъ не кстати мягки и жалостливы, и невпопадъ сухи и жестки. Мы не смѣемъ ударить и выпороть мерзавца и даемъ легально и спокойно десяткамъ добрыхъ и честныхъ людей умирать въ нуждѣ и отчаяніи. Изъ начальниковъ нашихъ слишкомъ многіе робки, легально-церемонны и лишены горячихъ и ясныхъ убѣжденій. Духовенство наше пробуждается отъ своего вѣкового сна ужъ слишкомъ нерѣшительно и медленно. Приверженцевъ *истинно-церковнаго, богобоязненнаго,* прямого, догматическаго христіанства еще слишкомъ мало въ средѣ нашего образованнаго общества; число ихъ, правда, растетъ и растетъ... Но желательно видѣть нѣчто *большее.* Писатели наши, за немногими исключеніями, фарисействуютъ и лгутъ. Пишутъ одно, а думаютъ и дѣлаютъ другое.

Но сила Божія и въ немощахъ нашихъ можетъ проявиться!

И недостатки народа, и даже грубые пороки его могутъ пойти ему же косвенно впрокъ, служа къ его исправленію, если только Господь отъ него не отступится скоро.

Чтобы русскому народу дѣйствительно пребыть надолго тѣмъ народомъ „богоносцемъ“, отъ котораго ждалъ такъ много нашъ пламенный народолюбецъ Достоевскій,—онъ дол-

женъ быть *ограниченъ, привинченъ*, *отечески* и *совѣстливо стѣсненъ*. Не надо лишать его тѣхъ *внѣшнихъ ограниченій* и *узъ*, которыя такъ долго утверждали и воспитывали въ немъ *смиреніе* и *покорность*. Эти качества составляли его душевную красу и дѣлали его истинно великимъ и примѣрнымъ народомъ. Чтобы продолжать быть и *для насъ самихъ* съ этой стороны *примѣромъ*, онъ долженъ быть сызнова и мудро *стѣсненъ* въ своей свободѣ; *удержанъ* свыше на скользкомъ пути эгалитарнаго своеволія. При меньшей свободѣ, при меньшихъ порывахъ къ равенству правъ будетъ больше *серьезности*, а при большей *серьезности* будетъ *гораздо* больше и того истиннаго *достоинства въ смиреніи*, которое его такъ краситъ.

Иначе, черезъ какіе-нибудь полвѣка, не болѣе, онъ изъ народа „богоносца“ станетъ мало-по-малу, и самъ того не замѣчая, „народомъ-богоборцемъ“, и даже скорѣе всякаго другого народа, быть можетъ. Ибо, дѣйствительно, онъ способенъ во всемъ доходить до крайностей... Евреи были гораздо болѣе насъ, въ свое время, избраннымъ народомъ, ибо они тогда были одни во всемъ мірѣ, вѣровавшіе въ Единаго Бога, и однако, они же распяли на крестѣ Христа, Сына Божія, когда Онъ сошелъ къ нимъ на землю.

Безъ строгихъ и стройныхъ ограниченій, безъ новаго и твердаго *разслоенія* общества, безъ *всѣхъ* возможныхъ настойчивыхъ и неустанныхъ попытокъ къ возстановленію расшатаннаго, сословнаго строя нашего,—русское общество, и безъ того довольно эгалитарное по привычкамъ, помчится еще быстрѣе всякаго другого по смертному пути *всесмѣшенія* и - кто знаетъ?—подобно евреямъ, не ожидавшимъ, что изъ нѣдръ ихъ выйдетъ Учитель *Новой Вѣры*,—и мы, неожиданно, лѣтъ черезъ 100 какихъ-нибудь, изъ нашихъ государственныхъ нѣдръ, сперва безсословныхъ, а потомъ безцерковныхъ или уже слабо-церковныхъ,—родимъ того самаго антихриста, о которомъ говоритъ еп. Ѳеофанъ, вмѣстѣ съ другими духовными писателями. Не надо забывать, что антихристъ долженъ быть еврей, что нигдѣ нѣтъ такого множества евреевъ, какъ въ Россіи, и что и до сихъ поръ еще не замолкли у насъ многіе *даже и русскіе* голоса, желающіе *смѣшать* съ нами

евреевъ посредствомъ убійственной для насъ равноправности. Покойный Аксаковъ тоже находилъ, что тотъ, кто способствуетъ равноправности евреевъ въ Россіи, *уготовляетъ путь антихристу.* Я самъ слышалъ отъ него эти слова.

Замедленіе всеобщаго предсмертнаго анархическаго и безбожнаго уравненія, по мнѣнію еп. Ѳеофана, необходимо для *задержанія* прихода антихриста.

Для замедленія всеобщаго уравненія и всеобщей анархіи, необходимъ могучій Царь. Для того, чтобы Царь былъ силенъ, то есть и *страшенъ,* и *любимъ,*—необходима прочность строя, меньшая *перемѣнчивость* и *подвижность* его; необходима устойчивость *психическихъ навыковъ* у милліоновъ подданныхъ его. Для устойчивости этихъ психическихъ навыковъ необходимы сословія и крѣпкія общины.

Честь же и слава тѣмъ немногимъ „бодрымъ“ людямъ, которые, подобно покойнымъ гр. Толстому и Алексѣю Пазухину, не „отчаялись въ спасеніи отчизны“ и сдѣлали первыя попытки, первые смѣлые шаги на пути новаго органическаго и цѣлительнаго разслоенія нашего общественнаго матеріала. Плоды попытокъ этихъ еще зелены, самыя попытки еще недостаточно, быть можетъ, глубоки и рѣшительны; но *пять какихъ-нибудь лѣтъ* для государства—немного времени. Будемъ ждать и надѣяться...

Въ наше время одно уже рѣшеніе *вступить* на подобный путь есть само по себѣ великое рѣшеніе!

Слава Толстому! Слава Пазухину! Не ихъ будетъ вина, если то доброе сѣмя, которое они такъ честно и смѣло сѣяли, не взойдетъ, какъ слѣдуетъ, и не дастъ хорошей жатвы русскимъ людямъ XX вѣка. Не правительственные дѣятели, намъ современные, будутъ виною этого безплодія, а тѣ земскія сословія наши, о которыхъ идетъ здѣсь главная рѣчь, дворянство, если оно окажется недостойнымъ стать опорой царской власти, крестьянство, если оно до того уже развращено недавней полусвободой своей, что не сумѣетъ ни стать хозяйственно на ноги, ни политически терпѣливо понести болѣе строгое и спасительное подчиненіе дворянамъ, даже и плохимъ.

Славянофильство теоріи и славянофильство жизни *).

Думая все это время о гр. Дмитріи Толстомъ, о Пазухинѣ и о попыткахъ укрѣпить снова общественный строй нашъ, до сихъ поръ еще не совсѣмъ расшатанный, я вспоминалъ не разъ и о славянофилахъ нашихъ.

Я думалъ о взглядахъ Хомякова на дворянство и другія сословія наши; о статьяхъ И. С. Аксакова въ „Руси", въ которыхъ онъ признавалъ за дворянствомъ нашимъ большое значеніе.

Вспомнилъ и о томъ, что Достоевскій (котораго также нельзя не причислить къ славянофиламъ) говорилъ благопріятно объ этомъ самомъ дворянствѣ русскомъ въ своемъ романѣ „Подростокъ". Но больше всего я думалъ о той „запальчивой" (по выраженію цензурнаго вѣдомства) статьѣ Н. П. Аксакова, за которую „Русское Дѣло" г. Шарапова было надолго запрещено (въ 89-мъ году, если не ошибаюсь).

И я не только думалъ обо всемъ этомъ, но даже и сызнова многое перечелъ.

Хомякова надо оставить пока въ сторонѣ; все, что онъ писалъ о нашихъ сословіяхъ, „о служилыхъ людяхъ", о „дружинѣ" и т. д.—было высказано около полувѣка тому назадъ, при существованіи крѣпостного права и вообще при такъ называемыхъ „Николаевскихъ" порядкахъ, которые въ сущности были лишь твердымъ охраненіемъ общественныхъ устоевъ, заложенныхъ еще Петромъ I и Екатериной II.

Хомяковъ былъ безспорно человѣкъ и глубокомысленный, и остроумный и Россію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удивительно понимавшій. Понимавшій ее (*въ нѣкоторыхъ*, повторяю, отношеніяхъ) такъ, какъ никто, быть можетъ, ее тогда не понималъ. Но ему не суждено было видѣть не только всѣхъ тѣхъ ядовитыхъ и гнилыхъ плодовъ, которые принесли съ собою новые порядки (болѣе европейскіе); но онъ не дожилъ даже и до удовольствія полюбоваться на тѣ первые всходы нашего либерализма, которые, дѣйствительно, были

*) **Гражданинъ, 1891 г.**

свѣжи, благородны и прекрасны по искренности и здравомыслію своему.

Размышляя о недавнемъ и нынѣшнемъ состояніи русскаго общества и объ истинно-спасительной *диференцирующей реакціи,* на которую столь мужественно рѣшилось вступить правительство 80-хъ годовъ, на Хомякова оглядываться много—нѣтъ повода.

Его богословскіе труды и его взгляды на обще-культурныя отношенія Россіи къ Западу, несравненно важнѣе и жизненнѣе его мнѣній по внутреннимъ нашимъ дѣламъ. Мнѣ кажется, что нѣкоторыя стороны первыхъ никогда не утратятъ своего значенія въ исторіи русскаго сознанія и во многихъ еще случаяхъ будутъ служить опорой дальнѣйшему ходу какъ религіознаго, такъ и національнаго у насъ мышленія. Когда же дѣло идетъ о нашихъ внутреннихъ порядкахъ и объ нашемъ современномъ общественномъ строѣ, то въ его сочиненіяхъ мы найдемъ иногда полезныя и остроумныя указанія историческія, но не найдемъ никакихъ, даже и отдаленныхъ предчувствій того, что намъ пришлось пережить со дня его ранней кончины.

Совсѣмъ иное дѣло оба гг. Аксаковы—покойный Иванъ Сергѣевичъ и нынѣ живущій Николай Петровичъ (если не ошибаюсь).

Послѣдній—человѣкъ еще вовсе не старый и на реформенныхъ порядкахъ возросшій; Иванъ же Сергѣевичъ лѣтъ тридцать до смерти своей провелъ въ дѣятельной борьбѣ и въ близкомъ соприкосновеніи съ *дѣйствительною жизнью* либеральной эпохи.

Они оба должны были бы *видѣть* безсословную (или почти безсословную) жизнь Россіи не изъ „прекраснаго“ мечтательнаго и теоретическаго „далека“, не сквозь искусственныя стекла какой-то національной археологіи („изба воеводская“; „изба земская“; „губные старосты“; „цѣловальники“ и т. д...);— а прямо таковою, *какова она есть,* т. е. *разъ и навсегда или испорченною, или благоустроенною Петромъ Великимъ —въ ея общественныхъ основахъ.*

Съ вѣковыми сословными преданіями надо считаться и надо какъ можно болѣе дорожить многими изъ тѣхъ именно психическихъ *навыковъ*, которые образуются у людей подъ вліяніемъ долго повторяющихся (и быть можетъ даже наслѣдственно передающихся) впечатлѣній *разнороднаго* сословнаго воспитанія.

Дворянинъ, даже и не слишкомъ „столбовой"—гораздо болѣе чѣмъ купецъ, церковникъ и разночинецъ,—привыкъ начальствовать надъ крестьяниномъ; эта власть ему сродна и не рѣдко даже *пріятна;* онъ не прочь такъ или иначе „командовать" надъ мужикомъ; но всякій справедливый человѣкъ согласится съ тѣмъ, что онъ же, дворянинъ,—и пожалѣетъ мужика, и заступится за него, и даже иногда и побалуетъ его гораздо охотнѣе, чѣмъ „коренной" купецъ, разночинецъ, церковникъ и въ особенности чѣмъ свой же братъ, разбогатѣвшій мужикъ.

Мужикъ—привыкъ испоконъ вѣку повиноваться „господамъ". Купцы, церковники, разночинцы—съ своей стороны—издавна были привычны къ мысли, что и они могутъ становиться дворянами и пользоваться дворянскими преимуществами,—одинъ, достигая почетнаго гражданства, другой—государственной выслугой, третій—учеными и художественными трудами. Даже полководцы у насъ при старыхъ порядкахъ бывали изъ „простыхъ"; Графъ Евдокимовъ былъ изъ простыхъ казаковъ; Котляревскій „бичъ Кавказа"—былъ сынъ неважнаго священника.

Въ настоящее же время и дѣти крестьянъ освобожденныхъ (*разъ и навсегда*, конечно!) отъ *личной* крѣпостной зависимости, имѣютъ возможность, подобно людямъ всѣхъ другихъ классовъ, достигать до высшихъ общественныхъ положеній, если только выполнятъ необходимыя для того образовательныя условія.

И всѣ русскіе люди, начиная отъ придворнаго сановника и до послѣдняго батрака, давно знали и знаютъ теперь, что они повинуются одному и тому же Самодержавному Государю.

Что же тутъ худого?.. Это прекрасно,— это именно то, что нужно для долговѣчности государства: *разнообразіе не смѣшанное, но организованное въ единствѣ; разнородность положеній и воспитанія*, поставленныя въ нѣкоторые юридическіе *предѣлы* для избѣжанія *разнородности хаотической*, для предотвращенія слишкомъ быстраго *смѣшенія соціальныхъ типовъ* и неопредѣленности, неустойчивости тѣхъ простыхъ и основныхъ *душевныхъ навыковъ*, которыми главнымъ образомъ опредѣляется роль человѣка въ жизни и сила его къ ней приспособленія... (Напримѣръ, навыкъ смѣло и умѣло повелѣвать, охотнѣе или неохотнѣе подчиняться; съ любовью хозяйничать, или торговать; жить охотно въ деревнѣ или предпочитать городъ; служить военнымъ или по гражданской части и т. д.).

Были неудобства въ старыхъ (дореформенныхъ) порядкахъ; нѣкоторыя тяготы ихъ стали казаться чрезмѣрными и неудобоносимыми; ихъ измѣнили; измѣнили прежде всего для *избѣжанія худшаго;* ибо *уступки послѣ* какой-нибудь пугачевщины, даже и съ чисто политической точки зрѣнія, конечно, несравненно хуже тѣхъ эмансипаціонныхъ мѣръ, которыя принимаются великодушно и предупредительно съ высоты Престола; первыя унижаютъ власть въ глазахъ народа и разъ навсегда компрометируютъ ея престижъ; послѣднія же, независимо отъ непосредственныхъ плодовъ своихъ уже тѣмъ спасительны, что, сохраняя этотъ престижъ и силу за верховной властью, даютъ ей возможность, ничѣмъ не рискуя, приступить когда нужно и къ исправленію того, что было черезъ край передѣлано въ *лѣвую,* слишкомъ либеральную или уравнительную сторону.

Были въ дореформенномъ строѣ неудобства, были тяготы неудобоносимыя („по духу времени“ больше, чѣмъ по *существу* самаго дѣла), были несомнѣнныя опасности,—ихъ постарались устранить, предотвратить, обезвредить... Чего же больше?

Почему же новѣйшая сословная реакція такъ не нравится „чистымъ славянофиламъ“, „старымъ по духу“, хотя и молодымъ по годамъ?... Славянофилы вѣдь всегда хотѣли независимо-

сти отъ Запада. „Западъ гніетъ“. Согласенъ. Но почему же непремѣнно думать, что гніеніе это выражается только безбожіемъ и раціонализмомъ; а безсословность и равенство самыхъ гражданскихъ правъ есть безусловное благо? Гніеніе это выражается и тѣмъ, и другимъ: безвѣріемъ и безбожіемъ въ области философской; безсословнымъ строемъ и спутанностью соціальныхъ типовъ въ дѣлѣ государственномъ.

Итакъ—уже одно то, что современная Россія (Россія 80-хъ годовъ) пытается и какъ бы инстинктивно стремится свернуть и въ дѣлѣ привилегій и правъ *съ общеевропейскаго пути*, есть уже само по себѣ—и въ славянофильскомъ смыслѣ хорошій признакъ; можетъ быть, даже самый лучшій, не во гнѣвъ славянофиламъ будь сказано.

Славянофилы желаютъ, чтобы русское государство было прочно, долговѣчно. Сословный строй въ десять разъ прочнѣе безсословнаго. При существованіи крѣпкихъ и *самоувѣренныхъ* высшихъ сословій, привычныхъ къ власти и нетяготящихся ею—государства живутъ дольше. (Даже Турція, въ которой, строго говоря, сословій не было ни у мусульманъ, ни у христіанъ, начала быстрѣе склоняться къ упадку, какъ только права христіанъ стали расширяться, а права мусульманъ, бывшихъ чѣмъ-то въ родѣ иновѣрнаго дворянства, начали уменьшаться).

Славянофилы всегда хотѣли, чтобы Россія жила *своимъ умомъ*, чтобы она была самобытна не только, какъ сильное государство, но какъ своеобразная государственность.

Развѣ не самобытно, развѣ не своеобразно рѣшеніе возстановить въ *новой формѣ сословія въ то самое время, когда и Германія значительно демократизована, благодаря соединенію своему,—и въ самой Англіи право первородства лордовъ едва-едва держится?* Съ этой стороны,—съ сословной,—старые славянофилы были и сами ничуть не оригинальны и для Россіи не умѣли видѣть самобытность и умственную независимость тамъ именно, гдѣ она оказалась особенно нужной.

Съ этой стороны славянофилы представлялись мнѣ всегда людьми съ самымъ обыкновеннымъ европейскимъ умѣренно-

либеральнымъ образомъ мыслей. И Государь Николай Павловичъ былъ правъ, подозрѣвая постоянно, что подъ широкимъ парчевымъ кафтаномъ ихъ величавыхъ „вѣщаній", незамѣтно для нихъ самихъ скрыты узкія и скверныя панталоны обыкновенной европейской буржуазности*).

И еще о самобытности. Николай Петровичъ Аксаковъ въ своей, къ счастью**), неодобренной начальствомъ статьѣ (Русск. Дѣло; 89 г. № 6) вознегодовалъ на сословную реформу графа Дмитрія Андреевича Толстого.

„У насъ не было настоящаго дворянства,—говорилъ онъ. Что такое русское дворянство? Оно больше ничего, какъ *наслѣдственное чиновничество*". „Екатерина II только причислила коренные древніе роды къ тѣмъ новымъ родамъ дворянскимъ, которые таковыми стали вслѣдствіе пожалованія или выслуги". „Моему роду (Аксаковыхъ) 600 лѣтъ, а мнѣ только позволено быть наравнѣ съ Меньшиковыми, Кутайсовыми" и т. д.

Въ томъ же почти родѣ описывалъ и И. С. Аксаковъ о дворянствѣ. Статьи обоихъ Аксаковыхъ очень хороши и съ исторической точки зрѣнія, быть можетъ, совершенно справедливы. Но съ точки зрѣнія *современной самобытности* что же за бѣда, что это все было такъ, а не иначе? Тѣмъ лучше, что исторія нашего дворянства не похожа на исторію западнаго; тѣмъ лучше, что оно выросло *органически,* сообразно потребностямъ государственной жизни. У насъ завоеванія иноземнаго не было. Татары не остались жить между нашими предками, а ушли и брали дань. Если бы они, во

*) См. Сообщенія о взглядахъ И. С. Аксакова на *идеалы* первой французской революціи Г-на Spectator'а (Русское Обозр. 90 года, октябрь). Я, съ своей стороны, также могу (и готовъ при случаѣ) разсказать о нѣкоторыхъ въ высшей степени „европейскихъ" выходкахъ знаменитаго славянофила.

**) Я говорю—„къ счастію", не по враждебному какому-либо отношенію къ пострадавшему „Русскому Дѣлу" или къ самому г-ну Аксакову. Избави Боже! Напротивъ того, я всегда цѣнилъ умъ и ученость послѣдняго; и „Русск. Дѣлу", какъ изданію весьма живому, во многомъ сочувствовалъ, и до сихъ поръ жалѣю, что оно прекратилось. Я въ свое время потому лишь порадовался цензурной карѣ, что по строгости этой мѣры могъ судить,—какъ мало правительство расположено „шутить" дворянскимъ вопросомъ.

времена Батыя, еще язычниками, разселились бы между рускими густо и обрусѣли бы, принявъ вмѣстѣ съ ханомъ своимъ православіе, то по естественнымъ соціальнымъ законамъ у насъ была бы, вѣроятно, аристократія *болѣе постоянная*, болѣе военная, и по устройству своему болѣе даже схожая съ западной, несмотря на азіатскую кровь завоевателей.

Но этого не случилось; а потребности разслоенія и *градативной* дисциплины существовали, какъ существуютъ они всегда у растущаго общества, какъ слабѣютъ и пропадаютъ они всегда у общества старѣющаго.

Въ Россіи лѣтъ 300, 200, 100 тому назадъ были *двѣ* нестерпимо-сильныя общественныя потребности: потребность этой градативной дисциплины, и съ другой стороны, потребность освѣжать верхній общественный слой притокомъ новыхъ силъ изъ другихъ сословій. И государи наши удовлетворяли этимъ двумъ потребностямъ. Удовлетворяли они не всегда удачно; иногда слишкомъ пристрастно или жестоко; но ошибаясь (быть можетъ, даже и нерѣдко) въ частныхъ случаяхъ, — они, цари наши, въ общемъ *и существенномъ смыслѣ исполняли свое историческое назначеніе—такъ или иначе разслоить Россію и этимъ самымъ возвеличить ее.*

Да! возвеличить! Ибо пора же, наконецъ, сознаться громко, что и вся Россія, и сама царская власть возрастали одновременно и въ тѣсной связи съ возрастаніемъ неравенства въ русскомъ обществѣ, съ утвержденіемъ крѣпостного права и съ развитіемъ того самаго „наслѣдственнаго чиновничества“, которое такъ не нравится столбовому, 600-лѣтнему— Н. П. Аксакову.

Ну, хорошо! Пусть это правда! „Русское дворянство не аристократично, не родовито“—какъ онъ говоритъ. Но что же дальше? Татары не остались у насъ, къ сожалѣнію; не крестились—и пришлось обходиться домашними естественными средствами, придумывать *суррогаты* завоеванію—для подчиненія всей этой простодушной, но безпутной и нерѣдко буйной „меньшей братіи“ нашей. И это вошло уже въ кровь нашу,—*прошедшее неизгладимо* и *прерывать вполнѣ съ его преданіями было бы опасно и ошибочно*. Вѣдь вся исторія Европы

въ XIX вѣкѣ есть ничто иное, какъ исторія разочарованія въ раціоналистическихъ и *эгалитарныхъ* идеалахъ XVIII вѣка. Слава Богу, что мы стараемся теперь затормозить хоть немного свою исторію, въ надеждѣ на то, что можно будетъ позднѣе свернуть на вовсе иной путь. И пусть тогда бушующій и гремящій поѣздъ Запада промчится мимо насъ къ неизбѣжной безднѣ соціальной анархіи.

Славянофилы всегда стояли горой за самодержавіе. Это прекрасно. Но они ошибочно думали, что этотъ величественный столпъ единоличной власти можетъ долго стоять не колеблясь послѣ того, какъ будутъ приняты всѣ боковыя его опоры, другъ на друга столь государственно налегавшія.

Такъ ошибались старые славянофилы.

Зачѣмъ же младшимъ ученикамъ ихъ подражать имъ во всемъ *такъ просто?*

Нѣтъ! Не просто *продолжать* надо дѣло старыхъ славянофиловъ; а надо развивать ихъ ученіе, оставаясь вѣрными *главной мысли ихъ—о томъ, что намъ по мѣрѣ возможности необходимо остерегаться сходства съ Западомъ*; надо видоизмѣнять ученіе тамъ, гдѣ оно было ни съ чѣмъ несообразно. Надо умѣть жертвовать частностями этого ученія—для достиженія главныхъ цѣлей—*умственной и бытовой самобытности* и *государственной крѣпости.*

Самъ И. С. Аксаковъ понималъ, что глубокое видоизмѣненіе первоначальной славянофильской теоріи—неизбѣжно. Онъ превосходно это выразилъ въ своемъ предисловіи къ жизнеописанію Тютчева.

„Не какъ ученіе, *воспринимаемое въ полномъ объемѣ послушными адептами* (говоритъ онъ тамъ), а какъ направленіе, *освобождающее русскую мысль изъ духовнаго рабства предъ Западомъ и* призывающее русскую народность стать на степень самостоятельнаго просвѣтительнаго органа въ человѣчествѣ, славянофильство, можно сказать, уже одержало побѣду, т. е. заставило даже и враговъ своихъ признать себя весьма важнымъ моментомъ въ ходѣ русской общественной мысли. Мы, съ своей стороны, думаемъ, что оно не только истори-

ческій моментъ, уже отжитый, но и пребываетъ и *пребудетъ въ исторіи нашего дальнѣйшаго умственнаго развитія* какъ предъявленный неумолкающій запросъ"... И далѣе: „Можетъ потеряться изъ виду преемственная *духовная связь между первыми дѣятелями и новѣйшими*; многое, совершающееся подъ общимъ воздѣйствіемъ, но совершающееся въ *данную* извѣстную *пору*, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, будетъ даже *уклоняться, повидимому,* отъ *чистоты и строгости нѣкоторыхъ славянофильскихъ идеаловъ*". „Нѣкоторыя, *слишкомъ поспѣшно опредѣленныя формулы* *), въ которыхъ представлялось инымъ славянофиламъ будущее историческое осуществленіе ихъ любимыхъ мыслей и надеждъ, *оказались* или *окажутся*—*ошибочными* и исторія осуществитъ, можетъ быть, *тѣ же начала, но совсѣмъ въ иныхъ формахъ и совсѣмъ иными неисповѣдимыми путями.* Но тѣмъ не менѣе, разъ возбужденное народное самосознаніе уже не можетъ ни исчезнуть, ни прервать начатой работы"... и т. д. (Ѳ. И. Тютчевъ; М. 74; стр. 77—78).

Какое вѣрное, ясное пониманіе дальнѣйшихъ судебъ славянофильскаго ученія!

Почему же славянофилы младшіе, новѣйшіе, не хотятъ узнавать той же теоріи *русской самобытности—въ разслояющихъ и прикрѣпляющихъ къ землѣ* (диференцирующихъ и объединяющихъ) начинаніяхъ 80-хъ годовъ?

Развѣ эти начинанія, эти смѣлыя и настойчивыя усилія—*подражательны?*

Развѣ они не вызваны неотложными практическими потребностями самой будничной *нашей дѣйствительности?*

Развѣ они не связаны тѣсно съ *русской исторіей послѣднихъ двухъ вѣковъ*?

Развѣ они не соотвѣтствуютъ тѣмъ исторически пріобрѣтеннымъ *душевнымъ навыкамъ* населенія, о которыхъ я уже выше говорилъ не разъ?

---

*) Какъ, напримѣръ: *либеральный панславизмъ— равенство правъ* и *безсословность;* поддержка *болгарскихъ безбожниковъ* въ ихъ возстаніи противъ *церковныхъ правъ вселенскаго патріарха; свобода печати* и т. д.

Я думаю, славянофилы согласятся, что національное культурное государство есть своего рода живой и развивающійся организмъ. Такъ думалъ и Данилевскій, одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ славянофильскихъ учителей.

Онъ, видимо, находилъ, что организмъ культурно-государственный имѣетъ много общаго съ организмами *физическими* (съ растеніями и животными).

Посмотримъ же, что говоритъ объ этихъ послѣднихъ другой ученый (тоже, замѣтимъ, славянофилъ).

„Организмъ всегда содержитъ въ себѣ не только свое настоящее, *но и свое прошедшее и свое будущее*. Отсюда легко заключить о границахъ нашей власти (надъ организмами). *Надъ прошедшимъ организма у насъ не можетъ быть никакой власти,* ибо мы не можемъ заставить организмъ имѣть *другихъ предковъ,* принять не тотъ типъ, который онъ отъ нихъ *наслѣдовалъ*". (Н. Н. Страховъ: „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи"; стр. 207).

Какъ мы отречемся отъ того *душевнаго* наслѣдія, отъ тѣхъ *вѣковыхъ привычекъ,* которыя перешли преемственно къ нашему народу и къ правящимъ классамъ нашимъ отъ временъ Михаила Өеодоровича, Петра I-го, Екатерины II-й и Государя Николая Павловича?

Какъ мы отъ нихъ отречемся?

Мы не можемъ, *не разрушая* Россію, „заставить организмъ ея имѣть *другихъ предковъ, принять не тотъ типъ, который онъ отъ нихъ наслѣдовалъ*".

Съ рѣзко разграниченными сословіями Россія, въ теченіе вѣковъ, стала той Россіей, которую мы всѣ знаемъ.

Россія же вполнѣ безсословная, не станетъ ли скорѣе, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, *во главѣ именно того—общереволюціоннаго движенія,* которое неуклонно стремится разрушить когда то столь великія культурно-государственныя зданія Запада? Наши Добролюбовы, Писаревы, Желябовы, Гартманы и Крапоткины—уже „показали" себя. Вѣдь и это своего рода призваніе; и это—историческое назначеніе *особаго* характера.

Но этого ли могутъ желать православные патріоты славянофилы?

Конечно нѣтъ! Этого могутъ желать „дѣятели“ и писатели совсѣмъ *иного рода.*

Но, разумѣется, подобное „призваніе“ не можетъ быть по сердцу такимъ честнымъ русскимъ людямъ, какъ Н. П. Аксаковъ, Г. Шараповъ, или, напримѣръ, сотрудники „Благовѣста“ (къ сожалѣнію, что-то притихшаго).

Почему же они держатся за *всю теорію сполна* до сихъ поръ такъ упорно?

Зачѣмъ они хотятъ быть только „послушными адептами“ ученія о русской самобытности, такими адептами, какими *не быть,* въ случаѣ нужды, разрѣшилъ такъ сказать, и самъ И. С. Аксаковъ?..

Что за неумѣніе узнавать *свой собственный идеалъ въ иныхъ и неожиданныхъ формахъ;* не въ тѣхъ, къ которымъ пріучила ихъ *заблаговременная* теорія!

„Истинная соціальная политика есть та, которая не жизнь развиваетъ изъ ученія, *а ученіе изъ жизни*“.

Это сказалъ Риль въ своей книгѣ „Страна и люди“— Риль, который своими „почвенными“ наклонностями, долженъ быть по душѣ славянофиламъ.

Достоевскій о русскомъ дворянствѣ *).

Въ послѣдній разъ, разсуждая о славянофильствѣ и объ отношеніяхъ его представителей къ русскому дворянству, я упомянулъ о томъ, что Достоевскій въ своемъ романѣ „Подростокъ“ отозвался объ этомъ высшемъ сословіи нашемъ довольно благопріятно.

Молодой герой его, незаконный сынъ помѣщика Версилова, описавши всѣ приключенія отца своего и борьбу своихъ собственныхъ разнородныхъ чувствъ, посылаетъ свою рукопись въ Москву, *къ нѣкоему Николаю Семеновичу* на прочтеніе.

Я старательно искалъ въ романѣ фамилію этого Николая Семеновича и не нашелъ ея. Сказано просто (въ концѣ): „Николай Семеновичъ, бывшій мой воспитатель въ Москвѣ, мужъ Маріи Ивановны“... и т. д.

Возвращая эти „Записки“ молодому человѣку съ одобреніемъ, Николай Семеновичъ, между прочимъ, пишетъ ему вотъ что:

„Замѣчу кстати, что прежде, въ довольно недавнее прошлое, всего лишь поколѣніе назадъ, этихъ интересныхъ юношей (т. е. подобныхъ „подростку“) можно было и не столь жалѣть, ибо въ тѣ времена они почти всегда кончали тѣмъ, что съ успѣхомъ примыкали, впослѣдствіи, къ нашему высшему культурному слою и сливались съ нимъ въ одно цѣлое.

„И если, напримѣръ, и сознавали въ началѣ дороги, всю безпорядочность и случайность свою, все отсутствіе благо-

*) Гражданинъ 1891 г.

роднаго въ ихъ, хотя бы семейной, обстановкѣ, отсутствіе родового преданія и красивыхъ законченныхъ формъ, то тѣмъ даже и лучше было, ибо уже сознательно добивались того, потомъ сами и тѣмъ самымъ пріучались его цѣнить. Нынѣ уже нѣсколько иначе—именно потому, что примкнуть почти не къ чему.

„Разъясню сравненіемъ или, такъ сказать, уподобленіемъ. Если бы я былъ русскимъ романистомъ и имѣлъ талантъ, то непремѣнно бралъ бы героевъ моихъ изъ русскаго родового дворянства, *потому что лишь въ одномъ этомъ типѣ культурныхъ русскихъ людей возможенъ хоть видъ красиваго порядка и красиваго впечатлѣнія, столь необходимаго въ романѣ для изящнаго воздѣйствія на читателя.* Говоря такъ, вовсе не шучу, *хотя самъ я совершенно не дворянинъ*, что, впрочемъ, вамъ и самимъ извѣстно.

„Еще Пушкинъ намѣтилъ сюжеты будущихъ романовъ своихъ въ „Преданіяхъ русскаго семейства", и повѣрьте, что тутъ дѣйствительно все, что у насъ было доселѣ красиваго. По крайней мѣрѣ, тутъ все, что было у насъ хотя сколько-нибудь завершеннаго.

„Я не потому говорю, что такъ уже безусловно согласенъ съ правильностью и правдивостью красоты этой; *но тутъ, напримѣръ, уже были законченныя формы чести и долга, чего, кромѣ дворянства, нигдѣ на Руси не только нѣтъ законченнаго, но даже нигдѣ и не начато.* Я говорю, какъ человѣкъ спокойный и ищущій спокойствія.

„Тамъ—хороша ли эта честь и вѣренъ ли долгъ—это вопросъ второй; но важнѣе для меня именно законченность формъ и хоть какой-нибудь да порядокъ, и уже не предписанный, а самими, наконецъ-то, выжитый. Боже, да у насъ именно важнѣе всего хоть какой-нибудь да свой, наконецъ, порядокъ! Въ томъ заключалась надежда и, такъ сказать, отдыхъ: хоть что-нибудь, наконецъ, построенное, а не вѣчная эта ломка, не летающія повсюду щепки, не мусоръ и соръ, изъ котораго вотъ уже двѣсти лѣтъ все ничего не выходитъ.

„Не обвините въ славянофильствѣ; это я лишь такъ отъ мизантропіи, ибо тяжело на сердцѣ! Нынѣ, съ недавняго времени, происходитъ у насъ нѣчто, совсѣмъ обратное изображенному выше.

„Уже не соръ приростаетъ къ высшему слою людей, а напротивъ, отъ красиваго типа отрываются, съ веселою торопливостью, куски и комки и сбиваются въ одну кучу съ безпорядствующими и завидующими. И далеко не единичный случай, что самые отцы и родоначальники бывшихъ культурныхъ семействъ смѣются уже надъ тѣмъ, во что, можетъ быть, еще хотѣли бы вѣрить ихъ дѣти.

„Мало того, съ увлеченіемъ не скрываютъ отъ дѣтей своихъ свою алчную радость о внезапномъ правѣ на безчестье, которое они вдругъ изъ чего-то вывели цѣлою массой.

„Но все это философія; воротимся къ воображаемому романисту. Положеніе нашего романиста въ такомъ случаѣ, было бы совершенно опредѣленное: онъ не могъ бы описать въ другомъ родѣ, какъ въ историческомъ, ибо красиваго типа уже нѣтъ въ наше время, *а если и остались остатки, то, по владычествующему теперь мнѣнію, не удержали красоты за собою.* О, и въ историческомъ родѣ возможно изобразить множество еще чрезвычайно пріятныхъ и отрадныхъ подробностей! Можно даже до того увлечь читателя, что онъ приметъ историческую картину за возможную еще и въ настоящемъ.

„Такое произведеніе, при великомъ талантѣ, уже принадлежало бы не столько къ русской литературѣ, сколько къ русской исторіи. Это была бы картина, художественно законченная, русскаго миража, но существовавшаго дѣйствительно, пока не догадались, что это миражъ. Внукъ тѣхъ героевъ, которые были изображены въ картинѣ, изображавшей русское семейство средне-высшаго культурнаго круга въ теченіе трехъ поколѣній сряду, и, въ связи съ исторіей русской, этотъ потомокъ предковъ своихъ уже не могъ бы быть изображенъ въ современномъ типѣ своемъ иначе, какъ въ нѣсколько мизантропическомъ, уединенномъ и несомнѣнно грустномъ видѣ.

„Даже онъ долженъ явиться какимъ-нибудь чудакомъ, котораго читатель съ перваго взгляда могъ бы признать, какъ за сошедшаго съ поля, и убѣдиться, что не за нимъ осталось поле.

„Еще далѣе—и исчезнетъ даже и этотъ внукъ мизантропъ; явятся новыя лица, еще неизвѣстныя, и новый миражъ; но какія же лица? Если некрасивыя, то невозможенъ дальнѣйшій русскій романъ. *Но увы! Романъ ли только окажется тогда невозможнымъ?*

. . . .

„Не будетъ ли справедливѣе выводъ, что уже множество такихъ несомнѣнно родовыхъ семействъ, русскихъ, съ неудержимою силою переходятъ массами въ семейства случайныя и сливаются съ ними въ общемъ безпорядкѣ и хаосѣ. Типъ этого случайнаго семейства указываете отчасти и вы въ вашей рукописи. Да, Аркадій Макаровичъ, вы членъ случайнаго семейства, въ противоположность еще недавнимъ родовымъ нашимъ типамъ, имѣвшимъ столь различныя отъ вашихъ—дѣтство и отрочество.

„Признаюсь, не желалъ бы я быть романистомъ героя изъ случайнаго семейства!

„Работа неблагодарная и безъ красивыхъ формъ. Да и типы эти, во всякомъ случаѣ, еще дѣло текущее, а потому и не могутъ быть художественно законченными. Возможны важныя ошибки, возможны преувеличенія, недосмотры. Во всякомъ случаѣ, предстояло бы слишкомъ много угадывать. Но что дѣлать, однакожъ, писателю, не желающему писать лишь въ одномъ историческомъ родѣ и одержимому тоской по текущему?

„Угадывать и... ошибаться".

Такъ говоритъ у Достоевскаго *недворянинъ* „Николай Семеновичъ" о русскомъ дворянствѣ, и авторъ, видимо, сочувствуетъ ему.

Признаюсь, что при чтеніи „Подростка" меня поразила *неожиданность* этого благопріятнаго для дворянъ общаго вывода изъ разсказа, котораго подробности производили на

меня отрицательное, мѣстами даже до болѣзненности тягостное и отвратительное впечатлѣніе.

II.

Припомнимъ—каковы эти русскіе дворяне въ романѣ „Подростокъ“.

Это, начиная съ главнаго героя—Версилова, все какіе-то разстроенные или запутанные люди; „психозные“, какъ нынче любятъ называть. Старый князь Сокольскій безхарактеренъ и жалокъ. Старшій, законный сынъ Версилова является на минуту въ очень непривлекательномъ видѣ (когда онъ въ пунцовомъ халатѣ даетъ деньги своему незаконному брату, не допуская его даже къ себѣ во внутренніе покои дома, и тому подобное). Молодой военный, тоже князь Сокольскій, который кутитъ, путается и, наконецъ, попадаетъ въ Сибирь. Всѣ эти лица кажется, не таковы, чтобы располагать кого бы то ни было къ политическому, такъ сказать, довѣрію. Самъ Версиловъ—это человѣкъ совершенно исключительный. Но исключительный не въ томъ смыслѣ, въ какомъ могутъ считаться исключительными Рудинъ и Лаврецкій, Печоринъ и Вронскій; Рудинъ своимъ энтузіазмомъ и краснорѣчіемъ; Лаврецкій прямотою своихъ чувствъ и безукоризненностью; Печоринъ своей демонической страстностью и умомъ; Вронскій здоровьемъ духа и силой воли;—нѣтъ, Версиловъ исключителенъ своей ненормальностью, своей неимовѣрной изломанностью, своей неестественностью. Это тоже „психопатъ“, какъ почти всѣ главныя дѣйствующія лица Достоевскаго. Про такихъ людей, какъ Рудинъ и Лаврецкій, Печоринъ и Вронскій, не только думается, что сами авторы знали ихъ лично, но иногда читатель воображаетъ даже, что онъ самъ съ ними былъ въ дѣйствительной жизни знакомъ и близокъ. Не знаю, какъ другіе, а я, по крайней мѣрѣ, *такъ чувствую*, когда вспоминаю о *лицахъ* Толстого, Писемскаго, Тургенева, Островскаго, Маркевича и даже многихъ другихъ, менѣе знаменитыхъ, писателей. Изъ главныхъ же лицъ Достоевскаго я не помню ни одного, котораго я могъ бы вообразить дѣйствительнымъ знакомымъ моимъ. Всѣ главные характеры

Достоевскаго представляются мнѣ варіацією почти на одну и ту же психологическую тему: варіаціей чрезвычайно талантливой, конечно, но все-таки варіаціей на одну и ту же весьма субъективную и болѣзненную тему. Въ этомъ, конечно, и сила Достоевскаго; сила его лиризма и субъективности; но въ этомъ и художественная слабость его. Тургеневъ, Писемскій, Толстой, Маркевичъ, Островскій ясно и вѣрно *отражаютъ* русскую жизнь. Достоевскій глубоко *преломляетъ* ее, сообразно своему личному устроенью. По романамъ первыхъ четырехъ писателей и по комедіямъ Островскаго иностранецъ, напримѣръ, можетъ весьма вѣрно воображать себѣ самую дѣйствительность русскую; по романамъ Достоевскаго—онъ не узнаетъ правды о *самомъ обществѣ* русскомъ второй половины нашего вѣка; онъ пойметъ только извѣстное теченіе чувствъ и мыслей. По другимъ писателямъ можно изучать нормальную жизнь; по Достоевскому можно изучать только ея психопатію, ея крайнія уклоненія, быть можетъ (я говорю: *быть можетъ*), а главное—можно изучать самого автора, его идеалы, его собственные душевные извороты, его собственныя горести, борьбу и мечтанія.

Отъ лицъ Достоевскаго не вѣетъ правдой жизни; отъ нихъ вѣетъ только правдой собственнаго сердца автора, его пламенѣющей искренностью. За исключеніемъ развѣ преступниковъ „Мертваго дома“, весьма объективно изображенныхъ, всѣ лица Достоевскаго суть въ самомъ точномъ смыслѣ слова *созданія* его воображенія. И мнѣ, напримѣръ, прожившему весьма разнообразно до 60 лѣтъ и въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ русскаго общества, *ни одно изъ его лицъ никого изъ знакомыхъ не напоминаетъ. Чувства* знакомы, хотя и съ несравненно меньшей напряженностью, и съ меньшей исключительностью ухищренныхъ изворотовъ; но *лица не знакомы вовсе.*

Поэтому, я и „дворянъ“ романа „Подростокъ“ никакъ не могу считать хоть сколько-нибудь представляющими *дѣйствительное* дворянство русское. Ни Версиловъ, ни старый князь, ни офицеръ Сокольскій, ни другія лица романа не годятся въ *совокупности* своей въ представители этого со-

словія; скажу больше: совокупность, составленная изъ такихъ людей, какъ всѣ дворяне въ романахъ Достоевскаго, не только не соотвѣтствуетъ реальной совокупности, составленной изъ точно такого же числа дворянъ, самыхъ лучшихъ, самыхъ худшихъ и среднихъ, взятыхъ изъ дѣйствительности, но она не соотвѣтствуетъ даже и другой, *менѣе реальной* совокупности, составленной изъ дворянъ Тургенева, Толстого, Маркевича и Писемскаго.

Совокупность дворянъ Достоевскаго и нереальна, и ненормальна...

Но если такъ, мнѣ скажутъ, на что же мнѣ было мнѣніе Достоевскаго о дворянахъ?

Дорого мнѣ въ этомъ вопросѣ мнѣніе Достоевскаго и даже очень дорого потому, что публициста и моралиста я цѣню въ Достоевскомъ несравненно выше, чѣмъ повѣствователя. „Дневникъ Писателя“, не во гнѣвъ будь сказано поклонникамъ покойнаго романиста,—для меня во сто разъ драгоцѣннѣе всѣхъ его романовъ.

На сколько мало у Достоевскаго въ романахъ его и здоровья и истиннаго чувства русской реальности (сравнительно съ другими упомянутыми романистами нашими), на столько, напротивъ того, какъ моралистъ и даже иногда, какъ политикъ,—онъ здравъ и одаренъ въ высшей степени „чутьемъ“ того, что для Россіи *нужно*.

Я помню то наслажденіе, которое я самъ испытывалъ, читая въ 70-хъ годахъ его „Дневникъ Писателя“, особенно во время борьбы христіанъ противъ Турціи и во время нашей съ нею войны.

Его патріотизмъ, столь искренній и умный; его монархическое чувство; его религіозныя стремленія, не всегда правильныя и ясныя, положимъ,—но всегда глубокія и сильныя; этотъ мѣстами столь милый юморъ (напримѣръ; „За границей увѣряютъ, что наши офицеры, которые сражаются въ Сербіи, подъ начальствомъ Черняева, — *соціалисты.* Что за вздоръ,—говоритъ Достоевскій,—*выпить* лишнее—это правда, русскій человѣкъ слабъ; ну, а соціализмъ—это неправда“). Если цитата не точна—прошу простить. Пишу на память.

Онъ даже *тогда* предсказывалъ, что болгары будутъ неблагодарны намъ. Предсказывалъ это и я, положимъ, въ тоже время; но вѣдь я прожилъ въ Турціи 10 лѣтъ и *видѣлъ*, что *такое* болгары! Мнѣ было нетрудно это угадать. Но онъ, не выѣзжая изъ Петербурга, говорилъ это во время всеобщаго увлеченія славянами и являлся, такимъ образомъ, истиннымъ прозорливцемъ съ этой стороны.

III.

Какъ вѣрно понималъ онъ (давнымъ давно!), что безъ вѣры, *безъ вѣры православной именно*, народъ русскій, да и вся Россія станутъ никуда негодными. Онъ не только умомъ и любовью понималъ эту истину, но и особаго рода художественнымъ чувствомъ. Чтобы это стало яснѣе, стоитъ только вспомнить, съ какой непривычной ему объективностью изображены и въ самыхъ романахъ его набожные простолюдины и купцы. Хотя бы въ томъ же „Подросткѣ" крѣпостной Макаръ Долгорукій, *номинальной* отецъ героя; или въ разсказѣ этого же Макара деспотъ-купецъ, который загналъ мальчика въ рѣку, а потомъ, раскаявшись, женился на его матери и кончилъ жизнь, странствуя по монастырямъ.

Правда, въ религіозныхъ представленіяхъ своихъ Достоевскій не всегда строго держался тѣхъ общеизвѣстныхъ катехизическихъ основаній, которыми руководится все восточное духовенство наше, и позволялъ себѣ переступать за предѣлы ихъ, то влагая въ уста русскихъ монаховъ предсказанія о повсемѣстномъ превращеніи государствъ въ одну *на землѣ торжествующую* Восточную церковь („Братья Карамазовы"), то самъ пророчествуя о какой-то непонятной и „*окончательной*" всеобщей „гармоніи" земной жизни подъ вліяніемъ нѣкой особенной русской или славянской любви!

Его необузданное творческое воображеніе и пламенная сердечность его помѣшали ему скромно подчиниться стѣсненіямъ правильнаго богословія и разрывали въ иныхъ случаяхъ его спасительныя узы. Онъ переходилъ своевольно, положимъ, за *черту* обще установленнаго и разрѣшеннаго, но за то онъ и всему *тому поклонялся* и *все то чтилъ и любилъ*.

что находится по ту сторону черты. Онъ только *прибавлялъ* нѣчто свое, излишнее и неправильное; но онъ ничего правильнаго, ничего издавна іерархіей освященнаго не только не отвергалъ, но и готовъ былъ всегда горой стоять за это правильное и освященное.

Мужика онъ любилъ, не потому только, что онъ мужикъ, не потому, что онъ человѣкъ рабочій и небогатый; нѣтъ,— онъ любилъ его еще больше за то, что онъ *русскій* мужикъ, за то, что *религіозенъ.*

Онъ звалъ русскій народъ „народомъ — богоносцемъ", подразумѣвая, вѣроятно, подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ, но всѣхъ тѣхъ и „простыхъ" и „не-простыхъ" русскихъ людей, которые искренно вѣруютъ во Христа.

„Народъ—богоносецъ" это совсѣмъ не то, что „la sainte canaille" (*святая сволочь, святая толпа*) французскихъ демагоговъ; у нихъ уличная толпа свята *по тому самому, что она уличная толпа,* бѣдная, угнетенная и всегда будто бы правая. У Достоевскаго народъ хорошъ не потому только, что онъ *простой* народъ и бѣдный народъ, а потому, что онъ народъ *вѣрующій,* православный.

И вотъ этотъ-то „народникъ" православнаго стиля, этотъ всѣми инстинктами своими столь *русскій* человѣкъ, въ заключеніе романа, исполненнаго дворянскихъ слабостей и глупостей, дворянскаго безпутства и дворянской непрактичности, дворянской „психопатіи", наконецъ,—говоритъ, что *дворянство нужно* и что только у однихъ дворянъ въ Россіи есть истинное *чувство чести.*

Вотъ что мнѣ дорого!

Какъ онъ извлекъ это политическое нравоученіе *изъ этого именно* романа,—я понять не могу.

Но даже и самое недоумѣніе это для моей главной мысли выгодно.

Если изъ „Подростка" можно нѣчто подобное извлечь то тѣмъ болѣе, я надѣюсь, можно извлечь это изъ „Дворянскаго гнѣзда", „Рудина", изъ „Войны и мира", „Карениной", изъ „Масоновъ" Писемскаго или изъ „Перелома" Маркевича.

Если позволительно поставить подобный выводъ въ конц такой исторіи, гдѣ всѣ главные дворяне изломаны, безхарактерны и почти что ненормальны, то тѣмъ болѣе это будетъ умѣстно по прочтеніи другихъ вышеперечисленныхъ романовъ, гдѣ мы встрѣтимъ рядомъ со *всякими* дворянами и дворянъ серьезныхъ, благородныхъ, твердыхъ, весьма образованныхъ, честныхъ и смѣлыхъ, а главное—*нормальныхъ* и вполнѣ *правдоподобныхъ* въ изображеньи, *почти* лично знакомыхъ каждому изъ насъ. Глубоко вѣрный *русскій* инстинктъ подсказалъ Достоевскому, что дворянство русское нужно, что нуженъ *особый* классъ русскихъ людей, болѣе другихъ тонкій и властный, болѣе другихъ изящный и рыцарственный („чувство чести"), болѣе благовоспитанный, чѣмъ спеціально ученый и т. д.

Быть можетъ, кончая этотъ романъ свой, въ которомъ дворяне такъ безтолковы и слабы,—Достоевскій почувствовалъ въ глубинѣ правдивой души своей, что онъ не *совсѣмъ правъ* противъ русскаго дворянства; что *реальное* дворянство не виновато въ томъ, что онъ самъ не мастеръ изображать *возможно положительные характеры* изъ высшихъ слоевъ общества, характеры, которые попадаются у всѣхъ другихъ хорошихъ писателей нашихъ, съ которыми онъ и самъ, навѣрное, въ жизни встрѣчался и знакомился и какими (прибавлю я) слѣдуетъ даже вполнѣ *удовлетворяться* здоровому человѣку, не гоняясь за вздорными идеалами невозможнаго совершенства! Почувствовалъ это и прибавилъ: „а все-таки дворянство нужно!"

Не такое, разумѣется, какое въ „Подросткѣ", а *какое-то* все-таки нужно.

Нуженъ для Россіи *особый* высшій классъ—людей. А кто говоритъ *особый* классъ, этимъ самымъ говоритъ, что необходимы такія или иныя *юридическія ограды.* Безъ этихъ юридическихъ оградъ все очень скоро смѣшивается и теряетъ силу, формы, выразительность.

Нужны *привилегіи,* необходимы и особыя *права* на *власть.* Достоевскій былъ славянофилъ, но онъ былъ человѣкъ *жизни,* а не теоріи.

Если изъ того убѣжденія, что дворянство нужно, онъ не вывелъ нигдѣ, что необходимы и политическія *привилегіи* для его сохраненія, то это ничего не значитъ; не успѣлъ, случайно не додумался, не дожилъ, наконецъ, до 1-го Марта, ни до предпріятій графа Д. Толстого и Пазухина, ни до всего того, до чего мы дожили.

Хотите вы сохранить надолго *извѣстный типъ соціальнаго развитія?* Хотите,—такъ оградите и среду его отъ вторженія незванныхъ и неизбранныхъ, и самихъ его членовъ отъ невольнаго выпаденія изъ этой среды, въ которой держаться имъ уже не будетъ никакой охоты, не будетъ ни идеальныхъ поводовъ, ни вещественныхъ выгодъ.

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ОТРЫВКИ.

О памятникѣ въ Бозѣ почившему Императору Александру II въ Москвѣ *).

Памятникъ этотъ, во 1-хъ, долженъ быть воздвигнутъ не на сваяхъ и топяхъ „финскихъ блатъ", а въ Москвѣ, которая всегда останется Мосвою, тогда какъ Петербургъ необходимо долженъ утратить современемъ свое значеніе, вслѣдствіе *неудержимаго стремленія нашей исторіи на юго-востокъ;* во 2-хъ, памятникъ долженъ быть нагляденъ и доступенъ для всѣхъ классовъ русскаго народа.

Я не архитекторъ и не скульпторъ; познанія мои по части исторіи пластическихъ искусствъ очень ограничены и поверхностны. Поэтому я и не претендую предлагать *проектъ*; я хочу сдѣлать только самые общіе намеки: попытаюсь изобразить мою мечту; хочу придать хоть сколько-нибудь ясный образъ моей мысли.

По моему мнѣнію, этотъ памятникъ долженъ *имѣть видъ круглаго кіоска* или *храма.*

Это будетъ *историческій* храмъ, пластическое изображеніе извѣстной эпохи.

Размѣры зданія не должны быть велики. Въ немъ не будутъ никогда собираться люди толпами. Его будутъ посѣщать такъ, какъ посѣщаютъ Эрмитажъ и музеи. Размѣромъ или, лучше сказать, внутренней вмѣстимостью онъ не долженъ превосходить обыкновенную сельскую или вообще приходскую церковь (безъ придѣлсвъ). Высоты большой не нужно.

---

*) **Варшавскій Дневникъ, 1880 г.**

Зданіе это, какъ я сказалъ, должно быть *круглое.* Вокругъ пусть будутъ колонны, не коринѳскія и не дорическія, а *витыя* и фигурныя, того византійскаго стиля, который намъ знакомъ по нашимъ иконостасамъ. Или, если это покажется тяжелымъ, то сдѣлать эту круглую колоннаду въ стилѣ болѣе легкомъ, напримѣръ, въ томъ стилѣ, что зовутъ мавританскимъ.

Не строить ни подъ какимъ видомъ это зданіе изъ кирпича, а непремѣнно изъ разноцвѣтныхъ гранитовъ и мраморовъ. Пусть оно будетъ лучше невелико, но изъ благороднаго камня.

Купола высокаго на немъ не нужно, а надо, чтобы на верху былъ сдѣланъ круглый вѣнецъ изъ *шарообразныхъ, заостренныхъ главокъ, конечно, безъ крестовъ,* а развѣ-развѣ съ небольшими *звѣздочками* на остріяхъ.

Круглое мѣсто крыши внутри этого *вѣнца изъ главъ* должно быть занято или такимъ отлогимъ куполомъ, чтобы его съ улицы и снизу совсѣмъ изъ-за главъ не было видно; или надъ вѣнцомъ изъ мелкихъ главъ возвысить въ серединѣ *одну главу* большую, съ изящными выгибами въ ея основаніи.

Главы не золотить, а сдѣлать, какъ можно пестрѣе, на подобіе главъ Василія Блаженнаго.

Что же будетъ внутри?

Внутри что-нибудь одно: или совершенно одинокое и величественно-изваянное изображеніе Государя Императора, или, напротивъ того, *аллегорическое изображеніе всего царствованія, въ видѣ* многолюдной группы изваяній, художественно расположенной, полной движенія и обращенной съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ положеніяхъ къ изваянію главному, центральному, которое, разумѣется, должно изображать того же Монарха. Я стою за изображенія аллегорическія больше потому, что изо всѣхъ *реальныхъ изваяній,* нужныхъ для такой задачи, можно удачно изобразить весьма немногія; напримѣръ: православнаго іерарха во всемъ облаченіи, монаха русскаго (ибо на одеждѣ его есть складки), да развѣ-развѣ *турецкаго низама,* убѣгающаго или поверженнаго ницъ. Красивыя скульптурныя одежды и обуви бываютъ только двухъ

крайнихъ типовъ: или онѣ, обтягивая вплоть какую-нибудь часть тѣла, обнаруживаютъ естественную красоту анатомическихъ линій, или одѣянія эти настолько широки и сложны, что ихъ очертанія пріобрѣтаютъ свою собственную красоту. Мужская же европейская одежда, не только статская, но и военная, какъ извѣстно всякому, рѣшительно непригодна ни для живописи, ни для ваянія. Лорда Бруммеля, который (если память не измѣняетъ мнѣ) изобрѣлъ такъ называемыя „панталоны", конечно, нельзя назвать благодѣтелемъ рода человѣческаго, ибо онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые повредили искусству. Искусство же есть цвѣтъ жизни и самое высшее, идеальное ея выраженіе.

Дѣйствительно, распространеніе мужской европейской одежды ставитъ пластическое искусство въ безвыходное положеніе, между Харибдой безобразія, въ случаѣ простого, *реалистическаго* отношенія къ жизни, и Сциллой лжи, въ случаѣ предпочтенія изящества и величія печальной „истинѣ вѣка".

Нельзя даже (при всей доброй волѣ нашей быть реалистами въ *хорошемъ* смыслѣ, т.-е. правдивыми) изобразить на полотнѣ, изсѣчь изъ камня и вылить изъ бронзы красивую группу современныхъ намъ людей. Невозможно „возвести въ перлъ *пластическаго* созданія" даже такихъ героевъ, каковыми сказались въ послѣднюю войну и наши полководцы и наши солдаты. Какъ быть съ этими *непонятными* „кепи" и съ *благодѣяніемъ* лорда Бруммеля?!...

А если даже мысль о высокомъ геройствѣ не можетъ заставить насъ забыть „о бочкѣ на двухъ бревнахъ", въ которую цивилизація обратила повсюду „образъ и подобіе Божіе"; если людей военныхъ не знаемъ какъ представить, не прибѣгая къ *аллегоріи* или фантастическимъ какимъ-нибудь *мантіямъ;* то какъ приступиться къ разнымъ другимъ изображеніямъ, долженствующимъ напомнить зрителю объ иныхъ важныхъ событіяхъ нашего времени? О *земствѣ,* судебной реформѣ и т. п. Какъ *изваять* прокурора хотя бы самаго строгаго, мирового судью самаго дѣльнаго, адвоката самаго блестящаго?

Нельзя безобразить *долговѣчный памятникъ народной* благодарности европейскими сюртуками и фраками.

Люди XX вѣка будутъ, при взглядѣ на эти сюртуки, пожимать плечами, ибо XX вѣкъ долженъ, по неизбѣжному закону природы, выйти на путь глубочайшей реакціи противъ нашего столѣтія.

Итакъ, волей-неволей, художникамъ придется обратиться къ аллегоріи, если они захотятъ въ предполагаемомъ мною пантеонѣ изобразить оживленную, многолюдную группу. Какъ же быть иначе?

Я повторяю, что не претендую предлагать *проекты*, а лишь *ищу* и дѣлаю намеки.

Мнѣ кажется, что въ случаѣ непреодолимыхъ затрудненій для созданія прекрасной, многолюдной и главное *небанальной* группы, окружающей изваяніе самого Государя, можно бы остановиться на выразительной въ простотѣ своей мысли—объ одинокомъ изображеніи Монарха. „Самодержецъ, единство народа, средоточіе народныхъ силъ...“ Вотъ значеніе такого изваянія.

Осмысленно и *скульптурно*—ибо Государь коронованный и въ широкой порфирѣ не есть *аллегорія*: это правда, это реально.

Я думаю еще вотъ о чемъ. *Специфически національнаго* ничего не было никогда Національными были лишь *своеобразныя сочетанія* общечеловѣческаго.

Многое также можно назвать *національнымъ по происхожденію*, а не по *пребыванію*. Такъ, мусульманство есть *аравійская* религія по происхожденію; конституціонализмъ и судъ присяжныхъ—англосаксонскія учрежденія по происхожденію. *Гражданское равенство* было нѣсколько времени французскимъ изобрѣтеніемъ, исключительнымъ свойствомъ французской націи и т. д. Къ *этому роду* національныхъ дѣйствій, открытій или твореній надо причислить и *возобновленіе, возстановленіе* нѣкоторыхъ, забытыхъ на время человѣчествомъ, началъ, вкусовъ, знаній, уставовъ и обычаевъ. Такъ, римляне возстановили на Западѣ несвойственный дотолѣ эллино-пелазгическому міру принципъ царизма, падавшій въ то же самое время на

Востокѣ, и возстановили такъ прочно, что могли передать его и Византіи, и цѣлой Европѣ.

Такъ нѣмцы возстановили по своему изящный реализмъ греческой литературы. И этотъ характеръ поэзіи, болѣе реальный, чѣмъ характеръ созданій французской музы, былъ *долгое время* національнымъ признакомъ для германской поэзіи.

У насъ теперь болѣе внимательное изученіе нашей же собственной древней пластики, прежняго нашего декоративнаго искусства и родственнаго византійскаго стиля способствовало возстановленію множества изящныхъ и своеобразныхъ вкусовъ и представленій.

Правда, при нынѣшнемъ, вовсе „не всегда выгодномъ и полезномъ", общеніи народовъ, трудно чему бы то ни было возстановленному или вовсе вновь придуманному сохранить надолго мѣстный характеръ; но все-таки остается честь *перваго шага* за тѣмъ, кому подражаютъ другіе.

Отчего бы намъ, русскимъ, не воспользоваться такимъ случаемъ (т.-е. тѣмъ предполагаемымъ памятникомъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь), чтобы первыми въ Европѣ возобновить, съ какимъ-нибудь своимъ оттѣнкомъ, древне-греческій родъ скульптуры *изъ слоновой кости съ золотомъ?*

Можно обойтись и безъ рабскаго подражанія (я сказалъ— возобновить съ какимъ-нибудь *своимъ оттѣнкомъ*). *Бѣлая* кость съ *золотомъ*—это, конечно, одна изъ вѣчныхъ истинъ изящнаго вкуса, подобно алой розѣ въ зелени, пурпуровой одеждѣ на здоровомъ и красивомъ человѣкѣ, пестрому ковру въ жиломъ покоѣ и зеленой соснѣ въ глубокихъ и чистыхъ снѣгахъ. Но хотя это сочетаніе золота и бѣлой кости очень красиво и благородно, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть въ немъ нѣчто *холодное.* Поэтому, не лучше ли было бы вспомнить, что слоновая кость у грековъ, вѣроятно, придѣлывалась пластинками къ *деревянному* изваянію, и оставить эту кость совершенно въ сторонѣ, а сдѣлать во всей аллегорической группѣ видныя части тѣла, лица, шеи, руки (смотря по фигурѣ) изъ какого-нибудь отборнаго, дорогого дерева; одежду же и всѣ атрибуты изъ золота или изъ серебра съ эмалью и золотомъ? Это было бы своеобразнѣе.

Впрочемъ, можетъ быть, въ этомъ я ошибаюсь и упускаю изъ вида какія-нибудь неизвѣстныя мнѣ техническія затрудненія. Въ заключеніе прибавлю, что внутренность этого историческаго храма должна быть вся разубрана и наполнена украшеніями, именно такихъ родовъ, въ которыхъ русскіе художники и мастера за послѣднее время обнаружили наиболѣе вкуса и умѣнія: рѣзьба по дереву въ русскомъ вкусѣ, серебряныя и золотыя издѣлія. На стѣнахъ—мозаики и картины—на *чеканномъ золотомъ полѣ*. Ни мозаики эти, ни картины не должны быть непремѣнно молитвенными. Можно, со всей изящной строгостью „иконнаго" стиля, представить и не исключительно духовные сюжеты. Нужно только *искать умомъ*...

Хорошо было бы драпировать стеклянныя окна или что другое русскою парчею, или особаго заказа дорогою шелковой тканью, бѣлой или „суровой", съ красными, синими и золотыми кружевами и узорами, во вкусѣ русскихъ полотенецъ.

При такомъ обиліи *національной* роскоши, позволительно и *„вѣку"* заплатить нѣкоторую *дань*— по вечерамъ освѣщать все это электрическими свѣчами г. Яблочкова. Зданіе это должно отапливаться; стѣны его должны быть настолько массивны, чтобы можно было *въ нихъ* устроить жилище сторожамъ, не уродуя зданія какими-нибудь пристройками. Сторожа эти должны быть навсегда и преемственно обязаны носить особаго какого-нибудь цвѣта *русскую одежду*, а не солдатскую; ибо послѣдняя очень некрасива и будетъ портить общее впечатлѣніе.

Освѣщеніе дневное можетъ быть и *сверху*: это дѣло техниковъ; но я полагаю, что и внизу необходимы окна для того, чтобы прохожіе могли останавливаться и смотрѣть въ нихъ. Это много значитъ.

Примѣчаніе 1885 года.

Этотъ, быть можетъ, и фантастическій проектъ мой въ первый разъ былъ напечатанъ въ 80-мъ году, въ „Варшав-

скомъ Дневникѣ“ (князя Н. Н. Голицына). Написалъ я это подъ впечатлѣніемъ газетныхъ слуховъ о предстоящемъ юбилеѣ 25-лѣтія царствованія покойнаго Императора. Потомъ, когда черезъ годъ, не болѣе, эти праздничныя мысли наши смѣнились столь неожиданно ужасомъ и скорбью, и памятникъ прижизненной славы могъ стать лишь мавзолеемъ надгробнаго плача, я снова попытался напомнить объ этихъ художественныхъ измышленіяхъ моихъ и перепечаталъ статью эту въ московской газетѣ „Востокъ“. Теперь я помѣщаю это здѣсь, во второй части моего Сборника, въ надеждѣ, что какія-нибудь изъ этихъ идей и мечтаній моихъ когда-нибудь и кому-нибудь да пригодятся, хотя бы и для иной цѣли, для другого монумента.

Отчего жъ и не мечтать намъ, русскимъ? Отчего не „фантазировать“ смѣлѣе?.. Необходимо намъ дерзновеніе ума и полезенъ намъ капризъ фантазіи... Насъ теперь призываетъ исторія къ очереди нашей! Ошибки въ сферѣ искусства и мысли даже самыя грубыя, если онѣ являются рядомъ съ живыми указаніями, и тѣ гораздо плодотворнѣе вѣчной осторожности, вѣчнаго terre-à-terre, вѣчнаго какого-то озирательства.

О памятникѣ въ Филяхъ *).

Московская дума желаетъ, чтобы памятникъ, который будетъ поставленъ на мѣстѣ сгорѣвшей *избы Кутузова* въ Филяхъ былъ бы: во-первыхъ—*дешевъ*; во-вторыхъ, чтобъ онъ былъ *изъ мрамора, гранита, чугуна или известковаго камня;* въ-третьихъ, чтобы *размѣры его* соотвѣтствовали пространству земли, поступившему во владѣніе города, и наконецъ, въ-четвертыхъ, чтобы форма его допускала начертаніе довольно длинныхъ надписей. Архитекторы, состоящіе при думѣ, должны представить свои проекты. Я не архитекторъ, не ваятель, я не знаю, что стоитъ мраморъ, что стоитъ гранитъ или чугунъ, и даже очень мало интересуюсь этими цѣнами.

*) Моск. Вѣдом. 1877 г.

Какъ русскій, я чту память Кутузова и его сподвижниковъ; какъ русскій, и я горжусь пожаромъ Москвы и изгнаніемъ французовъ и, какъ русскій же, я боюсь, что все это непремѣнно кончится небольшою пирамидой, скромнымъ обелискомъ, съ граненою главкой на верху. Предлагая, какъ умѣю, мой идеалъ, въ общихъ чертахъ, доступныхъ и неспеціалисту, я, разумѣется, буду очень счастливъ, если кто-нибудь другой, болѣе меня знающій, представитъ несравненно лучшій проектъ и желалъ бы только, чтобы меня поняли „просто“. Не лучше ли всѣхъ этихъ пирамидъ и обелисковъ поставить на мѣстѣ исторической, но деревянной и сгорѣвшей избы—*русскую же избу, но художественную, символическую и несгораемую, изъ гранита или мрамора?* (Чугунъ, вѣроятно, дешевле, но что же хорошаго въ чугунныхъ памятникахъ! Это такъ мизерно и грубо!)

Если было мѣсто для деревянной, жилой избы съ хозяйственными принадлежностями, то и гранитной, вѣроятно, не будетъ тѣсно...

Если изъ мрамора или гранита неудобно изобразить солому на крышѣ (я полагаю, что крыша сгорѣвшей исторической избы была соломенная; я ее видѣлъ, но очень давно и не помню), то отчего же не изобразить и тесовую крышу? (Хотя, прибавлю, находятъ же скульпторы возможность изображать прекрасно крупными чертами вещь болѣе тонкую, чѣмъ солома,—человѣческіе волосы).

Я думаю, что и скрещенныя бревна, и крышу, и ставни рѣзныя, и какія бы ни были другія принадлежности *настоящей избы* изъ хорошаго каменнаго матеріала воспроизвести не трудно. Въ небольшія окна можно вставить настоящія зеркальныя стекла. Дверь сдѣлать изъ чугуна. Подробныя надписи начертать внутри на стѣнахъ; а на фасадѣ одну крупную, красивую и краткую (напримѣръ *изба* М. И. Кутузова; такого-то числа 1812 года). Можно бы даже оживить и населить воспоминаніями внутренность этого символическаго жилища. Въ главномъ углу изъ мрамора же изсѣчь большую икону Архистратига Михаила или написать ее прямо на стѣнѣ яркими красками. Предъ этою *не снимающеюся ико-*

ной повѣсить лампаду и поставить большой церковный свѣщникъ.

Можно и внутри все изъ мрамора же и гранита сдѣлать: русскую печь, скамьи и столъ съ раскинутою на немъ стратегическою картой (подобно тому, какъ въ ледяномъ домикѣ Анны Іоанновны все было сдѣлано изо льда). Прибавлю, впрочемъ, что, говоря о матеріалѣ постройки, я придерживаюсь указаній думы, но собственно, по моему мнѣнію, темный гранитъ снаружи и изразцовая отдѣлка внутри были бы всего лучше.

Изба подобная должна стоять не прямо на землѣ, а на широкомъ пьедесталѣ, изъ болѣе дешеваго, но прочно сложеннаго камня.

Я знаю, на все это можно возразить, что такая гранитная изба, на широкомъ пьедесталѣ, будетъ напоминать игрушку или прессъ-папье въ большомъ видѣ. Но если пугаться подобными возраженіями, то на Западѣ, напримѣръ, нельзя было бы строить и готическихъ соборовъ, потому что ихъ можно въ маломъ видѣ потомъ изобразить изъ бронзы для столовыхъ часовъ подъ колпакомъ. Новгородскій памятникъ тысячелѣтія Россіи въ маломъ видѣ очень хорошъ для кабинетнаго колокольчика; но отъ этого достоинства его ничуть не уменьшаются.

Примѣчаніе 1885 года.

Насмѣшливый оттѣнокъ, который я придавалъ слову „обелискъ" въ 1877 году, разумѣется не могъ относиться къ каменному столбу, поставленному гораздо позднѣе на почти забытомъ мѣстѣ знаменитой „Избы Совѣта",—офицерами одного изъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. *Этотъ* „обелискъ" дѣлаетъ гг. офицерамъ большую честь,—они сдѣлали, что могли. Я же въ 77 году писалъ о памятникѣ большомъ и дорогомъ, воздвигнутомъ по національной подпискѣ; и какъ тогда опасался, такъ и теперь опасаюсь нашей вѣчной умственной робости и нашего... не просто

только безвкусія, а того безвкусія подражательнаго и безцвѣтнаго, которое такъ глубоко въѣлось въ насъ со временъ Петра I.

Два представителя индустріи *).

Иногда мнѣ кажется, будто главное несчастіе въ томъ, что въ наше время всякій хочетъ быть *благодѣтелемъ* не друзей своихъ, не нѣсколькихъ бѣдныхъ людей, которыхъ онъ пожалѣлъ и полюбилъ, а *цѣлаго человѣчества...*

Куда спастись отъ *такого рода* гуманности?

Если бы я вздумалъ передавать всѣ встрѣчи мои въ Россіи и за границей съ разными людьми образованнаго общества, то вѣрно составился бы цѣлый сборникъ нерѣдко крайне поучительныхъ и любопытныхъ бесѣдъ и разсужденій.

Я вспоминаю теперь только о двухъ представителяхъ „индустріальнаго движенія“ и предоставлю людямъ судить, который изъ нихъ лучше.

Одинъ —еврей; я назову его только начальной буквой его фамиліи—Ф. Онъ человѣкъ семейный, живетъ то на Дунаѣ, то въ Одессѣ, то въ Царьградѣ; лѣтъ за сорокъ; всегда въ какихъ-нибудь оборотахъ и смѣлыхъ предпріятіяхъ, всегда съ акціями, съ судоходствомъ, съ желѣзными дорогами, часто теряетъ, проигрываетъ на этихъ оборотахъ очень много, можетъ быть, все, и снова поправляется. Ему мила, какъ видно, эта акціонерная и торговая борьба,—онъ этимъ дышетъ, онъ поэтъ въ такого рода дѣлахъ.

Однажды мы вмѣстѣ съ Ф. ѣхали на дунайскомъ пароходѣ часа три подъ рядъ. Меня давно уже занимала эта мысль: „что такое всеобщая польза?“ И я никогда не умѣлъ найти на нее хорошаго объясненія.

За нѣсколько дней передъ этимъ путешествіемъ я прочелъ въ газетахъ рѣчь Бейста, въ которой былъ, между прочимъ, такой взглядъ на новые пути сообщенія: „многіе спра-

---

*) Гражданинъ, 1883 г.

ведливо замѣчаютъ, что съ распространенiемъ желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ кровопролитныя войны въ Европѣ участились, вмѣсто того, чтобы стать рѣже. Нельзя не согласиться, что это такъ; но *мы надѣемся, что это зло лишь временное и что настанетъ эпоха...*" и т. д. Однимъ словомъ, извѣстныя фразы о надеждахъ на всеобщiй миръ и согласiе народовъ.

Послѣ чтенiя этой газеты и путешествiя съ евреемъ по Дунаю, мнѣ пришлось говорить о рѣчи Бейста съ однимъ пруссакомъ юнкерскихъ убѣжденiй. Пруссакъ этотъ былъ молодецъ; онъ служилъ въ русскихъ войскахъ противъ венгерцевъ въ 48 году; вполнѣ ли искренно, или нѣтъ, но русскихъ хвалилъ, французовъ ненавидѣлъ и очень вѣрно еще тогда предсказывалъ имъ гибель въ случаѣ столкновенiй съ Германiей (это было, конечно, послѣ 66 года).

По поводу различныхъ механическихъ изобрѣтенiй нашего времени пруссакъ высказалъ такую мысль: „Безъ войны жить долго невозможно. И сто лѣтъ мира опять окончатся войнами. Но изобрѣтенiя разрушительныхъ средствъ могутъ зайти, наконецъ, такъ далеко, дойдутъ до такой безсмысленности, что настанетъ глубокiй поворотъ къ старому: люди возвратятся опять къ чему-нибудь въ родѣ холоднаго оружiя, опять будутъ возвращены права личной отвагѣ, ловкости, упражненiю и физической силѣ... И тогда снова и неизбѣжно выработается новая военная аристократiя... Посмотрите, было время, когда всѣ граждане были воины. Быть хорошимъ гражданиномъ значило прежде всего быть смѣлымъ воиномъ. Потомъ развился государственный, спецiальный милитаризмъ отдѣльныхъ войскъ; народы распались на воиновъ и гражданъ. Теперь нацiи стремятся снова *къ старому—къ поголовнымъ ополченiямъ*. То же будетъ и съ механическими изобрѣтенiями,—будетъ возвратъ..."

Меня заняла эта мысль пруссака, и я заговорилъ на пароходѣ съ евреемъ и о ней по поводу рѣчи г. Бейста. Мнѣ очень хотѣлось знать, что скажетъ обо всемъ этомъ мой кипучiй практикъ.

Говоря, я, наконецъ, замѣтилъ, что глаза у него стали слишкомъ томны и разсѣянны, что онъ смотритъ куда-то вдаль.

— Вы ничего не слышите?—сказалъ я ему смѣясь.

— Простите мнѣ,—отвѣчалъ умный еврей,—это правда. Я задумался о другомъ. Признаюсь вамъ искренно, я не умѣю философствовать о человѣчествѣ, о прогрессѣ, и нѣтъ мнѣ дѣла даже, куда идетъ человѣчество—къ худшему, или лучшему. У меня есть семья, дѣтей моихъ я люблю. Я испыталъ нужду въ жизни и хочу пріобрѣсти для нихъ побольше. Вотъ и вся моя забота. А человѣчество какъ знаетъ!

Мнѣ этотъ честный, прямой отвѣтъ ужасно понравился. Замѣчу къ тому же, что еврей этотъ—человѣкъ добрѣйшей души, нерѣдко щедрый, и я знаю, напримѣръ, какъ онъ часто помогалъ и выручалъ изъ бѣды Василія Кельсіева, въ бытность его на Дунаѣ. Этотъ даровитый и увлекающійся человѣкъ страдалъ и боролся дѣйствительно изъ-за любви къ идеѣ, къ идеѣ ошибочной, отъ которой онъ позднѣе такъ смѣло и торжественно отрекся. Но, какъ бы то ни было, еврей Ф., столь *узкій* практикъ во взглядахъ, былъ широкъ на дѣлѣ, былъ добръ, великодушенъ и умѣлъ жалѣть страдальца *за теорію*. Какъ же не хвалить и не уважать его?

Другой *буржуа*, о которомъ я хочу здѣсь упомянуть,—французъ К. Онъ инженеръ и былъ сотрудникомъ геніальнаго фактора и составителя компаній для большихъ предпріятій—Лессепса.

Натянутый, *непріятно*-холодный въ обращеніи, онъ мнѣ „и самъ собой“ уже не очень понравился... Но когда онъ заговорилъ, я просто удивился, до чего эти люди *отстали* какъ-то и застыли въ понятіяхъ своихъ. Г. К. нажился, разумѣется, хорошо, копая каналы и проводя новые и „благодѣтельные“ пути сообщенія...

Я встрѣтилъ однажды его въ обществѣ, у русскихъ, или полурусскихъ людей. Онъ долго увѣщевалъ хозяйку дома не давать ничего никогда бѣднымъ, потому что это балуетъ ихъ и отучаетъ отъ работы („le travail“!!!).

— Я полагаю,—сказалъ онъ,—что вредитъ не только раздача милостыни, но даже и устройство разныхъ заведенiй для бѣдныхъ только развращаетъ ихъ. Тотъ, кто желаетъ имъ добра, не долженъ помогать имъ.

Потомъ онъ сталъ говорить противъ отдѣльныхъ нацiональностей и государствъ (такъ, какъ говорятъ анархисты болѣе миролюбиваго оттѣнка). „Человѣчество — вотъ цѣль моей жизни!“ восклицалъ онъ.

Сказалъ потомъ, что всякая метафизика никуда не годится и что онъ принадлежитъ къ философской школѣ Огюста Конта. Что эта школа совѣтуетъ наблюдать только *явленiя* и ихъ отношенiя другъ къ другу, оставляя въ сторонѣ всякiй вопросъ о сущностяхъ.

— Позвольте,—сказалъ ему тогда одинъ изъ нашихъ русскихъ: но вѣдь и геометрiя, напримѣръ, безъ которой астрономiя, самая точная изъ точныхъ наукъ, не могла бы развиться, геометрiя начинается съ понятiя вовсе не реальнаго, а мечтательнаго и условнаго—*точки*. Что такое геометрическая, идеальная точка? Протяженiе безъ протяженiя, безъ длины, безъ ширины, безъ высоты... Реально—это нуль. Точно такъ же нуль, какъ и *вѣсомый*, но не *протяженный* атомъ физики. Откуда же возьмемъ мы линiю, имѣющую самую малую длину, если прикладывая точку-нуль къ другой точкѣ-нулю, мы получимъ все одно и то же—ничто? Съ другой стороны, вѣдь и реальныхъ линiй, имѣющихъ только длину, въ природѣ тоже нѣтъ; самая тонкая линiя, которой кончается тончайшее лезвее бритвы, есть вѣдь *площадь*, разсмотрѣнная въ сильный микроскопъ, и площадь пилообразная, т. е. состоящая изъ многихъ наклонныхъ плоскостей. И *площадей* отдѣльныхъ въ природѣ тоже нѣтъ,—всѣ онѣ *приросли* къ тѣламъ. *И тѣла отдѣльныя*—что такое? Мы не знаемъ, каковы они *сами по себѣ*; мы знаемъ только наши о нихъ представленiя. Остановясь нѣсколько времени на *реализмѣ*, т. е. отвергая всякое сужденiе о сущностяхъ *объективныхъ* и ограничиваясь одними *нашими* впечатлѣнiями, одними *нашими* наблюденiями и заключенiями,—мы стоимъ уже *на грани* самаго крайняго *идеализма*... Одинъ шагъ, одинъ искусный, ло-

гическій поворотъ и—мы перейдемъ въ системы, подобныя системѣ Фихте, которая говоритъ, что существуетъ дѣйствительно только наше „я“, наше сознаніе, а весь внѣшній міръ есть не что иное, какъ произведеніе этого „я“, этого *сознанія.*

На все это французъ отвѣчалъ сурово: „Monsieur, je ne fais pas de métaphysique! Я прежде всего спрошу у васъ, допускаете-ли вы, что всѣ прямые углы равны?“

— Если вы не хотите мнѣ отвѣчать на вопросъ мой объ идеальной точкѣ, разсужденіе невозможно, сказалъ русскій. Прямые углы, конечно, равны. Геометрія, конечно, прекрасно разработана; она даетъ основаніе механикѣ, механика строитъ желѣзныя дороги и копаетъ каналы, которые измѣняющимъ образомъ дѣйствуютъ на бытъ обществъ человѣческихъ... Вы говорите, что не хотите и знать метафизики; а между тѣмъ безъ этой метафизики вы съ г. Лессепсомъ не могли бы прорыть столь любимый вами Суэцкій каналъ. Я беру въ свидѣтели не нѣмецкаго какого-нибудь мечтателя, а вашего Вольтера, генія, такъ-называемаго, „здраваго смысла“... Въ статьѣ своей Métaphisique, въ Философскомъ Лексиконѣ, онъ говоритъ такъ, если не ошибаюсь: „Къ предметамъ метафизики можно также отнести самыя начала (принципы) математики, точки безъ протяженія, линіи безъ ширины, поверхности безъ глубины, единицы дѣлимыя до безконечности“ и т. д. Какъ же безъ этихъ метафизическихъ нелѣпостей вы управляли бы машинами и всѣми вашими инженерными работами въ Египтѣ?..“ Да! *Середина* пути, проходимаго математическими и реальными науками, изумительна своими могучими результатами. Но одинъ конецъ этихъ наукъ, *начальный, исходный* конецъ, погруженъ безслѣдно теоріей мечтательныхъ точекъ и невообразимыхъ атомовъ въ ту самую бездонную пропасть сущностей и метафизики, которую вы хотите отвергнуть навсегда, а другой конецъ, конецъ *практическаго выхода въ жизнь,* исполненъ сомнѣній и неожиданностей. На землѣ до сихъ поръ было такъ, что ни одно изобрѣтеніе человѣка не приносило всѣмъ равное удовольствіе и выгоду, а многимъ причиняло страданія... Стра-

даніе и неравенство выгодъ и удовольствій мы видимъ въ реальныхъ явленіяхъ настоящаго и прошедшаго; а *всеобщая* радость и польза—все еще пока въ мечтахъ будущаго. Что *научнѣе:* наблюденіе настоящаго, изученіе прошедшаго, или мечта о небываломъ?

У инженера лицо исказилось гнѣвомъ. Онъ всталъ, собрался уходить и сказалъ торжественно:

— Monsieur! Я трудился подъ палящими лучами египетскаго солнца. Я, можетъ быть, повредилъ себѣ здоровье. Повѣрьте, я не сталъ бы этого переносить, торгуя сальными свѣчами. Но я твердо *вѣрю,* что я трудился на *благо всего человѣчества!..*

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ русскій,—надо признать это вопросомъ вѣры; это своего рода религія и больше ничего.

— Это мои убѣжденія!—сказалъ французъ раздражительно.

— Это своего рода вѣра, религія, которую можно уважать, какъ и всякую другую, если есть охота,—настойчиво повторилъ русскій.

Когда французъ ушелъ, русскій собесѣдникъ нашъ прибавилъ, отведя меня въ сторону:

— Я еще умолчалъ объ одномъ... Говорятъ, будто они съ своимъ Лессепсомъ заморили тамъ на работѣ до 20,000 феллаховъ, которыхъ „по наряду“ давалъ имъ хедивъ. Что же?— Феллахи эти, мучаясь и умирая, благоденствовали что ли отъ мысли, что прославляютъ этихъ просвѣтителей и европейскую науку?.. И чѣмъ же, если это правда, эти прогрессисты лучше своихъ предковъ, избивавшихъ еретиковъ для спасенія души и прославленія Церкви?.. Не понимаю, почему *ихъ вѣра въ подобный прогрессъ* лучше той вѣры... Не понимаю!

Развѣ не правъ былъ этотъ русскій?

Итакъ, современный реализмъ на практикѣ у большинства людей, ему служащихъ, не есть только точная наука для точной науки; напротивъ того: математическія и реальныя науки, даже и понятыя въ этомъ духѣ, все-таки начинаются метафизическими условными и неизбѣжными уловками и кон

чаются *религіей эвдемонизма, вѣрой въ будущее всеобщее благоденствіе на землѣ.* Не похожа ли эта вѣра на то, что вотъ-вотъ завтра всѣ круги станутъ четырехугольны и что земля до сихъ поръ лишь „по ошибкѣ и по невѣжеству нашихъ праотцевъ“ обращалась около солнца, а по воцареніи людей *добра, правды и истинной науки* она начнетъ обращаться около Сиріуса, или около одной изъ звѣздъ Лиры и Кентавра?

Итакъ, не надо строить желѣзныхъ дорогъ? Не надо проводить телеграфы?

Нѣтъ, я этого не говорю: стройте и проводите себѣ, что хотите, восхищайтесь изобрѣтеніями; но, прошу васъ, не увѣряйте меня и столькихъ другихъ людей, что вы черезъ это наши благодѣтели! Многимъ, *очень* многимъ людямъ, можетъ быть, это вовсе невыгодно и непріятно. Но одни изъ нихъ еще не поняли этого, не взвѣсили еще на вѣсахъ разума и чувства, насколько вредъ отъ этого извращенія всего естественнаго на земномъ шарѣ превышаетъ пользу и выгоды, доставляемыя бѣшенствомъ индустріи и умственнымъ распутствомъ всѣхъ этихъ уродующихъ жизнь изобрѣтеній; это— одни, это *многіе*, это тѣ, которые *еще не поняли* и младенчески радуются... „Разумъ молъ!“ А другіе, немногіе, это тѣ, которые *уже поняли* давно, но еще подавлены всѣмъ громомъ этимъ, шумомъ, блескомъ и смѣхомъ одурѣлаго многолюдства!

Подумаемъ. Вспомнимъ примѣры, примѣры самые простые:

По желѣзной дорогѣ пріѣдетъ, положимъ, скорѣе ко мнѣ другъ, сынъ поспѣетъ легче обнять умирающую мать; но зато пріѣдетъ и непріятный мнѣ человѣкъ, врагъ и соперникъ въ дѣлахъ или въ привязанностяхъ моихъ. По желѣзной дорогѣ привезутъ мнѣ скорѣе изъ Германіи книгу Овербека *Свѣтъ съ Востока*; но вмѣстѣ съ ней привезутъ другому Штрауса и Ренана. По желѣзной дорогѣ я легче уѣду вылѣчиться отъ ревматизма на дальнія воды, о которыхъ я прежде не смѣлъ и помыслить; но эта же желѣзная дорога разнесетъ скорѣе прежняго по всему краю отвратительный и ужас-

ный бичъ—холеру, отъ которой погибнетъ любимый мною человѣкъ. Во внутреннихъ городахъ Турціи Европейской, въ Янинѣ, въ Битоліи, въ Адріанополѣ—никогда не было холеры; сообщенія трудны. Горы и широкія холмистыя поля, по которымъ едва тащились мулы, верховые кони, неудобныя повозки, служили природнымъ карантиномъ для заразы. Россія, въ которой давно пути сообщенія лучше турецкихъ и сама страна несравненно ровнѣе, гораздо больше и чаще страдала отъ холеры. И чѣмъ удобнѣе сама страна для сообщенія и чѣмъ больше, сверхъ того, развиваются въ ней желѣзные пути, тѣмъ чаще и чаще возвращаются въ ней эпидеміи...

И замѣтимъ еще по поводу эпидемій эту наклонность общества при всякомъ несчастіи нападать на все старое, прежнее, охранительное, напримѣръ—на скопленіе богомольцевъ въ Меккѣ или въ Кіевѣ, и на нерѣшительность упомянуть хоть вскользь о вліяніи какой-нибудь изъ *святынь прогресса*... О вліяніи выставокъ, рельсовъ, пара... Развѣ это *научно?* Какіе предразсудки! Что за фанатизмъ утилитарнаго безумія..

Желѣзная дорога, соединяющая два важные пункта, можетъ стать при случаѣ гибелью для одного государства и условіемъ торжества для другого... Приводить ли примѣры?... Ихъ такъ много!

Желѣзныя дороги и фабрики, работающія паромъ, нещадно истребляютъ лѣса; отъ истребленія лѣсовъ мѣняется климатъ, мелѣютъ рѣки, учащаются неурожаи, измѣняется самый характеръ жителей къ худшему. Они душевно мельчаютъ отъ излишняго общенія, какъ доказываетъ Риль въ своихъ прекрасныхъ книгахъ...

Желѣзныя дороги обогащаютъ иныхъ счастливцевъ и разоряютъ многихъ...

Съ христіанской точки зрѣнія оно, пожалуй, и не бѣда. Помѣщикъ отправилъ большой запасъ хлѣба и удачно продалъ его. Ему скоро привезли множество денегъ.

— Не слишкомъ забывайся, — говоритъ ему Церковь, — не будь похожъ на богача евангельской притчи, который сказалъ себѣ: „ѣшь, пей и веселись“, — и въ ту же ночь

умеръ. Эта самая желѣзная дорога, быть можетъ, завтра привезетъ холеру или оспу, которая заразитъ и убьетъ тебя. Благодари Бога, дай часть на храмъ, дай людямъ, которые бѣднѣе тебя, пошли на обители дальнія, чтобы тамъ за тебя молились каждый день...

Сосѣдній троечникъ, извозчикъ, который прекрасно по-крестьянски жилъ извозомъ, потерялъ весь доходъ отъ ремесла своего, которое послѣ постройки этой дороги стало ненужно. Онъ ропщетъ.

Церковь и для него имѣетъ вполнѣ здравый, вполнѣ сообразный съ дѣйствительной жизнью отвѣтъ:

— Не ропщи. Бѣдность благословлена Христомъ. Христосъ самъ былъ бѣденъ. Апостолъ Павелъ жилъ тѣмъ, что шилъ палатки. Ты прежде много веселился и пилъ. Теперь погрусти и помолись, и Богъ поможетъ. Ты все-таки не нищій, не бездомный человѣкъ. Кто же тебѣ сказалъ, что эта земля создана для радостей?.. Это не сказано нигдѣ. Если тебѣ очень тягостно стало жить въ міру послѣ этого несчастія, иди въ монахи. Монахи нужны Церкви, а Церковь нужна и государству, и отдѣльнымъ лицамъ. Ставши хорошимъ монахомъ, ты многимъ людямъ будешь полезенъ... А не хочешь, такъ трудись и въ міру, *страдай* съ молитвой. Страданья твои, твоя борьба, твой трудъ будутъ *вещественно полезны другимъ, а нравственно тебѣ,* чтобы ты образумился и сталъ впередъ болѣе набоженъ...

Человѣкъ православный можетъ прибавить еще и вотъ что: „Россія до сихъ поръ есть главный оплотъ и надежда нашей Восточной Церкви. Сила ея правительства, характеръ нѣкоторыхъ ея учрежденій, простодушіе нашего народа, съ одной стороны, съ другой стороны—возрастающая образованность нашего духовенства, даже (быть можетъ) впечатлительность и самая пресыщенность нашего дворянскаго общества, располагающія столькихъ лицъ къ душевной боли и безпокойнымъ исканіямъ, которымъ нигилизмъ *удовлетворить не можетъ,*—всѣ эти силы служатъ или могутъ служить Церкви... Надо *ихъ защищать.* Надо, чтобы Россія была могущественна и богата; надо, чтобы западные сопер-

ники не могли легко побѣждать *русскія войска*; поэтому, нужно имѣть все то, что имѣютъ эти соперники... Нужно имѣть, къ несчастію, и *желѣзные пути*...

Итакъ, христіанство съ этой непосредственной точки зрѣнія, пожалуй, ничего не имѣетъ противъ *новыхъ случаевъ неравенства и новыхъ формъ страданія, которыя происходятъ отъ новыхъ открытій, отъ реформъ, отъ изобрѣтеній.*

Но какъ помирить этого несокрушимаго, вездѣсущаго *Аримана*, это *зло*, съ надеждами на воцареніе всеобщаго блага?

Вѣдь *благоденствіе* мѣряется *чувствомъ?* Оно—дѣло *субъективное, признакъ неуловимый, жажда ненасытная, степень со стороны непонятная*...

Нѣтъ и не будетъ, вѣроятно, никакой статистики для опредѣленія, когда и *гдѣ больше страданій и у кого они глубже*... Въ какой странѣ? При какой формѣ правленія? И при какомъ соціальномъ устройствѣ?... До реформъ —у насъ, напримѣръ, или послѣ?.. И еще вопросъ: кто больше, кто глубже страдалъ—крѣпостной ли крестьянинъ, котораго наказали тѣлесно, или дворянинъ и офицеръ Печоринъ, котораго пожирали ненасытный романтизмъ, разочарованіе, одиночество сердца, славолюбіе, пытливый умъ сверхъ всѣхъ тѣхъ тѣлесныхъ неудобствъ, недуговъ и опасностей, которымъ подверженъ не только кавказскій офицеръ, но и всякій царь земной?..

А если мнѣ скажутъ, что въ случаѣ тѣлеснаго наказанія надо брать не только благоденствіе, но и достоинство человѣка, то я отвѣчу: вы вводите *новое* начало, другое мѣрило, *мѣрило достоинства*,—начало *эстетическое, объективное, ограниченное*, наблюденію доступное, до котораго, строго говоря, *благоденствію субъективному, беззаконному и ненасытному — нѣтъ дѣла.*

Если разъ допущено въ разсужденіе подобное эстетическое начало, то я могу опереться на то, что *образъ будущаго мелкоученаго, поверхностно мыслящаго* и *трудового человѣчества былъ бы вовсе* и *не прекрасенъ*, и *не достоинъ!*

Да и то еще вопросъ: будетъ ли счастливо подобное че-

ловѣчество? Не будетъ ли оно нестерпимо тосковать и скучать?

Нѣтъ, я въ правѣ презирать такое блѣдное и недостойное человѣчество, безъ пороковъ, правда, но и безъ добродѣтелей, и не хочу ни шагу сдѣлать для подобнаго прогресса!.. И даже больше: если у меня нѣтъ власти, я буду страстно мечтать о поруганіи идеала всеобщаго равенства и всеобщаго безумнаго движенія; я буду разрушать такой порядокъ, если власть имѣю, ибо я слишкомъ люблю человѣчество, чтобы желать ему такую спокойную, быть можетъ, но пошлую и унизительную будущность!

„Быть можетъ“ я сказалъ... Нѣтъ, нѣтъ! Я ошибся!

— *Быть не можетъ*, чтобы человѣчество стало такъ *отвратительно счастливо*, какъ того хочетъ Прудонъ.

„Всѣ люди равны въ первоначальной общинѣ,—говоритъ онъ,—равны своей наготой и своимъ невѣжествомъ. Общій прогрессъ долженъ вывести всѣхъ людей изъ этого первобытнаго и отрицательнаго равенства и довести ихъ до равенства положительнаго не только состояній и правъ, но даже талантовъ и познаній. *Іерархія способностей* должна отнынѣ быть отвергнута, какъ организующій принципъ; *равенство* должно быть единственнымъ правиломъ нашимъ и оно же есть *нашъ идеалъ. Равенство душъ, отрицательное вначалѣ, ибо оно изображаетъ лишь пустоту, должно повториться въ положительной формѣ, при окончаніи (?) воспитанія человѣческаго рода!*“

Хорошо „воспитаніе“!

Знакомство съ Лессепсомъ*).

Объ этомъ особаго оттѣнка благодѣтелѣ рода человѣческаго, конечно, слыхалъ я еще до встрѣчи съ нимъ въ Константинополѣ въ 73 году. Онъ въ то время былъ на вершинѣ своей славы... Онъ, французскій буржуа, буржуазно-коллективными средствами исполнилъ то, чего не смогъ

*) Гражданинъ 1883 г.

исполнить египетскій фараонъ Нехао: онъ соединилъ Средиземное море съ Краснымъ...

Такъ какъ эстетическое чувство было у меня всегда довольно сильно, то я не особенно интересовался видѣть этого героя индустріальнаго прогресса, и хотя зналъ, что онъ въ Константинополѣ и входитъ по какимъ-то дѣламъ въ сношенія съ русскимъ посольствомъ, но мнѣ и въ голову не приходило, что придется говорить когда-нибудь съ нимъ и слышать отъ него нестерпимый вздоръ.

Впрочемъ, незадолго до нашей встрѣчи на большой Перской улицѣ, я слышалъ разговоръ одной изъ нашихъ посольскихъ дамъ (женщины очень остроумной и наблюдательной, замѣчу мимоходомъ) съ тѣмъ самымъ французскимъ инженеромъ К.—, о которомъ я писалъ въ прошлый разъ. Я тогда сказалъ, что К.— былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Лессепса при прорытіи Суэцкаго канала.

Эта дама увѣряла К.—, что она „никакъ не можетъ себѣ представить Лессепса геніемъ". „Я видѣла его нѣсколько разъ,—сказала она,—разговаривала съ нимъ. Дѣлала надъ собой усилія, чтобы вообразить его человѣкомъ великаго ума, и никакъ не могла. Многіе изъ другихъ моихъ знакомыхъ производятъ на меня впечатлѣніе гораздо болѣе сильное, чѣмъ мосье Лессепсъ".

К.— съ важностью сталъ доказывать ей, что ея впечатлѣнія ошибочны,—что Лессепсъ геній особаго рода; что никто въ мірѣ не умѣетъ и не можетъ, подобно ему, обдумать съ практической точки зрѣнія какой-нибудь гигантскій проектъ, соединить для этой цѣли людей и довести дѣло до полнаго окончанія.

Я слушалъ этотъ разговоръ и вспоминалъ, какъ я, года два-три тому назадъ, лежалъ на полу, на турецкой постели, покрытой ковромъ, въ горахъ Эпира, у пылающаго очага, и читалъ „Московскія Вѣдомости", которыя мнѣ только что привезли изъ Янины. Изъ нихъ, хотя и поздно, я узнавалъ подробности празднествъ, бывшихъ въ Египтѣ по поводу прорытія Суэцкаго канала. Признаюсь, и тогда уже празднества эти интересовали меня больше самого прорытія, хотя

въ то время я былъ еще далекъ отъ моего теперешняго систематическаго и раціонально (въ моихъ глазахъ) оправданнаго отвращенія къ индустріальнымъ открытіямъ и физико-механическому прогрессу; хотя мнѣ не было тогда такъ ясно, какъ ясно теперь, что этотъ родъ прогресса чрезвычайно вреденъ и разрушителенъ для всего человѣчества; что онъ есть лишь неизбѣжный спутникъ либеральнаго плутократизма,— гадкій и вредный плодъ сочетанія *утилитаризма въ наукѣ со слишкомъ свободнымъ движеніемъ капиталовъ и людей*, и долженъ погибнуть вмѣстѣ съ либерально-эгалитарнымъ идеаломъ нынѣшнихъ обществъ... Хотя я до этого яснаго пониманія тогда еще не доросъ, но, по какому-то полугосударственному, полуэстетическому инстинкту, я чувствовалъ, что труды подъятые и затраты сдѣланныя для соединенія Средиземнаго моря съ Краснымъ—вовсе *не всѣмъ* могутъ быть полезны или выгодны; а *прекраснаго* ужъ, разумѣется, тутъ нѣтъ ничего.

И потому, минуя безъ вниманія все то, что касалось до самаго канала, я интересовался гораздо болѣе императрицей Евгеніей, ея художественными впечатлѣніями на Востокѣ и, вообще, важными лицами празднествъ, чѣмъ факторскимъ, такъ сказать, величіемъ г. Лессепса, умѣющимъ такъ блистательно составлять индустріальныя компаніи въ исполинскихъ размѣрахъ. Самъ предпочитая ѣзду верхомъ по горамъ ѣздѣ на пароходахъ, я отдыхалъ отъ машинъ и новыхъ путей сообщенія, читая, какъ императрица Евгенія ѣздила *на верблюдѣ смотрѣть пирамиды*... Но невольно я дочелъ и до того мѣста, гдѣ корреспондентъ описывалъ и самого Лессепса.

Русскій корреспондентъ, я помню, представлялъ Лессепса сидящимъ (чуть ли не верхомъ) на стулѣ во фракѣ и съ лентой Почетнаго Легіона черезъ плечо... Я помню также, какъ онъ наружность его изображалъ: „коротко остриженный и съ энергическимъ выраженіемъ лица“.

Когда я встрѣтилъ Лессепса года черезъ два послѣ того, я нашелъ, что онъ, во-первыхъ, вовсе не слишкомъ коротко остриженъ, а во-вторыхъ, что лицо его скорѣе можно на-

звать оживленнымъ и въ иныя минуты „любезнымъ“, чѣмъ особенно энергическимъ. Я воображалъ его совсѣмъ инымъ, т. е. ожидалъ встрѣтить одного изъ тѣхъ грубыхъ французскихъ épiciers съ „жадными, скупыми“ глазами, которыхъ такъ справедливо ненавидѣлъ Герценъ и которыхъ я имѣлъ несчастіе не разъ встрѣчать и въ средѣ французскихъ чиновниковъ и торговцевъ на Востокѣ, на пароходахъ и на европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ и въ магазинахъ нашихъ русскихъ столицъ. Нѣтъ ничего отвратительнѣе грубаго европейца средней руки; ибо грубость его вовсе не наивна и не добродушна, но претендательна, злобна и раздражительна. Признаюсь, мнѣ, можетъ быть, было бы даже пріятно видѣть Лессепса такимъ по ненависти моей къ индустріи и къ европейскимъ формамъ демократіи; но истина заставляетъ меня признаться, что онъ не таковъ.

Увы, онъ—пріятенъ!

Мы шли разъ съ моимъ другомъ Г—вымъ по Перской улицѣ.

Вдругъ Г—въ шепнулъ мнѣ:—„Лессепсъ! Я васъ сейчасъ познакомлю“.

Мы встрѣтились. Лессепсъ былъ въ новомъ цилиндрѣ, въ черномъ, хорошо сшитомъ сюртукѣ и съ тросточкой. Съ виду ему тогда казалось лѣтъ 50 съ небольшимъ. (Это было въ 73 году). Росту онъ небольшого; лицо его мнѣ показалось очень блѣднымъ, желтымъ, въ морщинахъ; не помню, были ли у него усы,—кажется были; но бороды не было, и я замѣтилъ, что бѣлокурые съ просѣдью виски его были приглажены впередъ, какъ у людей 30-хъ и 40 годовъ. Эти виски впередъ, бритая борода и привѣтливая улыбка при встрѣчѣ и разговорѣ съ нами произвели на меня, какъ я уже сознался со вздохомъ, пріятное впечатлѣніе: большинство французскихъ буржуа, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться за послѣднее время, почти всѣ носили бороду и чесались какъ-то иначе. Я былъ радъ встрѣтить человѣка хоть сколько-нибудь, хоть чѣмъ-нибудь да непохожаго на *современныхъ* своихъ соотечественниковъ!.. Мой русскій пріятель познакомилъ насъ. Остановившись съ нами, Лессепсъ на-

чалъ говорить о тѣхъ наводненіяхъ, которыя тогда одно за другимъ производили опустошенія въ Южной Европѣ...

Не помню, какая именно рѣка тогда только-что выступила изъ береговъ въ Италіи или Южной Франціи... По этому поводу я сказалъ Лессепсу:

— Не вашъ ли каналъ, м-сье Лессепсъ, причиняетъ всѣ эти бѣдствія? Не измѣнилось ли что-нибудь въ гидростатикѣ и гидродинамикѣ отъ соединенія двухъ морей, никогда въ прямомъ сообщеніи не бывшихъ?.. Не измѣнились ли вѣковыя какія-нибудь теченія и т. п.?..

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ Лессепсъ быстро и небрежно. Каналъ тутъ не причемъ.

И тотчасъ же началъ говорить о своемъ проектѣ внутренняго моря въ Сахарѣ, который, конечно, оплодотворилъ бы Африку, но вѣроятно заморозилъ бы Европу, лишивъ ее этой вѣковой экваторіальной печи.

Но до этого въ минуту нашей встрѣчи на Перской улицѣ было еще далеко, и мы толковали о другомъ.

Говорилъ Лессепсъ поспѣшно и какъ будто даже легкомысленно; очень скоро перешелъ, не помню какъ, къ политическому вопросу и тутъ же на улицѣ объявилъ, что „черезъ какихъ-нибудь 10 лѣтъ во всей Европѣ не останется ни одного монарха,—вездѣ будетъ республика!“. „Исключая, впрочемъ, Россіи (прибавилъ онъ съ любезной улыбкой). L'Empereur de Russie останется одинъ... Онъ необходимъ...“

— Почему же именно вы дѣлаете для насъ, русскихъ, это пріятное исключеніе?—спросилъ мой спутникъ...

Лессепсъ продолжалъ, и все тѣмъ же тономъ самоувѣренно-легкимъ, все такъ же „неглиже съ отвагой“.

— Видите ли, народы нуждаются въ царяхъ до тѣхъ поръ, пока они необразованны. Вашъ русскій народъ пока еще стадо барановъ... Разумѣется (при этомъ опять улыбка), я не говорю о людяхъ просвѣщенныхъ, подобныхъ вамъ... Пока русскій народъ подобенъ стаду барановъ, ему необходимо руководство сильной власти; но позднѣе и онъ просвѣтится, какъ другіе... И тогда...

Лессепсъ не кончилъ,

Не знаю, что сказалъ бы ему въ отвѣтъ на это мой пріятель Г— въ, если бы я не поторопился предупредить его возраженіемъ... Меня возмутила до-нельзя эта болтовня великаго исказителя земной коры!

— Извините, г. Лессепсъ!—воскликнулъ я:—мы, напротивъ того, склоняемся передъ нашимъ народомъ за то, что онъ больше насъ сохранилъ въ себѣ русскаго, восточнаго; мы уважаемъ его за то, что онъ меньше епропеецъ, чѣмъ мы, меньше похожъ на васъ, европейцевъ... Это наше спасенье...

Лессепсъ взглянулъ на меня мелькомъ. Въ глазахъ его выразилось на мгновенье, на самое краткое мгновенье, что-то такое... не то удивленное, не то недовольное, но онъ тотчасъ же отвернулся и возобновилъ свою „утилитарную“ рѣчь. Я не хотѣлъ слушать; меня раздражила его послѣдняя выходка, я брезгалъ его республиканскимъ пророчествомъ, въ которомъ не было ни ненависти, ни грусти и отчаянія, а, напротивъ того, слѣпая и, повидимому, сочувственная вѣра во благо всеобщей мелкой образованности народовъ по европейскому образцу...

Я тотчасъ же вспомнилъ о другомъ французѣ, о главномъ поварѣ нашего посольства. Онъ говорилъ то же самое. Лѣтомъ, на дачѣ, въ Буюкъ-Дере секретари посольства жаловались послу, что онъ не даетъ имъ спать поутру. Окна ихъ квартиры приходились противъ его оконъ; онъ вставалъ рано, открывалъ свое окошко и начиналъ во все горло кричать и спорить о политикѣ съ кѣмъ-то, съ *мармитонами* своими или съ кѣмъ еще—не знаю...

Онъ кричалъ *почти слово въ слово* то же самое, что Лессепсъ:

— Encore quelques années et nous ne verrons plus de monarque en Europe... Voyons-discutons—maintenant l'origine des Bourbons!

Поваръ въ убѣжденіяхъ и прорицаніяхъ шелъ еще дальше Лессепса и, повидимому, не исключалъ изъ своего мрачнаго пророчества и нашего Государя.

Послѣ жалобы секретарей онъ пересталъ кричать такъ

громко по утрамъ у окошка, но, вѣроятно, остался при своихъ либеральныхъ убѣжденіяхъ, подобно знаменитому краснослову Ж. Фавру, который въ гостяхъ у Бисмарка, на замѣчаніе этого послѣдняго, что „государственный человѣкъ не долженъ оставаться постоянно при однихъ и тѣхъ же политическихъ взглядахъ“, воскликнулъ сентиментально:— „Однако, графъ *), прекрасенъ видъ человѣка, вѣрнаго своимъ убѣжденіямъ!“

Бисмаркъ, кажется, на это ничего не отвѣтилъ; онъ, видно, не находилъ Ж. Фавра прекраснымъ...

Я же всякій разъ, глядя при встрѣчахъ на Лессепса и слушая его, вспоминалъ слова моей посольской знакомой, которая никакъ не могла вообразить его себѣ великимъ человѣкомъ, и всякій разъ находилъ ея впечатлѣніе вѣрнымъ.— Пріятный, любезный, ловкій человѣкъ—да!..

Великій?—Нѣтъ! Если бы онъ былъ ума великаго, то могъ ли бы не питать отвращенія къ всеобщей „мѣщанской“ республикѣ?

Францiя, бѣдная Францiя! Гдѣ ты, *прежняя*, дорогая намъ Францiя, столь изящная и великая, грозная и неустанно-творческая? Гдѣ ты?

Было время, когда, подобно королю королей твоихъ, говорившему: „Государство—это я!“—могла и ты съ гордостью сказать міру: „Европа—это я“!

Пожалуй, и теперь сказать это можно, съ точки зрѣнія общихъ началъ и общей судьбы... *Но лестно ли это теперь*? Вотъ вопросъ!

Епископъ Никаноръ о вредѣ желѣзныхъ дорогъ, пара и вообще объ опасностяхъ слишкомъ быстраго движенія жизни (1885 года).

Воспоминанія мои о Лессепсѣ и другихъ европейскихъ „индустріалахъ“ относятся къ 73 году.

Я жилъ тогда въ Константинополѣ. Незадолго до этихъ знакомствъ или встрѣчъ, важныхъ для меня не по значенію

*) Тогда, въ 1871 году, Бисмаркъ былъ еще графомъ.

самихъ этихъ людей, а по роду мыслей, которыя они въ умѣ моемъ тогда пробуждали, мнѣ случилось прочесть въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* маленькую замѣтку объ открытіи гдѣ-то въ Россіи новой желѣзной дороги и объ освященіи вокзала епархіальнымъ архіереемъ. Гдѣ, въ какой губерніи—не помню. Преосвященный говорилъ по этому поводу небольшую рѣчь; содержаніе ея было передано газетой, въ нѣсколькихъ строкахъ безъ всякихъ замѣчаній и оговорокъ. Но эти нѣсколько строкъ были таковы, что я бросилъ газету и мысленно воскликнулъ... „Боже мой! и архіерей... и архіерей русскій глаголетъ то же и все то же!“

— *Ускореніе сообщеній, цивилизація...* даже и *благоденствіе...*

Да, я помню, было даже и *благоденствіе*!..

— Господи!—подумалъ я тогда,—*на что же все это* епископу?.. Именно—епископу *на что?* Его долгъ по всякому подобному поводу, напротивъ того, или напомнить намъ притчу о томъ богатомъ, который сказалъ душѣ своей: „пей, ѣшь и веселись“—и въ ту же ночь умеръ; или посовѣтовать молиться усерднѣе, садясь въ вагонъ, на случай внезапной гибели; или сказать вообще, чтобы мы не носились съ человѣческимъ „разумомъ“, какъ наивные дурни съ писаною торбой; что умѣть видѣть мрачную сторону всѣхъ этихъ высокоумій научныхъ есть тоже *разумъ,* и даже самаго высшаго порядка.

Размышляя такъ, я даже старался вообразить какого рода проповѣдь или поученіе сказалъ бы я самъ въ этомъ случаѣ на мѣстѣ епископа, рискуя даже возбудить противъ себя то свѣтское начальство, которое пригласило меня освятить вокзалъ.

Послѣ всѣхъ этихъ печальныхъ размышленій прошло *двѣнадцать лѣтъ.* Во многомъ я оказался пророкомъ и сѣдины мои теперь многимъ утѣшены! Но ничто, кажется, изъ всѣхъ событій, перемѣнъ и *знаменательныхъ зачатій* за послѣдніе четыре года не восхитило меня такъ глубоко, какъ то, что преосвященный Никаноръ Херсонскій осуществилъ прошлаго года мою давнюю и словно какъ бы несбыточную

мечту о русскомъ іерархѣ, громящемъ паръ и всю эту оргію „обмѣна“ на какомъ-нибудь вокзалѣ, то-есть въ *самой берлогѣ* безпощаднаго чудовища.

Епископъ Никаноръ, котораго я и прежде уже глубоко чтилъ за его книгу *Позитивизмъ* и *Христіанство*, превзошелъ даже мои ожиданія въ своемъ поученіи.

Я мечталъ лишь о сухости, о холодности отношенія іерарха къ тріумфамъ механики—и встрѣтилъ неожиданно карающіе громы! Для *понимающаго*, для человѣка хоть сколько-нибудь дальновиднаго это поученіе страшно... въ своей ученой и ораторской силѣ.

Это лучъ божественнаго свѣта въ сатанинскомъ хаосѣ индустріальнаго космополитизма и современнаго вавилонскаго *все-смѣшенія*.

Это *Мани-Фекель-Фаресъ* вселикующему и безбожно-надменному раціонализму *средняго все-европейца*.

Не зная, имѣю ли я право перепечатать въ своей книгѣ всю эту замѣчательную рѣчь сполна изъ *Православнаго Обозрѣнія* *), воспользуюсь только тѣмъ сокращеніемъ ея, которое появилось въ одной очень умной, хотя и самой маленькой по размѣру изъ московскихъ газетъ, въ *Вѣстникѣ* Ѳед. Алекс. Гилярова (1884 г. 1 декабря, № 71):

„Явный вредъ и ясно предвидимая опасность быстрыхъ путей сообщенія заключаются въ томъ, что мы скоро живемъ и торопимся жить. Быстрыя современныя сообщенія развиваютъ до неимовѣрности ту быстроту, съ какою мы несемся невѣдомо куда, опасно, какъ бы не въ бездну. Излишняя быстрота всегда и вездѣ опасна.

Вообразимъ, что наша земля, кружась по своему эллиптическому пути около солнца, дѣлаетъ 26 верстъ въ секунду, болѣе 1,500 верстъ въ минуту; около 100,000 верстъ въ часъ, а въ годъ развиваетъ страшную быстроту многихъ милліоновъ верстъ своего бѣга вокругъ солнца. Но и солнце не стоитъ. По новѣйшимъ вычисленіямъ оказывается, что скорость поступательнаго движенія всей солнечной системы равняется 232,500,900 верстъ въ годъ, что составляетъ въ сутки для солнечной системы 637,000 верстъ, которую для земли нужно умножить еще на скорость ея движенія вокругъ солнца, а для каждой мѣстности на землѣ, напр., для этого пункта, на которомъ мы стоимъ, нужно умножить еще на скорость вращенія нашей широты вокругъ земной оси. Такимъ образомъ, земля вращается на своей оси и носится въ пространствѣ вокругъ солнца; солнце само вращается около

*) Октябрь 1884.

своей оси и совершаетъ поступательное движенie другого центральнаго солнца. Но и на этомъ остановиться нельзя. Безъ сомнѣнiя, и солнце нашего солнца подчиняется общему закону движенiя. Тутъ же въ вычисленiи скорости вселенной изнемогаетъ и воображенiе. Пусть эта скорость вращенiя земли вокругъ своей оси, вокругъ солнца уже для нашего солнца нами не замѣчается и не чувствуется. Но можно ли сказать, что и эта внѣсознательная для насъ быстрота движенiя вселенной не влiяетъ на нашу жизнь? Конечно, влiяетъ и оказываетъ влiянiе огромное на распредѣленiе земныхъ силъ, обнаруживающихъ прямое влiянiе на благосостоянiе человѣка, на равновѣсiе суши и водъ и воздуха, на извѣстное распредѣленiе воздуха и тепла, электричества и тяготѣнiя. А къ этой всемiрной теллурическо-астрической скорости движенiя человѣкъ присоединяетъ еще свою самодѣльную одуряющую скорость движенiя по желѣзнымъ путямъ, на крыльяхъ вѣтра, на парахъ и электричествѣ, по морю и подъ водою, и подъ землею, на аэростатахъ, посредствомъ нагрѣтаго воздуха, водорода и чего-то тамъ еще, скоро, быть можетъ, понесется и посредствомъ солнечнаго свѣта. А что электричество будетъ запряжено, какъ мощный двигатель-скороходъ, это не подлежитъ сомнѣнiю. Это вопросъ не только близкаго будущаго, но уже и настоящаго времени. Не все же молнiямъ праздно бороздить небо, а на землѣ только жечь и крошить. Скоро, скоро обуздаютъ ихъ и погонятъ и возить, и мельницы вертѣть, и всякiя тяжести двигать.

Пусть это фантазiя. Но вотъ что дѣйствительно. Всякая скорость развиваетъ въ мiровой системѣ мѣну силы, а на земной поверхности, а въ человѣкѣ (въ семъ послѣднемъ даже скорость мысли) развиваетъ и трату силы такъ что, чѣмъ больше быстрота дѣйствiя, тѣмъ больше требуетъ она и траты силы. Въ мiровой системѣ эта трата силы незамѣтна. Да ея тамъ и нѣтъ, такъ какъ полнота мiровыхъ силъ, по нашимъ, быть-можетъ, и ошибочнымъ расчетамъ, сама себѣ равна. Но на поверхности земной всякая скорость, издерживаетъ уходящую на нее силу. Тѣмъ болѣе это замѣтно въ человѣкѣ. Увеличивая какую бы то ни было скорость, опять-таки хотя бы быстроту мысли, человѣкъ издерживаетъ уходящую на нее силу. Тутъ въ тратѣ силы на всякую скорость, на скорость даже мысли, одинъ вредъ, одна опасность. А вотъ и другая.

Всякая быстрота умножаетъ опасность развитiя разрушающей силы въ случаѣ помѣхи движенiю, а тѣмъ болѣе остановки. Если бы земля въ своемъ полетѣ на своей оси и на пути вокругъ солнца была остановлена непреодолимою преградою, то она развила бы какiе-то премногiе миллiоны единицъ тепла, которые, при столкновенiи земли съ равновѣснымъ или тяжелѣйшимъ тѣломъ, мгновенно превратили бы ее въ горючiй газъ, превратили бы всю всецѣло, со всѣми ея водами и камнями и внутренними толщами. А если бы солнечная наша система столкнулась съ другою таковою же при своемъ невообразимо быстромъ полетѣ, то обѣ онѣ превратились бы мгновенно въ ту тончайшую небеснаго эфира матерiю, изъ которой ткутся ново-возникающiя звѣздныя системы, мелькающiя легкимъ

туманомъ глубже нашихъ туманныхъ звѣздныхъ планетъ. Такъ и на земной поверхности всякая развиваемая быстрота пропорціонально своему увеличенію развиваетъ и опасность разрушительнаго удара въ случаѣ затрудненія скорости, а тѣмъ болѣе въ случаѣ остановки движенія.

Приложимъ теперь эти психо-физическіе законы къ скорости человѣческой жизнедѣятельности, развиваемой увеличенною скоростію движенія посредствомъ пара и электричества. Производитъ ли современная быстрота передвиженія трату силы?—Безъ сомнѣнія, и громадную. Во-первыхъ, производитъ трату силы матеріальной, уходящей на производство этой скорости. Возьмемъ вотъ паръ. На производство его уходитъ громадное количество воды, желѣза и топлива. Пусть воды на Руси и не занимать стать, но на ея добываніе уходятъ въ огромномъ количествѣ тоже желѣзо и топливо. Пусть и желѣзной руды на Руси не занимать стать, но на производство и желѣза уходитъ, кромѣ всего прочаго, огромное же количество того же топлива! Итакъ, топливо да топливо. А что такое топливо?—Это запасъ органическаго матеріала, собранный вѣками вѣковъ бытія земного шара, еще прежде бытія историческаго человѣка. Древнее человѣчество тратило этотъ запасъ не бережно же, какъ тратимъ и мы, но умѣренно. Лѣсныя чащи выросли тогда, превышая потребность въ нихъ жившаго до насъ человѣчества. Современный же человѣкъ истощаетъ этотъ запасъ такъ, что природа явно уже отказывается возстановить его. Давно ли заведены паровые источники силы и движенія, но въ Англіи не только лѣса уже истощены, но и запасъ давнихъ вѣковъ—залежи каменнаго угля истощаются, и черезъ 100 лѣтъ, а быть можетъ и прежде, истощатся совсѣмъ. Что мы видимъ на Руси? Еще живое поколѣніе видѣло неисходныя, почти неизмѣримыя чащи лѣсовъ, а теперь что? — На пространствѣ отъ Оренбурга до Одессы наблюдательный путникъ не видитъ ни одного даже молодого перелѣска. Путникъ этотъ еще видѣлъ цѣлыя пущи тысячелѣтнихъ деревьевъ-громадинъ, годныхъ на корабли и прочее. Все пожрано, особенно же около желѣзныхъ дорогъ.

Пожирая лѣса, дороги производятъ недостатокъ топлива для домовъ. Этотъ недостатокъ на огромномъ пространствѣ Руси вознаграждается потребленіемъ соломы и другихъ органическихъ остатковъ. Въ то же время запасенныя вѣками залежи тучнаго чернозема на поляхъ, которыя до нашего времени никогда не были паханы отъ начала міра, также быстро истощаются, крѣпко напоминая объ искусственномъ утучненіи полей, а истребленіе утучняющихъ веществъ повсюду на топливо производитъ недостатокъ ихъ для удобренія полей. Вся же эта логика истребленія того, чѣмъ живъ человѣкъ, живо его тѣло, будетъ имѣть въ весьма недалекомъ будущемъ, да по мѣстамъ имѣетъ уже и въ настоящемъ, своимъ роковымъ послѣдствіемъ нужду въ хлѣбѣ, въ теплѣ и строительномъ матеріалѣ, а быстрота современнаго движенія будетъ поглощать послѣдніе остатки запаса органическихъ веществъ на землѣ. Что же впереди?

Еще. Громадное, повсюду на нашихъ глазахъ оканчивающееся рѣши-

тельнымъ уничтоженіемъ истощеніе лѣсовъ производитъ на Руси истощеніе водныхъ источниковъ, рѣчекъ и рѣкъ, которое въ свою очередь сопровождается часто повторяющимися засухами земли. Истребленіемъ лѣсовъ мы истребляемъ богоданное жилище для звѣрей, дикихъ и кроткихъ, для птицъ, для насѣкомыхъ. Что же отсюда? Мы знаемъ, что на землѣ исчезли многіе роды животныхъ. Нѣкоторые исчезли на памяти живого поколѣнія. Скоро въ Европѣ останутся только воспоминаніемъ естественной исторіи медвѣдь, волкъ, лисица, лось, зубръ, буйволъ и многое множество живыхъ родовъ. Воспоминаніемъ останутся многіе роды птицъ, гадовъ, насѣкомыхъ. Насильственно выселенные изъ лѣсовъ многіе роды, особенно насѣкомыхъ, ринулись теперь въ наши нивы, увеличивая съ каждымъ десятилѣтіемъ опасность голода для человѣчества. Истребленіе лѣсовъ, обезводненіе, жадность увеличенія пахоты производятъ повальную такъ-называемую экспекорацію, истребленіе въ образованномъ мірѣ скота, который гибнетъ отъ сокращенія и истощенія пастбищъ, гибнетъ отъ постоянныхъ повальныхъ болѣзней, происходящихъ отъ тѣхъ же причинъ, отъ недостатка влаги въ воздухѣ, отъ увеличенія около человѣческихъ жилищъ массы видимыхъ и невидимыхъ насѣкомыхъ, отъ истощенія въ воздухѣ оздоровляющаго кислорода и озона, производимыхъ дыханіемъ живыхъ растеній и обиліемъ испаряющейся чистой влаги. Кромѣ того, скотъ истребляется жадностью культивированнаго человѣка къ животной пищѣ, невоспособляемой добычею охоты, почти уничтоженной за уничтоженіемъ лѣсовъ и за истощеніемъ рыбныхъ ловлей тою же жадностью и безпощадностью увеличивающагося въ количествѣ человѣчества, какъ и болѣе искуснымъ примѣненіемъ снарядовъ для вылавливанія рыбы, такъ что почти всѣ наши рѣки, на памяти живого поколѣнія, совершенно отощали рыбою; въ западно-европейскихъ же рѣкахъ рыба осталась только преданіемъ и темнымъ воспоминаніемъ. Мы намекнули, но не развили мысли, что и для человѣка истощеніе лѣсныхъ чащъ гибельно и тѣмъ, что эти массы самой цвѣтущей зелени производили массу живительнаго кислорода и озона, которые такъ необходимы намъ для здороваго дыханія, которые, оживляя и укрѣпляя силы человѣка, наоборотъ губительно дѣйствуютъ на незримыя массы вибріоновъ, подрывающихъ въ самомъ зернѣ человѣческую жизнь и порождающихъ повальныя болѣзни. Посмотрите теперь на наши города съ ихъ дымомъ, копотью, смрадомъ, — чѣмъ тамъ дышать? Развѣ только гибельными міазмами? Даже по селамъ теперь, при истощеніи водныхъ источниковъ и живительной растительности, когда къ нимъ приближаешься, сейчасъ же чувствуешь, что съ лона живой и животворящей и благоуханной природы вступаешь въ жилье человѣка съ его отбросами и смрадомъ, источникомъ гибели для него самого и всего живого около него, за исключеніемъ губительныхъ вибріоновъ, источника заразъ для людей и скотовъ.

Такимъ образомъ истощеніе благотворныхъ для человѣка силъ вещественныхъ увеличеніемъ быстроты передвиженій очевидно.

Тратитъ ли эта быстрота жизни и движенія силу нравственную, силу

духовную? Скажите: увеличила ли эта быстрота сообщенія внѣшнее благосостояніе людей? Повидимому, напр., желѣзныя дороги строятся для увеличенія благосостоянія. Я скажу, какъ и сказалъ, что онѣ строятся для удовлетворенія потребностей. И удовлетворяютъ имъ, — это правда. Но удовлетворяютъ, пропорціонально же увеличивая самыя потребности, увеличивая тѣмъ, что усложняютъ жизнь болѣе и болѣе, такъ что жизнь становится дороже, затруднительнѣе и требовательнѣе. Этому доказательство въ томъ печальномъ повсюдномъ опытѣ, что вездѣ на Руси, гдѣ пока не было желѣзныхъ дорогъ, тамъ жизнь была проще и дешевле. А какъ только появится желѣзная дорога, сейчасъ же всѣ цѣнности возвышаются, прежніе способы истощаются; новые если и увеличиваются, то создаютъ собою и новую потребность, напр., потребность виноградныхъ винъ, которой еще дѣды, да даже и отцы наши, не вѣдали, равно какъ новыя потребности и въ другихъ заморскихъ вещахъ, безъ которыхъ легко обходились. Такимъ образомъ желѣзная дорога, въ существѣ дѣла, нигдѣ и не возвысила благосостоянія, чувства довольства, покоя и счастія; напротивъ, породила всюду тревогу, потребность въ средствахъ жизни, погоню за наживою.

Кромѣ того, гдѣ прошла по широтѣ русской земли безлѣсная пустынная гладь, тамъ прощай поэзія старины, поэзія нашихъ отцовъ и дѣдовъ да еще и нашей собственной юности. Наши дѣти не поймутъ скоро поэтическаго выраженія: „не шуми ты, темный лѣсъ, зеленая дубровушка“, равно не поймутъ и всего неисчерпаемаго запаса какъ миѳологической, такъ и позднѣйшей поэзіи, основанной на таинственной, то возвышающей, то грозной, то прелестной внушительности повсюдныхъ, еще недавно непроходимыхъ, лѣсныхъ чащъ. А это будетъ огромнымъ истощеніемъ душевныхъ сокровищъ нашего поэтическаго народа. Куда дѣвалась эта тысячеголосая восхитительная пѣснь хвалы Богу, пѣснь птичьихъ и всякихъ животныхъ голосовъ, какою гремѣли еще такъ недавно неисходныя зеленыя цвѣтущія чащи въ прелестныя майскія утра? Въ могильное, глухое безмолвіе погружается теперь оголяемая тупою корыстью пустынная русская земля. Эта корысть скоро убьетъ самый вкусъ къ прелестямъ природы, какъ убиваетъ самую красоту природы. Опасно, какъ бы земля не стала скоро походить на всемірный паутинникъ, который опутываетъ весь земной шаръ, въ которомъ плаваетъ только отощалый всеядный человѣкъ, какъ голодный паукъ, не имый кого и что поглотити, такъ какъ самъ же онъ пожралъ, побилъ, истерзалъ все живое на поверхности всей земли. Эти желѣзнодорожныя линіи не похожи-ль на нити всемірной паутины?..“

Таково это удивительно смѣлое для *русскаго духовнаго лица* поученіе.

И здѣсь еще не все. Въ самой рѣчи есть превосходные переходы къ религіознымъ идеямъ и къ великимъ примѣрамъ обще-историческаго прошлаго. Вотъ эта проповѣдь, эта рѣчь—дѣйствительно „русское слово“, действи-

тельно—поученіе „современное“ по предмету, православное по духу.

Это не то, что нервная и космополитическая обмолвка Достоевскаго о какомъ-то русскомъ окончательномъ словѣ: „всеобщей гармоніи“. *Окончательное* слово?.. Что такое *окончательное* слово на землѣ?

Окончательное слово можетъ быть одно: — *Конецъ всему на землѣ!*

Прекращеніе исторіи и жизни...

Иначе почему же и въ какомъ смыслѣ *окончательное*. Вѣдь *неподвижнымъ* и *неизмѣннымъ* не можетъ же стать человѣчество ни умомъ, ни вкусами, ни волей?

Не въ *окончательномъ примиреніи* дѣло, а въ *самобытномъ развитіи.*

Для того, чтобы нація пріобрѣла хотя бы и преходящее (какъ все на свѣтѣ), но все-таки истинное и прочное *міровое* значеніе, ей надо *творить свое* и *для себя.* Только созданное *для себя* и *по-своему* можетъ послужить и другимъ.

Слово *міровое* я противополагаю въ этомъ случаѣ слову—*космополитическое.*

Только тогда, когда мы не будемъ обращаться къ собственной жизни и къ собственной исторіи нашей съ готовыми, взятыми у другихъ послѣдними, вчерашними идеями; когда мы не будемъ *сознательно служить* космополитизму, а, напротивъ того, скорѣе уже идти *противъ* него, — только тогда-то, говорю я, мы будемъ въ силахъ сдѣлать и остальному человѣчеству *міровую* пользу; только тогда-то и будетъ признана русская нація всѣми за націю истинно-культурную, т. е. такою, какими были въ свое время націи египетская, древне-эллинская, римская, византійская и всѣ главные народы романо-германскаго запада, давшіе въ *свое время* міру не одни только орудія *всесмѣсительнаго разрушенія*, какъ даютъ они теперь (т. е. машины, паръ, телеграфы, эгалитарную свободу, демократическіе парламенты и т. д.), а многое множество великаго, изящнаго и могучаго въ своемъ своеобразіи.

Иначе, если задаваться сознательно идеями космополитическими, то можно въ исторіи ближайшаго будущаго разы-

грать ту культурно-незавидную роль, которая выпала нѣкогда на долю Македоніи: все завоевать, все покорить, все *смѣшать*, все разрушить и, ничего *дѣйствительно-своего* не создавши на память вѣкамъ грядущимъ, приготовить только для другихъ (для Рима, Византіи и т. д.) почву разрыхленную чѣмъ-то среднимъ, чѣмъ-то полу-отрицательнымъ и все-допускающимъ!

Однимъ же изъ главныхъ признаковъ благотворнаго въ этомъ (ново-культурномъ) смыслѣ поворота въ русскихъ умахъ должно быть прежде всего скептическое, даже до крайностей пессимизма, пожалуй, расположенное доходить, отношеніе ко всѣмъ почти европейскимъ выводамъ и продуктамъ отходящаго XIX вѣка, съ *эгалитарнымъ плутократизмомъ* его соціальнаго строя и съ обманчивымъ *утилитарнымъ идеализмомъ* его умственной жизни.

„Если дерево начало рости криво, то, чтобы выпрямить его, надо насильственно перегнуть его въ противоположную сторону"—сказалъ про наше отечество покойный Н. Я. Данилевскій въ своей монументальной книгѣ *Россія и Европа.*

Нельзя *создавать свое*, не отрицая и не отвергая въ то же время *чужихъ разрушительныхъ* началъ и пріемовъ.

Не кстати и кстати*).

(Письмо А. А. Фету по поводу его юбилея).

> Когда же на Руси безплодной
> *Жизнь* обрѣтетъ *кафтанъ цвѣтной*
> *И стиль одежды* благородный.

Я послалъ вамъ телеграмму съ изъявленіемъ удовольствія моего по случаю вашего юбилея;—я бы прислалъ ее и раньше, въ самый день обѣда въ Эрмитажѣ, если бы въ газетахъ былъ заблаговременно и точно обозначенъ день этого праздника русской поэзіи. Но извѣстіе получилось здѣсь такъ поздно и было насчетъ дня такъ неточно, что я поневолѣ опоздалъ. Но, что жъ дѣлать? Лучше поздно, чѣмъ никогда!

*) Гражданинъ, 1889 г.

Вы давно знаете, какъ высоко я цѣню ваши стихи; для васъ это не новость; я съ 20 лѣтъ уже былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, о которыхъ вы говорите въ вашемъ послѣднемъ, столь искреннемъ и прекрасномъ, стихотвореніи...

> **Полвѣка ждалъ друзей я этихъ пѣсенъ,**
> **Гадалъ о тѣхъ, кто имъ живой пріютъ..**

Стиховъ Некрасова я уже юношей, за немногими исключеніями, терпѣть не могъ и съ раннихъ лѣтъ находилъ, что онъ могъ бы писать гуманныя и „демократическія“ статьи, не заставляя насъ читать „деревянныя *вирши*“, какъ вѣрно про него выразился Евгеній Марковъ. Понятно поэтому, что я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, живя еще въ Москвѣ, думалъ *про себя,* что давно пора, хотя бы посредствомъ обыкновеннаго юбилея, заявить публично о вашихъ заслугахъ и вашемъ значеніи.

„Хотя бы посредствомъ обыкновеннаго юбилея“, сказалъ я. Что значитъ это „хотя бы“? Позвольте мнѣ отвлечься какъ можно дальше. Я нынѣшнихъ юбилеевъ не люблю. Мысль ихъ, положимъ, хороша, намѣреніе ихъ прекрасно. Но что жъ мнѣ дѣлать, если вообще *формы* современныхъ празднествъ мнѣ ужасно не нравятся! Побѣдить это чувство я не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что и разумъ мой, моя теорія это чувство оправдываютъ. Ужасно не красиво! Да позволено мнѣ будетъ выразиться грубѣе: *хамство!* Не моральное хамство, нѣтъ, избави Боже! Зачѣмъ же такъ думать! Это было бы несправедливо. Во всякомъ празднествѣ и нравственный смыслъ его и душевное настроеніе участниковъ могутъ быть прекрасны. *Нѣтъ, не нравственная, но эстетическая сторона почти всѣхъ празднествъ XIX вѣка не хороша. Не душевный смыслъ ихъ, а пластическія формы ужасны!*

Я увѣряю васъ, что я давно безкорыстно, или даже самоотверженно мечталъ о вашемъ юбилеѣ (я объясню дальше, *почему* не только безкорыстно но, быть можетъ, даже и самоотверженно). Но когда я узналъ изъ газетъ, что цѣнители вашего огромнаго и въ то же время столь тонкаго таланта собираются праздновать вашъ юбилей, радость моя и лично дружественная, и, такъ сказать, критическая, цѣнительная

радость была отуманена,—не скажу даже слегка, а сильно отуманена: я съ ужасомъ готовился прочесть въ какомъ-нибудь отчетѣ опять ту убійственную строку, которую я прочелъ въ описаніи юбилея А. Н. Майкова (тоже высокоцѣнимаго мною, признаюсь, съ нѣсколько меньшимъ субъективнымъ пристрастіемъ).

Какая же была эта убійственная строка?

А вотъ она: *„Вошелъ маститый юбиляръ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ!“*—Увы! Не лучше ли было бы ужъ умолчать объ этомъ?

Конечно во фракѣ, а не въ халатѣ и даже не въ сюртукѣ. И такъ можно догадаться! Всѣ знаютъ, что со времени объявленія „правъ человѣка“, ровно 100 лѣтъ тому назадъ началось пластическое искаженіе образа человѣческаго на демократизируемой (т. е. опошляемой) землѣ. Всѣ и такъ знаютъ, что изо всей природы только одинъ европейскій человѣкъ въ XIX вѣкѣ началъ для праздниковъ своихъ надѣвать трауръ,—и трауръ при этомъ куцый: не мантію черную, а черный камзолъ какой-то съ двумя черными же хвостами сзади.

Вся природа украшается для празднествъ своихъ. Весна зеленая, лѣто красное и золотая первая осень—пестрѣе зимы. Праздникъ возрожденія; праздникъ встрѣчи съ жизнію; праздникъ безсознательной любви и цвѣтенія; праздникъ прощанья передъ долгимъ отдыхомъ и сномъ. („Цвѣты послѣдніе милѣй роскошныхъ первенцевъ полей!“). Какой можетъ быть праздникъ у растеній, кромѣ праздника безсознательной любви, стихійнаго влеченія. У нихъ не можетъ быть ни религіозныхъ, ни общественныхъ праздниковъ; у нихъ есть только лѣтній праздникъ полового стремленія. И вотъ эти растенія въ пестрыхъ цвѣтахъ.

Красивые цвѣты совсѣмъ не нужны имъ для ближайшей цѣли. Многія травы и большія деревья цвѣтутъ цвѣтами зелеными и невидными, и это не мѣшаетъ имъ размножаться,—но большинство растеній цвѣтетъ цвѣтами разноцвѣтными, иныя душистыми. *Это не для нихъ самихъ.* Это роскошь, это избытокъ силъ прекраснаго, это—поэзія. Поэзія *жизни самой*,

а не поэзія *отраженія* въ человѣческомъ искусствѣ. И у многихъ животныхъ есть такой ненужный для нихъ самихъ избытокъ красоты, есть гривы пушистыя, хвосты, рога изящные. Не особенно красивый сѣрый попугай живетъ и размножается точно такъ же, какъ и великолѣпные какаду и ара. И наша галка, положимъ, наслаждается жизнью не хуже другихъ птицъ, обходясь безъ пунцовой головы, безъ голубыхъ крыльевъ, безъ хохла. Это такъ; но, съ другой стороны, вѣдь и райской птицѣ всѣ ея избыточныя и прелестныя украшенія не мѣшаютъ испытывать, не хуже галки, разныя пріятныя ощущенія. А со стороны смотрѣть на сборище галокъ совсѣмъ не то, что любоваться на множество райскихъ птицъ.

Почему же и къ людямъ не прилагать той же *внѣшней* эстетической мѣрки?

Почему бояться сознаться, что смотрѣть на взводъ кавалергардовъ, идущихъ въ Петербургѣ на царскій смотръ,— это наслажденіе для *здраваго* вкуса; а взирать на засѣданіе чиновниковъ или профессоровъ—тоска... Однажды (нѣсколько лѣтъ тому назадъ) я шелъ по Петербургу; конечно, тоже въ безсмысленномъ цилиндрѣ и уродливомъ (но „удобномъ“ будто бы) сакъ-пальто; шелъ и увидалъ такой взводъ кавалергардовъ. Подъ однимъ молодымъ, свѣжимъ офицеромъ лошадь прыгала и поднималась на дыбы. И онъ, видимо, былъ радъ этому. Я постоялъ, долго глядя вслѣдъ молодцамъ, подумалъ о своемъ штатскомъ, европейскомъ убожествѣ; пошелъ въ раздумьѣ дальше и вспомнилъ по связи мыслей о двухъ ученыхъ „рефератахъ“ (почему же *не докладахъ?*) или диссертаціяхъ, что ли, о которыхъ я прочелъ передъ этимъ въ газетахъ... Одинъ изъ нихъ имѣлъ предметомъ — „*Образъ жизни русскихъ дождевыхъ червей*“, другой трактовалъ „*О нервной системѣ морского таракана*“*!* Несмотря на то, что заглавія эти довольно забавны, я не забывалъ ни извѣстнаго латинскаго изрѣченія: „Великое да созерцается въ маломъ“, ни другого наполеоновскаго: „отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ“; (или въ приложеніи къ данному случаю наоборотъ „отъ смѣшного до великаго одинъ шагъ“).

Отчего же ученымъ людямъ и не вникнуть въ нервную систему таракана не только морского, но и обыкновеннаго, кухоннаго? Быть можетъ въ ней найдется что-нибудь особое, способное даже и неожиданно пролить свѣтъ на функціи нервной жизни вообще? Быть можетъ, съ другой стороны дальнѣйшее развитіе самой точной науки докажетъ даже и математически, что многоученость и многокнижность съ истекающими изъ нихъ слишкомъ уже дерзкими открытіями и изобрѣтеніями вредна *нервамъ*; физіологически вредна, психически, соціально, умственно даже вредна. До того положимъ вредна, что сама *добросовѣстная* наука потребуетъ для дальнѣйшаго разумнаго существованія человѣчества нѣкоторой доли того, что нынче еще по старой привычкѣ зовется браннымъ словомъ „обскурантизмъ". Захотятъ поставить экранъ передъ утомленными глазами человѣчества, найдутъ нужнымъ—понизить до копоти пылающій свѣточъ разсудка. Отчего же не предположить этого? Если наука, въ предѣлахъ нашихъ умственныхъ силъ, безконечна, то что же будетъ за безконечность эта, если она не можетъ вмѣстить въ себѣ и возможности преднамѣреннаго самоограниченія? Реакція есть во всемъ, и въ наукѣ было множество частныхъ реакцій.

Отчего же не настать и великой общей реакціи? Отчего же не предположить, напримѣръ, что науки высшія (по предмету) психологическія и соціальныя не потребуютъ со временемъ ограниченія вліяній на человѣчество наукъ низшихъ: физики, неорганической химіи, механики?

И вотъ—и тараканъ—и морской, и обыкновенный—изучаемые „честными тружениками науки" могутъ дать толчокъ къ чему-нибудь великому. Нервная система лягушки подъ рукою Гальвани дала же великій толчокъ для изученія электричества, благодаря которому прославились теперь Эдиссонъ и русскій европеецъ Яблочковъ; почему же таракану, напримѣръ, или дождевому червю не дать случайнаго, хотя бы и обратнаго толчка, послѣ котораго (предположимъ)—въ концѣ XX вѣка имя Эдиссона будетъ предано какой-нибудь научно-соціальной анаѳемѣ. Отказалось же человѣчество *сознательно и преднамѣренно* въ первые вѣка христіанства

отъ столькихъ дорогихъ пріобрѣтеній и созданій классическаго міра? „Плоды древа познанія“ могутъ погубить, наконецъ, „древо жизни“, если „царство“ этого, теперь слишкомъ прямолинейнаго познанія не разложится въ себѣ. Ибо „Теорія, мой другъ, *сѣра* вездѣ, а древо жизни ярко зеленѣетъ“, сказалъ Мефистофель студенту. Нынѣшній же прогрессъ на всѣхъ поприщахъ и во всѣхъ странахъ ведетъ къ чему-то, именно—*сѣрому*, „среднему“. Сѣрая теорія равенства, ассимиляціи, однообразія, быстраго (при помощи изобрѣтеній) смѣшенія всѣхъ цвѣтовъ жизни въ одинъ безцвѣтный—эта теорія торжествуетъ на практикѣ. Чтобы спасти жизнь, т. е. разнообразіе и сложность (*не орудій* всесмѣшенія), а самого *соціальнаго матеріала*, нужно, чтобы сознаніе возстало, наконецъ, на сознаніе, наука на науку, познаніе на собственныя излишества и т. д. Надо, чтобы сознаніе попыталось возстановить хоть сколько-нибудь культъ безсознательности, чувства, преимущества страстной воли надъ разсудкомъ, крови и плоти надъ нервами.

Вотъ куда привела меня мысль отъ красавца кавалергарда и дождевыхъ червей!.. Я сокращаю мою рѣчь; обрубаю вѣтви у древа моей фантастической мысли. Она уже слишкомъ рвется въ необъятное, которое „объять невозможно“, какъ сказалъ прекрасно Кузьма Прутковъ.

Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной сказки!.
И душа опять полна возможнымъ...

Но и спускаясь ближе къ почвѣ, къ этому возможному, оставляя пока всѣ эти любимыя мечты моего раціональнаго и просвѣтительнаго обскурантизма, я могъ при всей нелюбви моей къ размноженію книгъ и ученыхъ, допустить, что полезны бываютъ иногда не только главные жрецы современнаго идола этого (точной науки),—но даже и дьячки и пономари его... Могу допустить, что и тотъ ученый, который изучаетъ „образъ жизни дождевыхъ червей въ Россіи“, и тотъ, который изслѣдуетъ „нервную систему таракана“,—оба могутъ принести ближайшую, непосредственную пользу даже тому самому кавалергарду, на котораго я любовался. Благодаря лягушкѣ Гальвани и мнѣ

въ Москвѣ гальванизмомъ помогли разъ отъ жестокаго страданія. Правда, что *явная тѣлесная* польза отъ этого была только мнѣ одному; остальныя же послѣдствія моего выздоровленія сомнительны, какъ для меня, такъ и для пользы другихъ людей... Конечно, теорія *всеобщей* пользы есть самая шаткая изъ теорій и ужъ одна популярность ея въ XIX вѣкѣ весьма плохо ее рекомендуетъ; ибо въ XIX вѣкѣ, если не все, то очень многое естественное вывернуто наизнанку. *Общей благоденственной пользы* нѣтъ, конечно; но *одному* кавалергарду тому или его прекрасному коню, возможно при случаѣ, благодаря изученію нервной системы низшихъ животныхъ, принести пользу. Какое-нибудь открытіе; за открытіемъ лѣченіе, или гигіеническая мѣра. Благодаря тому, что „скромный (?) ученый потрудился надъ насѣкомымъ или полипомъ какимъ-нибудь, кавалергардъ можетъ стать еще свѣжѣе и красивѣе; его конь еще крѣпче и великолѣпнѣе. А можетъ быть, (кто знаетъ!) въ этомъ кавалергардѣ таится будущій Скобелевъ или Черняевъ, будущій Лермонтовъ, или будущій Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ?

Вѣдь и Лермонтовъ былъ лейбъ-гусаромъ и вы были кирасиромъ и, какъ слышно, отличнымъ наѣздникомъ. Ну, вотъ и цѣлой Россіи и гордость, и польза *своего, спеціальнаго рода, но все-таки не всеобщая.* Бисмарку и германцамъ вообще—Скобелевъ не казался, напримѣръ, полезнымъ, и Лермонтовъ былъ полезенъ покойному теперь Мартынову развѣ только тѣмъ (духовно), что Мартынову приходилось не разъ молиться и служить панихиды по рабѣ Божіемъ *Михаилѣ.* Люди безъ вкуса и до сихъ поръ у насъ находятъ, что ваша поэзія безполезна, ибо изъ нея сапогъ не сошьешь.

Знаніе „образа жизни русскихъ дождевыхъ червей“, говорю я, точно такъ же, какъ и знакомство съ нервной тканью таракана—можетъ случайно или не случайно принести пользу не одному человѣку, но быть можетъ и многимъ, *въ частности.*

Я забылъ ужъ, вредны ли они для хозяйства или полезны. Не помню. Во всякомъ случаѣ, если они имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ почвѣ, а почва конечно прежде

всего важна для хозяйства, то само собою слѣдуетъ, что богатое доходное имѣніе дастъ возможность для проявленія всякой эстетикѣ, и жизненной, реальной (здоровье, свѣжесть, конь хорошій, каска золоченая, дорогая одежда, латы) и *отраженной*; можно писать стихи не „о скорби“.

Я признаюсь, не понимаю даже, какъ можно, живя постоянно въ дешевыхъ столичныхъ меблированныхъ комнатахъ, писать такіе стихи, какіе вы писали—

Снова птицы летятъ изъ далека
Къ берегамъ, расторгающимъ ледъ.
Солнце теплое ходитъ высоко,
И душистаго ландыша ждетъ.

Не то, что нельзя, но даже и не слѣдуетъ по моему... Нейдетъ!

Итакъ, я успокоился... Я вынужденъ былъ допустить, что и дождевой червь, и тараканъ, и спеціалисты, ихъ изучающіе, могутъ быть даже и для эстетики при случаѣ полезны... И для прекраснаго въ жизни (А. А. Фетъ молодой кирасиръ, напр.), и для прекраснаго въ искусствѣ...

(Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ,—
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!)

Хорошо! Но зачѣмъ же они, эти ученые, на засѣданіи своемъ въ пиджакахъ? Или подобно всѣмъ и молодымъ женихамъ и маститымъ юбилярамъ „во фракахъ“?

Вспомнимъ великаго анатома Везалія и врача Амбруаза Паре въ шелковыхъ статуарныхъ рясахъ! Вспомнимъ Ломоносова и Державина въ расшитыхъ цвѣтныхъ кафтанахъ въ чулкахъ съ башмаками. Вспомнимъ Бэкона Веруламскаго и Шекспира въ буфахъ, боркахъ и бантахъ!

Не мѣшала эта пышность имъ дѣлать свое серьезное дѣло!

Повѣрьте мнѣ и эстетика столь цѣнимыхъ этихъ *отраженій* въ стихахъ, на полотнѣ, въ бронзѣ и мраморѣ, — и она не устоитъ надолго, — *если въ самой пластической сторонѣ жизни* не будетъ больше идеализма.

Повѣрьте, это не пустяки — эта внѣшность; это очень важно! Эта внѣшность—есть выраженіе еще неясно понятаго какого-нибудь внутренняго психическаго закона.

Каждый новый вѣкъ (въ новѣйшей, по крайней мѣрѣ, исторіи) вносилъ *новый стиль* одеждъ и обычаевъ; и этотъ общій стиль, съ незначительными колебаніями въ оттѣнкахъ, держался до новаго вѣка и до утвержденія надолго *новаго духа*. Неужели одинъ только XX, уже наступающій, вѣкъ будетъ исключеніемъ, и черный фракъ, пиджакъ, сюртукъ, цилиндръ и панталоны лягутъ въ могилу вмѣстѣ съ послѣднимъ образованнымъ человѣкомъ на земномъ шарѣ? Это было бы очень грустно, если бы было правдоподобнымъ. Не будетъ новаго внѣшняго *стиля въ жизни,* — значитъ, не будетъ уже никогда *и новаго духа*;—а останется на вѣки вѣковъ все тотъ же всепожирающій, всеравняющій, буржуазный.

Но такой застой мысли и вкуса возможенъ только въ двухъ случаяхъ: или въ томъ случаѣ, когда всѣ люди сознаютъ (или, вѣрнѣе сказать, *вообразятъ себѣ*), что человѣчество дошло во всемъ уже до наивысшаго, доступнаго на землѣ совершенства; или, напротивъ того, если *гибель* человѣчества, общее вымираніе его, или послѣдняя всеземная катастрофа такъ уже близки, что некогда и духу новому созрѣть; и людямъ, начавшимъ свою земную карьеру въ дѣтской простотѣ звѣриныхъ шкуръ и фиговыхъ листьевъ,—придется кончать ее въ старческомъ упрощеніи фраковъ и пиджаковъ.

О томъ, что человѣчество уже достигло до совершенства, мы ни отъ кого еще пока, слава Богу, не слышимъ.

Что же касается до всеобщей погибели и смерти, то хотя намъ одинаково пророчатъ ее и христіанская религія, и пессимистическая философія нашего времени и, наконецъ, естественное чувство здраваго смысла, (ибо все живое, органическое должно когда-нибудь разрушаться и гибнуть), но все-таки позволительно думать, что конецъ историческому міру нашему не такъ уже близокъ теперь, чтобы все человѣчество было бы расположено поступать такъ, какъ посту-

пилъ, говорятъ, однажды хладнокровный герцогъ Веллингтонъ на кораблѣ во время сильной бури. Онъ спалъ; проснулся и хотѣлъ было надѣвать сапоги, но въ эту минуту вбѣжалъ къ нему испуганный адъютантъ и воскликнулъ: „Милордъ, мы погибли!“. „О, отвѣтилъ герцогъ, тогда и одѣваться не стоитъ“. Снялъ уже надѣтый сапогъ и легъ опять.

Нѣтъ, такого равнодушія еще незамѣтно. Люди, вопреки совѣтамъ гр. Л. Н. Толстого, хотятъ еще пиры давать и танцовать, хотятъ щеголять. Но если ужъ щеголять, такъ со вкусомъ и толкомъ. Если пировать и плясать, такъ было бы на что и со стороны порадоваться! Въ прежнихъ одеждахъ и въ прежнихъ пляскахъ была всегда *идея.* Въ упрощенныхъ нынѣшнихъ одѣяніяхъ и въ искаженныхъ нынѣшнихъ танцахъ—ея нѣтъ. Идея отлетѣла; символъ утратился и остались только: условность тупой привычки безъ внутренняго значенія и стариковская какая-то опрятность бѣлой, накрахмаленной груди и бѣлыхъ или палевыхъ перчатокъ!

Перчатки—это имѣетъ смыслъ; но почему же непремѣнно *бѣлыя* или *почти бѣлыя?* Отчего не пунцовыя? Отчего не расшитыя? Предпочтеніе только опрятности, только чистоплотности и только комфорта — роскоши, пышности и красотѣ, есть само по себѣ уже признакъ усталости и устарѣнія.

По моему, что-нибудь одно; или думать именно такъ, какъ графъ Толстой: „не нужно вовсе баловъ; не нужно пиршествъ; не нужно роскоши и денежныхъ затратъ; *патріархальная* простота; физическій трудъ; близость къ природѣ; кроткая и трудовая пасторальность“.

Такая, всеобщая простота, безъ фабрикъ, безъ машинъ, безъ ужасающихъ умъ библіотекъ, безъ подавляющихъ душу огромныхъ городовъ, съ невинными и небольшими развлеченіями—стала бы навѣрное и скоро живописна сама собою. Особенно эта пасторальность стала бы живописна и мила, если бы графъ по извѣстной любви своей къ человѣчеству дозволилъ бы намъ еще одно утѣшеніе, еще одну, кажется,

безвредную отраду,—разрѣшилъ бы намъ при этомъ хоть самые скромные и недорогіе храмы строить, зажигать лампады, „поднимать“ иконы и т. п. Да, при послѣднемъ условіи—это было бы очень хорошо,—насталъ бы золотой вѣкъ правды, кротости, скромнаго благоденствія, взаимной любви и первобытной поэзіи.

Но вѣдь такая всемірная идиллія невозможна въ столь поздній и разсудочный историческій возрастъ каковъ нашъ.

Къ тому же подобныя *надежды* противорѣчатъ и *пророчествамъ* христіанства гораздо болѣе, чѣмъ *разрѣшеніе* пировать иногда въ мѣру и благородно противорѣчатъ *заповѣдямъ*, *совѣтамъ* и даже *примѣрамъ* самого Спасителя. Онъ Самъ соблаговолилъ пировать на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской, какъ справедливо было замѣчено недавно въ „Русскомъ Дѣлѣ“. Но относительно всемірной идилліи нѣтъ обѣщаній въ Евангеліи; а предсказаны бури страстей, войны, междоусобія, глады и трусы до скончанія вѣка!

Итакъ, и съ христіанской точки зрѣнія изрѣдка, по немощи нашей повеселиться несравненно позволительнѣе, чѣмъ проповѣдывать ересь безбожной этики и невѣроятной всеобщей любви.

Если же позволительно и желательно *въ мѣру* щеголять, плясать, пировать, такъ надо, чтобы это было въ самомъ дѣлѣ красиво, изящно и осмысленно. Чтобъ было и на полотнѣ *изобразимо*, чтобъ и *природу* не безобразило.

А развѣ нынѣшній бытъ изобразимъ на полотнѣ хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой изобразимъ даже манерный, но пестрый бытъ XVIII?

Развѣ самъ Пушкинъ Рѣпина чернильнымъ пятномъ не портитъ южнаго берега и моря, написанныхъ Айвазовскимъ? (Я не видѣлъ этой картины, но заглазно увѣренъ, что портитъ; во всякомъ случаѣ, самый простой крымскій татаринъ больше бы *украсилъ* природу южнаго берега, чѣмъ великій русскій поэтъ въ европейской одеждѣ XIX вѣка).

Что же касается до вопроса объ отношеніи общей устарѣлости къ прекрасному, то и самъ Прудонъ, разрушитель изъ разрушителей, Прудонъ, котораго идеалъ есть полнѣй-

шее равенство и однообразіе человѣчества, сознается, однако, въ своей книгѣ „О принципѣ искусства“, что *„ослабленіе эстетическаго чувства было бы вѣрнымъ признакомъ устарѣнія и приближенія всего человѣчества къ своему концу“*.

Конечно, и онъ, по общей большинству писателей дурной привычкѣ, говоритъ объ эстетикѣ искусства больше, чѣмъ объ эстетикѣ *самой дѣйствительности*; но я повторяю, недолго проживетъ и эстетика отраженій въ духѣ нашемъ, если *духъ прекраснаго отлетитъ мало-по-малу ото всего въ дѣйствительной жизни!*

Простите мнѣ, что я, „начавши за здравіе“, свелъ какъ будто за упокой.

Въ заключеніе же этого письма позвольте объяснить вамъ, почему я, радуясь такъ живо, что юбилей вашъ праздновался, съ другой стороны, такъ доволенъ, что могу радоваться на него *не вблизи*, а отсюда, изъ моего „прекраснаго“, мало современнаго „далека“.

„Если бы я былъ теперь въ Москвѣ, то мнѣ пришлось бы (сказалъ я въ началѣ письма) или быть слишкомъ безкорыстнымъ, или даже самоотверженнымъ“.

Цѣня васъ такъ давно, *давно,* и такъ высоко; благодарный вамъ еще съ 50 года (когда я впервые узналъ ваши стихи) за тѣ наслажденія, которыя они мнѣ доставляли; я конечно, захотѣлъ бы принять участіе въ предстоящемъ празднествѣ, въ обѣдѣ, положимъ, который вамъ дали въ Эрмитажѣ.

И что-жъ бы мнѣ предстояло тогда?

Принять участіе въ *приготовленіяхъ* и — не поѣхать на пиршество, на праздникъ чистой поэзіи, не ѣсть самаго хорошаго обѣда, не слушать музыки; не видѣть довольно рѣдкой въ современной Россіи вещи — *торжества правды,* хотя бы и поздней; не пожать вамъ руки; не обнять васъ, не поздравить вмѣстѣ съ другими...

Или *надѣть* черный фракъ (онъ у меня виситъ въ шкафу, вообразите!) и бѣлый галстухъ и стать самому тоже ужъ довольно „маститымъ“ участникомъ прославленія любимаго юбиляра... Ахъ!.. тоже... пирующаго въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ!..

Первое—не поѣхать—было бы весьма непріятнымъ безкорыстіемъ; второе — ужъ и самъ не разберу — что такое? Дурной бы это былъ поступокъ или хорошій? Малодушная ли измѣна давнимъ вкусамъ (если ужъ вы не разрѣшите мнѣ и это назвать *убѣжденіями*)?

Или это было бы торжество нравственности надъ эстетикой, моей пріязни и моего уваженія къ вамъ надъ фанатизмомъ яркихъ красокъ и красивыхъ линій, колорита и складокъ, фанатизмомъ, который я, какъ видите, безумно, упорно и безстыдно готовъ исповѣдывать!

Да и какъ же иначе?

Если досадно видѣть, что сухіе труды серьезныхъ ученыхъ совершаются въ уродливой и вовсе уже *несерьезной* одеждѣ, то что же можно чувствовать, видя, именно — *видя глазами*, что русскіе люди до сихъ поръ еще и на балахъ танцуютъ, и свадьбы играютъ и праздники такой *радужной* поэзіи, какъ ваша, празднуютъ все въ томъ же *куцомъ траурѣ, который Западъ надѣлъ съ горя, по своему великому, религіозному, аристократическому и артистическому прошедшему!*

Развѣ у насъ есть *такое* великое *прошедшее*?

Развѣ у насъ нѣтъ уже никакого *русскаго будущаго?* Пусть такъ думаетъ В. С. Соловьевъ, если ему это утѣшительно! *Доказать* онъ этого намъ въ *точности* не въ силахъ.

Вѣрить же ему мы не обязаны. Вѣрить даже и тому, что намъ кажется по разсудку неправдоподобнымъ, можно только въ порядкѣ строго-религіозныхъ мыслей и чувствъ. Но сочиненія г. Соловьева не катехизисъ, одобренный св. синодомъ или патріархами; и самъ онъ намъ не папа, и не оптинскій или аѳонскій духовникъ.

Мы можемъ его съ удовольствіемъ и даже иногда съ наслажденіемъ, благодаря его дарованіямъ, читать и слушать, но *слушаться* его никто не обязанъ безъ ясныхъ доказательствъ; и потому я нахожу, что относительно *руссизма* вообще (*а слѣдовательно и относительно формъ внѣшняго быта*), гораздо вѣрнѣе и пріятнѣе раздѣлять надежды Конст. Аксакова, Хомякова и Данилевскаго.

Они находили, что обрѣтеніе или созданіе красивыхъ и

своебразныхъ формъ этого быта *будетъ вѣрнѣйшимъ признакомъ полной зрѣлости и эмансипаціи русскаго ума и чувства.*

Страстная идея ищетъ всегда выразительной формы.

Записка о необходимости новой большой газеты въ С.-Петербургѣ*).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ русскомъ обществѣ таится, такъ сказать, и въ наше время умственной растерянности, огромный запасъ охранительныхъ силъ.

Есть многое множество людей искренно желающихъ, чтобы тѣ основы, которыхъ развитіе создало могущество русскаго государства и укрѣпило нравственный строй общества нашего, оставались по возможности незыблемыми. Однимъ словомъ,—патріотизма истиннаго, любви къ отечеству правильно понятой у насъ еще достаточно. Но все это, какъ я сказалъ, въ большинствѣ случаевъ только *таится* въ русскихъ умахъ и сердцахъ, не находя себѣ полнаго и яснаго выраженія въ печати.

Однако, обстоятельства таковы, что подобное выраженіе православно-русскихъ чувствъ и мыслей посредствомъ вліятельнаго печатнаго слова становится дѣломъ первой необходимости.

Еще Москва съ этой точки зрѣнія счастливѣе Петербурга; въ Москвѣ существуютъ такіе органы печати, какъ „Московскія Вѣдомости“ и „Русь“, но въ Петербургѣ рѣшительно преобладаютъ газеты того медленно-разрушительнаго направленія, которыя, прикрываясь словами „законность“, „постепенное, мирное и легальное развитіе“,—стремятся съ чрезвычайной настойчивостью и замѣчательнымъ умомъ, подкопать всѣ драгоцѣнныя основы нашего быта государственнаго и общественнаго. Таковы прежде всего: *Голосъ*, *Страна* Полонскаго [поляка], и *Порядокъ* — явное орудіе жидовско-польскаго

---

*) Печатается впервые. На обложкѣ рукописи рукою К. Леонтьева написано: „Записка о новой газетѣ. Послана была въ Петербургъ Филиппову, Побѣдоносцеву и кому еще, не помню. Редакторомъ я самъ не хотѣлъ быть, а имѣлъ виды на князя Голицына (Ник. Ник.), бывшаго редактора *Варшавскаго Дневника* (1882–83 гг.)“. *Ред.*

заговора, изданіе до крайности вредное, содержимое даже на весьма крупное еврейское пособіе (какъ слышно, до 130,000 въ годъ!!!).

„Новое Время“, конечно, значительно разнится своимъ духомъ отъ этихъ революціонныхъ газетъ и во многихъ случаяхъ оно весьма полезно, но г. Суворинъ, во 1-хъ, до извѣстной степени связанъ и предъ самимъ собою и передъ публикой своимъ либеральнымъ прошедшимъ, а во 2-хъ и въ настоящей своей, благонамѣренной во многихъ отношеніяхъ, дѣятельности, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ тому высшему русскому идеалу, которому такъ необходимо было бы найти подходящее выраженіе въ періодической прессѣ.

Этотъ идеалъ долженъ быть, по нашему мнѣнію,—*прогрессивно-охранительный*, но отнюдь не *либеральный*.

Именно противу *либерализма* во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ долженъ былъ бы бороться въ Петербургѣ, какъ въ центрѣ нашей государственной жизни, истинно-русскій и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ современный органъ печати.

Плоды 25-лѣтняго либеральнаго развинчиванія Россіи по европейскимъ образцамъ, плоды съ одной стороны ужасные, а съ другой—столь презрѣнные, у насъ передъ глазами. Противу этого узаконеннаго, такъ сказать, безначалія, противу европейскаго нашего пустословія, противъ отвратительнаго господства необдуманныхъ и затверженныхъ фразъ и противу ежеминутныхъ посягательствъ на все, что только есть въ Россіи святого и священнаго, долженъ бороться органъ свѣжій, неподкупный, въ прошедшемъ своемъ никакою пошлостью не запятнанный и безтрепетный передъ какими бы то ни было выводами русской мысли.

Русская мысль должна, наконецъ, рѣшиться стать смѣлой; европейскія мнѣнія не должны болѣе имѣть для нея прежней цѣны; къ европейскимъ примѣрамъ мы должны относиться съ крайнимъ недовѣріемъ, съ боязнью заразы и съ полной вѣрой въ наше независимое призваніе.

Я сказалъ, что истинно-русская мысль должна быть, такъ сказать, прогрессивно-охранительной; выразимся еще точнѣе:

ей нужно быть *реакціонно-двигающей,* т.-е. проповѣдывать *движеніе впередъ на нѣкоторыхъ пунктахъ* исторической жизни, но не иначе, какъ посредствомъ *сильной власти* и съ готовностью на всякія *принужденія.*

На мѣстѣ стоять--нельзя; нельзя и возстановлять то, что разъ по существу своему утрачено (напр., дворянскія привилегіи въ *прежней ихъ формѣ);* но можно и должно, одной рукой—охраняя и утверждая святыню Церкви, могущество самодержавной власти и развивая и обновляя пренебреженные остатки *быта* нашего, другою—двигать націю впередъ совсѣмъ не по западному и *тѣмъ болѣе* не по либеральному пути. Чтобы сдѣлать эту мысль нагляднѣе, я приведу одинъ примѣръ: съ одной стороны, утверждая и развивая въ Россіи и во всемъ славянствѣ *въ наитѣснѣйшемъ союзѣ съ Восточно-Греческими Церквами* древнее свято-отеческое христіанство въ отпоръ тому полулиберальному христіанству, которое такъ распространилось у насъ теперь и которое чаетъ съ распятіемъ (символомъ страданія) въ рукѣ дойти здѣсь на землѣ до *свободнаго* равенства и всеутѣшительной, *поголовной* любви, никогда Христомъ не обѣщанной; внося въ преподаваніе низшее—*любовь* (да, именно—*любовь!*) *къ Церкви,* и даже къ ея *стѣсненіямъ,* вмѣсто любви къ либеральному всечеловѣчеству,—основывая характеръ *высшаго преподаванія на идеѣ, вовсе въ педагогіи новой*, именно на *глубокомъ разочарованіи* во всеспасительности и во всеполезности реальной науки и открытій западнаго прогресса,—съ другой стороны, необходимо вступить рѣшительнымъ и твердымъ шагомъ на путь *чисто-экономическихъ, хозяйственныхъ реформъ,* необходимо опередить въ этомъ отношеніи изношенную духомъ Европу, стать во главѣ движенія... изъ „послѣднихъ стать первыми“ въ мірѣ!

Но все это возможно только при смѣлости власти и при покорности общества и народа. И здѣсь-то является съ полной ясностью спасительность самодержавной мощи, въ частные интересы различныхъ классовъ общества не запутанной, а свободно относящейся съ высоты престола къ неизбѣжному въ жизни хаосу интересовъ, мечтаній, страстей. Здѣсь-то видно, до чего благодѣтельно то чувство, которое въ

манифестѣ царскомъ, выразилось въ словахъ: „охранять самодержавіе отъ всякихъ *на него поползновеній*“.

Дѣйствительно, либерализмъ, простертый еще *немного* дальше, довелъ бы насъ до взрыва и такъ называемая *конституція* была бы самымъ вѣрнымъ средствомъ, для произведенія *насильственнаго соціалистическаго* переворота, для возбужденія бѣднаго класса населенія противу богатыхъ, противу землевладѣльцевъ, банкировъ и купцовъ, для новой, ужасной быть можетъ, Пугачевщины. Нужно удивляться только, какъ это могли нѣкоторые даже и благонамѣренные люди желать ограниченія царской власти въ надеждѣ на лучшее умиротвореніе России! Русскій простолюдинъ сдерживается гораздо болѣе своимъ духовнымъ чувствомъ къ Особѣ Богопомазаннаго Государя и давней привычкой повиноваться Его *слугамъ*, чѣмъ какими-нибудь естественными свойствами своими или вовсе не воспитаннымъ въ немъ исторіей уваженіемъ къ отвлеченностямъ закона. Извѣстно, что русскій человѣкъ вовсе не умѣренъ, а расположенъ, напротивъ того, доходить въ увлеченіяхъ своихъ до крайностей. Если бы монархическая власть утратила бы свое безусловное значеніе и если бы народъ понялъ, что теперь уже правитъ имъ не самъ Государь, а какими-то неизвѣстными путями набранные и для него ничего не значущіе депутаты, то, можетъ быть, скорѣе простолюдина всякой другой національности, русскій рабочій человѣкъ дошелъ бы до мысли о томъ, что нѣтъ больше никакихъ поводовъ повиноваться. Теперь онъ плачетъ объ убитомъ Государѣ въ церквахъ, и находитъ свои слезы *душеспасительными; а* тогда о депутатахъ онъ не только плакать бы не сталъ, но потребовалъ бы для себя какъ можно *побольше земли* и *вообще собственности* и какъ можно меньше податей...

За свободу же *печати* и *парламентскихъ преній* онъ не станетъ, слава Богу, драться, подобно фразеру—французскому работнику.

Повиновеніе русскому человѣку (мы говоримъ *человѣку* русскому *вообще*, а не одному простолюдину), въ случаѣ конституціонной реформы, перестало бы нравиться, какъ нравится еще оно ему теперь.

При конституціи и нигилистамъ гораздо легче было бы вести свою проповѣдь среди молодыхъ земледѣльцевъ, мѣщанъ и фабричныхъ; а людямъ порядка и преданій труднѣе было бы имъ противодѣйствовать. *Воспитывать* нашъ народъ въ *легальности* очень долгая пѣсня; великія событія не ждутъ окончанія этого вѣкового курса! А пока народъ нашъ понимаетъ и любитъ *власть* больше, чѣмъ *законъ*. Хорошій „генералъ“ ему понятнѣе и даже пріятнѣе хорошаго параграфа устава. Конституція, ослабивши *русскую власть*, не успѣла бы въ то же время внушить народу *англійскую любовь къ законности*. И народъ нашъ правъ! Только одна могучая монархическая власть, ничѣмъ кромѣ собственной совѣсти нестѣсняемая, освященная свыше религіей, благословенная Церковью, только такая власть можетъ найти практическій выводъ изъ неразрѣшимой, повидимому, современной задачи примиренія *капитала* и *труда*. Рабочій вопросъ—вотъ тотъ путь, на которомъ мы должны опередить Европу и показать ей примѣръ. Пусть то, что на Западѣ значитъ разрушеніе,—у славянъ будетъ творческимъ созиданіемъ... Народу нашему—утвержденіе въ вѣрѣ и *вещественное обезпеченіе* нужнѣе *правъ и реальной науки*! Поменьше правъ и поменьше податей; поменьше школъ и побольше церквей и монастырей; поменьше кабаковъ и побольше хорошихъ больницъ; поменьше судебныхъ любезностей и побольше „земли“, гдѣ можно и когда можно. Побольше мѣстнаго самоуправленія съ *мужицкимъ оттѣнкомъ* въ уѣздахъ и побольше *отеческаго самоуправства* въ высшихъ сферахъ власти. Только удовлетворяя въ одно и то же время и вещественнымъ, и высшимъ (религіознымъ) потребностямъ русскаго народа, можно вырвать грядущее поколѣніе простолюдиновъ изъ когтей нигилистической гидры.

Иначе крамолу мы не уничтожимъ и соціализмъ рано или поздно возьметъ верхъ, но не въ здоровой и безобидной формѣ новой и постепенной государственной организаціи, а среди потоковъ крови и неисчислимыхъ ужасовъ анархіи...

Надо стоять на уровнѣ событій, надо понять, что органи-

зація отношеній между трудомъ и капиталомъ въ томъ или другомъ видѣ есть *историческая неизбѣжность* и что мы должны не обманывать себя, отвращая лицо отъ опасности, а, взглянувъ ей прямо въ глаза, не смущаясь, понять всю силу ея неотвратимости, въ томъ случаѣ, если мы сами не поспѣшимъ измѣнить радикально историческое русло народной жизни. Выбора тутъ нѣтъ между дальнѣйшимъ ходомъ либеральнаго гніенія, долженствующимъ разрѣшиться, вѣроятно, очень быстро торжествомъ нигилистической проповѣди (ибо нѣтъ народа, который бы нельзя было развратить) и между охранительно-прогрессивнымъ, или даже вѣрнѣе сказать,—*реакціонно-прогрессивнымъ* направленіемъ, котораго преимущества я обозначилъ въ главныхъ чертахъ.

Остановившись на этихъ двухъ главныхъ вопросахъ: религіозномъ и рабочемъ, я не коснулся остальныхъ: ни педагогическаго, ни промышленнаго, ни финансоваго.

По поводу промышленнаго вопроса я скажу кратко, что надо вообще, конечно, за протекціонную систему; хотя съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что никакое покровительство русской мануфактурѣ не можетъ быть вполнѣ плодотворно до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся сами *вкусы, моды, обычаи* наши. Пока и въ этомъ отношеніи мы не станемъ совершенно независимы отъ Европы...

О педагогіи я также распространяться не буду.

Нашъ взглядъ на это слѣдующій:

1) *Для школъ первоначальныхъ.* Число ихъ нужно сократить, пока не выкурится изъ нихъ либеральный *европеизмъ.* Школы народныя съ явно-*реальнымъ* оттѣнкомъ гораздо вреднѣе кабаковъ. Преподаваніе въ такихъ школахъ должно быть *исключительно* въ рукахъ духовенства и особенно *черного.*

2) Для среднихъ и высшихъ заведеній, разумѣется, классицизмъ лучше реализма, но и тутъ надо замѣтить, что основной духъ самаго образованія необходимо измѣнить. Прежде всего надо уничтожить въ юношахъ вѣру въ *благоденственное саморазвитіе человѣчества*; надо уничтожить въ нихъ излишнія обоготворенія *науки.* Надо внести въ преподаваніе

высшее и среднее *строжайшій пессимизмъ* въ отпоръ тѣмъ ученіямъ, которыя отъ реальной науки ждутъ рая земного и *прекращенія всѣхъ бѣдствій и скорбей.* Надо съ раннихъ лѣтъ внушать молодежи, что не будетъ на землѣ ни рая, ни равноправности, ни всеобщаго мира, ни царства безусловной *правды.* Надо, чтобы они выучились вѣрить, что Божественная истина надежнѣе и даже научнѣе глупой мечты о *человѣческой правдѣ...*

И этого можетъ легко достичь сильная единодержавная власть при дѣятельной и безкорыстной помощи православнаго духовенства и независимыхъ, мыслящихъ мірянъ.

Теперь остается вопросъ: *гдѣ найти нужную для созданія подобной газеты сумму?*

Были попытки (г. Леонтьева) *) собрать 250,000 рублей у московскихъ купцовъ для этой цѣли; но они неохотно подаются на жертвы для *Петербургской* газеты, забывая, что Петербургъ, пока *не перемѣнились вовсе обстоятельства*, важнѣе Москвы, какъ центръ высшей администраціи. Дѣйствіе изъ Петербурга на Москву все-таки гораздо сильнѣе, чѣмъ обратное дѣйствіе изъ Москвы на Петербургъ. „Московскія Вѣдомости" въ Петербургѣ гораздо менѣе распространены, чѣмъ петербургскія газеты въ Москвѣ. Относительно казеннаго фонда или крупной субсидіи можно сказать слѣдующее. Деньги, конечно, нашлись бы у казны для такого положительно необходимаго предпріятія. Трудно, напримѣръ, рѣшить, что въ наше время нужнѣе,—хорошій добровольный флотъ или хорошій духъ печати?

Конечно, дѣло не столько въ самихъ деньгахъ, сколько въ надежности предпріятія.

Послѣ неудачи „Берега", можетъ быть, перестали вѣрить въ пользу подобнаго дѣла даже и тѣ, которые его тогда задумали. Но можетъ ли *одна* неудача служить рѣшительнымъ примѣромъ для будущаго?—*Выборъ редактора* погубилъ дѣло, а не казенная субсидія.

---

*) Должно быть Павла Михайловича Леонтьева, друга М. Н. Каткова. *Ред.*

Г. Цитовичъ не искренній человѣкъ, не убѣжденный, не православный и бездарный. Это было видно почти съ первыхъ номеровъ „Берега“. Бездарность его блистала на каждомъ шагу.

Вообразимъ себѣ на мѣстѣ г. Цитовича другого человѣка, напримѣръ, хотя бы князя Н. Н. Голицына (редактора „Варшавскаго Дневника“). Можно ручаться, что дѣло пошло бы иначе.

Всѣ бы съ перваго мѣсяца поняли бы, *чего желаетъ* редакція. Въ „Берегѣ“ все было или безцвѣтно, или до гадости грубо (напримѣръ статьи Дьякова-Булгакова).

Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо дать себѣ трудъ пересмотрѣть только бѣгло номера „Варшавскаго Дневника“ и „Берега“ за первое полугодіе ихъ одновременнаго существованія (Князь Голицынъ и Цитовичъ приступили къ своей дѣятельности въ одно и то же время, въ первые мѣсяцы 1880 года).

Либеральная печать могла бы нападать сколько ей угодно на этотъ органъ; обличать его въ „оффиціозности“, въ подкупности и т. д. Но *искренность и силу* убѣжденія, *ума, таланта, вкуса* и *познаній* не скроешь и не уничтожишь вполнѣ никакими нападками ненависти. *Охранительныя истины* русской жизни оставались бы истинами независимо отъ питающаго ихъ, такъ сказать, источника.

Нѣтъ спора, лучше бы было избавить газету отъ обвиненій въ продажности; полезнѣе было бы лишить либераловъ этого жестокаго орудія враждебной полемики.

Но что же дѣлать съ русскимъ обществомъ, если его историческое воспитаніе таково, что оно *безъ правительства* ничего хорошаго сдѣлать не умѣетъ, несмотря на всѣ свои „конституціонныя“ и тому подобныя претензіи. Все великое и прочное въ жизни русскаго народа было сдѣлано *почти искусственно* и *болѣе или менѣе принудительно,* по почину правительства. Когда же (какъ мы видѣли за послѣднее время) починъ государства принялъ характеръ нѣкотораго самоотреченія или самоограниченія въ пользу этого, такъ называемаго „общества“, то вмѣшательство и сравнительная свобода послѣдняго—ничего не принесли, кромѣ плодовъ

революціонныхъ или, по крайней мѣрѣ, *оппозиціонныхъ* (у насъ въ Россіи разница только количественная, а не качественная между этими двумя политическими терминами).

Крещеніе Руси было дѣломъ правительства. Собираніе Руси—тоже; правительствомъ было постепенно утверждено *крѣпостное право*,—право столь спасительное въ свое время и даже столь *культурное* (ибо разнообразіе воспитанія необходимое для культуры было плодомъ этого *искусственнаго феодализма*). Создавши привилегированный *культурный слой*, т. е. *дворянство*, правительство исполнило великую и историческую обязанность свою. Тоже искусственныя и тоже крайне принудительныя европейскія реформы Петра слишкомъ извѣстны и даже многія стороны ихъ подвергнуты осужденію исторіи, но, видно, эта *особаго рода* искусственность *естественна* для Россіи. Екатерина II также *искусственно* старалась придать дворянству болѣе аристократическій характеръ. Никто этого отъ нея не требовалъ: никакая *печать*, никакая *толпа*, никакія *общественныя корпораціи* не вынуждали царицу принять такое направленіе. Но этого требовалъ ея собственный геній, требовала, такъ сказать, *натура* Россіи, гдѣ только то и становится прочнымъ, *что, повторяю, нѣсколько насильственно и искусственно создано* правительствомъ. Возьмемъ еще примѣръ: *чиновничество, бюрократію,* какъ говорится. Въ ней много недостатковъ, много пороковъ; чиновничество есть, по преимуществу, такъ сказать, *правительственное учрежденіе*, по мнѣнію либераловъ, уже въ высшей степени неестественное. Но стоитъ только обратиться къ наилучшему судьѣ подобныхъ вопросовъ, къ разуму русскаго простолюдина, чтобы понять, что это не совсѣмъ такъ. Русскій простолюдинъ терпитъ часто отъ ошибокъ и даже отъ притѣсненій нашей администраціи, но, недовольный частностями, онъ все таки считаетъ чиновничество необходимымъ и спасительнымъ. „Начальство", „царскіе слуги"... говоритъ онъ съ почтеніемъ и мало-мальски хорошаго „царскаго слугу" онъ всегда скорѣе пойметъ, чѣмъ какого-нибудь независимаго земскаго лэнд-лорда, который *беретъ* съ него (не для Государя, *а для себя*) очень дорого за землю. Губернатора мужикъ готовъ

даже любить за то только, что онъ царскій губернаторъ; независимаго землевладѣльца лэнд-лорда онъ готовъ подозрѣвать въ злоумышленіи и очень былъ бы радъ отнять у него всю *его землю*. Недаромъ прежніе помѣщики, появлявшіеся въ *отставныхъ мундирахъ* среди бушующей толпы крестьянъ, и напоминая имъ этимъ видомъ, что они не только землевладѣльцы (состоящіе съ ними въ естественномъ антагонизмѣ интересовъ), но лица *Царю служившія*, усмиряли безъ оружія разгорѣвшіяся страсти...

Я скажу даже больше: ...если *соціализмъ*—не какъ нигилистическій бунтъ и бредъ самоотрицанія, а какъ законная организація труда и капитала, какъ *новое корпоративное принудительное закрѣпощеніе человѣческихъ обществъ*, имѣетъ будущее, то въ Россіи создать и этотъ новый порядокъ, не вредящій ни Церкви, ни семьѣ, ни высшей цивилизаціи—не можетъ никто, кромѣ монархическаго правительства.

Въ виду всего сказаннаго, что же значило бы издержать на новый опытъ, вродѣ опыта съ „Берегомъ", какихъ-нибудь 200, 250 тысячъ... Безжалостно было бы оставить безъ умственной помощи нашу слабую, слабо-мыслящую и послушную болѣе или менѣе всякому пустому вѣянію читающую публику.

Даже въ случаѣ неудачной подписки газета, сильная сама собою, умомъ и энергіей личнаго состава редакціи, продержавшись года три—четыре, не прошла бы безслѣдно и безъ вліянія на умы. Теперь множество хорошаго и невысказаннаго остается подъ спудомъ, а пустословіе гуляетъ на просторѣ и господствуетъ. *Слѣды* этого хорошаго остались бы и *сѣмена истины* не могли бы быть вполнѣ затоптаны либеральными копытами...

Неужели *никому* не страшно, не больно видѣть—съ одной стороны, *однообразную* злонамѣренность *множества* нашихъ газетъ, а съ другой—силу ихъ вліянія на умы большинства „интеллигенціи", которое, по выраженію одного англійскаго публициста, „есть всегда ничто иное, какъ собирательная бездарность".

Впрочемъ, повторяю, я согласенъ съ тѣмъ, что лучше

было бы для подобной газеты избѣгнуть обвиненія въ „офиціозности“. По моему мнѣнію, этого достигнуть нетрудно.

Взявши въ расчетъ ту, повидимому, *уже неизбѣжную* въ русской культурѣ или русской государственности *естественную искусственность*, о которой я говорилъ, есть возможность создать органъ печати въ одно и то же время *охранительный* и *свободный*. Основной капиталъ не долженъ быть прямо казенной или какой-нибудь министерской субсидіей. Онъ долженъ быть собранъ добровольно, но для достиженія этого, для возбужденія охоты жертвовать въ непредпріимчивыхъ русскихъ богачахъ,—необходимо, чтобы лица *очень высокопоставленныя* подали примѣръ. Никто не будетъ въ правѣ и въ силахъ утверждать, что газета *казенная*, если, напримѣръ, кто-либо изъ лицъ царской крови прямо, или еще лучше косвенно пожертвуетъ на эту газету значительную сумму вмѣстѣ съ другими состоятельными людьми, со знатными дворянами, государственными сановниками и значительными купцами. Сверхъ того, можно бы собрать и съ богатыхъ монастырей черезъ посредство Св. Синода и епископовъ весьма крупную добавку къ общей суммѣ.

Такимъ образомъ, самое разнообразіе лицъ и учрежденій, заинтересованныхъ (по крайней мѣрѣ, нравственно, если не удастся доставить имъ хорошаго процента съ ихъ капитала) въ подобномъ предпріятіи, будетъ залогомъ независимости для газеты.

Либерализмъ однообразенъ по существу своему: онъ вездѣ почти у всѣхъ одинъ; разница въ оттѣнкахъ его больше количественная, чѣмъ качественная. Онъ смѣлѣе, рѣзче, революціоннѣе, или слабѣе, скромнѣе, осторожнѣе; но *онъ одинъ* потому, что онъ есть ничто иное, какъ *сознательное или безсознательное разрушеніе*. Разрушеніе просто; охраненіе *разносторонней*, уже прежде создавшейся, государственности,—всегда должно быть *поневолѣ сложно*.

Лица, долженствующія, по проекту моему, способствовать возникновенію охранительной газеты, будутъ неизбѣжно разниться между собою во взглядахъ на многое. Всѣ они мо-

гутъ быть удовлетворены, но нерѣдко *разными сторонами* въ дѣятельности подобной редакціи. *Это-то самое* и доставитъ редакціи ту свободу мнѣній, которая всегда даетъ особый вѣсъ органу печати.

Къ тому же, повторяю здѣсь еще разъ то, что говорилъ выше: искренность и твердость убѣжденій, выраженныя съ умомъ и талантомъ--даютъ себя чувствовать даже и при существованіи самой простой субсидіи. Истина и даръ — не гибнутъ даже и отъ прямой казенной помощи. Въ церкви, построенной на казенныя деньги, точно такъ же совершаются таинства и точно такъ же молятся люди, какъ и въ храмѣ на частныя средства воздвигнутомъ; нужно, чтобы причтъ былъ хорошъ; на сценѣ *Императорскихъ* театровъ давались „Жизнь за Царя“, „Горе отъ ума“ и пьесы Островскаго, и казенное жалованіе не портило дарованій Мочалова, Садовскаго и Бантышева. Нужны *таланты*, нужны искренность чувствъ и *независимость ума*... Нужно узнавать людей, а не искать ихъ гдѣ-то, когда они подъ рукой!..

Позднее, но необходимое возраженіе*).

Уже нѣсколько *мѣсяцевъ* тому назадъ мы прочли въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ помѣщаемое нами ниже мнѣніе о современномъ монашествѣ и монахахъ. Немного поздно отзываемся мы на это странное мнѣніе,—это правда; но и молчать совсѣмъ мы не имѣли въ виду.

Вотъ эта выдержка:

„По нашему понятію, говоритъ „Церковно-Общественный Вѣстникъ“, кромѣ нравственной чистоты жизни, къ сожалѣнію, сильно подорванной избыткомъ матеріальной обезпеченности и бездѣятельностью значительной части монашества, отъ него обязательно требовать извѣстнаго образовательнаго ценза.

Монахъ непремѣнно долженъ быть человѣкомъ образованнымъ,

*) „Варшавскій Дневникъ“, 1880 г. (№ 246, за подписью: „Мірянинъ, почитатель монашества“).

прошедшимъ духовную или свѣтскую школу, иначе онъ будетъ плохимъ священникомъ, и допущеніе въ монашество лицъ, чуждыхъ образованія, должно быть ограничено до крайней степени. Что представляетъ собою наибольшее количество нынѣшнихъ обитателей монастырей, изъ какихъ людей оно формируется? Это въ большинствѣ отставные солдаты, промотавшіеся купцы и мѣщане, выгнанные изъ духовно-учебныхъ заведеній по безталанности и лѣнтяи. Весь этотъ людъ стремится въ монастыри только въ виду гарантируемой ими матеріальной обезпеченности, при полномъ ничегонедѣланіи; весьма многіе изъ нихъ совершенно безграмотны, другіе еле бродятъ по церковной книгѣ, не понимая ни ея смысла, ни значенія. А между тѣмъ, опытъ показываетъ, что и такіе субъекты, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, нерѣдко возводились не только въ іеродіаконы и іеромонахи, но и даже въ игумены и архимандриты! Могутъ ли быть такіе люди достойными служителями Церкви и слугами общества, съ которымъ они находятся въ непрерывномъ соприкосновеніи? Очевидно, нѣтъ; и вотъ гдѣ, между прочимъ, заключается источникъ немалочисленныхъ нареканій на монашество, помимо нравственной распущенности большинства его членовъ".

Насъ изумило, конечно, такое непониманіе монашества и всего того, что до него касается, и въ какомъ же органѣ? Въ *Церковно*-Общественномъ. *Пока* мы не имѣемъ намѣренія объяснять этому будто бы „Церковному" изданію, чѣмъ долженъ быть монахъ вообще по понятію Св. отцовъ Православной Церкви, и не будемъ возражать подробно на подчеркнутую нами фразу вышеприведенной выписки.

Мы напечатаемъ теперь только списокъ жившихъ и еще живущихъ въ настоящее время монашествующихъ лицъ въ одной изъ очень извѣстныхъ обителей средней полосы Россіи. При спискѣ этомъ намъ прислалъ высокопочитаемый нами инокъ этой же обители нѣсколько собственныхъ замѣтокъ, которыя мы и предпосылаемъ перечню иноческихъ именъ. Замѣтки эти считаемъ совершенно выражающими нашу собственную мысль. Списокъ же именъ есть лучшій

отвѣтъ на вопросъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“: что представляетъ собой наибольшее количество обитателей монастырей, изъ какихъ людей оно формируется?

Вопросъ о монашествѣ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ въ наше время смутъ и растерянности, и мы думаемъ, что на такіе вопросы *никогда не поздно* отвѣтить.

Вотъ замѣтки и возраженія многопочитаемаго нами лица—ничего не измѣняя и не убавляя:

„Мнѣніе, что въ монастыряхъ монахи и іеромонахи должны быть всѣ образованные, имѣло бы нѣкоторую вѣроятность, если бы двѣнадцать избранныхъ учениковъ Христа Спасителя были бы образованные. Но Господь, чтобы посрамить гордость и надменность человѣческую, избралъ себѣ учениковъ простыхъ рыбарей, которые просто и скоро увѣровали въ Его ученіе. А чтобы обратить и привесть къ вѣрѣ образованнаго Савла, нужно было его прежде наказать *слѣпотою*. Это потому, что образованные неудобно вѣруютъ и нелегко смиряются, надмѣваясь научнымъ знаніемъ. Кромѣ того, „образованный“, написавшій статью противъ монашества, не хранитъ и совѣсти своей, потому что публично заявляетъ ложь и клевету“. „Правда, что изъ образованныхъ были и великіе святые, какъ, напримѣръ, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый. Но этотъ велерѣчивый тщеславникъ на нихъ нисколько не похожъ. Они проповѣдывали истину, а онъ ложь“. „Правда, что и въ монастыряхъ бываютъ плохіе люди. Но зло всегда и вездѣ мѣшалось съ добромъ и какъ бы еще забѣгало впередъ. Каинъ родился прежде Авеля, Исавъ прежде Іакова. Между тремя сыновьями Ноя, видѣвшими потопъ, явился опять ненавистный Хамъ. Между избранными учениками Христа Спасителя оказался Іуда предатель. Всего хуже, если злые—изъ образованныхъ, какъ, напримѣръ, еретики Аріане. Сколько они сдѣлали зла и нанесли оскорбленій правовѣрующимъ христіанамъ и вообще Церкви Христовой!“. „Если бы велерѣчивый проповѣдникъ противъ монашества, хоть мѣсяца три пожилъ бы въ какомъ-либо пустынномъ монастырѣ и походилъ бы на всѣ церковныя службы, вставая ежедневно утромъ въ два часа

и ранѣе, тогда бы онъ опытомъ узналъ, какъ монахи въ монастыряхъ ничего не дѣлаютъ". „Какъ ни плохо, можетъ быть, нынѣшнее монашество, а лукавому сатанѣ всячески желается уничтожить и это плохое монашество. Видно оно солоно ему и много препятствуетъ его кознямъ и злоухищреніямъ. Потому онъ покорныхъ себѣ образованныхъ и возбуждаетъ противъ монашествующихъ". „Монахи, по слову св. Димитрія Ростовскаго—*сухіе колья,* которыми, однако, *поддерживается виноградъ Церкви Христовой!* Виноградъ, не поддерживаемый кольями, не можетъ приносить плодовъ, будучи заглушаемъ травами снизу". „Велерѣчивые толкуны толкуютъ, что въ монастырѣ ничего не дѣлаютъ, а даромъ хлѣбъ ѣдятъ. Однако, никто изъ нихъ не изъявляетъ охоты и усердія поступить въ монастырь на даровой хлѣбъ. Многіе лучше желаютъ побираться по-міру, нежели поступить въ монастырь. Есть анекдотъ про цыгана, которому пришлось пожить въ монастырѣ на первой недѣлѣ великаго поста. Оттуда онъ тайно бѣжалъ и, увидавши мужика, который велъ въ лѣсъ собаку удавить, сказалъ ему: „отведи въ монастырь и тамъ околѣетъ". „Во всякомъ обществѣ потребны люди образованные, средніе и простые. Если бы всѣ были образованные, то кто бы исполнялъ дѣла и меньшія?"

Обитель, изъ которой мы получили эти строки, намъ очень хорошо извѣстна, и многихъ изъ нынѣ живущихъ, а нѣкоторыхъ изъ умершихъ лицъ, мы знаемъ и знали лично.

Теперь слѣдуетъ выписка изъ книги обители о жившихъ въ ней нѣсколько лѣтъ тому назадъ и о живущихъ въ настоящее время монашествующихъ братій (за 25 — 30 лѣтъ).

Въ этомъ спискѣ помѣщаемъ мы не только тѣхъ лицъ, которые получили образованіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но тѣхъ, которые до вступленія своего въ монашество, обладали болѣе или менѣе значительными матеріальными средствами; кромѣ того, упоминаемъ также о служебной и общественной дѣятельности нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, равно и ихъ близкихъ родныхъ, ознакомляя черезъ это съ ихъ прежнимъ положеніемъ въ свѣтѣ и семей-

ной средой, изъ которой они вышли. Внимательно прочитавъ такого рода перечень, всякій справедливо относящійся къ дѣлу человѣкъ, легко усмотритъ изъ нея, что пока еще, слава Богу, составъ монашествующихъ не заключаетъ въ себѣ исключительно людей *неспособныхъ, бездарныхъ, неграмотныхъ, или же, по неимѣнію средствъ къ жизни, вынужденныхъ избрать себѣ пріютомъ тотъ или другой монастырь, въ надеждѣ на безбѣдную, спокойную и праздную жизнь.*

Вотъ списокъ:

Маіоръ *Герасимовъ*, Павелъ Моисеевичъ, кирасиръ. *Жерве*, Петръ Александровичъ, поручикъ гвардіи. *Половцевъ*, Иванъ Андреевичъ, подпоручикъ артиллеріи, впослѣдствіи архимандритъ Ювеналій и намѣстникъ Невской лавры. *Дурново*, Иванъ Дмитріевичъ, подпоручикъ. *Путимцевъ*, Максимъ Васильевичъ, штабъ—лекарь. *Желтухинъ*, Сергѣй Семеновичъ, губернскій секретарь, впослѣдствіи игуменъ Савва, настоятель Махры и теперь живъ. *Шульгинъ*, Сергѣй Александровичъ, сынъ извѣстнаго московскаго, Оберъ-полицеймейстера. *Пороховщиковъ*, Иванъ Александровичъ, поручикъ, братъ извѣстнаго московскаго домовладѣльца. *Антимоновъ*, Иванъ Ивановичъ, курскій потомственный почетный гражданинъ, въ настоящее время игуменъ Оптиной пустыни; отецъ его имѣлъ полъ-милліона, но Иванъ Ивановичъ отъ всего отказался. *Покровскій*, Павелъ Степановичъ, студентъ Тамбовской семинаріи, нынѣ іеромонахъ Оптиной пустыни Платонъ. *Яновскій*, Александръ Семеновичъ, флота капитанъ-лейтенантъ, впослѣдствіи іеромонахъ *Христофоръ*. Его отецъ, бывшій директоръ Калужской гимназіи статскій совѣтникъ Симеонъ Яновскій; оба недавно скончались въ Тихоновой пустыни. Гавріилъ *Спасскій*, іеромонахъ и духовникъ Оптиной пустыни; окончилъ курсъ въ семинаріи; недавно скончался. *Кульневъ*, Иванъ Константиновичъ, поручикъ. *Будаковъ*, Ипполитъ Яковлевичъ, штабъ-ротмистръ, кирасиръ и начальникъ ополченія. *Вайгель*, Антонъ Ѳеодоровичъ, коллежскій секретарь, губернскій архитекторъ и инженеръ; скончался. *Комбурлей* Андрей Ивановичъ, дворянинъ. *Волковъ*, Іоаннъ, священникъ, нынѣ іеромонахъ Добраго монастыря Ириней. *Кавелинъ*, Левъ Александровичъ, капитанъ лейбъ-гвардіи, нынѣ намѣстникъ Троице-Сергіевской лавры, архимандритъ Леонидъ. *Жаткевичъ*, Павелъ Филипповичъ, дворянинъ, воспитанникъ Петербургскаго университета, а впослѣдствіи монахъ Порфирій; скончался *Екельнъ*, Филиппъ Филипповичъ, поручикъ; скончался на Афонѣ. *Зерцаловъ*. Алексѣй Моисеевичъ, губернскій секретарь, окончилъ курсъ наукъ въ Калужской семинаріи по 1-му разряду; нынѣ іеромонахъ Анатолій, начальникъ скита, Оптиной пустыни, духовникъ. *Чебыкинъ*, Михаилъ Никифоровичъ, кончилъ курсъ въ Костромской семинаріи; нынѣ игуменъ Маркъ, намѣстникъ Боровскаго монастыря. *Бѣловидовъ*, Андрей Ивановичъ, окончилъ курсъ

въ Тамбовской семинаріи по 1-му разряду; нынѣ іеромонахъ Оптиной пустыни Агапитъ. *Голохвастовъ*, Николай Николаевичъ, полковникъ, командиръ гвардейской артиллерійской бригады; впослѣдствіи іеромонахъ Троицкой Лавры Никонъ; скончался. *Глушковъ*. Андрей Ивановичъ, подпоручикъ; впослѣдствіи іеродіаконъ Антоній, воспитывался въ дворянскомъ полку, скончался. *Щеголевъ*, Николай Александровичъ, поручикъ; скончался. *Дерябинъ*, Степанъ Матвѣевичъ, Ново-оскольскій купецъ, братъ городского головы. Нынѣ рясофорный монахъ Оптиной пустыни *и издатель духовныхъ сборниковъ*. *Почепинъ*, Павелъ Петровичъ, поручикъ, сынъ петербургскаго 1-ой гильдіи купца. *Щепетильниковъ*, Николай Николаевичъ, *замѣчательный фотографъ;* недавно скончался въ Троицкой Лаврѣ. Его мать игуменья, а братъ кончилъ курсъ въ воинской семинаріи и нынѣ студентъ *С.-Петербургской Духовной Академіи, и также въ монашествѣ*. *Ключаревъ* Θеодоръ Захаровичъ, надворный совѣтникъ, служилъ въ лейбъ-гусарахъ и былъ богородицкимъ предводителемъ дворянства. Владѣлъ имѣніями въ разныхъ губерніяхъ; недавно скончался. *Бѣлоусовъ*, Петръ Степановичъ, богатый устюжскій купецъ, былъ бургомистромъ. Нынѣ іеромонахъ Оптиной пустыни Палладій. *Антоній*, іеромонахъ, былъ въ Персіи при посольствѣ, и учителемъ духовнаго училища Тифлисскаго. *Зедергольмъ*, Константинъ Карловичъ, колежскій ассесоръ, магистръ филологіи московскаго университета и чиновникъ особыхъ порученій Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. Авторъ многихъ ученыхъ статей и переводчикъ душеполезныхъ книгъ. Впослѣдствіи былъ іеромонахомъ Климентомъ; скончался недавно въ Оптиной пустыни. *Θеодоръ, игуменъ*, магистръ и инспекторъ С.-Петербургской Духовной Академіи, впослѣдствіи Архимандритъ. *Шереметевскій*, Никита Аθонасьевичъ, надворный совѣтникъ; окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету однимъ изъ первыхъ медиковъ, былъ старшимъ ординаторомъ военнаго госпиталя; нынѣ монахъ Нифонтъ. *Теншинъ*, Василій Николаевичъ, орловскій помѣщикъ, маіоръ; скончался. *Раевскій*, Константинъ Григорьевичъ, штабсъ капитанъ, богатый Чернскій помѣщикъ и судья уѣзднаго суда. Путешествовалъ по Палестинѣ и Египту. *Жураковскій*, Николай Осиповичъ, губернскій секретарь, сынъ учителя Калужской гимназіи. *Четвериковъ*, Алексѣй Сергѣевичъ, московскій купецъ, нынѣ монахъ Тихоновой Пустыни Анатолій. *Жеголкинъ*, Николай Николаевичъ, мценскій потомственный почетный гражданинъ. *Горбуновъ* Иванъ Ивановичъ, калужскій купецъ; окончилъ курсъ въ калужской гимназіи. *Струковъ*, Михаилъ Евгеньевичъ, колежскій секретарь, воспитывался въ Тульской гимназіи. Былъ членомъ Ефремовской земской управы, секретаремъ съѣзда мировыхъ посредниковъ и управлялъ канцеляріей предводителя дворянства. Получалъ жалованья 2.000 рублей. Нынѣ іеромонахъ Макарій, библіотекарь и письмоводитель Оптиной пустыни. *Ильенковъ*, Алексѣй, священникъ. Кончилъ курсъ въ смоленской семинаріи по 1-му разряду. Нынѣ архимандритъ Спасскаго монастыря въ Муромѣ Антоній. *Лихаревъ*, Александръ Николаевичъ штабсъ-ротмистръ, каширскій предводитель дворянства. Скончался въ Оптиной пу-

стыни. *Офросимовъ*, Николай Николаевичъ, титулярный совѣтникъ. Орловскій мировой посредникъ и богатый помѣщикъ. Нынѣ монахъ Оптиной пустыни Иларіонъ. *Поповъ*, Николай Николаевичъ, воронежскій купецъ. Нынѣ монахъ Задонскаго монастыря. *Монастыревъ*, Алексѣй Николаевичъ, надворный совѣтникъ и кавалеръ, былъ почтмейстеромъ. Рясофорный послушникъ Оптиной пустыни. *Оголинъ*, Степанъ Степановичъ, коллежскій ассесоръ, оренбургскій мировой посредникъ. Былъ адъютантомъ у Наказного Атамана, Оренбургскаго войска въ чинѣ эсаула. Получалъ жалованья до 3.000 рублей. Нынѣ рясофорный послушникъ Оптиной пустыни. *Монахъ Инокентій* изъ калужскихъ купцовъ; кончилъ курсъ въ гимназіи. *Іеромонахъ Никонъ Рыбкинъ* изъ петербургскихъ купцовъ. *Поліевтковъ*, Михаилъ Васильевичъ изъ перемышльскихъ помѣщиковъ; умеръ. *Мудровъ*, Петръ Севастьяновичъ изъ студентовъ семинаріи, коллежскій секретарь, бывшій засѣдателемъ земскаго суда. *Монахъ Мисаилъ*, изъ богатыхъ тульскихъ купцовъ Гребенщиковыхъ. *Монахъ Корнилій*, отказавшійся отъ невѣсты съ 500,000 рублей. *Монахъ Павелъ Петровичъ Почепинъ*, помѣщикъ, фабрикантъ, офицеръ, изъ Московскаго университета; занималъ гражданскую должность въ Калугѣ. *Архимандритъ Моисей*, впослѣдствіи настоятель въ Тихоновой пустыни. *Щербачевъ*, щигровскій помѣщикъ. Пожертвовалъ 14,000 рублей. *Полугорскій* Илья Ивановичъ, изъ богатыхъ помѣщиковъ. *Аристовъ*, человѣкъ независимаго положенія, поселившійся теперь въ этой обители. *Шепетильниковъ*, ярославскій богатый купецъ. *Монахъ Евфимій*, ярославскій купецъ, пожертвовалъ 5,000 р. *Ѳеодосій*, настоятель Люшкова монастыря, изъ кавказскихъ купцовъ. *Сланскій* Андрей, коллежскій совѣтникъ. *Свѣчниковъ* Андрей, сибирскій горный чиновникъ. Архимандритъ Мало-Ярославскаго монастыря Никодимъ *Демушѐ*, изъ морскихъ офицеровъ. Отецъ его—французъ, а мать—русская. Того же монастыря *Игуменъ Пафнутій*, служившій на гражданской службѣ въ Орлѣ. *Огіевскій* изъ калужскихъ помѣщиковъ. *Колотинъ*, іеромонахъ Серафимъ. изъ курскихъ дворянъ. *Іеродіаконъ Сергій Труновъ* изъ курскихъ дворянъ, *Монахъ Порфирій Григоровъ*, пріятель Гоголя и Пушкина изъ Елецкихъ помѣщиковъ, оставившій сестрѣ имѣніе по прежнему съ двумя стами душъ крестьянъ. *Жадкевечъ*, черниговскій помѣщикъ, служившій въ Петербургѣ по гражданскому Вѣдомству. *Генералъ Петровскій*, жилъ въ Оптиной пустыни. *Полковникъ Тиличеевъ*, жилъ въ Оптиной пустыни 5 лѣтъ. Оба передъ смертью приняли постриженіе и жили въ монастырѣ не по бѣдности. *Монахъ Макарій Грузиновъ* изъ петербургской богатой фамиліи. *Валаамскій игуменъ Варлаамъ*, жившій на покоѣ въ Оптиной пустыни, котораго каменный домъ въ Москвѣ цѣлъ и теперь оставленный имъ для своихъ племянниковъ. *Бычковъ*, череминецкій игуменъ Антоній, былъ зятемъ петербургскаго богача Пономарева, получившимъ полное образованіе скончался въ Угрѣшской обители. *Афонскій архимандритъ Макарій* изъ богатой тульской фамиліи Сушкиныхъ. *Послушникъ Владиміръ* изъ Козельскихъ дворянъ. *Козловъ* изъ московскихъ купцовъ. *Монахъ Алексѣй*, изъ коллежскихъ совѣтниковъ.

Нѣтъ возможности выписать изъ обительской книги всѣхъ достаточныхъ купцовъ, дворянъ, священниковъ и т. д.,— такое ихъ множество!

Если же мы привели списокъ столькихъ людей, монашествовавшихъ еще недавно и нынѣ монашествующихъ вовсе не по неспособности или нуждѣ, *только въ одной* обители намъ извѣстной, то не имѣемъ ли мы права предполагать, что и въ другихъ обителяхъ найдется таковыхъ не меньшее количество.

Прибавимъ еще отъ себя, что знаменитые старцы Оптиной пустыни: архимандритъ Моисей, игуменъ Антоній и духовникъ скитоначальникъ Макарій—всѣ трое, конечно, не *по нуждѣ вещественной* пошли въ монахи и прославились. Эти замѣчательные люди, имена и жизнь которыхъ должны бы быть извѣстны всѣмъ православнымъ (или хотя бы *претендующимъ* на православіе) русскимъ, были всѣ трое изъ достаточныхъ сословій.

Братья Моисей и Антоній были изъ рода купцовъ Путиловыхъ; отецъ же Макарій—былъ калужскій дворянинъ (кажется, Ивановъ).

Вспомнимъ также, что въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, когда дѣйствовали уже на монашескомъ поприщѣ эти люди, дворянство, даже и среднее, не бѣдствовало, какъ оно бѣдствуетъ теперь, а купеческія состоянія были прочнѣе нынѣшнихъ.

Считать же, съ другой стороны, этихъ иноковъ вовсе уже не современными намъ дѣятелями тоже нельзя. Они всѣ скончались одинъ за другимъ въ 60-хъ годахъ, значитъ, почти въ наше время; преданіе о нихъ до того свѣжо по всей Калужской губерніи, что его можно назвать *вчерашнимъ*, и духомъ этихъ героевъ современнаго аскетизма живетъ до сихъ поръ обитель, простирающая свое вліяніе и теперь еще на всю Русь.

Пока этимъ замѣчаніемъ мы закончимъ нашу, слишкомъ краткую по важности предмета, статью.

Вооруженные монахи.
(Письмо въ редакцію *).

М. Г. Въ 252 нумерѣ вашей почтенной газеты въ фельетонѣ, подписанномъ „М. Добродушный“, крайне раздражительно разсказывается о томъ, что въ извѣстномъ Оптинскомъ монастырѣ (около г. Козельска, Калужск. г.) нынѣшній годъ уродилось много яблокъ и будто бы *монахи ходятъ, по этому случаю, вооруженными и стрѣляютъ всю ночь, нарушая тѣмъ сонъ мирныхъ обывателей.* Авторъ при этомъ восклицаетъ: *цѣною человѣческой жизни только они отдадутъ яблоко!*

Прошу васъ вѣрить, г. редакторъ, что мнѣ стоитъ большихъ усилій удержать негодованіе мое въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ того требуютъ... не скажу приличія... относительно самой статьи и относительно самого корреспондента вашего, но то глубокое уваженіе, которое я имѣю къ вамъ и къ благородной газетѣ вашей.

Но видно правда, „что и на старуху бываетъ проруха“... Случилась на этотъ разъ и съ вашимъ органомъ, вѣроятно, нечаянная проруха...

Я постараюсь въ угоду вамъ быть сдержаннымъ и краткимъ...

Вотъ мои возраженія:

1) Обыкновенно въ Оптиной сторожатъ яблоки не сами монахи, а наемные работники. Отчего же имъ не стрѣлять *холостыми зарядами?* Стрѣляютъ сторожа не для того, чтобы угрожать чьей-нибудь жизни, а для того, чтобы воры слышали, что они не спятъ и что ихъ много...

2) Если бы даже и случилось, что въ числѣ этихъ сторожей вашъ корреспондентъ увидалъ двухъ, трехъ людей въ подрясникѣ, то надо вспомнить, что большинство монаховъ обыкновенно еще не пострижены, т. е. *не монахи*, а только *послушники, испытуемые*, „чина иноческаго“ еще не заслужившіе люди. Отчего же имъ не пободрствовать на пользу обители и вмѣстѣ съ мірянами не пострѣлять холостыми зарядами? Вѣдь стрѣлять однимъ порохомъ все равно, что ходить съ трещеткой около вишенъ.

---

*) Современныя Извѣстія, 1882 г. № 263.

3) Такихъ *обывателей*, которые бы отъ монастыря не зависѣли и интересовъ его вовсе бы не касались, около *Оптиной* вовсе *нѣтъ*; сзади Оптиной лѣсъ; спереди луга.

Ни въ г. Козельскѣ, ни въ ближайшихъ деревняхъ, Стельнѣ и Прыскахъ, стрѣльбы не можетъ быть слышно, далеко; около Оптиной живутъ или люди рабочіе, подвѣдомственные обители, или люди благочестивые, обители преданные, которые построили себѣ дома или наняли ихъ для того, чтобы доживать свою жизнь поближе къ тѣмъ самымъ „ужаснымъ“ монахамъ, которые не понравились вашему корреспонденту. Выходитъ, что чужихъ „обывателей“ вовсе поблизости нѣтъ.

4) „Монахи сытые въ довольствѣ проживаютъ“, говоритъ авторъ. Монахи ѣдятъ до того просто и грубо, что я, напримѣръ, каюсь и признаюсь, живя въ Оптиной подолгу, рѣшительно не могъ къ этой пищѣ привыкнуть и постоянно былъ или голоденъ, или вынужденъ добывать себѣ особую провизію изъ города... А если монахи такъ нетребовательны, что грубой пищей сыты, то чему же тутъ завидовать и за что такъ *либерально и юмористически* гнѣваться?

5) *Св. отцы*, пишетъ дальше обличитель, *до такой степени алчны и скупы, что рѣшили стеречь свой урожай, притомъ самымъ рачительнымъ и рѣшительнымъ способомъ*. На это я замѣчу вотъ что: у меня живутъ въ услуженіи двое молодыхъ козельскихъ мѣщанъ; они оба все свое дѣтство провели въ Оптиной на разныхъ работахъ и должностяхъ. Они говорятъ: „народъ въ нашихъ окрестностяхъ *такой воръ*, что если бы не стеречь, ни яблока бы не осталось“. Я спрашиваю: съ какой же стати отдавать ворамъ яблоки, которыя могутъ быть отчасти розданы братіи „для утѣшенія“, отчасти сохранены для угощенія почетныхъ посѣтителей монастыря, отчасти даже и проданы, если ихъ очень много?

Почему это игуменъ вора и чужого негодяя долженъ больше „утѣшать“ плодами монастырскихъ трудовъ, чѣмъ братію монастыря и благопріятныхъ иноческой жизни гостей и поклонниковъ?

Не понимаю!

На „богатства же“ обители тоже раздражаться *русскому* человѣку неприлично, особенно въ наше время „благодѣтельнаго прогресса“. Богато *учрежденіе, община;* монахи же отъ этого богатства лично мало пользуются и жизнь ихъ такъ сурова и строга порядками, что изъ нашего сословія очень немногіе могутъ долго выносить ее, даже и не надѣвая рясы...

Дай Богъ, чтобы монастыри были въ „наше время“ богаты и *независимы.*

При одномъ взглядѣ на нихъ *отдыхаетъ* хоть немного то сердце, которое имѣетъ право назваться христіанскимъ и русскимъ сердцемъ...

Я самъ скажу во всеуслышаніе и съ радостью: монастырямъ нашимъ я столько обязанъ, я въ нихъ нашелъ столько хорошаго, столько *настоящаго* христіанскаго *пониманія,* столько русскаго чувства, столько поэзіи, наконецъ, что долгомъ чести, долгомъ правды, долгомъ вѣры считаю защищать ихъ отъ всякихъ нападковъ „современнаго“... чего бы сказать... ну, положимъ, „современнаго“ и „необдуманнаго“ отрицанія? Что касается до Оптиной пустыни въ особенности, то въ книгѣ моей „Отецъ Климентъ Зедергольмъ“ я, какъ умѣлъ, старался объяснить всю высокую нравственную пользу, все духовное величіе прекраснаго обычая старчества, перенесеннаго къ намъ въ 20-хъ годахъ съ Аѳона и укрѣпившагося съ особымъ успѣхомъ въ Оптиной пустынѣ. Неужели все это не заслуживаетъ пощады?

„Московскія Вѣдомости“ о двоевластіи*).

Если завтра вся бы романо-германская Европа провалилась бы въ глубь океана, какъ Атлантида, и можно бы было

---

*) Печатается съ рукописи, найденной въ бумагахъ К. Леонтьева, въ черновомъ видѣ. Въ статьѣ пропущены (вѣрнѣе, остались не вписаны) выписки изъ той передовой статьи „Московскихъ Вѣдомостей“, которая дала поводъ для возраженій автора. Нѣтъ даже указанія на № газеты. По нѣкоторымъ даннымъ можно только судить, что она писана была въ 1890—91 г.

Ред.

ее судить съ полнымъ историческимъ безпристрастіемъ,—то, конечно, всѣ бы оставшіеся на землѣ люди должны бы были согласиться, что такой великой, сильной и полной, интенсивной и экстенсивной культуры *до нея* не было. *И едва ли будетъ и послѣ нея!* Было время, когда и я, заодно съ Данилевскимъ, вѣрилъ въ то, что у насъ будетъ *полная* 4-хъ основная *) культура; но я уже давно началъ сомнѣваться въ этомъ...

Глядя на то, какъ еще робко до сихъ поръ пытаемся мы стать на особый культурно-бытовой путь, страшась нашей глубокой запутанности во всѣхъ дѣлахъ Европы посредствомъ разныхъ ученыхъ *съѣздовъ*, выставокъ, компаній, телеграфовъ почтъ и т. д.; не замѣчая еще никакого рѣзкаго измѣненія въ нашихъ привычкахъ, вкусахъ, модахъ и зная, какъ 2×2=4 что все это вовсе *не внѣшность* одна, а неизбѣжное выраженіе глубочайшихъ внутреннихъ потребностей,—я, при всемъ желаніи моемъ думать такъ, какъ думалъ я прежде (т. е. заодно съ Данилевскимъ),—начинаю все больше и больше колебаться. Горькія и почти насмѣшливыя слова Влад. Соловьева: „русская цивилизація—есть цивилизація европейская"—безпрестанно вспоминаются мнѣ въ моемъ одиночествѣ.

А что—если онъ *съ этой стороны* правъ?

Оставимъ его *католическія* увлеченія. Пока не соберется восточный вселенскій соборъ съ цѣлью признать непогрѣшимость папы и право на вставку въ никейскій сvмволъ слова—filioque,—мы, *вѣрующіе въ ученіе восточной церкви, не имѣемъ права* сдаваться на его убѣжденія. Предоставимъ г. Соловьеву—ставить свой пророческій даръ выше *обѣихъ церквей;* возносить западную, не подчиняясь ей, все-таки, посредствомъ перемѣны исповѣданія и пребывать лично на лонѣ восточной, всячески унижая и почти кощунственно понося ее.

Оставимъ его католицизмъ въ сторонѣ, сверхъ того, и потому, что *единовѣріе* не исключаетъ еще весьма большой разницы въ другихъ отрасляхъ культурной жизни. (Православная Византія временъ Ирины или Ѳеодоры и православная

---

*) Религіозная, государственно-соціальная, научно-художественная и экономическая.

Россія временъ Елизаветы и Екатерины — *какая разница!* Испанія и Польша—обѣ XVI—XVII вѣка, напримѣръ,—въ чемъ онѣ были схожи, кромѣ религіи?).

Всѣ знаютъ, что я ничуть не желаю, чтобы Россія стала католической, но я хочу только сказать, что если бы нашъ государственный строй, наши философскія воззрѣнія, наша литература и весь нашъ *внѣшній* бытъ отличались бы *глубоко* отъ Запада, то и единовѣріе не могло бы убить сразу силу культурнаго нашего своеобразія.

(Я приведу еще примѣръ наглядный. Православный сирійскій арабъ, греческій паликаръ изъ Эпира или Акарнаніи и калужскій крестьянинъ нашъ—одной *вѣры*, но развѣ культурно-бытовая разница ихъ не огромная? Такъ могло бы быть и въ высшихъ классахъ; такъ и было въ старой, *великой* Европѣ).

Поэтому оставимъ здѣсь, говорю я, католическія увлеченія Соловьева, о нихъ рѣчь была только мимоходомъ.

Не католичество его тревожитъ меня; меня смущаютъ его обидныя слова—русская цивилизація есть цивилизація европейская.

Я нахожу на это множество возраженій и у другихъ и въ собственной мысли, но самоувѣренный тонъ его, сознаюсь, колеблетъ меня и я повторяю:

— А что если съ *этой стороны* Соловьевъ видитъ дѣло вѣрнѣе насъ; что если мы хотимъ вѣрить тому, что намъ пріятно, и ослѣпляемся? Для меня несомнѣнно, что Данилевскій правъ вообще въ своей теоріи культурныхъ типовъ *относительно прошедшаго*. Но относительно настоящаго и будущаго надо поразмыслить. Будетъ ли еще вообще новая, вполнѣ независимая, полная, оригинальная культура на земномъ шарѣ—это вопросъ!

Изъ того, что отдѣльныя европейскія государства устарѣли—еще не слѣдуетъ непремѣнно, что идеи, вкусы, уставы и новѣйшія вѣрованія (эгалитарныя и безбожныя) не распространятся и на внутреннюю Азію и Африку (Америка и Австралія все та же Европа). Положимъ—эти новѣйшія идеи, привычки и вѣрованія ложны, пошлы, даже гнусны и все, что

хотите, съ нашей (съ Данилевскимъ) точки зрѣнія, но развѣ торжествуетъ на землѣ всегда то, что прекрасно, или что *намъ* кажется истиной. Для христіанъ мусульманство было ложью; однако оно подчинило нѣсколько вѣковъ тому назадъ не только власти своей, но и *духу* многія христіанскія страны. Для хорошаго французскаго католика и легитимиста—демократическая революція есть ложь и гнусность, однако она восторжествовала во Франціи и *возврата нѣтъ!* Очень можетъ быть (даже можно сказать навѣрное), что то культурное однообразіе среднихъ людей, къ которому можетъ придти все человѣчество, подъ вліяніемъ эгалитарной и безбожной европейской цивилизаціи, ведетъ къ безвыходной безднѣ тоски и отчаянія. Придется, вѣроятно, тогда вымирать или иначе гибнуть, ибо тоже возврата не будетъ! Но эта опасность—погубить вмѣстѣ съ собою человѣчество—никогда не остановитъ европейцевъ (по племени, или только *духу*). Они будутъ вѣрить, что въ этомъ не только выгода ихъ, но *долгъ* и высшее призваніе.

Даже завоеваніе всей Европы (положимъ, китайскими монголами) не уничтожитъ непремѣнно этой возможности всеобщаго зараженія. „Побѣдители приняли нравы и обычаи побѣжденныхъ“ — такъ учили еще насъ въ дѣтствѣ; я помню эту вѣрную фразу; и примѣровъ этому много.

Итакъ прежде всего еще остается вопросомъ—будетъ ли еще вообще какая-нибудь новая, *прочная на 8—9 вѣковъ* (какъ другія, прежнія были), своеобразная цивилизація или нѣтъ. И если будетъ—то славяне ли ее разовьютъ? или кто-нибудь другой... И, наконецъ, если славянство, руководимое Россіей (послѣ благопріятнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса) и уклонится нѣсколько въ сторону отъ общаго русла, то насколько рѣзко будетъ это уклоненіе?

Не будетъ ли оно такъ незначительно, какъ было незначительно уклоненіе римской культуры отъ греческой? Ибо нравы и весь внѣшній бытъ римскій былъ очень схожъ съ греческимъ; а *государственность* римскую *священно-муниципальнаго* и республиканскаго происхожденія можно также счи-

тать какъ бы развитой и съ успѣхомъ выработанной эллинской государственностью.

Можно, конечно, и на этомъ примириться съ исторической судьбой нашей, но изъ этого еще очень далеко до *4-хъ основного* типа, о которомъ мечталъ Данилевскій. Онъ говорилъ, что романо-германская цивилизація—культура только *2 хъ основная*, т. е. въ ней хороши и сильны только 2 стороны—*научно-художественная* и *государственная*; а религіозная и экономическая слабы. Религіозная—потому, что католицизмъ есть *искаженіе христіанства*; экономическая—потому, что на Западѣ *феодализмъ капитала!*

Искажено ли католичество или нѣтъ,—это вопросъ богословскій, котораго я здѣсь не хочу касаться (какъ лично вѣрующій въ правоту православія,—я даже обязанъ съ этимъ согласиться); но когда мы хотимъ поставить вопросъ на объективно-научную почву, какъ ставилъ его Данилевскій то нельзя брать за критеріумъ или за основу суда наше съ нимъ *субъективное вѣрованіе*. Культурно-органическая точка зрѣнія не есть собственно христіанская; она можетъ быть тѣсно связана съ моимъ личнымъ христіанствомъ, но, чтобы судить объективно, я долженъ умѣть выходить и за предѣлы моей *личной религіи;* я могу не только этой личной вѣрой, по богобоязненности, но во многихъ отношеніяхъ даже и разумомъ понимать, что православіе *правильнѣе* католичества въ догматическомъ и душеспасительномъ отношеніи. Но когда рѣчь идетъ *о развитіи*, *о своеобразіи*, *о творчествѣ культурно-религіозномъ*, *я не могу не видѣть*, что послѣ раздѣленія Церквей православіе въ Византіи остановилось, а въ Россіи (и вообще въ славянствѣ) было принято оттуда *безъ измѣненія*, то есть безъ *творчества* (вредно или полезно—*все равно пока*). А европейская культура именно послѣ этого раздѣленія и начала *выдѣляться* изъ обще-византійской цивилизаціи. Въ исторіи католичества, что ни шагъ, то *творчество*, своеобразіе, независимость, сила.

Другое дѣло—религіозная истина моей вѣры; и другое дѣло—истина историческаго взгляда. Іудейская ветхозавѣтная вѣра въ значительной мѣрѣ обязательна для всякаго христіанина;

но развѣ можно сказать, что она во время Моисея и Пророковъ была такъ *развита* и богата *разнообразнымъ* содержаніемъ, какъ ложная для насъ языческая вѣра древнихъ египтянъ или браминовъ? Нельзя. И ложное можетъ быть очень своеобразно и очень развито, и интенсивно и содержательно.

Католицизмъ—религія такая могучая и полная, какой, быть можетъ, еще и не было на землѣ. Какъ же не основа? Не любите католицизма, не вѣруйте въ него, боритесь съ нимъ, но какъ же можно не считать его *третьей по счету* и *первой по значенію* культурной основой романо-германской исторіи. То же можно сказать про экономическую сторону.

Кого увѣритъ Данилевскій, что эта хозяйственная сторона въ Европѣ слаба. Что она не вліятельна. Такъ какъ въ книгѣ его рѣчь идетъ о смѣнѣ культуръ, или о нѣкоторой преемственности ихъ, то когда же и гдѣ же, до полнаго развитія романо-германской цивилизаціи, было такое *хозяйство?*.. Такая торговля, такое промышленное богатство? Даже такое усовершенствованное земледѣліе?.. *). . . . .
. . . .

Такъ ли это?

Не скрыта ли за этими строками нѣкотораго рода *патріотическая тенденція*, которая хороша по намѣренію, но можетъ стать и весьма вредною, если бы подобные взгляды на исторію возобладали бы твердо въ ушахъ правящихъ и вліятельныхъ у насъ людей.

Двоевластіе на Западѣ!

Императоръ и папа.

Договоръ и борьба; договоръ и борьба. Мы давно это слышимъ; по фактамъ это вѣрно; сомнѣваюсь, вѣренъ ли взглядъ по *выводамъ*, по *приложенію* этого примѣра къ Россіи?

Въ Европѣ было двоевластіе духовнаго и свѣтскаго начала; въ Европѣ была между ними борьба; *вслѣдствіе этой борьбы вышелъ на историческую сцену* народъ; теперь „демократическія волны заливаютъ монархію“ и она не можетъ устоять противу нихъ. Западный монархизмъ существуетъ только фик-

*) Пропущена выписка изъ газетъ.

Ред.

тивно на почвѣ конституціонныхъ доктринъ. „Полное торжество демократіи есть только вопросъ времени“.

Противъ послѣдняго положенія нельзя спорить. Конституціонная монархія не есть монархія; въ конституціонномъ государствѣ властвуетъ демократическая *поліархія*, слегка ограниченная исполнительной и большею частью только отрицательною силой „князя“ (государя)...

Обернемъ разсужденіе до конца.

Допустимъ, что господство крайней демократіи вообще есть канунъ распаденія государствъ. Допустимъ это.

Приближеніе этого господства есть признакъ того, что зовется началомъ конца.

Какъ же могутъ *пасть* Западныя государства? „Куда же они дѣнутся?“ Всѣ *прежнія* государства погибли насильственной смертью. Египетъ и Вавилонъ были завоеваны Персіей; Греческая республика была покорена Македоніей; и Египетъ, и Греко-Македонское царство, Іудея и часть прежнихъ персидскихъ владѣній были всѣ вмѣстѣ завоеваны римлянами. Другая болѣе значительная и болѣе коренная часть Персидскаго царства была покорена гораздо позднѣе арабами. Римъ былъ разрушенъ германскими варварами. Византія была покорена турками. Даже и въ исторіи Европы мы видимъ то же. Многія, болѣе слабыя царства утратили свою независимость благодаря постороннему насилію, благодаря завоеванію. Венеціанская республика была разрушена французами и потомъ уже передана Австріи. Всѣ германскія особыя государства на нашихъ глазахъ покорены Пруссіей; церковная область насильно присоединена къ итальянскому королевству. *Раздѣлъ* Польши не называютъ завоеваніемъ только потому, что Польша *почти* не воевала тогда, не будучи въ силахъ противиться такимъ тремъ большимъ державамъ, какъ Россія, Австрія и Пруссія. Исключеніе составляютъ только Венгрія, Чехія и Шотландія, которыя присоединены къ Австріи и Англіи иными путями. Но вѣдь и эти *незавоеванныя*, а только присоединенныя страны должно все таки считать *падшими*, какъ государства *дѣйствительно независимыя*. Не такъ ли?

То же самое можно сказать и о будущемъ Европы. Всѣ государства Западной Европы стремятся обратиться въ эгалитарныя республики. Конституціи, демократическія монархіи есть лишь переходная и въ историческомъ смыслѣ кратковременная форма правленія. Въ Англіи аристократія есть только блѣдная тѣнь того, что она была еще въ началѣ XIX вѣка; еще шагъ и разницы между Англіей и буржуазными монархіями Луи Филиппа и Виктора Эммануила не будетъ почти никакой. Для людей близорукихъ Германія *до вчерашняго дня* казалась исключеніемъ. Казалось, что въ ней монархія очень сильна. Но что же это за монархія, которой вся сила зависитъ отъ одного геніальнаго человѣка? Этотъ человѣкъ ушелъ отъ дѣлъ и всѣ начинаютъ сомнѣваться въ силѣ того государства, которымъ онъ тридцать лѣтъ правилъ! Объединенная и давно демократизированная Германія можетъ быть еще очень опасна для сосѣдей и сильна на одну, на двѣ и даже три войны. Была же опасна и сильна *два раза* Французская, глубоко демократизированная, имперія? Но и только. Здѣсь же рѣчь не о побѣдахъ, которыя не всегда влекутъ за собою *прочность*; а о *самой прочности* этой. Конечно и Германія *идетъ туда* же—къ демократіи, а потомъ, *несомнѣнно*, какъ и всѣ, къ республикѣ.

(Я Россію оставляю пока въ сторонѣ для ясности мысли; въ исторіи всѣ наличныя силы дѣйствуютъ разомъ въ конкретной связи; но мы такъ конкретно не можемъ излагать наши взгляды: надо *отвлечь* чистую мысль отъ сложнаго явленія, надо отдѣлить сначала все то, что мѣшаетъ ясности, а потомъ должно опять и это отдѣленное взять въ необходимый, окончательный расчетъ).

Итакъ всѣ государства Европы несомнѣнно стремятся къ одной и той же формѣ *эгалитарно-либеральной республики*. Надолго ли эти буржуазныя республики могутъ отстоять себя отъ напора все *возрастающаго* соціализма—это еще въ наше время невозможно рѣшить. Для этого надо прежде дожить до уничтоженія монархической власти въ Германіи, Италіи и Англіи. Нельзя теперь еще рѣшить *надолго ли*; но можно въ наше время *знать* навѣрное, что они *не отстоятъ себя*,

Соціализмъ такъ или иначе—*восторжествовать долженъ.* Что онъ такое будетъ самъ этотъ соціализмъ—орудіе только всеобщей анархіи или залогомъ и основой новаго неравенства и деспотической организаціи—это еще загадка. Но, сообразивши, съ одной стороны, то, что полная анархія никогда долго продолжаться не можетъ, и очень скоро вызываетъ потребности еще болѣе строгаго порядка, а съ другой, что то полнѣйшее равенство правъ, положенія, обезпеченности и воспитанія, котораго требуютъ соціалисты эгалитарные,—физіологически *невозможно,*—надо думать, что соціализмъ можетъ переродиться на практикѣ и принять организующее направленіе. *Организація* же есть *непремѣнно* неравенство, власть, *принудительныя* группы и слои и т. д.

По выходѣ изъ анархіи придется опять повиноваться, опять слушаться и нехотя опять выносить нѣчто въ родѣ новаго рабства, нѣчто въ родѣ новаго деспотизма, быть можетъ даже нѣчто въ родѣ новыхъ сословій... Если эта организація будетъ снабжена достаточной властью, достаточною неравноправностью,—то она можетъ держаться не вѣкъ, а цѣлые *вѣка*, подобно феодализму; если эта власть и эта неравноправность будутъ слабо выражены, то и эта форма будетъ непрочна: ея господство будетъ считаться только годами, а не вѣками, и весь западъ будетъ еще какой-нибудь вѣкъ перебиваться изо дня въ день, подобно республикамъ Южной Америки, или греческой республикѣ передъ македонскимъ нашествіемъ, въ ожиданіи какой нибудь *чужой* и сильной руки. (Русской или китайской—не знаю, конечно, по нашей *добротѣ* и наивности вѣрнѣе китайской!).

Но какъ бы то ни было, еще прежде чѣмъ соціализмъ успѣетъ выразить, что онъ такое—*краеугольный камень* новаго созиданія, или тотъ камень разрушенія, который разобьетъ глиняныя ноги европейской демократіи,—эта самая демократія (либеральная, буржуазная, капиталистическая)—можетъ и *должна* даже образовать *общеевропейскую республиканскую федерацію*, весьма однородную и однообразную. Ни монарховъ, ни папы, ни дворянства; кое-какая религія останется, быть можетъ, только *терпимой*, какъ личная потребность

многихъ, *терпимая* не изъ уваженія къ ней, а изъ снисхожденія къ слабоумію и малодушію молящихся.

Развѣ такая общеевропейская республика не есть совершенное *вырожденіе* прежней *культуры западной*? Развѣ это не паденіе всѣхъ *отдѣльныхъ большихъ* государствъ; подобное паденію малыхъ германскихъ и малыхъ итальянскихъ, которое мы видѣли; подобное древнему *сліянію* всѣхъ итальянскихъ мелкихъ царствъ и республикъ въ одной республикѣ римской, или всѣхъ русскихъ княжествъ въ одно Московское царство? Чѣмъ эти государства тогда будутъ другъ отъ друга разниться и отдѣляться, кромѣ языковъ? Это отличіе и не культурное и не государственное, а только физіологическое, и значеніе имѣетъ только для низшихъ классовъ населенія; правящіе найдутъ себѣ и тутъ немедленно общую почву и естественнѣе всего (на первое время) тотъ же французскій языкъ. Эти будто бы государства, эти *тѣни* государствъ будутъ разниться между собою не болѣе *штатовъ* сѣверной Америки и кантоновъ Швейцаріи.

Допустимъ даже трудно допустимое, допустимъ, что это будетъ прекрасно, прочно, примѣрно и т. д. Что и слабости буржуазнаго, либерально-конституціоннаго правленія, анархіи не будетъ, потому что будутъ сдѣланы всевозможныя уступки рабочимъ. Пусть это будетъ такъ, но развѣ это прочное торжество республики раціоналистической, матеріалистической, по возможности эгалитарной и по возможности либеральной—не будетъ полнѣйшимъ отверженіемъ всего того, что было основами прежняго величія и прежней оригинальной европейской культуры—папства и протестантства, монархіи и дворянскихъ принциповъ?

Конечно, это будетъ не только сліяніе (т. е. *паденіе*) всѣхъ отдѣльныхъ и столь разнородныхъ государствъ Запада, но и уничтоженіе ея *культуры*. (Ибо культура вовсе не состоитъ въ распространеніи *познаній*, въ наукѣ и т. д., а въ совокупности всѣхъ тѣхъ признаковъ, которыми одна цивилизація отличается отъ другой; при этомъ и всѣ самыя невѣжественныя мѣстныя повѣрія, суевѣрія и закоснѣлости играютъ свою значительную и весьма во многомъ полезную

роль. Общія знанія, напротивъ того, перейдя за нѣкую, неуловимую еще разумомъ черту,—сильнѣйшимъ образомъ способствуютъ разрушенію культуръ живыхъ и самобытныхъ. Для высшаго цвѣтенія какой бы то ни было культуры недостаточно ни всеобщаго мѣстнаго невѣжества, ни излишняго распространенія общихъ знаній, а какое-то гармоническое сочетаніе того и другого. (Нужна гармонія *знанія и незнанія*).

Итакъ, федеративная республика есть идеалъ, къ которому стремятся всѣ народы Запада, и приблизительное достиженіе этого идеала будетъ уже само по себѣ паденіемъ европейской культуры и европейскихъ государствъ—*независимо отъ послѣдняго удара посторонней руки*, удара, который въ исторіи наносится завоевателями разслабленнымъ государствамъ и износившимся культурамъ.

До сихъ поръ я согласенъ съ авторомъ передовой статьи „Москов. Вѣдомостей" (. . . . . . .). Результатъ мы, видимо, предчувствуемъ одинъ.

Но я всегда опасаюсь этого пріема: на Западѣ было *двоевластіе,* была борьба Рима съ Императоромъ; *вслѣдствіе* этого на Западѣ восторжествовала демократія. Значитъ если бы не было *двоевластія*, не было бы разложенія.

На Западѣ во всѣхъ сношеніяхъ господствовалъ *договоръ*; договоръ выразился и въ конституціи. *Вслѣдствіе* этого „демократическія волны грозятъ затопить" и т. д.—Значитъ, если бы не господствовалъ договоръ, то не настало бы никогда и то паденіе, о которомъ мы оба съ авторомъ статьи одинаково, *кажется*, думаемъ. Въ этой статьѣ „Москов. Вѣд." упоминается только о *двоевластіи и договорномъ характерѣ* западной государственности; но многимъ, я думаю, случалось встрѣчать въ русской политической литературѣ другія соображенія, сходнаго съ этимъ порядка, напримѣръ:

На Западѣ вездѣ было *завоеваніе*; вслѣдствіе этого образовалась сильная, настоящая *аристократія. Гнетъ* аристократіи породилъ *демократическую* (народовластительскую) реакцію. Произошла эгалитарная революція, и народъ пожелалъ участія *во власти.*

Значитъ—если бы на Западѣ не было *завоеванія* и проис-

шедшей отъ завоеванія *аристократіи*, то не было бы и современнаго *демократическаго* разложенія.

Къ подобнаго же рода взглядамъ можно отнести и взглядъ И. В. Кирѣевскаго на католичество.

Западная Церковь, отдѣляясь самовольно отъ Восточной, погрѣшила *раціонализмомъ*. Римское папство *раціоналистическаго* происхожденія; оттого оно и породило и протестантство и безбожіе (такъ какъ они оба только высшія степени того же раціонализма). Значитъ, если бы не было папства (т. е. отдѣленія Западной Церкви отъ Восточной), то не было бы въ христіанствѣ ни раціоналистическихъ сектъ, ни полнаго безбожія.

Этотъ странный взглядъ, какъ извѣстно, былъ позднѣе не только принятъ всѣми славянофилами (за исключеніемъ одного Данилевскаго, который о *раціонализмѣ этомъ* молчитъ), но и повліялъ даже на нашу богословскую школу и проникъ на страницы духовныхъ журналовъ.

При всѣхъ этихъ разсужденіяхъ явно или скрытно—за строчками слѣдуютъ естественныя *приложенія* этихъ взглядовъ *къ Россіи;* эти-то приложенія для насъ важнѣе всего.

1) Не Восточная Церковь отдѣлилась отъ Западной, не присвоила себѣ права... а наоборотъ. Значитъ Восточная Церковь *не погрѣшила раціонализмомъ* въ минуту разрыва поэтому въ обществахъ, исповѣдующихъ православіе, нѣтъ мѣста ни раціонализму, ни безбожію.

2) У насъ не было двоевластія, не было полной независимости Царя отъ власти церковной, поэтому у насъ никогда не возможны конституція и равенство правъ.

3) У насъ не было *системы договоровъ*—поэтому опять-таки у насъ невозможна конституція, которая есть договоръ.

4) У насъ не было *завоеванія*, не было поэтому *настоящей аристократіи*; не можетъ быть и демократіи, т. е. народовластія.

Изъ всего этого естественно слѣдуетъ такой выводъ: конституція, демократія, гражданское и политическое равенство (порожденіе двоевластія, договора, аристократіи) ведутъ Западъ къ паденію. А такъ какъ у насъ двоевластія, дого-

вора и аристократіи не было, и не будетъ ихъ антитезъ и вредныхъ плодовъ, то *Россія неразрушима вовѣки!*

Значитъ и православіе и русское государство навсегда незыблемы.

Если такъ, отчего же мы *не безъ основанія* боимся *теперь* и равенства правъ, и безбожія, и раціонализма,—и противъ конституціи пишемъ и говоримъ такъ горячо и усердно?

Если все это *органически* намъ недоступно и не опасно, то о чемъ же и тревожиться?

Увы! Надо тревожиться и неустанно бороться.

Еще остается вопросомъ—можно ли безъ независимости Церкви (я не говорю точка въ точку безъ *двоевластія*), безъ рыцарской аристократіи, безъ борьбы сильныхъ и рѣзкихъ сословій и истекшихъ изъ этой борьбы договоровъ—можно ли создать столько великихъ вещей, сколько создалъ ихъ *старый*, т. е. прежній Западъ.

А уподобиться новому Западу очень легко и безъ всего этого феодальнаго и римскаго „зла".

Разрушиться можно и безъ папства, и безъ рыцарства, и безъ договоровъ. Быть можетъ даже легче и скорѣе, не имѣя такихъ могучихъ реальныхъ силъ въ своемъ прошедшемъ, чѣмъ переживши ихъ. Почва рыхлѣе, постройка легче... Берегитесь.

Поэтому не въ томъ радость, что у насъ не было *двоевластія*, а въ томъ горе, что у насъ Церковь слишкомъ зависима отъ свѣтской власти. *Немного* этого двоевластія не мѣшало бы. Безъ *непогрѣшимости единоличной*, и безъ *свѣтской власти духовныхъ лицъ.*

Народъ, низшіе классы, покоренныя племена могутъ вездѣ выдвинуться и захватить даже власть; и тамъ скорѣе, гдѣ сословная разница была не такъ велика, гдѣ равенства и подвижности было, значитъ, больше...

Договоры не *сами по себѣ* хороши; они были слѣдствіемъ открытой борьбы; открытая же борьба доказываетъ, что и сословія, которыя боролись между собою, были рѣзки и сильны, и папство и монархія тоже. А безъ сословій долго государству жить нельзя.

Конституціей же испортить государство можно и безъ *договорнаго* прошлаго и безъ двоевластія.

И у насъ чуть-чуть было не сдѣлали этого 10 лѣтъ тому назадъ.

Отрывки *).

1.

Многіе изъ тѣхъ новыхъ объясненій и оттѣнковъ, которые внесли въ Православное богословіе Хомяковъ и Самаринъ, остаются еще и не отвергнутыми и не принятыми Церковью нашею.

Не вдаваясь здѣсь въ специальныя и серьезныя разсужденія по этому вопросу, я скажу только кратко мое личное мнѣніе объ этихъ двухъ мірскихъ или свѣтскихъ богословахъ нашихъ. При всей моей готовности подчиняться въ дѣлахъ религіозныхъ мнѣніямъ православнаго духовенства, я не могу никакъ согласиться съ тѣми изъ духовныхъ пастырей нашихъ, которые хотятъ у вѣрующихъ мірянъ отнять право богословствовать.

Нѣкоторые изъ нихъ прямо говорятъ, что о высшихъ духовныхъ вопросахъ не должны разсуждать люди, не имѣющіе духовнаго сана. Такого мнѣнія былъ, между прочимъ, и покойный отецъ Климентъ Зедергольмъ, (котораго біографію, какъ извѣстно, я издалъ). У меня есть написанная его рукою замѣтка въ этомъ духѣ по поводу сочиненій А. С. Хомякова. Мнѣніе же Зедергольма важно въ этомъ случаѣ не столько потому, что онъ былъ сперва магистръ-филологъ Московскаго Университета, а потомъ чрезвычайно начитанный въ св. отеческихъ книгахъ монахъ, сколько потому, что личный складъ его ума и характера склонялъ его къ крайней богобоязненности въ дѣлахъ вѣры и онъ не позволялъ себѣ ни на волосъ отклоняться отъ того, что слышалъ отъ оптинскихъ старцевъ. Не знаю, читали ли Хомякова нынѣ въ бозѣ почившіе великіе оптинскіе учители:

---

*) Первый отрывокъ напечатанъ былъ въ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ" 1913 г. № 1; остальные печатаются впервые. *Ред.*

Макарій, Моисей и Антоній. Богословскія сочиненія въ то время изданы не были, но эти старцы могли, быть можетъ, имѣть довольно ясное понятіе о духѣ и взглядахъ Хомякова, черезъ посредство Ивана Васильевича Кирѣевскаго, который жилъ въ своемъ имѣніи недалеко отъ Оптиной и былъ очень близокъ со всѣми этими духовными дѣятелями. Очень можетъ быть, и даже всего вѣроятнѣе, что Климентъ слышалъ отъ нихъ подобное мнѣніе, отрицающее право мірянъ на богословствованіе. Я говорю, всего вѣроятнѣе, потому, что едва ли бы благоговѣвшій такъ безусловно передъ духовниками оптинскими Климентъ рѣшился бы самъ отъ себя такъ рѣшительно говорить объ этомъ. Благоговѣю и я передъ памятью и передъ мнѣніями этихъ великихъ духовныхъ отцовъ, но все-таки не такъ безусловно, какъ благоговѣлъ Климентъ; (быть можетъ потому, что я не монахъ и *клятвы отреченія*, подобно ему, не давалъ). Но во всякомъ случаѣ я позволяю себѣ раздѣлять мысленно нравственно-аскетическій авторитетъ ихъ отъ отвлеченно-богословскаго и отъ церковно-историческаго. Когда коснется до послѣднихъ двухъ отраслей Боговѣдѣнія, я считаю себя въ правѣ принимать въ расчетъ взгляды и такихъ современныхъ образованныхъ священниковъ, какъ напримѣръ, от. Иванцовъ-Платоновъ, и такихъ мірянъ какъ покойные Хомяковъ и Самаринъ или какъ нынѣ здравствующіе г. г. Филипповъ и Влад. Соловьевъ. И если мой умъ и сердце чѣмъ-нибудь отдѣльнымъ больше удовлетворяются или въ статьяхъ от. Иванцова-Платонова и „Православнаго Обозрѣнія“ (*позднѣйшихъ годовъ*) или во взглядахъ Хомякова, Самарина, Т. И. Филиппова и Вл. С. Соловьева; если они (т. е. умъ и сердце мое) удовлетворяются этимъ болѣе, чѣмъ взглядами Оптинскихъ отцовъ на этотъ самый предметъ, то я, даже и при полнѣйшей готовности подчинить *мою личную жизнь* волѣ избраннаго духовнаго старца, *умъ мой* оставлю свободнымъ и свободно-мыслящимъ въ предѣлахъ извѣстнаго и мнѣ и другимъ обще-православнаго догмата и преданія. Я понимаю это дѣло такъ: человѣкъ, признавши надъ своимъ личнымъ поведеніемъ власть духовника или старца, долженъ и не писать и не читать даже о

томъ, что этотъ старецъ нашелъ *для него* лично *не полезнымъ*, или *душевредительнымъ*; но сами по себѣ эти, ему запрещенные взгляды, мнѣнія, книги и т. д. могутъ сохранять въ глазахъ его свое общее достоинство, *удовлетворяющее его уму*. „*Не теперь, такъ позднѣе* это будетъ принято Церковью“ можетъ думать про себя и этотъ независимый *мыслью* человѣкъ, свободно подчинившій свою волю личной святости другого человѣка, котораго онъ счелъ этого достойнымъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, если бы сами отцы Леонидъ и Макарій, родоначальники оптинскаго старчества, или лишь имъ близкій и недавно только скончавшійся, истинно-великій духовникъ и подвижникъ аѳонскій Іеронимъ, если бы они всѣ сказали мнѣ то, что говорилъ Климентъ, то есть, что міряне, люди, не имѣющіе духовнаго сана, не должны писать о высшемъ богословіи, вообще о важнѣйшихъ церковныхъ вопросахъ, то я отвѣтилъ бы имъ:—Извольте, я самъ не буду писать объ этомъ, да я къ тому же и не богословъ и вообще не очень ученъ. Потери отъ моего молчанія никому большой не будетъ. Не подчиняя вамъ своей грѣшной мірской воли, я побоюсь приложить къ старымъ грѣхамъ моимъ еще новый грѣхъ никому ненужной моей умственной гордости; но относительно другихъ мірянъ скажу вотъ что: чѣмъ же я виноватъ, что г. Филипповъ, напримѣръ (мірянинъ), *одинъ во всей Россіи* 70-хъ годовъ возвысилъ свой голосъ печатно противъ болгарскихъ не каноническихъ притязаній и осмѣлился одинъ стать на сторону греческаго духовенства? *Теперь* всѣ болѣе или менѣе съ нимъ согласны. Или еще: никакое *послушаніе* личной подчиненной воли не можетъ *мой умъ* убѣдить въ томъ, что г. Соловьевъ не правъ, когда говоритъ, что и православная Церковь „развивалась“ въ эпоху вселенскихъ соборовъ, и что она можетъ и *должна* даже (если у нея это уже не отнято свыше) снова развиваться и, слѣдовательно, *жить*. Единственную внѣшнюю уступку, которую я могу сдѣлать это называть „развитіе“ „раскрытіемъ“, какъ выражаются по этому случаю болѣе или менѣе „оффиціальные“ противники г. Соловьева. Выраженіе это менѣе вѣрно, точно и ясно, чѣмъ „развитіе“, но

будемъ такъ говорить, ибо сущность дѣла отъ этого не измѣнится. И цвѣтокъ *„развивающагося“* растенія *раскрывается.* И младенецъ, скрытый въ утробѣ, *развившись, обнаруживается,* „разверзаетъ ложесна“, *выходитъ* на Божій свѣтъ.

Ограничивать всю жизнь Церкви однимъ охраненіемъ того, что уже извѣстно, понятно, общепринято и ясно—было бы или равнодушіемъ или упорствомъ не по разуму; это значило бы обрекать Церковь пожалуй что и на полное безсиліе.

Положимъ, что намъ сказано: „подъ конецъ“ останется мало „избранныхъ“, но такъ какъ намъ сказано тоже, что *вѣрнаго* срока *этому концу* мы знать не будемъ до самой *послѣдней* минуты, то зачѣмъ же намъ прежде времени опускать руки и лишать свою Церковь всѣхъ тѣхъ *обновляющихъ* реформъ, которыми она обладала въ ея лучшія времена отъ сошествія Св. Духа до великой побѣды иконопочитанія надъ иконоборчествомъ и т. д., и т. д.

Міряне, (прибавилъ бы я, все возражая почтительно великимъ и удаленнымъ отъ міра *охранителямъ*), міряне, напротивъ того, могутъ и должны мыслить и писать о *новыхъ* вопросахъ, и потому, что они обязанностями *сана* не связаны и потому еще, что слово ихъ не имѣетъ той *болѣе обязательной* силы, которую для вѣрующихъ читателей всегда будутъ имѣть слова патріарха, епископа, или духовнаго старца, уважаемаго подвижника. Мыслить и писать о *новомъ* мірянину надо, не надо только ему считать свой образъ мысли *непогрѣшительнымъ.* Надо умѣть (публично даже, если нужно) отказаться отъ него, если *признанныя* церковныя власти открыто и властно его отвергаютъ. Позволительно даже, пожалуй, утѣшаться внутренно или тѣмъ, что *часъ* принятія этихъ мыслей, по смотрѣнію Божію, *еще не пришелъ;* или хоть тѣмъ, на что я выше указывалъ: *мнѣ самому,* тоже по Высшей Волѣ, душеспасительнѣй теперь замолчать и покориться. Такія временныя пріостановки не исключаютъ ни движенія, ни даже позднѣйшаго какого-нибудь приблизительнаго торжества.

Вотъ въ этомъ то смыслѣ я полагаю, что и труды Хомя-

кова и Самарина принесутъ частію отрицательные, частію же и положительные плоды. Давно ли они эти замѣчательныя сочиненія стали занимательны для русскихъ умовъ? Имъ предстоитъ еще распространеніе; они одни еще могутъ пробудить нѣкоторую борьбу „на почвѣ не только *національно-русской*“, но и на восточно-культурномъ, *греко-россійскомъ* и обще *славянскомъ* поприщѣ. Перешли ли, напримѣръ, ученые чехи цѣлыми сотнями въ православіе? А если они *начнутъ переходить*, хотя бы сначала движимые лишь *племенными* увлеченіями? Развѣ оттуда (или отъ хорватовъ) нельзя уже вовсе ждать замѣчательныхъ трудовъ по части того, что г. Соловьевъ зоветъ „національной мистикой“. Неужели и всѣ эти великіе въ жизни психической *толчки* произойдутъ въ бездарномъ безмолвіи?

2.

Игнатъ Лойола и Джонъ Ноксъ или самъ Лютеръ, Петръ Пустынникъ или Іоаннъ Гусъ, Папа Левъ X-ый и даже Александръ Борджіа, испанскій грандъ или итальянскій нищій и т. д. будутъ, какъ живые образы, какъ люди жизни, безпристрастно разсматриваемые, всегда интереснѣе (т. е. прекраснѣе, т. е. культурнѣе), чѣмъ всѣ члены нынѣшнихъ представительныхъ собраній и чѣмъ всѣ кабинетные труженники вмѣстѣ взятые. Если эти послѣдніе буржуазные типы и получаютъ иногда какую-нибудь *отраженную* отъ другихъ, болѣе, такъ сказать, живописныхъ типовъ, интересность, то это какъ я сказалъ, упоминая о Шлоссерѣ *), лишь *черезъ то*, что *они еще, слава Богу, не одни на свѣтѣ* и что они, вопреки усиліямъ прогресса, встрѣчаютъ еще около себя и дикаго, и генерала, и солдата, и факира индійскаго, и прелата въ шелку и парчѣ, и монаха аѳонскаго и государей, вѣнчанныхъ на царство, и кой-какихъ еще бретонцевъ, тирольцевъ, калабрійцевъ и басковъ.

3.

Господство среднихъ людей, *несомнѣнно оживляя* на короткое время устарѣвшія общества, приводитъ однако очень

---

*) Собр. соч. т. VI, статья „Средній Европеецъ“. *Ред.*

скоро эти общества къ гибели государственной и культурной. Это господство, усиливая кратковременно *соціальную динамику*, нарушаетъ очень скоро всѣ условія, благопріятныя *соціальной статикѣ*.

4.

Прудонъ-искусство. „Du principe de l'art".

Онъ проповѣдуетъ отверженіе *идеала* въ искусствѣ и господство *идеи*, т. е. *реализмъ*. Пусть такъ: но когда *жизнь* идеальна, тогда и *реализмъ* прекрасенъ.

Напримѣръ, битва Айвено съ Bois Gilber'омъ у В. Скотта и ссора Ивана Ивановича съ Ив. Никифоровичемъ у Гоголя.

И то и другое реально въ искусствѣ, но разница въ жизни огромная.

СКВОЗЬ НАШУ ПРИЗМУ.

(Такъ озаглавленъ былъ въ *Варшавскамъ Дневникѣ* 80 года, подъ редакціей кн. Н. Н. Голицына, особый отдѣлъ, въ которомъ редакторъ и сотрудники его дѣлали разнаго рода замѣтки по поводу различныхъ слуховъ, приключеній, газетныхъ сообщеній и т. п.—Я собралъ здѣсь нѣкоторыя изъ составленныхъ въ то время мною подобныхъ замѣтокъ). Примѣч. автора въ изданіи 1886 г. „Востокъ, Россія и Славянство“.

I.

Благоразумные чехи.

Мы прочли въ газетѣ „Le Nord“ корреспонденцію изъ Вѣны (отъ 25 января н. с.), которая начинается такъ:

„Въ концѣ концовъ, конституціоналисты, опасавшіеся вліянія чеховъ на иностранную политику монархіи, не имѣютъ основанія слишкомъ жаловаться на образъ дѣйствія этой національности. Докторъ Ригеръ и его друзья не оказались враждебными относительно соглашенія съ Германіей въ томъ видѣ, какъ опредѣлилъ его баронъ Гаймерлэ, указавшій въ немъ лишь гарантію безопасности, чуждую всякой наступательной задней мысли. Что же касается Берлинскаго трактата, то чешскіе депутаты вполнѣ солидарны съ правительствомъ и требуютъ точнаго исполненія его постановленій, клонящихся къ упроченію новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Разладъ, быть-можетъ и существующій въ скрытомъ состояніи, обнаружится только въ томъ случаѣ, если кабинетъ Таафе захочетъ произвести на славянское населеніе полуострова давленіе, противное духу трактата. Существуютъ различныя воззрѣнія на миссію Австро-Венгріи въ этихъ областяхъ, и австрійскіе славяне имѣютъ нѣкоторыя основанія бояться, чтобы въ глазахъ правительства промышленное и торговое преобладаніе, упроченное Берлинскимъ трактатомъ за монархіей Габсбурговъ, не привело къ нѣкотораго рода политической гегемоніи, которая не будетъ признана полезною населеніемъ Балканскаго полуострова. Во время преній австрійской делегаціи докторъ Ригеръ ясно высказалъ, что чехи вовсе не намѣрены содѣйствовать попыткамъ, имѣющимъ цѣлью вовлечь Сербію, вопреки ея желаніямъ, въ экономическую сферу имперіи“.

Все это очень благонамѣренно, все это дышетъ „умѣренностью и аккуратностью“...

„И волки сыты, и овцы цѣлы“.

Но—увы!—мы сознаемся въ одномъ чувствѣ, не совсѣмъ умѣстномъ и приличномъ, когда рѣчь идетъ о серьезныхъ вопросахъ международной политики. Мы сами не знаемъ, почему эти *чешскія дѣла* наводятъ на насъ какую-то *скуку*.

Есть что-то несимпатичное въ крупныхъ претензіяхъ этой небольшой, но многограмотной славянской націи... Есть что-то мелкое въ ея колебаніяхъ между *необходимой* Австріей и *этой* Россіей, на которую глядятъ въ Прагѣ, вѣроятно, свысока, но признаютъ весьма пригодною *для легкаго устрашенія, отъ поры до времени, своего же нѣмецкаго начальства.*

Увѣряютъ, будто бы одинъ знаменитый дипломатъ сказалъ (вѣроятно, тоже по случаю какихъ-нибудь утонченностей чешской политики): „Эти бѣдные чехи! Ils travaillent pour roi de Prusse!

Многозначительно и остро!

Если бы въ этой полу-шуткѣ и заключалось серьезное *пророчество*, то намъ кажется, что и чешскіе бюргеры давнымъ-давно и притомъ плохо переведенныя съ нѣмецкаго языка на одно изъ славянскихъ нарѣчій, очень скоро примирились бы съ новыми условіями своей жизни... А съ другой стороны и всеславянство не почувствовало бы глубокаго лишенія отъ утраты этой небольшой и болѣе ученой, чѣмъ особенно умной націи, и безъ того самой географіей такъ далеко втиснутой въ нѣмецкій Gesammt--Vaterland!

Нѣсколькими сотнями тысячъ либеральныхъ мѣщанъ будетъ меньше...

Трудно рѣшить еще окончательно въ *наше время*, что такое *теоретическій* панславизмъ: заря восходящаго солнца новой культуры, или далекое зарево и для насъ, русскихъ, весьма опаснаго пожара? Но, во всякомъ случаѣ, отраженіе этого яркаго и сомнительнаго свѣта представляется намъ очень тусклымъ и некрасивымъ на мелкой зыби богемскаго болотца!..

II.

Японская дама.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Современныхъ Извѣстій* напечатаны очень любопытныя свѣдѣнія о „женскомъ вопросѣ въ Японіи“.

Въ этой Японіи, недавно еще столь своеобразной и таинственной, а теперь, повидимому, „безповоротно вступившей“ тоже на „всеспасительный путь европеизма, умы заняты,

между прочимъ, и женской эмансипаціей, женской равноправностью и тому подобнымъ. На *многоженство* начинаютъ смотрѣть, какъ на величайшую несправедливость, и японскія дамы требуютъ себѣ права гражданскаго голоса на выборахъ.

Въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* разсказана по этому поводу исторія одной женщины лѣтъ сорока, благороднаго происхожденія, *Кузанозе Кита.* Эта дама—вдова, стоящая одна во главѣ своего семейства; въ виду того, что съ нея, какъ со всѣхъ, берутъ подати, и она захотѣла имѣть право голоса на выборахъ, но ее не допустили. Она подала прошеніе губернатору. Губернаторъ отвѣчалъ:

„Плата податей есть общее обязательство для всѣхъ подданныхъ государства, и такъ какъ нѣтъ такого закона, который бы опредѣлялъ большія или меньшія права каждаго индивидуума, поэтому отдаю вамъ приказъ немедленно внести должныя вами подати. Что же касается до права быть свидѣтельницей, то закона, запрещающаго это, у насъ не существуетъ“.

Г-жа Кузанозе Кита, которой, по мнѣнію *Современныхъ Извѣстій,* подобаетъ занять мѣсто во всеобщей исторіи культуры, какъ первой женщинѣ, выступающей въ Японіи за права женщинъ, этимъ отвѣтомъ не удовольствовалась и апеллировала въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Неизвѣстно, чѣмъ кончится дѣло, но московская газета, повидимому, надѣется на благопріятное для японскихъ женщинъ разрѣшеніе этого вопроса.

Въ той же замѣткѣ говорится дальше о многоженствѣ въ Японіи, объ юридическихъ правахъ „наложницъ“, причисляемыхъ по мѣстнымъ законамъ къ *родственницамъ второго разряда* и т. д.

Современныя Извѣстія приводятъ переводъ статьи изъ одной японской газеты, въ которой доказывается, что „многоженство есть величайшая несправедливость“, и что его нужно совершенно вывести изъ японскихъ нравовъ, оставляя только за микадо право имѣть по нѣсколько женъ, ибо это полезно для сохраненія династіи.

По этому поводу мы замѣтимъ слѣдующее. Если бы уничтоженіе многоженства въ Японіи, или гдѣ бы то ни было, *было лишь прямымъ слѣдствіемъ распространенія христіанства,* то мы бы этому порадовались. Мы полагаемъ, что многоженство должно быть отвергаемо лишь на основаніи христіанскаго догмата, на основаніи *вѣры.* Ибо логика вѣры такова: „мой разумъ недостаточенъ, даже и въ случаѣ геніальныхъ способностей; а такъ какъ разумъ вообще недостаточенъ и противорѣчивъ до-нельзя, то я и не выпущу его изъ желѣзныхъ предѣловъ вѣры. Христіанская вѣра наилучшимъ образомъ рѣшила *разъ* и *навсегда* отношеніе человѣчества къ Божеству, и потому я долженъ повиноваться заповѣдямъ своей вѣры". И больше ничего.

А на основаніяхъ одного *разума* можно, *пожалуй,* и *поліандрію* проповѣдывать. Ее и проповѣдывали одно время соціалисты, напр. Фурье... Мы не думаемъ также, чтобы тѣ азіатскіе люди, которые, какъ слышно, живутъ въ Кашемирской долинѣ и допускаютъ законную поліандрію (по *восьми,* кажется, мужьевъ на одну жену), были бы непремѣнно глупѣе и слабѣе разумомъ, чѣмъ европейскіе „интеллигенты". Какъ это взвѣсить—кто глупѣе?... Даже взвѣшиваніе мозговъ не рѣшаетъ сомнѣнія. Остается еще много вопросовъ, напр.: *объ отношеніяхъ извилинъ* на поверхности мозга, объ ячейкахъ, о размѣрахъ остальнаго организма и т. д., и т. д.

Но если мы устранимъ вмѣшательство положительной религіи, то остается для подобнаго рѣшенія лишь одно средство—*художественное чувство.*

Съ точки же зрѣнія эстетической мы, хотя и озираясь съ нѣкоторымъ страхомъ, сознаемся, что къ стыду нашему, намъ султанъ турецкій нравится больше, чѣмъ „честный" европейскій безбожникъ или даже *деистъ, живущій почему-то невозмутимо* со своей раціональной женою не „во славу Божію", а во славу разума, почерпнутаго изъ вчерашняго нумера какой-нибудь умѣренной газеты.

Мы и многоженца микадо очень уважали до тѣхъ поръ, пока онъ не надѣлъ цилиндръ... Какой же это прогрессъ,

когда скоро никого уже нельзя будетъ на картинѣ представить?

Вѣдь куда же дѣть намъ и искусство? Прекрасное есть не что иное какъ „одѣтая платьемъ“ и „драпированная“ истина.

А „прекрасное“ нынче все потихоньку спускается въ тѣ скучныя *катакомбы пластики,* которыя зовутся музеями и выставками и въ которыхъ происходитъ что-нибудь одно: или снуютъ безъ толку толпы людей мало понимающихъ; или „изучаютъ“ что-нибудь спеціалисты и любители, т.-е. люди быть можетъ и понимающіе изящное „со стороны“, но въ жизнь ничего въ этомъ родѣ *сами* не вносящіе.. *Сами-то* они большею частію какъ-то плохи—эти серьезные люди!...

III.

Наслѣдство Хрущева.

Въ „Молвѣ“ напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Харькова, отъ 18 января, которую мы приводимъ здѣсь почти цѣликомъ: „17 января, въ Харьковской судебной палатѣ производилось дѣло, возбудившее въ мѣстномъ обществѣ самый живой интересъ. Такъ-называемый хрущевскій процессъ, несмотря на чисто-гражданскій его характеръ, привлекъ однако въ залу засѣданій многочисленную публику. Дѣло въ томъ, что отъ рѣшенія судебной палаты зависѣло, кому быть собственникомъ милліоннаго богатства: наслѣдникамъ Хрущева, или же духовному вѣдомству. Сущность этого замѣчательнаго процесса заключается въ слѣдующемъ: богатый землевладѣлецъ Харьковской губерніи Хрущевъ задумалъ основать въ своемъ великолѣпномъ имѣніи, въ Ахтырскомъ уѣздѣ, мужской общежительный монастырь для 24 монаховъ. Для того, чтобы мысль эта имѣла возможность выступить изъ широкой области неосуществимыхъ мечтаній, необходимо было преодолѣть цѣлый рядъ препятствій. Прежде всего, надо было дать монастырю имущество, безъ котораго, по закону, немыслимо устройство какого бы то ни было религіознаго учрежденія. Но все громадное имущество Хрущева было родовое и не могло миновать законныхъ

наслѣдниковъ ни по завѣщанію, ни по дарственной записи. Необходимо было поэтому совершить надъ имуществомъ весьма оригинальную метаморфозу: сдѣлать изъ родоваго благопріобрѣтеннымъ. Хрушевъ достигъ этой цѣли посредствомъ продажи имѣнія „Рясного" своему бывшему крѣпостному слугѣ, совершенному бѣдняку, который немедленно же продалъ все обратно Хрущеву. Затѣмъ необходимо было принять во вниманіе законъ о монастыряхъ, по которому съ 1866 года воспрещается устройство монастырей, если при нихъ, одновременно съ ихъ основаніемъ, не будутъ устроены какія-нибудь благотворительныя заведенія. Въ виду этого, Хрущевъ представилъ въ Харьковскую духовную консисторію проектъ слѣдующаго содержанія: въ случаѣ Высочайшаго соизволенія на устройство монастыря, послѣднему будетъ уступлено по дарственной записи имѣніе Рясное и наличныхъ денегъ 100,000 руб., на часть которыхъ при монастырѣ должна быть устроена богадѣльня на 24 человѣка. Самъ же собственникъ Хрущевъ выговорилъ себѣ лишь право надзора и пожизненнаго распоряженія въ пожертвованномъ имѣніи. *Въ высшихъ сферахъ проектъ этотъ былъ встрѣченъ довольно неблагосклонно, такъ какъ Хрущеву было предложено черезъ губернатора пожертвовать имѣніе на какое-нибудь другое полезное учрежденіе.* Лишь послѣ отказа проектъ вмѣстѣ съ дарственной записью получилъ законное движеніе. Въ сентябрѣ 1867 года Святѣйшій Правительствующій Синодъ испросилъ черезъ оберъ-прокурора Высочайшее утвержденіе проекта устройства монастыря на изложенныхъ въ докладѣ основаніяхъ, т. е. при условіи уступки въ даръ монастырю имущества Хрущева. Однако, несмотря на весьма, повидимому, искреннее желаніе Хрущева, устройство монастыря затормозилось. Дѣло въ томъ, что Хрущевъ неизвѣстно по какимъ причинамъ вдругъ рѣзко измѣнилъ свой первоначальный планъ и, вмѣсто дарственной записи, представилъ въ Синодъ духовное завѣщаніе, на основаніи котораго просилъ открыть немедленно монастырь, оставляя послѣднему имущество лишь послѣ своей смерти. Св. Синодъ отказалъ Хрущеву въ этой просьбѣ и въ своемъ опредѣленіи проводилъ

ту мысль, что устройство монастыря совершенно невозможно безъ исполненія главнаго условія, послужившаго основаніемъ къ Высочайшему утвержденію, безъ дарственной записи. Въ такомъ положеніи дѣло находилось, когда послѣ смерти Хрущева найдено было завѣщаніе, въ которомъ сказано было, что „все имѣніе Рясное переходитъ въ собственность устраиваемаго монастыря". Вотъ эта фраза и послужила основаніемъ иска родственниковъ умершаго объ уничтоженіи завѣщанія. Повѣренные наслѣдниковъ доказывали, что Высочайшее утвержденіе не было исполнено Хрущевымъ, который не уступилъ, какъ это было въ проектѣ, монастырю имѣнія по дарственной записи. Такимъ образомъ, въ моментъ смерти завѣщателя монастырь не существовалъ ни de jure, ни de facto и потому не можетъ быть признанъ полноправнымъ юридическимъ лицомъ, имѣющимъ право наслѣдовать и обладать собственностью. Повѣренные консисторіи возражали, что если даже стать на точку зрѣнія истцовъ, то и въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія къ уничтоженію духовнаго завѣщанія, ибо если монастырь не долженъ считаться существующимъ въ силу Высочайшаго соизволенія, то онъ можетъ возникнуть теперь въ силу завѣщанія. *Палата признала завѣщаніе дѣйствительнымъ и все имущество перейдетъ въ пользу монастыря, къ великой радости адвоката, получающаго, говорятъ,* 15,000 р. гонорара".

Такъ кончила „Молва".

Теперь—мы. Что-жъ? мы понимаемъ радость адвоката: 15,000 руб. сер. годятся! Мы даже ласкаемъ себя надеждой, что образъ мыслей этого, вѣроятно, очень даровитаго юриста впредь приметъ именно тотъ болѣе охранительный оттѣнокъ, который такъ отрадно встрѣчать хоть изрѣдка въ современныхъ намъ дѣятеляхъ. Остается какое-то пріятное воспоминаніе о монастырѣ, какая-то сердечная связь...

Мы встрѣчали даже докторовъ, которые хотя видимо такъ и дышали атомами и эфиромъ, когда дѣло касалось до философіи міозданія, однако, по отношенію къ философіи жизни являлись консерваторами, оттого, напр., что лѣчили

архіереевъ, игумновъ, предводителей дворянства или губернаторовъ и т. д.

„Пути Господни неисповѣдимы“ даже и по отношенію къ адвокатамъ и врачамъ... Какъ же не радоваться! Мы, не получившіе ничего за эти дѣла, тоже искренно рады, что монастырь выигралъ процессъ. Но и при этомъ тревожатъ насъ нѣкоторыя мысли, вопросы и сомнѣнія. Напримѣръ: „въ харьковскомъ обществѣ былъ возбужденъ этимъ процессомъ живѣйшій интересъ“, говоритъ корреспонденція „Молвы“; но дѣло Вѣры Засуличъ тоже возбуждало интересъ. Когда Вѣру оправдали, „интеллигенція“ береговъ Невы аплодировала и проливала слезы восторга...

Любопытно было бы знать, аплодировала ли въ этомъ случаѣ харьковская публика серьезному и правдивому рѣшенію харьковскаго суда?

Мы думаемъ, что нѣтъ... Монастырь—не реальное училище... Монахи это вѣдь *крайняя правая...* Въ Пантелеймоновскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, напримѣръ, есть одинъ мулъ. Его кормятъ и хранятъ, *но на него никто не смѣетъ садиться только потому*, что *Царскій Сынъ*, Его Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ, *немного проѣхался на немъ...* Въ монастыряхъ одни вовсе не философствуютъ, а другіе думаютъ, что все злое—*въ насъ самихъ*, въ нашей природной грѣховности, а не въ томъ или другомъ общественномъ устройствѣ; считаютъ земную іерархію отраженіемъ небесной и т. д.

Какіе же тутъ могутъ быть аплодисменты? Мы полагаемъ, что самый приверженный сынъ Церкви изъ присутствовавшихъ на этомъ, въ самомъ дѣлѣ замѣчательномъ, процессѣ вышелъ изъ залы очень скромно и перекрестился гдѣ-нибудь за угломъ, озираясь.

И еще раздирающій вопросъ... что это значитъ:

„*Въ высшихъ сферахъ* проектъ этотъ былъ встрѣченъ довольно неблагосклонно; Хрущеву было предложено пожертвовать имѣніе на какое-нибудь другое *полезное учрежденіе*“...

Такъ пишетъ корреспондентъ „Молвы“... Что такое эти *высшія сферы?...*

Ужъ не *обмолвился ли* корреспондентъ?... *Полезное* учрежденіе?

Въ государствѣ православномъ что же можетъ быть *полезнѣе духовно-православнаго учрежденія?*

Каковы бы ни были монахи сами (мы знаемъ, что въ наше время и они очень *ослабѣли)*, но *ученіе* ихъ уже потому правильно, что въ немъ больше практической *реальности,* чѣмъ въ ученіяхъ *уравнительнаго оптимизма...* Монахи *пессимисты* для земли... И это ужъ одно превосходно, потому что учитъ покорности и терпѣнію. Монахи болѣе чѣмъ кто-либо реалисты въ хорошемъ смыслѣ этого слова,—они не мчатся за *розовымъ облакомъ* рая земного... Они если не всѣ умомъ понимаютъ, то сердцемъ чувствуютъ, что *вблизи* это розовое облако окажется всегда лишь сѣрымъ, сырымъ и нездоровымъ туманомъ.

IV.

Полезно ли самоуправство на улицѣ?

На дняхъ по Вержбовой улицѣ проходила, сгорбясь, нищая старушка. Она хотѣла перешагнуть черезъ грязь, какъ вдругъ какой-то молодой парень простого званія, смѣясь, подшибъ ее ногою, и старушка упала въ воду. Увидавши эту сцену, одинъ изъ тѣхъ варшавскихъ комиссіонеровъ, которые носятъ красныя фуражки, подскочилъ къ молодому негодяю, схватилъ его и побилъ тутъ же весьма основательно. Публика (въ томъ числѣ и мы, грѣшные) остались очень довольны этой карой, столь быстро послѣдовавшей за подлымъ поступкомъ.

Теперь—философія. Во-первыхъ, философія *утилитарная.* До Бога высоко, до мироваго судьи далеко; городовой тоже не всегда можетъ вырасти изъ земли, а великодушный человѣкъ въ красной фуражкѣ былъ близко.

Значитъ—„легальность и въ *наше время* не можетъ еще вполнѣ уничтожить *живую* правду не только на всемъ земномъ шарѣ, но даже и въ Варшавѣ“.

Во-вторыхъ, *философія художественно историческая.* Грязи на улицѣ, положимъ, нѣтъ; пауперизма и тѣмъ болѣе; малый ноги не подставлялъ, комиссіонеръ его не билъ. Публика не

смѣялась и не радовалась. Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ не былъ бы весь этотъ случай описанъ... Что-жъ бы было?— „Нирвана“ какая-то. Абсолютъ! Германскіе мыслители говорили: *достиженіе абсолюта есть прекращеніе исторіи.* Что значитъ *абсолютъ?* Ужъ не то ли это царство правды и *сплошной* любви, которую намъ предлагаютъ нѣкоторые органы и русскіе и западной печати?...

Нѣтъ, бѣдная старушка, падай лучше въ грязь! Нѣтъ, молодой негодяй, бери на себя, такъ и быть, неблаговидную роль порока!... И ты, добрый комиссіонеръ, бей его крѣпче!... Мы предпочитаемъ сложность и драму *исторіи* безмыслію земнаго абсолюта...

Maxima miranda in minimis!

V.

Мы „Страну“ *сглазили!*

Только-что мы позволили себѣ въ передовыхъ статьяхъ нашихъ искренно похвалить нѣкоторыя свойства этой новой и очень умной въ своемъ родѣ газеты, какъ вдругъ въ ней появилась слѣдующая выходка:

„Страна“, сообщая своимъ читателямъ извѣстіе о новомъ предпріятіи г. Каткова, т.-е. объ учрежденіи телеграфнаго агентства, выражаетъ при этомъ слѣдующее желаніе:

„Желаемъ г. Каткову, чтобы первая переданная его Агентствомъ телеграмма изъ Москвы въ Петербургъ извѣстила объ уплатѣ полностью недоимки въ свыше 100,000 рублей по арендѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ у университета. Недоимка эта не можетъ тяготить издателя „Моск. Вѣд.“ матеріально, такъ какъ она не взыскивается. Но для газеты, давно избравшей себѣ спеціальностью укорять всѣхъ и каждаго въ недостаткѣ патріотизма, не должно быть пріятно сознаніе, что въ то время, какъ она усиленно призвала весь народъ къ пожертвованіямъ во время войны, приглашая общество жертвовать даже ломанныя серебряныя ложки (sic), она сама копила въ ущербъ казнѣ стотысячную „недоимку“. Прежде всего вотъ что: когда мы рѣшаемся печатать подобныя вовсе ненужныя вещи, такъ надо по крайней мѣрѣ узнать основательно дѣло. Мы, напримѣръ, *слышали* обо

всемъ этомъ совсѣмъ иначе. До появленія „Правительственнаго Вѣстника“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ печатались прежде (по условію, вѣроятно) всѣ казенныя объявленія. Когда учредили „Правительственный Вѣстникъ“, то всѣ ли эти объявленія, или значительная ихъ часть (не знаемъ), отошли изъ московской газеты туда. Говорятъ, что г. Катковъ вычелъ весь убытокъ, причиненный ему за нѣсколько лѣтъ этой перемѣной, изъ арендной платы—и больше ничего. Выходитъ, что все это дѣло есть не что иное, какъ юридическая претензія частнаго лица на какое-нибудь казенное вѣдомство. Что же тутъ особеннаго?... Если это нѣчто въ родѣ тяжбы противу казны, то это можетъ иногда случиться со всякимъ хорошимъ человѣкомъ. Это дѣйствіе *среднее*, такъ сказать, и ни порицанія, ни особой похвалы не заслуживающее. Никому дѣла до этого нѣтъ. Если же намъ все это невѣрно передали, или г. Катковъ просто долженъ казнѣ и съ него не спѣшатъ взыскать, или онъ самъ, напримѣръ, не спѣшитъ уплатить эту огромную сумму, то и въ такомъ случаѣ мы не видимъ, съ какой стати нападать за это на него! Г. Катковъ такъ полезенъ государству, онъ такъ много заслужилъ отъ отчизны, что ему можно бы и вовсе не платить этихъ денегъ... Скидываютъ иногда и болѣе крупныя недоимки людямъ, имѣющимъ меньшія заслуги...

Его деньги дороги не ему одному; они должны быть дороги и всѣмъ людямъ, желающимъ Россіи добра...

Деньги ему нужны, чтобы поддерживать безъ утомленія ту борьбу, которую онъ такъ давно уже ведетъ противу вреднаго невскаго вздора.

Чего стоитъ одно противодѣйствіе его *тонкому яду*, отпускаемому такъ аккуратно и осторожно хотя бы только однимъ „Вѣстникомъ Европы“...

Это стоитъ, право, дороже 100,000 рублей!..

VI.

Ужасная взятка и возвышенная честность.

16 февраля *) по Краковскому предмѣстью, днемъ, шелъ

*) *1880 года,—не забудемъ* (Прим. 1885 г.).

быстро очень молодой человѣкъ, одѣтый по-русски. Молодая дѣвушка, догоняя его, говоритъ ему чистымъ русскимъ языкомъ: „Молодой человѣкъ! Позвольте мнѣ съ вами *поравняться*".—„Ровняйтесь и даже обгоняйте меня, если вамъ угодно", сухо отвѣчаетъ недовольный этой наглостью юноша. Подходитъ городовой: „что ты ей сказалъ?" Юноша разсказываетъ. Дѣвушка: „Неправда, неправда! Онъ первый *звалъ меня*". Споръ. Городовой ведетъ ихъ обоихъ въ часть. Это было близко отъ конторы Нилькена, и молодой человѣкъ шелъ туда по спѣшному дѣлу. Онъ проситъ, чтобы его не задерживали, и увѣряетъ, что она заговорила съ нимъ первая, а не онъ. Подошли къ какому-то крыльцу. Дѣвушка чувствуя себя все-таки неправою, кается и просится домой.

— Я тебѣ на чай дамъ,—говоритъ она.

Городовой отпускаетъ и юношу, и дѣвицу.

Замѣтка эта вовсе не вопль и не плачъ такъ-называемой обличительной гласности, а такъ себѣ, анекдотъ. Въ наше время и взяткѣ иной будешь больше радъ, чѣмъ другой „честности".

Эта маленькая безчестность (которую мы, однако, не хвалимъ все-таки) бѣднаго городового par contrecoup какому-то внезапному напомнила намъ одну *великую честность*. Одинъ нашъ знакомый, съ годъ тому назадъ, говоря съ безпокойствомъ *умѣреннаго европейца* о нигилистахъ, разсказывалъ намъ: „опасно то, что многіе изъ нихъ *честны*"... И разсказывалъ слѣдующую исторію. Жилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ одинъ молодой революціонеръ. *Жилъ на 10 рублей какихъ-нибудь* въ мѣсяцъ; питался ужасно, спалъ Богъ знаетъ гдѣ и какъ; и писалъ большой memorandum о *неправдахъ* властей и о томъ, что надо сдѣлать. Кончилъ и представилъ его прямо начальству. Записка была болѣе чѣмъ нецензурна, конечно; она была безумна. Его стали судить. Онъ все называлъ *по имени* и надъ всѣмъ ставилъ *точки*.

Судьи, тронутые его благородствомъ, уговаривали его приватно не признаваться, напр., на судѣ, что онъ въ Бога не вѣритъ и т. д., что это нѣсколько облегчитъ его участь. Къ счастію, онъ ихъ не послушался и былъ наказанъ строже, чѣмъ они же-

лали. „Si non e vero, e bene trovato“. Давно ли въ Европѣ смѣялись говоря: Эти „*испанскія* дѣла!“ (т. е. ничего не поймешь). Не пора ли говорить „*русскія дѣла*“.

Быстро, быстро наше поступательное движеніе!...

Надо вѣрить одной газетѣ, которая въ одномъ своемъ диѳирамбѣ высшимъ властямъ все-таки упорно *уповаетъ,* что *дѣти, вѣроятно,* наши увидятъ... какіе-то *дни лучшіе* или *ясные* (*не помнимъ*). О, эти *дни*!.. О, это *будущее!... Лаврецкій* обѣщалъ то же самое лѣтъ 20 тому назадъ молодому поколѣнію; *то* молодое поколѣніе состарѣлось или по крайней мѣрѣ созрѣло... и ничего *лучшаго* не видимъ пока, а все *худшее*... Почему же дальше будетъ *непремѣнно* лучше? Кто это сказалъ? *Лаврецкій* былъ, въ самомъ дѣлѣ, честный человѣкъ: онъ *вѣрилъ, но ошибся. Тогда* было простительно вѣрить въ какой-то привлекательный прогрессъ... А „Голосъ“ тоже *вѣритъ и ошибается*..., или онъ вѣритъ, *но иначе какъ-то*... Намъ что-то смутно припоминается одинъ знаменитый нумеръ какой-то газеты послѣ attentat Засуличъ... Тутъ и слезы, и гадкая (стилистически даже ужасная) рѣчь Александрова, и пламенный фельетонъ какого-то Г...—не помню!.. И тонкая замѣтка, „что многое считаемое преступнымъ въ одну эпоху становится легальнымъ въ другую“. Что-то о *возвращенныхъ* декабристахъ, „которые участвовали вмѣстѣ со всѣми нами въ легальномъ освобожденіи крестьянъ“ и т. д.

Жаль, что въ Варшавѣ трудно достать старыя наши газеты. Хотѣлось бы отыскать, *гдѣ именно* мы это читали...

Нѣтъ, нашъ бѣдный городовой, подобно Веспасіану небрезгающій извѣстнымъ налогомъ..., право лучше иныхъ нашихъ публицистовъ и судей... Мы не говоримъ обо *всѣхъ,* а только объ *иныхъ*, объ иныхъ...

VII.

Революціонеры и прогрессисты.

Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ мы нашли выписку изъ Карлейля, вполнѣ приложимую къ нашему времени. Вотъ она.

„Когда въ эти времена упадка, гдѣ никакой идеалъ не возрастаетъ и не процвѣтаетъ, когда вѣрованіе и вѣрность

исчезли и отъ нихъ остается только жаргонъ и ложный отзвукъ, когда всякое торжество обращено во внѣшній парадъ, когда *всякая вѣра въ авторитетъ* сдѣлалась однимъ изъ двухъ: или глупостью, или лицемѣріемъ,—увы, отъ такихъ временъ исторія должна отвращать свои взоры! На нихъ не стоитъ останавливаться. Ихъ нужно сокращать все больше и больше и наконецъ вычеркнуть изъ лѣтописей человѣчества, вытереть, какъ незаконныя, что они и суть на самомъ дѣлѣ. Времена безъ надежды, когда, болѣе чѣмъ въ другое время, родиться—есть несчастіе. Родиться для того только, чтобы по всякому преданію и по всякому примѣру узнавать, что Божій свѣтъ есть ложь, міръ Беліала, и что высшее шарлатанство есть верховный іерархъ человѣчества!"

Какъ хорошо! Это точно наше нынѣшнее русское образованное общество!

„Современныя Извѣстія" говорятъ, что въ такія-то времена родятся *„революціонеры"*. Въ этой же замѣткѣ хвалятъ *прогрессистовъ*, утверждая, что прогрессистъ и революціонеръ— братья только кажущіеся. Они дѣти разныхъ родителей.

„Прогрессистъ", говоритъ газета, „рождается въ странѣ, спокойно совершающей свое историческое развитіе, и порождается временемъ, когда равновѣсіе поступательныхъ и охранительныхъ силъ въ обществѣ достигло возможной полноты. *Онъ смѣло идетъ навстрѣчу будущаго*, съ опредѣленнымъ багажомъ изъ прошедшаго и настоящаго; онъ представляетъ поступательное движеніе своей родины въ его исторической полнотѣ. Онъ признаетъ и чувствуетъ живую связь свою съ своими отцами, дѣдами и прадѣдами, считаетъ себя ихъ наслѣдникомъ и продолжателемъ, не стыдится этой кровной связи. Но это потому, что отцы, дѣды и прадѣды дѣлали свое дѣло, доходили до извѣстнаго „предѣла", отъ котораго и отправлялись ихъ преемники. Прогрессистъ есть дитя исторически-развивающейся страны, порожденіе непрерывно видоизмѣняющагося общественнаго порядка. Революціонеръ— порожденіе иныхъ обществъ и временъ. Предположите общество почему-либо застывшее въ своихъ формахъ, сдѣлавшихся мало-по-малу обременительными, утратившее нрав-

ственную власть надъ умами милліоновъ людей, которые не черпаютъ уже въ нихъ силъ для исполненія своего долга, относятся къ нимъ скептически и равнодушно и переносятъ ихъ по необходимости“ и т. д...

Такъ какъ *равновѣсіе* поступательныхъ и *охранительныхъ силъ* нарушено давно въ современномъ русскомъ обществѣ исключительно въ пользу однѣхъ поступательныхъ (это можно почти математически доказать), то, значитъ, у насъ и трудно быть прогрессистомъ (*хорошимъ*, т. е. органическимъ по смыслу замѣтки), а всякій прогрессистъ у насъ становится, самъ того не замѣчая, мирнымъ революціонеромъ, т. е. *мирно разрыхляетъ почву* для не-мирныхъ или непримиримыхъ. Такъ по крайней мѣрѣ преломляетъ наша варшавская призма этотъ лучъ московской мысли.

VIII.

Свобода проповѣди.

Въ „С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ читаемъ мы слѣдующее:

„Съ легкой руки лорда Редстока въ Петербургѣ въ послѣднее время учреждены публичныя проповѣди или чтенія религіознаго содержанія, имѣющія мѣсто въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ. Таковъ, напримѣръ, домъ Пашкова, на Гагаринской набережной, гдѣ по воскресеньямъ, отъ 3 до 9 часовъ, самъ г. Пашковъ предлагаетъ собирающейся у него публикѣ чтенія Евангелій съ объясненіями. Послѣднее чтеніе въ этомъ домѣ было 3 февраля. Посторонняя публика свободно допускается на чтенія г. Пашкова, ихъ слушаютъ и аристократическія барыни, и простонародье. Послѣ чтеній г. Пашковъ безплатно раздаетъ желающимъ простолюдинамъ Евангелія и другія брошюры религіознаго содержанія, что по преимуществу привлекаетъ народъ на чтенія г. Пашкова. Фактъ существованія въ Петербургѣ публичныхъ религіозныхъ чтеній безспоренъ, но онъ невольно вызываетъ на нѣкоторыя размышленія. Мы первые привѣтствовали бы такое нововведеніе, если бы у насъ съ чисто-американскою гражданскою свободою дозволено было каждому филантропу открывать свой домъ для подобныхъ религіозныхъ чтеній,

которыя, въ интересахъ просвѣщенія массы народа, могутъ имѣть, конечно, безспорно-положительное значеніе. Какого-либо вреда отъ подобныхъ чтеній не можетъ и быть, если даже и допустить, что могутъ явиться проповѣдники совершенно некомпетентные. Но вотъ въ чемъ вопросъ. Существуетъ ли у насъ свобода въ устройствѣ публичныхъ религіозныхъ чтеній? Имѣетъ ли, напримѣръ, такую свободу наше духовенство, которое, по существу своихъ обязанностей, должно всемѣрно пещись о религіозномъ наученіи народа? Мы скажемъ: нѣтъ и нѣтъ. Въ Петербургѣ состоитъ свыше 200 образованныхъ священниковъ, которые могли бы отлично организовать дѣло религіозныхъ чтеній для народа. Между тѣмъ роль священника ограничена у насъ однимъ церковнымъ служеніемъ, причемъ проповѣдь не составляетъ *обязательнаго* дополненія церковной службы. Затѣмъ, внѣ богослуженія, священникъ уже окончательно теряетъ роль учителя, если не упоминать о школьномъ преподаваніи священниками Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ священникъ, какъ учитель народа, не дѣйствуетъ съ полною свободою; онъ и въ своей церкви является проповѣдникомъ лишь подъ условіемъ контроля надъ его дѣйствіями со стороны властей, каковы, напримѣръ, настоятель церкви, благочинный, консисторія, епархіальный архіерей. Внѣ своей церкви, при какомъ-либо торжественномъ служеніи, священникъ можетъ сказать проповѣдь не иначе, какъ проведя ее черезъ сложную процедуру цензуры. Такъ, напримѣръ, всѣ проповѣди, даже лучшихъ образцовыхъ проповѣдниковъ Петербурга, какія недавно изданы каѳедрою Исаакіевскаго собора, предварительно произнесенія ихъ въ церкви пропущены сквозь горнило предварительной епархіальной цензуры. Пойдемъ далѣе. Если бы какой-либо священникъ вздумалъ устроить религіозныя чтенія для народа въ своей же церкви, но въ часы, когда нѣтъ богослуженія въ ней, для этого онъ предварительно долженъ испросить себѣ особое разрѣшеніе епархіальной власти. Если и дается такое разрѣшеніе, то надъ проповѣдникомъ обыкновенно учреждается спеціальный контроль въ этомъ отношеніи. Наконецъ, если бы священникъ

вздумалъ устроить подобныя чтенія не въ церкви, а внѣ оной, то въ этомъ случаѣ испрашивается особое разрѣшеніе не только отъ духовнаго, но и отъ гражданскаго начальства. Когда кто-либо учреждаетъ публичныя чтенія, даже и религіозныя, отъ него подлежащими властями требуется представленіе на предварительную цензуру подробной программы такихъ чтеній.

Спрашивается теперь: почему г. Пашковъ свободно предлагаетъ народу публичныя религіозныя чтенія, между тѣмъ какъ священники, спеціалисты этого дѣла, не уполномочены существующимъ порядкомъ на такую же свободу? Ужели г. Пашковъ, отставной полковникъ гвардіи, можетъ быть признаваемъ болѣе компетентнымъ проповѣдникомъ религіи, чѣмъ священники, получившіе спеціально богословское образованіе? Все это вопросы и вопросы. Мы не противъ свободы, какою пользуется г. Пашковъ, но желали бы видѣть ее распространенною на священниковъ прежде всего.

Обращаясь собственно къ содержанію Пашковскихъ чтеній, мы должны сказать, на основаніи нашихъ свѣдѣній о нихъ, что подобныя чтенія суть часто школьныя упражненія съ Евангеліемъ. Любой семинаристъ дастъ болѣе обстоятельное и дѣльное объясненіе Евангелій, чѣмъ то, какое даетъ г. Пашковъ. Мистическое направленіе въ его объясненіяхъ, въ духѣ ученія Редстока, выдается, повидимому, за новизну. Между тѣмъ наши священники могли бы въ той же залѣ г. Пашкова, гдѣ онъ ведетъ свои чтенія, дать ему самому и его публикѣ отличныя лекціи съ изложеніемъ ученій всѣхъ мистическихъ сектъ протестанства, каковы, напримѣръ, секты анабаптистовъ, піетистовъ, квакеровъ, гернкутеровъ и т. п. Проштудированіе подобныхъ сектъ отняло бы у проповѣдей г. Пашкова всякое обаяніе, потому что религіозный мистицизмъ (?) давно уже устарѣлъ въ ряду другихъ болѣе современныхъ богословскихъ системъ. Во всякомъ случаѣ мы желали бы, чтобы наша пресса обратила серьезное вниманіе на появленіе въ домахъ Петербурга стремленія къ религіозной проповѣди. Явленіе это весьма характеристично и заслуживаетъ спеціальнаго изученія".

Къ сожалѣнію, мы не можемъ согласиться во всемъ съ уважаемою газетою.

Мы согласны, что священники могутъ сдѣлать больше пользы подобными чтеніями и толкованіями, чѣмъ Редстокъ и г. Пашковъ, но не столько при *личной* неограниченной свободѣ *каждаго проповѣдника*, сколько при наибольшей независимости *всей церкви въ ея совокупности.* Мы думаемъ, что благія послѣдствія были бы неисчислимы, если бы въ этомъ вопросѣ свобода высшая, то есть *всей великой корпораціи именуемой духовенствомъ,* была предпочтена индивидуальной независимости. *Та общая независимость* Іерархіи и Церкви, о которой такъ много думали настоящіе славянофилы, укрѣпила бы вездѣ ослабшее единство православія, а *личное своеволіе* въ проповѣди могло бы только умножить наши секты и расколы... Къ расколу крестьянскому прибавился бы расколъ интеллигентный, столичный.

Свобода проповѣди досталась бы на долю духовенства бѣлаго; а іеромонахамъ и вообще монахамъ, заключеннымъ въ стѣнахъ отдаленныхъ обителей, было бы трудно противодѣйствовать въ этомъ случаѣ духовенству женатому и свѣтскому, къ несчастію, и безъ того весьма расположенному у насъ—я не смѣю сказать къ протестантству (это было бы слишкомъ), а проще и скромнѣе къ *протесту*, т. е. именно къ тому, что при неосторожности и къ протестанству ведетъ.

Въ предыдущей замѣткѣ нашей мы сказали, что обстоятельства наши сложились теперь такъ, что равновѣсія вовсе нѣтъ между охранительными началами и поступательными. Поступательныя все свободнѣе и свободнѣе, а охранительныя все по-*прежнему связаны...* И поправлять дѣло даже совѣтуютъ не такъ, какъ надо—не *справа*, а все *слѣва же.* Дайте всей Церкви независимость и будьте покойны,—тогда она въ совокупности своей станетъ несокрушима.

IX.

Общество болгарскихъ естествоиспытателей.

Фельетонистъ „С.-Петерб. Вѣд." сообщаетъ изъ „Цѣлокупной Болгаріи" слѣдующія извѣстія *о первомъ* учреждаемомъ

болгарскомъ Обществѣ естествоиспытателей. „Мысль объ ученомъ обществѣ въ Софіи, какъ о средствѣ общенія между людьми, получившими естественно-научное образованіе, давно возникла въ средѣ софійскихъ врачей и натуралистовъ, но только теперь приведена къ осуществленію. Послѣдніе два мѣсяца софійскіе врачи и натуралисты много разъ собирались для обсужденія этого вопроса и выработали уставъ Общества, цѣлью котораго указывается поддержаніе, посредствомъ постояннаго общенія, научнаго интереса между членами Общества и обсужденіе медицинскихъ и естественно-научныхъ вопросовъ, преимущественно такихъ, которые имѣютъ общественный интересъ. Общественная и частная гигіена и діэтетика, санитарная часть, метеорологія—какъ сами по себѣ, такъ и по отношенію къ народному здравію—вотъ предметы, которыми намѣрено заниматься Общество. Оно будетъ печатать сообщенія о своихъ засѣданіяхъ, протоколы, публичныя рѣчи и пр.; въ засѣданія доступъ свободный для всѣхъ желающихъ. Общество состоитъ: 1) изъ членовъ-учредителей; 2) изъ дѣйствительныхъ членовъ со взносомъ по 100 франковъ въ годъ (дѣйствительными членами могутъ быть избраны врачи и натуралисты, которые представятъ въ Общество два научныя сообщенія устно или письменно); 3) изъ членовъ-корреспондентовъ, живущихъ внѣ Софіи; 4) изъ членовъ-соревнователей, которые платятъ въ Общество 50 фр. въ годъ и получаютъ право безплатно пользоваться библіотекой и лѣчебницей, которыя будутъ открыты при Обществѣ, если окажется достаточно средствъ; наконецъ 5) въ почетные члены Общество будетъ избирать тѣхъ ученыхъ, которые своими учеными трудами оказали большія услуги болгарскому народу. Предполагается также издавать при Обществѣ „Медицинскій Вѣстникъ". Пожелаемъ первому ученому болгарскому Обществу всякаго успѣха, а главное—денежныхъ средствъ, безъ которыхъ трудно что-нибудь сдѣлать".

Все это прекрасно; но самый главный *общественный* интересъ для „Цѣлокупной" Болгаріи должна бы представлять *исторія*, разсматриваемая не съ точки зрѣнія господствующихъ партій, а *именно* какъ *естественная*, реальная наука.

Поученія такой исторіи доказали бы имъ, что нація ихъ сразу вышла на самый гибельный путь,—на путь *конституціонной демократіи,*—и что лучше бы имъ еще 20 лѣтъ пробыть подъ туркомъ и подъ *игомъ* такъ-называемыхъ фанаріотовъ, чѣмъ начать сразу страдать *собачьей старостью эгалитарнаго прогресса...* Хоть бы Россію пожалѣли немного!

X.

Небывалое торжество.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ мы нашли описаніе *небывалаго торжества* въ одномъ селѣ Новгородской губерніи. Вотъ оно: „*Небывалое торжество въ захолустьи.*—Въ селѣ Вашкахъ (Новгородской губерніи, Кирилловскаго уѣзда) 19-е февраля, этотъ великій и знаменательный для всей Россіи день, праздновался съ небывалымъ доселѣ торжествомъ. Наканунѣ его среди площади была устроена изъ зелени роскошная арка, въ срединѣ которой находилось *изображеніе Святаго Духа, въ видѣ голубя;* кромѣ этого вся площадь была убрана зеленью и флагами. Въ самый день торжества послѣ божественной литургіи совершенъ крестный ходъ на площадь, гдѣ мѣстнымъ священникомъ І. Разумовскимъ, въ сослуженіи двухъ сосѣднихъ священниковъ отслуженъ благодарственный молебенъ при многочисленномъ стеченіи народа, пришедшаго сюда изъ окрестныхъ мѣстностей не по зову, а по собственному влеченію. Сюда же прибылъ мировой судья, многоуважаемый Д. Н. С., служащій въ районѣ безсмѣнно со дня учрежденія мирового института, а также нѣкоторые представители министерства народнаго просвѣщенія. Послѣ молебна ученики вашкинскаго одноклассчаго училища, подъ руководствомъ мѣстнаго священника, превосходно пропѣли „Боже, Царя храни“ и „Славься, славься нашъ Русскій Царь“. Многочисленная публика слушала это стройное пѣніе дѣтей съ благоговѣніемъ и съ открытыми головами, а когда мальчики въ четвертый разъ пропѣли „ура“,—голоса всѣхъ стоящихъ на площади слились съ дѣтскими голосами, и громкое, несмолкаемое „ура“ далеко разнеслось по всей окрестности. Вечеромъ все село было иллюминовано.

Въ этотъ же день составленъ былъ всеподданнѣйшій адресъ Государю Императору. Въ память совершившагося двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора сельчане постановили пріобрѣсти образъ Св. Александра Невскаго и ежегодно великій день 19-го февраля сопровождать особымъ торжествомъ".

Иванъ Арсеньевъ.

Это дѣйствительно прекрасно, и намъ особенно нравится оригинальная, православная мысль *украсить арку изображеніемъ Св. Духа.*—Сочетаніе словъ „оригинальная" и „православная" вырвалось у насъ нечаянно, инстинктивно. Но потомъ, задумавшись надъ этимъ какъ бы lapsus calami, мы сказали себѣ съ горестью: „Да, мы, сами того не замѣчая, ужасно скоро дожили до того, что серьезное православіе въ Россіи становится въ самомъ дѣлѣ явленіемъ очень оригинальнымъ. Его просто не знаютъ и не понимаютъ у насъ даже и большинство тѣхъ, которые ходятъ въ церковь".

Иконоборческія проповѣди гг. Пашковыхъ могутъ стать убійственными, замѣтимъ кстати, даже и для искусства,—не найдутъ нужнымъ *изображать* и *Св. Духа...*

Сообщеніе г. Арсеньева доставило намъ истинное удовольствіе. Насъ огорчило только это гадкое слово „захолустье". Неужели у насъ не могутъ догадаться до сихъ поръ, что грубость и литературная избитость подобныхъ выраженій—вовсе *не народны.* Намъ очень досадно и на г. Арсеньева, что онъ этимъ заглавіемъ испортилъ намъ впечатлѣніе своей милой замѣтки. Точно клопъ травяной сѣлъ на свѣжую и душистую ягоду.

XI.

Одиночное заключеніе.

Въ „Молвѣ" мы читаемъ слѣдующее:

„Г. Мержеевскій, профессоръ душевныхъ болѣзней при Медико-хирургической академіи, коснулся недавно въ своихъ лекціяхъ вопроса о вліяніи одиночнаго заключенія на развитіе душевныхъ болѣзней. Почтенный профессоръ, какъ передаетъ „Русская Правда", горячо возставалъ противъ ра-

ціональности подобной системы заключенія, находя ее однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и скорыхъ способовъ довести человѣка до сумашествія. Система одиночнаго заключенія практикуется, какъ извѣстно, во многихъ государствахъ и даетъ вездѣ, даже въ самыхъ образцовыхъ тюрьмахъ, до 6% умопомѣшательствъ. Помимо трудно устранимыхъ дурныхъ гигіеническихъ условій, уже самая обстановка жизни въ казематахъ разрушительно дѣйствуетъ на мозгъ. Абсолютное лишеніе общества себѣ подобныхъ многими положительно не переносится, особенно одиночное заключеніе людьми съ слабою волею, людьми привыкшими къ постоянной кипучей дѣятельности и, наконецъ, людьми мучимыми угрызеніями совѣсти. Душевное разстройство начинается обыкновенно появленіемъ галлюцинацій. Глухая тишина камеры и невозможность пользоваться способностью рѣчи вызываетъ въ большинствѣ случаевъ галлюцинаціи слуха. Заключеннымъ слышатся, особенно по ночамъ, постоянные шорохи, стоны, плачъ, и эти ложныя представленія иногда достигаютъ такой реальности, что самые интеллигентные заключенные принуждены бываютъ вставать съ койки и осматривать свое помѣщеніе. Эти галлюцинаціи часто служатъ переходною ступенью къ болѣе тяжкимъ душевнымъ разстройствамъ и ведутъ къ глубокой меланхоліи и паралитическому слабоумію, убивающему въ конецъ всѣ духовныя силы заключеннаго. Почтенный профессоръ приглашалъ слушателей бороться въ своей будущей дѣятельности противъ установившагося рутиннаго взгляда на пригодность широкаго примѣненія одиночныхъ заключеній, какъ системы наказанія, отнимающей у заключеннаго не только одну свободу, но часто и всѣ высшія человѣческія способности".

Но что же прикажете дѣлать съ преступниками? Казнить —не надо, заключеніе одиночное губительно,—что жъ дѣлать съ ними? Многіе уже не разъ указывали на то, что о преступникахъ общества нынѣшнія больше заботятся чѣмъ о людяхъ мучительно-бѣдныхъ, но предпочитающихъ страданія свои преступной жизни. *Вотъ если бы общества человѣческія и люди науки придумали поскорѣй такое устройство, при которомъ трудъ, хотя бы и нѣсколько принудительный, былъ умѣ-*

реннѣе и обезпеченнѣе, а свобода подвижного капитала ограниченнѣе (какъ она и была прежде, при сословномъ строѣ всѣхъ обществъ), то у разрушителей вырвано было бы изъ рукъ самое сильное ихъ орудіе въ ближайшемъ будущемъ. А о преступникахъ можно бы позаботиться и позднѣе.

XII.

Дама куритъ въ церкви.

По словамъ „Моск. Вѣд.“, „Оренбургскій Листокъ“ сообщаетъ о слѣдующемъ скандалѣ, случившемся въ Уфѣ: „Въ церкви Св. Спаса, на Казанской улицѣ, 22 февраля происходило вѣнчаніе. Въ числѣ приглашенныхъ была одна дама изъ интеллигентнаго слоя общества и къ тому же *супруга педагога.* Этой бойкой барынѣ вдругъ вздумалось закурить папиросу въ церкви, и она закурила. Скандалъ произошелъ не малый. Вмѣшалась, конечно, полиція, составила актъ и передала по принадлежности“.

Впередъ! Впередъ! Вы, присяжные, и вы, мировые, оправдайте поскорѣе, оправдайте пожалуйста эту... даму... даму.. чтобы не сказать хуже...

XIII.

Пророчество одного кѣлецкаго сапожника.

„Одинъ изъ почтенныхъ кѣлецкихъ „фабрикантовъ обуви“, основываясь, какъ онъ утверждаетъ, на глубокомъ знаніи Библіи и Талмуда, котораго, впрочемъ, онъ не читалъ, но достаточно знакомъ съ нимъ, по его собственнымъ словамъ, изъ частыхъ бесѣдъ съ нѣкоторою еврейкой (sic),—этотъ-то почтенный мыслитель предсказываетъ близость страшной и всеобщей войны!.. Она должна вспыхнуть, по его словамъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, именно лѣтъ черезъ шесть, когда Пасха будетъ праздноваться въ день Св. Марка... Почтенный мыслитель не ограничивается простымъ предсказаніемъ войны, основываясь на совпаденіи праздника Пасхи со днемъ Св. Марка; онъ опредѣляетъ и ближайшія причины неминуемой войны. „Жить на свѣтѣ тяжело,—говоритъ онъ.—Дѣла такъ не могутъ идти дальше, и нужно ждать перемѣны. Прежде я платилъ пять рублей податей и много пилъ водки, а теперь плачу двадцать рублей податей и.. (??)

Словомъ, жить тяжело. Главная причина—людей на свѣтѣ расплодилось очень много. Настанетъ война, земля очистится сдѣлается просторнѣе, и хлѣба будетъ больше".

Приводя это пророчество, „Gazeta Kielezka" утверждаетъ, „что почтенный кѣлецкій мыслитель не вполнѣ искрененъ. Сапоги онъ и прежде шилъ плохо, а теперь сталъ шить ихъ еще хуже,—вотъ главная причина, по которой ему плохо живется на свѣтѣ... Въ оптимистическомъ воззрѣніи своемъ на результаты пророчествуемой имъ войны онъ—увы!—тоже будто крѣпко ошибается: обиліе и доступность влаги, обусловливающей болѣе примирительный взглядъ его на жизнь, вовсе не создается войною..."

Мы что-то не очень сочувствуемъ глумленію кѣлецкаго газетчика надъ кѣлецкимъ пророкомъ-мыслителемъ... Мы такъ рады всякой, даже и неправильной, но самобытной мысли, посреди того всеобщаго прогрессивнаго идіотизма, который съ такимъ успѣхомъ сѣется всюду современными дѣятелями пера и изустнаго слова!—Дж. Стюартъ Милль еще прежде насъ сказалъ, что нынче передъ *эксцентричностью* надо преклоняться,—до того всѣ люди, всѣ умы становятся пошлыми и схожими.

Не знаемъ правъ ли кѣлецкій „пророкъ-сапожникъ" относительно *срока*; но относительно неизбѣжности великой и дѣйствительно всеобщей уже на этотъ разъ войны—онъ, конечно, правъ... Этой войны не избѣгнуть никому, и XIX-й вѣкъ, *передъ концомъ своимъ, подведетъ свои политическіе итоги...*

Милый пророкъ-сапожникъ!.. Не бойся!.. Ты, вѣдь, гораздо интереснѣе того, кто съ улыбкой подтруниваетъ надъ тобой.

Насчетъ того, что *людей развелось очень много,* и въ этомъ ты, кажется мнѣ, правъ...

Особенно развелось вездѣ много „интеллигентовъ" средней руки.

Это ужасно!.. Ну, что, если всѣ милые и умные оригиналы, въ родѣ кѣлецкаго пророка, переведутся и не будетъ, благодаря „цивилизаціи", никакой разницы во взглядахъ на

жизнь между сапожникомъ будущаго и либеральнымъ публицистомъ будущаго? *Эстетической* разницы, положимъ, и теперь между ними очень мало... Но есть еще нѣчто..., брезжится еще что-то *живое*, отстаивающее себя отъ *общаго, противнаго стиля!..* А когда и этого не будетъ, то что произойдетъ? И подумать жутко!

XIV.

Прозрачная щука.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ мы читаемъ слѣдующее извѣстіе:

„*Освѣщеніе электричествомъ внутреннихъ полостей тѣла.* Въ послѣднемъ засѣданіи Германскаго Электротехническаго Союза, происходившемъ 23 марта въ Берлинѣ, подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго почтовымъ вѣдомствомъ, докт. Стефана, были произведены любопытные опыты, съ новыми электрическими приборами. Въ полости тѣла животныхъ вводились платиновыя спирали, прикрѣпленныя къ рефлекторамъ, и внутренности освѣщались электрическимъ свѣтомъ гораздо ярче, нежели это удавалось сдѣлать до настоящаго времени. Такъ, въ желудокъ живой щуки была введена посредствомъ зонда платиновая проволока, помѣщенная въ стеклянномъ резервуарѣ. Едва успѣлъ электрическій токъ пробѣжать по этой проволокѣ, какъ щука сдѣлалась *совершенно прозрачною*, такъ что простымъ глазомъ можно было видѣть дѣйствіе всѣхъ внутреннихъ органовъ. Въ продолженіе опыта щука держалась совершенно смирно, а когда проволока была вынута обратно изъ желудка, щука принялась опять плавать какъ ни въ чемъ не бывало“.

Это очень любопытно! Въ первую минуту нельзя не восхититься при мысли о томъ, что не только щучьи, но и наши собственныя внутренности могутъ когда-нибудь до того озариться электричествомъ, что и мы сдѣлаемся совершенно прозрачными. Радость наша простирается въ этомъ случаѣ до того, что мы мечтаемъ даже о какомъ-нибудь блестящемъ излѣченіи отъ какой бы то ни было опасной и темной внутренней болѣзни.

„Кто хорошо распознаетъ—хорошо лѣчитъ!“ Старинное

изреченіе! Но скептицизмъ шепчетъ намъ иное; онъ говоритъ: „Но, можетъ быть, это излѣченіе ваше вовсе не нужно?“ Мальтусъ, Дж. Стюартъ Милль, отчасти кѣлецкій пророкъ-сапожникъ и другіе мыслители правы: народу развелось слишкомъ много. Тѣсно, дорого... Къ тому же мы-то, собственно мы—консерваторы; а развѣ консерваторамъ, настоящимъ, понимающимъ, *что такое консерватизмъ*,—въ Россіи *нынѣшней* можно долго жить и дѣйствовать?.. Вотъ если бы придумать какой-нибудь приборъ для освѣщенія многихъ *душъ умѣренно-либеральныхъ*,—ну, тогда... полиціи и политическимъ судамъ прибавилось бы дѣла... А теперь что!.. Такъ отвѣчаетъ намъ скептическій разумъ, и нашъ восторгъ при видѣ прозрачной щуки хладѣетъ!

XV.

Человѣкъ въ бараньей шкурѣ.

Мы нашли въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ слѣдующую исторію:

„Пермскія Губернскія Вѣдомости“ приводятъ слѣдующее рѣшеніе одного волостного суда въ Пермской губерніи: Крестьянинъ Н—въ принесъ волостному суду жалобу, что потерявшагося у него барана, стоящаго два рубля, онъ нашелъ уже заколотымъ въ амбарѣ у крестьянина Ю—ва, котораго и подозрѣваетъ, что тотъ закололъ барана, и проситъ поступить съ нимъ по закону. Отвѣтчикъ на судѣ объяснилъ, что баранъ забѣжалъ къ нему въ ограду съ его овцами, почему онъ закололъ его на пищу. Волостной судъ, имѣя въ виду собственное сознаніе виновнаго, постановилъ „крестьянина Ю—ва за означенный поступокъ наказать розгами 20-ю ударами, затѣмъ надѣть на него шкуру заколотаго барана, провести по улицамъ села съ барабаномъ, подводя его къ окну каждаго жителя, и передъ каждымъ домомъ давать ему по одному удару“. *Рѣшеніемъ истецъ и отвѣтчикъ остались довольны.*

Вотъ прекрасный случай нашимъ газетамъ возопить: „отсталость, варварство, „*безобразіе*!“, „школы“, „мракъ!“, „просвѣщеніе“! и т. д. А по-нашему это —*ничего*, что человѣка поводили въ бараньей шкурѣ. Нашему эстетическому чувству до того

надоѣла *безличность* нашего *европеизированнаго* общества (стоящаго при этомъ вовсе невпопадъ за какое-то *развитіе личности?*), что мы ужасно рады всему живому и не похожему на *все другое*, какъ похоже въ Петербургѣ! Въ этой выдумкѣ есть хоть маленькое творчество національной мысли, а *у всѣхъ* либеральныхъ ученыхъ нашихъ, вмѣстѣ взятыхъ, вовсе его не видно. Многіе изъ нихъ не понимаютъ даже разницы между *юридической свободой лица* и *живымъ развитіемъ личности*, которая возможна *даже и при рабствѣ*,—и не только въ рабовладѣльцѣ, но и въ *самомъ рабѣ*. Развитіе есть *полнота, содержательность, или интенсивность и своеобразіе*. Наши „образованные люди" не знали даже до сихъ поръ, что „либерализмъ" вездѣ въ Европѣ повредилъ *національности*; ибо *государственная независимость и племенное объединеніе* погубили вездѣ *умственную и бытовую* независимость и способствовали скорѣйшему претворенію націй, областей, городовъ, умовъ, обычаевъ, модъ, построекъ въ одинъ и тотъ же *европейскій* или даже *космополитическій типъ*. Что же тутъ общаго между *свободой лица и развитіемъ личности* въ народѣ и отдѣльныхъ людяхъ,—между *объединеніемъ* Германіи, напримѣръ, и ея *культурно-національнымъ своеобразіемъ?*.. Развѣ то, что первое убило второе?

Нѣтъ, пермскій мужикъ въ бараньей шкурѣ, довольный тѣмъ, что его еще и побили, гораздо лучше, глубокомысленнѣе, національнѣе русскихъ цивилизаторовъ! Этимъ бы подъстать только какой-нибудь изнуренный *увріе*, съ козлиной бородкой и злыми отъ зависти глазами, который кричитъ: „Monsieur! Tous les hommes sont égaux!.."

XVI.

Волки въ овечьяхъ шкурахъ.

Русскій добрый человѣкъ въ бараньей шкурѣ—это ничего; а вотъ „волки въ овечьей"—это худо!..

Въ газетѣ „Востокъ" есть нѣчто объ этихъ *радикальныхъ европейцахъ въ славянской шкурѣ*.

„Константинопольскія газеты въ образованіи въ Болгаріи новаго министерства изъ радикальной, или, какъ они называютъ, „красной" партіи не предвидятъ ничего хорошаго

какъ для Болгаріи, такъ и для спокойствія Балканскаго полуострова. По ихъ словамъ, нынѣшніе полоумные болгарскіе министры, какъ Цанковъ и Каравеловъ, будутъ слѣдовать слѣдующей программѣ: 1) посредствомъ печати вводить въ обманъ общественное мнѣніе Европы относительно положенія дѣлъ въ Македоніи и Ѳракіи; 2) будутъ жаловаться на притѣсненія со стороны турокъ и обвинять въ этомъ же всѣ прочія христіанскія народности полуострова, какъ грековъ, сербовъ и румынъ; 3) будутъ печатать жалобы отъ мнимыхъ болгаръ—преимущественно изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ ихъ нѣтъ; 4) примутъ всевозможныя мѣры къ притѣсненію не болгарскихъ народностей въ Болгаріи и Восточной Румеліи и будутъ стараться вызвать между ними возмущеніе; 5) будутъ агитировать въ Россіи, посредствомъ печати, въ пользу необходимаго соединенія Восточной Румеліи съ Болгаріею и проч. Главная же цѣль, преслѣдуемая вожаками велико-болгарской партіи, та, что столицею ея долженъ быть Константинополь. Говоря это, газеты справедливо замѣчаютъ, что подобныя мечты только и могли народиться въ головахъ тупоумныхъ болгаръ".

Все это *отчасти*, можетъ быть, и такъ; но мы не согласны съ цареградскими газетами ни въ томъ, что Каравеловъ и Цанковъ *поло*умны, ни въ томъ, что болгары вообще *тупо*умны.

Они, положимъ, не *остро*-умны; но зато они *хитро*-умны, какъ древній *Улиссъ*.

Они знаютъ, *чего хотятъ и добиваются*... Они очень ловки и лукавы!

Они *хотѣли* во что бы то ни стало *схизмы*—и добились ея; они хотѣли независимости—и русской кровью пріобрѣли ее; они желали поссорить и насъ съ Вселенской Патріархіей, которая такъ долго и во многихъ случаяхъ предпочитала монархическую Россію аѳинской демагогіи,—они желали насъ поссорить—и разномысліе едва-едва не дошло до разрыва!.. Болгарская „интеллигенція" была всегда *не настоящаго* славянофильскаго духа; она его не *постигла вовсе*; она и *подъ туркомъ* жила западными идеалами. Она мечтала *о*

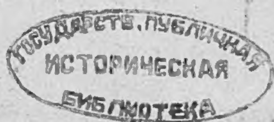
конституціи— и получила ее. Теперь, если вѣрить грекамъ, болгарская интеллигенція ждетъ отъ насъ чуть-чуть не Царьграда въ даръ любви! Конечно, греки, вѣроятно, клевещутъ, упоминая о подобныхъ болгарскихъ претензіяхъ *даже и на Царьградъ...* Это ужъ слишкомъ!.. Но все-таки, даже и отвергая подобное преувеличеніе, нельзя не сказать и здѣсь еще разъ, что болгарская „интеллигенція" *очень вредна* и *очень опасна* и для Россіи, и *для своего собственнаго народа.* Но она не *полоумна и не опрометчива...* О, нѣтъ! Она очень расчетлива и очень смѣла. Болгары—народъ ничѣмъ до сихъ поръ особеннымъ, конечно, не замѣчательный, если прилагать къ нимъ мѣрило національной самобытности въ идеяхъ, вкусахъ и бытовыхъ формахъ, мѣрило *культурной обособленной выразительности*; ихъ „интеллигенція"—самая обыкновенная, западная, либеральная въ этомъ смыслѣ. Но болгары—въ отношеніи *историческихъ судебъ своихъ*—народъ *роковой* и опасный.

„Во дни оны" они были главнымъ поводомъ къ раздѣленію Церквей Восточной и Западной. И теперь они такъ искусны, такъ тверды и такъ рѣшительны въ политическихъ „оборотахъ" своихъ, что заставляютъ и самое Россію вотъ уже около двадцати лѣтъ идти за собою въ дѣлахъ международной политики.

Ни греки, ни черногорцы, ни сербы не могли заставить насъ воевать, *а беззащитные* болгары, при *этой самой беззащитности своей, взбунтовавшись* такъ *рѣшительно,* принудили и насъ обнажить противъ Турціи привычный намъ мечъ!

Одно время любимой мечтой ихъ было, втеревшись посредствомъ экзархата въ Царьградъ, окрестить султана и другихъ турокъ власти и вліянія и стать самимъ во главѣ великой и новой православной имперіи, которая могла бы постепенно отбросить „старѣющую" Россію далеко на сѣверъ.

„Берегитесь,—сказалъ Сулла (про юношу Цезаря):—въ этомъ мальчишкѣ сидятъ десять Маріевъ!" Берегитесь—говорю и я уже не въ первый разъ...



25,218
320

